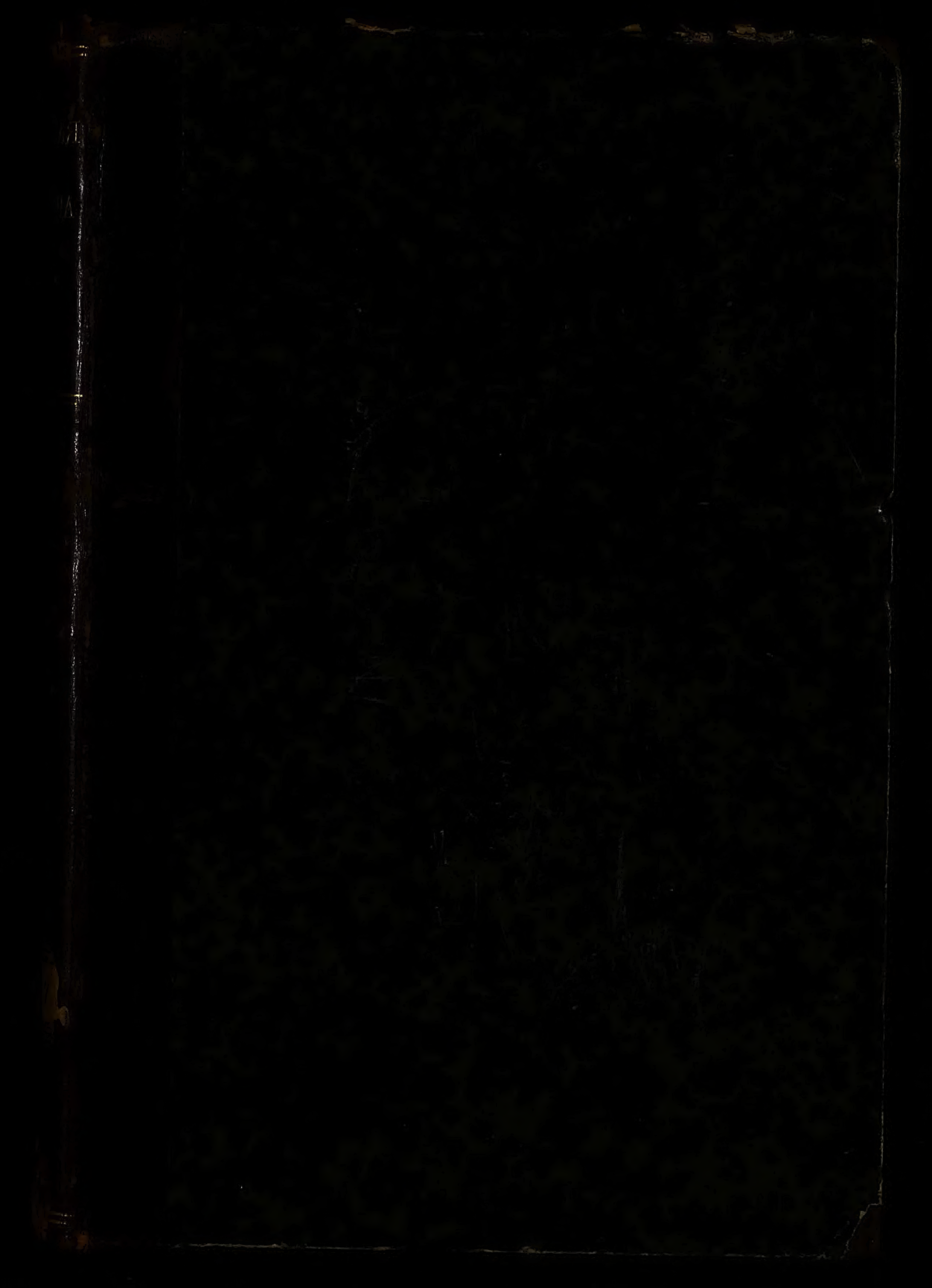
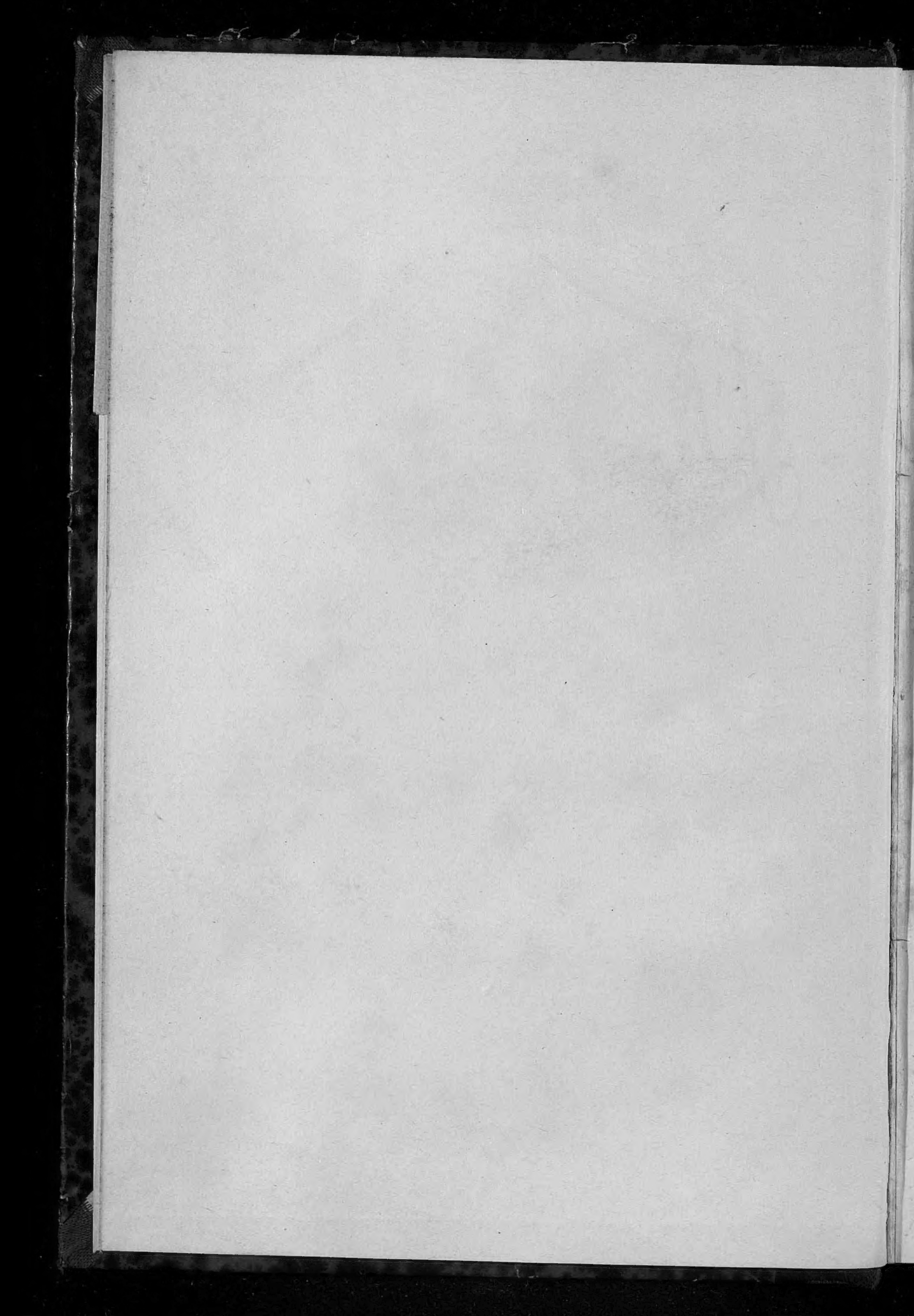

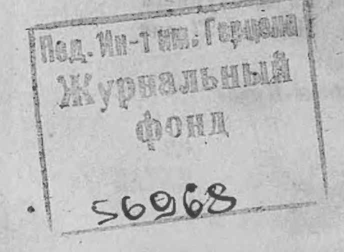
РУССКАЯ БЕСѢДА.

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помяните одно: только кòренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кòренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. грам. Москвы. (Акты Арх. Экс. Т. II. стр. 298).

IV.

ВТОРЫЙ ГОДЪ.

КНИГА ОСЬМАЯ

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 27 дня 1857 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Дѣтскіе годы молодаго Багрова, *С. Т. Аксакова* 1
Картины изъ Русскаго быта, *В. И. Даля* . . . . . .
1) Варнакъ 34
2) Кликуша 49
3) Бредъ 60
4) Рогатина 66
Стихотворенія: Сербская пѣсня, *А. С. Хомякова* 78
Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ, *его же* . 79
Пахарь, *И. Никитина* . . . . —
Нищій, *его же* 81
Легенда Верхнихъ Лужичанъ, *Н. В. Берга*. 82
Переводъ Сербской пѣсни, *П. В. Кирѣевскаго* 86

НАУКИ.

Гусъ и Лютеръ, изслѣдованіе *Е. П. Новикова* 1
Письма о Славянской миѳологіи, *К. Я. Эрбена* 71

КРИТИКА.

Записки о южной Руси, изд. П. А. Кулиша, *Н. Р—на*. . 1
Критическія замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи, *М. А. Максимовича:*
1) О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево (письмо къ М. П. Погодину) 22
2) О причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ (письмо къ М. А. Грабовскому). 35
3) О Г. Н. Тепловѣ и его Запискѣ: о непорядкахъ Малороссіи (письмо къ П. А. Кулишу) 61
По поводу статьи г. Буслаева о народности въ древней Русской литературѣ, *И. Кр....ва*. 79
По поводу журнальныхъ статей о замѣнѣ обязанной работы наемною и объ общинной поземельной собственности, *А. И. Кошелева* 109

СМѢСЬ.

Шесть недѣль въ Австрійскихъ Славянскихъ земляхъ, *А. И. Кошелева* 1
О русскихъ народныхъ миѳахъ и сагахъ (окончаніе), *Н. И Надеждина* 19
Основное народное образованіе. I., *Г. Я. Аппельрота* . . 64
Годъ Русскаго земледѣльца IV. Зима, *В. В Селиванова*. . 100
Отрывки изъ описанія Енисейскаго округа, *М. Ѳ. Кривошапкина* 135
Кварталъ, *Б.* 148
О современномъ состояніи просвѣщенія въ Болгаріи *А. Р.* 161
Новыя объясненія по старому спору, *Н. Г. . . . ва* . . . 171
О Сборникѣ, издаваемомъ Студентами С. Петербургскаго Университета. 195
О программѣ Московской Медицинской Газеты. 197

БІОГРАФІЯ.

Графъ Аркадій Ивановичь Морковъ, *П. И. Бартенева* . 1

Оглавленіе статьямъ, помѣщеннымъ въ Русской Бесѣдѣ за 1857 годъ
Объявленіе о Русской Бесѣдѣ на 1858 годъ.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ

МОЛОДАГО БАГРОВА.

(Отрывокъ)

Предлагаемый отрывокъ составляетъ небольшую часть подробныхъ разсказовъ молодаго Багрова о своемъ дѣтствѣ,— Багрова уже внука извѣстнаго читателямъ Степана Михайловича. Разсказы записаны мною съ совершенною точностью: они служатъ продолженіемъ Семейной Хроники. Желая передать по возможности живость изустнаго повѣствованія, я вездѣ говорю прямо отъ лица разскащика. Считаю за нужное предупредить моихъ благосклонныхъ читателей, что Багровъ-внукъ былъ мальчикъ необыкновенно рано и даже болѣзненно развитой, страстно любившею его матерью. Знающимъ Софью Николавну изъ Семейной Хроники не трудно этому повѣрить. Я оговариваюсь, потому что настоящій отрывокъ, выхваченный изъ средины полныхъ и подробныхъ разсказовъ, можетъ показаться нѣсколько неестественнымъ или преувеличеннымъ. Въ немъ недостаетъ той постепенности развитія, той случайной обстановки, которая устраняетъ неестественность и уничтожаетъ сомнѣніе, чтобы шестилѣтнее дитя могло такъ много понимать и такъ сильно чувствовать.

С. Аксаковъ.

1857 годъ, Іюль.
Абрамцево.

УФА.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.

Мы воротились въ Уфу. Двухмѣсячное пребываніе въ подгородной деревнѣ Сергѣевкѣ или, правильнѣе сказать, въ недостроенномъ домишкѣ на берегу озера, чистый воздухъ, свобода, уженье, къ которому я пристрастился, какъ только можетъ пристраститься ребенокъ, все это такъ рознилось съ нашей городской жизнью, что Уфа мнѣ опостылѣла. Я загорѣлъ, какъ арапъ и одичалъ, по общему выраженію всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Городской нашъ садъ сдѣлался мнѣ противенъ, и я не заглядывалъ въ него даже тогда, когда милая моя сестрица весело гуляла въ немъ; напрасно звала она меня побѣгать, поиграть или полюбоваться цвѣтами, которыми по прежнему были полны наши цвѣтники. Я даже сердился на маленькую свою подругу, доказывалъ ей, что послѣ сергѣевскихъ дубовъ, озера и полей гадко смотрѣть на нашъ садишко съ тощими яблонями. Иногда я выходилъ только для того, чтобъ погладить, приласкать Сурку (1) и даже поиграть съ нимъ; житье въ Сергѣевкѣ такъ сблизило насъ, что одинъ видъ Сурки, напоминая мнѣ мою блаженную деревенскую жизнь, производилъ на меня пріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ загаръ мой не проходилъ, и мать принялась меня лечить чѣмъ-то отъ него; это было мнѣ очень досадно, и я не всегда съ тихой покорностью исполнялъ приказанія матери. Я не могъ обратиться вдругъ къ прежнимъ своимъ занятіямъ и игрушкамъ. Я считалъ уже себя устарѣвшимъ для нихъ. Чистописаніе

(1) Собачка, спасенная и выкормленная молодымъ Багровымъ. *Примѣчаніе. С. А.*

мнѣ наскучило, потому что успѣхи мои безъ учителя были слишкомъ малы; къ чтенію также меня не тянуло, потому что все было давно перечитано не одинъ разъ и многое выучено наизусть. Но, поскучавъ съ недѣльку, я принялся однако писать по приказанію, а читать старое—уже по охотѣ. С. И. Аничковъ (1) не переставалъ освѣдомляться о моихъ занятіяхъ. Онъ опять потребовалъ меня къ себѣ, опять сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, остался отмѣнно доволенъ и подарилъ мнѣ такую кучу книгъ, которую дядька мой Евсеичъ едва могъ донести: эта была ужъ маленькая библіотека. Въ числѣ книгъ находились: Древняя Вивліоѳика, Россіада Хераскова и полное собраніе въ 12-ти томахъ сочиненій Сумарокова. Заглянувъ въ Вивліоѳику, я оставилъ ее въ покоѣ, а Россіаду и сочиненія Сумарокова читалъ съ жадностію и съ восторженнымъ увлеченіемъ. Зараженный примѣромъ одного изъ моихъ дядей, который любилъ декламировать стихи, то есть, читать ихъ на распѣвъ, я принялся подражать ему. Матери и отцу моему видно нравилось такое чтеніе, потому что они заставляли меня декламировать при гостяхъ, которыхъ собиралось у насъ въ домѣ уже гораздо менѣе, чѣмъ въ прошедшую зиму: дяди мои были въ полку, а нѣкоторые изъ самыхъ короткихъ знакомыхъ куда-то разъѣхались. Мать была здоровѣе прежняго, менѣе развлечена обществомъ, болѣе имѣла досуга, и потому болѣе времени я проводилъ вмѣстѣ съ ней. Самое любимое мною дѣло было: читать ей вслухъ Россіаду и получать отъ нея разныя объясненія на непонимаемыя мною слова и цѣлыя выраженія. Я читалъ съ такимъ сочувствіемъ, воображеніе мое такъ живо воспроизводило лица любимыхъ моихъ героевъ: Мстиславскаго, князя Курбскаго и Палецкаго, что я какъ будто видѣлъ и зналъ ихъ давно; я дорисовывалъ ихъ образы, дополнялъ ихъ жизнь и съ увлеченіемъ описывалъ ихъ наружность; подробно разсказывалъ, что они дѣлали передъ сраженіемъ и послѣ сраженія; какъ совѣтовался съ ними царь, какъ благодарилъ ихъ за храбрые подвиги, и прочая. Мать смѣялась,

(1) Старикъ-сосѣдъ, подарившій прежде книги молодому Багрову. *Примѣчаніе С. А.*

а отецъ удивлялся и одинъ разъ сказалъ: «откуда это все у тебя берется? Ты не сдѣлайся лгунишкой!» А мать отвѣчала: «не безпокойся, это пройдетъ.» Но въ тоже время мать запрещала мнѣ разсказывать гостямъ про домашнюю жизнь Палецкаго, Курбскаго и Мстиславскаго. Какимъ совершенствомъ казалось мнѣ изображеніе послѣдняго, то есть, князя Мстиславскаго!

Сей мужъ въ сраженіяхъ не дерзокъ былъ, не злобенъ,
Но твердому кремню являлся онъ подобенъ,
Который сильный огнь въ то время издаетъ,
Когда поверхность кто его желѣзомъ бьетъ.

Гидромиръ и Осталонъ были личные враги мои; и я скорбѣлъ душею, что Гидромиръ не былъ убитъ въ единоборствѣ съ Палецкимъ. Я восхищался и Казанскими рыцарями, которые

Въ уста вложивъ кинжалъ и въ руки взявъ мечи,
Которые у нихъ сверкали какъ лучи..
. . . .
. . . .
И войска нашего ударили въ ограду.
Какъ стадо лебедей скрывается отъ граду,
Такъ войски по холмамъ отъ ихъ мечей текли.
Злодѣи скоро бы вломиться въ станъ могли,
Когда бъ не прекратилъ сію кроваву сѣчу
Князь Курбскій съ Палецкимъ, врагамъ текущи встрѣчу.

Послѣдніе два стиха произносилъ я съ гордостью и наслажденіемъ. Я долженъ признаться въ необъяснимой странности: этотъ послѣдній стихъ я и теперь произношу съ удовольствіемъ и слышу въ немъ что-то крѣпкое и могучее. Я не преминулъ похвастаться чтеніемъ наизусть стиховъ изъ Россіяды предъ моимъ покровителемъ С. И. Аничковымъ; онъ похвалилъ меня и обѣщалъ подарить Ломоносова.

Всё было тихо и спокойно въ городѣ и въ нашемъ домѣ, какъ вдругъ послѣдовало событіе, которое не само по себѣ, а по впечатлѣнію, произведенному имъ на всѣхъ безъ исключенія, заставило и меня принять участіе въ общемъ

волненіи. Въ одинъ, если не прекрасный, то ясный день, это было воскресенье или какой нибудь другой праздникъ, мы возвращались отъ обѣдни изъ приходской церкви Успенія Божіей Матери, и лишь только успѣли взойти на высокое наше крыльце, какъ вдругъ въ народѣ, возвращающемся отъ обѣдни, послышалось какое-то движеніе и говоръ. По улицѣ во весь духъ проскакалъ губернаторскій ординарецъ-козакъ, и остановился у церкви; всѣмъ встрѣчающимся по дорогѣ верховой кричалъ: « ступайте назадъ въ церковь присягать новому императору! » Народъ, шедшій въ разсыпную, пріостановился, собрался въ кучки, пошелъ назадъ и, безпрестанно усиливаясь встрѣчными людьми, уже густою толпою воротился въ церковь. Не успѣли мы получить извѣстія отъ кого-то изъ бѣгущихъ мимо, что « государыня скончалась », какъ раздался въ соборѣ колокольный звонъ и, подхваченный другими девятью приходами, разлился по всему городу. Отецъ и мать были очень поражены. Отецъ даже заплакалъ, а мать, тоже со слезами на глазахъ, перекрестилась и сказала: « царство ей небесное »! Я былъ глубоко пораженъ, самъ не зная отъ чего. Весь домъ сбѣжался къ намъ на крыльцо, на лицахъ всѣхъ было написано смущеніе и горесть, идущій по улицѣ народъ плакалъ. Прибѣжалъ запыхавшись какой-то приказный изъ верхняго земскаго суда и сказалъ отцу, чтобъ онъ ѣхалъ присягать въ соборъ. Отецъ поспѣшно одѣлся въ мундиръ и уѣхалъ. Мы съ матерью и съ сестрицей, которая также была чѣмъ-то изумлена, вошли въ спальную. Мать помолилась Богу, сѣла на кресла и грустно задумалась. Мы съ сестрицей сидѣли противъ нея на стулѣ, и молча, пристально на нее смотрѣли. Наконецъ мать обратила на насъ вниманіе и стала говорить съ нами, то есть, собственно со мною, потому что сестра была еще мала и не могла понимать ея словъ, даже скоро ушла въ дѣтскую, къ своей нянѣ. Примѣняясь къ моему ребячьему возрасту, мать объяснила мнѣ, что государыня Екатерина Алексѣевна была умная и добрая, царствовала долго, старалась, чтобы всѣмъ было хорошо жить, чтобъ всѣ учились, что она умѣла выбирать хорошихъ людей, храбрыхъ

генераловъ, и что въ ея царствованіе сосѣди насъ не обижали, и что наши солдаты при ней побѣждали всѣхъ и прославились. Отчасти я уже имѣлъ понятье обо всемъ этомъ, а тутъ понялъ еще больше, и мнѣ стало очень жаль умершую государыню. «А кто жъ будетъ теперь у насъ государыней», спросилъ я?—«Теперь будетъ у насъ государь, сынъ ея, Павелъ Петровичъ». «А будетъ ли онъ такой же умный и добрый?»—«Какъ угодно Богу, а мы будемъ молиться о томъ», отвѣчала мать. Я возразилъ, что Богъ вѣрно захочетъ, чтобъ Павелъ Петровичъ былъ умный и добрый». Мать ничего не отвѣчала и велѣла мнѣ идти въ дѣтскую читать или играть съ сестрицей. Но я попросилъ ее, чтобъ она растолковала мнѣ, что̀ значитъ присягать? Она объяснила, и я рѣшительно объявилъ, что самъ хочу присягнуть. «Дѣтей не приводятъ къ присягѣ, сказала мать, ступай къ сестрѣ», я обидѣлся. Скоро пріѣхалъ отецъ и вслѣдъ за нимъ нѣсколько знакомыхъ. Всѣ были въ негодованіи на нашего, кажется, военнаго губернатора или корпуснаго командира—не знаю,—В., который публично показывалъ свою радость, что скончалась государыня. Цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ. Я сейчасъ подумалъ, что В. долженъ быть недобрый человѣкъ; тутъ же я услышалъ, что онъ имѣлъ особенную причину радоваться: новый государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ. Я прогнѣвался на В. еще больше: за чѣмъ онъ радуется, когда всѣ огорчены? Сначала я слышалъ, какъ говорила моя мать, что не надо ѣхать на балъ къ губернатору, и какъ соглашались съ нею другіе; а потомъ вдругъ всѣ рѣшили, что не льзя не ѣхать. Поѣхалъ и мой отецъ; но сейчасъ воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны, и что веселъ только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ, мой книжный благодѣтель, С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной государынѣ, за чѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ и говорилъ, что «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти»....

И этотъ день принесъ мнѣ новыя, неизвѣстныя прежде

понятія и заставилъ меня перечувствовать неиспытанныя мною чувства. Когда я легъ спать въ мою кроватку, когда задернули занавѣски моего полога, когда все затихло вокругъ, воображеніе представило мнѣ поразительную картину: мертвую императрицу, огромнаго роста, лежащую подъ чернымъ балдахиномъ, въ черной церкви (я наслушался толковъ объ этомъ), и подлѣ нея на колѣнахъ новаго императора, тоже какого-то великана, который плакалъ, а за нимъ громко рыдалъ весь народъ, собравшійся такою толпою, что край ея могъ достать отъ Уфы до Зубовки, то есть, за десять верстъ. На другой день я уже разсказывалъ свои грезы на яву Парашѣ (сестрицыной нянюшкѣ) и сестрицѣ, какъ будто я самъ все видѣлъ или читалъ объ этомъ описаніе.

Толки о кончинѣ императрицы долго не уменьшались, а первое время, часъ отъ часу, даже увеличивались. Толковали въ спальной у матери, толковали въ гостиной, толковали даже въ нашей дѣтской, куда заглядывали иногда изъ дѣвичьей, то Аннушка, Ефремова жена, то горбатая княжна калмычка ([1]). Въ спальной и гостиной говорили о перемѣнахъ въ правительствѣ, которыхъ необходимо ожидать должно; о томъ, что императоръ удалитъ всѣхъ прежнихъ любимцевъ государыни, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, потому что они съ нимъ дурно поступали. Я часто слышалъ выраженіе, тогда совершенно непонимаемое мною: «теперь то Гатчинскіе пойдутъ въ гору». Въ нашей дѣтской говорили, или, лучше сказать, въ нашу дѣтскую доходили слухи о томъ, о чемъ толковали въ дѣвичьей и лакейской, а толковали тамъ всего болѣе о скоропостижной кончинѣ государыни, прибавляя страшные разсказы, которые меня необыкновенно смутили. Я побѣжалъ за объясненіями къ отцу и матери, и только твердыя и горячія увѣренія ихъ, что всѣ эти слухи совершенный вздоръ, могли меня успокоить. Тогда я побѣжалъ въ дѣтскую и старался изъ всѣхъ силъ убѣдить Парашу, и дру-

(1) Княжна—прозвище, данное въ насмѣшку бывшей крѣпостной калмычкѣ, отпущенной на волю. *Прим. С. А.*

гихъ, заходившихъ въ нашу комнату, въ нелѣпости ихъ разсказовъ, но—безъ всякаго успѣха. Мнѣ отвѣчали, что я «еще маленькій и ничего не смыслю». Я обижался и очень сердился. Послѣ я узналъ, что Парашѣ и другимъ съ этихъ поръ строго запретили сообщать мнѣ нелѣпые толки, ходившіе въ народѣ.

Всякій день ожидали новыхъ событій; но по отдаленности Уфы медленно доходили туда извѣстія изъ столицъ. Губернаторъ В. скоро уѣхалъ, вызванный, будто бы, секретно императоромъ, какъ говорили потихоньку.

Скоро наступила жестокая зима, и мы окончательно заключились въ своихъ дѣтскихъ комнаткахъ, изъ которыхъ занимали только одну. Книжныя и письменныя мои занятія, а также ариѳметика, которой я учился очень тупо, сами собою умножились. Гостей было менѣе, а гулять стало невозможно. Доходило дѣло даже до «Древней Вивліоѳики».

Однажды вслушался я между словъ, что дѣдушка не здоровъ; но, кажется, никто объ его болѣзни не безпокоился, и я почти забылъ о немъ. Вдругъ, когда мы всѣ сидѣли за обѣдомъ, подали отцу письмо, присланное съ нарочнымъ изъ Багрова. Отецъ распечаталъ его, началъ читать, заплакалъ и передалъ матери. Она прочла и, хотя не заплакала, но встревожилась. Мы кончили обѣдъ очень скоро, и я замѣтилъ, что отецъ съ матерью ничего не ѣли. Послѣ обѣда они ушли въ спальню, насъ выслали и о чемъ-то долго говорили; когда же намъ позволили придти, отецъ уже куда-то сбирался ѣхать, а мать, очень огорченная, сказала мнѣ: «ну, Сережа, мы всѣ поѣдемъ въ Багрово: дѣдушка умираетъ.» Съ горестнымъ изумленіемъ услышалъ я такія слова! Я уже зналъ, что всѣ люди умираютъ, и смерть, которую я понималъ по своему, казалась мнѣ такимъ страшилищемъ и злымъ духомъ, что я боялся о ней и думать. Мнѣ было жаль дѣдушки, но совсѣмъ не хотѣлось видѣть его смерть или быть въ другой комнатѣ, когда онъ, умирая, станетъ плакать и кричать. Смущала меня также мысль, что маменька отъ этого захвораетъ. «Да какъ же мы поѣдемъ зимой, думалъ я, вѣдь мы съ сестрицей маленькія, вѣдь мы замерзнемъ?» Всѣ такія

мысли крѣпко осадили мою голову, и я, встревоженный и огорченный до глубины души, сидѣлъ молча, предаваясь печальнымъ картинамъ моего горячаго воображенія, которое разыгрывалось у меня часъ отъ часу болѣе. Кромѣ страха, что дѣдушка при мнѣ умретъ, Багрово само по себѣ не привлекало меня. Я не забылъ нашего печальнаго въ немъ житья, безъ отца и матери, и мнѣ не хотѣлось туда ѣхать, особенно зимой. Пріѣхалъ отецъ, вошелъ въ спальню торопливо и сказалъ, какъ будто весело, что̀ меня очень удивило: «слава Богу, все нашелъ! Возокъ дастъ намъ С. И. Аничковъ, а кибитку Михайловы. Ну, матушка, теперь собирайся поскорѣе. Мнѣ завтра же дадутъ отпускъ, и мы завтра же поѣдемъ на перемѣнныхъ». Мать, очень огорченная, печально отвѣчала: «у меня все будетъ готово, лишь бы твой отпускъ не задержалъ».—Въ тотъ же вечеръ начались у насъ въ домѣ сборы, укладыванье и приготовленье кушанья на дорогу. Мнѣ позволили взять съ собою только нѣсколько книжекъ. Я высказалъ всѣ свои сомнѣнія и страхи матери; иныхъ она не могла уничтожить; надъ опасеніемъ же, что «мы замерзнемъ» разсмѣялась и сказала, что намъ будетъ жарко въ возкѣ.

На другой день къ обѣду дѣйствительно всѣ сборы были кончены; возокъ и кибитка уложены; дожидались только отцева отпуска. Его принесли часу въ третьемъ. Мы должны были проѣхать нѣсколько станцій по большой казанской дорогѣ, а потому намъ привели почтовыхъ лошадей, и вечеромъ мы выѣхали.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА ВЪ БАГРОВО.

Эта дорога, продолжавшаяся почти двое сутокъ, оставила во мнѣ самое тягостное и непріятное воспоминаніе. Какъ только мы вышли садиться, я пришелъ въ ужасъ отъ низенькаго кожанаго возка съ маленькою дверью, въ которую трудно было пролѣзть, а въ возкѣ слѣдовало помѣститься мнѣ съ сестрицей, Парашѣ и Аннушкѣ. Я просился въ кибитку къ матери, но морозъ былъ страшный, и мнѣ строго приказали лѣсть въ возокъ. Я повиновался съ

раздраженіемъ и слезами. Мать не могла зимой ѣздить въ закрытой повозкѣ: ей дѣлалось тошно и дурно; даже въ кибиткѣ она сидѣла какимъ-то особеннымъ образомъ, вся наружи, такъ что воздухъ обхватывалъ ее со всѣхъ сторонъ. Скоро въ возкѣ сдѣлалось тепло, и надобно было развязать платокъ, которымъ я, сверхъ шубы и шапочки, былъ окутанъ. Мы быстро скакали по гладкой дорогѣ, и я почувствовалъ неизвѣстное мнѣ до сихъ поръ удовольствіе скорой ѣзды. Въ обѣихъ дверяхъ возка находилось по маленькому четвероугольному окошечку со стекломъ, задѣланнымъ на глухо. Я кое какъ подползъ къ окошку и съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ него; ночь была мѣсячная, свѣтлая; толстыя вехи, а иногда деревья быстро мелькали; но, увы! скоро и это удовольствіе изчезло: стекла затуманились, разрисовались снѣжными узорами и наконецъ покрылись густымъ слоемъ непроницаемаго инея. Невеселая будущность представлялась мнѣ впереди: печальный Багровскій домъ, весь въ сугробахъ снѣга, и умирающій дѣдушка. Сестрица моя давно уже спала, а наконецъ и меня посѣтилъ благодѣтельный сонъ. Проснувшись на другой день по утру, я подумалъ, что еще рано, въ возкѣ у насъ былъ разсвѣтъ или сумерки, потому что стеклышки еще больше запушило. Но всѣ уже, какъ видно, давно проснулись, и милая сестрица что-то кушала; она приползла ко мнѣ и принялась меня обнимать и цѣловать. Въ возкѣ дѣйствительно было жарко. Скоро поразилъ мой слухъ пронзительный скрипъ полозьевъ, и я почувствовалъ, что мы едва полземъ. Тутъ мнѣ объяснили, что, проѣхавъ двѣ съ половиной станціи, мы своротили съ большой дороги и ѣдемъ теперь уже не на тройкѣ почтовыхъ лошадей въ рядъ, а тащимся гусемъ по проселку на обывательскихъ подводахъ. Это все меня очень огорчило, и милая сестрица не могла развеселить меня. Она знала, до чего я былъ охотникъ и сейчасъ стала просить, чтобъ я почиталъ ей книжку, которая лежала въ боковой сумкѣ; но я не сталъ даже и читать, такъ мнѣ было грустно. Наконецъ доплелись мы до какой-то татарской деревушки, гдѣ надобно было перемѣнить лошадей, для заготовленія кото-

рыхъ ѣхалъ впереди кучеръ Степанъ. Мы вышли въ избу, заранѣе приготовленную, чтобъ напиться чаю и позавтракать. У матери было совершенно больное и разстроенное лицо: она всю ночь не спала и чувствовала тошноту и головокруженье, это встревожило и огорчило меня еще больше. Въ бѣлой татарской избѣ, на широкихъ нарахъ, лежала груда довольно сальныхъ перинъ, чуть не до потолка, прикрытыхъ съ одной стороны ковромъ; остальная часть наръ покрыта была бѣлою кошмою, и мать, разостлавъ свой дорожный салопъ и положа свои же подушки, легла отдохнуть и скоро заснула, приказавъ, чтобы мы и чай пили безъ нея. Она проспала цѣлый часъ, а мы, съ отцомъ и сестрицей, говоря шопотомъ и наблюдая во всемъ тишину, напились чаю, даже позавтракали разогрѣтымъ въ печкѣ жаркимъ. Сонъ подкрѣпилъ мать, и мы пустились въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ опять повторилось тоже событіе, то есть: мы остановились перемѣнять лошадей, вышли только ужъ не въ чистую татарскую, а въ гадкую мордовскую избу. Кажется, отвратительнѣе этой избы я не встрѣчалъ во всю мою жизнь. Нечистота, вонь отъ разнаго скота, а въ добавокъ ко всему, узенькія лавки, на которыхъ не льзя было прилечь матери, измученной отъ зимней дороги; но отецъ приставилъ кое-какъ скамейку и устроилъ ей мѣстечко полежать; она ничего не могла ѣсть, только напилась чаю. Мы сидѣли съ ногами на лавкѣ, хотя были тепло обуты, потому что съ полу ужасно несло. Говорили, что морозъ сталъ гораздо сильнѣе; когда отворяли дверь, то врывающійся холодъ клубился какимъ-то бѣлымъ паромъ и въ одну минуту обхватывалъ всю избу. Тутъ мы еще поѣли разогрѣтаго супу и пирожковъ и пустились въ дальнѣйшій путь. Но мать опять ничего не ѣла. Возокъ нашъ такъ настылъ отъ непритворенной по неосторожности двери, что мы не скоро его согрѣли своимъ присутствіемъ и дыханіемъ. Я не могу описать тревоги и волненія, которое я испытывалъ тогда! У меня было и предчувствіе, и убѣжденіе, что съ нами случится какое нибудь несчастіе; что мы или замерзнемъ, какъ воробьи и галки, которые на лету падали мертвыми

по разсказамъ Параши, или захвораемъ. Но всѣ мои страхи и опасенія относились гораздо болѣе къ матери, чѣмъ къ намъ съ сестрицей: у насъ въ возкѣ опять стало тепло, а мать все сидѣла даже и не внутри повозки, а вся открытая. Предчувствіе бѣды не давало мнѣ спать. Вдругъ мы остановились, и черезъ нѣсколько минутъ эта остановка привела меня въ безпокойство; я разбудилъ Парашу, просилъ и молилъ ее постучать въ дверь, призвать кого нибудь и спросить, что̀ значитъ эта остановка; но Параша, всегда прежде добрая и ласковая, недовольная тѣмъ, что я ее разбудилъ, съ нѣкоторою грубостью отвѣчала мнѣ: «никого не достучишься теперь; извѣстно, за чѣмъ остановились». Если бъ она знала, какое мученье испытывалъ я отъ неизвѣстности, то конечно сжалилась бы надо мной. Благодареніе Богу, возокъ скоро двинулся. Поутру, когда мы опять остановились пить чай, я узналъ, что мои страхи были не совсѣмъ не основательны: у насъ точно замерзъ было Чувашенинъ, ѣхавшій форрейторомъ въ нашемъ возкѣ. Онъ такъ озябъ, потому что было одѣтъ плоховато, что упалъ безъ чувствъ съ лошади; его оттерли и довезли благополучно до ближайшей деревни. Тогда же поселились во мнѣ, до сихъ поръ сохраняемые мною, ужасъ и отвращеніе къ зимней ѣздѣ на перемѣнныхъ, по проселочнымъ дорогамъ: мочальная сбруя, непривычныя малосильныя лошаденки, которыхъ никогда не кормятъ овсомъ, и наконецъ люди, не довольно тепло одѣтые для переѣзда и десяти верстъ въ жестокую стужу...... все это по истинѣ ужасно.

Дорога, по которой мы ѣхали, была совсѣмъ не та, по которой мы ѣздили въ первый разъ въ Багрово, о чемъ я узналъ послѣ. Той лѣтней степной дороги не было теперь и слѣдочка. Зимой, по дальности разстояній, и не прокладывали прямыхъ путей, а кое-какія тропинки шли отъ деревни до деревни.

Поутру, когда я выползъ изъ тюрьмы на свѣтъ Божій, я нѣсколько ободрился и успокоился; къ тому же и мать почувствовала себя покрѣпче, попривыкла къ дорогѣ, и морозъ сталъ полегче. Но скоро ночная темнота, ранѣе

обыкновеннаго наступавшая въ возкѣ, опять нагнала страхи и печальныя предчувствія на мою робкую душу и, къ сожалѣнію, опять не даромъ,—я говорю къ сожалѣнію,— потому что именно съ этихъ поръ у меня укоренилась вѣра въ предчувствія, и я, во всю мою жизнь, страдалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ отъ дѣйствительныхъ несчастій, хотя, въ тоже время, предчувствія мои почти никогда не сбывались. Подъѣзжая къ Багрову уже вечеромъ, возокъ нашъ наѣхалъ на пенекъ и опрокинулся. Я сонный ударился бровью объ круглую мѣдную шляпку гвоздя, на которомъ висѣла сумка и сверхъ того едва не задохся, потому что Параша, сестрица и множество подушекъ упали мнѣ на лице и особенно потому, что не скоро подняли опрокинутый возокъ. Когда мы освободились, то сгоряча я ничего не почувствовалъ, кромѣ радости, что не задохся, даже не замѣтилъ, что ушибся; но къ досадѣ моей Параша, Аннушка и даже сестрица, которая не понимала, что я могъ задохнуться и умереть—смѣялись и моему страху, и моей радости. Слава Богу, мать не знала, что мы опрокинулись.

БАГРОВО ЗИМОЙ.

Наконецъ послышался лай собакъ, замелькали блѣдные, дрожащіе огоньки изъ крестьянскихъ избъ, пробились въ наши окошечки, менѣе прежняго запушенные снѣгомъ,—и мы догадались, что пріѣхали въ Багрово, ибо не было другой деревни на послѣднемъ двѣнадцативерстномъ переѣздѣ. Мы остановились у перваго крестьянскаго двора, и послѣ я узналъ, что отецъ посылалъ спрашивать объ дѣдушкѣ: отвѣчали, что онъ еще живъ. Мы ѣхали съ колокольчиками и очень медленно; насъ ожидали, догадались, что мы ѣдемъ и потому, не смотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ: обѣ плакали потихоньку навзрыдъ, и даже завывали. Мы безъ шума вошли въ домъ. Тетушка взялась хлопотать обо мнѣ съ сестрицей, а отецъ съ матерью пошли къ дѣдушкѣ, который былъ при смерти, но въ совершенной памяти и нетерпѣливо желалъ уви-

дѣть сына, невѣстку и внучатъ. Намъ опять отдали гостиную, потому что особая горница, которую обѣщалъ намъ дѣдушка, хотя была срублена и покрыта, но еще не отдѣлана; домъ былъ весь занятъ; съѣхались всѣ тетушки съ своими мужьями; въ комнатѣ Татьяны Степановны жила Ерлыкина съ двумя дочерьми; Иванъ Петровичь Каратаевъ и Ерлыкинъ спали гдѣ-то въ столярной, а остальныя три тетушки помѣщались въ комнатѣ бабушки, рядомъ съ горницей больнаго дѣдушки. Въ залѣ была стужа да и въ гостиной холодно; едва нашли кровать для матери, намъ съ сестрицей послали на канапе, а отцу приготовили перину на полу. Подали самоваръ и стали насъ поить чаемъ; тутъ пришла мать; она вся была мокрая отъ духоты въ дѣдушкиной горницѣ, въ которой было жарко, какъ въ банѣ. Въ гостиной ей показалось холодно, и она сейчасъ принялась ее ухичивать: заперли дверь въ залъ, завѣсили ковромъ, устлали полъ кошмами, и гостиная, въ которой было двѣ печки, скоро нагрѣлась и во все время нашего пребыванія была очень тепла.

Въ головѣ моей происходила совершенная путаница разныхъ впечатлѣній, воспоминаній, страха и предчувствій; а сверхъ того дѣйствительно у меня начинала сильно болѣть голова отъ ушиба. Мать скоро замѣтила, что я не здоровъ, что у меня запухаетъ глазъ, и мы должны были разсказать ей все происшествіе. Мнѣ сдѣлали какую-то примочку и глазъ завязали. Но мать была больнѣе меня отъ безсонницы, усталости и тошноты въ продолженіе всей дороги. Она не легла, а упала въ изнеможеніи на свою постель; разумѣется, и насъ сейчасъ уложили. Отецъ остался на всю ночь у дѣдушки, кончины котораго ожидали каждую минуту. Мать скоро уснула, но я долго не могъ заснуть. Безпрестанно я ожидалъ, что дѣдушка начнетъ умирать,—а какъ смерть, по моему понятію и убѣжденію, соединялась съ мучительной болью и страданьемъ, то я все вслушивался: не начнетъ ли дѣдушка плакать и стонать. Сильно я тревожился также объ матери; голова болѣла, глазъ закрывался, я чувствовалъ жаръ и даже готовность бредить и боялся, что захвораю..... Но все уступи-

ло благотворному цѣлебному сну. Проснувшись еще до свѣта, я взглянулъ на мать—она спала, и это меня очень обрадовало. Голова и глазъ перестали болѣть, но за то глазъ совершенно закрылся, запухъ и, какъ послѣ я увидѣлъ въ зеркало, всё ушибенное мѣсто посинѣло. Видно отецъ еще не приходилъ и постель его не была измята. Я принялся разглядывать гостиную. Все въ ней было точно такъ же, какъ и прошлаго году, только стекла чудными узорами разрисовались морозомъ. На досугѣ я далъ волю своему воображенію или, лучше сказать, соображенію, потому что я именно соображалъ настоящее наше положеніе съ тѣмъ, которое ожидало насъ впереди. Разумѣется, все это думалось подѣтски. Я думалъ, что когда умретъ дѣдушка, то и бабушка вѣрно умретъ, потому что она старая и сѣдая. Тогда мы тетушку Татьяну Степановну увеземъ въ Уфу, и будетъ она жить у насъ въ пустой дѣтской; а если бабушка не умретъ, то и её увеземъ, перенесемъ домъ изъ Багрова въ Сергѣевку, поставимъ его надъ самымъ озеромъ и станемъ лѣтомъ жить и удить вмѣстѣ съ тетушкой...... Но всѣ эти мечтанья уничтожались передъ мыслію о дѣдушкиной кончинѣ, въ которой никто не сомнѣвался. Я зналъ, что онъ желаетъ насъ видѣть, и надобно признаться, что это неизбѣжное свиданье наводило на мою душу неописанный ужасъ. Всего больше я боялся, что дѣдушка станетъ прощаться со мной, обниметъ меня и умретъ, что меня не льзя будетъ вынуть изъ его рукъ, потому что онѣ *окоченѣютъ*, и что надобно будетъ меня вмѣстѣ съ нимъ закопать въ землю..... Конечно, такое опасенье могло родиться изъ разсказовъ о покойникахъ, объ окоченѣлости ихъ членовъ; но все странно противорѣчитъ оно моимъ тогдашнимъ, здравымъ уже понятіямъ объ иныхъ предметахъ. Боже мой, какъ замирало отъ страха мое сердце при этой мысли; дыханье останавливалось, холодный потъ выступалъ на лицѣ, я не могъ улежать на своемъ мѣстѣ, вскочилъ и сѣлъ поперегъ своей постельки, даже сталъ будить сестрицу и, если не закричалъ, то вѣроятно отъ того, что у меня не было голоса...... въ самое это время проснулась мать и ахнула,

взглянувъ на мое лице: перевязка давно свалилась, и синяя, даже черная шишка надъ моимъ глазомъ испугала мою мать. Мнимые страхи мои исчезли предъ дѣйствительнымъ испугомъ объ матери, и я прибѣжалъ къ ней на постель, увѣряя, что совершенно здоровъ, и что у меня ничего не болитъ. Мать успокоилась и сказала мнѣ, что это пройдетъ. Сонъ подкрѣпилъ её; она поспѣшно встала, одѣлась и пошла къ дѣдушкѣ. Уже стало свѣтло, сестрица моя также проснулась и также спачала испугалась, взглянувъ на мой глазъ, но его завязали, и она успокоилась. Она нисколько не боялась дѣдушки, очень сожалѣла о немъ и сама желала идти къ нему. Ея бодрость и привязанность къ дѣдушкѣ пристыдили и ободрили меня. Мать скоро воротилась и сказала, что дѣдушка уже очень слабъ, но еще въ памяти, желаетъ насъ видѣть и благословить. Какъ я ни старался овладѣть собою, но не могъ скрыть своего страха и даже поблѣднѣлъ. Мать старалась ободрить меня, говоря: «можно ли бояться дѣдушки, который едва дышетъ и уже умираетъ?» Я подумалъ, что того-то я и боюсь; но не смѣлъ этого сказать. Она повела насъ въ горницу къ дѣдушкѣ, который лежалъ на постели закрывши глаза; лице его было блѣдно и такъ измѣнилось, что я не узналъ бы его; въ изголовьѣ на креслахъ сидѣла бабушка, а въ ногахъ стоялъ отецъ, у котораго глаза распухли и покраснѣли отъ слезъ. Онъ наклонился къ уху больнаго и громко сказалъ: «дѣти пришли проститься съ вами.» Дѣдушка открылъ глаза, и, не говоря ни слова, дрожащею рукой перекрестилъ насъ и прикоснулся пальцами къ нашимъ головамъ; мы поцѣловали его исхудалую руку и заплакали; всѣ бывшіе въ комнатѣ принялись плакать, даже рыдать, и тутъ только я замѣтилъ, что около насъ стояли всѣ тетушки, дядюшки, старыя женщины и служившіе при дѣдушкѣ люди. Страхъ мой совершенно прошелъ, и въ эту минуту я вполнѣ почувствовалъ и любовь, и жалость къ умирающему дѣдушкѣ. Въ комнатѣ былъ нестерпимый жаръ и духота; мать скоро увела насъ въ гостиную, гдѣ мы съ сестрицей такъ расплакались, что насъ долго не могли унять. Чтобъ разсѣять насъ, мать по-

звала къ намъ двоюродныхъ нашихъ сестрицъ; онѣ были гораздо спокойнѣе, встрѣтили насъ ласково, мы сами нѣсколько успокоились и разговорились съ ними. Мы проговорили такъ до обѣда, который происходилъ обыкновеннымъ порядкомъ въ залѣ; кушаньевъ было множество, и кромѣ моей матери и отца, который и за столъ не садился, всѣ кушали охотно и разговаривали довольно спокойно, только въ полголоса. Послѣ обѣда сестрицы зашли къ намъ въ гостиную, и я принялся очень живо болтать и разсказывать имъ всякую всячину. Безсознательно я хотѣлъ подавить въ себѣ пустыми разговорами постоянное присутствіе мысли о дѣдушкиной смерти. Мать безпрестанно уходила къ больному и позволила намъ идти въ горницу къ двоюроднымъ сестрамъ. Проходить къ нимъ надобно было черезъ коридоръ и черезъ дѣвичью, биткомъ набитую множествомъ горничныхъ дѣвушекъ и дѣвчонокъ; ихъ одежда поразила меня: однѣ были одѣты въ полосущатыя платья, другія въ тѣлогрѣйки съ юбками, а иныя просто въ однихъ рубашкахъ и юбкахъ; всѣ сидѣли за гребнями и пряли. Это была для меня совершенная новость, и я, остановясь, съ любопытствомъ разсматривалъ, какъ прядхи, одною рукою подергивая льняныя мочки, другою вертѣли веретена съ намотанной на нихъ пряжей; все это дѣлалось очень проворно и красиво, а какъ всѣ молчали, то жужжанье веретенъ и подергиванье мочекъ производили необыкновеннаго рода шумъ, никогда мною не слыханный. Въ самое это время, какъ я вслушивался и всматривался внимательно, въ комнатѣ дѣдушки раздался плачь, я вздрогнулъ—и въ одну минуту вся дѣвичья опустѣла: прядхи, побросавъ свои гребни и веретена, бросились толпою въ горницу больнаго. Я догадался, что дѣдушка умираетъ; пораженный и испуганный этой мыслью, я самъ не помню, какъ очутился въ комнатѣ своихъ двоюродныхъ сестрицъ, какъ взлѣзъ на тетушкину кровать и забился въ уголъ за подушки. Параша, оставя насъ однихъ, также побѣжала посмотрѣть, что̀ дѣлается въ горницѣ бѣднаго стараго барина. Мнѣ стало еще страшнѣе; но Параша скоро воротилась и сказала, что дѣдушка на-

чалъ было *томиться,* да опять отдохнулъ. «Все ужъ ночью помретъ», прибавила она очень равнодушно. Мы пробыли у сестеръ часа два, но я уже не болталъ, а сидѣлъ, какъ въ воду опущенный. Насъ позвали пить чай въ залу, куда приходили мать, тетушки и бубушка, но по одиначкѣ и на короткое время. Отецъ не приходилъ, и мнѣ было очень грустно, что я такъ давно его не вижу. Я уже понималъ, какъ тяжело ему было смотрѣть на умирающаго своего отца... Послѣ чаю двоюродныя сестры опять зашли къ намъ въ гостиную, и я опять не принималъ никакаго участія въ ихъ разговорахъ; часа черезъ два онѣ ушли спать. Какъ было мнѣ завидно, что онѣ ничего не боялись, и какъ я желалъ, чтобъ онѣ не уходили! Безъ нихъ мнѣ стало гораздо страшнѣе. Милая сестрица моя грустила объ дѣдушкѣ и безпрестанно о немъ поминала. Она говорила: «дѣдушка не будетъ кушать. Дѣдушку зароютъ въ снѣгъ. Мнѣ его жалко.» Она плакала, но также ничего не боялась и скоро заснула. У меня же всѣ чувства были подавлены страхомъ, и я былъ увѣренъ, что не усну во всю ночь. Я умолялъ Парашу, чтобъ она не уходила, и она обѣщала не уходить, пока не придетъ мать. Вмѣсто ночника, всегда горѣвшаго тускло, я упросилъ зажечь свѣчку. Замѣтя, что Параша дремлетъ, я сталъ съ ней разговаривать. Я спросилъ «отчего дѣдушка не плачетъ и не кричитъ? Вѣдь ему больно умирать?» Параша со смѣхомъ отвѣчала: «нѣтъ, ужъ когда придется умирать, такъ тутъ больно не бываетъ. Тутъ человѣкъ ничего не слышитъ и не чувствуетъ. Дѣдушка уже безъ языка и никого не узнаётъ, хочетъ что-то сказать, глядитъ во всѣ глаза, да только губами шевелитъ.....» Новый, еще страшнѣйшій, образъ умирающаго дѣдушки нарисовался въ моемъ воображеніи. Этотъ образъ неотступно стоялъ передъ моими глазами. Я почувствовалъ всю безконечность муки, о которой нельзя сказать окружающимъ, потому что человѣкъ уже не можетъ говорить. Я схватилъ руку Параши и не выпускалъ ее ни на одну минуту изъ своихъ рукъ. Я пересталъ говорить. Свѣтильня нагорѣла, надо было снять ее, но я не рѣшился и на одну минуту разстаться съ рукой Параши:

2*

она должна была идти вмѣстѣ со мной и переставить свѣчу на столъ возлѣ меня, такъ близко, чтобъ можно было снимать съ нея щипцами, не вставая съ мѣста. Параша принялась дремать, а я—безпрестанно ее будить, жалобнымъ голосомъ повторяя: «Парашинька не спи.» Наконецъ пришла мать. Она удивилась, что я не сплю и, узнавъ причину, перевела меня на свою постель, и, не раздѣваясь, легла вмѣстѣ со мной. Я обнялъ ее обѣими руками и, успокоенный ея увѣреніями, что дѣдушка умретъ нескоро—скоро заснулъ. Я спокойно проспалъ нѣсколько часовъ, но пробужденіе было ужасно! Открывъ глаза, я увидѣлъ, что матери не было въ комнатѣ, Параши также; свѣчка потушена, ночникъ догоралъ и огненный языкъ потухающей свѣтильни, кидаясь во всѣ стороны на днѣ горшечка съ выгорѣвшимъ саломъ, изрѣдка озарялъ мелькающимъ, невѣрнымъ свѣтомъ комнату, угрожая каждую минуту оставить меня въ совершенной темнотѣ. Нѣтъ словъ для выраженія моего страха! Точно кипяткомъ обливалось мое сердце, и въ тоже время морозъ пробѣгалъ по всему тѣлу. Я завернулся съ головой въ одѣяло и чувствовалъ, какъ холодный потъ выступалъ по мнѣ. Напрасно зажмуривалъ я глаза—дѣдушка стоялъ передо мной, смотря мнѣ въ глаза и шевеля губами, какъ говорила Параша. Кузнечики ковали въ голыхъ деревянныхъ стѣнахъ, и слабые эти звуки болѣзненно пронзали мой слухъ. Если бъ въ это время что нибудь стукнуло или треснуло, мнѣ кажется, я бы умеръ отъ испуга. Вдругъ мнѣ послышался издали сначала плачь; я подумалъ, что это мнѣ чудится.... но плачь перешелъ въ вопль, стонъ, визгъ..... я не въ силахъ былъ долѣе выдерживать, раскрылъ одѣяло и принялся кричать такъ громко, какъ могъ; сестрица проснулась и принялась также кричать. Вѣроятно долго продолжались наши крики, никѣмъ не услышанные, потому что въ это время въ самомъ дѣлѣ скончался дѣдушка, весь домъ сбѣжался въ горницу къ покойнику, и всѣ подняли такой громкій вой, что никому не было возможности услышать наши дѣтскіе крики. Я терялъ уже сознаніе и готовъ былъ упасть въ обморокъ или сойти съ ума, какъ вдругъ вбѣжала Пара-

ша, которая преспокойно спала въ коридорѣ у самой нашей двери, и которую наконецъ разбудили общіе вопли; по счастію насъ съ сестрой она услышала прежде, потому что мы были ближе. Она зажгла свѣчу у потухающаго ночника, посадила насъ къ себѣ на колѣни, и кое какъ успокоила. Наконецъ пришла мать, сама разстроенная и больная, сказала, что дѣдушка скончался въ 6 часовъ утра, и что сейчасъ придетъ отецъ и ляжетъ спать, потому что уже не спалъ двѣ ночи. Въ самомъ дѣлѣ скоро пришелъ отецъ, поцѣловалъ насъ, перекрестилъ и сказалъ: «не стало вашего дѣдушки», и горько заплакалъ; заплакали и мы съ сестрицей. Общее вытье въ домѣ умолкло. Отецъ легъ и ту жъ минуту заснулъ. Свѣчка горѣла въ углу, чѣмъ-то заставленная; въ окнахъ появилась бѣлизна; я догадался, что начинаетъ свѣтать, это меня очень ободрило, и скоро я заснулъ вмѣстѣ съ матерью и сестрою.

Я проспалъ очень долго. Яркое зимнее солнце заглянуло уже въ наши окна, когда я открылъ глаза. Прежде всего слухъ мой былъ пораженъ церковнымъ пѣніемъ, происходившимъ въ залѣ, а потомъ услышалъ я и плачь и рыданье. Событіе прошедшей ночи ожило въ моей памяти, и я сейчасъ подумалъ, что вѣрно молятся Богу объ умершемъ дѣдушкѣ. Въ комнатѣ никого не было. «Видно и Параша съ сестрицей ушли молиться Богу», подумалъ я и сталъ терпѣливо дожидаться чьего нибудь прихода. Днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, я не боялся одиночества. Скоро пришла Параша съ сестрицей, у которой глаза были заплаканы. Параша, сказавъ: «вотъ какъ проспали, ужъ скоро обѣдать станутъ,» начала поспѣшно меня одѣвать. Я сталъ умываться, и вдругъ вслушался въ какое-то однообразное, тихое нараспѣвъ чтенье, выходившее какъ будто изъ залы. Я спросилъ Парашу, что это такое читаютъ? и она, обливая изъ рукомойника холодною водою мою голову, отвѣчала: «по дѣдушкѣ псалтырь читаютъ». Я еще ни о чемъ не догадывался и былъ довольно спокоенъ, какъ вдругъ сестрица сказала мнѣ: «пойдемъ, братецъ, въ залу, тамъ дѣдушка лежитъ». Я испугался и, все еще не понимая настоящаго дѣла, спросилъ: «да какъ же дѣдушка въ

залу пришелъ, развѣ онъ живъ?» — «Какое, живъ, отвѣчала Параша; ужъ давно остомѣлъ; его обмыли, одѣли въ саванъ, принесли въ залу и положили на столъ, отслужили панихиду, попы уѣхали (1), а теперь старикъ Екимъ читаетъ псалтырь. Не слушайте сестрицу, ну чего на дѣдушку глядѣть, такой страшный, однимъ глазомъ смотритъ».... Каждое слово Параши охватывало мою душу новымъ ужасомъ, а послѣднее описаніе такъ меня поразило, что я съ крикомъ бросился вонъ изъ гостиной, и черезъ коридоръ и дѣвичью, прибѣжалъ въ комнату двоюродныхъ сестеръ; за мной прибѣжали Параша и сестрица, но никакъ не могли уговорить меня воротиться въ гостиную. Правда, страхъ смѣшенъ, и я не обвиняю Параши за то, что она смѣялась, уговаривая меня воротиться и даже пробуя увести насильно, противъ чего я защищался и руками и ногами; но муки, порождаемыя страхомъ въ дѣтскомъ сердцѣ, такъ ужасны, что надъ ними грѣшно смѣяться. Параша пошла за моей матерью, которая, какъ послѣ я узналъ, хлопотала вмѣстѣ съ другими около бабушки: ей сдѣлалось дурно послѣ панихиды, потому что она ужасно плакала, рвалась и билась. Мать пришла вмѣстѣ съ тетушкой Елизаветой Степановной. Я бросился къ матери на шею и умолялъ ее не уводить меня въ гостиную. Ей было это очень не пріятно и стыдно за меня (какъ она сама говорила) передъ двоюродными сестрами, что я мущина и такой трусъ; она хотѣла употребить власть, но я пришелъ въ изступленье, котораго мать сама испугалась. Тетушка видно сжалилась надо мной и предложила, что она съ дочерьми, которыя не боятся покойниковъ, перейдетъ въ гостиную. Мать въ другое время ни за что бы не согласилась принять такое одолженіе — теперь же охотно и съ благодарностью согласилась. Точно камень свалился съ моего сердца, когда было рѣшено, что мы перейдемъ въ эту угольную комнату, отдаленную отъ залы. Въ ней не слышно было ни чтенія псалтыря, ни *вытья*. Выть по мертвому или причитать считалось тогда необходимостью, дол-

(1) О священникѣ съ причтомъ всегда говорятъ во множественномъ числѣ. *Прим. С. А.*

гомъ. Не только тетушка, но и всѣ старухи, дворовыя и крестьянскія, перебывали въ залѣ, плакали и голосили, приговаривая: « отецъ ты нашъ родимый, на кого ты насъ оставилъ, сиротъ горемычныхъ » и проч. и проч. Мы перебрались въ тетушкину горницу очень скоро; я и не видѣлъ этаго перетаскиванья, потому что насъ позвали обѣдать. Большой круглый столъ былъ накрытъ въ бабушкиной горницѣ. Когда мы съ сестрицей вошли туда, бабушка, всѣ тетушки и двоюродныя наши сестры, повязанныя черными платками, а иныя и въ черныхъ платкахъ на шеѣ, сидѣли молча другъ возлѣ друга; оба дяди также были тамъ: общій ихъ видъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Всѣ перецѣловали насъ, плакали и нараспѣвъ приговаривали: « покинулъ васъ дѣдушка родимый » и еще что-то въ этомъ родѣ, чего я не помню. Скоро столъ уставили множествомъ кушаньевъ. Не знаю почему, но вся прислуга состояла изъ горничныхъ дѣвушекъ. Отецъ былъ занятъ какимъ-то дѣломъ, и его дожидались довольно долго. Моя мать говорила своей свекрови: « для чего вы, матушка, не изволите садиться за столъ? Алексѣй Степанычъ сейчасъ придетъ». Но бабушка отвѣчала, что «Алеша теперь полный хозяинъ и господинъ въ домѣ, такъ его слѣдуетъ подождать ». Мать попробывала возразить: « онъ вашъ сынъ, матушка, и вы будете всегда госпожей въ его домѣ ». Бабушка замахала руками и сказала: « нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по нашему не такъ, а всякой сверчокъ знай свой шестокъ ». Все это я слушалъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Вдругъ растворились двери, и вошелъ мой отецъ. Я его уже давно не видалъ, видѣлъ только мелькомъ ночью; онъ былъ блѣденъ, печаленъ и похудѣлъ. Въ одну минуту всѣ встали и пошли къ нему на встрѣчу, даже толстая моя бабушка, едва держась на ногахъ и кѣмъ-то поддерживаемая, поплелась къ нему, всѣ же четыре сестры повалились ему въ ноги и завыли. Всего нельзя было разслушать, да я и забылъ многое. Помню слова: « ты теперь нашъ отецъ, не оставь насъ сиротъ ». — Добрый мой отецъ, обливаясь слезами, всѣхъ поднималъ и обнималъ, а своей матери, идущей къ нему на встрѣчу,

самъ поклонился въ ноги и потомъ, цалуя ея руки, увѣрялъ, что никогда изъ ея воли не выйдетъ, и что все будетъ идти по прежнему. Вслѣдъ за этой сценой всѣ обратились къ моей матери и, хотя не кланялись въ ноги, какъ моему отцу, но просили ее, настоящую хозяйку дома, не оставить ихъ своимъ расположеніемъ и ласкою. Я видѣлъ, что моей матери все это было не пріятно и противно; она слишкомъ хорошо знала, что ея не любили, что желали ей сдѣлать всякое зло. Она отвѣчала холодно, что « никогда никакой власти на себя не возметъ, и что будетъ всѣхъ уважать и любить, какъ и прежде ». Сѣли за столъ и принялись такъ кушать (за исключеніемъ моей матери), что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ. Тетушка Татьяна Степановна разливала налимью уху изъ огромной кострюли и, накладывая груды икры и печенокъ, приговаривала: «покушайте, матушка, братецъ, сестрица, икорки-то и печеночекъ-то: вѣдь какъ батюшка-то любилъ ихъ».... и я самъ видѣлъ, какъ слезы у ней капали въ тарелку. Точно также и другія плакали и ѣли съ удивительнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда всѣ пошли спать и спали до вечерняго чая. Проходя черезъ дѣвичью въ нашу новую комнату, я съ робостью поглядывалъ въ растворенный коридоръ, который выходилъ прямо въ залу, откуда слышалось однообразное, утомительное чтеніе псалтыря. Отецъ съ матерью также отдыхали, а мы съ сестрицей шопотомъ разговаривали. При дневномъ свѣтѣ бодрость моя возвратилась, и я даже любовался яркими лучами солнца. Комната мнѣ чрезвычайно нравилась; кромѣ того, что она отдаляла меня отъ покойника, она была угольная и одною своею стороною выходила на рѣку Бугурусланъ, который и зимой, не замерзая отъ быстроты теченія и множества родниковъ, круто поворачивалъ противъ самыхъ оконъ. Видъ въ снѣгахъ бѣгущей рѣки, лѣтняя кухня на острову, высокіе къ ней переходы, другой островъ съ большими и стройными деревьями, опушенными инеемъ, а вдали выпуклоутесистая Челяевская гора — вся эта картина произвела на меня пріятное, успокоительное впечатлѣніе. Въ первый разъ почувствовалъ я, что и видъ зимней природы можетъ имѣть свою красоту.

Мое спокойствіе продолжалось до сумерекъ. Самъ того не примѣчая, съ угасающими лучами заходящаго солнца, терялъ я свою бодрость. Я боялся даже идти пить чай въ бабушкину комнату, потому что надобно было проходить въ дѣвичьей мимо извѣстнаго коридора. Мать строго приказала мнѣ идти. Я имѣлъ силу послушаться, но пробѣжалъ бѣгомъ чрезъ дѣвичью, заткнувъ уши и отворотясь отъ коридора. Послѣ чаю у бабушки въ горницѣ начались разговоры о томъ, какъ умиралъ и что завѣщалъ исполнить дѣдушка, а также о томъ, что послѣ завтра будутъ его хоронить. Мать, замѣтивъ, что такіе разговоры меня смущаютъ, сейчасъ увела насъ съ сестрой въ нашу угловую комнату, даже пригласила къ намъ двоюродныхъ сестрицъ. Онѣ, посидѣвъ и поболтавъ съ нами, ушли, и когда надобно было ложиться спать, страхъ опять овладѣлъ мною и такъ выразился на моемъ лицѣ, что мать поняла, какую ночь проведу я, если не лягу спать вмѣстѣ съ нею. Горячею благодарностью къ ней наполнилось мое сердце, когда она сама сказала мнѣ: « Сережа, ты ляжешь со мной ». Это все, чего я могъ желать, о чемъ безъ сомнѣнія я сталъ бы и просить, и въ чемъ не отказали бы мнѣ; но какъ тяжело, какъ стыдно было бы просить объ этомъ! Я конечно не вдругъ бы рѣшился, и прежде провелъ нѣсколько времени въ мучительномъ положеніи. О, благо тѣмъ, которые щадятъ, избавляютъ отъ унизительнаго сознанія въ трусости робкое сердце дитяти! Ночь прошла спокойно. Я проснулся еще до свѣта и услышалъ много любопытныхъ разговоровъ между отцемъ и матерью. Я узналъ, что отецъ мой хочетъ выдти въ отставку и переѣхать на житье въ Багрово. Эта вѣсть очень меня огорчила; Багрово въ оба раза представилось мнѣ въ неблагопріятномъ видѣ и конечно не могло меня привлекать къ себѣ; всѣ мои мечты стремились къ Сергѣевкѣ, гдѣ такъ весело провелъ я прошедшее лѣто. Тутъ же я въ первый разъ услышалъ, что у меня будетъ новая сестрица или братецъ.

Слѣдующій день прошелъ точно такъ же, какъ и предыдущій, то есть, днемъ я былъ спокойнѣе и бодрѣе, а къ

ночи опять начиналъ бояться. Всего больше тревожило меня сомнѣніе, положитъ ли маменька меня съ собою спать. Я съ волненіемъ дожидался того времени, когда начнутъ стлать постели и почувствовалъ большую радость, увидя, что мои подушечки кладутъ на маменькину постель. Новаго я узналъ, что завтра дѣдушку повезутъ хоронить въ село Неклюдово, чего онъ именно не желалъ, потому что не любилъ всего Неклюдовскаго. Почему было поступлено противъ его воли — я до сихъ поръ не знаю, но помню, что говорили о какихъ-то важныхъ причинахъ. Я долженъ признаться, что горячо желалъ, чтобъ поскорѣе увезли дѣдушку. Я чувствовалъ, что только тогда возвратится въ мою душу совершенное спокойствіе. Мертвецовъ боятся многіе во всю свою жизнь; я самъ боялся ихъ и никогда не видывалъ лѣтъ до двадцати. Страхъ этотъ опредѣлить трудно. Человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ вѣроятно страшится собственнаго впечатлѣнія: видъ покойника возмутитъ его душу и будетъ преслѣдовать его робкое воображеніе; но тогда я положительно боялся самаго мертвеца и былъ увѣренъ, что дѣдушка, какъ скоро я взгляну на него, на минуту оживетъ — и схватитъ меня.

Наступилъ печальный и торжественный день похоронъ дѣдушки. Всѣ поднялись рано, началась бѣготня и безпрестанное хлопанье дверями. Когда мы пришли, ранѣе обыкновеннаго, пить чай въ бабушкину горницу, то всѣ тетушки и бабушки были уже одѣты въ дорожныя платья; у крыльца стояло нѣсколько повозокъ и саней, запряженныхъ гусемъ. Дворъ и улица были полны народа: не только сошлись свои крестьяне и крестьянки, отъ стараго и до малаго, но и окольныя деревни собрались проститься съ моимъ дѣдушкой, который былъ всѣми уважаемъ и любимъ какъ отецъ. Много лѣтъ спустя, я слыхалъ, что сосѣдняя Мордва иначе не называла его, какъ «отца наша». Когда все было готово, и всѣ пошли прощаться съ покойникомъ, то въ залѣ поднялся вой, громко раздававшійся по всему дому: я чувствовалъ сильное волненіе, но уже не отъ страха, а отъ темнаго пониманія важности событія, жалости къ бѣдному дѣдушкѣ и грусти, что я никогда

его не увижу. Двери въ домѣ были вездѣ настежъ, вездѣ сдѣлалась стужа, и мать приказала Парашѣ не водить сестрицу прощаться съ дѣдушкой, хотя она плакала и просилась. И такъ мы только трое остались въ бабушкиной теплой горницѣ. Вдругъ поднялся глухой шумъ и топотъ множества ногъ въ залѣ, съ которымъ вмѣстѣ двигался плачь и вой; все это прошло мимо насъ.... и вскорѣ я увидѣлъ, что съ крыльца, какъ будто на головахъ людей, спустился деревянный гробъ; потомъ, когда тѣсная толпа раздвинулась, я разглядѣлъ, что гробъ несли мой отецъ, двое дядей и старикъ Петръ Ѳедоровъ, котораго самаго вели подъ руки; бабушку также вели сначала, но скоро посадили въ сани, а тетушка и маменька шли пѣшкомъ; многіе, стоявшіе на дворѣ, кланялись въ землю. Медленно двигаясь, толпа вышла на улицу, вытянулась во всю ея длину и наконецъ скрылась изъ моихъ глазъ. Стоя на стулѣ и смотря въ окошко, я плакалъ отъ глубины души, исполненной искренняго чувства любви и умиленія къ моему дѣдушкѣ, такъ горячо любимому всѣми. На одно мгновеніе мнѣ захотѣлось даже еще разъ его увидѣть и поцѣловать исхудалую его руку.

Мы сидѣли въ бабушкиной комнатѣ и грустно молчали. Послѣ шума и движенья въ домѣ наступила мертвая тишина. Вдругъ подъѣхали къ крыльцу сани; съ нихъ сошла мать и двѣ наши двоюродныя сестры. Я вскрикнулъ отъ радости; я думалъ, что всѣ уѣхали въ Неклюдово за 20-ть верстъ. Вслѣдъ за пріѣздомъ матери, повалили толпы возвращающагося народа. Мать проводила дѣдушку до околицы; тамъ постановили его гробъ на сани, а всѣ провожавшіе сѣли въ повозки. Мы ушли въ свою угольную комнату. Мать, разстроенная душевно, потому что очень любила покойнаго дѣдушку, и очень утомленная, пролежала почти цѣлый день, не занимаясь нами. Двоюродныя сестрицы оставались у насъ въ комнатѣ, и мы съ ними очень разговорились и очень дружелюбно. Впрочемъ говорили почти все онѣ, и я тутъ узналъ много такого, о чемъ прежде не имѣлъ понятія и что даже считалъ невозможнымъ. Я узналъ на примѣръ, что онѣ очень мало любятъ, а толь-

ко боятся своихъ родителей, что онѣ безпрестанно лгутъ и обманываютъ ихъ; я принялся было осуждать своихъ сестрицъ, доказывать, какъ это дурно и учить ихъ, какъ надобно поступать добрымъ дѣтямъ. Я говорилъ все то, что̀ зналъ изъ книгъ, еще болѣе изъ собственной моей жизни; но сестрицы меня или не понимали, или смѣялись надо мной, или утверждали, что у нихъ тятенька и маменька совсѣмъ не такіе, какъ у меня.

Поздно вечеромъ воротился отецъ. Бабушка съ тетушками остались ночевать въ Неклюдовѣ у родныхъ своихъ племянницъ, мой отецъ прямо съ похоронъ, не заходя въ домъ, какъ его о томъ ни просили, уѣхалъ къ намъ. Онъ цѣлый день ничего не ѣлъ и ужасно усталъ, потому что много шелъ пѣшкомъ за гробомъ дѣдушки. Эту ночь я спалъ уже на особой кроваткѣ вмѣстѣ съ сестрицей. Я вечеромъ опять почувствовалъ страхъ; но скрылъ его: мать положила бы меня спать съ собою, а для нея это было безпокойно, къ тому же она спала, когда я ложился. Долго не могъ я заснуть: видъ колыхающагося гроба и чего-то въ немъ лежащаго, медленно двигающагося на плечахъ толпы народа — не отходилъ отъ меня и далеко прогонялъ сонъ. Наконецъ послѣ многихъ усилій, я кое какъ заснулъ, слава Богу, и проснулся позже всѣхъ.

Къ обѣду пріѣхали бабушка, тетушка и дядя; накапунѣ весь домъ былъ вымытъ, печи жарко истоплены, и въ домѣ стало тепло, кромѣ залы, въ которую впрочемъ никто и не входилъ до девяти день. Чтеніе псалтыря продолжалось и день и ночь уже въ горницѣ дѣдушки, гдѣ онъ жилъ и скончался. Пили чай, обѣдали и ужинали у бабушки, потому что это была самая большая комната послѣ залы: тамъ же обыкновенно всѣ сидѣли и разговаривали. Мать нѣсколько дней не могла оправиться; она по большей части сидѣла съ нами въ нашей свѣтлой, угольной комнатѣ, которая впрочемъ была холоднѣе другихъ; но мать захотѣла остаться въ ней до нашего отъѣзда въ Уфу, который былъ назначенъ черезъ девять дней.

Какъ я ни былъ малъ, но замѣтилъ, что моего отца всѣ тетушки, особенно Татьяна Степановна, часто обнимали,

цѣловали и говорили, что онъ одинъ остался у нихъ кормилецъ и защитникъ; мать мою также очень ласкали. Тетушка Татьяна Степановна часто приходила къ намъ, чтобъ «матушкѣ-сестрицѣ не было скучно» и звала ее съ собою, чтобы вмѣстѣ поговорить о разныхъ домашнихъ дѣлахъ. Но мать всегда отвѣчала, что «не намѣрена мѣшаться въ ихъ семейныя и домашнія дѣла, что ея согласіе тутъ не нужно, и что все зависитъ отъ матушки»; то есть, отъ ея свекрови. Возвращаясь съ семейныхъ совѣщаній, отецъ разсказывалъ матери, что покойный дѣдушка, еще до нашего пріѣзда, отдалъ разныя приказанья бабушкѣ; назначилъ каждой дочери, кромѣ крестной матери моей, доброй Аксиньи Степановны, по одному семейству изъ дворовыхъ, а Татьянѣ Степановнѣ приказалъ купить сторгованную землю у Башкирцевъ и перевесть туда 25-ть душъ крестьянъ, которыхъ назвалъ поимянно; сверхъ того—роздалъ дочерямъ много хлѣба и всякой домашней рухляди. «Хоть батюшка мнѣ ничего не говорилъ, а изволилъ только сказать: *не оставь Танюшу и награди такъ же, какъ я наградилъ другихъ сестеръ при замужствѣ;* но я свято исполню все, что онъ приказывалъ матушкѣ». Мать одобрила его намѣренье. Когда мой отецъ изъявилъ полное согласіе на исполненіе дѣдушкиной воли, то всѣ благодарили его и низко кланялись, а Татьяна Степановна поклонилась даже въ ноги. Приходили также обнимать, цѣловать и благодарить мою мать, которая однако никакихъ благодарностей не принимала и возражала, что это дѣло до нея вовсе не касается.

Я замѣчалъ иногда, что Параша что-то шептала моей матери; иногда она слушала ее, а всего чаще заставляла молчать и прогоняла, и вотъ что эта Параша, одѣвая меня, одинъ разъ мнѣ сказала: «да, вы тутъ сидите, а васъ грабятъ». Я не понялъ и попросилъ объясненья. Параша отвѣчала: «да вотъ сколько теперь батюшка-то роздалъ крестьянъ, дворовыхъ людей и всякаго добра вашимъ тетушкамъ-то, а все понапрасну; онѣ всклепали на покойника; онѣ точно просили, да дѣдушка отвѣчалъ: что братъ Алеша дастъ, тѣмъ и будьте довольны. Никонорка Танайченокъ все это своими ушами слышалъ, и всѣ въ домѣ это

знаютъ». Я плохо понималъ, о чемъ шло дѣло, и оно не произвело на меня никакого впечатлѣнія; но я, какъ и всегда, поспѣшилъ разсказать объ этомъ матери. Она такъ разсердилась и такъ кричала на Парашу, такъ грозила ей, что я испугался. Параша плакала, просила прощенья и валялась въ ногахъ у моей матери; крестилась и божилась, что никогда впередъ этого не будетъ. Мать сказала ей, что, если еще разъ что нибудь такое случится, то она отошлетъ ее въ Симбирское Багрово ходить за коровами. Какъ было мнѣ жаль бѣдную Парашу, какъ она жалобно на меня смотрѣла и какъ умоляла, чтобъ я упросилъ маменьку простить ее, и я съ жаромъ просилъ за Парашу, обвиняя себя, что подвергъ ее такому горю. Мать простила ее, но совсѣмъ тѣмъ выслала вонъ изъ нашей комнаты свою любимую приданую женщину и не позволила ей показываться на глаза, пока ея не позовутъ; а мнѣ она строго подтвердила, чтобъ я никогда не слушалъ разсказовъ слугъ и не вѣрилъ имъ, и что это все выдумка багровской дворни: разумѣется, что тогда никакое сомнѣніе въ справедливости словъ матери не входило мнѣ въ голову. Только въ послѣдствіи понялъ я, за что мать осердилась на Парашу и отчего она хотѣла, чтобъ я не зналъ печальной истины, которую она знала очень хорошо.

Обрадованный, что со мной и съ сестрицей бабушка и тетушки стали ласковы, и увѣренный, что всѣ насъ любятъ, я самъ сдѣлался очень ласковъ со всѣми, особенно съ бабушкой. Я скоро предложилъ всему обществу: послушать моего чтенія изъ Россіады и трагедіи Сумарокова. Меня слушали съ любопытствомъ; хвалили и говорили, что я умникъ, грамотѣй и чтецъ.

Черезъ нѣсколько дней страхъ мой совсѣмъ прошелъ; я сталъ ходить по всему дому, провожаемый иногда Евсеичемъ. Одинъ разъ я заглянулъ даже въ дѣдушкину комнату: она была пуста, всѣ вещи куда-то вынесли; стояла только въ углу его скамеечка и кровать съ веревочнымъ переплетомъ, посерединѣ покрытая тонкимъ лубкомъ, сверхъ котораго лежалъ войлокъ, а на войлокѣ спали по очереди который нибудь изъ чтецовъ псалтыри; чтецовъ было двое,

дряхлый старикъ Екимъ Мысеичъ и очень молодой рыжій парень Василій. Они перемѣнялись, читая день и ночь. Когда я вошелъ въ первый разъ въ эту печальную комнату, читалъ Мысеичъ, медленно и гнуся, плохо разбирая и въ очки церковную печать. Въ углу стоялъ высокой столикъ, покрытый бѣлой салфеткой, съ большимъ образомъ, передъ которымъ теплилась желтая восковая свѣча; Екимъ иногда крестился, а иногда и кланялся. Я стоялъ долго и тихо, испытывая чувство грустнаго умиленія. Вдругъ мнѣ захотѣлось самому почитать псалтыри по дѣдушкѣ, потому что я еще въ Уфѣ выучился читать церковную печать. Я попросилъ объ этомъ Екима, и онъ согласился. Заставивъ меня напередъ помолиться Богу, Мысеичъ подставилъ мнѣ низенькую дѣдушкину скамеечку, и я стоя принялся читать. Какое-то волненье стѣсняло мою грудь, я слышалъ біеніе моего сердца, и звонкой голосъ мой дрожалъ; но я скоро оправился и почувствовалъ неизъяснимое удовольствіе. Я читалъ довольно долго, какъ вдругъ голосъ Евсеича, который уже давно стоялъ и слушалъ, перервалъ меня: « не будетъ ли, соколикъ? сказалъ онъ; а читать гораздъ ». Я оглянулся: Мысеичъ заснулъ, прислонясь къ окошку, мы разбудили его, и онъ, благословясь, принялся за чтеніе. Я помолился передъ образомъ, посмотрѣлъ на дѣдушкину кровать, на которой спалъ рыжій Васька, вспомнилъ все прошлое и грустно вышелъ изъ комнаты.

Пришелъ и девятый день, день поминовенья по усопшемъ дѣдушкѣ. Наканунѣ всѣ, кромѣ отца и матери, даже двоюродныя сестры, уѣхали ночевать въ Неклюдово; въ девятый же день и отецъ съ матерью, рано по утру, чтобъ поспѣть къ обѣднѣ, уѣхали туда же. Въ цѣломъ домѣ оставались одни мы съ сестрицей. Евсеичъ со мной не разставался, и я упросилъ его пойти въ комнату дѣдушки, чтобъ еще разъ почитать по немъ псалтырь. Въ горницѣ также читалъ Мысеичъ и также спалъ рыжій Васька. Хотя я началъ читать не безъ волненья, но голосъ мой уже не дрожалъ, и я читалъ еще съ большимъ внутреннимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ первый разъ. Долго и терпѣливо слушалъ Евсеичъ; наконецъ также сказалъ: « не будетъ ли, соко-

ликъ? чай ножки устали». Мысеичь опять дремалъ, прислопясь къ окошку; я опять помолился Богу и даже поклонился въ землю, опять съ грустью посмотрѣлъ на дѣдушкину кровать—и мы вышли. Дѣдушкиной горницы въ этомъ видѣ я уже болѣе не видѣлъ. Евсеичь сказалъ мнѣ: « вотъ это хорошо вышло. Въ Неклюдовѣ служили по дѣдушкѣ панихиду на его могилкѣ, а ты, соколикъ, читалъ по немъ псалтырь въ его горницѣ »—и я чувствовалъ необыкновенное удовольствіе, смѣшанное съ какой-то даже гордостью.

Къ обѣду, о которомъ, какъ я замѣтилъ, заранѣе хлопотали тетушки, — всѣ воротились изъ Неклюдова; даже пріѣхали бабушкины племянницы, Каельнинская и Лупеневская, со старшими дѣтьми. Еще до пріѣзда хозяевъ и гостей былъ накрытъ большой столъ въ залѣ. Мать воротилась очень утомленная и разстроенная, отецъ съ красными глазами отъ слезъ, а прочія показались мнѣ довольно спокойными. Какъ пріѣхали, такъ сейчасъ сѣли за обѣдъ. Кушаньевъ было множество и все такія жирныя, что мать намъ съ сестрицей почти ничего ѣсть не позволяла. Въ концѣ обѣда явились груды блиновъ: ихъ кушали со слезами и даже съ рыданьями, хотя передъ блинами всѣ были спокойны и громко говорили. Мать ничего не ѣла и очень была печальна; я глазъ съ нея не сводилъ. Я слышалъ, какъ она, уйдя послѣ обѣда въ нашу комнату, сказала Парашѣ, съ которой опять начала ласково разговаривать, что она « ничего не могла ѣсть, потому что обѣдали на томъ самомъ столѣ, на которомъ лежало тѣло покойнаго батюшки ». Меня такъ поразили эти слова, что я самъ почувствовалъ какое-то отвращеніе къ кушаньямъ, которыя ѣлъ. Мнѣ даже сдѣлалось тошно.—Вечеромъ гости уѣхали, потому что въ домѣ негдѣ было помѣститься.

На другой день мы сбирались и укладывались, а на третій, рано поутру, уѣхали. Прощанье было продолжительное: обнимались, цѣловались и плакали, особенно бабушка, которая не одинъ разъ говорила моему отцу: « ради Бога, Алеша, выходи поскорѣе въ отставку и переѣзжай

въ деревню. Гдѣ мнѣ управлять мужскимъ хозяйствомъ: мое дѣло вдовье и старушечье, я плоха, а Танюша человѣкъ молодой, да мы и не смыслимъ. Все вѣдь держалось покойникомъ, а теперь насъ съ Танюшей никто и слушать не станетъ. Всѣ разъѣдутся; мы останемся одни, дѣло наше женское, ну что мы станемъ дѣлать?» Отецъ обѣщалъ исполнить ея волю.

С. Аксаковъ.

1857 годъ. Мартъ
Москва.

КАРТИНЫ

ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

I.

ВАРНАКЪ.

.... Мы похоронили его кой-какъ, не то что говорится просто, а бѣдно, какъ не льзя бѣднѣе. Онъ былъ здѣсь всѣмъ чужой, жилъ бобылемъ и не оставилъ полтинника на еловую домовину; нашлись однакожъ люди, которые, любя человѣка, не покинули и трупа его. Мертвый не безъ могилы, какова ни есть она. Посылали даже за попомъ, но дряхлый старикъ не могъ ѣхать 70 верстъ въ открытыхъ саняхъ и въ такую распутицу, а обѣщалъ поминать покойника у себя. Одинъ изъ варнаковъ-старожиловъ, человѣкъ самой почтенной, маститой наружности, но большой руки плутъ, который, въ чаяніи отпущенія ему одного смертнаго грѣха за проводы сорока покойниковъ, не упускалъ ни однаго случая для пополненія этого счета,— читалъ надъ нимъ псалтирь. Провожали гробъ всего человѣкъ пятокъ, да большая сибирская собака, вѣрный Куланъ, не отстававшій въ послѣдніе семь лѣтъ отъ своего хозяина. Это тотъ самый песъ, который грызся однажды съ волкомъ зѣвъ-въ-зѣвъ, заступившись за покойнаго, и наконецъ, при помощи его, одолѣлъ звѣря.

Пару глиняныхъ чашекъ своей работы, пару ложекъ, тулупъ, стеганый поддѣвокъ, два полукафтана — одинъ

плохой, другой получше, три рубахи и пару сапогъ, роздали мы такимъ же голышамъ, какимъ былъ заживо тотъ, на котораго мы справили теперь деревянный тулупъ и отмежевали вотчину въ косую сажень; письмовникъ Курганова и небольшую кипу листовъ, исписанныхъ рукою покойника, я взялъ съ собою. Этимъ жилье его опростало́сь и очистилось, потому что образъ, столъ и лавки были хозяйскіе, того крестьянина, у котораго покойникъ стоялъ, занимаясь то плотничаньемъ, то гончарнымъ ремесломъ. Онъ кормился этимъ, хотя прежде, въ Россіи то есть, какъ здѣсь говорятъ, бывалъ плотникомъ, а въ гончары попалъ только здѣсь, самоучкой. Но онъ содержалъ себя этимъ съ трудомъ и по нуждѣ, потому что рѣдкое населеніе и огромныя растоянія нашего края не дозволяли ему развозить товаръ свой для продажи на сторону; а по сосѣдству, скопидомки жили бережно и били мало горшковъ. Сверхъ того, онъ послѣдніе два года много хворалъ и съ трудомъ только работалъ. Хозяинъ, выпроводивъ насъ, растворилъ окна и сталъ выметать свѣтелку, какъ это водится послѣ покойника, готовя ее, на случай, подъ новаго постояльца. Долговъ не осталось впрочемъ послѣ него ни гроша; онъ разсчитался съ міромъ гладко.

Живучи столько лѣтъ по сосѣдству съ этимъ человѣкомъ и узнавъ его коротко, я дома призадумался. Сѣвъ съ съ трубкой у окна, я глядѣлъ на нашу преславную распутицу: по лицу земли, которой отъ вѣку до вѣку суждено было оставаться мерзлымъ материкомъ, мчалась и скользила мутная, грязная, пѣнистая волна; ужъ всѣ овражки заиграли, ледяныя клепки и обручи разсыпались, и зародышъ во всякомъ зернѣ копошился. Черезъ недѣлю уже все покроется зеленью; черезъ двѣ, ботва и листва густо покроютъ поле и лѣсъ; а на долго ли все это?—Бывало, мы съ покойникомъ въ это время исхаживали много, много пути: ружьишко за плеча, и пошелъ. Стрѣлокъ онъ былъ хорошій, и случалось, что промыслъ этотъ бывалъ для него прибыльнѣе гончарнаго. А товарищъ былъ онъ вѣрный, неизмѣнный, но давно ужъ хилѣлъ душой или сердцемъ, духовною утробой; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь

плоть изнемогала подъ бременемъ и гнетомъ скорбящаго духа.

Я принялся разсматривать полученные мною, по самоуправному наслѣдству, листки, вѣрнѣе сказать, разрозненные лоскутки бумажки разной величины, писанные, судя по черниламъ и почерку, въ разное время, но не менѣе того составляющіе одно цѣлое. На одномъ листкѣ было приписано съ поля: «Судъ на обидчиковъ моихъ», но это было замарано блѣдными, пожелтѣвшими чернилами, и пониже написано: «Грѣшное покаяніе мое». На листкахъ были написаны то молитвы, повидимому имъ самимъ по какому либо случаю сложенныя, то письма, вѣроятно никуда не отправленныя, то замѣтки и короткія разсужденія разнаго рода, а главное, послѣдовательный рядъ отрывочныхъ воспоминаній. Здѣсь у насъ нѣтъ въ обычаѣ распрашивать людей о прошлой жизни ихъ и о поводѣ ихъ ссылки; тутъ всякаго цѣнятъ по тому, какимъ онъ себя покажетъ въ новыхъ отношеніяхъ своихъ, и не рѣдко случается, что люди близкіе, живучи вмѣстѣ по нѣскольку лѣтъ, вовсе не знаютъ кто и что они были и какъ сюда попали. Тоже случилось и съ нами: будучи много лѣтъ товарищами, мы другъ друга никогда не распрашивали о прошедшемъ, а проговаривались развѣ о томъ и сёмъ случайно, коли къ слову придется. По общимъ слухамъ, мы полагали, что онъ попалъ сюда по какому-то бѣдственному приключенію; самъ же онъ говаривалъ близкимъ, что въ преступленіи не виноватъ, а въ несчастіи своемъ самъ виновенъ; что преступленія нѣтъ на немъ, а грѣха много. И такъ, изъ лоскутковъ и записокъ этихъ я впервыя узналъ въ нѣкоторой подробности жизнь и похожденія этого человѣка. Передаю разсказъ этотъ, гдѣ только можно, его же словами; пополняю по необходимости то только, чего тутъ и тамъ не доставало. Можетъ быть кого нибудь займетъ прямодушный разсказъ человѣка, давно уже умершаго для родины своей гражданскою смертію, закинутаго девятымъ валомъ судьбы въ новое отечество, для новой, скудной жизни, а нынѣ уже вновь народившагося въ коренной отчизнѣ своей, для жизни духовной.

Покойная барыня наша — такъ начинаетъ онъ разсказъ свой—была, пожалуй что и добрая барыня, да больно причудлива и безтолкова. Что взбрело на умъ, тѣмъ и бредитъ, то и видитъ, а впередъ и по сторонамъ ничего. Не чая худа, творила она этимъ много худаго. Я выросъ у нея въ домѣ на старинномъ хозяйствѣ, гдѣ дворовыхъ было до сотни, гдѣ крохи со стола подбираются, яйца подъ курицами считаются, а кладь другая хлѣба ускользаетъ промежъ пальцевъ; а лишнія пустоши отдаются, по заведенному порядку, подъ съёмъ, по полтинѣ мѣдью за десятину. Меня приказано было учить грамотѣ и готовить въ конторщики, а учился я вмѣстѣ съ барченками, только за особымъ столомъ. Всѣ шалости дѣлались у насъ съ ними пополамъ и съ обща; я ни какъ уже не считалъ себя крестьяниномъ, а покрайности полубарченкомъ. Вотъ у меня и зародилась дурь немужицкая, а на барскую стать, и всѣ затѣи мои стали походить на барскія. Когда я бывалъ въ милости у барчатъ, за одно съ ними состряпавъ какую нибудь шалость, то меня кормили съ барскаго стола; а когда они, перессорясь между собою, доносили на меня, то молодаго конторщика сѣкли, въ острастку молодымъ господамъ, а иногда еще отправляли на кирпичный заводъ—ссылочное мѣсто, гдѣ запрещено было варево, а всѣ состояли на сухоядѣніи, на хлѣбѣ и водѣ.

Въ это время я отданъ былъ старшему изъ молодыхъ господъ нашихъ, однихъ со мною лѣтъ, для прислуги. И баринъ, и слуга подросли, и общія шалости ихъ, тайкомъ отъ барыни, мало по малу стали принимать уже иную, не совсѣмъ ребяческую складку. У барченка моего, при всѣхъ дурныхъ замашкахъ такаго воспитанія, было преподатливое сердчишко, раненько разогрѣтое въ дѣвичей старой барыни, гдѣ не переводились швеи, вязеи и кружевницы всѣхъ разрядовъ и возрастовъ. Я былъ тутъ, по наряду, пособникомъ и помощникомъ; скоро и во мнѣ самомъ проснулось и заговорило ретивое—да не на тотъ ладъ. Для барина все это были однѣ игрушки да потѣхи, а за меня принялась она, дурь эта, злою сокрушительницею..... Скажу напередъ, что грѣха я не зналъ, а тоску нажилъ такую неизбывную, что почитай одурѣлъ.

И что̀ за причуды и безсмысленныя затѣи роятся въ своевольномъ сердцѣ нашемъ, отколѣ берутся онѣ и куда норовятъ? Сѣнныхъ дѣвушекъ, ровней и дружекъ мнѣ на подборъ и выборъ, было десятка съ три; такъ вотъ не туда мы глазомъ накинули: подымай выше......

Стала догадываться тутъ чему-то старшая кружевница барынина, дѣвка съ сѣдою косой, да набранившись со швеями и вязеями, пошла да и донесла барынѣ обо всѣхъ шашняхъ ихъ и барчатъ, да кстати ужъ вплела туда и меня. Тутъ пошла по всему дому такая переборка, что я вижу страшный день этотъ передъ собою, будто все это сбылось только вчера.

Сѣнныхъ дѣвушекъ, швей и кружевницъ моихъ пересѣкли, которой полголовы остригли, которой косу обрѣзали; молодыхъ баръ переселили въ другіе покои, такъ что имъ не стало другаго выхода изъ дому, какъ черезъ комнату старой барыни—если бъ не было оконъ; а меня тотчасъ же велѣно сдать въ рекруты.

На счастье, не то на бѣду мою—и самъ не знаю—у меня былъ дядя, старый конторщикъ, любимецъ старой барыни, тотъ самый, который отдавалъ землю въ оброкъ, по полтинѣ мѣди за десятину; онъ пожалѣлъ меня за молодость мою, говорилъ, что слѣдовало бы начать расправу съ баръ, а не съ меня и приказалъ мнѣ тотчасъ бѣжать и хорониться дня три въ лѣсу, а послѣ держалъ меня у себя въ подпольѣ. Черезъ нѣсколько дней, дядя вызвалъ меня оттуда, объявилъ прощенье и приказалъ тотчасъ же готовиться въ путь, на чужую сторону. Дѣло это сдѣлалось такъ: выждавъ, покуда у старой барыни прошло горячее сердце, онъ съумѣлъ приноровиться въ добрый часъ къ обычаю ея и упросилъ, чтобъ меня, замѣсто солдатства, выгнать на полуторный оброкъ. Онъ самъ внесъ за меня тотчасъ же оброку за полгода впередъ, приказалъ мнѣ стараться, какъ можно, объ уплатѣ его, выдалъ мнѣ изъ конторы билетъ и велѣлъ тотчасъ же отправляться, не мѣшкая ни минуты, чтобъ барыня не передумала. Съ нею это случалось.

На селѣ нашемъ водился одинъ общій промыселъ, не-

реходившій по наслѣдству на всѣхъ, какъ болячка. Имъ однимъ и промышляли всѣ оброчные: строили барки, лодки и струги, ходили съ топоромъ, а также въ паромщики и перевощики, по разнымъ мѣстамъ, а иные и просто въ бурлаки, на низовье. Какъ избалованный полубарченокъ, называемый въ шутку племянникомъ любимой барской курицы, а стало быть и бѣлоручка, я топора въ рукахъ не державалъ. Однако дѣлать больше нечего, пошелъ я поискать такого хозяина, чтобъ принялъ въ перевощики, покулѣ не навыкну порядкомъ къ топору.

Оброчные ребята жили у насъ въ городѣ Котахъ, и я пришелъ туда же. Отыскалъ я своихъ, поздоровался—кто потужилъ со мною, кто посмѣялся—иди, говорятъ, въ нашу артель, отъ своего не откидываться стать; хозяинъ знаетъ нашихъ и приметъ тебя, ты парень молодой, здоровый. Поглядѣлъ я на нихъ, какъ они живутъ, и какъ мнѣ съ ними жить доставалось — такъ только вздохнулъ, да скрѣпя сердце смолчалъ: изба на двѣ половины, называемая бѣлою, за то что печи съ трубами—печи во всю стѣну, палати во всю избу, нары чуть не во весь помостъ, народу набито видимо-невидимо...... Тутъ въ Сибири ѣдятъ нашего брата одни клопы (1); ну, хоть и докучливо, да не такъ велика птица; а тамъ, одной крупной скотины, тараканов да прусаковъ, не огребешься, а мелкой пѣшей и конной рати, тучи тучами. Нечего дѣлать однако; чужая сторона хоть и мачиха, да не отбыть ея. Пошелъ я въ плотники и въ поромщики, а какъ сказался хозяину, изъ какихъ я мѣстъ, то онъ принялъ меня безъ слова, зная по землякамъ моимъ наши промыслы. Черезъ мѣсяцъ времени и у меня въ рукахъ топоръ пошелъ повертываться не хуже, чѣмъ у людей, и зажилъ было я по людски.......

Но, кого Господь чѣмъ захочетъ взыскать, взыщетъ, а покарать—такъ покараетъ. Что разъ сошло съ рукъ, на томъ таки суждено было мнѣ опять спотыкнуться и не сносить головы. Полубарскія затѣи у меня не шли съ ума;

---

(1) Въ Сибири блохъ нѣтъ, онѣ даже пропадаютъ на собакахъ; нѣтъ и тараканов.

во снѣ и на яву одно грезится, что я-де молодецъ изъ молодцовъ, дѣтина, какаго по бѣлу свѣту не сыскать и въ сказкѣ не сказать; и думается, и видится, какъ бы чудомъ какимъ въ люди выдти, черное житье да черную работу бросить, зажить бы дворянчикомъ, сладко съѣсть, мягко спать, да ходить въ тонкомъ сукнѣ; то видится вотъ княжна, не то царевна какая, полюбила меня, не въ примѣръ прочимъ, къ себѣ призываетъ, всяческими милостями осыпаетъ, золотой казной одѣляетъ. Поди-де сюда, Иванъ крестьянскій сынъ, поди на бѣлы руки мои, подъ шелковы кудри мои, вотъ тебѣ дорогой подарочекъ: завѣтный золотъ перстень, алый шелковъ платъ, да серебряна опоясочка; потри правой рукой золотъ перстень—быть тебѣ, на зло и зависть всѣмъ, молодымъ красавчикомъ, бояриномъ; тряхни золотой опоясочкой—не потовой мѣдный грошъ, а даровое золото посыплется; махни шелковымъ платочкомъ—я стою передъ тобой, что листъ передъ травой.......

По сосѣдству нашего плотничья подворья жилъ пребогатый купчина, а у него была однѣмъ одна дочь. Увидалъ я ее впервыя, когда шла она съ отцомъ изъ церкви, въ праздничный день, разубранная, разукрашенная, ну волосъ въ волосъ моя сказочная царевна; и походка такая, и стать такая-жъ, и личикомъ какъ будто на нее похожа...... повязка съ жемчужною поднизью и назатыльникомъ, жемчужные борки ожерельемъ, такъ вотъ будто кто на мою красавицу горстями высыпалъ жемчугъ, вся имъ облита; сарафанчикъ штофный, розовый, съ золотой обошвой; тѣлорѣя парчевая, бористая, на черныхъ соболяхъ, фата кованая (¹)....

Ну, мнѣ ли, бобылю бездомному, ссыльному на полуторный оброкъ холопу, заглядываться на птицу такаго полету, какова была Марѳа Петровна Столешникова?—Да на нее не смѣли умомъ накинуть и лучшіе купецкіе сынки Котовской знати; ни одна сваха и подумать не смѣла о

(1) Два неразрѣзныхъ шелковыхъ платка, ширинкой, съ золотыми цвѣтами.

томъ, чтобы ступить ногою черезъ порогъ такого дома; всѣ Котовцы и безъ разговору знали, что въ Котахъ нѣтъ дружки для этой пташки, а что знать повезутъ ее въ Москву—тамъ утерять ей завѣтную дѣвью волюшку свою, тамъ сложить дѣвичью красу....

Изъ первыхъ заработковъ справилъ я себѣ тонкаго сукна сибирку; деревенскую высокую шляпу съ подхватомъ замѣнилъ щегольскимъ *срѣзкомъ*, низкой шляпой на бекрень; купилъ и сапоги съ оторочкой и шелковой поясъ...... хоть ѣсть-не-ѣсть и пить-не-пить, а безъ этого не жить. Каждое Воскресенье, каждый Божiй праздникъ стерегъ я Марѳу Петровну, когда она шла чинно съ отцомъ, по выходѣ изъ церкви, спускаясь по ступенямъ съ широкой соборной паперти. Никто не замѣчалъ сумазбродныхъ продѣлокъ моихъ, никому конечно вдогадъ не было, чтобы стоящему въ толпѣ черни бездомному шатуну залицаться подъ кованую фату. Но Марѳа Петровна видѣла и замѣчала меня. Отчего жъ она, дочь Петра Сидоровича Столешникова, видѣла и замѣчала барочнаго плотника, чернорабочаго, молодаго дѣтину съ лубковыми мозолями на ладоняхъ, за которымъ и всего-то животовъ было: крестъ да пуговица, рубаха красной александейки, да топоръ съ ясеневымъ топорищемъ? Не знаю; а спросить объ этомъ ее мнѣ не доводилось; да едва ли только знала и сама она.

Сталъ я, какъ бары дѣлаютъ, ходить подъ окнами терема Марѳы Петровны, сталъ чаще попадаться ей встрѣчу; ужь что со мною горемычнымъ пентюхомъ дѣлалось—не знаю, а не повидавъ Марѳы Петровны дня три, бывало мнѣ хоть зарѣзаться, хоть утопиться; а увижу—опять разгуляюсь, опять свѣтъ ясный увижу передъ собою, и самъ съ собою какъ будто полажу.... Ни разу я съ нею не говаривалъ, никакихъ не было межъ нами пересыловъ, и никому на умъ не приходило, зачѣмъ я грѣшный каждый праздникъ хаживалъ въ соборъ къ обѣднѣ. Знать некому было сказать мнѣ: ну съ нашимъ ли рыломъ въ соборъ къ обѣднѣ—будетъ съ насъ и въ приходскую! И у меня въ помыслѣ не было попытки, чтобы спознаться ближе съ Марѳой Петровной, ниже поразмыслить о томъ, что я дѣ-

лаю и куда бреду? — Шелъ день за днемъ, шесть дней хозяйской работы, а спать про себя; придетъ Воскресенье, кто куда, у кого гдѣ какая погулка—у меня все одно, и другаго не надо. Только и было всѣхъ помышленiй моихъ, словно одной этой встрѣчей былъ я и живъ, и сытъ, и пьянъ, и здоровъ; а какъ еще она осыплетъ меня взглядомъ своимъ, то пойду, бывало, своей дорогой, и духъ займется, и въ головѣ зашумитъ, словно передъ обморокомъ; и хожу послѣ этого цѣлую недѣлю королевичемъ, на четверть повыше всѣхъ генераловъ....

Работникомъ оставался я трезвымъ и хорошимъ, ни за одно дурное дѣло не брался, потому что худое мнѣ и на умъ не шло, ради стыда передъ Мароой Петровной и передъ самимъ собою. Мнѣ вотъ казалось, будто она все видитъ, и слышитъ, и знаетъ, что̀ я дѣлаю; такъ я себя ужъ и держалъ, чтобъ этого не бояться.

Вдругъ пронесся слухъ, что у Петра Сидорыча дочь просватана. Человѣкъ онъ въ городѣ былъ изъ первыхъ, и говору объ этомъ прошло не мало. Я прислушивался, распрашивалъ, какъ бы изъ сторонняго любопытства, и вижу, что слухъ походитъ на дѣло. Старикъ-де разсудилъ, что Мароѣ Петровнѣ пора замужъ; что самъ онъ ужъ въ лѣтахъ и подъ-Богомъ ходитъ, а роду-племени нѣтъ, успокоить старости своей негдѣ, богатства передать некому; а куда-де пойдетъ оно, какъ я умру, а она останется круглой сиротой? Нахаловъ-то много, отбою не будетъ, а путнаго врядъ ли найдешь. Вотъ онъ и сталъ самъ прiискивать жениха, такого, чтобы взять его въ домъ, усыновить, передать исподволь при себѣ дѣла̀ и оставить ему все свое богатство. Былъ у Петра Сидорыча какой-то старинный прiятель, такой, съ которымъ знались они смолоду, но жилъ онъ въ другой губернiи и торговалъ бѣдно. У этого прiятеля было двое сыновей, одинъ въ такихъ лѣтахъ, что годился въ дружки Мароѣ Петровнѣ. Вотъ Петръ Сидоровичъ и вздумалъ идти въ дѣлежъ со старымъ другомъ: отдай мнѣ, говоритъ, одного сына, а другой пусть остается тебѣ; я же за это передамъ ему достатокъ свой, помогу и тебѣ. Не видавъ нареченаго зятька своего

съ малыхъ лѣтъ его, Столешниковъ вызвалъ его и объявилъ съ плеча, что беретъ его замѣсто сына. Ты-де человѣкъ небогатый, неизбалованный, а изъ хорошей семьи; знаю я отца твоего, знавалъ и дѣда; чай, мотать не станешь, пойдешь по своимъ; авось станешь слушаться меня старика, поколь я живъ, а послѣ чтить будешь память мою.

Всякая самоувѣренность, самонадѣянность человѣка родится отъ себялюбія и самотности его; оттого, что думаешь только о себѣ, и что мнѣніе свое считаешь непогрѣшимымъ. Дѣда зналъ, такъ за дѣда бы и отдавалъ; а съ чего же взялъ отдавать за внука, котораго не знаешь?—Отъ увѣренности, что, коли я выберу, то будетъ хорошъ; а коли я жалую его своею милостію и богатствомъ, такъ онъ будетъ въ моихъ рукахъ: что захочу, то изъ него и сдѣлаю.—А для чего я хочу въ свою голову закабалить дочь, отдать ее, словно товаръ, съ товаромъ же и съ деньгами?—Для того, чтобъ было кому меня помянуть, почтить память мою; пуще всего мы боимся того, что со смертію и знатность, и богатство наше, все порѣшится, и помину ему не будетъ; даже не кому будетъ поплакать по насъ, пожалѣть,—такъ купить хоть скорбника за свои деньги....... а развѣ скорбникъ этотъ не станетъ зырить смерти твоей, какъ воронъ крови?

Что было со мною—не знаю, какъ и сказать; какъ будто ничего, а какъ будто и послѣдній часъ мой насталъ. Ну что жъ, просватана Марѳа Петровна, такъ просватана; кажется меня, это не касается; я кто же ей буду?—А тамъ опять, какъ захватитъ поперегъ сердца—кто его знаетъ, не разберешь. За себя я ея николи не чаялъ; что надо будетъ ей идти замужъ,—зналъ; вотъ, оно бы, казалось, все въ порядкѣ....... такъ мнѣ бы вотъ хотѣлось положить голову свою за нее на плаху, только; а тамъ—лишь бы она знала это, да и выходила бы съ Богомъ за счастливаго и любаго. Вижу, что дурь одна по мнѣ ходила—да дѣваться некуда, такъ было, такъ и говорю. Кого жъ я полюбилъ болѣ, ее, или себя?—Коли ее, то для чего жъ подносить ей голову свою на плахѣ, на радость, что ли? Ус-

покоить развѣ хотѣлъ я этимъ жизнь ея, упрочить семейное счастье?—Казнись же всякъ, глядя на меня; всѣ мы одни горшки, всѣ изъ одной глины вылѣплены.

Идемъ мы разъ какъ-то артелью съ работы; гляжу—у воротъ Петра Сидоровича бричка, и бричка чужестранная, въ Котахъ такой не бывало. Растворились ворота, прикащики низко кланяются, бричка въѣхала во дворъ. Это отецъ съ сыномъ пріѣхалъ, привезъ на смотрины казать своего жениха. Рѣчи Петра Сидорыча къ нему я ужъ говорилъ; Марѳа Петровна, теремная жилица, знаетъ одну волю батюшкину; старики дѣло промежъ себя покончили и простились до осени. На Покровъ свадьба.

Встрѣчалъ и провожалъ я опять Марѳу Петровну, по старому; а заноза какая то засѣла; щемило, да и только. Она сердешная, бывало, никогда больше одного разу не взглядывала на меня, въ одну встрѣчу, хоть и случится стоять поодаль при ней долго; и теперь тожъ, этого обычая она не мѣняла, да словно взглянетъ на меня жалостливѣе, больнѣе прежняго. Память мутилась въ головѣ, сердце надрывалось; такъ я и бродилъ пестомъ, словно толокна въ ступѣ наѣвшись, ничего не зналъ, ничего не думалъ, ничего не помнилъ.

Пришла осень и Покровъ, пріѣхалъ и женихъ съ родителями, и заняли они цѣлую половину въ домѣ Столешникова, заранѣе приготовленную. Въ Котахъ огласилось, что быть скоро свадьбѣ; люди бѣгали смотрѣть на жениха, словно на Бухарскаго посланника. Я не ходилъ, ровно все одно мнѣ, каковъ онъ нибудь. Что тутъ было толковъ! Одинъ не могъ надивиться, что Петръ Сидоровичъ отдаетъ такую цѣнную дочь за голыша, тогда какъ нашлись бы женихи-ровни; другой, для чего не беретъ онъ въ зятья знатнаго, почетнаго, чиновнаго, дворянскаго роду, умнаго, ученаго, образованнаго; для чего, пуще всего, не отдастъ дочери за военнаго, которые бъ сразу расхватали и дюжину такихъ невѣстъ...... Я поглядѣлъ только, да и подумалъ про себя: не такой товаръ, чтобъ его на дюжины класть; и отошелъ въ сторону. Забившись въ самый темный уголъ полатей, я пролежалъ тамъ, дуракъ дуракомъ, круглые сут-

ки, сказавъ, что голова болитъ. Ее таки и воротило у меня къ затылку. Черезъ сутки я всталъ и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, на работу.

Сыграли свадьбу, и я стоялъ съ народомъ подъ окнами, гдѣ столпился весь Котовскій православный людъ; и глядѣлъ я на все, какъ помню смирно и спокойно; знать я и былъ опять похожъ на себя, потому что никому, на меня глядя, никакой догадки въ голову не приходило... да и кому же, вправду, пойдетъ на умъ така блажь.... ну, про это полно.

Замужемъ видѣлъ я Марѳу Петровну все рѣже да рѣже; какъ-то случая такого не выходило, да и самъ я будто выбился изъ силъ, будто сердце мое, жерновами измолотое, заглохло и притихло. Я ходилъ, какъ живой и правилъ всю работу, какъ слѣдуетъ.

Не много времени спустя, о молодомъ нашемъ пошли слухи недобрые. Что была у него, какъ говорится, дыра въ горсти, что моталъ безпутно, это бы не наше дѣло, Богъ съ нимъ; да худо то, что сталъ онъ горькимъ пьяницей и буяномъ, обидчикомъ молодой жены. Бился, бился съ нимъ Петръ Сидоровичъ, весь бѣлый свѣтъ виноватъ передъ нимъ и всѣхъ проклинаетъ, а самого себя не винитъ ни въ чемъ. Вотъ и прошелъ слухъ, что не сегодня, такъ завтра сгонитъ онъ сынка со двора совсѣмъ—а онъ замѣсто того самъ взялъ, да на утро и померъ.

Волей неволей старикъ все добро свое покинулъ, съ собою не взялъ ничего. И пошелъ чортъ по клепкамъ, пошелъ зятекъ на просторѣ ходить такимъ козыремъ, что пыль столбомъ, дымъ коромысломъ. Безпутнѣе этого житья врядъ ли кто видывалъ, отродясь. Что она горя приняла—и не перечтешь, не перескажешь; Богъ одинъ про то и вѣдаетъ. А каково мнѣ-то было слышать все это—и про то Богъ одинъ вѣдаетъ, грудь одна знала да подоплека, а не сказывалъ я о томъ никому. Вижу я только, встрѣтивъ ее въ кои годы разъ, что стала она сердешная на себя не похожа. Молчу да терплю.

Въ Котахъ былъ обычай: большое гулянье въ Духовъ день въ рощѣ. На гулянье это не попадалъ развѣ тотъ

изъ Котовцевъ, кто помиралъ наканунѣ. Старъ и малъ, съ чадами и домочадцами, баринъ и слуга, барыня и судомойка—словомъ, ни одного калѣки нищаго не оставалось въ городѣ, который бы можно въ этотъ день ограбить и выпустошить до чиста, и сами хозяева и мѣстныя власти узнали бы объ этомъ не прежде, какъ воротившись къ свѣту домой,—все было въ рощѣ на гуляньи. Роща эта лежала за рѣкой, моста не было, а потому однимъ намъ, перевощикамъ, и не было праздника въ этотъ день, они одни его не знали. Что было лодокъ у нашего хозяина, всѣ исправилъ онъ и пустилъ къ этому дню въ дѣло; да и мы всѣ, сколько насъ было у него рабочихъ и плотниковъ, всѣ до одного сидѣли въ веслахъ.

Стало густо смеркаться; въ рощи повсюду вынырнули изъ потемокъ огоньки; шумъ, гулъ, крикъ и пѣсни несутся издали на рѣку, то громче, то глуше, по прихоти вѣтра; сколько концовъ далъ я взадъ и впередъ, ужъ и не помню, а стоялъ съ лодкой, усталый, у того берега, подъ рощей, выжидая хорошихъ сѣдоковъ домой. Я сидѣлъ, свѣсивъ голову промежъ плечъ, призадумавшись, колобродилъ умомъ невѣсть гдѣ—то орломъ ширялъ, то бѣлымъ лебедемъ по поднебесью; дѣло бездонное и безпошлинное, за то и бездоходное. Перевощикъ! взревѣлъ пьяный голосище почти надъ самымъ ухомъ моимъ, потому что хозяинъ этого голоса невольно свѣсился и наклонился впередъ—я вздрогнулъ и, оглянувшись, увидѣлъ Марѳу Петровну съ мертвецки пьянымъ хозяиномъ своимъ. Онъ мотался на покосныхъ ногахъ туда и сюда, ругался срамно и буянилъ; она, разодѣтая празднично, поддерживала его, ублажала въ страхѣ и умоляла сѣсть скорѣе въ лодку и ѣхать домой.....

Я опомнился только, когда всплеснулъ веслами по мокрой зыби; молча гребъ я налогомъ враспашную, то глядя тупо передъ себя, на несродную чету, то поверхъ, въ темную рощу, осыпанную огоньками, какъ звѣздами. Было ужъ поздно, и въ ней раздавались только одинокіе, запоздалые, да дружные хмѣльные голоса отсталыхъ гулякъ, въ родѣ того, котораго я везъ. Ему не сидѣлось, черезъ

силу Мароа Петровна удерживала его на мѣстѣ; неугомонный буянъ, задорный и драчливый во хмѣлю, все придирался къ ней, ругался, и вдругъ ни съ того ни съ сего, полѣзъ драться. Надорвалось у меня ретивое, какъ она взвыла подъ его лапищами.... «На водѣ не драться», закричалъ я грознымъ голосомъ; онъ, заложивъ видно уши крѣпко, какъ будто не разслышалъ или не взялъ въ толкъ словъ моихъ, поглядѣлъ на меня, да опять за тоже. Я закричалъ на него острасткой еще погромче и привсталъ съ угрозой, только этого ему и надо было; онъ покинулъ хозяйку и сталъ придираться ко мнѣ. Я молчалъ и гребъ, не отзываясь ни чохомъ, ни вздохомъ; онъ же, освирѣпѣвъ, полѣзъ ко мнѣ драться, да не зналъ, какъ черезъ всю лодку дойти: то привстанетъ и опять осядется, какъ лодку качнетъ, то полѣзетъ на корачкахъ, бранится на чемъ свѣтъ стоитъ и кулаками издали на меня тянется. Я гребу все молча; Мароа Петрова сидитъ, плачетъ, хватаетъ его за полы, умоляетъ; онъ оретъ бранью и все лѣзетъ, хватаясь по краю—того и гляди вывалится; что̀ я стану съ нимъ дѣлать? Наконецъ добрался таки онъ до меня и не унимается, лѣзетъ. Я сжалъ кулаки на веслахъ, положивъ зарокъ—молчать и не трогать его пальцемъ, а грести, хоть бей онъ меня, хоть что̀ хочешь дѣлай. Онъ былъ такъ пьянъ, что и лыко не вязалъ, чай, не могъ бы меня и больно ударить. Вскинувшись вдругъ на меня зря и встрѣтивъ толчекъ веслами, которыя заносилъ я въ это время, налегая впередъ, онъ повалился подъ лавку, опять вдругъ вскочилъ на ноги, хотѣлъ пасть на меня стойкомъ, повихнулся бокомъ и со всего размаху перекинулся черезъ голову въ воду.

Это было по самой срединѣ быстрой, глубокой рѣки; грузный виномъ забіяка пошелъ ко дну, какъ топоръ, и пузыря не пустилъ. Что̀ тутъ было, не съумѣю и сказать. Пробившись долго на мѣстѣ, чтобъ отыскать утопленника, и все по̀ пусту—его конечно уволокло теченіемъ, а и насъ также несло, ночь темна, я и потерялъ мѣсто самое и не могъ болѣе опознаться—я сѣлъ на свое мѣсто; руки мои опустились, не могъ я приняться за весла,

ла и не зналъ, куда грести, что дѣлать; она сидѣла на своемъ мѣстѣ, въ кормушкѣ, оба мы молчали. И самъ я теперь не пойму себя, отчего я не сталъ кричать, не звалъ помощи, отчего не присталъ тотчасъ къ берегу, чтобъ заявить обо всемъ начальству; ничего не знаю; знаю только, что сидѣлъ я, подпершись локтями и глядя себѣ въ ноги, и что лодку несло водой, таща безпамятныхъ, невѣдомо куда.

Заря стала заниматься. Куда грести, Мароа Петровна? спросилъ я, насъ снесло далече. Это была первая моя рѣчь къ ней, потому что рѣчей не было у насъ, когда утонулъ хозяинъ ея; она словно была безъ памяти, я же прянулъ за нимъ, да выбившись изъ силъ едва опять попалъ въ лодку; охалъ, говорилъ ли что про себя, не помню, а бесѣды у насъ не было.—Куда грести, Мароа Петровна?—Домой, проговорила она.—И вправду, куда жъ было еще грести, коли не домой; откуда такой глупый вопросъ взялся?

Я опять молча налегъ на весла и чуть не къ полудню только выгребъ противъ воды до мѣста. Надо заявить, сказалъ я, опомнясь теперь; это было и всего-то второе слово мое къ ней.

Пошло слѣдствіе; меня стали винить, что я его утопилъ, что сгубили мы его вмѣстѣ; всѣ знали, каково житье ея было за покойникомъ, такъ оно бы, по людскому сужденію, дѣло сбыточное. Пуще всего уликой противъ меня было, что пропадали мы съ лодкой, невѣдомо гдѣ и зачѣмъ, почти до полудня, а не пристали тотчасъ въ ночи къ пристани и не заявили дѣла. Съ утра ужъ домашніе Мароы Петровны спохватились хозяевъ, полиція и городъ всполошились, отыскивая пропавшихъ съ гулянья безъ вѣсти, и допросы ужъ начались.

Что мнѣ было говорить, что ей бѣдной сказывать передъ судомъ, чѣмъ оправиться?—А каково-то мнѣ было объ эту пору, что втянулъ я ее сердешную, однимъ только безразсудствомъ своимъ, въ такое дѣло?—Но есть на человѣческую глупость Божья премудрость и милосердіе: Мароу Петровну онъ прибралъ къ себѣ, въ неземные лики

свои, а мнѣ грѣшному велѣлъ искушаться еще, до сроку не изнемогая духомъ и не ропща. И не стану: одна голова не бѣдна, а и бѣдна, да одна.

Съ этого-то времени я и сталъ радушнымъ гостемъ земли, выжидая часу, когда Отецъ призоветъ къ себѣ блудныхъ дѣтей своихъ. Кто что ни говори—въ гостяхъ хорошо, а дома будетъ лучше.

II.

КЛИКУША.

Весною прибылъ я въ большую графскую вотчину, въ одной изъ сѣверныхъ губерній нашихъ, куда поступилъ я управляющимъ. Надобно сказать, что я дотолѣ крестьянами не управлялъ, кромѣ своего маленькаго имѣнія, на которомъ даже не могъ бы прожить самъ съ семействомъ; но я зналъ и любилъ хозяйство и занимался имъ уже давно, по книжному и наглядно. Я полагалъ, что нѣсколько знаю нашего крестьянина, бытъ, нужды, наклонности и замашки его, а потому и надѣялся сладить съ нимъ и принести нѣкоторую пользу. Словомъ, я съ большимъ усердіемъ и охотой занялся своею новою обязанностію и началъ съ того, что сталъ вникать во всѣ подробности крестьянскаго быта, и въ особенности мѣстнаго, бывшаго до меня, управленія. И вотъ, на первыхъ же порахъ, представился довольно замѣчательный случай для испытанія моихъ управительскихъ дарованій.

Разсматривая поданные мнѣ изъ конторы списки наличности разнаго рода, я между прочимъ остановился на одной довольно странной для меня статьѣ; въ какомъ-то валовомъ спискѣ наличныхъ, тягольныхъ и безтягольныхъ, крестьянъ, бобылей, холостыхъ, престарѣлыхъ, калѣкъ, дряхлыхъ и хворыхъ, самымъ дикимъ и безтолковымъ образомъ перемѣшаны были: коровы, козы, овцы, люди, гуси, индѣйки — по тамошнему *шоры,* — и бабы; въ томъ

числѣ, между прочимъ, показано отдѣльно: *колдуновъ* 3, *кликушъ* 23. — Пересмотрѣвъ списокъ нѣсколько разъ и убѣдившись, что я не ошибаюсь, что колдуны и кликуши эти, хотя они и поставлены вслѣдъ за гусями и утками, относились не до какой либо неизвѣстной мнѣ породы домашнихъ животныхъ, а до людей, я велѣлъ позвать старшаго конторщика; дѣло очевидно требовало объясненія.

Что̀ это? спросилъ я, указывая на вторую изъ сомнительныхъ статей. — Кликуши-съ, отвѣчалъ тотъ, посмотрѣвъ напередъ со вниманіемъ и убѣдившись, что тутъ не было никакой описки. — Да это я вижу, но что̀ жъ это значитъ, отчего онѣ кликуши, кто пожаловалъ ихъ въ это званіе? — Богъ ихъ знаетъ; колдуны, должно быть; онѣ какъ выкрикиваютъ или выкликаютъ, такъ на нихъ, на колдуновъ, то есть, показываютъ; испорчены, должно быть-съ. — Кто жъ у васъ завелъ порядокъ этотъ, чтобъ были кликуши, и давно ли это ведется? — Давно будетъ-съ, чай спокопъ-вѣку, и не въ память старикамъ. Безъ этого Божьяго наказанія никакъ не льзя, вотчина большая, сами изволите знать; это вѣдь здѣсь не только что у насъ, а по всему краю, дѣло извѣстное. Туда вонъ къ Шадринску, опять вотъ къ Чердыни, такъ ихъ и нѐвѣсть что̀. А по описямъ ведутся онѣ, то есть, значатся у насъ для порядка, еще отъ покойнаго графа; и тогда уже были онѣ, кликуши эти, только не много; для этого самаго и приказано было ихъ переписать; ну, а замѣстъ того онѣ пуще расплодились; такая бѣда, годъ-отъ-году все больше. — На работу ходятъ онѣ у васъ? — Которыя ходятъ, да плохо; какая у обѣдни выклика̀ла, такъ ужъ на недѣлѣ не работница, отдыхаетъ. Что̀ съ ними станешь дѣлать, вонъ, иной такъ и сами старики боятся и старосты; того-гляди выкричитъ ихъ по имени, какъ залаетъ по сабачьи. — Что̀ это значитъ? Я тебя не понимаю; ты знаешь, я человѣкъ новый: говори мнѣ толкомъ, все.

Тогда я услышалъ вотъ что̀. Кликуши оказываютъ порчу и силу свою по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, во время службы, обычно на церковной паперти; какъ только заблаговѣстятъ къ Достойной, а иногда, какъ за-

поютъ Херувимскую, то одна изъ кликушъ, стоящихъ уже изъ предосторожности у самыхъ дверей въ церкви, или даже снаружи, на паперти, — одна изъ нихъ начинаетъ завывать дикимъ голосомъ или *голготать*, какъ выразился конторщикъ, и ее скорѣе выводятъ. Тутъ она начинаетъ заливаться всѣми голосами, дразнитъ всѣхъ звѣрей и животныхъ, особенно же кричитъ по свиному, лаетъ и воетъ собакой. Между тѣмъ, другія пристаютъ къ запѣвалѣ подголосками, подкатываютъ очи подъ лобъ, подворачиваютъ *та́лы*, какъ здѣсь говорятъ; руки и ноги и наконецъ все тѣло начинаетъ корчить и сводить судорогами; бабы мои падаютъ, закидываютъ головы, воютъ и ломаются на всѣ лады, до изнеможенія; ихъ покрываютъ чѣмъ нибудь и оставляютъ въ покоѣ, а пришедъ въ себя, онѣ ничего не помнятъ. Иногда, въ неистовомъ крикѣ своемъ, безотвязно повторяютъ онѣ одно какое нибудь слово, ломая и коверкая его такъ, что надобно догадываться и добираться до него съ трудомъ: смыслъ и таинственное значеніе этого слова составляетъ надолго завлекательную загадку для народа, который считаетъ это пророчествомъ и выводитъ изъ того свои заключенія. Если кликуша выкрикиваетъ такимъ образомъ кого нибудь поименно, чье нибудь имя, то указываетъ этимъ на колдуна, который ее испортилъ; колдунъ этотъ, слыша такую очевидную улику, и самъ не смѣетъ отпираться отъ вины своей, а либо кается прямо, либо угрюмо молчитъ. Говорить нечего: улика налицо. Этихъ-то кликушъ и указываемыхъ ими колдуновъ, по заведенному изстари обычаю, вносили въ именные списки и показывали, какъ мы видѣли, въ особыхъ графахъ или статьяхъ, рядомъ съ *шорами* и *дочьками*, то есть, индѣйками и свиньями.

Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣчу здѣсь, что болѣзни кликушъ, въ прямомъ и строгомъ смыслѣ не льзя назвать притворствомъ, но можно, по справедливости, назвать шалью, дурью, которую бабы напускаютъ на себя глядя на другихъ. Нервическіе и истерическіе припадки бываютъ, если не прилипчивы, то духовно или нравственно заразительны, возбуждая почти невольную переимчивость, поддерживаемую обычаемъ и неизвѣстными отношеніями мѣстности. Сильное

нравственное сотрясеніе, особенно кстати приспособленное вліяніе страха, иногда въ болѣзняхъ этого рода оказываетъ волшебное пособіе; брось одна дурить, и вслѣдъ за нею, по причинѣ той же непостижимой переимчивости, всѣ вдругъ выздоравливаютъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ случаѣ является отчасти и прямое притворство.

Я сталъ освѣдомляться, не лечили ль кликушъ этихъ, и услышалъ, что прежде много лечили, все дѣлали, что люди скажутъ, да ничего не было пользы. Ихъ, сударь, лечить не льзя, сказалъ конторщикъ самоувѣренно, потому что это наслано, по вѣтру пущено, то есть, онѣ испорчены. Бывало за покойнаго графа лекарей привозили изъ города, и много хлопотъ было, и денегъ потратили, а толку нѣтъ. Который дѣло свое знаетъ, такъ самъ отказывается, а другой, несмыслящій, пить даетъ снадобья разныя; ну отъ этого бывало еще хуже станетъ, и бросали. Возили и знахарей издалеча, самыхъ докъ; случалось, что иной отводилъ, да только, не на долго: до новаго мѣсяца только, а тамъ опять тоже. Рѣдко развѣ, когда сама на колдуна укажетъ, который испортилъ, и на того, который, то есть, можетъ осилить его, такъ поспорются, да ино и одолѣетъ, который по заборнстѣе. А то, такъ вотъ они и имѣются у насъ и шатаются; и дома-то у нихъ не споро, хозяйство запущено, да и работу господскую мало какую исправляютъ, по этому и отъ старыхъ господъ еще приказаніе было, чтобъ не трогать ихъ.

А на богомолье ходятъ? спросилъ я.

Ходятъ, какъ же, онѣ только этимъ и дышатъ и отъ злой смерти спасаются. Какъ весна вотъ только настанетъ, то и пойдутъ себѣ ватагами со всего околотка, и въ Воронежъ, и въ самый Кіевъ другія ходятъ; а нѣтъ, такъ хоть по здѣшнимъ монастырямъ, къ Сергію Родонежскому, а ино и въ Соловки. Иная воротится, ей словно получше, мѣсяцъ-другой ходитъ словно здоровая, а тамъ опять схватитъ; какъ схватитъ одну, такъ, глядишь, и всѣ закликали.

Всего этого было мнѣ уже достаточно, чтобы сообразить значеніе кликушъ и подумать о попыткѣ избавиться отъ

нихъ; я сталъ однако разузнавать еще подъ рукою о родѣ жизни ихъ и объ отношеніяхъ ихъ къ колдунамъ, коихъ имена онѣ выкрикивали во время этихъ страшныхъ припадковъ. Я вскорѣ убѣдился до очевидности, что отношенія эти были двоякія: либо баба, послѣ какой нибудь ссоры съ мужикомъ, нерѣдко и послѣ злобныхъ и слишкомъ неосторожныхъ угрозъ, за кои, подъ названіемъ «похвальныхъ словъ», пришлось бы отвѣчать, вдругъ дѣлалась кликушей и выкликала именно того мужика, на котораго зла; либо самъ мужикъ, и въ этомъ случаѣ всегда какой-нибудь отчаянный негодяй, пьяница и ославившійся воръ, бралъ на себя званіе колдуна, находя это довольно выгоднымъ въ житейскомъ быту своемъ. Здѣсь званіе колдуна даже почетно, потому что ихъ честятъ, хотя для вида и очень боятся. Такому колдуну всякъ первый шапку сымаетъ, величаетъ его по отчеству, кланяется въ поясъ, угощаетъ и потчуетъ и ублажаетъ; никто не смѣетъ сыграть или отпировать свадьбу, не поклонявшись напередъ колдуну-вѣдуну, не обдаривъ его и не получивъ отъ него согласія или одобренія. Такой мужикъ, бывъ до этого въ общемъ презрѣніи и не слышавъ ни отъ кого добраго слова, вдругъ, благодаря глупости и робости прочихъ, входитъ у нихъ въ почетъ, сидитъ на всякомъ пиру на первомъ мѣстѣ, ни передъ кѣмъ не ломаетъ шапки и даже не сымаетъ ея на приводѣ молодыхъ изъ-подъ вѣнца и въ другія торжественныя минуты этого празднества, нарушая самымъ соблазнительнымъ образомъ общее приличіе и пристойность.

Что касается собственно кликушъ, то при осторожномъ и негласномъ разбирательствѣ оказалось, что въ числѣ ихъ не было ни одной путной, работящей хозяйки; всѣ онѣ напередъ уже ославились въ быту своемъ, какъ нехозяйки и какъ неработницы, а затѣмъ уже попали въ кликуши. Это до того было всякому извѣстно, что даже сами крестьяне, которые суесвято и слѣпо вѣровали въ кликушъ, перебраниваясь съ плохой работницей или попрекая дурную хозяйку, не рѣдко говаривали: «она знать скоро въ кликушахъ будетъ». За всѣмъ тѣмъ, если это черезъ нѣсколько времени сбывалось на дѣлѣ, то всѣ они, не менѣе того,

соболѣзновали объ испорченныхъ, догадывались, кѣмъ это наслано, смотрѣли съ какимъ-то подобострастіемъ на всѣ продѣлки порченицы и до того сами забывали о пророчествѣ своемъ, что имъ и въ мысль не приходило ничего, кромѣ прискорбной новости, что такая-то стала выкликать. Коли злая баба дурно жила съ мужемъ, ссорилась съ нимъ и потомъ дѣлалась кликушей, то и самъ мужъ этотъ нелицемѣрно оплакивалъ семейное бѣдствіе свое, сожалѣя объ испорченной и проклиная вѣдуновъ.

Подумавъ объ этомъ дѣлѣ, я и самъ обнаружилъ къ несчастнымъ этимъ одно только состраданіе и жалость, не подавъ никакого вида укоренявшагося во мнѣ убѣжденія. Въ первое Воскресеніе я отправился къ обѣднѣ, съ намѣреніемъ посмотрѣть внимательно на кликушъ нашихъ, не таясь ни отъ кого, что желалъ бы ихъ видѣть въ припадкѣ. Молва объ этомъ разнеслась по селу, и онѣ точно, на первый разъ меня потѣшили; представленіе было одно изъ самыхъ блистательныхъ. Любопытство ли и состраданіе мое ихъ поощрили, хотѣли ль онѣ озадачить и пріучить меня съ самаго начала къ такому заведенному порядку и удержать за собою присвоенныя имъ права и преимущества, даже по конторскимъ описямъ, — не знаю; но онѣ были всѣ на лицо и кудесили въ запуски.

Оставшись спокойнымъ зрителемъ до конца этой продѣлки, я поговорилъ послѣ кротко съ кликушами, сожалѣлъ о несчастномъ положеніи ихъ и обѣщалъ всѣми силами постараться, чтобы оказать имъ пособіе, въ чемъ я тѣмъ болѣе надѣюсь, что графъ далъ мнѣ на это особыя приказанія и самыя подробныя наставленія, какъ и чѣмъ именно пользовать кликушъ. Съ Божіею помощію можете надѣяться, сказалъ я, будьте только во всемъ послушны, покуда вы въ своей памяти; въ безпамятствѣ же конечно никто въ себѣ не воленъ, и тогда ужъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, будетъ мое дѣло. Средство, которое графъ непремѣнно приказалъ мнѣ употребить, прибавилъ я, помогло въ вотчинѣ такого-то барина, въ такомъ-то мѣстѣ, гдѣ было много испорченныхъ и кликушъ; всѣ онѣ, благодаря Бога, теперь здоровы.

На слѣдующій же день я сталъ дѣлать гласныя пріуготовленія для пользованія моихъ больныхъ. Я приказалъ очистить во дворѣ одну половину небольшаго отдѣльнаго строенія, насталъ въ немъ нары, а къ окнамъ придѣлалъ рѣшетки; къ новой больницѣ этой приставленъ былъ особый цырульникъ и двое сторожей; у крыльца поставлено было два чана, налитые водою; и все это дѣлалось съ большою оглаской и со всѣми возможными околичностями, и между прочимъ бабы наряжаемы были десятками, посмѣнно, для очистки и уборки приготовляемой больницы. Все это было ново въ здѣшнемъ краѣ; распоряженія мои и устройство это съ самаго начала обратили на себя общее вниманіе, не только всей дворни, но и деревенскихъ крестьянъ, а въ особенности бабъ. Новаго заведенія дичились, но смотрѣли на него издали съ большимъ любопытствомъ и допытывались исподтишка, что̀ изъ этого будетъ, и какимъ образомъ станутъ лечить кликушъ. Я молчалъ, не подавая виду, что замѣчаю это; ходилъ по временамъ осматривать заведеніе свое и говорилъ только при случаѣ, что графъ очень строго приказалъ мнѣ заботиться объ этихъ несчастныхъ женщинахъ и пользовать ихъ предписаннымъ способомъ, не уклоняясь ни на-волосъ отъ правилъ.

Наконецъ пришла Суббота, и я уже распорядился на канунѣ съ вечера, чтобы всѣ бабы пришли на работу на барскій дворъ. Я приказалъ подъ рукой, чтобы непремѣнно и всѣ кликуши наши были тутъ же на лицо, найдя предлогъ для спѣшной валовой работы и сказавъ, что буду угощать. Роздали ленъ по рукамъ, а я вызывалъ бабъ прясть въ запуски, обѣщавъ лучшимъ пряхамъ подарки, а всѣмъ вообще угощеніе. Погода стояла прекрасная; бабы мои, разсѣвшись съ веретенами, покрыли собою весь огромный дворъ и сгрудившись тутъ и тамъ кружками, запѣли пѣсни. Старосты и десятскіе расхаживали для надзора, я отпускалъ на крыльцѣ дома ленъ, принималъ и осматривалъ пряжу и поглядывалъ на заведеніе свое, при которомъ стояли безотлучно цырульникъ со сторожами. Я могъ замѣтить, что новость эта привлекала общее вниманіе бабъ, и что въ числѣ шутокъ тутъ и тамъ прорывалась

угроза: а вотъ погоди, вотъ возьмутъ тебя лечить въ цырульню.

Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ два работника вошли въ ворота и пронесли по всему двору, черезъ бабъ, трехсаженную доску, на коей, по желтому полю, полуаршинными черными буквами прописано было: больница для кликушъ. Я отправился вслѣдъ за вывѣскою черезъ весь дворъ, со всѣмъ штабомъ и придворными своими: тамъ цырульникъ со служителями встрѣтили насъ, и вскорѣ вывѣска была поднята и поставлена на свое мѣсто. Жизнь и говоръ, пробѣгавшіе по бабьему базару, доказывали, что всѣ продѣлки эти возбуждаютъ сильное вниманіе и любопытство гостей моихъ. Я продолжалъ осматривать заведеніе внутри и снаружи, отдавая гласныя приказанія, чтобы цырульнику со служителями въ Воскресенье отнюдь никуда не отлучаться, чтобы все по приказанію моему было приготовлено, чтобы на погостѣ стояли двое носилокъ съ рядпами и прочее; затѣмъ, какъ только сдѣлается съ кѣмъ припадокъ, тотчасъ, уложивъ больную на носилки, нести въ новую больницу. Затѣмъ послалъ я цырульника въ барскій домъ за хранившимся у меня тамъ снарядомъ; онъ вынесъ оттуда, перейдя обратно весь дворъ, среди глазѣвшей толпы бабъ, свѣтло вычищенную полутороаршинную трубу бѣлой жести, снарядъ, употребляемый садовниками въ теплицахъ и при цвѣтникахъ, для окропленія растеній дождемъ, и называемый спрыскомъ. Ни кѣмъ не виданная загадочная вещь эта заставила всѣхъ бабъ моихъ сложить руки, разинуть рты и проводить глазами торжественное шествіе дивнаго снаряда. Что такое это? что изъ этого будетъ? какія это чудеса?

Я велѣлъ подать воды изъ приготовленныхъ чановъ и испробовать тутъ же въ нѣсколько пріемовъ спасительный снарядъ, изъ котораго толстая струя воды била водометомъ, какъ изъ заливной трубы, подъ самый свѣсъ кровли. Любопытство заставило сперва одну, а тамъ и другую и третію изъ числа пряхъ, привстать и подойти къ намъ поближе; остальныя стали чутко прислушиваться къ разговору и мало по малу тоже приближались. На вопросы ста-

росты, какъ и что̀ приказано будетъ дѣлать, и для чего принесена такая, ни кѣмъ не виданная, вещь, я объяснилъ ему, что по вновь открытому нынѣ и испытанному способу леченія кликушъ, эта штука оказываетъ удивительную помощь, и что это та самая вещь или приборъ, коимъ излечены всѣ испорченныя бабы въ томъ имѣніи, о коемъ я намедни говорилъ. Графъ нашъ нарочно выписалъ его оттуда. Какъ только появится припадокъ, то надобно тотчасъ употребить въ дѣло двѣ или три полныя трубки холодной воды: этого боится всякая порча пуще всѣхъ наговоровъ; тогда начинаетъ бить знобъ того колдуна, который наслалъ порчу, а съ кликуши какъ рукой сыметъ. Для этого, по приказанію графа, здѣсь и будетъ всегда на готовѣ цырульникъ со служителями и со всѣми нужными припасами; завтра, дастъ Богъ, какъ въ воскресный и тяжелый для кликушъ день, испытаемъ средство это и узнаемъ помощь его. Тогда, прибавилъ я, скажете спасибо своему доброму барину, графу, который такъ заботится о бѣдствующихъ.

При этомъ объясненіи фельдшеръ мой, продолжая опыты, пустилъ струю вверхъ подъ самую кровлю, упирая спрыскъ въ грудь и налегая на него обѣими руками. Между бабами произошло какое-то общее волненіе. Возгласы ужаса и негодованія сливались съ воплями, взываніями и громкимъ хохотомъ. Недоумѣніе, изумленіе, страхъ, любопытство и злорадное удовольствіе выказывались тутъ и тамъ въ различной степени, среди окружавшей насъ шумной толпы. Видно было по всему, что никто не ожидалъ такого способа леченія; зная отвращеніе народа отъ подобнаго средства, закоренѣлые предразсудки его о томъ, что̀ считается позоромъ, образъ мыслей и понятія, я не ошибся въ выборѣ. Гласность, торжественность и рѣшительность всѣхъ приуготовленій, также много способствовали къ усиленію впечатлѣнія. Бабы мои закрывали лицо руками и съ визгомъ спѣшили на свои мѣста, за работу. Всѣ отъ меня разбѣжались; я опять стоялъ у больницы своей одинъ съ цырульникомъ, подъ грозною вывѣскою и съ отвратительнымъ водострѣльнымъ орудіемъ.... Я стоялъ,

какъ комендантъ крѣпости, съ малочисленнымъ, но рѣшительнымъ гарнизономъ, при одинокой пушкѣ....

Я поглядывалъ искоса на замѣченныхъ мною тутъ и тамъ въ толпѣ кликушъ, не оказывая имъ явно никакого вниманія, и замѣтилъ, что онѣ были въ какомъ-то тревожномъ смущеніи, не подходили съ прочими для распросовъ, а оставались на своихъ мѣстахъ, косясь исподлобья на веселую, крикливую толпу и распрашивая шопотомъ сосѣдокъ своихъ о томъ, что̀ управляющій говорилъ, и что̀ тамъ дѣялось. Окончательно я еще разъ обратился къ бабамъ, взявъ самъ въ руки роковой снарядъ, и сказалъ: бояться тутъ нечего, тетки, и вы не бойтесь и не пугайтесь; вамъ добра желаютъ, а не худа, все это дѣлается къ добру. Двѣ, либо три трубки этихъ, и всего-то не съ большимъ полведра воды, тутъ еще, кажись, страшнаго нѣтъ ничего. Графъ пишетъ, что если кликуша очень тяжело испорчена, то дѣлаютъ трубку еще больше этой, одну вполведра.... Общій крикъ ужаса заглушилъ слова мои; бабы всполошились пуще прежняго, смѣхъ и горе заговорили повсемѣстно громкими, нестройными голосами.... Скажете спасибо намъ съ цырульникомъ Осипомъ, продолжалъ я; лекарь не спрашивается у больнаго, а больной спрашивается у лекаря; а какъ дастъ Богъ здоровье, тогда всякая спасибо скажетъ. Графъ строго приказалъ мнѣ лечить всѣхъ кликушъ по этому способу; больница съ рѣшетками готова, и цырульникъ съ приборомъ, и сторожа съ полотенцами, чтобы осторожно связать и успокоить бѣдную больную, коли очень будетъ биться. Передавъ роковой снарядъ въ больницу и, приказавъ еще разъ, чтобы носилки были заутро на погостѣ, я ушелъ домой.

Когда бабы кончили уроки свои, то лучшимъ пряхамъ роздали подарки, всѣхъ накормили и распустили по домамъ. Шумно и весело пестрая толпа пошла со двора; крикъ, визгъ и смѣхъ слышался еще долго, покуда бабы мои не разсыпались всѣ врозь по своимъ избамъ. Весь вечеръ только и было толковъ по деревнѣ, что о неслыханномъ позорѣ, который завтра ожидаетъ бѣдныхъ кликушъ; а когда на утро заблаговѣстили къ обѣднѣ, то все село,

и старъ и малъ, спѣшили въ церковь, ожидая съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ развязки этого дѣла. Ребятишки и дѣвчонки съ утра уже толпились за угломъ у барскаго двора, заглядывая украдкой въ ворота и черезъ заборъ, и всматриваясь въ больницу, чтобы видѣть, не дѣется ли тамъ какихъ чудесъ. На всякій случай я принялъ мѣры, чтобы кликуши мои всѣ, сколько ихъ состояло по списку, были въ церкви; самъ я отправился туда же; на погостѣ стояла уже пара носилокъ съ рабочими.

Подивитесь же моему дивному снадобью и неслыханному симпатическому дѣйствію его: вся обѣдня кончилась спокойно и благополучно, и ни съ одной кликушей не было припадка. Народъ какъ будто сталъ догадываться, что дѣло это не совсѣмъ чисто, и общая молва начинала клониться противъ кликушъ и на пользу моего снадобья. Нѣсколько воскресныхъ и праздничныхъ дней сряду продолжалъ я еще принимать тѣже мѣры предосторожности, безъ шуму, безъ упрековъ, безъ угрозъ, даже безъ всякихъ излишнихъ разсужденій, предоставляя крестьянамъ самимъ догадываться о причинѣ скромности кликушъ нашихъ и дѣлать, какія угодно, заключенія; я поддерживалъ съ осторожностію мнѣніе, что вѣроятно колдуны убоялись трясучаго озноба, который бы долженъ одолѣть ихъ отъ припасеннаго на кликушъ снадобья, и поспѣшили снять порчу. И въ слѣдующіе затѣмъ воскресные дни все прошло равно спокойно — вотъ каково удачно пріисканное лекарство! Съ этого времени кликуши перевелись у насъ, во всемъ имѣніи графа, перевелись на все время моего пребыванія, и болѣе ихъ не появлялось тамъ ни одной. Бабы сами не могли надивиться моему знахарству.

Ко всему этому остается прибавить только одно: то, что я теперь разсказалъ, не сказка, а быль. Я бы очень желалъ, чтобы средство это было испытано другими.

III.

БРЕДЪ.

Усталый, изнеможенный воротился я съ прекраснаго, великолѣпнаго бала. Заря занималась; Божій міръ, послѣ законнаго отдыха, собирался отряхнуть студеную росу съ вѣкъ своихъ и оживалъ для дѣла, для труда и работы; думаю, что въ окрестныхъ селахъ босыя ноги уже спускались съ полатей, кутниковъ, конниковъ, голбцевъ, лавокъ и печей; что гласная позѣвота и тихая утренняя молитва просыпались, и что тутъ и тамъ костистые кулаки съ просонья старались попасть въ рукава зипуна и сермяги. А я, съ одурѣвшею головою, въ полупамятномъ состояніи, ѣхалъ домой, покончивъ ночь восхитительною пляской.

Мнѣ, конечно, было не до работы; чуть только не ползкомъ, добрался я до логовища своего—какъ и что̀ съ меня стянули, этого теперь не помню, хотя я право былъ не хмеленъ, по крайней мѣрѣ не отъ вина;—затѣмъ, все пошло бродить вокругъ меня толчеей, а я лежалъ въ усладѣ, но не могъ пошевелить и мизинцемъ.

Отъ глупой головы и ногамъ-рукамъ житья нѣтъ, подумалъ я, или не подумалъ, я думать не могъ въ это время, а навѣялась откуда-то такая думка: а почему же никто не скажетъ, что отъ глупыхъ ногъ головѣ нѣтъ угомону?— Вотъ, ночь на пролетъ ноги мои все писали городки да разводы по паркету—и ужъ какъ писали!—а теперь, какъ будто голова не своя; чего, не своя, да я не знаю, на плечахъ ли она у меня? Вотъ пощупалъ бы—да не могу и пальца пошевелить, не только поднять руку.... А балъ великолѣпный—и что прелестей—вотъ тянутся вереницей, летомъ, летомъ.... бѣленькая, розовенькая, бѣленькая, голубенькая, еще розовенькая.... и все это кружится, вьется, несется.... что-то мутно становится и темно.... все это, конечно, одна оболочка, однѣ будущія выползины... а что̀ въ нихъ, этого не видно; чужая душа — потемки; се это, конечно, подготовлено не на вѣкъ, потому что

день нашъ—вѣкъ нашъ, а что тамъ будетъ — этого никто не знаетъ, никто не видалъ....

Что за неумѣстное воображеніе! Кстати ли теперь поминать вѣчность, когда тѣшимся насущнымъ....

Болѣе я ничего не помню; продолжалъ ли я бредить на яву, уснулъ ли я и видѣлъ сонъ, и отчего такой странный, дикообразный—ничего не знаю. Попалъ я куда-то, только не на балъ, а будто на похороны, да знать не наши, обряды были не тѣ, а неизвѣстнаго мнѣ народа; одежда будто наша, да насмѣхъ перелицевана и перекрашена; фраки были на людяхъ куцые, а поддевки или жилеты съ хвостами, и увѣряли меня всѣ въ голосъ, что это-де и пригожѣе, да и приличнѣе; въ зубахъ, каждый изъ нихъ съ какою-то ужимкою держалъ *цивилизацію*, такъ назывался у нихъ снарядецъ, на которомъ установлено было какое-то стеклышко въ оправѣ, черезъ которое они другъ на друга глядѣли. Наконецъ всѣ окружили покойника, и одинъ сталъ говорить рѣчь. Рѣчью этою я былъ смущенъ и пораженъ до того, что не могу этого высказать: онъ говорилъ одну только похвалу покойнику, говорилъ такъ красно и убѣдительно, какъ у насъ никто говорить не умѣетъ, а между тѣмъ, изъ-за словъ и голоса его, изъ-за этой хвалебной рѣчи, я слышалъ очень ясно и отчетисто, другую рѣчь, которая даже какъ будто заглушала и вовсе устраняла первую. Мнѣ казалось, будто всѣ прочіе слышатъ только первую и очень довольны сю, очень тронуты; а я, какъ пришедшій со стороны, слышу и понимаю совсѣмъ иное. Странно, что именно эта двойниковая рѣчь, вторая, врѣзалась въ бреду этомъ въ память мою отъ слова до слова, тогда какъ первая, похвала заслугамъ, достоинствамъ и качествамъ покойника, осталась въ памяти моей только въ самыхъ общихъ чертахъ, по смыслу ея; но я слышалъ и понималъ обѣ. Вотъ вторая, довольно дикая и странная, какъ она была мною тогда же записана.

Послѣдній бенефисъ или скоморохъ раскланивается.

Передъ нами, отцы и братья, лежитъ человѣкъ, нѣтъ, не человѣкъ, трупъ; но и это звучитъ грубо, развѣ приба-

вить бездыханный; обычно называютъ его также бренными останками, прахомъ, какъ зовутъ и прасола, кулака, дармоѣда. Но это только случайное созвучіе, не идущее къ дѣлу.

И такъ, передъ нами лежатъ бренные останки, прахъ. Но что же это такое? Что̀ значитъ: трупъ, прахъ, останки, да еще и бренные? — Помню, что нѣкто называлъ такъ истасканную одежу свою, ошу̀рки, обноски, отопки, никуда негодные пожитки, зовомые также хламомъ, бу̀торомъ, даже шара̀барой.

И вправду, истасканная одежда, обноски съ отопками, вотъ что̀ лежитъ теперь передъ нами. Какъ изношено, такъ и сложено, все въ цѣлости. Портной назвалъ бы вещь эту полною парой, служащій мундиромъ, иной халатомъ, а крестьянинъ тяжелкомъ, какъ зоветъ онъ рабочій заплатанный зипунъ свой; а бояринъ не зналъ бы какъ и назвать его, до того облаченіе его разнообразно и сложно. Между тѣмъ, если бы передъ нами лежали въ растяжку и обноски такого боярина, спрашиваю васъ, куда бы намъ теперь съ ними дѣваться? Вчера еще облаченію этому не было цѣны — а нынѣ, взгляните на него, не чуждайтесь своихъ обносковъ;—а нынѣ, что̀ оно?—ветошь эта до того истаскана, что послѣдній нищій не приметъ ея въ подаяніе; какъ ни величай ее, а она никуда не годна, развѣ только годна къ тому, чтобы поплакать надъ нею и помянуть путемъ, по заслугамъ, того, кто эту пару, этотъ тяжелко на себѣ износилъ, кто истаскалъ его до ветоши.

Тяжелко—эта кличка мнѣ какъ-то по нраву—тяжелко изношенъ и сброшенъ. Да, кому не тяжело износить такую плотную, добротную вещь до тла: кому не тяжело промаяться и протолкаться съ нею до конца, въ этой суетѣ и суматохѣ, въ этой тѣснотѣ и давкѣ, гдѣ не льзя шагнуть впередъ, не осадивъ сосѣда локтемъ назадъ; гдѣ не льзя приподняться, не взмостившись другъ на друга, а между тѣмъ надо дѣлать это ловко, осторожно, искусно, надо убѣдить всѣхъ стоящихъ поодаль зрителей, что паришь самъ собою на воздухѣ; вспомните, что тяжелко этотъ изношенъ въ обществѣ нашемъ, между нами, гдѣ вся задача условнаго быта заключается въ удачномъ сочетаніи

лисьяго хвоста съ волчьимъ зубомъ, тогда какъ Создатель нашъ не далъ человѣку ни того, ни другаго, а пріобрѣтается это только долгимъ, маятнымъ трудомъ. Воздадимъ же достойное достойному; устранимъ всякую лесть, но и всякую зависть; онъ уже не станетъ болѣе, ни осаживать кого либо изъ насъ локтями, ни взмащиваться на сутулыя плеча наши — онъ выбрался на чистую дорогу, куда бы она ни привела его, а намъ покинулъ только память по себѣ, да тяжелко свой, непригодный болѣе ни ему, ни намъ.

Покойникъ, какъ принято называть того, кто истаскалъ тяжелко свой въ прахъ, покойникъ воспитывался тамъ и тамъ, въ такомъ-то заведеніи, или дома; все равно. Изъ одного этого вы видите, какіе достойные, рѣдкіе люди были воспитатели его, какое примѣрное образованіе ему предстояло. Учить, обучать, значитъ передавать свѣдѣнія, познанія, пересыпая ихъ устно и черезъ пропускную печатную бумагу въ память ученика; воспитывать, значитъ передавать правила и пріемы, какъ донашивать свой тяжелко и какъ его въ свою пору съ себя сбросить. Первое ученье, какъ всѣмъ вамъ извѣстно, необходимо, чтобы съумѣть дать отвѣтъ во время испытаній; второе жъ, умѣнье носить кафтанишко свой лицемъ наружу, а ничкой въ себя, еще нужнѣе, потому что ходить по бѣлу свѣту въ вывороченномъ на изнанку кафтанѣ, не льзя. Посему покойникъ и навыкалъ, какъ словесная тварь, къ словесной рѣчи—это лице кафтана—а какъ разумная тварь, къ различенію *слова* отъ *дѣла*, или, что одно и тоже, чувствъ и мыслей отъ слова; это ничка, изнанка, которую всякъ бережетъ про себя. Но, говоря одно, а думая и дѣлая другое, онъ изрѣдка только выказывалъ свой волчій зубъ, успѣшно замѣняя его лисьимъ хвостомъ, что и служитъ признакомъ и ручательствомъ надежнаго воспитанія. Вы конечно поняли, любознательные слушатели, что это одно только обычное иносказаніе; что зуба, въ прямомъ смыслѣ, хвостомъ не замѣнишь, и что подъ этою картиною, для большей наглядности и назидательности, разумѣется умѣнье, навыкъ или сноровка носить тяжелко свой лицомъ нару-

жу, сгибаясь и кутаясь имъ такъ, чтобы ничего не сквозило. Какъ острый, даровитый мальчикъ, покойникъ съ самой молодости своей скоро понялъ всю суть и сполна ее себѣ усвоилъ.

Но вы спросите: гдѣ же и кто этому учитъ? Никто, конечно, и нигдѣ. Напротивъ, воспитатели покойника твердили ему на словахъ и въ поученіяхъ всегда противное, то есть, приказывали быть правдивымъ, честнымъ, прямымъ, даже добродѣтельнымъ; да вотъ бѣда,—отъ слова не сбудется, крикомъ изба рубится; поле и всего-то въ одинъ переклинъ, да не перейдешь самъ, такъ и не будешь тамъ, хошь кричи, не кричи. Покойникъ же слѣдовалъ наставникамъ своимъ всегда и во всемъ, доколѣ ходилъ между нами въ тяжелкѣ своемъ, то есть, онъ всегда хвалилъ одну правду и всѣмъ наказывалъ любить ее; но онъ не путалъ слова и дѣла, а различая одно отъ другаго, какъ привыкъ видѣть съизмалу, говорилъ всегда, что̀ должно, а дѣлалъ, что̀ было нужно.

Такимъ образомъ онъ, при самомъ вступленіи своемъ на поприще свѣта и людей, зная, что душа человѣка потемки, что она не зрима ни для кого, не безуспѣшно старался иногда быть угоднымъ хотя внѣшними пріемами своими, особенно жъ людямъ, отъ коихъ мірская участь его могла зависѣть. Изъ всего этого сдѣлается понятнымъ, что онъ, глядя, на примѣръ, на *кривое*, не смигивая глазомъ, могъ вымолвить самымъ убѣдительнымъ голосомъ: *прямо;* а еще краснорѣчивѣе могъ онъ написать, доказать и подписать это. Глядя на *прямое,* онъ также легко и свободно передѣлывалъ его въ *кривое,* утѣшая въ то же время слушателей своихъ прекраснымъ словомъ или поученіемъ о правдѣ и чести, а зрителей—самыми пріятными и мягкими пріемами. Словомъ, лице и изнанка, верхъ и ничка, правша̀ и пакша̀, занимали у него каждое свое мѣсто, и онъ умѣлъ, какъ слѣдуетъ, отличать одно отъ другаго и выказывать наружу, что̀ должно, а думать и дѣлать, что̀ нужно.

Если вамъ случалось бывать на народныхъ зрѣлищахъ нашихъ, гдѣ все творится передъ вами на хитро устроенныхъ подмосткахъ, съ легкимъ покатомъ впередъ, съ про-

валами, съ подъемами и другими замысловатыми приспособленіями; если вы тѣшились искусными лицедѣями, изъ коихъ каждый выходилъ къ вамъ на показъ въ своемъ тяжелкѣ, въ своемъ рабочемъ кафтанишкѣ, стараясь угодить на васъ и руками, и ногами, и голосомъ,—то вы конечно не отказывали имъ въ лептѣ своей, когда сборъ шелъ на пользу того, либо другаго, когда давался такъ называемый *бенефисъ;* а посему и польза этого умѣнья не подлежитъ спору, ни даже сомнѣнію: она очевидна.

Обратимся же въ послѣдній къ лежащему передъ нами тяжелку, или къ отшедшему въ вѣчность хозяину его, къ тому, кто его истаскалъ: и онъ вѣкъ свой не сходилъ съ помосту, и если только бывали зрители или слушатели, живописалъ собою все, что шло къ дѣлу и къ мѣсту. Прибавимъ, что все представленіе это, на сколько оно продлилось, было сверхъ того именно тѣмъ, что называютъ *бенефисомъ:* сборъ шелъ на пользу хозяина. Спрашиваемъ, много ли бы онъ пріобрѣлъ, если бы выходилъ всегда на помостъ въ одномъ безсмѣнномъ зипунишкѣ своемъ, казалъ бы верхъ и подбой его, лицо и изнанку, казалъ бы и себя самого, каковъ есть—что бы онъ взялъ этимъ, кому угодилъ, кого удивилъ?

Но тяжелко истаскапъ, выдти и показаться въ люди не въ чемъ; не взыщите, хозяинъ скрылся. Обычно приговариваютъ при этомъ: *миръ праху твоему;* и мы скажемъ: праху миръ; его никто болѣе не станетъ таскать по помостамъ; ему миръ и покой. Сдать его на вѣчныя времена въ платяную, поколѣ его моль и тля не изведутъ въ конецъ. Остатки таже моль разнесетъ на пыльныхъ лапочкахъ своихъ, а вѣтры развѣютъ по туку, вмѣстѣ съ самою молью.

А что жъ хозяинъ его?—У бѣднаго хозяина теперь нѣтъ ни пары, ни мундира, ни жилета съ хвостами, ни даже тяжелка; ему выдти и показаться въ люди не въ чемъ. Онъ теперь ходитъ—а быть можетъ и сидитъ гдѣ нибудь—какъ есть, по себѣ, безо всего; онъ весь сквозитъ, обогнуться и выхорошиться нечѣмъ.

Очнувшись, я съ трудомъ опомнился отъ безсмысленнаго бреда и подумалъ: Что за чепуха ину пору въ голову лѣзетъ! Ладно еще когда знаешь, что это бредъ, чепуха; ну а какъ она одолѣетъ тебя, что и не опознаешься, а подумаешь быль? — Вотъ и спятишь съ ума. Да, человѣкъ не скотина, испортить его не долго.

IV.

РОГАТИНА.

Въ тѣсной избѣ, загроможденной двумя ткацкими станами и двумя зыбками на очепахъ, горѣла яркая лучина. Свѣтецъ былъ поставленъ на приступокъ голбца, а рядомъ со свѣтцомъ, для поправки лучинъ и присмотру за ними, сидѣлъ старикъ съ порядочною лысиной и внукъ его, парнишко бороноволонъ. Двѣ молодыя ткачихи работали усердно и заглушали стукомъ и скрипомъ бесѣду старика. Мальчикъ прислушивался и по временамъ доспрашивался крикливымъ голосомъ недослышаннаго; дѣдушка же отвѣчалъ ему спокойно, своимъ голосомъ, и со стороны только по движенію губъ и головы замѣтно было, что онъ бесѣдуетъ. Кто-то постучался въ окно и громко спросилъ: дѣдушка Гарасимъ дома? —Дома, что надо? обозвалась одна изъ ткачихъ, не останавливая работы, и вскорѣ вошелъ въ избу молодой парень въ тулупѣ въ накидку, торопливо перекрестился, поздоровался и, оглядѣвшись съ какою-то осторожностію, подсѣлъ къ старику. Дѣдушка, сказалъ онъ, нагнувшись къ нему на ухо, Макаръ босаго лѣсника обложилъ!—Врешь?—Ей, право; ѣздилъ нынѣ по дрова, да подмѣтивъ его намедни, нынѣ и высмотрѣлъ, вотъ что! — А что жъ онъ высмотрѣлъ-то?—Какъ что, вотъ онъ чай сей часъ самъ будетъ, только лошадь отпрягаетъ, а я и прибѣжалъ къ тебѣ напередъ!—Такъ неужто босой, сказалъ старикъ, глядя въ лицо вѣстнику, и расхохотался самымъ радушнымъ смѣхомъ; а какъ баба въ лаптяхъ прошла? — Ну вотъ, небось Макарка не знаетъ! Говорю притоманно; пойдемъ что ли утре?

Дѣдушка Герасимъ видимо ожилъ. Небольшіе сѣрые глаза его искрились при огнѣ лучины, какъ глаза сѣраго кота въ печуркѣ. Босой, проговорилъ онъ улыбаясь, вотъ подождемъ Макара. На это отвѣтили шаги въ сѣняхъ, и Макаръ вошелъ безъ докладу, перекрестился, поклонился и также тотчасъ обратился къ дѣдушкѣ Герасиму. Что, ужъ Сенька тута! вишь пострѣлъ, а говорилъ вѣдь я, погоди-молъ, пойдемъ вмѣстѣ. Ну что, дядя, идемъ что ли?

Макаръ самъ былъ уже человѣкъ, коли не пожилыхъ, такъ среднихъ лѣтъ, человѣкъ середовой, и потому чествовалъ Герасима не дѣдомъ, а дядей. Укоривъ Сеньку за поспѣшность, онъ и самъ однако повидимому не любилъ откладывать подобныхъ дѣлъ, потому что прибѣжалъ къ Герасиму съ обледенѣлыми усами и бородой, какъ пріѣхалъ изъ лѣсу, стало быть, даже не поѣвши. Дѣдушка взглянулъ изподлобья на ткачихъ, какъ будто не желая, чтобы бесѣда эта дошла до нихъ, между тѣмъ какъ внукъ его разинулъ ротъ и прислушивался къ каждому слову.

—Гляди, дѣло ли говоришь? сказалъ онъ Макару.

—Чего не дѣло, отвѣчалъ тотъ, также глянувъ украдкою на бабъ и оборотившись къ нимъ спиною, чего не дѣло, слушай — и самъ присѣлъ на корточки передъ старикомъ. Намедни ѣздилъ я по дрова—вотъ въ суботу двѣ недѣли будетъ—такъ за каменнымъ бродкомъ, въ гору, на Кривушу, напалъ на слѣдъ; вижу, бродилъ косматый; я и подумалъ, ну ужъ броди не броди, а лучше этого лому да дрязгу, на Кривушѣ то есть, не найдешь, быть тебѣ тутъ. Однако, думаю, еще рано, чай путемъ не улегся, не облежался. Вотъ я, куда ни шли дрова мои, поѣхалъ покружить; объѣхалъ межевой просѣкой, кругомъ, да оврагомъ опять и выѣхалъ на бродокъ; не прошелъ нигдѣ, вотъ-те порука не прошелъ. Нынѣ я и поѣхалъ опять, да ужъ прямо туда, лошадку привязалъ въ лѣсу и обошелъ, закружилъ его вовсе; тута, да и полно.—А босой прошелъ, спросилъ опять старикъ расхохотавшись, аль въ лаптяхъ? — Толкуй еще, продолжалъ Макаръ, вытаскивая пятерней сосульку изъ бороды, тебѣ дѣло говорятъ, пойдемъ, что ли?—Ну что жъ, пойдемъ, отвѣчалъ Герасимъ, съ Богомъ; я припасу дров-

пошки свои, а чубарый у меня дома. Ты припряжешь что ль, куцаго своего, Сеня?—Припрягу!—Ну ладно, приводи же съ постромками, да съ привожжекомъ, а я припасу вѣшку, излажу пристяжку.

Дѣдушка, и меня возмите, заревѣлъ звонкимъ голосомъ парнишко, который смѣтилъ уже, о чемъ идетъ рѣчь.—Молчи, дуракъ, сказалъ старикъ глухо, мать услышитъ, не пуститъ. Чѣмъ свѣтъ приходите; вотъ, пожалуй, Ванюшку возмемъ къ лошадямъ; чай лыжъ не надо?— Не надо, отвѣчалъ Макаръ, мало снѣгу совсѣмъ, ходить гоже; да и близко такъ; что тутъ, много ль отъ бродка до Кривуши будетъ? не сколько! — Ну, продолжалъ старикъ, голосомъ будто бесѣдуетъ о пустякахъ, убѣдившись еще взглядомъ на ткачихъ, что онѣ заняты своимъ дѣломъ и покалачиваютъ бердами въ запуски, — ну, такъ съ Богомъ, да не болтайте на сторону, не годится.

Макаръ съ Семеномъ ушли, дѣдушка Гарасимъ погрозился молчкомъ на Ванюшку, и тотъ, счастливый и довольный, все еще лѣзъ по временамъ объясняться и шептаться съ дѣдушкой о завтрашнемъ днѣ, покуда мать его не угнала на полати. Старикъ вышелъ въ сѣни, сталъ шарить въ потьмахъ руками вдоль стѣнки въ самомъ верху, подъ накатомъ, и нащупавъ какую-то вещь, заткнутую тамъ въ щель, вытащилъ ее и внесъ незамѣтно въ избу. Это была рогатина. Поглядѣвъ на нее при лучинѣ, онъ досталъ брусокъ, которымъ точатъ косы, и принялся, поплевывая, править ржавое и загрублое лезвее. Рогатина у дѣдушки Гарасима, какъ у знаменитаго медвѣжатника, была, въ сравненіи со сверстниками, знатная: длиною, съ трубкою, четверти въ три, шириною перста въ три и добрѣ наварена сталью. Такая рогатина была на диво прочимъ; многіе ходили на медвѣдя съ плохимъ копьемъ, какимъ съ трудомъ только можно было прободнуть толстую шкуру звѣря, да и то потому только, что онъ съ дуру самъ напираетъ. Направивъ немного оружіе свое, дѣдушка вынесъ его опять и сунулъ въ тоже мѣсто; потомъ досталъ изъ-подъ лавки топоръ, да еще большой ножъ, заткнутый подъ полатями. Все это онъ вынесъ туда же, въ сѣни, къ одному мѣсту.

Сборы эти прошли благополучно и повидимому не были замѣчены ткачихами; но когда старикъ досталъ съ полавочника котомку свою и сталъ открaивать себѣ хлѣбца, то одна изъ нихъ спросила: куда, батюшка, собираешься? — По дрова надо съѣздить, сношенька, отвѣчалъ онъ спокойно и продолжалъ свое дѣло. Пора бы и ужинать собирать, сказалъ онъ, и сноха встала изъ-за стана. Вскорѣ лучина въ избѣ этой погасла, станы замолкли, все уснуло мертвымъ сномъ.

Ни свѣтъ ни заря, опять Сенька первый постучался въ окно этой же избы. Гарасимъ спалъ такъ, какъ дай Богъ почивать и намъ съ вами, даже когда мы и не собираемся на медвѣдя. Длительный стукъ повторился до нѣсколькихъ разъ; невѣстка первая проснулась, опросила посѣтителя и услышавъ, что это Семенъ, и что онъ собирается съ дѣдушкой по дрова, разбудила старика. Семенъ уже привелъ и куцаго своего; вскорѣ пришелъ и Макаръ; подняли Ванюшку, который вскочилъ бодрѣе обычнаго и былъ отпущенъ матерью безпрекословно, на помощь дѣду, по дрова. Лошадокъ заложили, позавтракали, помолились нѣсколько усерднѣе обыкновеннаго и поѣхали.

Только когда выѣхали за село, Гарасимъ сталъ допрашивать товарищей, все ли у нихъ взято съ собой, что нужно. Оказалось, что у каждаго изъ нихъ было по рогатинѣ, хоть и плохой, у одного ножъ или засапожникъ, у другаго топоришко. Дѣдушка пожурилъ ихъ немного, объявивъ, что запасъ бѣды не чинитъ, и что каждому безпремѣнно слѣдовало взять по ножу и по топору. Не равенъ часъ; ино такъ насядетъ на тебя босой-то, что и ножа не успѣешь выхватить. Онъ вишь радъ всякому человѣку, знай только обниматься лѣзетъ. Вѣдь и онъ, сказываютъ, былъ человѣкомъ, да оборочена ихъ въ медвѣдей цѣлая деревня, старикомъ какимъ-то, за то, что не приняли его, никто не пустилъ ночевать.

А тебѣ, дѣдушка Гарасимъ, доводилось пороть его ножемъ, спросилъ бойкій Сенька.

—Довелось разокъ. Ходилъ я въ тѣ поры съ отцомъ Макара, царство ему небесное, ходилъ не съ рогатиной, а съ

ружьемъ. Обошли мы его ладно и высмотрѣли, а снѣгъ ужъ лежалъ въ поясъ, такъ мы по насту, на лыжахъ. Вотъ мы къ нему, отецъ твой по правѣе, а я эдакъ; собаченка была у меня, такъ, косматенькая, какъ кинется подъ колоду, какъ взлаетъ — и, что̀ твои колокольчики, такъ и залилась. А онъ, какъ рявкнетъ, да какъ прянетъ изъ-за колоды—такъ вотъ и отуманило, словно снѣжище передъ тобою столбомъ сталъ, сыра-земля растворилась. Тутъ дохнуть не далъ ему отецъ твой, приложился, хлопъ — перенялъ его поперегъ костей жеребьемъ, словно рожномъ подъ бока; онъ тебѣ свинкой прямо такъ и ринулся на него, и на дыбы не взнялся, да мимо меня, въ право; я приложился, да въ этотъ бокъ ему, подъ лопатку пустилъ пулю —только я и видѣлъ свѣтъ; кто у меня ружьишко выбилъ изъ рукъ, кто подъ себя сломалъ обнявши — ни чего не знаю. Вотъ когда онъ и выручилъ меня, неизмѣнный другъ, ножъ на поясу; поколѣ вотъ я сказываю это, такъ бы ужъ давно онъ съ меня всю нахлобучку до самыхъ мозговъ стянулъ; выхватилъ я ножъ-отъ, да прямо угодилъ подъ душу ему, и шаркнулъ внизъ — такъ у него возъ возомъ всѣ потроха и вывалились наружу. Тутъ спасибо и товарищъ подоспѣлъ—а не выдавалъ онъ таки николи — я и свалилъ его съ плечъ, вывернувшись изъ-подъ него, и перекрестился.

А ружья-то, что жъ ты не взялъ теперя, дѣдушка?

—Ну, его, не годится оно, обманетъ. Ты вишь вотъ и угодилъ, кажись, ладно, какъ разъ подъ лопатку, а онъ на дыбы, да поди-ка, говоритъ, сюда, поразвѣдаемся. Нѣтъ, ружье супротивъ рогатины ничего не сто̀итъ. Рогатина любезное дѣло. А оно еще и того хуже обманетъ, осѣчку дастъ, вотъ и пропалъ. Вотъ годовъ тому съ 15 будетъ, выгоняли насъ облавой на разбойниковъ, завелись было проклятые по ту сторону Кривуши, шалили и грабили народъ по дорогамъ. Вотъ и выгнали много народу—а былъ наслухъ, что держатся они временемъ въ зимницѣ, гдѣ въ былое время живали лѣсники, да бѣглые раскольники—и выгнали слышь; кто съ дубьемъ, кто съ топоромъ; а у кого ружье есть; приказано было ружья брать безпремѣн-

но, и пороху самъ исправникъ раздавалъ: не жалѣй, говоритъ, клади зарядъ полный, какъ слѣдуетъ. Вотъ идемъ лѣсомъ, идемъ, и боимся; ладно кабы ихъ мошенниковъ приказали закопать тутъ же: что дѣлать, взялъ бы грѣхъ на душу, да и дѣлу конецъ; а то вѣдь бѣда—ловить велятъ, тамъ учнутъ семь лѣтъ судить, да по всѣмъ острогамъ таскать, да всѣ наговоры отъ него принимать, съ кѣмъ-де знался, у кого ночевывалъ — извѣстно, кого хочетъ, того и губитъ, а кто позажиточнѣе, того и втянутъ туда съ головою; да еще того гляди, уйдетъ, такъ ужъ это первое дѣло, что сожжетъ все село. Ну, такъ вотъ и прошли мы облавой до самой глуши, до зимницы; можетъ статься, и встрѣтилъ кто прохожаго съ кистенемъ, такъ чай самъ посторонился и глазъ на него не подымалъ, чтобъ и не видать; страшно вѣдь, сожжетъ, ему это ни по чемъ. Однако дошли до зимницы; глядь, анъ изъ окна торчитъ ружье. Не подходи, православные, кричитъ онъ оттуда, убью; проходи своей дорогой. Вотъ я выхватилъ на скоро ружьишко свое — а я зарокъ положилъ, чтобъ для нихъ для мошенниковъ душой не кривить, будь власть Господня, и покрылъ зарокъ молитвой — выхватилъ, приложился, чикъ—осѣчка! Онъ свое прямо на меня уставилъ дуломъ изъ окна-то — чикъ, осѣчка и у него! опять я въ него— осѣчка! опять онъ въ меня — осѣчка! Ему мошеннику все лучше, за косякъ хоронится, а я-то весь передъ нимъ тутъ, какъ листъ передъ травой. Опять я потру, потру ногтемъ кремень, опять взведу курокъ — нѣтъ, не беретъ; явственно, что Господь милостивый хранилъ меня отъ него, отъ душегубца, потому что и онъ то и дѣло чикаетъ оттуда, да не даетъ Богъ стрѣльбы. Тутъ отколь ни возмись Антипка подскочилъ, сынъ, что теперя въ извозѣ; давай, говоритъ, бачка, давай мнѣ ружье, я на счастье попытаюсь.—Поди-молъ ты, молокососъ, отойди прочь, убьетъ онъ тебя, съ этого мѣста не спуститъ. Вотъ я еще перекрестился, приложился, да какъ только выставилъ онъ ружье въ оконце, а самъ сталъ опять таки ублажать православныхъ острасткой, чтобъ проходили мимо, такъ я и хватилъ его въ окно жеребьями; — у него опять осѣчка, а у меня-то

выстрѣлило. Гляжу, а у него у душегубца и ружье изъ рукъ вывалилось. Ну, слава тебѣ Господи; тутъ кинулись всѣ, стали было высаживать двери, а мы съ сыномъ въ окно вскочили, ужъ не страшно стало, и поймали его, съ перебитымъ плечемъ; одинъ только тутъ и былъ.... Нѣтъ, на ружье не надѣйся, на Бога надѣйся, да на рогатину, а ружью не вѣрь, ружье обманетъ. Тетерьку стрѣлять станешь, оно и нешто, и выпалитъ; а вотъ босаго-то станешь на себя принимать, оно тутъ тебя и выдастъ. На рогатину нѣтъ заговора, только упирай ее крѣпче комлемъ, да управляй желѣзомъ куда слѣдуетъ....

Пора слѣзать, дядя Гарасимъ, сказалъ Макаръ, вотъ на право не далечко слѣдъ осмотрѣть надо, коимъ до берлоги прошелъ; хоть и засыпанъ, а знать еще хорошо. Остановились и прошли къ слѣду. Увидавъ его, старикъ снялъ шапку, перекрестился на встокъ солнца, а прочіе за нимъ тожъ; потомъ стали они кланяться другъ другу и просить прощенія, какъ бы прощаясь на вѣкъ: простите меня грѣшнаго, православные, Христа-ради простите. Наконецъ Гарасимъ досталъ ножъ свой, отошелъ въ сторону, срѣзалъ прутъ вилочкой, заострилъ концы, нагнувшись пошепталъ что-то, воткнулъ вилочку въ одинъ изъ слѣдовъ огромной медвѣжей лапищи, еще перекрестился и покончивъ дѣло это, скорыми шагами воротился къ товарищамъ. Всѣ трое пошли къ дровнямъ своимъ, сѣли и поѣхали. Что, приткнулъ? спросилъ Макаръ.—Приткнулъ; былъ бы тутъ только, такъ не уйдетъ.

А который это будетъ, сказалъ Гарасимъ, тотъ ли, что навѣдывался лѣтось къ Воротиловскимъ, аль что корову задралъ на Ключахъ? — Этотъ будетъ, отвѣчалъ Макаръ, тотъ не великъ, овсяникъ надо быть; а этотъ, видѣлъ, даромъ что босой, ровно мужикъ въ лаптяхъ прошелъ.

Проѣхавъ еще лѣсомъ сколько можно было, охотники наши остановились; тутъ за хламомъ, буреломомъ и валежникомъ разныхъ именованій никакой ѣзды не было. Оглянулись и вырубили каждый по сосенкѣ, на ратовище, аршинъ въ пять, либо въ шесть. Тонко притесываешь, сказалъ Макаръ задорному новичку, Сенькѣ, который выхо-

дилъ на медвѣдя впервыя. — Не льзя, дядя, у моей рогатины трубка неширокая. — Покажъ сюда! — Сенька досталъ рогатину свою изъ за пазухи, и оказалось, что это было старенькое шиповое долото. — Охъ ты, курицына дочь, сказалъ Макаръ, ты съ чѣмъ это на медвѣдя идешь? — Ничего, Богъ милостивъ, дядя, молчи; это чѣмъ не ладно? это ладно будетъ совсѣмъ, вотъ только что трубка узенька.... Ну, смотри, продолжалъ Макаръ, приправляя свое ратовище, а не больно это ладно; этимъ дѣломъ шутить нечего, долото не рогатина. А ну-ка, поищи, нѣтъ ли какого завалящаго гвоздка въ карманѣ? — На что, обозвался дѣдушка, который подошелъ на ту пору съ насаженной рогатиной, волоча ее за собою. А вотъ прибить бы гвоздочкомъ, чтобъ не соскочила, отвѣчалъ Макаръ, указывая пальцемъ на дырочку въ трубкѣ своей рогатины, также ужъ приправленной. — Вотъ пустяки, молвилъ старикъ, на что? вѣдь онъ не на себя потянетъ ее, а самъ на нее полѣзетъ; не падать, съ Богомъ. Ты гляди, Ванюха, стой тутъ, да неровно голосъ подадимъ, такъ обзывайся по зычнѣе.

Еще разъ перекрестились и пошли, держа рогатину подъ шейку и волоча ратовище за собою. Передки вези, а задокъ самъ ѣдетъ, съострилъ дѣдушка, когда Сенька сталъ оглядываться на слегу свою, которая моталась взадъ и впередъ промежъ кочекъ, сугробовъ, пней, колодъ и цѣлыхъ засѣкъ валежнику. Дѣдушка, дѣдушка, закричалъ Ванюшка — тотъ оглянулся: пусти меня съ собою на медвѣдя-то! Макаръ съ Семеномъ захохотали, а дѣдушка только погрозился на Ванюху и молча продолжалъ путь. — Ну, сказалъ онъ, крякнувъ и переваливаясь бокомъ черезъ лежавшую въ-полчеловѣка колоду, вы братцы, послушайте меня: какъ подходить станемъ близко, то ты, Макаръ Тимофѣевичъ, пускай впередъ меня одного, съ жучкой, я принимать стану его, а вы слышь за мною, да готовьтесь подсаживать; не какъ долги больно ратовища у васъ, не сподручно поворачиваться будетъ, обрубили бы четверти на три; какъ приму я его сердешнаго, Богъ велитъ, то съ боковъ-ту и подскакивайте, да угожайте повыше моего,

въ саму грудь, въ сердце; ты пожалуста Макаръ по праву руку иди; Сенька парень хорошій, а все ему первника еще; ты подсаживай его въ лѣвый бокъ, угожай прямо въ сердце. А засапожникъ свой, Макарушко, высвободи, череномъ наружу, не ровенъ часъ. Береженаго и Богъ бережетъ. А ты, Сеня, топоръ ощупай за поясомъ, чтобъ сподручно торчалъ. Жучка, жучка, сюда!

Такимъ образомъ тройка наша подвигалась впередъ, и трущоба все становилась гуще, лому навалено было болѣе. Мѣстами казалось, что не льзя и пройти; но гдѣ охотникъ не пролѣзетъ! Въ Сибири говорятъ: гдѣ два оленя прошли, тамъ Тунгусу большая дорога; а наши лѣсники говорятъ: гдѣ медвѣдь проломился, тамъ и человѣкъ не застрянетъ. Наконецъ Макаръ остановилъ рукою Герасима, и указывая впередъ, въ чащу сосняка, въ полголоса повторялъ: вотъ, вотъ, вотъ....

Дѣдушка Герасимъ выросъ на поларшина, будто его съ земли подняло; глазишки его загорѣлись, скулы сжались, дыханіе зачастило. Махнувъ товарищамъ своимъ рукою позадь себя, онъ сталъ не звучно посвистывать, подзывая собаку, а самъ тихими шагами шелъ впередъ, чутко прислушиваясь и зорко вглядываясь въ скученный передъ нимъ сосиякъ. Двѣ сосны были выворочены до половины съ корнемъ и съ цѣлымъ пластомъ земли и лежали накрестъ, упершись сучьями въ сосѣднія деревья. Тутъ, тутъ, безпремѣнно тутъ, говорилъ шопотомъ съ натугой Макаръ, а Герасимъ все посвистывалъ, шагалъ все тише и осторожнѣе; нетерпѣливо осадивъ рукою выпятившуюся рогатину Семена со старымъ долотомъ, и не смигивая глазомъ, онъ тихо подавался впередъ. Вдругъ жучка залился отчаяннымъ визгливымъ лаемъ и въ тоже мгновеніе гора снѣгу, съ хворостомъ и хламомъ, встала въ десяти шагахъ передъ охотниками, и Семену показалось, что весь стоячій лѣсъ покачнулся, и земля подъ нимъ всколебалась.

Дѣдушка громко гикнулъ и продолжалъ кричать и травить жучку отчаяннымъ голосомъ, взмахивая лѣвою рукою — въ правой держалъ онъ рогатину, все еще вплоть у желѣзка; товарищи вторили ему, жучка воймя заливал-

ся, будто кто теребилъ его за горло. Медвѣдь всталъ; застигнутый подъ вывороченными пластами какъ подъ крутой стѣною, озлобленный наглою привязчивостію жучки, онъ вздыбился съ мѣста и шелъ ревучи прямо на своихъ противниковъ. Гарасимъ сдѣлалъ только шагъ впередъ, для послѣдняго вызова врага взмахомъ руки, потомъ быстро выдвинулъ рогатину не болѣе, какъ на аршинъ впередъ себя, подхватилъ ее въ обѣ руки, и осаживая легонько ощупью въ нѣсколько пріемовъ, уперъ комлемъ твердо въ снѣгъ и землю; босой уже протягивалъ лапы на дѣдушку, ихъ раздѣляла только аршинная длина выпущеннаго конца рогатины; Гарасимъ еще таки успѣлъ дать на него окрика, и въ тотъ же мигъ, подставивъ ему желѣзо подъ самую грудь, быстро сталъ перехватывать руками по рогатинѣ, упирая ее крѣпко въ землю и отступая по мѣрѣ того, какъ звѣрь на него насѣдалъ.

Мишка человѣкъ упрямый и своенравный; онъ не любитъ ни уступать, хотя самъ и не задоренъ, ни дать кому дорогу посторонившись, ни вообще уклоняться отъ какихъ либо препонъ и преградъ; онъ привыкъ всюду ломиться напрямикъ, сбивая съ ногъ и съ корня все, что, не признавъ лѣснаго хозяина, само не дастъ ему вольнаго проходу. Встрѣчные сучья въ оглоблю толщины ломаетъ онъ боками, не замѣчая ихъ; но съ желѣзомъ онъ не знакомъ, и установки рогатины подъ угломъ и комлемъ подъ-корень пня онъ не знаетъ. Отъ перочиннаго ножечка, который подставляютъ ему подъ названіемъ рогатины, было бы ему и стыдно и странно уклониться, тогда какъ уклончивость эта стоила бы каждому охотнику жизни, а его бы спасала отъ неминучей смерти; но онъ только лѣзетъ впередъ, сѣвъ грудью на остріе и стараясь прибрать къ рукамъ отступающаго передъ нимъ смѣльчака; онъ напираетъ самъ и напарывается все глубже и глубже. Рогатина сильно вздрагивала въ рукахъ Гарасима отъ толчковъ и порывовъ босаго ратника, и дѣдушка нажималъ ее къ землѣ изо всей силы. Подсаживай! закричалъ онъ голосомъ полузарѣзаннаго, когда желѣзо вошло уже на добрыхъ поларшина въ живое мясо, а лютый, неистовый ревъ звѣря сталъ пере-

ходить отъ густаго, медвѣжьяго баса, все выше и выше, въ болѣе острые звуки....

Дикими кабанами выскочили Макаръ съ Семеномъ изъ засады и съ разгону подняли заклятаго врага своего съ обоихъ боковъ на клыки. И шиповое долото сослужило службу свою не хуже двурѣзной, закаленной полосы Гарасима.—Вали его, крикнулъ дѣдушка, напирая теперь своей рогатиной изо всей мо́чи впередъ; вали его, закричали подручники его, и медвѣдь, осѣвъ сперва на карачки, рухнулся навзничъ, обливая бѣлый снѣгъ своею кровью, мыча протяжно и вяло отбиваясь лапами на воздухѣ....

Кто бы справился съ этою силою, будь она силою разсудительною! Не хитра выдумка подставить дураку рожонъ, на который онъ самъ лѣзетъ и самъ валится, всею тяжестью неуклюжаго, огромнаго тѣла своего; а побѣждаетъ и эта хитрость!

Дѣдушка Гарасимъ хотѣлъ было тотчасъ, перекрестясь, приниматься за освѣживаніе звѣря, но Сенька, въ изступительномъ удовольствіи своемъ, сталъ упрашивать его, кланяясь въ ноги, чтобы везти босаго цѣликомъ на село. Подумавъ немного, Макаръ присталъ къ нему, и дѣдушка согласился. Изъ трехъ слегъ ратовищъ связали вязками наскоро волокушку, взвалили медвѣдя, подняли одни концы на плеча и потащили. Съ трудомъ доволокли его до дровней, гдѣ Ванюха больно соскучился одинъ, и отъ радости, вмѣстѣ съ жучкой, задалъ выпляску на убитомъ медвѣдѣ.

— А ты гдѣ былъ, неслухъ эдакой, встрѣтила одна изъ ткачихъ Ванюху, когда первая радость встрѣчи и поживы миновалась. — Я съ дѣдушкой, затянулъ Ванюшка плаксиво, прячась за лошадь, около которой возился.... Вотъ погоди, съ дѣдушкой, продолжала бойкая молодая баба, погоди, пострѣлъ, я тебя, ужо́: ужъ и ты некакъ у меня на медвѣдей повадился? Глупый, неразумный, издеретъ медвѣдь тебя; а вотъ отецъ съ извозу воротится, да съ меня спроситъ, а? Погоди!

— Да это, мама, не такой медвѣдь, не тово...

— Какой не такой? — Сказывай, пострѣлъ, какой не такой?

— Да не такой это, вонъ вишь смирный....

— Ахъ ты, кашникъ постылый, смирный! Погоди, отецъ воротится, онъ тебѣ дастъ.

На эту острастку Ванюшка, понуривъ голову, скрытно улыбнулся, будто подумалъ: Ну, коли расправа до отца отложена, такъ ладно. Нынѣ, такъ бы страшно, а когда нибудь—ничего.

В. Даль.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ;
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турка злова
Никнетъ гордое чело.

*

Спишь ли ты, нашъ Королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Что ломаютъ вешній ледъ!

*

Спишь ли, спишь ли, Королевичъ!
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ!

*

Слушай! трубы загремѣли;
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ;
Сербы съ горъ текутъ какъ рѣки,
Кроютъ поле какъ туманъ.

*

Просыпайся жъ Королевичъ!
Знать великій часъ насталъ:—
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ......

1849

II

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ:
Бродитъ, ищетъ, рѣчь заводитъ
Съ тѣмъ, съ другимъ,—все пользы нѣтъ!
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ отвѣтъ.
Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тьмѣ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.
И надумались, и снова
Мысли бурно закипятъ:
Будите того, другаго,—
Всѣ киваютъ, да молчатъ!
Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ,—
А кругомъ-то, посмотрите,
Какъ отраденъ сладкій сонъ!
Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ:
Ужъ не лучше ль вамъ заснуть,
И отъ думъ неугомонныхъ,
Хоть на время, отдохнуть.

А. Хомяковъ.

1853.
Тула.

III

ПАХАРЬ.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается,
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана,
Да каменьями унизана.

*

Не слыхать-то въ полѣ голоса;
Молча воронъ на межѣ стоитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.

*

Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ, понурилъ голову,
Мужичекъ идетъ, шатается.

*

Ужъ когда же ты, кормилецъ нашъ,
Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
Изъ земли ты роешь золото,
Самъ-то сытъ сухою коркою!

*

Зрѣетъ рожь—тебѣ заботушка:
Какъ бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.

*

Хлѣбъ поспѣлъ—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

*

Урожай—купцы спѣсивятся,
Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся.

Все твой дворъ не исправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

*

Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

IV

НИЩІЙ.

И вечерней, и ранней порою,
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа ради на помощь зоветъ.

*

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

*

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,
Жаль разумное Божье созданье —
Человѣка въ грязи и съ сумой!

*

Но беднѣе и хуже есть нищій;
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ —
Цѣлый вѣкъ изъ одежды и пищи
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

*

Спитъ въ лачужкѣ на грязной соломѣ,
Богатырь въ безъисходной бѣдѣ,

Крѣпче камня въ песносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

*

По смерть въ землю онъ зерна бросаетъ,
По смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ.

И. Никитинъ.

Воронежъ.

V

ЛЕГЕНДА ВЕРХНИХЪ ЛУЖИЧАНЪ.

(Изъ сборника Верхнелужицкихъ пѣсенъ Гаупта и Смоляра.)

Пускай узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Что̀ было въ Униграхъ за сто лѣтъ.

Жилъ въ Варадинѣ славный князь,
И дочь у князя родилась;

Лицомъ пригожа и свѣтла
Новорожденная была.

Когда же стала подростать,
Не шла съ подругами играть,

Но въ Божьихъ храмахъ день и ночь
Молилась княжеская дочь.

Минуло ей шестнадцать лѣтъ,
Она даетъ святой обѣтъ:

Оставить міра суету
И посвятить себя Христу.

Но слышитъ вѣсти отъ родныхъ,
Что къ ней присватался женихъ,

Что красотой ея плѣненъ
Одинъ владѣтельный баронъ.

И соглашаются отдать
Ему ее отецъ и мать;

Но дочь одно твердитъ въ отвѣтъ:
« Дала я Господу обѣтъ,

Весь вѣкъ не вѣдать брачныхъ узъ;
Одинъ женихъ мой—Іисусъ!»

Но ей отецъ, возвысивъ гласъ:
— Ты наша дочь и слушай насъ!—

И дочь, покорствуя отцу,
Пошла готовиться къ вѣнцу,

Кротка, спокойна и тиха,
Но не глядитъ на жениха.

Когда жъ оконченъ былъ обрядъ,
Она ушла тихонько въ садъ

Къ своимъ возлюбленнымъ цвѣтамъ,
И на колѣни пала тамъ;

И говорила такъ, молясь:
« Услыши, Господи, мой гласъ,

И укрѣпи во мнѣ, Господь,
Изнемогающую плоть!»

И передъ нею Онъ предсталъ,
И страхъ невѣсту обуялъ,

Но подалъ Онъ десницу ей,
И стала вдругъ она смѣлѣй,

И новыхъ силъ живой родникъ
Ей въ душу слабую проникъ.

И кротко въ очи ей смотря,
Господь вѣщалъ ей, говоря:

« Возьми сей перстень золотой,
Залогъ любви Моей святой ! »

Невѣста розу сорвала
И жениху ее дала,

Предъ Нимъ колѣни преклоня:
— Прими залогъ и отъ меня !—

И обрученные пошли,
Срывая розаны съ земли;

А Онъ, на ней покоя взглядъ,
Сказалъ: « Пойдемъ въ Мой вертоградъ! »

И взявъ, повелъ ее съ собой,
И шли они рука съ рукой,

И въ вертоградъ къ Нему пришли,
Гдѣ розы многія цвѣли,

Алоэ, нардъ и киннамонъ,
И раздавался нѣкій звонъ

Золотострунныхъ райскихъ лиръ,
И пѣлъ святыхъ избранный клиръ.

И доведя ее до вратъ,
Онъ рекъ: « Ты зрѣла вертоградъ,

Иди, пора тебѣ домой,
И миръ да будетъ надъ тобой ! »

И опечалилась княжна:
Глядитъ: опять стоитъ она

Предъ Варадиномъ у воротъ,
И стража кличетъ. « Кто идетъ? »

Она, сробѣвъ и устыдясь,
Даетъ отвѣтъ: « Отецъ мой князь,

Объ немъ извѣстенъ городъ весь:
Онъ воеводой главнымъ здѣсь ! »

Но возражаетъ стража ей:
«У воеводы нѣтъ дѣтей!»

Она же имъ твердитъ одно:
«Онъ воеводой здѣсь давно!»

И взявъ, привратники ведутъ
Ее къ судьямъ своимъ на судъ;

Тѣ стали спрашивать ее;
Она же имъ опять свое:

«Отецъ мой князь! она твердитъ,
«Онъ воеводой здѣсь сидитъ!»

И диву судьи всѣ дались,
И рыться въ книгахъ принялись,

И тамъ прочли они въ отвѣтъ,
Что въ Варадинѣ за сто лѣтъ,

На праздникъ, въ свадебную ночь,
Пропала княжеская дочь.

И судьи всѣ рѣшили такъ,
Что это вышней воли знакъ;

И внявъ княжнѣ, они пошли,
И ей пастора привели;

И осѣнясь его крестомъ,
Она почила вѣчнымъ сномъ,

Тиха, спокойна и ясна,
И благолѣнія полна.

Тому внимая, всякій чти
Святые Господа пути,

Зане Живый на небесахъ
И многомилостивъ, и благъ.

П. Бергъ.

VI (*).

Полетѣла птица-соколъ сизый
Отъ Іерусалима святаго;
Въ когтяхъ несетъ ласточку птицу.
А то былъ не соколъ сизый—
Самъ Илья пророкъ, святитель Божій.
Несъ Илья пророкъ не ласточку птицу,
А грамоту отъ пречистой Дѣвы.
Какъ принесъ на Косово поле,
Опустилъ къ царю на колѣни.
А грамота вымолвила слово:
—« Честное ты племя, царь Лазарь!
Какого ты хочешь себѣ царства?
Хочешь ли небеснаго царства,
Или хочешь царства земнаго?
Коли хочешь царства земнаго,
Сѣдлай коня, надѣвай доспѣхи,
Опояшься богатырской саблей;
Бей враговъ Турокъ безъ пощады,
И все вражье войско погибнетъ.
А хочешь небеснаго царства—
На Косовомъ полѣ строй церковь,
Выводи не мраморныя стѣны,
А чистаго бархату и шелку,
И дай всему войску пріобщиться:
Всѣ твои войны погибнутъ,
А съ ними и ты, царь Лазарь.» —
Выслушалъ царь Лазарь рѣчи,
Сталъ про себя царь думать:
«Боже ты мой, Боже милосердый!
Какое мнѣ выбрать царство?

(*) Этотъ переводъ извѣстной Сербской пѣсни принадлежитъ Петру Васильевичу Кирѣевскому и найденъ въ бумагахъ его. Онъ замѣчателенъ какъ весьма удачный опытъ передачи Сербскихъ пѣсенъ языкомъ и складомъ нашихъ древнихъ былинъ. *Изд.*

Выбрать ли небесное царство,
Или выбрать царство земное?
Если я выберу царство,
Временное царство земное:
То же мнѣ царство не на долго,
А царство небесное на вѣки.»
И выбралъ царь царство неземное,
Вѣчное небесное царство.
На Косовѣ полѣ создалъ церковь,
Вывелъ не мраморныя стѣны,
А чистаго бархату и шелку;
Сербскаго призвалъ патріарха,
Двѣнадцать владыкъ великихъ,
И войску святое далъ причастье.
Самъ князь урядилъ свое войско;
А Турокъ на Косовъ ударилъ.
Войско велъ старый Богданъ Югъ,
А съ нимъ сыновъ, Юговичей, девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
У каждаго девять тысячь войска,
У Юга двѣнадцать тысячь.
Съ Турками бились, рубились,
Семь пашей Турецкихъ убили;
А какъ стали бить осьмаго,
Палъ самъ Богданъ Югъ старый;
Съ нимъ погибли Юговичей девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
И войско ихъ все погибло.
Вышли три Марнявчевича съ войскомъ,
Банъ Углеша съ Гойкомъ воеводой,
И самъ Волкашинъ король съ ними.
У каждаго тридцать тысячь войска.
Съ Турками бились, рубились,
Восемь пашей убили,
Только стали биться съ девятымъ,
Двое Марнявчевичей пали,
Банъ Улеша съ Гойкомъ воеводой.
Храбраго краля Волкашина

Турки конями притоптали,
Всё их войско, всё погибло.
Вышелъ Степанъ герцогъ съ войскомъ;
Много у герцога силы,
Цѣлыхъ шестьдесятъ тысячь войска.
Съ Турками бились, рубились;
Девять пашей убили;
Только стали биться съ десятымъ,
Какъ герцогъ Степанъ былъ изрубленъ,
И всё его войско погибло.
Вышелъ съ войскомъ Лазарь, князь Сербскій,
Много было съ Лазаремъ Сербовъ,
Было съ нимъ семдесятъ семь тысячь;
Разбили, погнали по Косову Турокъ,
Туркамъ не дадутъ и оглянуться,
Не только что Туркамъ съ ними биться.
Тутъ и одолѣлъ бы князь Лазарь,
Да Богъ судья Бранковичу Волку,
Что выдалъ на Косовѣ тестя:
Лазаря Турки одолѣли,
И палъ тогда Сербскій князь Лазарь,
А съ нимъ и всё его войско—
Семьдесятъ семь тысячь войска.
Оно было честно и свято
И къ Богу Всевышнему прибѣжно.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. (*)

Въ Чехіи, въ концѣ XIV столѣтія, современно началу великаго раскола на Западѣ, обнаружилось сильное вѣроисповѣдное движеніе, вызванное прошедшимъ ея, и въ свою очередь вызвавшее появленіе Гуса. Подготовленное вѣковымъ натискомъ Латинства, раздвоеніе между поклонниками Рима и защитниками Грекославянскихъ преданій, принимаетъ формы настоящей борьбы. Латинская Церковь, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было на Западѣ, въ соблазнительной жизни своего духовенства, въ шаткомъ авторитетѣ своихъ новыхъ преданій, возбуждаетъ противодѣйствіе и ненависть огромной половины Чешскаго народа. Цѣлый рядъ проповѣдниковъ, возвѣщающихъ Слово Божіе на родномъ языкѣ, возстаетъ на обличеніе Латинской іерархіи и суемудрія Западнаго. Въ буряхъ гоненій, воздвигнутыхъ Римскимъ престоломъ, умолкли послѣдніе, торжественные возгласы Матѳія Парижскаго. Въ грозномъ затишіи, предшествующемъ великимъ потрясеніямъ XV столѣтія, впервые раздается въ Пражской Виѳлеемской часовнѣ могучее, но безстрастное, слово благочестиваго проповѣдника, исполненнаго пламеннаго сочувствія къ истинѣ. Рано возвысилъ онъ обличительный голосъ противъ нечестія мірянъ и духовныхъ, за что и былъ обвиненъ предъ судомъ архіепископа Вольфрама, умершаго въ 1402 году. Но умный владыка объявилъ, что проповѣдникъ исполняетъ только святую обязанность нелицепріятія, и велѣлъ оставить его въ покоѣ. Этотъ священникъ былъ Іоаннъ Гусъ.

(*) Предлагаемый отрывокъ составляетъ начало большаго историческаго сочиненія, обнимающаго собою вѣроисповѣдное движеніе Чехіи въ XV и слѣд. вѣкахъ. *Изд.*

ГЛАВА I.

Начатки Гуса.—Жизнь его до смерти архіепископа Сбинка 1373—1411 (1).

Янъ или Іоаннъ Гусъ родился 6 Іюля, 1373 года или, по словамъ Палацкаго, 1369, въ мѣстечкѣ Гусинцѣ

(1) Источники для жизни Гуса: 1) Его собственныя сочиненія: Historia et monumenta J. Hus atque Hieronymi Pragensis. Norimbergæ 1558, ed. sec. 1583, ed. tert. 1715, 2 voll., всѣ въ листъ, съ приложеніемъ біографіи Гуса: Historia Sanctissimi Martyris; сколько извѣстно, это послѣднее есть сокращеніе донесенія *Петра Младеновица*, и другихъ отрывковъ, относящихся къ отдѣльнымъ частямъ Гусовой жизни. 2) Epistolæ quaedam piissimæ et eruditissimæ Johannis Hus, cum M. Lutheri præfatione. Vitemb. 1537, 12; переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на Нѣмецкій въ «Briefe des Joh. Hus, nach dem boehm. Urtext und mit Anmerkungen von Ferd. *Mikowec*. Leipz. 1849. 12. 3) Geschichtschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, въ «Fontes rerum Austriacarum,» 1-the Abth. Scriptores. 2 Band, Theil 1. Wein, 1856.— Нѣкоторыя изъ сочиненій Гуса на Чешскомъ исчислены Юнгманомъ въ его Historie literatury, české, 2 vyd. v Praze, 1849, на прим: O šesti bludech, Dcerka, и др. 4) *Aeneæ Sylvii* de Bohemorum origine ac gestis historia, cap. 35—36. Bas. 1575, fol. 5) *Joh. Cochlæi* Historia Hussitarum, libri 12, Mogunt. 1549, fol. 6) *M. Z. Theobaldi* Bellum Hussiticum. Frf. 1621, fol; Hussitenkrieg, darin begriffen das Leben, die Lehre, der Tod M. Johannis Hussi. Nürnberg, 1624, 4. 7) *Balbini* Epitome Hist. Bohem. Prag. 1677, 2 voll., fol., и Miscellanea, Prag. 1679—87, VII voll., fol. 8) *Wawřince z Březowé* letopisowé wálky Husitské, рукопись, доселѣ не изданная и извѣстная только отчасти въ неправильномъ Латинскомъ переложеніи, въ *Людвиговомъ* Collectio reliqu. manuscript. ac monumentor., tom. VI, p. 124 squ. 9) Stařj letopisowé češtj od r. 1378 do 1527. w Praze, 1829., 4. 10) Hystoria o těžkých protjwenstwjch cýrkwé české. Hirschw. 1844, 12. Далѣе сочиненія, относящіяся къ Исторіи Констанцкаго Собора. 1) Великій сборникъ *V. der Hardt*, Magnum œcumenicum Constantiense Concilium. Francof. 1699 sq., fol., IV. 2) Сочиненія современниковъ: *Штумпфа* Des grossen gemeinen Conciliums zu Costentz kurtze Beschreibung u. s. w. (sine loco et anno), и *Рейхенталя* Das Concilium zu Constantz. 1486; 2-е изд. 1536 г. 3) Позднѣйшія сочиненія, какъ пособія: 1) *Lenfant* Histoire du Concile de Constance. Amsterdam, 1727, 2 voll. 4. 2) *Royko* Geschichte der grossen Kirchenversammlung zu Kostnitz, Prag, 1784—1796, 4 Bde, 8. 3) *Pelzel*, Lebensgeschichte des römischen und böhmischen Königs Wenzeslaus, und Urkundenbuch zur Lebensgesch. Prag, 1788—90, 2 Bde, 8. 4) *Palacky*, Archiv český. W Praze, 1840 и слѣд. 5) *Zeyfridi* (Wilh.) Commentatio de Johannis Hussi martyris vita, fatis et scriptis, etc. Jenæ, 1729, Halperhusæ 1743, 4. 6) *Pelzel*, Kurzgefasste Geschichte der Böhmen. Prag. 1782, 2 Bde, 8. 7) *Schroeck* Christl. Kirchengeschichte, tom. 33—34. 8) *Flaccii* Catalogus testium veritatis, an. 1562, ed. sec. Frfr. 1666, 4; 9) *Palacky*, Geschichte v. Böhmen, T. III, 1 Abthl. Prag 1845.— *Его же*, Dějiny národu českého, díl III, č. 1. W Praze, 1850. 8. 10) *Aschbach* Geschichte Kaiser Sigmunds. Hamb. 1838—39, 2 Bde, 8. 11) *Krasinski* Sketsch

(принадлежавшемъ частію Королевскому замку Гусъ, частію же непосредственно Королевской камерѣ), въ Прахинскомъ округѣ, на южной сторонѣ Чехіи. Отъ этого замка или мѣстечка Янъ получилъ свое имя. Обычай называться по имени мѣсторожденій былъ общимъ въ средніе вѣки. ([1]) Гусъ родился, какъ Лютеръ, отъ бѣдныхъ поселянъ ([2]), но людей свободнаго происхожденія. Писатели прошлаго столѣтія считали его крѣпостнымъ Николая, владѣльца Гусинца, который послѣ явился во главѣ Таборитовъ: Варильясъ, въ Исторіи ереси Виклефа, намекаетъ, кромѣ того, на его незаконное происхожденіе ([3]). Не первому Гусу пришлось защищать свою личную свободу отъ нападеній неблагонамѣренной критики.— О первыхъ двадцати годахъ жизни его въ источникахъ не сохранилось почти никакого извѣстія. Знаемъ только, что первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ, а приготовительное ученіе окончилъ въ Прахатицахъ, уѣздномъ городѣ своего округа. Въ чемъ состояло это ученіе? Конечно въ трехъ первоначальныхъ наукахъ, входившихъ въ составъ извѣстнаго *trivium*, находившагося тогда въ каждомъ значительномъ городѣ. Онъ учился еще Латинскому пѣнію, какъ самъ говоритъ: cantum

---

of the reformation in Poland. Lond. 1838—40, 2 voll. 8. 12) *Gieseler*, Lehrbuch der Kirchengeschichte, въ своихъ мѣстахъ. 13) *L. Flathe*, Geschichte der Vorläufer der Reformation, 2 Bde, 8, Lpz. 1835. 14) *E. Bonnechose*, Les réformateurs avant la réforme, 2 voll. Paris. 1845. 8. 15) *Holzhausen*, Der Protestantismus nach seiner geschichtlichen Entstehung, Begründung und Fortbildung. 2 Bde. Lpz. 1846—49. 8. 16) Johann Huss, v. *N. Hadermann*, небольшая монографія, въ популярномъ сборникѣ: Die Männer des Volks, издаваемомъ *Дуллеромъ*, III. B. 1. Lief., 1847. 17) *Cappenberg*, Utrum Hussi doctrina fuerit hæretica? Monaster. 1834, 12. 18) *Zürn*, Johann Huss auf dem Concile zu Costnitz. Leipz. 1836, 12; 19) *Neander*, Züge aus dem Leben Joh. Hus, въ «Kleine Gelegenheitsschriften.» Berl. 1824, 12; 20) *Helfert*, Hus und Hieronymus. Prag, 1853, 8. На Чешскомъ тамъ же, 1857. 21) *Boehringer*, Die Vorreformatoren des XIV и XV Jahrh. 1-the Hlf. Johannes von Wykliff. Zürich, 1856, 8; въ слѣд. отдѣлѣ обѣщано жизнеописаніе Гуса. 22) Joh. *Wiclefi* Dialogorum libri quatuor. Fruef. et Lps. 1753; предпослана жизнь Виклефа, L. Ph. *Wirth*. Bayereuth und. Hof. 1754. 4. 23) *Vaughan* Life of Wycliffe. 2 voll. Lond. 1851. 8. 24) *Le Bas*, Life of Wiclef, 2 ed. Lond. 1846. 12.

(1) L e n f a n t, Hist. du Conc. de Const. 24, § 20.

(2) A e n. S y l v. Hist. bohem. § 35; obscuro loco natus.

(3) L e n f a n t, Hist. du Conc. de Const. 23, § 20.

approbatum ab ecclesia, quo cœpi cantum discere, cantavi in scholis et in ecclesiis ([1]). Стало быть, онъ не только присутствовалъ, но и принималъ участіе въ Латинскомъ богослуженіи въ молодости. Все воспитаніе совершалось тогда исключительно подъ надзоромъ и подъ руководствомъ Латинскаго духовенства. Но слова: cantum *approbatum ab ecclesia* показываютъ также, съ какою бдительностію это послѣднее оберегало молодые умы отъ вліянія Православныхъ преданій, несомнѣнно существовавшихъ. Можетъ быть, Гусъ, умѣвшій различать, что одобрено Западною Церковію и что ею отвергнуто, не разъ покушался отвѣдать запрещеннаго плода. Наблюдательный умъ его рано познакомился съ порочною жизнію Латинскихъ церковниковъ. Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній его молодости были злоупотребленія Завиши, священника и ректора Прахатицкой церкви. Въ 1410 или 1411 году онъ писалъ къ Завишѣ посланіе, гдѣ упрекалъ его въ томъ, что онъ 30 лѣтъ или около стрижетъ свою паству въ Прахатицахъ, обираетъ деньги овечекъ, не заботясь объ ихъ душевномъ спасеніи ([2]). Другое впечатлѣніе, непріятно поразившее 17-лѣтняго юношу, было торжество юбилея, назначеннаго буллой Бонифація IX въ Вышеградской церкви подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ, желающіе имѣть отпущеніе грѣховъ, объявили по совѣсти, на сколько простираются издержки ихъ путешествія въ Римъ, сообща съ семействомъ, туда и обратно; обязываясь взнести эту сумму въ папскую казну, они получали право совершать юбилей въ Вышеградѣ ([3]).

Гусъ былъ свидѣтелемъ послѣдняго происшествія уже въ столицѣ, куда переѣхалъ неизвѣстно въ которомъ году. Отца его уже не было въ живыхъ; а мать сама повезла его въ Прагу. Преданіе говоритъ, что она взяла съ собой пирогъ и гуся, дабы вручить ихъ въ видѣ подарка ректору

(1) Historia et Monumenta Joh. Hus, de Sacramento Corporis et Sanguinis Domini, 40, cap. 3.

(2) Monum. Hus. I, 93.

(3) Bonifacius meis temporibus annum Jubilaeum in Ecclesia Vissegradensi per bullas statuerat, etc. Adversus Scripta 8 Doctorum: Monum. Hus, I, 293, 6.

Пражскаго университета; но гусь улетѣлъ на пути, и бѣдная вдова, принимая то за печальное предзнаменованіе, въ пламенной молитвѣ поручила сына благословенію Божію (1). Варильясъ говоритъ, что Гусъ въ Прагѣ, лишенный всѣхъ средствъ, нанялся къ одному дворянину, посѣщавшему лекціи университета, подрядившись носить ему туда книги. Вѣроятнѣе другое извѣстіе, что одинъ изъ профессоровъ изъ милости принялъ его на свое содержаніе, и что Гусъ исправлялъ при немъ служебныя должности (2). Сюда относится единственное преданіе, сохраненное намъ современниками объ его юношествѣ. Рано обнаружилъ онъ религіозный восторгъ, утвердившій въ послѣдствіи выборъ его на богословскомъ факультетѣ, а въ лѣтахъ мужества доведшій его до костра. Однажды, истопивъ коллегію Карлову для лекцій профессора, онъ сталъ на досугѣ прочитывать Житія Святыхъ. Дошедъ до того мѣста, когда діаконъ Лаврентій, испеченный въ Римѣ на желѣзной рѣшеткѣ при императорѣ Валеріанѣ, говоритъ исполнителямъ казни: «Испеклось! поворотите», Гусь, въ порывѣ восторга, вложилъ руку въ горящую печку. Товарищи спасли его отъ неминуемой гибели, и молодой Гусъ признался, что онъ хотѣлъ испытать, до какой степени духъ можетъ быть нечувствителенъ къ страданіямъ плоти. «Жизнь суровая, лишенная всѣхъ наслажденій; даже невинныхъ потѣхъ его возраста; поведеніе строгое и безукоризненное, по свидѣтельству самыхъ завистниковъ славы его; чудная гибкость характера; кротость и привѣтливость ко всѣмъ, безъ различія званій; лице блѣдное, покрытое невыразимою грустію, истощенное бдѣніемъ», — такова была личность этого дивнаго юноши, который рано обратилъ на себя вниманіе современниковъ (3). Вся его молодость сливается съ Пражскимъ университетомъ: ему по-

---

(1) Lenfant, Hist. du Conc. de Const., 24.

(2) Этѣми подробностями опровергается мнѣніе Палацкаго въ его Чешской Исторіи (Dějiny národu českého, III, č. I, str. 40), что Гусъ родился «отъ людей, хотя простаго сословія, но все же нѣсколько болѣе зажиточныхъ: «z rodičůw stawů obecného sice, a wšak wždy poněkud zámožnějšich.»

(3) Balbini, Epit. rer. Boh. p. 431.

святилъ онъ труды свои; ему безъ раздѣла принадлежитъ честь воспитанія Гуса, подъ руководствомъ такихъ учителей, каковы были: Христаннъ Прахатицкій, Николай Лютомышльскій и нѣкоторые другіе. Онъ прошелъ одну за другою всѣ ученыя степени университета: въ Сентябрѣ 1393 года сдѣланъ былъ баккалавромъ свободныхъ наукъ; въ 1394 баккалавромъ богословія; въ Январѣ 1396 магистромъ свободныхъ наукъ, потомъ богословія; въ 1398 профессоромъ университета; въ 1399, на диспутѣ у Св. Михаила въ Старомъ городѣ Пражскомъ, открыто защищалъ уже нѣсколько положеній Виклефа противъ университетскихъ товарищей. Не смотря на то, 15 Октября, 1401, онъ выбранъ въ деканы богословскаго факультета (1); въ 1402 году (14 Марта) въ священники и проповѣдники при Виѳлеемской часовнѣ (2); наконецъ съ Октября, 1402 до Апрѣля 1403 носилъ знаменитое званіе ректора.

Первоначально проповѣдь Гуса обращена была на пороки мірянъ и, пока продолжалась она въ этомъ духѣ, Чешское духовенство считало Гуса вдохновеннымъ свыше учителемъ. Извѣстіе это, сохранившееся въ надписи на старинномъ пергаментѣ, согласно вполнѣ съ государственнымъ состояніемъ Чехіи, раздираемой крамолами сильныхъ вельможъ. Когда же проповѣдникъ возсталъ обличителемъ роскоши и святокупства духовныхъ, архіепископъ Вольфрамъ просилъ короля наложить на него запрещеніе. Онъ получилъ тотъ же самый отвѣтъ, которымъ нѣкогда встрѣтилъ притязанія пановъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ (3). Съ нравственною проповѣдію Гусъ соединяетъ

---

(1) Какъ еще Бальбинъ видѣлъ о томъ собственноручную записку его въ университетскомъ Архивѣ. Epit. 403.

(2) Stařj letopisowé češtj, str. 7, и Палацкій. Но какъ согласить съ этимъ показаніемъ свидѣтельство Гуса, который называетъ 1401-й годъ первымъ своей проповѣди (Mon. 1, 39, 6), и въ 1413 писалъ къ Пражанамъ: «plusquam 12 annis in verbo Dei apud vos laboravi»? 13 Ep. Monum. I, 99, 6.— Какъ согласить съ высокими университетскими степенями Гуса догадку Палацкаго, что, вѣроятно, въ университетѣ его не считали особенно умною головою, потому что въ спискахъ получавшихъ ученыя степени онъ занимаетъ почти вездѣ только среднее мѣсто. Palacky, Dějiny národu českého, III, č. I, str. 40.

(3) Hist. Hus. 1.—Stařj letopisowé подъ год. 1602, str. 7.—Hist. o těžkých prot., str. 22.

уже и догматическую, которой смыслъ оставался тайною для современниковъ. Пизскій Соборъ считалъ излишнимъ самое упоминовеніе объ немъ; но Констанцкій призналъ 1401 годъ за начало антирелигіознаго движенія въ Чехіи. Это согласно и съ собственнымъ показаніемъ Гуса, который выступилъ въ этомъ году съ своимъ первымъ сочиненіемъ: «De corpore Christi.» Онъ тогда уже пользовался общею извѣстностію; какъ духовникъ прекрасной и набожной королевы, Софіи, имѣлъ вѣсъ при дворѣ (1); былъ въ мирѣ и отношеніяхъ дружбы и съ новымъ архіепископомъ, Сбинкомъ, который въ 1402 году, тотчасъ по принятіи архіепископскаго сана, поручилъ ему лично доносить о всѣхъ отступленіяхъ отъ церковнаго правила, какія замѣтитъ онъ въ Чешской епархіи (2). Къ этому году и относится сочиненіе Гуса: «De omni sanguine Domini glorificato,» одобренное Сбинкомъ и направленное противъ грубаго суевѣрія и ложнаго пониманія чудесъ въ Латинской половинѣ народа. Во имя Христово и подъ видомъ Животворящей Крови, въ сосѣднемъ Вильснакѣ, городкѣ Бранибора (Бранденбурга), совершались мнимыя чудеса, привлекавшія изъ Чехіи многочисленныхъ посѣтителей. Гусъ былъ въ числѣ трехъ выборныхъ, наряженныхъ архіепископомъ для ихъ изслѣдованія, и обнаружилъ обманъ (3). Въ слѣдствіе этого Сбинекъ приказалъ всѣмъ священникамъ и проповѣдникамъ Пражской епархіи провозглашать въ слухъ народа по Воскресеніямъ, чтобы никто, подъ опасеніемъ отлученія отъ Церкви, не смѣлъ ходить къ нареченной крови въ Вильснакѣ. Но уже въ 1403 году замѣтно разъединеніе между Гусомъ и архіепископомъ, когда, вопреки выгодамъ послѣдняго, Гусъ на собраніи членовъ университета и Пражской капитулы, 28 Марта 1403 года, отстаивалъ чистоту ученія Виклефа и обличалъ обвинителей въ подлогѣ небывалыхъ статей (4).

---

(1) Когда онъ сдѣлалъ ея духовнымъ отцемъ, не извѣстно. Ланфанъ, неправильно толкуя мѣсто Бальбина (Epit. 402), приводитъ 1400-й годъ.

(2) Palacky, Dějiny nár. česk. III. I., str. 67, pozn. 105.

(3) De Sangu. Dom. Monum. Hus. I, 161, 6.

(4) Подробности у Палацкаго, III, 44.

Въ томъ же году, съ дозволенія Сигизмунда и Вячеслава, онъ сдѣлалъ и первый опытъ проповѣди противъ индульгенцій (1). Въ 1404 году, 9 Іюля, Гусъ напутствовалъ къ смерти извѣстнаго разбойника-рыцаря, Николая Зуля изъ Остредка, взятаго въ плѣнъ архіепископомъ Сбинкомъ, и такъ подѣйствовалъ на него словомъ своимъ, что онъ съ искреннимъ раскаяніемъ просилъ окружающихъ молиться о прощеніи грѣховъ его (2). Въ 1405 году, проповѣди, говоренныя Гусомъ на Чешскомъ языкѣ въ Виѳлеемской часовнѣ, навлекли на него ненависть высшаго духовенства. Въ одной изъ нихъ, относящейся къ 1404 или 1405 году, онъ съ необыкновенною свободою и смѣлостію выражается противъ порочной жизни Латинскихъ духовныхъ и побуждаетъ архіепископа къ строгости (3). Есть другая рѣчь, говоренная Гусомъ въ палатахъ архіепископскихъ и наполненная сильными возгласами противъ безнравственной жизни нищенствующихъ монаховъ. Отъ 1407 года сохранилась проповѣдь одного содержанія съ прежними, на Ефес. VI, 16, и рѣчь въ церкви Св. Климента въ Прагѣ, на Іоанн. V, 8, въ похвалу императора Карла IV, котораго онъ называетъ покровителемъ Церкви, другомъ духовенства, питателемъ нищихъ, основателемъ храмовъ и университета. Въ этомъ послѣднемъ Гусъ все еще продолжалъ свои чтенія. Въ 1409 году, когда папа Александръ V выбранъ былъ Пизскимъ Соборомъ, онъ объяснялъ, въ своихъ лекціяхъ, Петра Ломбарда, магистра Sententiarum, настольную книгу западныхъ богослововъ (4).

Смѣлыя рѣчи Гуса обратили наконецъ вниманіе Сбинка. Общая молва въ духовенствѣ уже обвиняла его въ ереси Виклефа; увидимъ ниже, на сколько обвиненіе это заслуживаетъ вѣры. Правда, прямыхъ уликъ еще не было; но послѣдовавшее осужденіе 45 статей Виклефа въ 1408 и 1409 годахъ было косвеннымъ нападеніемъ на ученіе Гуса. По этому случаю произошло первое явное неудовольствіе

(1) Balb. Epit., 412.
(2) Stařj letopisowé, str. 9—10.
(3) Monum. Hus, II, 25, 27.
(4) Mon. Hus, 1, 39, 6.

между Гусомъ и Сбинкомъ. Іоаннъ Кбель, архіепископскій викарій, издалъ приказъ, чтобы всѣ Чехи, подозрѣваемые въ ереси, явились къ отвѣту. Священникъ Святодуховской церкви, Николай изъ Веленовицъ, прозванный Авраамомъ, обнаружилъ при допросѣ еретическія мнѣнія и былъ заключенъ. Напрасно Гусъ ходатайствовалъ о свободѣ его, опираясь на прежнія связи съ архіепископомъ, и громко протестовалъ, когда Сбинекъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, удалилъ его изъ епархіи (1). Дѣла принимали уже такой оборотъ, что возбудили вниманіе правительства. Въ отношеніи къ новому ученію король Чешскій постоянно придерживается образа дѣйствій Эдуарда III и Ричарда II, предоставляетъ его собственной судьбѣ, принимая мѣры только страдательныя; но желаетъ ему въ тайнѣ успѣха, по тому что видитъ въ немъ лучшее средство избавиться отъ тяжелой опеки Латинской Церкви. Вячеславъ созываетъ въ Прагу вельможъ королевства, для примиренія враждующихъ сторонъ (2). Въ слѣдствіе рѣшенія этого сейма Сбинекъ, въ торжественномъ собраніи прелатовъ, магистровъ, докторовъ, студентовъ, приходскихъ священниковъ и другихъ христіанъ правовѣрныхъ, въ палатахъ архіепископскихъ, 17 Іюля 1408, объявилъ, что, по тщательномъ изслѣдованіи, сдѣланномъ по приказанію короля имъ самимъ и его намѣстниками, во всей Пражской епархіи не оказалось ни одного человѣка, зараженнаго ересью (3). На это важное свидѣтельство ссылаются въ послѣдствіи приверженцы Гуса, когда противники обвиняютъ ихъ въ ереси. Между тѣмъ это дѣйствіе Сбинка находится въ такой знаменательной противоположности съ предшествующимъ осужденіемъ 45 статей Виклефа и со всѣмъ послѣдующимъ образомъ дѣйствій архіепископа, что вмѣшатель-

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhm. III. 223.—Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 74. «Праздные и порочные священники живутъ на свободѣ; а смиренные, неэдоимные, трудолюбивые пастыри терпятъ изгнаніе и заключеніе темничное», говорилъ Гусъ.

(2) Pelzel, Urkundenbuch, N 216.—Lebensgeschichte, I, 124—125.

(3) Tenor appellationis J. Hus a sententia archiepiscopi Pragensis ad sedem apostolicam. Mon. I, 90, 6, 91.

ство королевской власти здѣсь очевидно. Вячеславъ хочетъ увѣрить всю Латинскую Европу, что Чехія образецъ правовѣрія, и Сбинекъ, вѣроятно по принужденію, исполнилъ королевскую волю. Чтобы исправить невольную ошибку, онъ ищетъ уже повода къ распрѣ съ самимъ королемъ, и находитъ ее въ спорѣ двухъ папъ: Бенедикта XIII и Григорія XII. Кардиналы писали къ Вячеславу съ легатомъ Ландульфомъ, чтобы онъ отказалъ въ повиновеніи Григорію XII, лаская его надеждою, что новый папа признаетъ его императоромъ. И дѣйствительно, король Чешскій объявилъ кардиналамъ (24 Ноября), что онъ, согласно съ желаніемъ ихъ, откажется отъ духовнаго владычества папы Григорія, и вышлетъ посольство на Пизскій Соборъ, если только оно будетъ тамъ принято, какъ уполномоченное отъ истиннаго короля Римскаго. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ объявилъ свое королевство невмѣшивающимся ни во что, до рѣшенія Собора, и приказалъ духовенству, по примѣру Французскаго, отказать въ повиновеніи обоимъ папамъ-совмѣстникамъ; требовалъ того же и отъ университета. Но Сбинекъ и все духовенство отозвались невозможностію нарушить данный ими обѣтъ послушанія; университетъ съ своей стороны отказался исполнить королевскую волю; одинъ только Чешскій народъ изъявилъ готовность приступить къ желанію своего короля, и Гусъ съ своими приверженцами убѣждалъ всю Чехію объявить себя также невмѣшивающеюся. Сбинекъ воспользовался случаемъ, чтобы наложить запрещеніе на проповѣдь Гуса, какъ непослушнаго сына Церкви (1). «Во время отпаденія Чехіи отъ Григорія XII,» (писалъ Гусъ къ кардиналамъ въ 1411 году), «я совѣтовалъ усердно вельможамъ, князьямъ и дворянамъ, духовенству и народу, всѣми силами искать соединенія съ Коллегіею. Но Пражскій архіепископъ, противникъ коллегіи, всѣмъ магистрамъ университета, передавшимся на ея сторону, и особенно мнѣ, прибитыми ко дверямъ всѣхъ церквей объявленіями, запретилъ исправлять священнослуженіе

---

(1) См. ниже, въ подробностяхъ слушанія Гуса на Конст. Соборѣ. — Palackého, Dějiny národu českého, III, č 1., str. 76—77.

въ своей епархіи, за то, что магистры университета, будто бы безъ всякаго права, нарушили повиновеніе святѣйшему папѣ. Но такъ какъ папа дѣйствительно низложенъ былъ приговоромъ Пизскаго Собора, то отпаденіе магистровъ нашло въ этомъ рѣшеніи законное свое оправданіе» (1).

Запрещеніе Сбинка осталось безъ слѣдствій; но споръ завязывался болѣе и болѣе, и наконецъ увлекъ за собою и Пражскій университетъ. Вся послѣдняя половина 1408 и первая 1409-го года прошли въ неистовомъ спорѣ между Славянской стороной докторовъ и студентовъ и представителями Нѣмецкихъ народовъ о правѣ большинства голосовъ во всѣхъ дѣлахъ университетскихъ. Подробности этого спора не входятъ въ объемъ моего изслѣдованія: упомяну только объ участіи Гуса. Отношеніе Чеховъ къ прочимъ народамъ въ правѣ подавать голоса при Карлѣ IV было какъ три къ одному, при сынѣ его перемѣнилось въ обратное. Всѣ представители Чеховъ въ университетѣ, не смотря на личную вражду многихъ между собою, сообща принесли покорную просьбу королю о возстановленіи первоначальнаго отношенія между голосами народовъ. 10 Мая 1408, когда университетъ собрался для выбора ректора, Гусъ съ 8 или 9 магистрами: Іеронимомъ, Якубкомъ изъ Стрибра, Прибрамомъ, Яномъ изъ Звиковицъ и другими, изложилъ свои требованія въ полномъ собраніи университета, и былъ поддержанъ славною рѣчью друга своего, Іеронима. Вячеславъ, предубѣжденный въ пользу противниковъ, сдѣлалъ Гусу (2) строгій выговоръ за подозрѣніе въ ереси, которою онъ, вмѣстѣ съ Іеронимомъ, возбудилъ безпокойство въ народѣ, и даже напомнилъ ему объ огненной казни, подтвержденной Карломъ IV для ере-

---

(1) Mon. Hus I, Ep. 1, p. 93.—Въ другомъ рукописномъ посланіи Гуса къ архіепископу читаемъ: «Я не хочу выступать изъ послушанія папѣ и Церкви; я готовъ повиноваться и Григорію XII и архіепископу во всемъ законномъ; но въ спорѣ обоихъ папъ сохраняю невмѣшательство, какъ добрый сынъ обязанъ быть постороннимъ свидѣтелемъ въ спорѣ отца съ матерью.» Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 77.

(2) Когда онъ явился къ нему на Кутныя Горы, гдѣ король тогда находился, въ числѣ прочихъ выборныхъ просить о возстановленіи законнаго отношенія между Нѣмцами и Чехами.

тиковъ. Душевная тревога повергла Гуса въ тяжкую болѣзнь. Не ранѣе какъ 18 Января 1409, вышелъ указъ Вячеслава, утверждавшій за Чехами право трехъ голосовъ. Успѣхомъ они обязаны были Николаю изъ Лобковицъ, приближенному короля Вячеслава, и доброжелателю Чеховъ. Гусъ величалъ короля и убѣждалъ слушателей изъявить благодарность и Николаю изъ Лобковицъ. Долго еще длились переговоры по этому дѣлу. Нѣмцы продолжали упорствовать, пока Лобковицъ не снялъ насильно съ стараго ректора знаковъ власти его. Это событіе подало знакъ къ окончательному разрыву. Нѣмецкіе магистры и студенты толпами стали выходить изъ Праги пѣшкомъ и верхомъ. Общее число Нѣмцевъ, оставившихъ Прагу, приводится различно писателями. Остановимся на показаніи Энея Сильвія, который приводитъ 5000 (¹).

Удаленіе Нѣмцевъ изъ Праги устранило сильнѣйшую преграду свободному развитію преобразовательныхъ идей въ Чехіи. Число проповѣдниковъ увеличилось. Латинскіе священники явно стали переходить на ихъ сторону. Послѣдователи ученія Гусова впервыя отдѣляются отъ общей массы Латинскаго народонаселенія и слагаются въ особую, сильную общину, которую Гусъ въ первый разъ называетъ своею (pars nostra) и противополагаетъ Западному духовенству (²).

Образованіе цѣлой стороны приверженцевъ новаго ученія, *открыто* оторвавшейся отъ общаго единства Западной Церкви, было явленіемъ новымъ. Между тѣмъ Соборъ въ Пизѣ, въ лицѣ своихъ кардиналовъ, объявилъ себя на сторонѣ Вячеслава, противъ короля Рупрехта, друга Григорія XII. 26-го Іюля 1409 года, выбранъ папой Миланскій епископъ, Піетро Филарго Кандія, подъ именемъ Александра V, на мѣсто низложенныхъ, Григорія и Бенедикта. Не ранѣе какъ 2 Сентября Сбинекъ призналъ его первосвя-

---

(1) Подробности въ Исторіи Палацкаго III, 229—334.—Его же, Dějiny národu českeho, III, č. 1. str., 78—83, а равно и въ донесеніи Младеновица о слушаніи Гуса на Констанцкомъ Соборѣ.

(2) Cochlæi, Hist. Hussit. I, p. 16.

щенникомъ (1). Но духовенство воспользовалось примиреніемъ съ папой, чтобы возвести на Гуса обвиненія предъ архіепископомъ: въ возбужденіи народа противъ духовныхъ властей Латинскаго Запада, природныхъ Чеховъ противъ иноземцевъ; въ томъ, что онъ проповѣдуетъ презрѣніе къ Церкви, Римъ называетъ престоломъ Антихриста, каждаго священника, принимающаго плату за Таинство, поноситъ еретикомъ, всенародно хвалитъ ученіе Виклефа, и даже нѣсколько разъ въ проповѣдяхъ своихъ изъявлялъ желаніе быть нѣкогда тамъ, гдѣ находится душа ересіарха. Архіепископъ поручилъ своему инквизитору, профессору богословія, Маврикію Пражскому, изслѣдовать, по какому праву въ Виѳлеемской часовнѣ отправляется торжественное богослуженіе съ пѣніемъ (2). Гусъ письменно отвѣчалъ на всѣ обвиненія. Но еще до признанія новаго папы, Сбинекъ, побуждаемый совѣтами Андрея изъ Брода (3), приказывалъ собственной властью, чтобы всѣ доктора, магистры и баккалавры, дворяне и граждане, въ продолженіе шести дней, слагали во дворѣ архіепископа всѣ, принадлежащія имъ, сочиненія Виклефа. Но какъ повелѣніе это противорѣчило привиллегіямъ университета, то Гусъ и друзья его тогда же взнесли аппелляцію къ папѣ Григорію XII, чрезъ посредство своего адвоката или повѣреннаго, Генриха (4). Слѣдствіемъ этого былъ вызовъ самого Сбинка на судъ предъ папскимъ престоломъ чрезъ аудитора папскаго (8 Декабря 1409) (5).

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 245; Dějiny nár. česk. III, č. I, str. 93.

(2) Тамъ же, 246.—Dějin. n. č., str. 94.—Подобныя жалобы духовенства на Гуса поданы были Сбинку еще въ 1408 году.

(3) Письмо его къ Сбинку у Кохлея, I, p. 17.—Другіе наушники были: Юрій изъ Бору, Геліасъ, каноникъ Адамъ изъ Нежетицъ; см. Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 74.

(4) Ordo procedendi in causa Hus per ipsummet signatus, I, 86.—Tenor appellationis Hus, I. 89, 6.—Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 75. 5 Августа, 1408.

(5) Генриха Крумгарта изъ Вестергольца, декана у Св. Андрея въ Кельнѣ. Ibid. 89, 6.—Палацкій (Dějiny nár. českého, III, č. 1, str. 75 и 95) говоритъ о двукратной жалобѣ Гуса на Сбинка, сначала Григорію XII, потомъ

Дѣла могли бы принять дурной оборотъ для архіепископа, если бы онъ въ тоже время, съ своей стороны, не отправилъ тайкомъ къ Александру V донесенія о религіозномъ состояніи Чехіи. Сбинекъ доносилъ папѣ, что во всей Чехіи и Моравіи проповѣдь въ народныхъ часовняхъ и чтеніе книгъ Виклефа производитъ многочисленныя ереси, особенно въ отношеніи къ Таинству Евхаристіи, и что дѣятельное вмѣшательство власти первосвященника необходимо для искорененія ереси. Тогда-то прислана была папой Александромъ V знаменитая булла 20 Декабря 1409 года (1). Папа запрещалъ проповѣдь во всѣхъ часовняхъ, даже получившихъ особыя преимущества отъ престола апостольскаго, и позволялъ ее только въ соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ церквахъ, подтверждая запрещеніе распространять ученіе Виклефа и давая право архіепископу сжечь его книги (2). Эта булла испытала въ Чехіи странную участь. Сбинекъ надѣялся, что повелѣніе папы, до избранія на папскій престолъ находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ къ королю, будетъ принята въ Чехіи съ величайшею покорностію. Онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: Гусъ не пересталъ проповѣдывать, говоря, что Слово Божіе свободно и всемогуще; что никто не вправѣ связывать его благовѣстіе. Не только придворные, но и высшіе сановники Чехіи, считавшіе дѣло Гуса своимъ, описали архіепископа какимъ-то измѣнникомъ государству, самовластно распространяющимъ слухи о небывалой ереси; и Вячеславъ, котораго вся политика стремилась къ тому, чтобы новое ученіе распространялось, не дѣлаясь гласнымъ, строго потребовалъ указанія, гдѣ эта ересь, и кто въ ней участникъ? Къ довершенію соблазна, нашлись люди, которые утверждали, что булла подложна и куплена дорогою цѣною у монаха Оливета, чиновника папской канцеляріи (3). Но Сбинекъ не оробѣлъ: опираясь на могуще-

---

Александру V. Кажется, это одно и тоже событіе, и вызовъ Сбинка на судъ могъ послѣдовать по прежнимъ на него доносамъ.

(1) Тамъ же, 90.

(2) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 248.—Dějiny nár. česk. III, č. I, str. 96.

(3) Tenor appellationis J. Hus. I, 90.

ство папы, онъ созываетъ мѣстный Соборъ въ палатахъ архіепископскихъ, 16 Іюня 1410 года. По приговору, произнесенному шестью докторами богословія и законовѣдцами надъ книгами Виклефа, какъ еретическими, 16 его сочиненій присуждаются окончательно къ сожженію; четыре магистра: Михаилъ изъ Дерновицъ, Петръ изъ Валенціи, Янъ изъ Лайнштейна и магистръ Маркъ Градецкій, прокураторъ Пражскаго университета, которые одни не выдали книгъ, вызываются трижды къ исполненію воли архіепископа; запрещеніе проповѣдывать въ часовняхъ подтверждается подъ опасеніемъ анаѳемы и заточенія. Гусъ успѣлъ уже выдать сочиненія Виклефа, но съ условіемъ, чтобы архіепископъ разсмотрѣлъ прежде, дѣйствительно ли въ нихъ заключаются ереси (1)? Но за два дня до рѣшенія Собора (14 Іюня 1410), университетъ, собравшись подъ предсѣдательствомъ ректора, единогласно протестовалъ противъ исполненія незаконнаго приговора. Доктора, магистры и студенты объявляли, что, по императорскимъ и папскимъ привиллегіямъ, дарованнымъ университету, архіепископъ не имѣетъ надъ нимъ никакой судебной власти; что обладаніе книгами есть дѣло вообще не церковнаго, а гражданскаго права, и что они не отдадутъ своей собственности, добытой съ великимъ трудомъ и издержками; что обвиненіе въ ереси ложно, по собственному торжественному сознанію Сбинка; что повелѣніе папы лишилось исполнительной силы, въ слѣдствіе смерти Александра V (послѣдовавшей 3-го Мая); что противно здравому разуму сожигать сочиненія о логикѣ, философіи и математикѣ, не имѣющія ничего общаго съ религіею; что, даже при справедливомъ предположеніи, будто въ нихъ заключается ересь, истреблять ихъ не нужно; ибо по той же посылкѣ должно бы уничтожить всѣ сочиненія языческихъ философовъ, Аристотеля и комментатора его, Аверроеса, магистра Sententiarum и Оригена, въ которыхъ много уклоненій отъ истины Вѣры; между тѣмъ какъ Церковь предписываетъ изучать и ереси, чтобы тѣмъ успѣшнѣе бороться за исти-

(1) V. d. Hardt, IV, 310.—Tenor appellationis: Mon. I, 90.

пу ([1]). Они обращаются къ королю съ просьбою остановить исполненіе приговора, и Вячеславъ дѣйствительно велѣлъ архіепископу дождаться Іодока, маркграфа Моравскаго, на котораго перенесли рѣшеніе дѣла, какъ на извѣстнаго въ то время двигателя книжнаго просвѣщенія ([2]).

Тогда университетъ, въ лицѣ своихъ членовъ, Яна Гуса, магистра Здислава изъ Звиржетицъ, Яна изъ Брандиса, Яна изъ Лайнштейна, Бенеша изъ Лыска, Петра изъ Сопекова, Петра изъ Валенціи, Михаила изъ Дерновицъ, собравшись 25 Іюня, въ Виѳлеемской часовнѣ ([3]), издалъ объявленіе по всей Чехіи и Моравіи о несогласіи своемъ на сожженіе книгъ, и вмѣстѣ перенесъ дѣло отъ рѣшенія архіепископа къ новому папѣ, Іоанну XXIII. Между тѣмъ Іодокъ медлилъ пріѣздомъ; и Сбинекъ, боясь, чтобы папа на первыхъ порахъ не отмѣнилъ приказанія своего предшественника, рѣшился немедленно предать книги огню. 16 Іюля сочиненія Виклефа сожжены были во дворѣ архіерейскомъ въ присутствіи Пражской капитулы, въ многочисленномъ собраніи высшаго духовенства, съ торжественнымъ славословіемъ: «Тебе Бога хвалимъ», и съ колокольнымъ звономъ, — всего 200 книгъ, въ великолѣпныхъ переплетахъ ([4]). Лѣтопись Пражскаго университета прибавляетъ извѣстіе, что книги погибли не всѣ, и что, вмѣстѣ съ сочиненіями Виклефа, преданы пламени и древнія рукописи (registra ab antiquo reservata igni subjecerunt). По другимъ свидѣтельствамъ сожжено еще и нѣсколько сочиненій Милича, Матѳія Парижскаго, самого Гуса и Іеронима ([5]).

(1) Tenor appellat. J. Hus, I, 89, 6; 90, 91.

(2) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 251.—Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 98.

(3) Въ присутствіи свидѣтелей: Пресвитера Матѳія de Tuczap, Петра изъ Быстрицъ, Яна Тушкова, студентовъ, Пражскихъ духовныхъ, рыцаря de Kin, и публичнаго нотарія университета, Михаила Прахатицкаго. Tenor appell. J. Hus. I, 89—92.

(4) Chron. Univ. Prag. Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 252, A. 335.—Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 99.—Aen. Silv. Hist. Boh. c. 35.—Cochlæi Hist. Hussit. 17—18.—Dubravii Hist. Bohem. lib. XXIII, p. 616.

(5) У Гайка въ Чешской Исторіи, p. 659, у Прокопія Лупача Calend. Hist. ad d. 16. Jul., и Theobald, Hussitenkrieg, s. 21. Но въ аппелляціяхъ Гуса и въ приговорѣ архіепископа говорится только о сочиненіяхъ Виклефа; а потому преданіе, явившееся чрезъ 150 лѣтъ, не имѣетъ правдоподобія.

Торопливость архіепископа и предосторожности, употребленныя имъ при сожженіи книгъ ([1]), показываютъ, какъ онъ боялся враждебнаго вмѣшательства короля Вячеслава.

И въ самомъ дѣлѣ, торжество его было минутное. Глухая непріязнь между Сбинкомъ и Гусомъ переродилась въ открытую вражду по поводу сожженія книгъ. Вѣроятно, и другія причины ускорили окончательную размолвку. Теобальдъ говоритъ, что Гусъ именно въ продолженіе зимы 1409 года проповѣдывалъ съ особеннымъ успѣхомъ, такъ что не только народъ, но и рыцари, и даже нѣкоторые вельможи, присоединились къ нему и приняли его ученіе. Около того же времени Іеронимъ Пражскій начиналъ разносить свою пламенную рѣчь по всѣмъ сосѣднимъ Славянскимъ державамъ. За два дня до сожженія книгъ (такъ разсказываетъ сочинитель исторіи Гуситской войны), Сбинекъ созываетъ капитулъ, для совѣщанія объ успѣхахъ ереси Виклефа. Гусъ также призванъ на это собраніе, и архіепископъ, изливая горькія жалобы на распространеніе ереси, проситъ его отступить отъ ложнаго ученія, которое устами его совращаетъ измѣнчивый народъ съ пути истины. «Ученіе мое не отступаетъ ни въ чемъ отъ Каѳолической христіанской вѣры,» отвѣчаетъ Гусъ; «ни въ чемъ другомъ я не могу быть уличенъ.»—«А я слышалъ,—возражаетъ архіепископъ,—» будто ты въ прошедшее Воскресенье говорилъ съ каѳедры, что всякій имѣетъ право назначить себѣ мѣсто погребенія не только внѣ храма, но и на полѣ, и въ зеленой рощѣ, безъ разрѣшенія Святѣйшаго. А ты знаешь, любезное чадо, что св. Войтѣхъ всѣми силами отвращалъ Чешскій народъ отъ этихъ погребеній на поляхъ; что Чехія не разъ несла на себѣ наказаніе небеснаго мщенія; что, по молитвѣ Святаго, Всевышній казнилъ ее неоднократно то заключеніемъ дождя, то отнятіемъ солнца, за то, что жители не хотѣли хоронить другъ друга въ мѣстахъ освященныхъ, пока, въ 1039 году, во дни князя Брячислава, они не обязались клятвенно за себя и за потомковъ своихъ

---

(1) Эней Сильвій: «Clam convocatis suis, curia undique clausa et armatis militibus munita».

хранить нерушимо христіанскую вѣру и погребать своихъ мертвыхъ въ освященныхъ кладбищахъ.» На это Гусъ отвѣчалъ: «Если я, святый отецъ, паче чаянія, по неразумію, или забвенію, впалъ въ погрѣшность, то я охотно исправлю свое заблужденіе.» — «Да поможетъ тебѣ Господь Богъ это сдѣлать,»—отвѣчалъ епископъ. «Иди, и впередъ такъ не согрѣшай!» (1).

Теобальдъ относитъ это событіе къ 13 Іюля, стало быть, ко времени, ближайшему къ сожженію книгъ. Оно показываетъ, независимо отъ сущности обвиненія, въ немъ заключающагося, какъ сильно было въ то время воздѣйствіе народнаго начала, котораго Гусъ былъ главнымъ руководителемъ. Сожженіе же книгъ окончательно взволновало умы. Когда 18 Іюля обнародовано по всѣмъ церквамъ Пражской епархіи запрещеніе, наложенное на Гуса и его приверженцевъ, произошло великое смятеніе между Латинскимъ духовенствомъ и стороною Гуса, которая тайную поддержку имѣла въ лицѣ короля. «Говорили, что сожжены не одни сочиненія Виклефа; бушевали особенно дворяне королевскіе на канониковъ и на все духовенство; за ними и вся народная масса. Обѣ стороны слагали другъ противъ друга ругательныя пѣсни,» которыхъ главное содержаніе, со стороны Гуситовъ, сходилось въ той мысли, что Сбинекъ сжегъ книги, не понимая ихъ смысла. «Zajíc biskup abeceda, spálil knihy, a ne wěda, co jest w nich napsáno.» Чернь бѣгала по площадямъ и окружнымъ селеніямъ, увлекая за собой и дѣтей, которыя въ неистовствѣ распѣвали: Zbyněk knihy spálil, Zbyněk je podpálil, učinil hanbu Čechům», и т. д. Явное возмущеніе во храмѣ помѣшало архіепископу повторить всенародно приговоръ о запрещеніи Гуса, въ торжественномъ собраніи 40 священниковъ. Проповѣдникъ у св. Стефана въ Новомъ городѣ по той же причинѣ едва не былъ убитъ осьмью вооруженными мужами, такъ что священники замолкли отъ страха, и не было уже рѣчи объ отлученіи. Въ свою очередь Гуситы, подходившіе къ соборной церкви св. Вита, терпѣли неми-

(1) Theobald, Hussitenkrieg, S. 20.

лосердые побои метлами отъ причетниковъ, которыхъ число было тогда велико [1]. Король, хотя и разгнѣванъ былъ на архіепископа, но долженъ былъ запретить пѣсни подъ смертною казнію, подтвердивъ, впрочемъ, чтобы отлученіе осталося безъ исполненія, и осудивъ архіепископа съ сообщниками на заплату того, чего стоили книги, подъ страхомъ лишенія доходовъ. Гусъ во все это время велъ себя съ большимъ достоинствомъ. Спокойно, безъ страсти, протестовалъ онъ противъ самовольнаго дѣйствія архіепископа. Въ Воскресенье, послѣ праздника св. Іакова, онъ говорилъ въ проповѣди, что Сбинекъ не очистилъ тѣмъ отъ грѣховъ сердца человѣческія, а истребилъ много истинъ, возбудилъ въ народѣ негодованіе, а королевство Чешское подвергъ без-славію [2]. «Въ цѣломъ городѣ,»—говоритъ современникъ,—«только и было рѣчи, что о проповѣдяхъ Яна Гуса» [3].

Когда утихло волненіе, Гусъ, съ своими приверженцами, снова переноситъ жалобу къ папѣ Іоанну XXIII. Онъ жалуется: 1) на запрещеніе проповѣди, которое наложено было на часовни архіепископомъ на основаніи буллы, хитростію выманенной у предшественника его, Александра. «Слово Божіе, говоритъ онъ, не можетъ быть связано; въ Чехіи много часовенъ, основанныхъ и навсегда утвержденныхъ апостольскимъ престоломъ для благовѣстія Евангелія народу на его языкѣ.» 2) Онъ жалуется лично на архіепископа, что онъ осмѣлился безъ суда и разбора подвергнуть сожженію сочиненія Виклефа [4]. Король пишетъ къ папѣ и кардиналамъ посланія, въ которыхъ жалуется на притѣсненія архіепископа и успокоиваетъ Римскій престолъ увѣреніями, что въ Чехіи ереси не бывало; требуетъ настоятельно, чтобы снова позволена была проповѣдь въ Пражскихъ соборныхъ церквахъ и часовняхъ; чтобы все государство очищено было отъ подозрѣнія въ ереси, а клеветники присуждены къ наказанію. Королева Софія

---

(1) Stařj letopisowé češtj, str. 12, 13. 469. Palackého,—Dějiny národu českeho III, č. 1, str. 99—100.—Cochlæi, Hist. Hussit. p. 15.

(2) Actus pro defensione libri J. Vuicleff de Trinitate. Mon. Hus, I, 106.

(3) Stařj létopisowé češtj. str. 13,

(4) Ordo procedendi in causa J. Has, per ipsummet signatus. I, 86.

заступается также за любимаго Гуса; она проситъ первосвященника дозволить навсегда проповѣдь въ Виѳлеемской часовнѣ, какъ весьма полезную для душевнаго спасенія Чеховъ. Къ этой просьбѣ присоединяются и многіе паны и весь городовой магистратъ ([1]). Архіепископъ, съ своей стороны, отправляетъ къ папѣ посольство, слагая вину на противниковъ.

Папа Іоаннъ XXIII поставленъ въ затруднительное положеніе: онъ боится оскорбить короля; но не можетъ произнести осужденія и на архіепископа. Наряженная имъ коммиссія изъ четырехъ кардиналовъ сзываетъ всѣхъ докторовъ Болонскаго университета и снова подвергаетъ книги Виклефа ихъ разсмотрѣнію. Доктора объявляютъ, что, по дружественнымъ отношеніямъ между Оксфордскимъ и Пражскимъ университетами, не слѣдовало предавать книги огню. Рѣшеніе это послано въ Чехію, и, разумѣется, не могло утишить волненія.

До сихъ поръ дѣло шло только о сочиненіяхъ Виклефа и запрещеніи проповѣди. Теперь личные враги проповѣдника доносятъ Іоанну XXIII объ ереси самаго Гуса и совѣтуютъ папѣ вызвать его въ Римъ, какъ оподозрѣннаго въ ереси. По поводу этихъ жалобъ папа поручаетъ кардиналу Колоннѣ изслѣдовать ученіе Гуса (25 Августа 1410 года) ([2]). Между тѣмъ Сбинекъ налагаетъ запрещеніе на Виѳлеемскую часовню, и король, вѣроятно. въ слѣдствіе усилившагося волненія въ столицѣ, для приличія и избѣжанія соблазна, высылаетъ Гуса изъ Праги, осенью 1410 года ([3]).

Изгнаніемъ Гуса оканчивается и первый періодъ его

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 255—256.—Dějiny nár. česk. III, 1, str. 102—103. Между прочимъ верховный бургграфъ Лачекъ изъ Краваржъ даетъ разумѣть папѣ, какъ вредно было бы, если бы въ силу буллы ни въ одной крѣпости и ни въ одномъ военномъ станѣ не льзя было проповѣдывать.

(2) Ordo procedendi in causa J. Hus, per ipsummet signatus, I, 86, 6.

(3) 28 Августа 1410 Гусъ говорилъ еще проповѣдь въ Прагѣ на Матѳ. V, 13. См. Lenfant, Hist. du Conc. de Const. 34—35. Прямое участіе короля въ этомъ первомъ удаленіи Гуса, впрочемъ, не доказано: Гусъ пишетъ къ ректору, Христіану Прахатицкому (въ 4-мъ письмѣ по счету): *«ad voluntatem regis* prædicationem dimittens». Но это письмо, по всей вѣроятности, относится скорѣе къ 1413 году.

жизни, эпоха приготовительная, когда его религіозная мысль, воспитанная въ одинокомъ сознаніи, созрѣла для великой борьбы съ Латинскою Церковію. Съ тѣхъ поръ начинается собственно періодъ его положительной дѣятельности, выразившейся въ цѣломъ рядѣ лучшихъ его твореній, отъ 1410 до 1414 года. Съ удаленіемъ его Сбинекъ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе, и видя, что проповѣдь не прекращается, наложилъ запрещеніе на цѣлую Прагу. Противники Рима стали также смѣлѣе. Король открыто принялъ ихъ сторону. Онъ принудилъ священниковъ продолжать богослуженіе и проповѣдь, не смотря на запрещеніе архіепископа, и Гусъ въ словѣ, говоренномъ въ исходѣ 1410 года (Sermo Dominicæ secundæ), хвалитъ его за эту твердость. Между тѣмъ кардиналъ Колонна произноситъ осужденіе на Гуса и вызываетъ его въ Болонію къ папскому суду. Такой рѣшительной мѣры не ожидалъ ни король, ни Софія, ни Пражскій университетъ. Но теперь уже дѣло Гуса стало дѣломъ народнымъ и государственнымъ: не только король, но и паны и университетъ, 30 Сентября, отряжаютъ посольство въ Римъ объявить о совершенной невозможности его лично явиться въ Римскую курію по причинѣ опасностей, угрожающихъ ему на пути. Глубоко оскорбленный самовластіемъ папы, король собственноручно пишетъ къ нему большое посланіе, въ которомъ снова и съ бо́льшею силою выражается его главная мысль—не допускать оскорбленія чести народной подозрѣніемъ въ ереси. «Я хочу,—писалъ Вячеславъ,—чтобы приговоръ былъ уничтоженъ, и молчаніе наложено на тяжущіяся стороны. Я хочу, чтобы распря о книгахъ утихла навсегда; чтобы Виѳлеемская часовня сохранила свои преимущества, и магистръ Янъ Гусъ, *нашъ любезный и вѣрный проповѣдникъ*, мирно продолжалъ свою проповѣдь. Я хочу, чтобы личный вызовъ его былъ отмѣненъ; кто не доволенъ имъ, пусть обвиняетъ его въ предѣлахъ нашего царства, предъ Пражскимъ университетомъ». Словесно онъ велѣлъ объявить Іоанну, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, Д. Наса и кардинала М. Рейнштейна, что одно только уваженіе къ папѣ удерживаетъ его отъ праведной казни

клеветниковъ государства и нарушителей общественнаго спокойствія; кардинала Колонну, будущаго папу Мартина V, судью пристрастнаго, онъ лично приглашаетъ въ Чехію, чтобъ убѣдиться въ отсутствіи ереси (1).

Гусъ также, съ своей стороны, чрезъ доктора изъ Есеницы извиняется передъ папою и кардиналами въ невозможности явки. «Позванный лично къ суду Римской куріи, я хотѣлъ исполнить ея повелѣніе; но узнавши, что гибель готовится мнѣ, какъ въ моемъ государствѣ, такъ и внѣ предѣловъ его, отъ враговъ моихъ, Нѣмцевъ, я послушался совѣта моихъ покровителей, и не явился; потому что не хотѣлъ искушать Бога, идя на явную смерть, безъ пользы для Церкви. Твердо надѣясь на милосердіе верховнаго намѣстника Іисуса Христа, и будучи силенъ сознаніемъ своей невинности, преклоняю колѣна и прошу Ваши священства избавить меня отъ личной явки. Я готовъ предъ цѣлымъ университетомъ, предъ всѣми прелатами и всею моею паствою исповѣдать словомъ и писаніемъ вѣру мою и отдать въ ней полный отчетъ при огнѣ инквизиціи.» (2). Вмѣсто себя Гус немедленно отправилъ въ Римъ трехъ прокураторовъ, которые въ продолженіи всего срока неявки, нѣсколько разъ обращались къ кардиналу Колоннѣ, съ адвокатами и прокураторами папскаго двора: Ардициномъ, Маркомъ Каникульскимъ, Августиномъ, Петромъ Анкоранскимъ и магистромъ Іоанномъ Scribanis, вызываясь отвѣчать на всѣ обвиненія, возводимыя судьями на Гуса. Но какъ кардиналъ не обращалъ никакого вниманія на законныя ихъ оправданія, то прокураторы снова апеллировали къ папѣ, который, съ своей стороны, поручилъ разсмотрѣніе дѣла аудитору Sacri Palatii, Іоанну de Thomariis. При всемъ томъ, не смотря на новое распоряженіе папы, Колонна, по истеченіи срока, объявилъ Гуса отлученнымъ отъ Церкви и обнародовалъ его отлученіе (3).

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 258—259.—Dějiny nár. česk, III, 1, str. 106.

(2) Hist. et Mon. Hus. I, 93.—Ordo procedendi, 1, 87, 6.—Ad scripta Stephani Paletz, I, 256.—Прокураторы Гуса: Д. Янъ изъ Есеницы и еще два богослова.

(3) Ordo procedendi in causa Hus, 1, 86, 6. Въ Февралѣ 1411 года. Palackého Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 110.

Около этого времени, когда Гусъ уже пораженъ былъ анаѳемой, послы Чешскіе отъ короля Вячеслава, вельможъ и университета прибыли въ Римъ. Неожиданное ихъ появленіе изумило Римскую курію. Давно уже не слыхала она такихъ рѣчей; но она знала, что обстоятельства перемѣнились. Дѣйствительно, въ Чехіи явное гоненіе воздвигнуто было на Латинское духовенство озлобленнымъ народомъ. Когда проклятіе Гуса обнародовано было въ Пражскихъ церквахъ 15 Марта 1411 года, священники у св. Михаила и св. Бенедикта, въ старомъ городѣ Пражскомъ, оказали рѣшительное сопротивленіе; другіе (у св. Эгидія и Николая), по личному распоряженію короля, лишены своихъ бенефицій, или высланы вонъ изъ столицы ([1]). 6 Мая 1411 года Вячеславъ неожиданно явился въ соборную церковь, и велѣлъ настоятелямъ выдать всѣ сокровища оной для перевоза въ королевской замокъ, Карлштейнъ; а 5-го Іюня въ засѣданіи верховнаго земскаго суда издалъ законъ въ присутствіи пановъ, чтобы никто не смѣлъ вызывать никого къ суду духовному въ дѣлахъ свѣтскихъ, подъ опасеніемъ потери бенефицій или церковныхъ доходовъ ([2]).

Папа Іоаннъ XXIII уступилъ еще разъ необходимости; онъ воротился къ своей хитрой политикѣ, имѣя болѣе нежели когда либо нужду въ помощи короля Чешскаго. Великій споръ о наслѣдствѣ королевскаго престола въ Германіи приходилъ къ концу. Когда съ смертію Рупрехта въ 1410 году, три лица объявили свои притязанія на упраздненный престолъ, и всѣ трое Люксембургскаго дома: старый Нѣмецкій король, Вячеславъ, Іодокъ Моравскій и Сигизмундъ Угорскій,—послѣдовавшая 17 Января 1411 года кончина Іодока открыла путь ко взаимному примиренію братьевъ. Они раздѣлили между собою владѣнія умершаго родственника, и Вячеславъ отрекся отъ императорскаго престола въ пользу младшаго брата. За эту услугу онъ получилъ великія права на признательность

(1) Palacky, Geschichte von Böhmen. III, 264—265, Anm. 353 и 355.— Послѣ 24-го Апрѣля 1411 года.—Palackého Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 111.

(2) Ibid. pag. 265—266.

Сигизмунда, и Іоаннъ XXIII теперь могъ надѣяться, что послѣдній, до сихъ поръ упорно державшійся Григорія XII, въ угодность королю Чешскому, признаетъ его законнымъ первосвященникомъ, и утвердитъ окончательно единовластіе его въ христіанскомъ Западѣ. Въ слѣдствіе этого онъ нарядилъ другую коммиссію изъ четырехъ кардиналовъ: Аквилейскаго, Людовика Бранкаса, Венеціянскаго и Флорентинскаго, Франциска Забареллы. По смерти кардинала Аквилейскаго, по взаимному согласію всѣхъ коммиссаровъ, Флорентинскій принялъ на себя рѣшеніе дѣла и старался поправить ошибку Колонны; онъ допустилъ прокураторовъ Гуса къ законнымъ допросамъ, выслушалъ снова свидѣтелей и оправдалъ обвиненнаго. Слѣдствіе внесено было въ журналъ и, по приказанію папы, предложено на разсмотрѣніе кардинала Бранкаса, который съ намѣреніемъ и, вѣроятно, по тайному повелѣнію куріи, протягивалъ дѣло полтора года, не принимая никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Отдѣльныя статьи подвергнуты новому сужденію; а между тѣмъ приговоръ Оттона Колонны о личной явкѣ и отлученіи Гуса оставался все еще въ силѣ (1). Впрочемъ, въ этой проволочкѣ коммиссіи участвовала не одна только хитрая политика Рима, а также и подкупы личныхъ враговъ и противниковъ Гуса: священника Зденка (Здеслава) и доктора Кунца (2).

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Чешскій король достойно поддержалъ свою ролю посредника. Сбинекъ, поставленный въ критическое положеніе, тѣснимый съ одной стороны королемъ, а съ другой, видя снова наступившую нерѣшительность папы, принужденъ положить оружіе передъ Вячеславомъ. По повелѣнію короля, наряженъ былъ судъ примирительный изъ 12 членовъ: самаго короля, архіепископа Сбинка, Вячеслава, Антіохійскаго патріарха, Конрада, епископа Голомуцкаго, Рудольфа Саксонскаго курфирста, Стибора, Седмиградскаго князя, въ то время исправлявшаго должность посланника Сигизмундова

(1) Ordo procedendi, I, 87.

(2) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 264.—Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 110

при дворѣ Вячеслава, верховнаго бургграфа Лацка изъ Краваржъ, Сулька, пробста изъ Хотѣшова, Вячеслава изъ Донина, Богуслава изъ Манетина, Петра Змерзлика изъ Своишина и Николая изъ Окора на Вожицѣ, королевскихъ совѣтниковъ. Здѣсь, съ общаго согласія, въ полномъ собраніи 12 членовъ, 6 Іюля 1411 года, составлено было посланіе отъ лица Пражскаго архіепископа къ папѣ Іоанну, и, по прочтеніи его, приложены печати присутствующихъ, по желанію Сбинка. Самый актъ примирительный сохранился на Чешскомъ языкѣ (1). Въ письмѣ архіепископъ доносилъ папѣ, что въ Чехіи ереси нѣтъ; ходатайствовалъ о снятіи папской анаѳемы со всѣхъ отлученныхъ, объ избавленіи Гуса отъ явки и полномъ обезпеченіи правъ университета; наконецъ, извѣщалъ о полюбовномъ прекращеніи споровъ, происходившихъ по этому случаю между Гусомъ и духовнымъ начальствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сбинекъ не иначе, какъ съ принужденіемъ и по крайней необходимости взялся написать такое донесеніе къ папѣ. Гусъ ссылается на него послѣ, какъ на важный документъ въ свою пользу; но Вальпургеръ утверждаетъ, что письмо не дошло до папы, перехваченное на дорогѣ лазутчиками (2). Терпѣніе архіепископа истощилось. Брошенный судьбою, какъ игралище между королемъ, покровителемъ ереси, и папой, который изъ глубокаго себялюбія разыгрывалъ роль посторонняго свидѣтеля, Сбинекъ удалился изъ Праги. 5-го Сентября 1411 года онъ писалъ къ Вячеславу изъ Лютомышля, излагая справедливыя причины неудовольствія, и оправдывая неожиданное и самовольное удаленіе. «Пять недѣль,»—говорилъ онъ,—«пять недѣль находился я близъ дворца королевскаго, и тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы получить хотя одинъ доступъ къ королю, который такъ щедро даетъ его противникамъ.»

---

(1) Pelzel, Urkundenbuch, 221, II, S. 121.—Ordo procedendi, I, 87, 6.

(2) Lenfant, Hist. du Conc. de Const. p. 33. Палацкій говоритъ, что Сбинекъ удержалъ письмо у себя, ожидая, что будетъ; но видя, что покорность его ничего не перемѣнила въ отношеніяхъ къ нему короля, тѣмъ самымъ счелъ себя избавленнымъ отъ исполненія договора, и письмо осталось непосланнымъ. Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 115—116.

Онъ обвинялъ самаго короля въ несоблюденіи договора; указывалъ снова на священниковъ, проповѣдывающихъ, въ его смыслѣ, очевидныя ереси, между тѣмъ какъ ему, духовному пастырю, верховною королевскою властію связаны руки. «Къ тому же совѣсть претитъ мнѣ,» продолжаетъ архіепископъ, «писать къ папѣ, что тѣ духовные, которые нарушили его запрещеніе, ни въ чемъ не виновны. Я рѣшился, въ безпомощномъ моемъ состояніи, отправиться ко двору Сигизмунда и просить посредничества короля Угорскаго между мною и королемъ Чешскимъ.» Въ заключеніе онъ проситъ милостей короля къ духовнымъ, какія нѣкогда оказывалъ имъ отецъ его, Карлъ, дабы они тѣмъ усерднѣе служили и молились за него Богу. Сбинекъ не достигъ своей цѣли; на дорогѣ въ Угрію онъ сдѣлался боленъ, и умеръ въ Бретиславѣ (Пресбургѣ), 28-го Сентября 1411 года, въ день памяти св. Вячеслава, покровителя Чешской земли. Онъ былъ правъ, какъ представитель Западной Церкви; но народное начало говорило выше его, и король былъ мудрымъ, хотя и не всегда безпристрастнымъ руководителемъ юной вѣроисповѣдной мысли (1).

---

(1) Есть преданіе, что Сбинекъ отравилъ себя ядомъ; и замѣчательно, что оно сохранилось болѣе у писателей Гусовой стороны, нежели Католиковъ: Theobald, Hussitenkrieg, Прокопъ Лупачъ въ Stařj letopisowé, str. 14; изъ католиковъ только Дубравскій, Голомуцкій епископъ, писатель позднѣйшій и весьма недостовѣрный, говоритъ объ ядѣ: l. XXIII, p. 617. У Сильвія (c. 35.) и Кохлея (l. I, p. 20) ни слова объ отравѣ. Гуситскіе писатели, говоритъ Палацкій, смѣшали, кажется, смерть Сбинка съ смертію Іодока Моравскаго.

ГЛАВА II.

Вѣроисповѣдныя событія Чехіи въ 1412, 1413 и 1414 годахъ.— Жизнь Гуса отъ возвращенія въ Прагу до начала Констанцкаго Собора.

Немедленно по отбытіи архіепископа, Гусъ и Іеронимъ Пражскій снова вступили въ столицу (1). Первымъ дѣйствіемъ Гуса было — изложить въ собраніи университета свое исповѣданіе вѣры. Это случилось 1-го Сентября 1411 года. Здѣсь онъ оправдывается во многихъ еретическихъ мнѣніяхъ, ложно на него возводимыхъ, и свидѣтельствуетъ готовность свою повиноваться Апостольскому престолу. Около году провелъ онъ въ изгнаніи, вѣроятно, на родинѣ, вдали отъ любимой Праги, которая стала его новымъ отечествомъ. Къ этому времени относится первый рядъ его писемъ, хотя не означенныхъ годами; но по другимъ внутреннимъ признакамъ заключить можно, что они писаны именно въ 1411 году (2). Они важны какъ первое свободное изліяніе сердца великаго мужа. Каждое изъ нихъ можно бы назвать образцемъ духовнаго краснорѣчія. Въ нихъ рѣзко выражаются личныя отношенія Гуса къ народу, какъ проповѣдника; къ духовенству, какъ учителя; къ университету, какъ богослова и представителя народнаго начала. Гусъ, по обстоятельствамъ удалившись изъ Праги, тѣмъ не менѣе оставался жизненнымъ средоточіемъ современныхъ событій. Во время споровъ съ Римскою куріею за вызовъ его къ папскому суду, его, по всей вѣроятности, не было въ Прагѣ; но онъ находился съ нею въ

(1) «Audacter Hus Pragam ad nidum revolat.» Dubravius, l. XXIII, p. 618.

(2) Изъ 13 писемъ его, писанныхъ «tempore anathematis et interdicti Pontificii» (Hist. et Mon. Hus, I, 93—101) принадлежатъ, кажется, къ 1411 году: 1-е, 2-е къ Завишѣ, 3-е къ Николаю Миличинскому, 11-е къ Пражанамъ, потому что они очевидно писаны подъ одними условіями, и въ нихъ отражаются событія того времени: говорится о запрещеніи проповѣди въ церквахъ и часовняхъ, о сопротивленіи папѣ и архіепископу, о сожженіи книгъ Виклефа; 10-е и 12-е къ Пражанамъ суть просто проповѣди въ формѣ писемъ. Остальныя относятся къ 1413 и 1414 годамъ.

постоянныхъ сношеніяхъ. Особенно важны его посланія къ Пражской общинѣ, читавшіяся при всенародныхъ собраніяхъ въ Виѳлеемской часовнѣ; здѣсь онъ уже явно выступаетъ въ сознаніи высокаго назначенія своего, какъ общаго проповѣдника всей Чешской земли. Историческій элементъ входитъ въ письма его, по скольку личность его участвуетъ въ современной исторіи, въ невидимой, но могущественной, связи ея съ нераздѣльною личностію цѣлаго народа, управляемаго духовною силою одного человѣка. Такъ посланія Гуса, драгоцѣнныя какъ лѣтопись сердца его, служатъ, кромѣ того, прекраснымъ толкованіемъ на событія этого времени. Гусъ и въ отсутствіи двигаетъ народными толпами, имѣетъ сильное вліяніе на все духовенство и на Славянскую сторону университета; участвуетъ косвенно и въ дѣйствіяхъ короля (1). Есть даже преданіе, что онъ и во время изгнанія наѣзжалъ въ Прагу и проповѣдывалъ предъ лицемъ народа. Многія рѣчи его къ духовенству относятся, кажется, къ этому времени, хотя ничего не льзя сказать о томъ достовѣрнаго (2). Изъ перваго письма его видно, что удаленіе его изъ Праги произвело сильный соблазнъ въ народѣ. «Священники спрашивали другъ у друга въ недоумѣніи: куда дѣвался Янъ Гусъ?» Онъ считаетъ долгомъ очистить себя отъ обвиненія враговъ, внушавшихъ народу, что удаленіе его есть слѣдствіе страха; не скрываетъ, однако, что жизнь его въ Прагѣ подвергалась опасности, и что онъ уклонился, подобно Апостоламъ, отъ неблагодарнаго народа. Но есть другая, важнѣйшая, причина, побудившая его удалиться. Онъ покинулъ Прагу тайкомъ, незадолго до Рождества Христова (3), для того, чтобы присутствіе его не было камнемъ претквовенія въ предстоящемъ праздникѣ, чтобы проповѣдь на языкѣ родномъ не прекращалась. Но Гусъ и тутъ не

---

(1) «Wenceslaus coepit agere ex informatione et praedicatione Hus.» Palacky, Gesch. v. Böhm. III, Anm. 355. Dějiny nár. česk. III, č. I, str. 111.

(2) Flathe, Die Vorläufer der Reformation, II, S 333. На пр. Sermo dominicæ secundæ. См. выше.

(3) «Carissimi, dies natalitiorum filii Dei appropinquat.» Ep. 11, Mon. I, 198, 6.

оставляетъ паствы безъ утѣшенія духовной бесѣды, и на день Рождества привѣтствуетъ ее въ видѣ посланія съ всемірною радостію, посѣтившею въ этомъ событіи весь родъ христіанскій (1). Спокойное величіе духа, восторженное пареніе къ Богу, глубокое понятіе о тайнѣ воплощенія Богочеловѣка, вотъ отличительные признаки этого посланія, во многомъ напоминающаго проповѣдь нашихъ пастырей Церкви. Во все время отсутствія его, желаніе соединиться съ возлюбленной паствой ростетъ постепенно, и доходитъ до послѣдней степени напряженнаго чувства (2). Наконецъ, присутствіе его сдѣлалось необходимымъ въ столицѣ: онъ явился къ народу какъ сильный воитель, въ то время, когда грозная туча папскихъ разрѣшеній отъ грѣховъ висѣла надъ Прагой.

Къ концу 1411 и къ началу 1412 года относятся первыя спорныя сочиненія Гуса. Вообще неутомимая письменная дѣятельность отличаетъ послѣдніе годы его жизни. Въ Сентябрѣ 1411 онъ защищаетъ Виклефа отъ нападеній Англичанина, Стокеса, лиценціата Кембриджскаго университета. Въ концѣ 1411 года онъ вступаетъ въ борьбу съ какимъ-то безвѣстнымъ противникомъ, и въ большомъ сочиненіи утверждаетъ за свѣтскою властію право судить и наказывать пороки и явныя нарушенія закона во всемъ духовенствѣ. Въ городѣ Пьлзнѣ, который во все продолженіе Гуситскихъ войнъ явился неизмѣннымъ поборникомъ Латинской Церкви, священники, къ великому соблазну народа, позволяли себѣ нелѣпыя выходки о власти духовной. Въ особомъ сочиненіи «contra praedicatorem Plznensem» (въ началѣ 1412 года), Гусъ всѣми силами возстаетъ на одного проповѣдника, который вздумалъ доказывать съ каѳедры, что худшій членъ духовенства угоднѣе Богу достойнѣйшаго мірянина, и что каждый священникъ имѣетъ высокое преимущество за всякой обѣдней *творить* Тѣло Христово.

---

(1) Ep. 12, Mon. Hus, I, 99.

(2) «Me urget conscientia, ne sim absens in scandalum. Ex alia parte timor occurrit, ne mea praesentia per interdictum.... sit occasio subtractionis alimenti, scilicet, communionis sacramenti venerabilis, et aliorum pertinentium ad salutem.» Mon. Hus, I, 94.

Гусъ, опровергая такое ложное пониманіе благодати священства, общее въ то время въ Западной Церкви ([1]), въ особомъ сочиненіи («De arguendo clero pro concione») утверждаетъ за всякимъ міряниномъ несомнѣнное право обличать грѣхи духовенства. Вся первая половина 1412 года посвящена была въ Прагѣ замѣчательнымъ прѣніямъ о 45 статьяхъ Виклефа, происходившимъ въ Коллегіи Карла, въ присутствіи Гуса и подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Вопросъ объ ученіи Виклефа, по видимому, окончательно рѣшенный въ 1408 году осужденіемъ, а въ 1410 сожженіемъ книгъ его, поднимается теперь съ новою силою. Гусъ открыто объявляетъ себя защитникомъ многихъ положеній Англійскаго преобразователя, которыя всѣ направлены противъ Латинской іерархіи («Defensio quorundam articulorum J. Vuicleff in lectorio theologorum collegii Caroli,—de decimis»). Весь этотъ кругъ сочиненій его заключается знаменитымъ разсужденіемъ объ отнятіи церковныхъ имуществъ у духовенства, которымъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ Латинской Церкви.

Важное предпріятіе готовилось тогда во всей Западной Европѣ. Глухая вражда между папою и Ладиславомъ, королемъ обѣихъ Сицилій, готова была разразиться войною. Ладиславъ издавна навлекъ на себя ненависть папы, оставаясь вѣрнымъ Григорію XII; съ своей стороны Іоаннъ XXIII не могъ простить королю смерти двухъ братьевъ, казненныхъ за морскіе разбои, и вѣчныхъ его притязаній на Римъ и на папскую область. 9 Сентября 1411 года явилась знаменитая Крестовая Булла: папа приказывалъ всѣмъ патріархамъ, архіепископамъ, епископамъ и прочимъ духовнымъ начальникамъ, подъ опасеніемъ анаѳемы, каждому въ своей церкви, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, при многочисленномъ стеченіи народа, провозглашать короля Ладислава и всѣхъ его приверженцевъ отлученными отъ Церкви, какъ измѣнниковъ, еретиковъ и покровителей ереси, съ соблюденіемъ обыкновенныхъ об-

(1) Въ толкованіи на чинъ Литургіи Биля, софиста XIV столѣтія, настольной книгѣ Латинскихъ богослововъ, оно выражается ясно.

рядовъ: колокольнаго звона, гашенія свѣчей и поверженія на землю. Если бы кто-либо изъ нихъ на смертномъ одрѣ получилъ разрѣшеніе не отъ самаго папы, или преемника его, а отъ другаго лица, то онъ все же лишается христіанскаго погребенія. Поэтому кто осмѣлится, вопреки волѣ папской, похоронить Ладислава, или кого либо изъ отлученныхъ, тотъ и самъ подвергается анаѳемѣ и не прежде получаетъ разрѣшеніе, какъ собственноручно вырывши похороненные трупы; но и тогда это мѣсто, какъ оскверненное, навсегда лишается права христіанскаго кладбища. Всѣ потомки короля Ладислава до четвертаго колѣна подвергаются одинаковой участи. Папа вызываетъ истинно вѣрующихъ, всѣхъ, какого бы возраста и званія ни были: императора, королей и владыкъ Христіанства, начальниковъ церквей и монастырей, университеты и частныя лица, принять участіе въ Крестовомъ походѣ для истребленія всѣхъ отлученныхъ, во славу матери-Церкви. Подъ святымъ знаменемъ креста обѣщается полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, милосердіемъ Всемогущаго Бога и властію верховныхъ Апостоловъ, всѣмъ христіанамъ, которые съ чистымъ покаяніемъ или лично примутъ участіе въ священной брани, или выставятъ бойцевъ за себя, или даже по возможности будутъ содѣйствовать деньгами великому предпріятію (1). Крестовый походъ проповѣдуется во всѣхъ Латинскихъ государствахъ, признающихъ духовную власть тѣснимаго первосвященника: во Франціи, Англіи, Италіи, Германіи, Угріи, Польшѣ, Чехіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и Кипрѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1412 года явились въ Прагу двое монаховъ, продавцевъ отпущеній грѣховъ, а папскую буллу принесъ Пассавскій деканъ, легатъ Апостольскаго престола, Вячеславъ Тимъ, съ архіепископскимъ палліемъ для преемника Сбинка, Альбика. По всѣмъ городамъ и областямъ начался соблазнительный торгъ. Продавцы отпущеній грѣховъ выходили на площади и барабаннымъ боемъ сзывали желающихъ приносить подаянія. Въ Прагѣ сдѣланы были

(1) Bulla Cruciata. Hist. et Mon. Hus, I, 171—172.

три крѣпко окованные ящика или кружки для сбора денегъ, и выставлены были: 1) въ крѣпости, въ церкви св. Вячеслава, за олтаремъ св. Вита, куда больше всего ходило народу; 2) на Вышеградѣ, и 3) у Тынской Божіей Матери (1). Священники перекупали у коммиссаровъ завидное право продавать отпущенія грѣховъ отъ своего имени и въ свою пользу (2). Пассавскій деканъ уступалъ ихъ архидіаконамъ, деканамъ и настоятелямъ церквей, «точно такъ,» говоритъ Гусъ, «какъ домовладѣлецъ уступаетъ домы и лавки трактирщикамъ и цѣловальникамъ»; и уступалъ ихъ недостойнымъ членамъ духовенства, которые сотворили много соблазновъ, «дѣлая съ особеннымъ искусствомъ расцѣнку грѣхамъ исповѣдниковъ» (3). Король Вячеславъ, личный врагъ Ладислава Неапольскаго, далъ письменное полномочіе продавцамъ отпущеній грѣховъ дѣйствовать по своему произволу (4). Даже Пражскій университетъ измѣнилъ своему прямодушію. Вся Славянская сторона докторовъ и магистровъ сгоряча приняла папскую буллу съ негодованіемъ. Легаты, какъ первые коммиссары, по личному распоряженію папы, роздали ея экземпляры профессорамъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдниками, для ихъ обнародованія. Гусъ слышалъ отъ самаго Стефана Палеча, своего друга, въ то время декана философскаго отдѣленія, что въ ней заключаются грубыя и осязательныя заблужденія (5), Другой проповѣдникъ, магистръ Брикцій, объявилъ, въ собраніи университета, что

(1) Stařj letopisowé, str. 15.

(2) «Numquid sacerdotes a commissariis non emunt potestatem, qui sub certa pensa ex pacto indulgentias secundum parochias et provincias conveniunt?»—Adversus indulgentias papales. Hist. et Mon. Hus, I, 186.

(3) «M. Wenceslaus conveniebat sub certis pecuniis archidiaconatus, decanatus et ecclesias, sicut solet convenire paterfamilias domos vel tabernas tabernariis vel pincernis; et conveniebat sacerdotibus ignaris, discolis, concubinariis et lusoribus, qui multa commiserunt scandala et populum taxarunt mirabiliter in confessionibus.»—Изъ рукописнаго сочиненія Гуса, у Палацкаго: Dějiny národu českého, III, č. I, str. 120.

(4) «Terruerant eos (докторовъ) D. regis literæ, quas legati in subsidium habuerunt.» De Ecclesia. Hist. et Mon. Hus, I, 227, 6.

(5) Ad scripta Stephani Paletz. Mon. Hus, I, 264, 6. — De Ecclesia, Mon. Hus, I, 227, 6.

онъ скорѣе пожертвуетъ жизнію, чѣмъ осквернитъ уста свои такою проповѣдію. Но когда первый пылъ охладѣлъ, Стефанъ Палечъ и Станиславъ изъ Зноима разочли всю опасность своего положенія и рѣшились измѣнить истинѣ. Всѣ прочіе доктора, хотя втайнѣ роптали на злоупотребленія буллы, и побуждали священниковъ мужественно противодѣйствовать нарушенію церковнаго права, въ изъятіи отъ власти прямаго начальства, но открыто не смѣли противорѣчить: ни въ школахъ, ни съ каѳедры, никто не рѣшился оспаривать Крестовой буллы. Тогда Гусъ, со многими магистрами, баккалаврами и студентами университета, настоятельно требовалъ у докторовъ рѣшенія вопроса: обязываетъ ли Крестовая булла всякаго студента, подъ опасеніемъ смертнаго грѣха, къ вспоможенію Римскому первосвященнику, и должно ли ее проповѣдывать наравнѣ съ догматами вѣры (1)? Доктора издали нерѣшительный приговоръ; Стефанъ Палечъ сообщилъ свое мнѣніе письменно, что никто не имѣетъ права противорѣчить, въ чемъ бы то ни было, Апостольской буллѣ, ни даже подвергать ее сужденію и произвольнымъ толкованіямъ (2). Тогда-то, при общемъ молчаніи даже самыхъ благонамѣренныхъ лицъ, одинъ Гусъ безстрашно возвысилъ обличительный голосъ противъ продажи отпущенія грѣховъ, открыто проповѣдуя въ школахъ объ его незаконности (3). Римскіе легаты стали опасаться за успѣхъ своего предпріятія въ Чехахъ. Напрасно архіепископъ Альбикъ старался положить конецъ слишкомъ явнымъ соблазнамъ. «Призванный къ суду архіепископа, Гусъ, въ присутствіи его, спрошенъ былъ легатами папскими, хочетъ ли онъ повиноваться повелѣніямъ Апостольскимъ? Онъ отвѣчалъ, что желаетъ всѣмъ сердцемъ исполнять предписанія Апостоловъ. Легаты, смѣшивая правила Апостольскія съ повелѣніями Рим-

(1) Adv. scr. 8 Doctorum, cap. 1 et 2. Mon. Hus, I, 294. — Adv. indulg. papales, I, 178, 6.—De Ecclesia, I, 227, 6.

(2) Adv. indulgentias papales. Mon. Hus, I, 175.

(3) «Ego non subterfugi cum dictis meis, cum publice in scholis ea dixi. Nec volui simplices decipere, sed a deceptione me et simplicem populum praemunire». Adv. scr. 8 Doct. I, 294.

скаго первосвященника, думали, что Гусъ хочетъ проповѣдывать народу о принятіи креста противъ Ладислава, короля Апуліи, противъ всѣхъ его подданныхъ и папы Григорія XII. Они обратились къ архіепископу съ такими словами: «Вотъ, владыко-архіепископъ, онъ хочетъ повиноваться повелѣніямъ нашего господина!»—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Гусъ,—вникните въ настоящее значеніе словъ моихъ. Я говорю, что сердечно желаю исполнять предписанія Апостоловъ и во всемъ повиноваться имъ; но я разумѣю подъ этимъ словомъ ученіе Апостоловъ Христовыхъ; и по скольку повелѣнія папы согласны съ этимъ ученіемъ, согласны съ закономъ Іисуса Христа, по стольку и я совершенно готовъ повиноваться папѣ. Но если будутъ меня принуждать поступить противъ совѣсти, я повиноваться не стану, хотя бы угрожали огненной смертію.» Гусъ сдѣлалъ церковному начальству одну небольшую уступку; не возставая открыто на продавцевъ отпущенія грѣховъ, онъ назначилъ ученое прѣніе о томъ, «согласно ли съ славою Божіею, съ благомъ народа и съ пользою государства принятіе креста противъ короля Ладислава (1)?» Въ воскресенье, 6 Іюня, говоритъ Теобальдъ, онъ, въ Виѳлеемской часовнѣ, подробно опровергалъ индульгенціи, и пламенно настроилъ умы народа къ предстоящему состязанію. На другой день онъ велѣлъ прибить свое положеніе ко всѣмъ дверямъ церковнымъ и монастырскимъ, къ колокольнямъ, къ церкви св. Петра въ Вышеградѣ, и въ городѣ у св. Вячеслава, на мостахъ и вездѣ, куда наиболѣе сходилось народу, вызывая всѣхъ докторовъ, лиценціатовъ, магистровъ, баккалавровъ, студентовъ, священниковъ и монаховъ, и всякаго, кто бы захотѣлъ ему возражать, сойтись на богословское прѣніе въ Коллегію Карла, *на великую сѣнь*, въ lectorium ordinarium disputationum, подъ предсѣдательствомъ ректора, Марка Градецкаго (2). Рѣчь, произнесенная имъ по этому случаю, вошла въ составъ его сочиненій подъ названіемъ: «Disputatio adversus indulgentias papales». Не предаваясь справедливому

(1) Adv. scripta 8 Doctorum, Mon. Hus, I, 293.
(2) Theobald, Hussitenkrieg, I, 28.—Starj letopisowé, str. 15.

негодованію, принужденный систематически доказывать безчинство продажи, Гусъ осязательными доводами, заимствованными изъ Св. Писанія и св. Отцевъ, опровергаетъ Крестовую буллу по частямъ, только изрѣдка примѣшивая къ доводамъ Славянскую иронію, которою при случаѣ владѣетъ мастерски. Это достопамятное состязаніе составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ города Праги: оно заранѣе волновало умы, возбуждало сочувствіе народа. Одна возможность такого явленія въ 1412 году въ Чехіи показывала, какой огромный шагъ ступило народное сознаніе въ области Вѣры. Германія не ранѣе, какъ черезъ 105 лѣтъ, съ любопытствомъ внимала начаткамъ такого же пренія Лютера; можно сказать съ достовѣрностію, что голосъ, впервыя раздавшійся на почвѣ Славянской, началъ первый дѣло очищенія въ вѣроисповѣдныхъ понятіяхъ Нѣмецкой Европы, дотолѣ коснѣвшей въ невѣжествѣ и фанатизмѣ. Не даромъ Лютеръ, незадолго до вступленія въ права Евангельскаго ратника, познакомился въ Эрфуртѣ съ сочиненіями Гуса; не даромъ подробности завѣтнаго дня сохранились въ преданіяхъ Нѣмецкихъ, собранныхъ Теобальдомъ въ полуславянскомъ народонаселеніи Нюремберга, который, вѣроятно, и въ 1412 году выслалъ многихъ любопытныхъ на преніе въ Прагѣ (1).

Не смотря на то, что богословскій факультетъ чрезъ двухъ выборныхъ вызывалъ архіепископа, какъ канцлера университета, не допускать пренія, оно состоялося въ назначенный день. Въ воскресенье, послѣ Витова дня, т. е. послѣ 15 Іюня, граждане и студенты толпами стекались въ Коллегію Карлову. Маркъ изъ Краловеградца, ректоръ университета, боясь возмущенія, старался удалить ихъ, говоря по чешски: «Разойдитесь, друзья мои; что̀ здѣсь происходитъ, до васъ не касается; немногіе изъ васъ понимаютъ и въ чемъ дѣло, и что̀ будутъ говорить». Народъ зашумѣлъ, но Гусъ однимъ знакомъ руки наложилъ на него

(1) Подробности, сообщаемыя Теобальдомъ, совершенно не зависимы отъ такихъ же подробностей, разсказанныхъ очевидцемъ въ «Stařj letopisowé.» Онѣ носятъ характеръ совершенно самостоятельный.

молчаніе, объясняя собранію, что онъ для того заблаговременно возвѣстилъ прѣніе, чтобы всѣ знали, на что̀ отвѣчать. На рѣчь его послѣдовали возраженія доктора Волка, который защищалъ папу изъ каноническаго права, доктора Кбеля, оспоривавшаго его на основаніи императорскаго гражданскаго права, и другихъ учителей, которые, сидя по старѣйшинству на своихъ мѣстахъ, отвѣчали ему, каждый особенно ([1]). Многіе другіе магистры безъ возраженій соглашались на мнѣнія Гуса. Актъ заключился замѣчательною рѣчью доктора Льва (Leo). «Весь Пражскій университетъ дивится»—говорилъ онъ,—«какъ ты, молодой человѣкъ, берешь на себя такую отвѣтственность. Или считаешь себя всѣхъ ученѣе, магистръ? Воистинну, здѣсь есть многіе, которые превзойдутъ тебя въ учености; но ты, конечно, пытливѣе всѣхъ. Положись на рѣшеніе докторовъ, магистровъ и всей академіи; кромѣ клеветы, кромѣ желанія произвести возмущеніе и кровопролитіе, ни одинъ изъ нихъ ничего не откроетъ въ твоихъ замыслахъ. Хочешь ли прекословить папѣ? поди въ Римъ, и выскажи ему всю правду въ лицо. Несправедливо поносить человѣка, который защищаться не можетъ. Да и кромѣ того ты священникъ; отъ кого получилъ ты даръ священства, какъ не отъ епископа, а епископъ отъ папы; стало быть, и ты отъ папы, который и есть твой духовный отецъ. Однѣ только нечистыя птицы мараютъ собственныя гнѣзда, и проклятъ былъ Хамъ, обнажившій стыдъ отца своего». Такъ поборники Католицизма насильственно отвлекали Гуса отъ широкаго пути преданія Апостольскаго, стараясь подавить начатки его въ тѣсныхъ оковахъ Латинскаго авторитета. Не смотря на то, въ этой рѣчи доктора Льва одинъ Нѣмецкій писатель отыскиваетъ черту правдивости Чешской, которая, отдавая справедливость побужденіямъ Гуса, не скрываетъ и слабой стороны его проповѣди. Въ словахъ его будто бы заключалась главная причи-

(1) Всѣ подробности заимствованы изъ разсказа очевидца въ «Stařj letopisowé» str. 15, и дополнены характеристическими чертами изъ повѣствованія Теобальда. Палацкій замѣчаетъ, что доктора Волка (Blasius Lupus), упоминаемаго въ обоихъ источникахъ въ числѣ возражателей, тогда уже не было въ живыхъ. Dějiny národu českého, III, č. I, str. 121.

на отпаденія отъ Гуса большой половины Чешскаго народа. Не говоря уже о томъ, что это мнѣніе Гольцгаузена противоположно точному смыслу возраженія доктора, замѣчательно, что это послѣднее еще два раза повторялось въ устахъ противниковъ Гуса, и оба раза въ знаменательныя эпохи Гусовой жизни, а именно: въ устахъ крестьянина Краковецкаго замка, и кардинала Камбрейскаго на Констанцкомъ Соборѣ. Оно было заученнымъ выраженіемъ католиковъ, которымъ они часто отдѣлывались и отъ Лютера. Народъ отвѣчалъ за Гуса отчаянными воплями и готовностію побить каменьями неосторожнаго возражателя. Гусъ успокоилъ волненіе. Послѣ бурнаго пренія, Іеронимъ Пражскій восходитъ на каѳедру, и въ продолжительной и изящной рѣчи оправдываетъ во всѣхъ отношеніяхъ своего друга. Одушевленный рѣчью, онъ всталъ съ своего мѣста, говоря: «Кто одного съ нами мнѣнія, тотъ пускай идетъ за нами; я и магистръ Іоаннъ собираемся въ Думу, и тамъ, въ полномъ Совѣтѣ, объявимъ ничтожность папскихъ индульгенцій.» За нимъ встало множество народу, готовясь слѣдовать ему въ Думу: движеніе это остановилъ превосходною рѣчью ректоръ университета. «Слышишь ли, Марко?»—закричалъ ему Іеронимъ по чешски:—«ты за меня своего горла не дашь; я самъ за себя положу свою голову.» И въ слѣдъ за тѣмъ тотчасъ заговорилъ по латини: «Не Святый ли Павелъ сказалъ: Вѣмъ, ему же вѣровахъ и извѣстихся, яко силенъ есть преданіе мое сохранити въ день онъ» (2 Тим. I, 12). Собраніе разошлось съ торжествомъ, раздѣлясь на двѣ толпы: студенты шли болѣе за Іеронимомъ Пражскимъ, «потому что имъ полюбилась рѣчь его, сказанная на диспутѣ»; вся народная масса повалила за Гусомъ и проводила его до Виѳлеемской часовни, уговаривая его пребывать твердымъ.

Не смотря на диспутъ, продажа не прекращалась. Въ отвѣтъ на это безстыдство Гусъ уже прямо возсталъ на Крестовую буллу, и уже не въ Коллегіи Карла, а на скамьѣ проповѣдника, и не на Латинскомъ, а на Чешскомъ языкѣ обличалъ ея незаконность ([1]). Не далѣе какъ на другой

---

(1) Contra Bullam Papae Joannis XXIII replica M. J. Hus: «Jam publico

день послѣ прѣнія народъ, расходясь по всѣмъ храмамъ, сталъ опровергать проповѣдниковъ отпуска. Въ слѣдующую за тѣмъ субботу Маркъ Градецкій, старинный другъ Гуса, призываетъ его и Іеронима въ Коллегію Карлову. Здѣсь, въ присутствіи многихъ магистровъ, онъ умоляетъ ихъ употребить вліяніе свое къ успокоенію народа. Всѣ старые доктора присоединяютъ голосъ свой къ голосу ректора. «Изъ уваженія къ нашимъ сѣдинамъ,»—говорятъ они,—«изъ уваженія къ собственной юности, мы просимъ васъ, именемъ Бога и Святыхъ Его, отстать отъ предпріятія вашего, чтобы не подать повода къ кровопролитію, котораго вы будете первыми жертвами». Особенно магистръ Лупа со слезами умолялъ ихъ оставить свои замыслы. «Вамъ легко говорить, почтенные магистры и отцы»,—возразилъ Іеронимъ, который начиналъ уже силою разгонять проповѣдниковъ отпуска;—«но посудите вы сами, какъ трудно умалчивать истину. Однако, повинуясь вашимъ усильнымъ просьбамъ, постараюсь исполнить ваше желаніе.»—«Я и самъ, возлюбленные отцы,»—прибавилъ кроткій, охранительный Гусъ,—«я и самъ боюсь возмущенія; но я воздвигъ руку свою за истину и молчать не могу; сколько возможно, умѣрю себя и успокою народъ.»—«Не забудь,»—отвѣчалъ ему ректоръ,—«какъ усердно мы стояли за тебя противъ Нѣмцевъ. Но никто изъ насъ не возбудилъ противъ себя такого негодованія гражданъ, какъ ты; они громко жалуются, что съ изгнаніемъ Нѣмцевъ, котораго ты виною, они лишились средствъ существованія въ Прагѣ. Да и самые Нѣмцы не столько враждуютъ намъ, сколько ненавидятъ тебя; они поклялись всѣми средствами, какія только будутъ въ ихъ власти, искать твоей гибели. Ты подпалъ еще глубокому гнѣву короля Сигизмунда; и такъ, для избѣжанія большаго зла, спасенія собственной жизни, отступи

---

praedicavi et praedico contra literas Papae.» Mon. Hus., I, 189, 6. Она скоро послѣдовала за диспутомъ, ибо въ ней тоже указаніе времени: 1412 послѣ св. Вита. Что она переведена съ Чешскаго, видно изъ Чешскихъ словъ, въ ней встрѣчающихся: «a kde rukoymie (ubi probatio)?» Весь послѣдующій разсказъ изъ Теобальда.

на сей разъ отъ своихъ предпріятій.»—Къ общей радости ихъ, Гусъ обѣщалъ имъ исполнить желаніе ихъ [1].

Первый поводъ къ открытой враждѣ былъ поданъ противниками. На другой день, въ воскресенье, Ярославъ, священникъ у св. Вита, въ крѣпости, сталъ возражать Гусу во время его проповѣди, и, вѣроятно, въ присутствіи королевы Софіи, которая ежедневно посѣщала всенародныя бесѣды его въ Виѳлеемской часовнѣ [2]. Тутъ одинъ изъ слушателей, Станиславъ Пашекъ, Полякъ родомъ, а званіемъ сапожникъ, противосталъ въ лицо возражателю, обвиняя его во лжи и заставляя отречься отъ сказаннаго. Начальникъ крѣпости, мужъ знатный, велѣлъ взять Станислава подъ стражу и передалъ его Думѣ стараго города Пражскаго. Въ церкви Тынской Божіей Матери священники защищали папскія буллы. Тогда выступилъ нѣкто Мартинъ Kšidešek, съ такими словами: «Ясно, что папа, который воздвигаетъ крестъ противъ крови христіанской, есть не иное что, какъ антихристъ.» Его также обложили цѣпями. Третій молодой человѣкъ, Янъ Všetecki (Hudecius), родомъ изъ Сланаго, сильно оспаривалъ монаха, проповѣдывавшаго въ монастырѣ свят. Іакова. Онъ также заключенъ былъ въ темницу Староградской Думы. Попытки эти были новостію, дотолѣ неслыханною. Молодые воспитанники Гуса, соблазненные примѣромъ Іеронима, который давно уже дѣйствовалъ противъ продавцевъ отпусковъ насиліемъ и злою насмѣшкою, обгоняли кроткаго учителя, выходили за предѣлы позволеннаго въ необдуманной ревности. Совѣтъ Думы осудилъ ихъ на смерть, какъ нарушителей общественнаго спокойствія, и велѣно было бирючамъ прокричать, чтобы всѣ, богатые и бѣдные, собирались на слѣдующій день на площади, дабы присутствовать при казни трехъ возмутителей. Повѣстка сдѣлана

---

(1) Этого эпизода нѣтъ въ разсказѣ очевидца въ «Stařj letopisowé.» Повѣствованіе Теобальда тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вѣру, потому что носитъ ясные слѣды современности и наглядности очевидца.—См. еще Bonnechose, I, 125–126.

(2) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, 123.

была въ городѣ, въ понедѣльникъ утромъ, а часу въ третьемъ печальная вѣсть уже разнеслась по городу и дошла до Гуса. «И шелъ Магистръ Гусъ (такъ разсказываетъ современникъ) со многими другими магистрами и студентами въ Думу, прося совѣтниковъ, чтобы допустили его къ себѣ, потому что ему нужно съ ними переговорить; и его съ нѣсколькими магистрами пустили къ совѣтникамъ; прочіе же магистры стояли передъ Думою съ остальнымъ народомъ, котораго было тысячь до двухъ. Между тѣмъ магистръ Янъ Гусъ говорилъ съ совѣтниками и просилъ, чтобы не дѣлали никакого зла тѣмъ троимъ юношамъ за отпуски; сказалъ, что если возражаютъ противъ отпусковъ, то виноватъ въ этомъ онъ, и если хотятъ чѣмъ нибудь наказать ихъ, то пусть прежде накажутъ его, потому что онъ первый всему виновникъ.» Волны народа, стоявшаго передъ Думою, внушили невольное почтеніе бургомистру: переговоривъ съ совѣтниками, онъ отвѣчалъ: «Любезный магистръ! Намъ всѣмъ удивительно, что ты рѣшаешься, для погашенія огня, который не жжетъ тебя, возбудить опасное возмущеніе. Мы думали, что ты насытился тѣмъ невозвратнымъ вредомъ, который ты причинилъ нашему славному городу разрушеніемъ университета и изгнаніемъ студентовъ. А ты и теперь опять просишь за людей, которые, по собственному сознанію, уличены въ заговорѣ противъ общественнаго спокойствія. Ты говоришь, чтобы мы не наказывали ихъ за индульгенціи. Но намъ до индульгенцій нѣтъ дѣла; а важно въ глазахъ нашихъ то, что, извергая хулы на проповѣдниковъ, они, безъ уваженія къ святости мѣста и званія, хотѣли возбудить возмущеніе, въ которомъ бы могли воспользоваться чужими имуществами, и проливать рѣки крови. Намъ больно оставлять это преступленіе безъ наказанія. Впрочемъ, воротись домой съ своими студентами, съ миромъ; преступники сего дня или завтра увидятъ, что мы не оставили просьбы твоей безъ уваженія». Гусъ благодарилъ, и, вышедши вонъ, распустилъ народъ по домамъ, объявляя, что заключенные помилованы. «Онъ самъ былъ такъ увѣренъ, что съ юношами ничего не будетъ, что спокойно пошелъ со всѣми своими въ Виѳлеемъ;

прочіе же, проводивъ его, разошлись по своимъ семействамъ ([1]).

«Но простой народъ ждалъ на площади, чѣмъ кончится дѣло; тогда стали кричать, чтобы всѣ ушли съ площади и разошлись по домамъ. Когда большая часть народу ушла, тогда совѣтники приказали исполнителямъ и палачу вывести юношей и отрубить имъ головы. И вышло изъ Думы множество латниковъ (а въ то время всѣ совѣтники были Нѣмцы, и позаботились объ томъ, чтобы всѣ латники были тоже Нѣмцы; и тутъ же находилось много другихъ обывателей—Нѣмцевъ); ихъ-то однихъ кликнули совѣтники и приказали казнить трехъ юношей, среди тѣсной толпы латниковъ. Однако, ихъ не довели и до лобнаго мѣста; а противъ дому, гдѣ послѣ вытесанъ и раскрашенъ единорогъ, тутъ и отрубили имъ головы; и въ ту же минуту одна благочестивая жена накинула на нихъ три бѣлыя покрывала, чтобы тѣла не оставались обнаженными» ([2]). Это случилось наканунѣ дня Верховныхъ Апостоловъ, 28 Іюня 1412 года ([3]). Въ ту пору отправился туда магистръ Ичинъ съ великимъ множествомъ магистровъ, баккалавровъ, студентовъ и съ простымъ народомъ, впрочемъ, мирно и безъ оружія; подняли тѣла и понесли въ Виѳлеемъ, не спросивши о томъ гг. совѣтниковъ, и даже не сказавши имъ, что хотятъ взять тѣла. И магистръ запѣлъ громкимъ голосомъ: «Isti sunt sancti», пѣснь, что поютъ надъ Святыми мучениками, и несъ ихъ съ громкимъ и возвышеннымъ

---

(1) Рѣчь бургомистра изъ Теобальда.

(2) Stařj letopisowé češtj, str. 16—19, и дословный переводъ этого мѣста въ статьѣ В. А. Елагина: «Объ Исторіи Чехіи Ф. Палацкаго (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. 1848, № 7, въ Отд. Смѣси, стр. 31—33).—Юношей вели изъ Думы черезъ площадь Св. Гавла ко рвамъ на лобное мѣсто въ новомъ городѣ, а казнили, тотчасъ перейдя мостъ. Palackého Dějiny národu českého III, č. 1, str. 124.—Теобальдъ находитъ это мнѣніе неправдоподобнымъ, по причинѣ вновь стѣснявшихся народныхъ массъ, и полагаетъ, что палачь, тайно позванный, отрубилъ имъ головы на дворѣ Думы, и кровь, вытекавшая изъ-подъ воротъ, открыла преступленіе. Мы держимся разсказа очевидца.

(3) А не 11-го Іюля, какъ у Палацкаго. 28 Іюня означено собственноручною подписью Гуса. De Ecclesia, 245, 6, и сходится съ предшествующими числами.

пѣніемъ, съ смѣлостью великою и съ радостію до Виѳлеема... А всѣ совѣтники и латники на все это глядѣли.... Множество простаго народу, паны и паньи шли за тѣлами, съ плачемъ и рыданіемъ, съ великимъ благоговѣніемъ провожая ихъ до могилы, жалѣя о нихъ, какъ неповинныхъ смерти. Въ то время, какъ еще готовились ихъ казнить, и бирючь прокричалъ: «Каждый, кто дерзнетъ на такое дѣло, будетъ такъ же казненъ!» въ туже минуту, на томъ же мѣстѣ (еще прежде прибытія магистра Ичина), откликнулись ему люди и закричали, что надъ юношами совершается злая неправда, и что они готовы стать за то же дѣло. И сколько ни брали ихъ въ тюрьму, ни одному не осмѣлились ничего сдѣлать, видя великую смуту и ропотъ въ народѣ: оставляли ихъ на ночь въ тюрьмѣ, а поутру бирючи приказывали имъ итти къ панамъ, будто паны ихъ требуютъ; когда же они выходили изъ темницы, бирючи запирали темницу и Думу, а ихъ посылали домой, и кто домой не шелъ, тому грозили бичемъ и запрещали стоять у Думы. И иного много случилось въ тѣ дни. Каждый день кричали бирючи, чтобы люди не собирались передъ Думою, и чѣмъ больше кричали, тѣмъ больше ихъ собиралось; а если разгоняли силою, то, немного спустя, опять сходились и разсуждали между собою о томъ, что въ тѣ дни случилось.»

Вотъ живой и подробный разсказъ очевидца. Во всѣхъ этихъ событіяхъ замѣчательна въ высокой степени мудрая терпимость народа, его ничѣмъ невозмутимое спокойствіе среди гоненій Латинства. Не смотря на огромный перевѣсъ матеріяльной силы, при тайной поддержкѣ Правительства, которое не принимаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ обузданію его порывовъ, этотъ великодушный народъ не замышляетъ кровопролитія, не ищетъ возмездія за казненныхъ братьевъ, а ищетъ, подобно имъ, смерти и страданій за Вѣру. Таковы были воспитанники Гуса. И здѣсь ярко рисуется охранительный характеръ проповѣди Гуса, и падаютъ вымыслы католиковъ о мнимомъ кровопролитіи, задуманномъ учениками его въ народѣ. Не силою оружія, а силою креста училъ онъ свою паству побѣждать

гоненія враговъ. И эта жажда къ мученичеству, прямое наслѣдіе учителя, перешла въ разумное сознаніе массы, и въ Чешскомъ народѣ XV столѣтія воскресила высокій образъ христіанскихъ подвижниковъ. Она нашла себѣ пищу въ общемъ разгарѣ страстей, возбужденномъ въ Прагѣ продажею отпусковъ. По свидѣтельству Гуса, вопреки словамъ современника, многіе священники, міряне и даже женщины, обнаружившіе желаніе подвергнуться одной участи съ казненными юношами, взяты были подъ стражу, подвергнулись разнымъ мученіямъ, и въ пыткахъ не измѣнили своимъ убѣжденіямъ (1). Самому Гусу на Констанцкомъ Соборѣ судьи ставили въ вину это пышное погребеніе юношей, которыхъ онъ, вмѣстѣ съ народомъ, будто бы признавалъ мучениками. Но очевидецъ свидѣтельствуетъ, что Гусъ въ первое воскресенье на проповѣди не говорилъ ни слова объ юношахъ, потому именно, что въ Виѳлеемской часовнѣ собралось несмѣтное множество народа; «а когда нѣкоторые стали говорить, что ему заперъ уста бирючь, тогда, въ слѣдующее же воскресенье, говорилъ о томъ весьма пространно, восхвалялъ ихъ жизнь, прославлялъ невинную смерть и напоминалъ людямъ, чтобы никакими муками, страхомъ и угрозами не допускали отдалять себя отъ правды закона Божія». Напрасно Староградская Дума силилась принудить его къ молчанію. Самъ Гусъ увѣрялъ, что онъ даже не присутствовалъ при погребеніи юношей, нигдѣ не называлъ ихъ святыми, а говорилъ только, что они пострадали за правду (2). Что совѣтники Стараго города дѣйствовали во всѣхъ этихъ происшествіяхъ произвольно, и не въ угоду королевской власти, объ этомъ заключить можно изъ страшной участи, постигшей вѣроломнаго бургомистра, Эртеля, не болѣе, какъ черезъ годъ: 2 Ноября ему отрубили голову, по повелѣнію короля, и большая часть нѣмецкихъ совѣтниковъ замѣнена природными Чехами (3). Но первые признаки неудовольствія короля противъ гони-

(1) De Ecclesia. Mon. Hus. I, 245, 6.

(2) Tertium examen publicum V. d. Hardt, IV, I, p, 327.—Cochlaei, Hist. Hussit. l. I, p. 39—40.

(3) Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 139.

телей Гуса послѣдовали тотчасъ послѣ описанныхъ нами событій.

А именно богословскій факультетъ Пражскаго университета, ставшій въ явное противодѣйствіе Гусу, просилъ короля, черезъ Пражскую Думу, запретить Гусу проповѣдь объ индульгенціяхъ: Вячеславъ осудилъ только, подъ опасеніемъ казни изгнанія, шесть новыхъ статей изъ ученія Гуситовъ, направленныхъ, большею частію, на папскую власть, но рѣшительно отказалъ въ запрещеніи проповѣди, на томъ основаніи, что ересь не терпитъ насилія, а требуетъ опроверженія (въ гор. Жебракѣ 10-го Іюля). Приговоръ этотъ обнародованъ въ Думѣ 16 Іюля, въ присутствіи докторовъ и магистровъ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, Гусъ продолжалъ проповѣдывать въ томъ же духѣ въ богословской аудиторіи Коллегіи Карла ([1]). Для рѣшенія спора королевскій Совѣтъ изъ 12 членовъ собрался въ городѣ Жебракѣ, въ домѣ священника, и обѣ стороны предстали на судъ примирительный: доктора Латинскіе, противники Гуса или, такъ называемый, богословскій осьмичисленный факультетъ (facultas theologica octonaria) ([2]), съ одной стороны; съ другой доктора и магистры, оставшіеся вѣрными Гусу: Маркъ Градецкій, магистры: Фридрихъ Эпинге и Прокопій изъ Пьлзны ([3]). Здѣсь прочтены были Стефаномъ Палечомъ и Станиславомъ изъ Зноима обвиненія противу Гуса: 1) въ неповиновеніи церковнымъ властямъ, въ слѣдствіе котораго онъ отказался предложить на разсмотрѣніе докторовъ и декана богословскаго Отдѣленія свои догматическія положенія (dicta dogmatisata) и сочиненія о папскихъ буллахъ и индульгенціяхъ, не смотря на повелѣніе короля и Совѣта; 2) въ томъ, что Гусъ лично подвергнулся подозрѣнію въ ереси, и въ слѣд-

(1) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 125—127.—Теобальдъ идетъ еще далѣе, говоря, что Гусъ сталъ сравнивать себя съ папою, и низводилъ его на степень простаго священника; что король на все это молчалъ, жилъ въ замкахъ, крѣпостяхъ, не заглядывая въ Прагу. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что король принялъ на себя роль посредника.

(2) Ad scr. Stanislai de Znoyma, I, 265.

(3) Ad scr. Stanislai de Znoyma, I, 266.

ствіе того, въ обольщеніи простаго народа, превратнымъ ученіемъ о догматахъ Вѣры. На первое обвиненіе онъ отвѣчалъ, что представитъ немедленно свои сочиненія и готовъ отдать отчетъ въ своихъ мнѣніяхъ, впрочемъ не иначе, какъ по взаимному обязательству съ докторами, чтобы сторона побѣжденная подверглась огненной казни по закону императора Карла. Устрашенные этимъ условіемъ, они просили отсрочки для совѣщанія между собою, и наконецъ объявили, что они готовы выставить одного изъ среды своей для состязанія съ Гусомъ, но всѣ не согласны принять на себя такое обязательство. Гусъ отвѣчалъ: «Вы всѣ соединенными силами дѣйствуете противъ одного человѣка. Я никого не призываю на помощь, ни съ кѣмъ не раздѣляю отвѣтственности: пускай же падетъ она или на меня одного, или на всѣхъ васъ вмѣстѣ». На это законное требованіе противники не нашлись отвѣчать. Для прекращенія тягостнаго молчанія, Совѣтъ короля пригласилъ обѣ стороны къ полюбовному соглашенію, и засѣданіе немедленно кончилось ([1]).

Наконецъ, самъ король возсталъ лично на продавцевъ отпусковъ, и писалъ о томъ къ папѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ проповѣдники отпусковъ, не находя себѣ безопасности въ Прагѣ, рѣшились уѣхать. Съ другой стороны Ладиславъ изъявилъ желаніе помириться съ Іоанномъ XXIII, на выгодныхъ для него условіяхъ. Папа не могъ желать лучшаго. Когда обѣ стороны сторговались о мирѣ, Ладиславъ созвалъ ученыхъ, которые рѣшили немедленно, что не Григорій XII, а Іоаннъ XXIII законный глава Христіанскаго міра. Въ смиренномъ посланіи, исполненномъ любовію къ истинѣ, онъ проситъ у папы прощенія и называетъ его первосвященникомъ. Когда, такимъ образомъ, прекратился поводъ къ продажѣ отпусковъ, прекратилась и самая продажа ([2]).

Съ половины 1412 года событія принимаютъ характеръ рѣшительный, быстро спѣшатъ къ развязкѣ. Папская тіара

---

(1) Adv. scr. 8 Doctorum. I, 292, 6.
(2) Flathe, Vorl. d. Reform. II, 347.

окрѣпла на головѣ Іоанна; почти вся Европа признала его первосвященникомъ. Давно отстраненныя положенія Виклефа снова выводятся на сцену, и въ концѣ 1412 года является папская булла, осуждающая не только 45 положеній, но и всѣ сочиненія Виклефа. Въ оффиціяльномъ стилѣ Римской Куріи такое безусловное осужденіе выражалось въ проклятіи не только еретическихъ мнѣній, но и самой истины, въ нихъ заключающейся, какъ зараженной и напитанной ядомъ. Кто осмѣлится читать, или проповѣдывать Виклефа, либо защищать его память, немедленно вызывается въ Римъ къ суду Апостольскому. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ: прокураторы Гуса все еще находились въ Римѣ, полтора года тщетно ходатайствуя о снятіи съ него отлученія. Кардиналъ Бранкасъ, наскучивъ ихъ настойчивостію, отказалъ имъ въ аудіенціяхъ. Они не хотѣли отрекаться отъ своихъ правъ: съ ними поступили жестоко; безъ суда повергли нѣкоторыхъ въ темницу, и описали ихъ имущество; другихъ выслали изъ Рима; докторъ Янъ изъ Есеницы успѣлъ спастись бѣгствомъ и подвергся проклятію: тяжба противъ Гуса возобновилась съ большею противъ прежняго силою; обвиненія, уже порѣшенныя Флорентинскимъ кардиналомъ, становятся новыми обвинительными актами предъ мздоимнымъ судомъ Бранкаса. Отъ всѣхъ этихъ несправедливостей Гусъ перенесъ жалобу къ будущему Собору (1). Онѣ были условлены внутреннею потребностію Западной Церкви и успѣхами ереси; но внѣшній поводъ къ нимъ данъ былъ, по видимому, новымъ обвиненіемъ Гуса предъ Римскою Куріею. А именно: Михаилъ de Causis, въ послѣдствіи одинъ изъ главныхъ обвинителей Гуса на Констанцкомъ Соборѣ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ приносилъ жалобу папѣ, что Гусъ, слишкомъ два года находясь подъ грозой отлученія, презираетъ Церковную власть, не перестаетъ защищать ереси Виклефа и проповѣдывать противъ духовенства; еще недавно осмѣлился лаять (oblatrare) на Крестовый походъ и отпуски папскіе; что онъ распространяетъ свои

---

(1) Ordo procedendi. Mon. Hus. I, 87.

пагубныя сочиненія во всѣхъ окрестныхъ странахъ: въ Моравіи, Чехіи, Польшѣ и Угріи, и успѣлъ уже заразить ими много душъ христіанскихъ (1). Тайные доносчики, чего не смѣли довѣрять письмамъ, то сами словесно передавали Куріи, и для того нарочно ѣздили въ Римъ (2). Папа поручаетъ Петру, кардиналу св. Ангела, снова преслѣдовать дѣло. Тогда-то проклятіе Апостольское поражаетъ окончательно Гуса, его учениковъ и приверженцевъ. По повелѣнію кардинала, отлученіе Гуса обнародовано по всѣмъ Пражскимъ церквамъ; въ случаѣ его непослушанія и послѣ Церковнаго наказанія, священники должны предавать его анаѳемѣ во всѣхъ церквахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, при торжественномъ звонѣ и погашеніи свѣчей. Ему придается названіе ересіарха или начальника ереси. Въ присутствіи его отлученіе налагается не на одну только Прагу, но и на все королевство (3). Куда бы Гусъ ни явился, на все время его пребыванія, и цѣлыхъ три дня послѣ его удаленія, запрещеніе тяготѣетъ надъ всѣми мѣстами (будетъ ли то городъ, селеніе, или замокъ), которыя будутъ осквернены присутствіемъ еретика (4). Никто, подъ опасеніемъ анаѳемы, не долженъ предлагать ему пищи и крова; въ случаѣ смерти, лишить его христіанскаго погребенія (5). Въ слѣдъ за этою буллою, папа Іоаннъ XXIII посылаетъ въ Чехію письмо къ королю, гдѣ онъ говоритъ языкомъ повелителя—Григорія VII или Иннокентія III. Онъ требуетъ отъ Вячеслава содѣйствія свѣтскою властію къ истребленію ереси; для безопасности своего государства земные владыки не должны забывать, что они властвуютъ только подъ условіемъ

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 284—285. Dějiny nár. česk. III, č. 1. str. 128—129. De Ecclesia. Mon. Hus, 253, 6, ab in.

(2) Теобальдъ. Доносчики просили папу Іоанна XXIII вызвать на судъ ко Двору своему нѣсколько дворянъ королевскихъ, а именно: Вока изъ Вальдштейна, Генриха Лефля изъ Лажанъ, Яна Садла изъ Смилкова, и другихъ пановъ, извѣстныхъ наклонностію своею къ Гуситству.—Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 129.

(3) Ordo procedendi, I, 87.

(4) De Ecclesia, I, 253, 6.

(5) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 286, Anm. 385.—Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 130, pazn. 214.

безпрекословнаго повиновенія Церкви; они всегда должны имѣть предъ очами первосвященника, которому дана власть низлагать ихъ съ престоловъ (1).

Гусъ, пораженный проклятіемъ, аппеллируетъ къ Іисусу Христу (2). Эта аппелляція, прочтенная на Констанцкомъ Соборѣ въ полной аудіенціи, возбудила громкій смѣхъ кардиналовъ. Между тѣмъ она исполнена глубокаго религіознаго смысла. «Въ надеждѣ на Господа Іисуса Христа (такъ говоритъ Гусъ), Который мудро и сильно защищаетъ исповѣдниковъ истины, я воспротивился буллѣ Александра V, вышедшей въ 1409 году; я аппеллировалъ отъ папы къ тому же папѣ, для перерѣшенія дѣла, и пока я взносилъ аппелляцію, папа въ скорости умеръ. Не получивши аудіенціи въ Куріи Римской, принужденный отвѣчать на новыя обвиненія архіепископа Сбинка, я аппеллировалъ, въ 1410 году, къ папѣ Іоанну XXIII, который цѣлыхъ два года не допустилъ къ аудіенціи моихъ адвокатовъ и прокураторовъ и возвелъ на меня еще болѣе обвинительныхъ актовъ. Когда, такимъ образомъ, аппелляція отъ одного папы къ его преемнику не принесла мнѣ никакой пользы, а аппелляція отъ папы къ Собору была бы лишнею проволочкою дѣла, то я окончательно аппеллировалъ къ Главѣ Церкви, Господу Іисусу Христу. Такъ какъ Богъ Всемогущій, Единый въ существѣ, Троичный въ лицахъ, есть первое и послѣднее прибѣжище утѣсненныхъ, и Господь, хранящій правду во вѣки, судящій сирому и обидимому, близъ сущій ко всѣмъ, въ истину Его призывающимъ, разрѣшающій окованныхъ, исполняющій волю боящихся Его, хранящій всѣхъ любящихъ Его и карающій всѣхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ, то Христосъ Іисусъ, истинный Богъ и истинный человѣкъ,—въ беззаконномъ сборищѣ первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, священниковъ, неправедныхъ судей и свидѣтелей,—хотя страшною и поносною смертію избавить отъ вѣчнаго осужденія чадъ Божіихъ, избранныхъ прежде сложенія міра, оставилъ сво-

(1) Іюня 1-го 1412 года. Cochlaei, Hist. Hussitarum, p. 23.

(2) Теобальдъ говоритъ, что аппелляція эта сдѣлана Гусомъ уже въ изгнаніи, въ деревнѣ Гусинцѣ, у владѣтеля ея, Николая изъ Гусинца.

нимъ послѣдователямъ высокій примѣръ, дабы всѣ поручали прю свою всемогущему, всевѣдущему и всеблагому Господу, говоря такъ: «Виждь, Господи, смиреніе мое и трудъ мой, ибо возсталъ на меня врагъ мой, а ты мой помощникъ и заступникъ (Пс. 24, 18—19; 27, 7). Ты, Господи, открылъ мнѣ ихъ начинанія, и я, какъ агнецъ незлобивый, ведомый на заколеніе, не разумѣлъ, что они помыслили на меня помыслъ лукавый, говоря въ сердцѣ: Пріидите, вложимъ древо въ хлѣбъ его, исторгнемъ его изъ земли живыхъ и память его да потребится во вѣкъ. Ты же, Господи Боже мой, судящій праведно, испытующій сердца и утробы, суди прю твою, помяни поношеніе твое, ибо я открылъ Тебѣ оправданіе мое (Iерем. 11, 18—20). Ибо умножились стужающіе мнѣ (Пс. 3, 2), и стрегущіе душу мою совѣщались вкупѣ, говоря: Богъ оставилъ его; пожените и имите его (Пс. 70, 10—11). Боже! избави меня изъ руки грѣшнаго, ибо ты терпѣніе мое (Пс. 70, 5). Изми меня отъ врагъ моихъ (Пс. 58, 2). Богъ мой еси ты; не отступи отъ меня, ибо скорбь моя близъ есть, и нѣтъ помогающаго. Боже, Боже мой, отзовись мнѣ; зачѣмъ ты оставилъ меня? (Пс. 21, 17). Они говорили на меня языкомъ льстивымъ, и окружили меня словами ненависти, и боролись со мною туне. За добро заплатили мнѣ зломъ, за любовь ненавистію,—а я молился» (Пс. 108, 2—5).

«Опираясь на этомъ священномъ примѣрѣ Спасителя, я переношу дѣло къ Богу отъ тяжкаго притѣсненія, отъ приговора мздоимнаго и мнимаго отлученія первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, сидящихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ; поручая Ему свою защиту, какъ святый и великій патріархъ Константинопольскій, Іоаннъ Златоустый, осужденный двумя Соборами епископовъ и духовенства, и уснувшіе въ блаженную вѣчность, епископы, Андрей Пражскій и Робертъ Линкольнскій, неправедно угнетенные папой, съ смиреніемъ и твердой надеждой переносили дѣло къ верховному и праведному судіи, Который не доступенъ ни страху, ни лихвѣ, ни обольщеніямъ ложныхъ свидѣтелей. Я желаю еще, чтобы всѣ правовѣрные, въ особенности владыки, вельможи, воины, кліенты и прочіе жители на-

шего Чешскаго королевства, сострадали мнѣ, пораженному мнимой анаѳемой; чтобъ они знали, что она выправлена незаконно противникомъ и виновникомъ золъ моихъ, Михаиломъ de Causis, съ согласія и при содѣйствіи канониковъ Пражской Церкви, а наложена Петромъ, кардиналомъ Св. Ангела, діакономъ Римской Церкви, нареченнымъ судьею отъ Римскаго первосвященника, Іоанна XXIII; что послѣдній почти два года держалъ у себя моихъ адвокатовъ и прокураторовъ, не допуская ихъ къ допросу, въ которомъ не льзя отказать и Іудею, еретику и язычнику; что онъ не хотѣлъ снизойти ни къ какимъ законнымъ причинамъ моей личной неявки; не хотѣлъ принять съ отеческою благосклонностію свидѣтельство Пражскаго университета, съ привѣшенною печатію и удостовѣреніемъ публичныхъ нотаріевъ».

«Отсюда ясно, что меня несправедливо обвиняютъ въ упорствѣ, когда я, не отъ презрѣнія къ власти Церковной, а по законнымъ причинамъ, не явился на вызовъ въ Римскую Курію: 1) отъ того, что сѣти враговъ моихъ были разставлены мнѣ по всей дорогѣ; 2) отъ того, что чужія несчастія сдѣлали и меня осторожнымъ; 3) отъ того, что мои прокураторы изъявили готовность, при огнѣ инквизиціи, защищать невинность мою противъ всѣхъ обвиненій; 4) отъ того, наконецъ, что законный заступникъ мой, безъ всякой вины, заточенъ былъ въ вышеозначенной Куріи».

«А такъ какъ общее правило всякаго слѣдствія, какъ въ Св. Писаніи ветхаго и новаго завѣта, такъ и въ канонахъ положенное, требуетъ отъ судей, чтобы они производили слѣдствіе на мѣстѣ, гдѣ совершилось преступленіе и отобрали напередъ показанія свидѣтелей, которые, по какимъ бы то ни было сношеніямъ съ подсудимымъ, имѣютъ объ немъ вѣрныя свѣдѣнія, притомъ не изъ числа людей предубѣжденныхъ противъ него, или личныхъ враговъ его, а люди благонамѣренные, не оскверняющіе устъ своихъ клеветою, а пламенные защитники закона Христова; наконецъ, какъ послѣдняго условія, требуетъ, чтобы личная безопасность подсудимаго была обезпечена, и чтобы судья не былъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ его личнымъ

врагомъ; то ясно, что при недостаткѣ этихъ условій, необходимыхъ для сохраненія жизни при явленіи на судъ, я предъ Богомъ не причастенъ ни грѣху упорства, ни мнимому отлученію папскому».

«Сію аппелляцію возношу я, Янъ Гусъ, къ престолу Господа нашего Іисуса Христа, судіи всеправеднаго, который знаетъ, защищаетъ и судитъ правое дѣло всякаго человѣка» (1).

Такимъ образомъ споръ Гуса съ Римскою Церковію, не болѣе какъ черезъ пять лѣтъ послѣ своего начала, принимаетъ грозный, величавый характеръ, становится вопросомъ жизни и смерти. Папская булла встрѣчена язвительными насмѣшками въ Чехіи; Гуситы пародируютъ каждое слово ея;—гдѣ сказано въ буллѣ: на вселенскомъ Соборѣ («in generali Concilio»), они ставятъ: «in angulari» (на Соборѣ въ углу), куда собираются для совѣщаній не представители Католической Церкви со всѣхъ христіанскихъ державъ, а немногіе святокупцы, гдѣ властвуютъ неограниченно декреталіи, а законъ Божій поверженъ въ углу. Гдѣ булла гласитъ объ еретическихъ мнѣніяхъ, они вставляютъ вопросъ: «а гдѣ эти ереси, папа? Назови ихъ по имени; не то, самъ произносишь на себя осужденіе.» Когда гордое посланіе папы къ королю сдѣлалось извѣстнымъ въ столицѣ, снова раздается устами ихъ эта злая иронія. Гуситы смѣются надъ судебною властію папъ. «Трое папъ въ Христіанскомъ мірѣ,» говорятъ они, «Бальтазаръ Косса въ Римѣ, подъ именемъ Іоанна XXIII; Анджело Кораріо (Григорій XII) въ Ариминѣ; Петръ де Луна (Бенедиктъ XIII) въ Аррагоніи. Отъ чего же ни одинъ изъ нихъ, величаемый Святѣйшимъ отцемъ, не уговоритъ прочихъ съ своими приверженцами подчиниться его судебной власти (2)?» Насмѣшливыми толкованіями Гуситы наиболѣе привлекали народъ, дѣйствуя имя на здравый, дѣловой смыслъ его; они поняли слабую сторону Католицизма, и хорошо умѣли ею воспользоваться.

(1) De Ecclesia, I, 235, 6.—Hist. sanct. Martyris, I, 17—18.
(2) Cochlaei, Hist. Hussitarum, 21—24.—De Ecclesia, I, 254.

Изрекая проклятіе на Гуса, Римская Церковь подкрѣпляла свой приговоръ дополнительными распоряженіями, которыя имѣли цѣлію лишить его свободы и выдать архіепископу Пражскому, или епископу Лютомышльскому, а Виѳлеемскую часовню разрушить до основанія. По наущенію Староградскихъ совѣтниковъ, собралось, еще прежде обнародованія отлученія, большое количество вооруженныхъ Нѣмецкихъ гражданъ подъ начальствомъ Чеха, Бернарда Хотька, и напали на Виѳлеемскую церковь, въ то время, когда Гусъ проповѣдывалъ въ ней, съ намѣреніемъ разогнать слушателей и схватить проповѣдника. Но, встрѣченные сильнымъ отпоромъ, и не смѣя производить кровопролитія въ храмѣ, они воротились съ пустыми руками. Затѣмъ постановлено въ Думѣ привести въ исполненіе, по крайней мѣрѣ, повелѣніе Куріи о разореніи Виѳлеемской часовни, и опять нашлись Чехи, которые одобряли это намѣреніе; но когда оно разгласилось въ народѣ, то произвело такое смятеніе въ Прагѣ, что оставлено безъ исполненія. Гусъ жестоко казнилъ самоуправство городской Думы замѣчаніемъ острымъ, именно, «что Нѣмцы не смѣли бы разломать у сосѣда ни печи, ни хлѣва, безъ воли на то короля, а не побоялись посягнуть самольно на храмъ Божій.» (1) При всемъ томъ, обнародованіе отлученія въ Прагѣ не обошлось безъ явнаго соблазна. Священники немедленно прекратили богослуженіе и даже самонужнѣйшія требы: крещеніе младенцевъ, погребеніе мертвыхъ, пока Гусъ былъ въ Прагѣ, за исключеніемъ одного Вышеградскаго храма, какъ ясно говоритъ о томъ Теобальдъ. Не помогло проповѣднику и университетское прѣніе, 18 Декабря 1412, въ которомъ адвокатъ его, М. Янъ изъ Есеницы, оспаривалъ законность поразившаго его проклятія (2). Смятеніе дошло до того, что король изъявилъ Гусу желаніе свое, чтобы онъ на время оставилъ Прагу, обѣщая ему въ то же время посредничество свое для примиренія съ церковнымъ начальствомъ (3).

(1) Palackého, Dějiny národu českeho, III, č 1, str. 130—131.

(2) См ниже.

(3) Въ 4-мъ письмѣ изъ изгнанія къ ректору университета, Христавну

Вѣроисповѣдный вопросъ въ Чехіи дошелъ до такой степени, что сдѣлался предметомъ изслѣдованія верховнаго правительственнаго мѣста въ государствѣ, Коллегіи 12 земскихъ кметовъ. Въ послѣднихъ числахъ Декабря 1412 года, на засѣданіяхъ этихъ сановниковъ, начались совѣщанія о средствахъ остановить успѣхи ереси въ Чехахъ, положить конецъ худой молвѣ о славѣ народа и возстановить давножеланную тишину внутри государства. Епископы, Конрадъ Голомуцкій, администраторъ Пражской епархіи, по удаленіи Альбика, и Іоаннъ Лютомышльскій, присутствовали лично на совѣщаніяхъ, а обѣ тяжущіяся стороны представили свои мнѣнія письменно. Коллегія постановила, чтобы, подъ предсѣдательствомъ обоихъ епископовъ, былъ созванъ областной Соборъ, для окончательнаго рѣшенія дѣла по Гусовой ереси. Одобривъ это заключеніе, король Вячеславъ разослалъ, 3 Января 1413 года, извѣстительное приглашеніе ко всему духовенству Чешскаго королевства о созваніи собора въ Чешскомъ Бродѣ, ко 2-му Февраля; подобное же извѣщеніе вышло отъ Конрада, администратора Пражскаго. Назначеніе Собора въ одномъ изъ маленькихъ городовъ Чехіи послѣдовало для того, вѣроятно,—говоритъ Палацкій,—чтобы Гусъ, не смотря на тяготѣвшее на немъ отлученіе, могъ лично присутствовать на Соборѣ, не возбуждая соблазна (1).

На этомъ Соборѣ представителемъ Латинской стороны уже явно выступаетъ союзъ 8 докторовъ богословскаго факультета, противниковъ новаго ученія. Членами союза были, по старшинству: деканъ богословскаго факультета, Стефанъ Палечъ, Станиславъ изъ Зноима, Петръ изъ Зноима, Янъ Геліе, Янъ изъ Гильдисена, Андрей изъ Чешскаго Брода, Германъ, frater Eremita, Матѳей, монахъ изъ Збраслава (de Aula regia). Къ нимъ присоединились въ послѣдствіи Георгій изъ Бора и Симонъ изъ Венды (2).

Прахатицкому, Гусъ говоритъ: «Aestimo, quod peccavi, ad voluntatem regis prædicationem dimittens; et ergo jam nolo sic peccare. — Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 132.

(1) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 133—134.

(2) Ad. Scripta Stanislai de Znoyma, Hist et Mon. Hus, I, 265.—De Ecclesia, I, 218, 6.

Душею союза были два первые члена, распоряжавшіе дѣйствіями прочихъ товарищей. Оба они принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ друзей и защитниковъ Гуса въ началѣ его богословскаго поприща. Воспоминаніе этой старинной дружбы сохранилось въ извѣстной пародіи, сдѣланной Нѣмцами, въ которой книга родства начиналась такими словами: «Станиславъ изъ Знойма родилъ Петра изъ Знойма, Петръ изъ Знойма родилъ Палеча, а Палечъ родилъ Гуса» (¹). Старѣйшій лѣтами въ этомъ тріумвиратѣ былъ Станиславъ, уступавшій, впрочемъ, въ значеніи Палечу; онъ былъ уже профессоромъ въ Пражскомъ университетѣ, когда Гусъ сидѣлъ еще на студенческой лавкѣ (²). Всѣ они изстари отличались свободомысліемъ и смѣлымъ противодѣйствіемъ Западной Церкви. Дѣятельное участіе ихъ, какъ вождей народной стороны, въ осужденіи 45 статей Виклефа, засвидѣтельствовано Гусомъ и современными актами. «Помнишь ли твердость товарища твоего, Станислава,»—говоритъ Гусъ въ сочиненіи противъ Стефана, въ видѣ урока,—«когда онъ грудью стоялъ за положенія Виклефа? Помнишь ли собственное слово свое, когда ты, въ полномъ собраніи университета, поднялъ сочиненія Виклефа, говоря: Пусть встанетъ, кому эта книга не нравится! Я берусь ее защищать? Помнишь ли и то, что старшіе доктора вышли всѣ изъ собранія; такъ возраженія твои казались имъ рѣзки? (³).» Такую же стойкость выказали доктора Станиславъ и Петръ изъ Знойма, Янъ Геліе съ другими товарищами въ охраненіи правъ университетскихъ. Когда папа Иннокентій VII, подъ страхомъ анаѳемы, лишенія правъ и имущества, приказалъ имъ принять въ число докторовъ Маврикія Пражскаго, въ послѣдствіи одного изъ сильнѣйшихъ противниковъ Евхаристіи подъ обоими видами, они оказали рѣшительное сопротивленіе. Станиславъ выступилъ даже на поприще богословско-лит-

(1) Ad Scripta Stephani Paletz, Monum. Hus, 1, 255, 6.

(2) «Et quamvis ipse Stanislaus magister meus extiterit.» Ad Scr. Stan. I. 265.

(3) Ad Scr. Steph. Paletz. Mon. I. 260. — Ad Scr. Stan. de Znoyma, I, 265, 6.

тературномъ, какъ ученый поборникъ ученія Виклефа (1).
За все это Станиславъ изъ Зноима и Стефанъ Палечъ вынесли жестокое гоненіе отъ Римскаго Двора. Въ концѣ Октября 1408 года они схвачены въ Болоніи, по приказанію кардинала-легата, Бальтазара Коссы, и выпущены на свободу только въ слѣдующемъ году, по настоятельному требованію самихъ кардиналовъ, короля и университета, особенно магистровъ: Гуса, Яна изъ Есеницы и Христіана Прахатицкаго. Эта невзгода охладила значительно ревность ихъ къ общему дѣлу (2). Тогда-то, по случаю продажи отпусковъ въ Прагѣ, они отступили отъ Гуса, и, ставъ подъ знамена Латинской стороны, осыпаны милостями первосвященника, и поклялись въ вѣчной враждѣ товарищу дѣтства. «Продажа отпусковъ и поднятіе креста противъ Христіанъ были первой причиной размолвки моей съ докторомъ Палечомъ,»—говоритъ Гусъ.—«Послѣднее слово, ему мною сказанное, послѣ котораго мы разстались на вѣки, было слѣдующее: «Мнѣ Палечъ другъ, мнѣ другъ и истина: при одинаковыхъ правахъ ихъ на мою дружбу, достойно и праведно предпочесть истину» (3).

Соборъ, назначенный королевскимъ Совѣтомъ, для прекращенія ереси, съѣхался, не въ Чешскомъ Бродѣ, а въ Прагѣ, въ палатахъ архіепископскихъ, 6 Февраля 1413 года. На немъ не присутствовали ни Іоаннъ Лютомышльскій, ни Гусъ: послѣдняго замѣнялъ на Соборѣ защитникъ и прокураторъ его, Янъ изъ Есеницы. О совѣщаніяхъ соборныхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; у Кохлея сохранились только полемическія сочиненія на спорныя статьи, изъ которыхъ явствуетъ, что въ полныхъ собраніяхъ не позволено было вести состязанія устно, вѣроятно, для избѣжанія гласности соблазнительныхъ распрей (4). По

---

(1) De Ecclesia, I, 241.—Ad Scr. Paletz, I, 263, 6.—Ad Scr. Stan. de Znoyma, I, 267, 288.

(2) Ad Scr. Steph. Paletz, I, 256.—Ad Scr. Stan. de Znoyma, I, 288, 289.—Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 75.

(3) Ad Scr. Paletz, I, 264, 6.

(4) «Alibi dictum et scriptum est et datum D. Episcopo Olomucensi, et adhuc deduceretur et ostenderetur, si audientia in publico daretur coram om-

повелѣнію короля, обѣ тяжущіяся стороны подали письменно мнѣнія свои о томъ, какими путями достигнуть умиренія государства. Доктора католическіе, и во главѣ ихъ Палечъ и Станиславъ, выставили три положенія, подъ именемъ общихъ истинъ (veritates generales), изложенныхъ у Кохлея и подробно опровергнутыхъ Гусомъ въ его сочиненіи о Церкви. Это было не что иное, какъ крайнее выраженіе схоластическаго ученія о папской теоріи. Первая истина относилась къ догматамъ Римскимъ о значеніи папы и кардиналовъ, и дробилась на 8 положеній: что папа видимая глава св. Римской Церкви, а Коллегія кардиналовъ—тѣло ея; что папа—видимый и истинный преемникъ верховнаго Апостола Петра, а кардиналы—преемники прочихъ Апостоловъ; что для управленія Церковію по всей вселенной необходимо сохранить навсегда однообразный порядокъ устройства церковнаго, съ папой и кардиналами; что другихъ непосредственныхъ преемниковъ верховнаго и прочихъ Апостоловъ не возможно найти на всемъ земномъ шарѣ; что Римская Церковь есть мѣсто, самимъ Господомъ избранное, за которымъ Богъ утвердилъ первенство въ Церкви вселенской, въ которомъ папа—намѣстникъ св. Петра, верховный первосвященникъ, а кардиналы—священники изъ рода Левитовъ. Вторая общая истина относится къ правительственной власти Латинской іерархіи, и заключается въ томъ, что всѣ изреченія представителей Церкви не погрѣшительны; что Апостольскому престолу Римской Церкви и вообще духовнымъ начальникамъ низшіе должны повиноваться во всемъ, когда они или не запрещаютъ безусловно хорошаго, или не предписываютъ безусловно дурнаго,—во всемъ безразличномъ, что можетъ быть и добрымъ и злымъ, смотря по лицу, мѣсту, времени, или обстоятельствамъ дѣйствія. Третья общая истина признаетъ за Латинской іерархіей законодательную власть, утверждая, что въ дѣлахъ Церкви вѣрующіе должны относиться исключительно къ папѣ и кардиналамъ, какъ къ истинной Церкви, вопреки мнѣнію Чешскихъ измѣнниковъ, которые

nibus doctoribus,» сказано въ отвѣтѣ Гуситовъ. Cochl., Hist. Huss. p. 52.— Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 134.

Св. Писаніе считаютъ единственнымъ мѣриломъ въ догматахъ Вѣры, давая ему произвольное толкованіе. На основаніи этого, доктора Католической стороны совѣтовали, для умиренія Церкви, издать повелѣніе, чтобы всѣ Чехи въ отношеніи къ тремъ означеннымъ статьямъ приложились къ ученію Церкви, а, въ случаѣ неповиновенія, изгонялись изъ отечества. Буде Гусъ согласится принять ученіе Латинское о папѣ, о таинствахъ, о силѣ церковныхъ ключей, о безусловномъ повиновеніи прелатамъ; буде подтвердитъ согласіемъ своимъ осужденіе Виклефа, доктора готовы засвидѣтельствовать его правовѣріе и написать объ немъ къ папѣ самый лестный отзывъ (¹). Съ своей стороны, прокураторы Гуса выставили свои предложенія. Они требовали: 1) возвращенія въ законную силу примирительной сдѣлки между Гусомъ и архіепископомъ Сбинкомъ 1411 года; 2) уравненія Чехіи съ другими державами въ правахъ и льготахъ въ церковномъ управленіи; 3) созванія такого Собора духовенства, на которомъ Гусъ могъ бы присутствовать лично, предоставляя всякому право обвинить его въ ереси, съ условіемъ подвергнуться денежному взысканію въ случаѣ ложнаго обвиненія. «Пусть будетъ объявлено по всѣмъ городамъ, что Маг. Янъ Гусъ желаетъ дать отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ; и всѣ, готовящіе ему возраженіе, пусть запишутся въ канцеляріи епископа.» Если не будетъ подписчиковъ, приверженцы требовали вызова къ суду и наказанія ложныхъ свидѣтелей, распускающихъ при дворѣ папы злую молву объ ереси въ Чехіи и Моравіи. Король Чешскій и архіепископъ обязываются запретить, подъ самой строгой отвѣтственностью, распространеніе ложныхъ слуховъ, а въ заключеніе должно быть отправлено къ папѣ посольство, для оправданія людей, оподозрѣнныхъ въ ереси. Ѳбъ отлученіи Гуса и запрещеніи ему проповѣдывать, котораго требовали противники, не должно быть и рѣчи (²).

---

(1) Cochlæi, Hist. Hussitarum, p. 29—32; 44—49.—De Ecclesia. Hist. et Mon. Hus, I, cap. 12—23.—Palacky, Gesch v. Böhm. III, 291 — 292. — Dějiny, III, č. 1, str. 135—136.

(2) Подробности у Кохлея: Hist. Hussit. p. 32—33.

Но Латинское духовенство отвергло предложенія Гуситовъ. Конрадъ, администраторъ Пражской епархіи, памятный послѣдующимъ отреченіемъ въ пользу ихъ отъ Церкви Латинской, послалъ ихъ немедленно къ Іоанну Желѣзному, епископу Лютомышльскому, который (10 Февраля) написалъ на нихъ возраженіе, требуя, съ своей стороны, избранія вицеканцлера университета, облеченнаго распорядительною властію въ наказаніи ересей, запрещенія проповѣдывать народу о такихъ предметахъ, которые относятся только къ университетскому преподаванію; вообще запрещенія проповѣдывать Гусу съ сообщниками, осужденія и истребленія всѣхъ Чешскихъ его сочиненій (1).

Пока Соборъ тянулся въ безконечномъ обмѣнѣ политическихъ статей съ обѣихъ сторонъ, вся Латинская Европа возстаетъ на Гуситскую ересь. Іоаннъ XXIII извѣщаетъ объ ней короля Французскаго и Парижскій университетъ. По этому случаю славный канцлеръ его, Іоаннъ Герсонъ, пишетъ къ администратору Пражской епархіи извѣстное посланіе, въ которомъ дикія страсти среднихъ вѣковъ рисуются величавыми образами. «Доселѣ», — говоритъ онъ, — «Церковь употребляла различныя средства для искорененія ересей. Во времена Апостольскія Богъ всемогущій смирялъ лжеучителей силою чудесъ своихъ. Въ послѣдствіи учители Церкви истребляли злыя сѣмена ересей силою разумныхъ доводовъ и сѣкирою вселенскихъ соборовъ. Наконецъ, когда немощь стала неисцѣлимою, Церковь прибѣгла къ содѣйствію свѣтскаго меча для посѣченія ересей и истребленія огнемъ ихъ виновниковъ. Эта любовная казнь предотвращала гибельное распространеніе ложныхъ ученій. Руководствуйтесь этими правилами. Если лжеучители ваши требуютъ чудесъ для своего убѣжденія, да вѣдаютъ они, что время чудесъ прошло невозвратно. Не позволено испытывать Бога для утвержденія Вѣры, уже не младенческой. У нихъ не Моисей и пророки только; у нихъ Апостолы, древніе учители, св. Соборы, учители новые, сіявшіе въ университетахъ, особенно Парижскомъ, матери прочихъ, ко-

(1) Cochlæi, Hist. Hussit. p. 34—36.

торую Богъ охранялъ постоянно отъ смертнаго дыханія ересей. Не вѣрятъ имъ, не повѣрятъ и мертвому, если воскреснетъ ([1]). Гордая ересь не терпитъ обличенія разума. Безполезное прѣніе соблазняетъ народъ, оскорбляетъ любовь ([2]). Застарѣлая болѣзнь бѣжитъ врачевства. И такъ, если недовольно оружія слова и разума для истребленія ереси, вамъ остается только приложить остріе свѣтскаго меча къ корнямъ безплоднаго и проклятаго дерева. Вамъ подобаетъ призвать на помощь гражданскую власть; ибо вы отвѣчаете вѣчнымъ спасеніемъ за каждую душу, ввѣренную попеченіямъ вашимъ» ([3]).

Посланіе Герсона имѣло сильное вліяніе на дѣйствія Латинской стороны университета, ибо голосъ его уважался во всей современной Европѣ. По крайней мѣрѣ, представители Латинской Церкви на Пражскомъ соборѣ смѣлѣе подняли голову, и обвиненія всякаго рода устремились на Гуса. Ему ставили въ вину покровительство ученію Виклефа, ограбленіе церквей и монастырей, начинавшееся уже въ разныхъ областяхъ королевства, незаконное присвоеніе себѣ и приверженцамъ бенефицій и вмѣстѣ доходовъ противниковъ, и, наконецъ, презрѣніе церковной власти въ томъ, что и въ отлученіи папскомъ онъ не думалъ отказываться отъ богослуженія ([4]). Важнѣе всего было то обстоятельство, что большинство духовенства перешло на сторону защитниковъ Рима, не въ слѣдствіе перемѣнившихся убѣжденій, а изъ страха лишиться своихъ бенефицій незаконнымъ дѣйствіемъ церковной власти ([5]). А потому отлученіе Гуса и всѣхъ его приверженцевъ признается законнымъ и подтвердается снова приговоромъ боль-

---

(1) Замѣчательно, что въ состязательныхъ сочиненіяхъ Гуса этого времени часто возвращается тонкая иронія въ вызовѣ папы, если онъ переноситъ на себя всѣ отношенія Апостоловъ, доказать свое посланничество такими же, какъ они, чудесами. На пр. Ad Scr. Stan. c. 6, p. 280, 6. Ad Scr. 8 Dct. c. 7, p. 305, 6; c. 8, p. 307. См. ниже.

(2) Новый намекъ на дѣятельность Гуса.

(3) Cochlæi, Hist. Hussit. 21—22. 27 Мая, въ наутріи Пятидесятницы 1415 года.

(4) Письмо Андрея изъ Брода у Кохлея. Hist. Hussitar. 42—43.

(5) De Ecclesia, c. 21, p. 247, 6.—248.

шинства духовенства, приставшаго къ сторонѣ Латинской (1). Впрочемъ, и это послѣднее вовсе излишне, ибо доктора объявляютъ, что Пражское духовенство не имѣетъ права изслѣдовать, справедливы ли, или нѣтъ наказанія, наложенныя на Гуса и его послѣдователей. Можно ли еще сомнѣваться въ ихъ справедливости, когда Римскій престолъ и его представители въ Чехіи, т. е., высшее духовенство, прелаты давно уже рѣшили вопросъ утвердительно? (2) Такъ Римская Церковь въ послѣдній разъ одержала побѣду, и самъ Вячеславъ принужденъ преклониться предъ ея рѣшеніемъ. Только по крайней необходимости, и, можетъ быть, не безъ вліянія со стороны брата, Сигизмунда, ревностнаго католика по убѣжденію, онъ изъявилъ согласіе на обнародованіе общихъ истинъ въ видѣ королевскаго указа. Его подтвердили согласіемъ своимъ и мѣстоблюститель Пражской епархіи, и Пражская Капитула, и доктора юридическаго факультета (3), безъ которыхъ не состоялось бы большинства рѣшенія въ университетѣ. Но, сверхъ того, были приняты сильныя мѣры для приведенія упорствующихъ въ повиновеніе. Доктора объявили, что кто изъ Чешскихъ священниковъ возстанетъ на это рѣшеніе, тотъ долженъ подвергнуться духовному наказанію; если же Церковь преслушаетъ, то предается суду гражданскому; а этотъ судъ въ дѣлахъ Вѣры кончался всегда инквизиціей (4). Такимъ образомъ, Соборъ прекратилъ свою дѣятельность, и дѣло перешло въ гражданское вѣдомство. «Въ назначенный день (скажемъ словами Гуса) союзные доктора повели въ судъ (Praetorium) огромную толпу, за которой по неволѣ должны были слѣдовать и священники стороны Гусовой, для того, чтобы страхомъ принудить къ согласію тѣхъ, которыхъ не могли убѣдить Св. Писаніемъ и разумомъ. Первосвященники, книжники и фарисеи, не смѣли войти въ преторъ въ слѣдъ за обвиненнымъ Іисусомъ, а наши доктора вошли въ торжественномъ собраніи книжниковъ, фарисеевъ и ста-

(1) Cochlæi, Hist. Huss. 44—49.
(2) De Ecclesia, Hist. et Mon. Hus, I, c. 22.
(3) Cochlæi, Hist. Hussit. p. 47.
(4) De Ecclesia, I. 228. 6.

рѣйшинъ народныхъ, и одинъ изъ нихъ, называемый Палечомъ, прочелъ вслухъ королевскій указъ, и произнесъ смертный приговоръ на ослушниковъ волѣ верховнаго первосвященника. Ряды вооруженныхъ воиновъ подкрѣпляли рѣшеніе и придавали бодрость чтецу. О конечно, если бы Палечъ явился въ числѣ обвинителей нашего Господа, и онъ не побоялся бы взывать съ Іудеями: «Кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ; мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети (¹)!» Не смотря на то, сторона Гусова оказала геройское сопротивленіе приговору подкупленныхъ судей. «Какъ нѣкогда праведный Іосифъ въ лицо противусталъ беззаконному сборищу, осудившему на смерть Іисуса: дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова; такъ точно (говоритъ Гусъ) и магистры нашей стороны: Маркъ Градецкій, въ то время ректоръ Пражскаго университета, Фридрихъ Эпинге, Прокопій изъ Пльзны, со многими другими протестовали въ судѣ противъ осужденія истины. Сильные сознаніемъ правды, эти великодушные мужи, презирая смертныя угрозы, безстрашно противустали въ лицо законовѣдцамъ, докторамъ, каноникамъ и старѣйшинамъ народнымъ» (²). Такъ всѣ усилія Западной Церкви рушились о непреклонное противодѣйствіе горсти магистровъ, разумно сознавшихъ истину ученія Гусова и готовыхъ жертвовать жизнію для ея исповѣданія. Въ этихъ рѣдкихъ явленіяхъ высказывалась сила народнаго духа и внутренняя слабость Католицизма. Въ отсутствіе Гуса защитники поддержали свою великую роль: онъ съ восторгомъ говоритъ объ ихъ мужествѣ; съ презрѣніемъ отзывается о служителяхъ лести, навлекшихъ на себя заслуженную ненависть всего народа. Хитрое зданіе, подготовленное подкупами Стефана Палеча, главы противниковъ, немедленно рушилось. Все низшее духовенство, оскорбленное приговоромъ, безусловно подчинявшимъ его высшему, исключительно Латинскому въ Чехіи (³), возстало съ по-

---

(1) De Ecclesia, I, 227, 6.—Ad Scr. Steph. Paletz, I, 255, 6.
(2) Ad Scr. Stanislai de Znoyma, I, 266.
(3) Ad Scr. Paletz, I, 259, 6.

выми требованіями. Одушевленіе сдѣлалось общимъ. Не смотря на то, что указъ прочтенъ всенародно, разосланъ по всѣмъ областямъ королевства (1), и даже переведенъ на Чешскій языкъ, по свидѣтельству Кохлея, который видѣлъ его въ переводѣ, онъ нигдѣ не нашелъ исполнителей. Противная сторона, говоритъ Кохлей, оказала такое упорство, что не только въ частныхъ собраніяхъ вопіяла противъ незаконности изгнанія Гусова и поносила Римскую Курію, согласившуюся на его отлученіе, въ слѣдствіе подкуповъ высшаго духовенства, но даже оспоривала указъ королевскій въ разныхъ книгахъ и сочиненіяхъ (2). Все это дѣлалось, кажется, не безъ вѣдома и одобренія короля, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Такъ изгнаніе Гуса не принесло приверженцамъ Латинской Церкви никакой существенной пользы. Оно не только осталось мѣрой ничтожной, но еще болѣе послужило ко славѣ его. Гусъ удалился въ предѣлы города Усти (Austí), и тамъ, по прежнему, продолжалъ проповѣдывать подъ охраною владѣльца Козьяго замка, Яна старшаго, изъ Усти, который пригласилъ его къ себѣ. По смерти этого пана, онъ принялъ новое приглашеніе королевскаго любимца, Генриха Лефля изъ Лажанъ, и гостилъ въ его замкѣ, Краковцѣ, въ Раковницкомъ округѣ. Отсюда выѣзжалъ онъ въ окрестныя мѣстечка; въ особенности посѣщалъ онъ тѣ селенія, гдѣ бывали народныя сходбища по случаю храмовыхъ праздниковъ, или свадебъ; и гдѣ онъ ни казался, толпы народа стекались къ нему и пріѣзжали слушать его на возахъ (3). Но сколь велика была народность его, столь велика и зависть враговъ, обреченныхъ отнынѣ на низкое ремесло клеветы и наушничества. «Случилось ему разъ въ одну изъ обычныхъ проповѣдей его сильно нападать на папу и кардиналовъ. По окончаніи рѣчи его, — такъ разсказываетъ Теобальдъ, — одинъ крестьянинъ, притворяясь

(1) «Doctores de facultate theologica in Synodo praetorii exposuerunt se publice et scripta sui Consilii etiam ad exteras provincias direxerunt.» Ad Scr. Stan. de Znoyma, I, 265.

(2) Cochlæi, Hist. Hussit. p. 49.

(3) Starj letopisowé, str. 29.

простымъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Скажи намъ, пожалуйста, господинъ магистръ, что значитъ по Чешски папа и кардиналъ? Видѣлъ ли ты хоть одного изъ тѣхъ, о которыхъ такъ много говоришь?» — «Никого не видалъ, мой другъ, да и видѣть не хочу,»—отвѣчалъ Гусъ.—«Зачѣмъ же ты такъ жестоко отзываешься о тѣхъ, которыхъ никогда не видалъ и не изучалъ вблизи? Я когда-то съ отцемъ моимъ ѣздилъ въ Римъ, и видѣлъ тамъ папу и нѣсколькихъ кардиналовъ. Они показались мнѣ исполненными благочестія, какъ я никогда никого не видалъ.»—«Если они тебѣ, старичокъ, такъ понравились,»—отвѣчалъ Гусъ,—«то воротись къ нимъ, и оставайся при нихъ до конца жизни.»— Крестьянинъ отвѣчалъ и на это, покачавъ головою: «Я ужъ состарѣлся, магистръ, и не могу бодро справиться въ путь; а ты молодъ; поди за меня, и что̀ говоришь намъ пространно, то скажи имъ въ лицо; они у тебя въ долгу не останутся.» Присутствующіе паны наложили молчаніе на крестьянина; но Гусъ взялъ его съ собою въ замокъ и угостилъ его съ честію» (1). Въ этой рѣчи, можетъ быть и не выдуманной, слышимъ опять отголосокъ возраженія доктора Льва и всей католической стороны, которая старается развѣнчать любимца народнаго, наложить пятно безславія и отверженія на его чистую дѣятельность. Но приближалась уже великая минута возмездія, когда, при заревѣ Констанцкаго пепелища, и на эти мелочныя придирки послѣдовалъ торжественный отвѣтъ.

Ко времени изгнанія Гуса въ 1413 и 1414 годахъ принадлежатъ письменныя сношенія его съ дворомъ Ягойловцевъ (2) и цѣлый рядъ спорныхъ сочиненій, вызванныхъ дѣйствіями его противниковъ на Пражскомъ Соборѣ. Сюда же относится нѣсколько писемъ его къ Пражскимъ друзьямъ, имѣющихъ примѣненіе къ современнымъ событіямъ (3). Еще прежде своего удаленія изъ Праги, въ

---

(1) Theobald, Hussitenkrieg, s. 41—42.

(2) O kościołach braci czeskich w dawnéj Wielkiéj Polsce, przez J. Lukaszewicza, str. 9—11.—Palackého, Dějiny národu ceského, III, č. 1, str. 146.

(3) Изъ 13 писемъ его, вошедшихъ въ составъ Hist. et Mon. Hus, подъ названіемъ: «Epistolæ, tempore anathematis et interdicti pontificii scriptæ,»

1411 году имъ была написана на Чешскомъ языкѣ небольшая книга «О шести заблужденіяхъ» (противъ Латинскаго духовенства), и росписана на стѣнахъ Виѳлеемской часовни. Когда онъ удалился изъ Праги, и побѣда на первыхъ порахъ осталась за врагами его, Виѳлеемская часовня подверглась опасностямъ за безвременное свое украшеніе. Гоненія на отсутствующаго Гуса ознаменованы въ Прагѣ удвоеннымъ напоромъ на это безвинное орудіе его славной дѣятельности. По случаю этихъ гоненій, о которыхъ говорено было выше, Гусъ изъ изгнанія посылаетъ Пражанамъ слова утѣшенія и мира. «Не бойтесь угрозы гонителей, хотящихъ разрушить Виѳлеемскую церковь. Богъ не попуститъ имъ совершить свое злое намѣреніе; но берегитесь забыть благодѣянія Божіи; тогда Господь Самъ разоритъ Виѳлеемъ, какъ въ другомъ Виѳлеемѣ, гдѣ онъ родился, и въ Іерусалимѣ, гдѣ совершилъ искупленіе наше, не осталось камня на камнѣ. Прошу васъ, возлюбленные, не скорбите объ отсутствіи моемъ, не ужасайтесь проклятій, которыми преслѣдуютъ меня враги Господни.... Пускай воздвигаютъ на меня крестъ; пускай распѣваютъ, какъ на Іуду предателя, пѣсни поруганія, и прибиваютъ ихъ публично на площадяхъ; пускай, по обычаю Іудеевъ, бросаютъ камнями въ двери храма, пока руки ихъ не онѣмѣютъ и на нихъ самихъ не обрушатся эти камни» (1). Гусъ утѣшается мыслію, что отсутствіе

несомнѣнно принадлежатъ этому времени: 6-е, 7-е, 9-е и 13-е. Всѣ они носятъ ясный отпечатокъ современныхъ отношеній. Въ нихъ говорится объ усиленныхъ гоненіяхъ Антихриста, начавшихся не ранѣе, какъ послѣ 1412 года. Есть ясныя указанія на отступниковъ, Палеча и пр., на гоненія противъ Виѳлеемской часовни. Въ 13-мъ письмѣ Гусъ сверхъ того самъ указываетъ на время его сочиненія, говоря, что онъ болѣе 12 лѣтъ проповѣдывалъ слово Божіе въ Прагѣ, а начало его проповѣди относится къ 1401 году.— Къ 1413 году, по всѣмъ вѣроятностямъ, отнести должно и 4-е письмо Гуса къ ректору Пражскаго университета, Христиану Прахатицкому, которое я считаю первымъ въ ряду помянутыхъ, писаннымъ вскорѣ послѣ изгнанія, ибо въ немъ говорится о прекращеніи проповѣди его по волѣ короля, — и 14-е письмо къ жителямъ Лунъ. Только по внутреннему характеру тѣхъ писемъ, и по отраженію современныхъ событій, можно опредѣлить ихъ послѣдовательность.

(1) Epist. 6, 7, 9. Hist. et Monum. Hus, I, 96, 6; 97—98.

его изъ Праги не прекратило Евангельской проповѣди, и что вѣрные ученики его достойно продолжаютъ начатое имъ дѣло. Духовная радость объ успѣхахъ Евангелія не въ одной только Прагѣ, но и во всемъ государствѣ—вотъ главное чувство, преисполняющее всѣ его письма. Въ отвѣтъ на беззаконныя дѣйствія послѣдняго Собора, онъ пишетъ знаменитѣйшее свое сочиненіе «О Церкви»; въ возраженіяхъ на общія истины заключается въ стройной системѣ вся полнота ученія Гусова о значеніи папы въ Церкви вселенской, и о мѣстѣ, занимаемомъ въ ней Римскою Церковію. Драгоцѣнная рукопись была послана въ Прагу, прочтена всенародно въ Виѳлеемской часовнѣ, во множествѣ списковъ ходила по рукамъ гражданъ, и дошла до самаго короля. Вскорѣ вся Чехія раздѣляла восторгъ, порожденный явленіемъ великаго труда, который легъ въ основаніе догматическимъ мнѣніямъ Гуса и всей его стороны. Отселѣ сторона Гуса дѣлается стороной народной; огромное большинство духовенства и мірянъ приступаетъ открыто къ духовному единству, внезапно обнявшему всю цѣльность народа. Названіе секты неожиданно переходитъ къ приверженцамъ Рима; послѣдователи ученія Гуса принимаютъ названіе «Евангельскаго клира» ([1]). Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Палечъ и Станиславъ изъ Знойма сдѣлали послѣднюю попытку въ пользу Западной Церкви, но пали подъ тяжестію этой задачи. Въ своихъ возраженіяхъ на книгу «О Церкви» они окончательно уронили достоинство Рима; и Римская Церковь, падая съ шумомъ въ Чешскомъ народѣ, увлекла ихъ въ своемъ паденіи. Сочиненіе Палеча носитъ ясные признаки усилій своего порожденія. Безнадежность читается въ каждомъ словѣ магистра; въ безотвѣтномъ благоговѣніи къ папѣ, которое проповѣдуетъ Палечъ, не предлагая доказательствъ разумной пытливости народа, мы видимъ собственное, глубокое разувѣреніе и чувство гнетущей скорби, провожающее его до могилы. Отнынѣ жажда мщенія съ одной стороны, угрызенія совѣсти съ другой, попеременно волнуютъ эту страждущую душу. Открытая

(1) Ad Scr. Paletz, I, 260.

сила, которой онъ дѣйствовалъ за нѣсколько мѣсяцевъ, смѣняется хитростію. Онъ не смѣетъ называть Гуситовъ по имени, но подъ вымышленнымъ названіемъ «Quidamistæ,» прилагаетъ имъ позорное прозвище «Смертоноснаго духовенства» (clerus pestiferus). Онъ старается выманить Гуса за предѣлы Чехіи: предлагая ему открытую борьбу, даетъ разумѣть, что она должна совершиться съ равными силами, а потому не возможна въ народѣ, предубѣжденномъ въ пользу противника. «Вы не боитесь называться по имени»,— говоритъ Палечъ,—«безстрашно подъемлете грозу отлученія тамъ, гдѣ нѣтъ для васъ страха; вы требуете обличенія въ ереси тамъ, гдѣ обвинителямъ пришлось бы поплатиться имуществомъ и головою; отъ чего не отправляетесь въ Римскую Курію (1)?» Здѣсь устами его снова говоритъ лукавая Римская политика, которая съ намѣреніемъ покрывается личиною правды, чтобы тѣмъ вѣрнѣе нанести ударъ. Въ возраженіяхъ на сочиненія Палеча и Станислава, служащихъ прекраснымъ дополненіемъ къ догматической части книги «О Церкви,» Гусъ превосходно разоблачаетъ коварные замыслы враговъ: онъ бьетъ ихъ на голову собственнымъ ихъ оружіемъ; принимаетъ предложенный вызовъ, но даетъ разумѣть, что онъ проникъ ихъ обманы, и если отдаетъ себя въ руки враговъ, то не иначе, какъ по собственной волѣ. «Не такъ говорилъ Палечъ во время оно, когда онъ громче всѣхъ требовалъ указанія хотя на одного человѣка, зараженнаго ересью; когда онъ вызвалъ къ отвѣту магистра Рудольфа, который, въ полномъ собраніи университета, обронилъ неосторожное слово, что на нѣкоторыхъ Чеховъ должно воздвигнуть Крестовой походъ, и что сочиненія Станислава изъ Зноима отзываются ересью. Отъ чего же онъ теперь обращается вспять, говоря, что въ Чехіи не мѣсто обличать ересь, когда прежде самъ съ такимъ жаромъ и съ такою настойчивостью требовалъ здѣсь ея указанія? Когда Палечъ подписывается богословскимъ учителемъ, то зачѣмъ же боится онъ сказать правду? Не побоялся въ судѣ, подъ прикрытіемъ вооруженной стражи

(1) Ad Ser. Paletz, I, 255, 6, 256.

произнести приговоръ: кто ослушается воли первосвященника, повиненъ смерти! Теперь, когда счастіе ему измѣнило, и онъ говоритъ, что здѣсь не мѣсто обличенія ереси; а прежде обвинялъ меня, какъ еретика» ([1]). При перемѣнившихся обстоятельствахъ, противники Гуса старались скрыть имена свои, дабы не навлечь на себя мщенія народнаго: Станиславъ изъ Зноима даетъ себѣ и товарищамъ общее названіе «Богословскаго факультета.»—«Не весь богословскій факультетъ,»—отвѣчаетъ Гусъ,—«а только восемь докторовъ произнесли на меня приговоръ отлученія. Зачѣмъ скрываютъ они имена свои? На собраніи въ судебной палатѣ они всенародно явились моими обвинителями, и акты собора своего разослали по всѣмъ областямъ. Если они хорошо дѣлали въ то время, то къ чему теперь эта скромность? Пусть обнародуютъ имена свои; они могутъ ожидать отъ народа благодарности, а отъ Праведнаго Судіи награды вѣчною жизнію» ([2]). Такъ кончилась полемика Гуса съ докторами преторіи. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого спора было отчужденіе имуществъ отъ духовенства, согласно съ ученіемъ Гуса. Замѣчательно, что и въ самое благопріятное для себя время доктора не смѣли возстать на это послѣднее намѣреніе, которое выставлено Гусомъ еще въ 1412 году и съ тѣхъ поръ уже исподволь переводило богатыя имѣнія Церкви въ руки свѣтскихъ владѣльцевъ. Въ сочиненіи «О Церкви» Гусъ удивляется этому странному молчанію. Онъ догадывается, что свѣтская власть уже приняла свои мѣры, что началось уже отнятіе имуществъ у духовенства. Въ самомъ дѣлѣ, король Вячеславъ, подъ предлогомъ преобразованія причта, въ силу новаго указа, сталъ отбирать церковныя имущества ([3]). Спасались отъ преслѣдованія только тѣ изъ духовныхъ, которые переходили на сторону Гуса. «Пусть лишатся огромныхъ доходовъ,»—писалъ Гусъ въ концѣ сочиненія «О Церкви»,—«по крайней мѣрѣ душу спасутъ отъ вѣчной погибели. Осудивъ 45 статей Виклефа, доктора говорили,

(1) Ad Scr. Paletz, I, 255, 6.
(2) Ad Scr. Stan. de Znoyma, I, 265.
(3) Cochlæi, Hist. Hussit, p. 62.

что теперь возстановится миръ и единство. Не сбылось ихъ пророчество. Они радовались, когда осуждали; теперь сѣтуютъ, когда стали отбирать церковныя имѣнія. Они просятъ сохраненія имуществъ какъ милостыни. Но свѣтскіе владѣльцы смѣются надъ ними, и говорятъ: не сами ли вы осудили статью, что десятины суть чистыя милостыни» (1)?

Великій споръ Гуса съ Римскою Церковію приближался къ развязкѣ. Не смотря на послѣднія событія, приговоръ объ удаленіи Гуса все еще оставался въ силѣ. Правда, по свидѣтельству Латинскихъ историковъ, онъ часто наѣзжалъ въ Прагу и проповѣдывалъ въ Виѳлеемской часовнѣ. Но Кохлей смѣшалъ первое изгнаніе Гуса изъ Праги съ послѣднимъ. Посему Вячеславъ, который въ послѣднее время такъ явно поддерживалъ Гуса, сдѣлалъ новую попытку примирить обѣ стороны. Онъ нарядилъ коммиссію изъ четырехъ членовъ: Пражскаго владыки, Альбика, Христиана Прахатицкаго, ректора университета, М. Здѣслава изъ Лабуня, пробста у всѣхъ Святыхъ, и Іакова, Вышеградскаго декана, уполномочивъ ихъ всѣми возможными средствами совершить примиреніе. Коммиссія настояла на томъ, что обѣ стороны обѣщали подчиниться безусловно ея приговору, подъ опасеніемъ денежной пени и изгнанія изъ Государства. Члены коммиссіи совѣщались нѣсколько дней въ домѣ магистра Христиана, въ приходѣ Св. Михаила, въ Старомъ городѣ Пражскомъ, подъ предсѣдательствомъ М. Здѣслава. Но уже при изложеніи основнаго положенія протокола ихъ засѣданій, «что обѣ стороны сходятся съ ученіемъ Церкви въ исповѣданіи догмата о Таинствахъ и о власти церковной,» встрѣтились неодолимыя трудности. Палечъ въ послѣдній разъ отказался за себя и своихъ отъ названія «стороны», которое противники съ мудрою умѣренностію прилагали обѣимъ враждующимъ сторонамъ; къ слову: «Церковь» онъ прибавлялъ точнѣйшее обозначеніе: «Святая Римская Церковь, имѣющая нынѣ главою папу Іоанна XXIII, а тѣломъ кардиналовъ.» Эта прибавка исключала возможность взаимнаго

(1) De Ecclesia, I, 255.

примиренія. Послѣ долгихъ преній, магистръ Янъ изъ Есеницы согласился и на нее, но съ оговоркою, ограждавшею цѣльность вѣрованій Гуситской стороны: «Подчиняемся рѣшеніямъ и приговорамъ этой Церкви такъ, какъ прилично каждому истинному и вѣрному Христіанину.» Коммиссія согласилась и на это ограниченіе, какъ на законное, но Палечъ и Станиславъ изъ Зноима рѣшительно отвергли его. Съ другой стороны Гуситы не могли выносить оскорбительнаго для нихъ названія «самозванцевъ Евангельскихъ,» которое все еще прилагали имъ противники (1). Два дни прошли въ безполезныхъ спорахъ; на третій ни Палечъ, ни союзные доктора не явились на совѣщаніе, обвиняя коммиссію въ пристрастіи и слабости. Это былъ явный намекъ на короля Вячеслава, который самъ наряжалъ ее, самъ назначалъ ея членовъ. Глубоко разгнѣванный, онъ отставилъ отъ университета четырехъ докторовъ: Станислава и Петра изъ Зноима, Стефана Палеча и Іоанна Геліе, какъ «ослушниковъ волѣ его, виновниковъ всѣхъ неустройствъ и лукавыхъ сектаторовъ,» и присудилъ ихъ къ изгнанію, безъ надежды когда либо возвратиться (2). Станиславъ умеръ, не переѣхавъ границы (3); Палечъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, оставилъ отечество, и отправился въ Констанцъ увеличивать число противниковъ Гуса. Странно было видѣть этого папскаго любимца, оставлявшаго родину со стыдомъ и отчаяніемъ, когда изгнанникъ, уже цѣлыхъ два года пораженный перунами папскими, возвращался съ радостію въ Прагу, и народъ встрѣчалъ его съ отверстыми объятіями. Въ этихъ превратностяхъ счастія Гусъ чуялъ что-то недоброе: видѣлъ страшную разгадку собственной участи. Онъ сдѣлалъ послѣднее воззваніе къ дружбѣ: писалъ къ Андрею изъ Брода, напоминая ему прежнія связи. Тотъ отвѣчалъ ему обличительной грамотой, въ которой обвинялъ Гуса въ нарушеніи духа любви. «Ты пишешь,»—такъ говорилъ Андрей изъ

---

(1) Ad Scr. 8 Doct. I. 295, 6, l. 1—3.
(2) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 137—138.
(3) Historia Sanctissimi Martyris. Hist. et Mon. Hus, I, 4, 6.

Брода,»—что я по прежнему сообществу долженъ и отлученъ быть вмѣстѣ съ тобою. Правда, что я раздѣлялъ когда-то съ тобою трапезу, что мы въ дому Божіемъ ходили единомышленіемъ; но, съ тѣхъ поръ, какъ пало на тебя проклятіе церковное, мы уже не видались съ тобою. Ты пишешь, что желаешь вѣнца мученическаго. Какъ же хочешь быть мученикомъ, когда отвергаешь ту Церковь, которая служитъ истинѣ? Ты расписываешь стѣны библейскими текстами: лучше бы носилъ ихъ въ сердцѣ своемъ» ([1]). Еще оскорбительнѣе было посланіе Палеча, который обвинялъ его въ непомѣрной гордости, приписывалъ ему бѣдственное состояніе духовенства и смерть архіепископа Сбинка, низведеннаго въ могилу будто бы горестію объ его расколѣ. Такъ доживалъ онъ послѣдніе дни пребыванія въ Прагѣ,—когда разнесся по всей Европѣ слухъ о предстоящемъ Констанцкомъ Соборѣ.

---

(1) Coehlæi, Hist. Hussit. p. 66.

Е. Новиковъ.

О СЛАВЯНСКОЙ МИѲОЛОГІИ. (*)

(Письма К. Я. Ербена къ А. Ѳ. Гильфердингу.)

I.

.... « Я согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ о постепенномъ развитіи миѳологіи и богослужебнаго устройства у языческихъ Славянъ. Вы правы, отдѣляя въ этомъ отношеніи Славянъ Балтійскихъ отъ прочихъ Славянскихъ племенъ. Дѣло несомнѣнное, что всѣ Славяне въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ вышли изъ одного начала, именно, обожанія видимыхъ силъ природы и признанія единаго небеснаго

(*) Многимъ изъ читателей « Русской Бесѣды », безъ сомнѣнія, извѣстно имя г-на Ербена, одного изъ лучшихъ представителей Чешской словесности и науки. Дѣятельность г. Ербена весьма разнообразна, принадлежа новому умственному движенію, когда дѣла много, а людей мало. Онъ и поэтъ, и изслѣдователь народной старины, и трудолюбивый издатель историческихъ документовъ. Его стихотворенія суть украшеніе новой Чешской поэзіи; ему принадлежитъ лучшее собраніе народныхъ Чешскихъ пѣсенъ; его сводъ древнихъ грамотъ, относящихся къ исторіи Чехіи и Моравіи, первый томъ котораго недавно вышелъ, а второй не издается лишь по недостатку средствъ, есть трудъ превосходный; уже одинъ первый томъ составляетъ важное пріобрѣтеніе въ исторической наукѣ. Наконецъ, г. Ербену поручено отъ Чешской «Матицы» продолжать образцовое изданіе «Выбора изъ Старочешской словесности», начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ Шафарикомъ. Но среди такого множества и разнообразія занятій, любимымъ его предметомъ оставалась всегда народная поэзія, въ связи съ народными обычаями, повѣрьями, сказаніями. Эта любовь выказалась не только въ его сборникѣ Чешскихъ народныхъ пѣсенъ; она является въ оригинальныхъ его стихотвореніяхъ, гдѣ постоянно слышится отголосокъ сельскихъ пѣсенъ и преданій; занятіе, за которымъ онъ отдыхаетъ отъ тяжелой архивной работы, на него теперь возложенной, —

Бога (называемаго также Сварогомъ); но столь же вѣрно и то, что въ дальнѣйшемъ развитіи миѳологіи не всѣ онѣ слѣдовали одному пути и не всѣ ушли одинаково далеко. Это развитіе должно было зависѣть отъ обстоятельствъ, и въ особенности отъ того, съ какими народами соприкасалась та или другая Славянская вѣтвь. Вотъ на что было до сихъ поръ обращено слишкомъ мало вниманія, и вы хорошо сдѣлали, что подняли этотъ вопросъ. Славяне Балтійскіе олицетворяли въ богахъ силы природы; боговъ они изображали въ кумирахъ, кумирамъ воздвигали храмы, для присмотра за храмами и служенія богамъ назначали особыхъ жрецовъ, которые совершали богослуженія по извѣстному чину, съ извѣстными обрядами; наконецъ, на содержаніе жрецовъ и на богослуженіе опредѣлили доходы, частію постоянные, частію случайные, — и это іерархическое устройство усилилось съ теченіемъ времени до такой степени, что князь или воевода (rex) сдѣлался просто исполнителемъ жреческой воли. Жрецъ раздѣлялъ съ княземъ законодательную власть, возсѣдалъ съ нимъ въ судѣ, произносилъ приговоръ о мирѣ и войнѣ, и война велась для пользы жреца, для умноженія его доходовъ и сокровищъ.

До такой крайности богослужебное устройство не до-

есть сравнительное изученіе народныхъ сказокъ у всѣхъ Славянскихъ племенъ. Эта любовь обнаружилась и въ выборѣ статьи, которою онъ намѣренъ изъявить свое сочувствіе «Русской Бесѣдѣ»: это — описаніе свадебныхъ обычаевъ Чешскихъ поселянъ въ Домажлицкомъ краѣ, сопровождаемыхъ пѣснями, которыя нигдѣ еще не изданы и которыя г. Ербену недавно удалось собрать.

Г. Ербенъ на дняхъ порадовалъ меня письмомъ о миѳологіи Славянской, преимущественно Чешской. Спѣшу имъ подѣлиться. Вопросъ о древней Славянской миѳологіи такъ мало изслѣдованъ, что всякій новый голосъ въ немъ долженъ быть выслушанъ и можетъ быть полезенъ: тѣмъ болѣе голосъ такого человѣка, каковъ г. Ербенъ, спеціально изучившій въ Чешскомъ народѣ всѣ древнія преданія, всѣ слѣды до-Христіанскихъ суевѣрій. Не могу не признаться при томъ, что этотъ отзывъ г. Ербена я сообщаю съ нѣкоторымъ особеннымъ удовольствіемъ: ибо его письмо, возбужденное моимъ изложеніемъ миѳологіи Славянъ Балтійскихъ, подтверждаетъ мои мысли свидѣтельствами Чешской старины.

А. Г.

Сентябрь.
1856.

стигло нигдѣ у другихъ Славянскихъ племенъ. Племена эти не стояли на одинаковой степени въ отношеніи къ господству кумировъ и храмовъ въ ихъ языческой религіи. Вы показали изъ словъ Нестора, что лишь подъ вліяніемъ Варяговъ Русскіе Славяне пришли къ мысли изображать своихъ боговъ въ истуканахъ, и что первые истуканы поставлены были Владиміромъ, княземъ Кіевскимъ, на холмѣ, Перуну, Хорсу, Дажьбогу и др., и, подобнымъ образомъ, Добрынею въ Новѣгородѣ—Перуну надъ Волховомъ рѣкою. Однако, при этомъ же Владимірѣ уже являются на Руси храмы, вѣроятно, имъ же сооруженные, въ которыхъ онъ, по словамъ Саги объ Олавѣ Тригвесонѣ, самъ приносилъ жертвы. О другихъ храмахъ на Руси есть только намеки въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Еще менѣе находимъ указаній у Чешскихъ Славянъ. Есть только два мѣста въ достовѣрныхъ источникахъ, гдѣ упоминается о кумирахъ боговъ у языческихъ Чеховъ, именно: одно въ Краледворской рукописи, въ пѣсни «Зъ чрьна лѣса», гдѣ говорится: «камо отчи́къ да́ваше кърме бого́мъ, камо къ немъ гла́сатъ ходи́ваше, посѣкаху всѣ дрьва *и розгрущиху вѣсь богы* (гдѣ батюшка давалъ кормъ, т. е., жертвы, богамъ, куда онъ хаживалъ къ нимъ на возглашеніе, тамъ порубили всѣ деревья *и разрушили всѣхъ боговъ*)». Другой намекъ встрѣчаемъ мы въ лѣтописи Козьмы Пражскаго (pag. 10): по случаю разсказа о княжнѣ Тетѣ, онъ обращается къ своему времени (онъ умеръ въ 1125 г.) и говоритъ: «sicut hactenus multi villani velut pagani, hic latices seu ignes colit, iste lucos et arbores, aut lapides adorat, ille montibus sive collibus litat, alius, quæ ipse fecit, idola surda et muta rogat et orat, ut domum suam et se ipsum regant (какъ и доселѣ между многими изъ поселянъ, точно между язычниками, иной чтитъ источники или огни, иной обожаетъ лѣса и деревья, либо каменье, иной приноситъ жертвы горамъ или холмамъ, иной клапяется *идоламъ* глухимъ и нѣмымъ, *которые самъ себѣ сдѣлалъ*, моля, чтобы они правили домомъ его и имъ самимъ)». Но эти слова Козьмы относятся, очевидно, только къ домашнимъ, частнымъ божкамъ, которыхъ у насъ (1)

(1) Чеховъ.

называли Скритками и Шетками (skřitky, šetky; въ Словарѣ Вацерада — *скрѣтъ, шетекъ*), у Русскихъ домовыми и т. п., и которыхъ домохозяинъ олицетворялъ себѣ въ какихъ нибудь истуканчикахъ, воздавая имъ въ этомъ видѣ поклоненіе и принося жертвы. Равнымъ образомъ и другое, приведенное выше, мѣсто изъ Краледворской рукописи едва ли не касается тоже однихъ лишь домашнихъ боговъ, судя по слову *отчи́къ* (батюшка, т. е., глáва хозяйства), къ которому отнесена вся картина, заимствованная Забоемъ изъ домашней жизни; тутъ рѣчи нѣтъ, очевидно, о богахъ общественныхъ, народныхъ, какими были, на пр., Кіевскій Перунъ, Арконскій Святовитъ и др.; напротивъ, о домашнихъ истуканахъ упомянуто было уже въ началѣ этой пѣсни, тамъ, гдѣ сказано о Забоѣ: « быстро спѣхáше отъ мужа къ мужу,... крáткá слова ке всѣмъ скрыто рече, *поклони се бóгомъ,* отсудъ къ другу спѣхá » (быстро спѣшилъ отъ мужа къ мужу, каждому говорилъ втайнѣ краткія слова, кланялся богамъ (очевидно, домашнимъ истуканамъ того хозяина, *отчика,* у котораго побывалъ), оттуда спѣшилъ къ другому (хозяину).... Ни въ какомъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, отечественныхъ, или чужихъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы у Чеховъ и Моравaнъ были когда-либо общественные, чтимые всенародно, кумиры, или храмы боговъ языческихъ. Нужно при томъ взять во вниманіе, что Франки и Нѣмцы уже съ начала девятаго столѣтія, когда язычество находилось у Чеховъ и Моравaнъ въ полной силѣ, стали къ нимъ неоднократно вторгаться, и что борьба ихъ съ этими Славянами, равно какъ съ Балтійскими, имѣла, кромѣ государственной, также и вѣроисповѣдную цѣль, истребленіе у нихъ язычества; и, не смотря на это, въ ихъ лѣтописяхъ мы не находимъ нигдѣ извѣстія, чтобы они встрѣтили, или разрушили въ Чешской и Моравской землѣ какой либо языческій храмъ, какой либо идолъ. Мы можемъ, стало быть, заключить, что кумировъ и храмовъ у Чеховъ и Моравaнъ не было: иначе панегиристы Карла Великаго и его преемниковъ, а также послѣдующихъ королей Нѣмецкихъ, конечно, не упустили бы случая, для прославленія своихъ героевъ, сохранить потомству во

всевозможной подробности такіе подвиги Христіанской ревности. Объяснительныя слова въ Вацерадовомъ Словарѣ, такъ же какъ названія нѣсколькихъ горъ и городовъ (на пр., Радгошть, Велишь, Перунова скáла и др.) и иные остатки старины свидѣтельствуютъ, правда, что большая часть общихъ Славянскихъ божествъ была извѣстна и чтима и у насъ, Чеховъ и Морававъ, по крайней мѣрѣ, по имени; но язычество не достигло здѣсь той степени развитія, на которой могло образоваться общенародное поклоненіе богамъ въ видѣ кумировъ и въ храмахъ.

Какъ на Руси, такъ и здѣсь, въ Чехіи и Моравіи, нѣтъ никакого слѣда особаго сословія, назначеннаго для богослуженія, для исполненія языческихъ обрядовъ, нѣтъ никакого упоминовенія о жрецахъ. Въ пѣсни объ Неклапѣ Войміръ самъ, на вершинѣ скалы, зажигаетъ жертву «богóмъ, свымъ спасáмъ», самъ жертвуетъ имъ «кравицу буйну», и раздаетъ ея тучныя ребра и бедра паѣздникамъ; подобнымъ образомъ, въ пѣсни «Зъ чрьна лѣса» хозяинъ (*отчикъ*) самъ давалъ въ сумерки «кормъ» богамъ, самъ ходилъ въ лѣсъ возглашать имъ любимыя слова. А въ концѣ этой пѣсни, послѣ побѣды, Забой зоветъ Славоя, не жреца, а такого же витязя, какъ онъ самъ, итти съ нимъ «тамо къ врьху датъ покърмъ (пищу) боговóмъ (богамъ), и тамо богóмъ спасáмъ датъ множстве обѣти (множество жертвъ)» и т. д. Не забудьте, что пѣснь эта принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, половинѣ IX вѣка, когда язычество уже вело у Чеховъ отчаянную, предсмертную, борьбу за свое существованіе: потому не льзя предполагать, чтобы въ послѣдствіи еще, при самомъ паденіи язычества, Чехи принялись строить храмы и учреждать жреческое сословіе. И такъ, съ полною увѣренностью можно сказать, что Чешскіе Славяне никогда не имѣли жрецовъ, а тѣмъ менѣе такихъ, какіе образовались у Славянъ Балтійскихъ. Гдѣ не было общественныхъ кумировъ и храмовъ, тамъ не было никакой нужды въ жрецахъ. Въ этомъ-то именно я вижу одну изъ главныхъ причинъ, почему всѣ Славянскія племена, за исключеніемъ Балтійскихъ, вездѣ свободно и охотно принимали Христіанскую

Вѣру, какъ скоро проповѣдники ея приходили вѣстниками мира, а не съ оружіемъ въ рукѣ. Ибо не было никого, кто бы терялъ отъ принятія новой Вѣры, какъ теряли жрецы у Балтійскихъ Славянъ (а также у Пруссовъ и Литвы), которые лишались черезъ это своихъ доходовъ и богатствъ, своего значенія, словомъ, всего своего существованія, и потому употребляли всевозможныя средства, дабы отвратить отъ себя гибель, подстрекали народъ къ сопротивленію, къ кровавымъ и истребительнымъ войнамъ и, не щадя даже мирныхъ проповѣдниковъ Евангелія, убивали ихъ и приносили въ жертву своимъ богамъ, вѣрнѣе сказать, своимъ выгодамъ. Много значило и другое различіе: Христіанство принимаемо было гораздо охотнѣе въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ святыя заповѣди его преподавались на языкѣ народномъ, такъ какъ дѣлала это, къ чести своей, Восточная Церковь. Посмотрите, за что Чехъ Забой призываетъ народъ къ возстанію противъ «королевскихъ распространителей Христіанской Вѣры: «И пріиде цузи́ *усилно* въ дѣдину и *цузи́ми словы заповида*» (и пришелъ чужой насильно въ родное наслѣдіе и *чужими словами* приказываетъ), вотъ Тиртеева пѣснь Забоя. Если бъ эти провозвѣстники Евангелія пришли съ миромъ и говорили на языкѣ народа, «сердце къ сердцу», какъ поетъ Забой, не было бы этой борьбы, этого сопротивленія. За то ручается примѣръ апостоловъ Славянскихъ, Кирилла и Меѳодія, которымъ вездѣ отворены были земли и сердца народа Славянскаго. Около того же времени и, конечно, незадолго передъ тѣми битвами, съ которыми пѣсня соединила имя Забоя,—въ 844 году, въ Регенсбургѣ, добровольно просили крещенія четырнадцать Чешскихъ *воеводъ*, то есть, *отцовъ*, хозяевъ, съ своею челядью (такъ толкую я слова лѣтописи: «quatuordecim ex *ducibus* Boëmanorum», согласно съ извѣстнымъ отрывкомъ пѣсни о Сеймѣ: «*всакъ отъ* [т. е., отецъ] све́й челеди *воеводи*»): очевидно, что народъ не былъ враждебенъ Христіанской Вѣрѣ, а только тому способу, которымъ она ему предлагалась.

Иные предполагаютъ, что эти «двѣ вѣгласнѣ дѣвѣ, выученѣ вѣщба́мъ витсовы́мъ» (двѣ премудрыя дѣвы, вы-

ученныя «*вытязевымъ*» вѣщаніямъ), которыхъ изображаетъ древнѣйшая Чешская пѣснь о Любушиномъ судѣ, были жрицы, или какія нибудь другія служительницы языческихъ боговъ. Назначеніемъ жречества было, какъ показываетъ самое слово *жрецъ* (отъ *жрѣти, жертва, жаръ*), совершеніе языческихъ жертвоприношеній, соединенное съ прославленіемъ боговъ. А это у насъ исполнялъ *отецъ*, *воевода*, вообще глава семьи, или общества. Мы не знаемъ о другихъ, особыхъ служителяхъ боговъ у Чеховъ, такъ же какъ у прочихъ Славянъ, за исключеніемъ только Балтійскихъ. Слова «*вѣгласнѣ* дѣвѣ, выученѣ *вѣщбамъ*,» указываютъ не на жрицъ, а на прорицательницъ. Когда княжна Любуша, на всенародномъ сеймѣ въ Вышеградѣ, назначила судъ, то дѣвы эти стояли тутъ при ней со всѣми принадлежностями судебной должности; у одной были «*дескы* (доски) *правдодатнѣ*» (т. е., писанный законъ), другая держала «*мечъ кривды караюцй*,» напротивъ ихъ былъ «*пламенъ правдозвѣстенъ*» (возвѣщающій правду), а подъ ними «*сватоцудна вода*» (святочистительная вода): огонь и вода—средства, которыми въ нужныхъ случаяхъ, когда не было иныхъ достаточныхъ свидѣтельствъ, изобличался виновный (*Судъ Божій*, какъ его называли въ послѣдствіи). На жертвоприношеніе, или приготовленія къ нему, ничто не намекаетъ. Дѣвы тутъ—простыя служительницы суда, *судныя дѣвы* (суднѣ дѣвѣ), какъ пѣснь ихъ дѣйствительно называетъ; онѣ тутъ для того, чтобы своею вѣщею мудростью извлечь, въ случаѣ нужды, изъ огня и воды обличеніе виновнаго, дабы, согласно съ этимъ, княжна, съ своими *лехами* и *владыками*, произнесла приговоръ «*по закону вѣкожизныхъ боговъ.*» Но какъ въ настоящемъ случаѣ, гдѣ два брата спорили объ отцовскомъ наслѣдствѣ, не было нужды прибѣгать къ такому средству для узнанія правды, то *дѣвы судныя* тотчасъ собрали голоса *въ святой сосудъ* и дали лехамъ ихъ провозгласить. Во всемъ этомъ ничто не указываетъ на существованіе жреческаго сословія у Чеховъ, и высказанное въ вашей Исторіи Балтійскихъ Славянъ мнѣніе о неодинаковомъ развитіи миѳологіи у этого Славянскаго племени съ одной стороны, и у всѣхъ прочихъ

Славянъ съ другой, вполнѣ подтверждается относительно Чеховъ.

Объ отдѣльныхъ божествахъ, которыя вы разсматриваете и объясняете въ вашей исторіи, поговоримъ въ другомъ письмѣ. Скажу пока только, что я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ о Сварожичѣ и его тождествѣ съ Святовитомъ-Солнцемъ, но расхожусь съ вами относительно Триглава. Мнѣ кажется, что *simulacrum Saturni* у лѣтописца Видукинда означаетъ Триглава, и что *Ситиврать* (никакъ не *Сытиврать*) у Вацерада, можетъ быть, есть подлинное имя этого Сатурна-Триглава. Но объ этомъ до другаго раза (1).

---

(1) Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько строкъ изъ другаго письма г. Ербена. Онѣ касаются открытаго недавно Глагольскаго отрывка, о которомъ уже была рѣчь въ Русской Бесѣдѣ. Вотъ что пишетъ г. Ербенъ: «Я прочелъ извѣстіе, которое г. Ганка сообщилъ вамъ, и которое вы помѣстили въ первой книжкѣ «Русской Бесѣды», о Глагольскомъ отрывкѣ, найденномъ въ Поличанахъ г. Яномъ Арнольдомъ, бывшимъ приходскимъ священникомъ въ Милетинѣ. Г. Ганка писалъ вамъ, что я, вмѣстѣ съ г. Шумавскимъ, намѣрены издать этотъ отрывокъ, находящійся теперь у меня. Тутъ есть недоразумѣніе. Отрывокъ такъ малъ (онъ заключаетъ въ себѣ всего 19 стиховъ изъ IV книги Притчъ Сираховыхъ), что не нужно для него двоихъ издателей. Я передалъ его г. Шумавскому, съ предложеніемъ напечатать отрывокъ; если бъ онъ не имѣлъ къ тому случая, то я хотѣлъ сдѣлать это самъ. Наконецъ, рѣшено было, что я помѣщу находку г. Арнольда во второмъ томѣ «Выбора изъ Старо-Чешской словесности», редакцію котораго «Матица» мнѣ поручила. Письмо Глагольскаго отрывка угловатое, Хорватское, изъ чего видно, какой былъ источникъ рукописи, писанной, впрочемъ, на Чешскомъ языкѣ. Императоръ Карлъ IV, основавъ, въ 1348 году, монастырь Эммаусскій на *Новомъ мѣстѣ* Пражскомъ, пригласилъ туда Славянскихъ монаховъ изъ Хорватовъ, и они принесли съ собою въ Чехію Глагольское письмо. Отъ нихъ переняла его Чешская братья монастыря (они удерживали его до Гуситскихъ войнъ, и писали Чешскія книги Глагольскими буквами). Такъ и этотъ отрывокъ писанъ чистымъ Чешскимъ языкомъ, какой употреблялся въ XIV и XV вѣкѣ. Есть, однако, признаки, что рукопись, которой онъ принадлежалъ, списана была съ древнѣйшаго подлинника, какъ-то, *снабдѣте* (стран. 1, строка 3, invigilate), *пони ажъ* (4, 7), вмѣсто Чешск. *покуджъ*, или *донежъ*), *дня* или *днѣ* (4, 14), вм. Чешск. *дне* и др.....

II.

Въ предыдущемъ письмѣ своемъ я сказалъ вамъ, что почитаю Триглава за существо отдѣльное отъ Святовита, и что нахожу въ Ситивратѣ, о которомъ упоминаетъ Вацерадъ въ своемъ словарѣ, настоящее имя Славянскаго бога, именуемаго въ Латинской лѣтописи Сатурномъ. Изложу вамъ теперь обстоятельства, на которыхъ основываю свое мнѣніе.

При темнотѣ и сомнительности извѣстій о миѳологіи древнихъ Славянъ, а часто при совершенномъ ихъ недостаткѣ, не только полезно, но и необходимо, обратиться къ свидѣтельству народныхъ преданій и повѣрій, руководствуясь ими, разумѣется, съ должною осторожностью и разборчивостью. Позвольте мнѣ сначала привести вамъ вкратцѣ всѣ извѣстія историческихъ источниковъ о Триглавѣ, и потомъ уже обратиться къ тѣмъ слѣдамъ, которые, какъ мнѣ кажется, это божество оставило въ народной памяти.

Замѣчательнѣйшее и важнѣйшее свидѣтельство находится въ житіи св. Оттона Бамбергскаго, и относится къ поклоненію Триглаву въ Щетинѣ (Stetin). Въ этомъ городѣ было три холма; средній и самый высокій былъ посвященъ верховному богу языческому, *Триглаву;* онъ изображенъ былъ трехглавымъ истуканомъ, у котораго очи и уста завязаны были золотою повязкою (cidari). Жрецы языческіе говорили, что ихъ верховный богъ для того имѣетъ три головы, дабы знали, что онъ печется о трехъ царствахъ, небесномъ, земномъ и преисподнемъ; что онъ потому имѣетъ на очахъ и на устахъ повязку, что не хочетъ знать о грѣхахъ человѣческихъ, притворяется, какъ бы ихъ не видѣлъ и молчитъ объ нихъ. Это толкованіе трехъ головъ кажется вѣрнымъ и основательнымъ; но толкованіе повязки пустое и придуманное жрецами для ихъ собственной выгоды. По другому извѣстію (1), въ Щетинѣ находились

---

(1) Sefrid, 105.

четыре *контины* или храмы, и въ одной изъ этихъ континъ, самой лучшей, изукрашенной рѣзьбою и разноцвѣтною живописью всѣмъ на удивленіе, стоялъ истуканъ Триглава, у котораго, говорятъ, головы были посеребрены ([1]). Изъ сравненія этого извѣстія съ предыдущимъ оказывается, что храмъ этотъ находился на среднемъ, самомъ высокомъ изъ холмовъ Щетинскихъ, о которомъ говоритъ житіе Оттона. Здѣсь также, при этомъ храмѣ, содержался конь Триглавовъ, огромный и необыкновенно тучный, вороной и, какъ читаемъ въ древнемъ сказаніи, весьма ретивый. Его не заставляли работать, и никто на него не садился, ибо онъ посвященъ божеству; одинъ изъ четырехъ жрецовъ, приставленныхъ при тѣхъ храмахъ, долженъ былъ тщательно ходить за нимъ. Его сѣдло, богато украшенное золотомъ и серебромъ, висѣло въ храмѣ Триглава. Когда хотѣли итти въ поле противъ непріятеля, или отправлялись на грабежъ, то посредствомъ коня гадали объ успѣхѣ предпріятія. Именно, жрецъ, которому конь былъ порученъ, водилъ его по три раза черезъ девять положенныхъ по землѣ копій взадъ и впередъ, и смотрѣлъ, заденетъ ли онъ копья ногами, или нѣтъ: удача предвѣщалась тогда, когда копья оставались нетронутыми ([2]).

Гораздо скуднѣе извѣстія о Триглавѣ Волынскомъ. Въ Волынѣ (Wollin) идолъ его былъ золотой и имѣлъ также храмъ и жрецовъ. Когда явился здѣсь св. Оттонъ, разрушая идоловъ и храмы языческіе, жрецы взяли тихонько золотой кумиръ Триглава, котораго особенно чтили, и отправили его вонъ изъ страны, къ какой-то вдовѣ, которая жила близъ одной маленькой деревеньки. Она же, окутавши его покрываломъ, спрятала въ пустое дупло толстаго пня, и такъ его законопатила, что едва осталось маленькое отверстіе, чрезъ которое можно было просунуть приносимую жертву ([3]). Въ храмѣ же св. Оттонъ замѣтилъ придѣланное къ стѣнѣ сѣдло Триглава, которое было уже

---

(1) S. Cruc. II, 12.
(2) Sefr., 107.—S. Cruc. II, 11.
(3) Ebbo, 55.

очень старо и готово было разрушиться ([1]). Изъ этого видно, что въ числѣ принадлежностей Триглава Волинскаго былъ также и конь, хотя объ этомъ и нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. И какъ Щетинъ имѣлъ свои три освященные холма, въ знакъ мѣстопребыванія здѣсь Триглава, такъ точно и Волинъ, бывшій, по свидѣтельству Адама Бременскаго ([2]), общирнѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ въ цѣлой Европѣ, имѣлъ у себя три предмета, по которымъ можно судить, что здѣсь избралъ себѣ мѣстопребываніе Триглавъ, богъ неба, земли и преисподней. Именно, здѣсь представлялось море (Neptunus) въ трехъ видахъ, такъ какъ островъ былъ окруженъ имъ съ трехъ сторонъ: съ одной стороны оно было, говорятъ, темно-зеленаго цвѣта, съ другой — бѣловатаго, а съ третьей — чернѣло, безпрестанно волнуемое страшными бурями. Ясно само собою, что этотъ тройкій цвѣтъ—зеленый, бѣлый и черный, или цвѣтъ бурь, есть цвѣтъ неба, земли и преисподней,— три области Триглава. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что поклоненіе Триглаву Волинскому имѣло тотъ же смыслъ, на который указывали жрецы Щетинскіе.

У Славянъ Балтійскихъ было еще больше кумировъ Триглава. Объ этомъ говоритъ Гельмольдъ ([3]), и есть ясное свидѣтельство, что эти Славяне и въ другихъ мѣстахъ, когда имъ запрещено было поклоненіе Триглаву, скрывали его кумиры въ пещерахъ и дуплахъ, а потомъ опять вынимали ихъ, возвращаясь къ своему богослуженію. Но прямыхъ указаній на эти мѣстности мы не имѣемъ. Только названіе деревеньки — Триглавъ, близь Грейфенберга, въ Поморьѣ, кажется, указываетъ, что и здѣсь тоже воздавали поклоненіе богу Триглаву.

Славяне Бранниборскіе тоже почитали Триглаваго бога въ главномъ городѣ земли своей, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись Пулкавы ([4]), подъ 1156 годомъ. И еще въ на-

(1) Ebbo, 57.
(2) Ad. Br., II, 15.
(3) Helm., I, 83.
(4) Dobn., Mon. hist, Boh. III, 167.

чалѣ XVI в., въ этой землѣ, равно какъ и въ сосѣдней сторонѣ—Мишенской (Meissen), указывали въ различныхъ мѣстахъ каменные истуканы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, правда, одну голову, но съ тремя лицами. Такой же истуканъ стоялъ, говорятъ, на мосту въ Гримѣ, Мишенскомъ городѣ: у него было три лица подъ одной шапкой (1). Эта разница отъ трехъ главъ совершенно ничего не значитъ; мы знаемъ, что и Святовитъ также былъ изображаемъ то съ четырьмя головами, то съ одной, на которой было четыре лица (2).

Имя горы Триглавъ въ Крайнѣ (Terglou) и названіе существовавшаго когда-то въ Славоніи города Троеглава—тоже напоминаютъ бога Триглава. Объ этомъ городѣ говоритъ, не сообщая уже ничего объ его основаніи, одна повѣсть, имѣющая отношеніе къ самому имени его: въ ней разсказывается, что здѣсь жили три брата, различныхъ свойствъ, находившіеся не въ ладахъ между собою, и отъ того погибшіе въ бою противъ Турокъ (3). Важнѣе этого преданія одна Сербская пѣсня о Балачкѣ, трехглавомъ воеводѣ «Ледяна города Латинскаго» (у Ледяну, граду Латинскоме); этотъ воевода убитъ Милошемъ Войновичемъ, въ то время, какъ подстерегалъ дочь короля и ея двухъ служанокъ (4). Ледянъ или Леданъ, ледяной городъ, напоминаетъ Чешско-Словенское сказаніе о стеклянной, т. е., ледяной горѣ (sklenĕném, to jest, ledovém vrchu), или подземной области, гдѣ трехглавый драконъ держитъ въ плѣну одну, или и трехъ королевенъ, которыхъ, однако, освобождаетъ богатырь, убивающій дракона. Въ одномъ Чешскомъ сказаніи, вмѣсто трехглаваго дракона, является колдунъ, живущій въ желѣзномъ замкѣ, съ тремя желѣзными обручами на тѣлѣ; онъ скрываетъ королевну въ трехъ стихіяхъ—въ воздухѣ, землѣ и водѣ. Милый же ея королевичъ, съ помощію троихъ слугъ своихъ—подвластныхъ ему стихій, выводитъ королевну изъ всѣхъ трехъ стихій, каждый

(1) Albin, Meissen. Chronik, 297.
(2) См. Шеппинга статью о Святовитѣ.
(3) Neven, 1856, 179.
(4) Вукъ, II, 152.

разъ разрывая на колдунѣ одинъ обручъ, и это равняется тому, какъ бы онъ срубилъ одну голову у триглаваго дракона, потому что при третьемъ обручѣ колдунъ погибаетъ (1). Въ одной старинной пѣснѣ, съ острововъ Фаросскихъ, въ сущности такого же содержанія, какъ и эта Чешская пѣсня, вмѣсто колдуна является исполинъ (obr), а вмѣсто королевича съ его тремя слугами—три бога Германскихъ: Одинъ, Гёниръ и Локи. Одинъ скрываетъ мальчика (который здѣсь поставленъ вмѣсто дѣвицы въ Чешскомъ сказаніи) на полѣ, т. е., на землѣ, Гёниръ—въ воздухѣ, а Локи на днѣ морскомъ, каждый именно въ той стихіи, которая ему подвластна (2). Въ другой сказкѣ Чешско-Словенской (3) три дѣвицы выданы замужъ за орла (воздухъ), за медвѣдя (земля) и за кита (вода); главнымъ же ихъ непріятелемъ является желѣзный быкъ, котораго долженъ убить юноша, при чемъ три названные звѣря, подвластные (zakleni) королевичу, помогаютъ ему. А еще въ иной сказкѣ непріятелемъ является *водяной* (Vodnik), а юноша, желающій достать себѣ въ супружество свою милую, долженъ совершить три тяжкія дѣла: одно на землѣ—деревянной сѣкирой вырубить лѣсъ, другое на водѣ—бездоннымъ сосудомъ вычерпать озеро, а третье—на воздухѣ построить замокъ. Всѣ эти, и еще многія другія, сказанія и повѣсти народныя суть только варіаціи на одну и туже тему. Этотъ непріятель,—драконъ, желѣзный быкъ, колдунъ, исполинъ (obr), водяной, и т. д. есть—лютые морозы, или, по мѣстному положенію, такое дождливое время зимнее, находясь въ которомъ природа, эта дѣвица, стѣснена, угнетена и погружена какъ будто въ смертельный сонъ. А такъ какъ жизнь природы, какъ и трехъ дѣвицъ въ сказаніяхъ, совершается въ трехъ стихіяхъ, въ воздухѣ (на небѣ), на землѣ и въ водѣ (въ преисподней), поэтому и зимнее время въ своемъ олицетвореніи является, какъ три врага, три дракона и т. д. Но

(1) Perly české, 320.
(2) Simrok., Myth. 127.
(3) См. Rimavsky, I, 53. Нѣсколько варіантовъ Чешскихъ и также Валаш. Schott 321 и сл.

для означенія единства вещи представляется одинъ трехглавый драконъ, трехглавый Балачекъ, колдунъ съ тремя обручами и пр.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ древній обычай, который почти до конца прошлаго столѣтія сохранялся въ Тиролѣ, странѣ, нѣкогда Славянской (называвшейся Wintschgau или Windisch-gau) и въ его окрестностяхъ. Въ четвергъ, предъ концемъ мясоѣда, тамошнія деревенскія дѣвушки ходили въ лѣсъ смотрѣть дикихъ людей (divých mužů), т. е., мужчинъ, чудовищно наряженныхъ, которыхъ всегда бывало три—одинъ старый и два молодыхъ. Нашедши онѣ, ихъ связывали красными лентами и приводили съ собой въ деревню. Первоначальный смыслъ этой игры былъ тотъ, что зима уже побѣждена и не имѣетъ силы; точно такъ, какъ до сихъ поръ у Чеховъ, на «*Смертной*» (Smrtná) недѣлѣ (3-я передъ Пасхой) дѣти выносятъ изъ деревни *смерть*, т. е., тоже зиму, и погружаютъ ее въ воду, какъ бы хоронятъ ее тамъ, потому что вода, и у Славянъ и у другихъ народовъ, относится къ области смерти или преисподней. И какъ въ этой игрѣ зима олицетворяется въ трехъ дикихъ людяхъ, такъ въ Тиролѣ теперь еще существуетъ старинная картина, на которой дикій человѣкъ (divý muž), чисто по Славянскому понятію, представленъ съ тремя головами (1).

Этотъ-то князь смерти и мрака, врагъ природы, настоящій, дѣйствительный Чернобогъ находитъ себѣ противника и борца, а природа своего отмстителя и освободителя въ молодомъ, ясномъ королевичѣ, въ Солнцѣ-Бѣлбогѣ, который, со времени своего новаго нарожденья, т. е., поворота (солоноворотъ), воюетъ съ этимъ непріятелемъ и наконецъ побѣждаетъ его. А такъ какъ этотъ злой богъ, эта «змѣя лютая» (ljutá saň), которую, по древнѣйшей Чешской пѣснѣ, уничтожилъ Трутъ (Trut pogubi), является въ трехъ стихіяхъ природы, то и противникъ его, добрый богъ, является часто въ трехъ лицахъ. Противъ триглаваго Чернобога стоитъ триглавый Бѣлбогъ, это *пресвѣтлое солнце*, къ

(1) Mannhardt, Zeitschrift für deutsche Mythol. 1856, 200.

которому обращается Ярославна въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Онъ же есть и Триглавъ Балтійскихъ Славянъ, высшій языческій богъ ихъ, добраго свойства, который, какъ боецъ, конечно, имѣлъ также своего коня, подобно Святовиту Орекундскому (Арконскому); только его конь былъ черный, въ знакъ того, что его дѣло совершается зимою, въ желѣзномъ или ледяномъ городѣ, въ подземной области, въ водной стихіи, и т. д. Триглавъ добрый былъ, конечно, такимъ же *вѣщимъ* богомъ, какъ и Святовитъ Орекундскій, и въ самомъ дѣлѣ, къ нему именно должны относиться предсказанія и гаданія, донынѣ совершающіяся послѣ солноворота, въ Рождественскіе (Uánoce) святки. Въ это время природа, исторгнутая изъ власти Чернобога и пробужденная къ жизни, скрываетъ уже въ себѣ зародыши всяческихъ плодовъ и даровъ, всяческихъ событій на цѣлый слѣдующій годъ. Тутъ уже напередъ рѣшено, что̀ должно случиться въ наступающемъ году, и каждому заранѣе опредѣлено, что̀ его ожидаетъ. Человѣкъ, не въ состояніи будучи терпѣливо дожидаться, что̀ ему принесетъ этотъ годъ, хотѣлъ еще заранѣе узнать свою участь, и употреблялъ для этого различные способы, особенно же такіе, которые какъ нибудь касались Трибога, такъ, какъ бы это божество тѣшилось ими и ихъ одобряло. Самый распространенный и, конечно, самый древній изъ подобныхъ способовъ состоитъ въ употребленіи числа *три*, какъ особенно принадлежащаго этому богу, не только въ гаданіяхъ и суевѣрныхъ обрядахъ, но и вообще въ жизни, и это не у однихъ Славянъ, а и у всѣхъ прочихъ народовъ Индо-европейскихъ. « Ternarium numerum perfectum summo deo assignant, » пишетъ Сервій въ IV в. по Р. Х., а у Прокла, въ V в., это число называется « *τρίας δημιουργική*, » троица творящая или зиждительная; причина этого ясна изъ предъидущаго. «Do třetice všeho dobrého» (до трехъ разъ всего хорошаго), говорятъ Чехи, и Сербы: Без трете ніе срете (безъ трехъ нѣтъ счастья) (1). Замѣчательно, что способъ гаданья, употреблявшійся у Балтійскихъ Славянъ, до сихъ поръ еще не

(1) (У Русскихъ: Безъ троицы домъ не строится.)

исчезъ между Славянами. До сихъ поръ еще молодежъ у Чеховъ, какъ нѣкогда Руянскіе Славяне, бросаютъ на землю, въ видѣ жеребья, три расколотыя полѣна: если они всѣ упадутъ къ верху расколотымъ (т. е. бѣлой стороной),— это значитъ счастье, если же корою (черной стороной), это знакъ несчастья. Еще до сихъ поръ Русскія дѣвушки гадаютъ конемъ, какъ жрецъ Щетинскій и Орекундскій; онѣ водятъ коня черезъ оглобли телѣги: если онъ задѣнетъ за оглоблю, то у дѣвушки будетъ злой суженый, а если нѣтъ, то мужъ ея будетъ добрый и тихій (1).

Сравнивая Щетинскаго Триглава съ Орекундскимъ Святовитомъ, мы найдемъ въ нихъ очень много родственнаго, потому что въ основаніи того и другаго одно существо — солнце. Но если обратимъ вниманіе на ихъ свойства, выражающіяся въ числѣ главъ, то найдемъ и существенную разницу. Триглавъ, владѣющій воздухомъ, землей и водой, представляется богомъ пространства; напротивъ Святовитъ своими четырьмя главами указываетъ намъ, что онъ—повелитель, не столько четырехъ странъ свѣта, сколько четырехъ частей года, т. е., вообще—богъ времени. Что четыре головы Святовита означаютъ времена года, это мы узнаёмъ изъ другаго изображенія Святовита, въ которомъ значеніе его выражено не четырмя головами, но четырмя различными цвѣтами. Именно, Массуди, въ своихъ путешествіяхъ по Славянскимъ землямъ, видѣлъ гдѣ-то при морѣ, въ нагорномъ храмѣ, кумиръ этого бога, котораго члены были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней четырехъ родовъ, изъ зеленаго хризолита, изъ краснаго рубина, желтаго карнеола и бѣлаго кристалла, голова же была изъ краснаго золота (2). Эти цвѣта суть тѣже самые и даже идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ цвѣта четырехъ временъ года: зеленый означаетъ весну, красный—лѣто, желтый—осень, бѣлый—зиму, а золотая голова надъ ними—солнце, производящее всѣ годовыя перемѣны (3).

---

(1) Сахар., Сказ. I, 2, 67.
(2) Mas. 320—321.
(3) См. Časopis českého Museja, 1840, стр. 170.

Изъ многихъ Славянскихъ сказаній о Триглавѣ — зломъ богѣ, и о побѣдѣ надъ нимъ, обращаетъ на себя вниманіе извѣстная Сербская повѣсть о королевичѣ Троянѣ, который не могъ снести солнечнаго свѣта; когда однажды, противъ воли, онъ слишкомъ замѣшкался на своей ночной прогулкѣ, то, не будучи въ состояніи укрыться отъ лучей солнечныхъ, растаялъ (1). Уже самое имя Троянъ (тройной, трое-личный) заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что и Триглавъ; къ этому присоединимъ еще то, что въ немъ олицетворено зимнее время, мракъ, ледъ и снѣгъ, которые таютъ и исчезаютъ, какъ скоро упадутъ на нихъ лучи солнца. Замѣчательно, что въ этой повѣсти первая половина естественнаго явленія облечена въ сказочную одежду, а вторая осталась во всей простотѣ своей, безъ всякой прикрасы. Имя Троянъ до сихъ поръ часто встрѣчается и у другихъ Славянскихъ народовъ, и не льзя думать, чтобы оно взято было отъ Римскаго императора Траяна. Трояномъ назывался сынъ Велислава, каштелянъ Вышеградскій, въ 1144 г.; кромѣ того у Чеховъ есть города Троянь и Трояновъ, происходящія отъ того же имени; а какъ прозванье, мы находимъ имя это отъ XVI ст. до сихъ поръ. Конечно, Чехи, во времена язычества, должны были знать Триглава, потому что они имѣли много сношеній съ Балтійскими Славянами. Это видно уже и изъ того, что Чешская княжна, Драгомира, язычница, мать Св. Вячеслава, была родомъ изъ Стодоръ (ze Stodor). Еще въ концѣ XVI ст. у Чеховъ было присловье, которое можетъ указывать на Триглава. Томашъ изъ Щитнаго приводитъ, въ одномъ своемъ сочиненіи, 1399 г., что мужья говорятъ о немилой женѣ: « Zdá mi se, by tři hlávy na sobě měla » (кажется, у ней три головы на плечахъ). Изображеніе Триглава, языческаго бога, должно было, конечно, во времена Христіанства, подвергнуться поруганію, и, такимъ образомъ, перешло въ брань на нелюбимаго человѣка.

Выше упомянуто было о солноворотѣ (solstitium): Рус-

(1) См. Вуковъ «Рѣчникъ», подъ словомъ «Троянъ».

скіе, по старому календарю, считаютъ его въ день Св. Спиридона, 12 Дек. (что, по новому счисленію, будетъ 24). Чехи, когда у нихъ было старое счисленіе, полагали его 13 Декабря, на день Св. Луціи, откуда еще сохранилась пословица: «Svatá Lucie noci upije» (Св. Луція ночи убавитъ). Русскіе крестьяне говорятъ, что съ этого дня солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ. Вмѣстѣ съ ясными днями, которые наступаютъ послѣ солноворота, жестокость зимы съ этого времени еще усиливается, и отсюда пошло сказаніе, что солнце борется съ зимою, Бѣлбогъ—съ Чернобогомъ.

Русскому простонародному слову—«солноворотъ» я приравниваю по смыслу старо-Чешское имя—Ситивратъ, которымъ Вацерадъ переводитъ Латинскаго Сатурна. Я полагаю, что первую половину этого слова не нужно писать *сыт* (syt), какъ будто бы это былъ переводъ Латинскаго satur; напротивъ, оно одного происхожденія съ Цсл. и Срб. *сияти*, Рус. *сіять*, Млрус. *сяяти*, Слв. *sjati (sijem)*, sěvati, Чеш. *svĕtiti, svítiti* (lucere, splendere), *svítati* (lucere), гдѣ звукъ *v* вставленъ, какъ въ Болгар. *секавица* и *светкавица* (fulgur), Серб. *синути* (splendere) и *свануmи* (lucescere), Рус. *сверкать* (coruscere). Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня и названіе мѣсяца *Просинецъ*, въ Чешскомъ, Малорусскомъ и старо-Сербскомъ *(Просинацъ)* Декабрь, а у другихъ Славянъ Январь, который, происходя отъ того же слова (какъ уже было доказано въ другомъ мѣстѣ ([1])), значитъ *свѣтлый* мѣсяцъ, очевидно, потому, что въ него приходится этотъ *сити*-или *свитивратъ*, т. е., поворотъ свѣтила. По этой же причинѣ и Рождественскія святки, начинающіяся послѣ солноворота, называются у Чеховъ *свѣтлыми* святками. Корень *сит=свит* находится также въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ именахъ у Чеховъ, какъ *Ситова* въ Быджовскомъ округѣ, *Ситове* въ Болеславскомъ (Bunzlau), *Ситимиръ*, городъ, когда-то существовавшій въ Куржимскомъ округѣ (Kaurimer), *Ситно*—деревня въ Пльзенскомъ (Pilzen), и гора въ землѣ Словаковъ (na Slowensku); въ Полабьи—прежде

(1) Časop. česk. Mus., 1849, стр. 157.

бывшая область—*Ситна* (Ziethen), въ Сербіи—рѣка *Ситница*. и др. Самое имя Ситивратъ находимъ въ одномъ актѣ Фульдскаго монастыря, 874 г. (1), въ мѣстномъ названіи *Zitemorotenstenni*, т. е., *Sitivratenstein* (*m* вмѣсто *v*, какъ въ Чешскомъ: *na mzdory* вм. *na vzdory*, *namladiti*, *namnaditi*, вм. *navnaditi*, Серб. *раман* вм. *раван*, ровный, Лат. promulgare вм. provulgare, и т. п.). Имѣнія Фульдскаго монастыря лежали, какъ извѣстно, большею частію, въ земляхъ, бывшихъ нѣкогда Славянскими, и весьма часто имѣли Славянскія названія. Но уже въ IX—X в. находимъ въ разныхъ памятникахъ эти имена весьма испорченными, передѣланными и частію сложенными съ Нѣмецкими словами, какъ, на пр., *Bramfirst*, *Bramuirst* вм. *Перуновъ лѣсъ*, *Cotemutzeldorf*, *деревня Хотемышль*, *Garzenwald*, *лѣсъ Горица*, *Knecedowe*, *Chenezegewe*, *Кнежицвесь*, *Rodegastes*, *Радгошть*, *Trutberg*, *Трутова гора*, *Zuegastesruith*, *Svegostova Kopanina*, и мн. др. Точно такъ и *Zitemorotenstenni* могло быть вмѣсто *Ситивратовъ камень*. Подобнымъ образомъ въ Русскихъ лѣтописяхъ находимъ *Корочуновъ* камень — камень бога Крачуна, *Волосовъ камень*—камень бога Велеса; въ рукописи Краледворской также говорится о скалѣ, посвященной богамъ, на вершинѣ которой Воймиръ принесъ жертву. По этому справедливо, кажется, можно заключить, что *Sitivratenstein* назывался камень, посвященный богу Ситиврату, солнювороту. Такимъ образомъ, кажется, можетъ быть разрѣшено сомнѣніе въ дѣйствительности этого имени, неудачно будто бы составленнаго Вацерадомъ для перевода Латинскаго Saturnus (satur-turnus). Я, конечно, не думаю, чтобы можно было безъ разбору принимать за правду все, что̀ ни говоритъ Вацерадъ (хотя до сихъ поръ ни объ одномъ словѣ его еще не доказано, чтобы оно было подложное); но, я думаю, всякій поводъ къ сомнѣнію въ справедливости его словъ уничтожается самъ собою, когда и въ другихъ указаніяхъ мы замѣчаемъ слѣды того же, что̀ находится въ его запискахъ. Въ XII в. должно было оставаться извѣстнымъ Вацераду, касательно древняго язы-

(1) Dronka, Codex dipl. Fuld. 1, pag. 274.

чества, еще многое такое, о чемъ позднѣйшіе писатели уже ничего не знаютъ. И это даже удивительно, что, будучи монахомъ, онъ такъ тщательно отмѣчалъ многіе предметы, которые Козьма и другіе современные лѣтописцы и легендисты презирали и даже преслѣдовали. Какъ жаль, что онъ не записалъ еще больше!

Надъ текстомъ: «Picus, Saturni filius,» Вацерадъ написалъ слова: *«ztracec, sitiuratovv zin»*, *Стракопутъ*, сорока, *Ситивратовъ сынъ*. На первый взглядъ эти слова кажутся простымъ переводомъ съ Латинскаго; такъ ихъ и принимали. По древне-Итальянскому сказанію Picus былъ лѣсной, вѣщій богъ, сынъ Сатурна и отецъ Фавновъ, котораго, говорятъ, Цирцея, за презрѣніе имъ ея любви, превратила въ птицу, названную по немъ picus, сорока (*stracec* или *strakoput*) (1). По этому-то, говорятъ, сорока у древне-Итальянскихъ народовъ считалась вѣщею птицей. Едва ли ктонибудь повѣритъ, чтобы это сказаніе, будучи перенесено на птицу, дало ей такое имя и прорицательное значеніе; напротивъ, вѣроятнѣе, что эта птица какимъ-нибудь образомъ дала поводъ къ составленію сказанія. Будемъ ли добиваться причины, почему именно эта, а не другая, птица названа сыномъ Сатурновымъ? Въ памятникахъ Итальянскихъ напрасно станемъ искать отвѣта; отвѣтъ этотъ находится въ народныхъ преданіяхъ Славянскихъ. Въ собраніи погадокъ (pohadek) или, какъ нынѣ называютъ, загадокъ (hadanek), изданныхъ въ Литомышлѣ, 1626 г., находимъ (т. 1) слѣдующую загадку:

Stoji v rose jako panna,
Bily jako snih,
Zeleny jako dětel,
Černy jako uhel.

(Стоитъ въ росѣ, какъ дѣвица, бѣла какъ снѣгъ, зелена какъ дятлина, черна какъ уголь).

---

(1) Stračec происходитъ правильно отъ мужск. *strak*, рядомъ съ жен. *straka*, какъ отъ *vlk—vlcec*, отъ *smyk—smycec*, отъ *srn* (srna)—*srnec*, и др. Теперь въ муж. употребляется только сложное *strakoput* (искаженное *strakopoun*), т. е, *пестрая* птица. Однако Поляки доселѣ сохранили у себя простое *srokosz*, т. е., *strakoš*.

Разгадка отвѣчаетъ, что это—Стракопутъ, онъ купается въ росѣ и имѣетъ эти цвѣта.

Эту загадку Русскіе загадываютъ о сорокѣ слѣд. образомъ:

Бѣла какъ снѣгъ,
Зелена какъ лугъ,
Черна какъ жукъ,
Поетъ какъ быкъ,
Повертка въ лѣсъ.

Она же сохранилась невполнѣ— въ Червонной Руси:

Чорне якъ крукъ,
Бѣле якъ снѣгъ,
Просте якъ стрила,
Крыве якъ коса.

Существенные признаки, согласно указываемые въ этой птицѣ древними народными преданіями и загадками Славянскими, суть ея цвѣта: бѣлый, зеленый и черный. Это тѣже самые цвѣта, которые, какъ особенная замѣчательность, были указываемы Адаму Бременскому на островѣ, окружавшемъ Волинъ, и по значенію которыхъ,—какъ выше сказано,—тамъ было мѣстопребываніе Триглава. Такъ какъ Триглавъ, богъ неба, земли и преисподней, или воздуха, земли и воды, означался тѣми же цвѣтами, которые носитъ и Стракопутъ, то, по этому самому, Славяне-язычники могли почитать эту птицу, какъ явленіе или воплощеніе ихъ высшаго бога. По этому Стракопутъ былъ у нихъ вѣщей птицей, какъ и самъ Триглавъ, и такъ осталось у нихъ въ народныхъ повѣрьяхъ до сихъ поръ. «Straka štěbetá, prijdou hosti» (сорока щебечетъ, придутъ гости), говоритъ Чехъ; тоже въ Галицкой Руси: «Сорока скрегоче, гости будуть; а у Хорватъ:» «Sraka gosti navešča» (сорока гостей предвѣщаетъ.) Когда князь Ростиславъ утонулъ въ Днѣпрѣ, тогда цвѣты отъ жалости завяли, и дерево отъ скорби наклонилось къ землѣ и «не сорокы втроскоташа», не возвѣстили прихода его. И такъ какъ время борьбы солнца съ морозомъ, этотъ Триглавъ-Бѣлбогъ, какъ сказано выше, является послѣ солноворота, какъ будто бы онъ отъ солноворота родился, то Ситивратъ—солноворотъ, по

праву может в сказаніях Славянских называться отцем Триглава-Бѣлбога, а слѣд. и сорока, как воплощенный Триглав,—есть сын Ситивратов.

Таким образом причина, почему в древне-Итальянском сказаніи *picus* называется сыном Сатурновым, заключается в том, что он носит на себѣ цвѣта трех сыновей Сатурновых, которые, как и Славянскій Триглав, владѣли тремя областями—небом, землей и преисподней. Виргилій, переводя сказаніе о сорокѣ, упоминает и о ея цвѣтах, но только вообще (1). Овидій же в своем описаніи имѣл в виду совершенно другой род сорок, с перьями тоже трех цвѣтов, но—краснаго, желтаго и рыжаго,—из чего ясно видно, что истинное основаніе сказанія было ему не извѣстно (2). А этим доказывается, что сродство сороки с Ситивратом не заимствовано Славянами от Итальянцев. Впрочем, сорока и у Нѣмцев имѣет отношеніе к высшим божествам Нѣмецкой миѳологіи, Геату и Водену, как Беовульф, и нѣт надобности думать, говорит Я. Гримм, чтобы это преданіе взято было от Римлян; при этом он не колеблется представить итог своих изслѣдованій, по которым это сказаніе о Сатурнѣ и о божьей птицѣ, сорокѣ, шло, как указывают ясные слѣды, от Славян к Саксам и Англичанам, но не коснулось Норманнов (3).

При этом удобном случаѣ, может быть, не излишне будет бросить взгляд и на Латинскаго Сатурна, по имени котораго Италія называлась когда-то Сатурніей, потому что в доисторическія времена он там, говорят, царствовал, т. е., там господствовало почитаніе его. Цицерон производит имя его от *satur*, сытый,—«quod saturetur annis» (4). Другіе, принимая за основаніе слово *satus* (от sero, сѣять), считали и считают его за бога посѣвов,

(1) Fecit avem Circe, sparsitque coloribus pennas (Aen. VII, 191).
(2) Purpureum chlamydis pennae traxere colorem;
Fibula quod fuerat vestemque momorderat aurum,
Pluma fit, et fulvo cervix praecingitur auro.
(Ov., Met. XIV, 393).
(3) Grimm, Myth. 342.
(4) Cicer., De nat. deor. II.

утверждая, что по этому-то онъ и изображался съ серпомъ въ рукѣ. Но при этомъ, кажется, позабыли, или, по крайней мѣрѣ, оставили безъ должнаго вниманія то обстоятельство, что въ satur и въ satus—*a*—краткое (ă), тогда какъ въ Saturnus—*a* всегда долгое ([1]) (ā). Что же касается собственно слова *satus*, то оно оказывается совершенно неудобнымъ для объясненія Сатурна, потому что священный праздникъ Сатурновъ, Сатурналіи, приходится именно въ то время, когда не только въ Италіи, но и нигдѣ не бываетъ посѣва, т. е., въ началѣ зимы, 17 Декабря. Притомъ же и самое время посѣва, по существу самаго дѣла, бываетъ для земледѣльца временемъ не радости, а скорѣе заботы, страха и надежды, потому что онъ не знаетъ еще, что принесутъ ему его труды и издержки. Радость является уже потомъ, когда все счастливо улажено, при торжествѣ жатвы. Не сложено ли слово Сатурнъ, не говорю изъ Славянскаго, но изъ древняго общаго слова, въ Латинскомъ, можетъ быть, уже позабытаго,—sat (Слав. сьят, свят) и hornus? Вѣдь и въ древне-Египетскомъ языкѣ слово sate значило свѣтить, Слав. сіяти; слово же *hornus*, происходя отъ hora—пора, время (vinum hornum, horna messis,—вино съ того времени, т. е., съ того года),—въ подобномъ соединеніи находится съ словами dies и nox—въ diurnus и nocturnus. По этому объясненію слово Saturnus означало бы время годоваго просвѣтленія, т. е., солнцеворота,—и древне-Италійскій богъ, называемый этимъ именемъ, былъ бы одно и тоже существо съ Славянскимъ Свтивратомъ. Такимъ образомъ весьма просто объяснилось бы и то, почему годовой праздникъ его приходился во время зимы, и почему онъ ознаменовывался всеобщею радостью. Что же касается серпа въ рукѣ его,—и онъ объясняется очень легко, какъ знакъ лѣтняго времени, которое Сатурнъ ведетъ за собою.

Въ одномъ Саксонскомъ памятникѣ XI вѣка находится мѣстное названіе Saeteresbyrig (Saturnsburg). Это названіе приводитъ на мысль Гримму городъ Гартесборхъ, который

---

(3) Ср. Virg. Ecl. IV, 6. Ov. Met 1, 113. Hor. 1, od. 2, 50. и др.

въ восточной Саксоніи основанъ былъ тоже въ честь бога Сатурна. Въ простомъ народѣ этотъ Саксонскій Сатурнъ назывался, говорятъ, *Кродо*, а упомянутая лѣтопись, изображая его особу, описываетъ его, какъ мужа, подпоясаннаго льнянымъ поясомъ, который босыми ногами стоитъ на огромной рыбѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ кругъ (kolo), а въ правой сосудъ, наполненный цвѣтами. Императоръ Карлъ Великій разрушилъ, говорятъ, этотъ кумиръ, въ 780 г., сказавши, что это Krodendüwel (Kröten-Teufel, по другому свидѣтельству — « dey grote Düwel, » = жаба-чортъ) ; но народъ, говорятъ, послѣ того опять обратился къ Сатурну, и только уже въ 1150 г. совершенно его оставилъ ([1]). Объ этомъ свидѣтельствѣ Саксонскаго лѣтописца судили различнымъ образомъ, начиная съ XV ст. Нѣкоторые безъ всякаго сомнѣнія приняли его за правду, основываясь на томъ, что слово *Krodo* и до сихъ поръ у Саксонцевъ и, сосѣднихъ имъ, Дуринковъ (Thuringen) считается самымъ позорнымъ прозвищемъ, въ память этого языческаго бога. Другіе совершенно отвергаютъ это свидѣтельство , какъ чистую выдумку, и доказываютъ свое мнѣніе тѣмъ, что есть лѣтописцы и біографы Карла, которые ничего не знаютъ объ этомъ обстоятельствѣ. Третьи догадываются, что названіе и кумиръ могли, дѣйствительно, существовать у Славянъ, но только въ позднѣйшія времена, — а лѣтописецъ несправедливо перенесъ ихъ въ эпоху Карла Великаго. Къ послѣднему мнѣнію склоняется и Яковъ Гриммъ. Но достойно ли вѣры это свидѣтельство, или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ остается то обстоятельство , что лѣтописецъ имя *Кродо* объясняетъ Сатурномъ. Рядомъ съ этимъ имѣемъ мы свидѣтельство Вацерада, который имя Krt объясняетъ какъ имя дѣда Радегостова, а Радегостомъ называетъ Меркурія, внука Сатурнова, слѣдов., и онъ признаетъ Крта за Сатурна. Имена Кродо и Крътъ признаны уже и другими за одно и тоже, и нѣтъ ничего, что бы могло служить противъ этого основательнымъ опроверженіемъ. Вмѣстѣ съ понятіемъ Саксы могли принять отъ Славянъ и самое имя,

(1) Bothes, Sachsenchronik, Leibn. III, 286.—Grimm, Myth. 227.

которое потомъ передѣлали, сообразно съ требованіями своего языка. Имя *Krt,* издавна, въ доисторическую эпоху, было любимымъ именемъ личнымъ у Чеховъ, на Моравѣ, а, можетъ быть, и въ другихъ земляхъ Славянскихъ. Надо прежде всего разсмотрѣть, какой смыслъ заключается въ словѣ *Krt,* и, кажется, что онъ довольно близко сходится съ понятіемъ, олицетворяемымъ въ Ситивратѣ. Сдѣлаемъ аналогію. Слово mrъt (мрътъ), mrъtev, smъrt', приводитъ къ mrěti, нынѣ mříti; Цсл. прътъ (pannus), въ Чеш. o-prat', къ Цсл. прѣти (contendere), Чеш. příti; тръть, въ Рус. трутъ, Чеш. troud,—къ třeti, tříti; връть,—vrat, vřeteno,—къ Цсл. врѣти, Чеш. ode-vříti, za-vříti; зрътъ въ словѣ zretel, къ zrěti, zříti.... Точно такимъ же образомъ крътъ можетъ быть объяснено словомъ крѣти, Чеш. kříti, o-křáti, o-křivati (refici), а съ обычнымъ прибавленіемъ свистящей s — Цсл. крѣсити, Чеш. křisiti (excitare, reficere), Старо-Чеш. и Краин. krěs (ignis, ignis festivus), krěsati (ignem elicere), krěsadlo (ignitabulum), Чеш. křisati se, vykřisati se (convalescere, refici); Срав. Санскр. kri (facere), Литов. kùrti, Лат. creare,—также Чешское имя Krъchleby, т. е., мѣсто, гдѣ хлѣбъ дѣлаютъ, и др. По этому слово *Krt,* какъ имя народнаго языческаго бога, значитъ вообще производителя (konatele), а въ тѣснѣйшемъ смыслѣ—*живителя* (křisitele), виновника свѣта и жизни; а это именно есть свойство Ситивратово, какъ указываетъ объясненный уже смыслъ его имени. Личное имя Krt до сихъ поръ проявляется у Чеховъ въ именахъ мѣстныхъ: Krtov, Krteň, Krtenov, Krtěvice и др. Штельцаръ Желетавскій въ сочиненіи своемъ «О сотвореніи міра» (1591 г.), возставая противъ нѣкоторыхъ священниковъ своего времени, которые, при исполненіи обрядовъ богослуженія, поблажали языческимъ обычаямъ, ясно свидѣтельствуетъ, что священникъ, когда крестилъ дѣтей (если это было на праздникъ трехъ царей (6 Янв.), какъ называется иначе Крещеніе Господне) давалъ мальчику имя *Křtěn*. Это Křtěn, очевидно, передѣлано изъ собственнаго имени Krten, т. е., Krtny,—и оно еще сохранилось въ настоящей своей формѣ—въ мѣстномъ названіи Krteň. Причина же, по чему оно при-

ложено къ празднику Крещенія Господня, которое приходится во время зимняго солноворота, заключается не столько въ случайномъ сходствѣ словъ *Krten* и *Krsten* (Křten), (хотя и это сходство участвовало, конечно, въ перенесеніи этого имени во времена Христіанскія), сколько по тому, что слово *krt* пришлось теперь въ пору по самому первоначальному своему значенію. День предъ Крещеніемъ Госноднимъ (5 Янв.) называется на Руси — Крещенскій вечеръ, и въ Тульской губерніи существуетъ повѣрье, что съ этого дня появляется огненный змѣй и навѣщаетъ красныхъ дѣвушекъ. Смыслъ этой аллегоріи, кажется, довольно ясенъ: огненный змѣй, появляющійся въ это время, есть солнечный свѣтъ (Ситивратъ, Кръть), а красная дѣвица, которую онъ навѣщаетъ каждый годъ, — есть вся Господня земля. У Славянъ, особенно Западныхъ, и у другихъ сосѣднихъ народовъ, распространено повѣрье объ удивительномъ существѣ домашнемъ, которое также, въ родѣ огненнаго змѣя, прилетаетъ черезъ трубу и приноситъ своему хозяину всякаго хлѣба и другихъ плодовъ земныхъ, а иногда и разныя сокровища. Чехи называютъ его Křet, Skřet, Škřet, Křitek, Skřitek (а черезъ перестановку — Křistek, Chřistek) и Škřitek; по Польски онъ называется Skrzot, Skrzitek, по Словенски—Škrat, Skratic; Латыш. Krat; древне-Нѣм. Scrat, Schrat, Schraz, Schrättel (pilosus, satyrus); древне-Норм. Skratti (gigas, malus genius), и т. д. Krat и kret (kret) представляютъ, конечно, только расширенную форму слова krt, происходя отъ krěti, такъ же, какъ отъ vrěti — vrt, vrat, vret-eno; а *s* - š есть просто усиливающая приставка которая часто встрѣчается и въ другихъ случаяхъ (1). Такимъ образомъ и этотъ огненный змѣй, какъ показываетъ и самое названіе, въ основаніи своемъ имѣетъ не что иное, какъ зимній солноворотъ, начало солнечной части года, которая заботливому

---

(1) На пр. křik, skřek, škřek, Нѣм. Schrei; křeček, skřeček, škřeček, Лат. mus cricetus; chřinë (отъ chraniti),—skřině, škřině, Нѣм. Shrein, Лат. scrinium; křipati, skřipati, škřipati, Лат. crepere, Нѣм. schrappen; křemen, skřemen, škřemen; křidlice, skřidlice, škřidlice; mury, smury, po-šmurný, Лат. maurus, и т. д.

хозяину приноситъ урожай плодовъ земныхъ и вообще умноженіе имѣнья. Поэтому-то у Чеховъ называютъ его Plevník, Plívník, вмѣсто Plénik (какъ pustevník въ pústeník), а у Лужичанъ Ploñ, od plény, pliny, Слвцк. и Срб. плѣнъ, plěn, т. е., обильный, богатый, Польск. Płon, — обиліе, къ чему подходитъ по сродству Литовскій Pilvit, Старо-Прус. Pelvit и Нѣм. Pilwitz, Bilewit и др. Однако же, Норманны этого имени не знаютъ (1). Какъ подаятель урожая плодовъ, Krt или Křet былъ, конечно, главнымъ богомъ Славянскаго хозяйства. У Чеховъ его изображали маленькими статуйками, которыя, по своей небольшой величинѣ, и назывались уменьшительно «Křitky»; имъ воздавали поклоненіе, совѣтуясь съ ними въ важныхъ случаяхъ и прося, чтобы они благополучно сохранили и самихъ хозяевъ, и все хозяйство ихъ (2). Отъ хозяйственныхъ занятій Крѣта происходитъ, конечно, названіе его — Чеш. hospodaříček, Рус. хозяинъ, Нѣм. Hûsing, и др.; а отъ свойства названныхъ мною изображеній его, которыя были длиною въ палецъ или въ пядь, — такъ какъ и до сихъ поръ сохранились подобныя бронзовыя статуйки, — даны ему прозванія Чеш. Pídimužíček или Paleček, Луж. Palčik, Лит. Pirsztas, Старо-Прус. Parstuk, Нѣм. Däumling (Рус. мальчикъ съ пальчикъ). Выраженіе: «pravý Skřítek, или Pídimužíček — вошло въ поговорку. Названіе же его Zmok, Zmak, Zmek, Цсл. Смокъ (вм. взъ-мокъ), происходя отъ *mok*, по пословицѣ: « Zmek močidla nezůstane ani žaba », — объясняется тѣмъ, что солноворотъ приноситъ съ собою таяніе снѣга и льда. А такъ какъ эта влага служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причиною урожая земнаго, то и Смокъ, поэтому, въ народныхъ повѣрьяхъ, облекается въ подобіе мокраго цыпленка, и умножаетъ имѣнье хозяина, — его хлѣбъ, масло, молоко, деньги, и пр., такъ же, какъ огненный змѣй, о которомъ было говорено выше. И дѣйствительно, въ самыхъ народныхъ повѣрьяхъ одно часто за-

(1) Grimm, Myth. 441. На стр. 443 Гриммъ говоритъ объ этомъ: Die Ueberlieferung haftet vornehmlich im südlichen Deutschland, in Baiern, Franken, Vogtland, Schlesien,—все это земли, въ которыхъ нѣкогда обитали Славяне.
(2) Cosmas, Script. rer. Bohem. I, 10.

мѣняется другимъ: змѣй превращается въ цыпленка, а изъ цыпленка дѣлается змѣй. Наконецъ, это же баснословное существо называется у Чеховъ Šetek или Šotek, Raráš, или вообще — Duch domovni, у Лужич. Kubolčik, у Русскихъ Дѣдушка Домовой, Сусѣдко, у Поляк. Iskrzicki, у Болгаръ Таласамъ и пр. Является онъ также въ различныхъ образахъ, то въ видѣ обыкновеннаго человѣка, то въ видѣ четырехлѣтняго, болѣе или менѣе уродливаго, дитяти, то принимаетъ даже видъ обезьяны; часто его можно замѣтить только по тѣни, а иногда онъ и совершенно неприметенъ. Столь же различны и самыя его свойства: вообще онъ добраго характера, но иногда бываетъ болѣе или менѣе мраченъ, мстителенъ, золъ, и даже является съ дьявольскими свойствами, какъ это видно изъ множества повѣрій и преданій, распространенныхъ у Славянъ. Я пропускаю ихъ теперь по тому, что они ничего не могутъ прибавить для объясненія имени Кръта.

Существовала нѣкогда и другая, еще болѣе расширенная, форма слова Krt, именно *Krat*, которая безъ приставки сохранилась, сколько мнѣ извѣстно, только у сосѣднихъ и сродныхъ съ нами Латышей. Какъ имя личное, эта форма была у Славянъ въ такомъ же употребленіи, какъ и слово Krt. Всякое сомнѣніе объ этомъ уничтожается существующими донынѣ мѣстными названіями, — у Чеховъ *Kratice*, *Kratošice*, *Kratusin*, и у Сербовъ—Кратовъ, городъ при горахъ Кратовскихъ. Къ этой формѣ приравнивается Греч. *κρατερός* или *καρτερός* отъ *κράτος* или *κάρτος* мочь, сила, мужество, Гот. hardus, Древне-верхне-нѣм. — herti, hart, откуда, въ вышеупомянутой Саксонской хроникѣ—имя Hartesborg, которое само собою уже показываетъ, что это былъ городъ, Кръту-Сатурну посвященный. Въ этомъ значеніи, т. е., какъ сильный могучій богъ, побѣдитель зимняго мрака, Крътъ сходится съ Триглавомъ.

Въ Крайнѣ слѣды этого божества идутъ гораздо глубже въ древность, нежели какъ можно было бы ожидать, судя по историческимъ извѣстіямъ о первыхъ Славянскихъ обитателяхъ этой страны. У мѣстечка Krška (Kèrško, Gurkfeld), при рѣкѣ Савѣ, гдѣ находился нѣкогда большой городъ

Neviodunum, попадаются часто камни съ древними Латинскими надписями. Одинъ изъ этихъ камней имѣлъ такую надпись: « Invicto deo Charto Neviodum » (1). Сравнивая имя Chart съ приведенными выше Hart, Κάρτος, Krat, и принимая во вниманіе прилагательное *invictus*, непобѣдимый, можемъ придти къ мысли, что это камень бога Крьта, мощнаго побѣдителя надъ мракомъ зимы. Но я не хочу на этотъ разъ пускаться въ ненужныя для моего труда догадки о томъ, къ какому времени можетъ относиться эта надпись, и какимъ образомъ имя Славянскаго бога попало на Латинскій камень. Поэтому довольствуюсь только простымъ указаніемъ.

Теперь скажу еще нѣсколько словъ объ изображеніи Крьта, сохранившемся въ Саксонской хроникѣ. Разсматривая его, находимъ, что онъ во всѣхъ частяхъ—совершенно сообразенъ съ тѣмъ понятіемъ, которое, какъ выше было доказано, олицетворяется въ Крьтѣ. Рыба есть образъ воды, а вода—зимы. Богъ-воитель, попирающій зиму, приноситъ съ собою время солнечное и его плоды. Кругъ есть собственно образъ солнца, а можетъ означать также оборотъ времени, солноворотъ. Цвѣты въ рукѣ Крьта имѣютъ тотъ же смыслъ, какъ серпъ въ рукѣ Сатурна, также означая лѣтнее время, которое приходитъ за этимъ богомъ. Но посмотримъ еще, какъ самъ лѣтописецъ Саксонскій объясняетъ это изображеніе Крьта. Рыба эта, говоритъ онъ, была окунь, и истуканъ стоялъ на немъ босыми ногами, въ знакъ того, что Саксы скорѣе должны пройдти по ножамъ босыми ногами, нежели кому-нибудь отдаться въ рабство. Истуканъ былъ препоясанъ льнянымъ поясомъ, въ знакъ того, что Саксы имѣютъ себѣ защитника въ богѣ Сатурнѣ, и что они будутъ противиться своимъ врагамъ, какъ окунь щукѣ. Въ лѣвой рукѣ бога былъ кругъ, для показанія того, чтобы Саксы были совершенно единодушны; а въ правой сосудъ для воды, въ знакъ того, что этотъ богъ есть виновникъ зимы; а въ сосудѣ были розы, для означенія того, что онъ есть подаятель всякаго овоща,

(1) Ausland, 1854, S. 1006.

И Саксы молятся ему, чтобы морозъ не повредилъ ихъ овощей. Это послѣднее не противно нашему объясненію, потому что Крътомъ-Солноворотомъ, дѣйствительно, начинается зимняя часть года, и онъ же, однако, какъ богъ свѣта, приводящій за собою лѣто, былъ властелиномъ полевыхъ урожаевъ. Легко можетъ быть, и даже очень правдоподобно, и то, что его вообще чтили за тѣмъ, что онъ сохранялъ земные плоды отъ морозовъ,—какъ и у Чеховъ Křet былъ божествомъ, охраняющимъ хозяйство. Что же касается остальныхъ объясненій, въ которыхъ лѣтописецъ имѣетъ въ виду самый народъ Саксонскій, они рѣшительно не идутъ къ дѣлу и, очевидно, совершенно произвольно выдуманы лѣтописцемъ, не знавшимъ настоящей причины дѣла. Но, конечно, удивительно было бы, если бы Нѣмецкій лѣтописецъ для настоящаго имени бога Славянскаго придумалъ такое истинное описаніе, и потомъ самъ же не умѣлъ бы хорошенько растолковать его. Поэтому не безъ основанія можно полагать, что, кромѣ имени, ему долженствовало быть извѣстно какое-нибудь изображеніе этого бога, оставшееся отъ древнихъ временъ. А можетъ быть, въ то время существовало еще и устное преданіе, что это былъ богъ зимній и подаятель урожая земнаго; иначе едва ли бы лѣтописецъ могъ попасть такъ хорошо въ своемъ объясненіи. И если кумиры Триглава, какъ замѣчено выше, оставались даже до XVI столѣтія, то въ тѣхъ же самыхъ краяхъ могла остаться въ XV в. память объ изображеніяхъ Кръта.

Если же въ словѣ *Krt* смягчить первый звукъ *k*, при смягченіи обыкновенно переходящій въ č, то изъ *Krt* выдетъ *Črt* (Чрьтъ, Рус. Чертъ, Польск. *Czart*), изъ зиждителя Бѣлбога зиждитель Чернобогъ. Сущность слова и предмета осталась таже, но изъ существа положительнаго вышло существо отрицательное, такъ точно, какъ тьма есть отрицаніе свѣта, зима отрицаніе лѣта, и эти двѣ противоположности знаменуются словами *Кртъ* и *Чртъ*. Понятіе дѣятельности, заключающееся уже въ словѣ *Чртъ*, является и въ словахъ производныхъ — *чрьтать, чрьта, чрьтогъ* (домъ, т. е., зданіе, по словообразованію сходно съ *rar-oh* (коршунъ), *tvar-oh* (творогъ), *pir-og* (пи-

рогъ), *krt-og* и др.). О зиждительной силѣ Черта свидѣтельствуютъ многія народныя присловья и сказки. Такъ у Славянъ во многихъ мѣстахъ существуетъ повѣрье, будто Чертъ за одну ночь выстроилъ огромный мостъ, либо какое нибудь другое большое строеніе, но, услышавъ пѣніе пѣтуховъ, тотчасъ убѣжалъ, а мостъ въ слѣдъ за тѣмъ развалился. Ночь здѣсь значитъ зима; исполинскій мостъ — ледъ, покрывающій рѣки и озера, а пѣтухъ, возвѣститель деннаго свѣта, знаменуетъ собою день; но еще чаще и обыкновеннѣе подъ нимъ разумѣется вообще лѣтнее время, враждебное Черту-зимѣ. Отъ того-то пѣтухъ съ древнѣйшихъ временъ является неотъемлемою принадлежностью Св. Вита, праздникъ котораго приходится середи лѣта (15 Іюля); отъ того-то у Чеховъ, въ позднюю осень, на день Св. Галла (16 Окт.), зарѣзываютъ пѣтуха, — символическій, и теперь, конечно, уже безсознательный, знакъ того, что лѣто миновало.

Отрицательное свойство Черта и борьба его съ божествомъ свѣта, Крътомъ, нигдѣ не выражается съ такою очевидностью, какъ въ двухъ народныхъ сказкахъ, изъ коихъ одна Карпаторусская, а другая Сербская. Первая, разсказывая о сотвореніи міра, говоритъ, что въ началѣ было только небо да море; по морю плавалъ Богъ въ лодкѣ, и встрѣтилъ огромную и густую пѣну, въ которой находился Чертъ. «Кто ты?», спросилъ его Богъ.—«Возьми меня къ себѣ въ лодку, тогда скажу».—«Ну ступай!» сказалъ Богъ, и въ слѣдъ за тѣмъ послышался отвѣтъ: «Я Чертъ». Молча поплыли они далѣе. Чертъ началъ говорить: «Хорошо, какъ бы была твердая земля, и намъ было бы гдѣ отдохнуть».—«Будетъ!» отвѣчалъ Богъ, «опустись на дно морское, набери тамъ, во имя мое, горсть песку и принеси, я изъ него сдѣлаю землю.» Чертъ опустился и набралъ песку въ обѣ горсти, примолвивъ: «Беру тебя во имя мое!» Но когда онъ вышелъ на поверхность воды, въ горстяхъ не осталось ни зернышка. Онъ погрузился снова и набралъ песку въ горсти, сказавъ: «Беру тебя во имя его!», и когда возвратился, песку у него осталось только за ногтями. Богъ взялъ этотъ песокъ, посыпалъ по водѣ,

и изъ него сдѣлалась земля ни больше, ни меньше, какъ сколько нужно было, чтобъ имъ обоимъ улечься. Они легли рядомъ на землю, Богъ къ востоку, а Чертъ къ Западу. Когда Черту показалось, что Богъ уснулъ, онъ сталъ толкать его, чтобы онъ упалъ въ море и погибнулъ; но земля далеко расширилась къ востоку. Увидавъ это, дьяволъ началъ толкать Бога къ западу, а потомъ къ югу и къ сѣверу: во всѣ эти стороны, куда онъ толкалъ его, земля раздавалась широко и далеко. Потомъ Богъ всталъ и пошелъ на небо, а Чертъ по пятамъ за нимъ. Тутъ Богъ кивнулъ громовнику Ильѣ, и тотъ началъ гремѣть и блистать, и громомъ сразилъ Черта съ неба внизъ (1). Подъ Богомъ тутъ слѣдуетъ разумѣть солнце, которое съ начала, именно зимою, во время солноворота, являясь низко на небосклонѣ, такъ сказать, плаваетъ по снѣгу (въ сказкѣ по морю); и одинаково съ зимою (олицетворенною въ видѣ Черта) идетъ далѣе, возносится выше, разогрѣваетъ снѣга и выводитъ наружу, творитъ землю; а потомъ, достигнувъ извѣстной высоты, приводитъ время грозъ, окончательно уничжающее зиму.

Въ Сербской сказкѣ тоже самое выражается еще съ большею очевидностію. Чертъ укралъ съ неба солнце и убѣжалъ съ нимъ на землю; тамъ онъ воткнулъ его на копье и носилъ съ собою на плечахъ, т. е., зимою солнце такъ близко къ землѣ, что кажется, будто кто носитъ его на копьѣ. И послалъ Богъ Ангела своего на землю отнять солнце у Черта. Ангелъ присосѣдился къ Черту и всюду ходилъ съ нимъ; наконецъ, они пришли къ морю. Тутъ Чертъ бросилъ копье съ солнцемъ на берегу, и они пошли вмѣстѣ купаться. Во время купанья Ангелъ сказалъ: «Станемъ нырять, кто глубже». Чертъ отвѣчалъ: «Опустись ты»; Ангелъ опустился на самое дно, и, въ доказательство того, принесъ въ зубахъ морскаго песку. Пришла очередь нырять Черту, Но онъ боялся, чтобы тѣмъ временемъ Ангелъ не унесъ у него солнца; онъ плюнулъ на землю, и изъ слюны его сдѣлалась сорока, которой Чертъ прика-

(1) Wolf's, Zeitschrift, I, 178.

залъ стеречь солнце, покамѣстъ онъ не вернется. Когда Чертъ опустился въ море, Ангелъ сдѣлалъ рукою надъ моремъ крестное знаменіе, и море замерзло толщиною въ девять локтей. Потомъ онъ схватилъ солнце и убѣжалъ съ нимъ на небо, и въ это самое время начала кричать сорока. Чертъ, услышавъ крикъ сороки, спѣшилъ вернуться назадъ, но, видя, что ему не пробраться сквозь ледъ, снова пошелъ на дно морское, досталъ большой камень, пробилъ имъ ледъ и пустился догонять Ангела (¹). Эта сказка лишь въ томъ отступаетъ отъ естественнаго порядка, что въ ней Чертъ и солнце взаимно обмѣнялись свойствами; ибо въ природѣ зима (Чертъ) производитъ ледъ, а солнце, поднимаясь выше на небѣ, уничтожаетъ его своими лучами. Все же остальное, море и принесеніе со дна его песку имѣетъ тоже значеніе, какъ и въ предыдущей сказкѣ. Но замѣчательно въ этой сказкѣ происхожденіе сороки и ея назначеніе возвѣстить о восходѣ солнца на небо. Выше показано, что птица сорока своими цвѣтами знаменуетъ Триглава-солнце, какъ владыку природы въ ея совокупности (воздуха, земли и воды), и что по этому она справедливо слыветъ сыномъ Свтиврата или бога зимняго солноворота: тутъ встрѣчаемъ опять туже баснію, но уже съ большею опредѣленностью. Все событіе въ этой сказкѣ, похищеніе солнца съ неба Чертомъ и отнятіе его Ангеломъ, конечно, относится къ упомянутому времени года; а разсказъ о томъ, какъ Чертъ плюнулъ на землю, и изъ слюны его родилась сорока, означаетъ, безъ сомнѣнія, что зима, темная половина солоноворота, выпустила изъ себя назадъ солнце — Тресвѣтлаго владыку воздуха, земли и воды, Триглава. Съ этимъ разсказомъ о сотвореніи сороки изъ слюны Черта, по всему вѣроятію, находится въ связи господствующее между южными Чехами повѣріе, будто эта птица есть Чертъ, и отъ того никто не ѣстъ ея мяса; а изъ назначенія сороки—своимъ стрекотаніемъ возвѣстить восходъ солнца на небо, весьма удовлетворительно объясняется

---

(1) Вука, Сербске нар. приповіедке, стр. 114. Сличи. Черногорскую пѣсню: *Царъ Дукліянъ и Кретитель Іованъ.* Вука, Серб. нар. пѣсни, II, стр. 81.

присловіе, распространенное между всѣми Славянами и нами уже приведенное выше: «Сорока стрекочетъ, придутъ гости», т. е., солоноворотъ ужъ прошелъ, скоро наступитъ весна, желаннѣйшій гость послѣ зимы. Такимъ образомъ одно народное сказаніе подтверждается другимъ.

Посредствомъ той же аналогіи, которая раскрыла намъ значеніе слова *Кртъ*, объясняется еще и другое слово, не менѣе значительное какъ въ миѳологіи, такъ и въ исторіи Славянской. Мы говоримъ о словѣ *Кракъ* (*Крокъ*, *Крукъ*, *Кръкъ*). Отъ слова *drěti*, *dřiti* происходитъ *drak*, *dráč*, *draka*, *dráčka*; отъ *prěti*, *přiti—prak*, Серб. *пратя*, Цсл. *праща*; отъ *mrěti*, *mřiti — mrak*, Цслав. *мракъ*, Русск. *морокъ*; отъ *trěti*, *třiti — trak*, подпруга, Серб. тесьма, Русск. *торокà;* отъ *vrěti*, *vřiti,—vrak*, Рус. *враки*, *вракунъ*, болтунъ, откуда также Цсл. *врачь*, собственно человѣкъ, который лечитъ непонятными заговорами; отъ *zrěti*, *zřiti—zrak*, Цсл. *зракъ* (*взоръ*, по Сербски лучь солнца): подобно всему этому отъ слова *krěti* происходитъ *Krak*. Изъ сего можно заключить, что слово *Krak*, прямо происходя отъ одного и того же корня, какъ и слово *Krt*, заключаетъ въ себѣ и одинаковое съ нимъ понятіе дѣятельности и зиждительности.

У Козьмы Пражскаго, въ древнѣйшей баснословной исторіи Чешской, именемъ Крака или Крока называется человѣкъ сильный и велемудрый, справедливый судья и правитель народа. У него было три дочери-прорицательницы. Младшая изъ нихъ, прекрасная Любуша, принявши власть по смерти Крока, разсудила распрю двухъ братьевъ, спорившихъ объ отцовскомъ наслѣдствѣ: одного она признала виновнымъ, а другаго оправдала, а потомъ вышла за мужъ за земледѣльца Премысла. Этотъ Премыслъ также былъ мудрый и справедливый судья, ибо, какъ говорятъ, онъ сочинилъ и издалъ законы земли Чешской. Когда пришли къ нему Любушины посланцы, онъ пахалъ двумя волами новину въ 12 шаговъ ширины и длины; волы эти были въ половину бѣлой и въ половину черной шерсти. Онъ воткнулъ въ землю орѣховое орало, и изъ него выросли три вѣтки съ листьями и плодами; но потомъ двѣ тотчасъ

засохли и опали, а третья вѣтка осталась и разрослась еще лучше ([1]). Въ этомъ старинномъ сказаніи двукратно выражается одно и тоже понятіе, но въ различномъ соединеніи и отчасти символически. Судья Кракъ повторяется въ судьѣ Премыслѣ; но вмѣсто Крака туже должность исполняетъ дочь его Любуша; два тяжущихся на судѣ Любушиномъ брата, изъ коихъ одинъ выходитъ побѣдителемъ, а другой осуждается, соотвѣтствуютъ двумъ воламъ Премысловымъ, которые двухъ шерстей, бѣлой и черной; три Краковы дочери равняются тремъ вѣткамъ, выросшимъ изъ орала; и тамъ и тутъ двѣ первыхъ исчезаютъ, а третья остается.

Въ Польскихъ сказаніяхъ, у Кадлубка и Богухвала, Кракъ также былъ мудрымъ и справедливымъ судьею народа, также установилъ законы и права, также имѣлъ троихъ дѣтей, именно: двухъ сыновей и дочь, прекрасную Ванду. Сыновья убили лютаго змѣя, а потомъ младшій братъ, также по имени Кракъ, убилъ старшаго брата и завладѣлъ правленіемъ. По смерти его благополучно княжила въ Польшѣ дѣвственница Ванда. Одинъ чужеземный князь, котораго любовь была ею отвергнута, началъ воевать съ нею; но когда Ванда съ людьми своими выступила противъ него въ поле, онъ подчинился ей со всѣмъ своимъ владѣніемъ, сказавъ: «Пусть господствуетъ надъ воздухомъ, землею и водою (Wanda mari, Wanda terræ, Wanda aëri imperat), и потомъ самъ себя закололъ мечемъ. Въ благодарность за эту побѣду, Ванда посвятила себя богамъ и бросилась въ рѣку Вислу.

Послѣ нея, говорятъ, правилъ землею нѣкоторый воевода съ 12 владыками или судьями ([2]). Это Польское сказаніе представляетъ собою удивительную смѣсь нѣсколькихъ басенъ, которыя вообще повторяются и въ другихъ случаяхъ и отчасти въ народныхъ сказкахъ. Оно имѣетъ одинаковое происхожденіе и значеніе съ выше приведен-

(1) Cosmæ Prag. Chron., въ Script. rer. Boh. I, pag. 9—16.

(2) Kadlubek, Hist. Pol. 1. 1—10. — Boguphal, Chron, Pol., у Соммерсберга: Script. rer. Siles. II, 21.

нымъ двойнымъ сказаніемъ Чешскимъ, ибо въ немъ также, хотя и въ другой аллегорической формѣ, выражается тоже явленіе природы, именно зимній поворотъ солнца. По важности предмета считаемъ нужнымъ распредѣлить эти Чешско-Польскія басни на отдѣльныя части, по взаимному сродству ихъ, и показать ихъ внутренній смыслъ.

1) Поле въ 12 шаговъ, которое обработывалъ Премыслъ, и 12 владыкъ въ Польскомъ сказаніи, правившіе землею подъ властію одного воеводы, означаютъ 12 знаковъ небеснаго круга или, такъ называемый, Зодіакъ, соотвѣтственно которымъ и годъ раздѣляется на 12 мѣсяцевъ. Равнымъ образомъ и вышеупомянутый Нѣмецкій Воденъ, въ первоначальной области своей, на восточныхъ предѣлахъ рѣки Танаиса (Дона), въ, такъ называемомъ, Асгардѣ, имѣлъ при себѣ 12 діаровъ или владыкъ. Можетъ быть, дѣйствительно во времена до-историческія Польскою землею нѣкогда обладали 12 владыкъ или судей, въ соотвѣтстіе 12 знакамъ Зодіака; ибо извѣстно, что почти всѣ древніе народы учреждали свое внутреннее управленіе по образцу небесныхъ явленій. Древнѣйшіе Римскіе законы были написаны на 12 доскахъ; Греческія земли, Аттика, Дельфы, Іонія и др. дѣлились на 12 округовъ. Въ Египтѣ, въ древнѣйшія времена, какъ говорятъ, было такое же дѣленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ 12 царей. Финикійское побережье, отъ Газы до Библоса, имѣло 12 главныхъ мѣстъ, которыхъ имена явно соотвѣтствуютъ 12 знакамъ небеснаго круга. Сарацины и Набатеи, еще во времена Магометовы, дѣлились на 12 колѣнъ, и каждому колѣну присвоенъ былъ одинъ изъ знаковъ Зодіака. Сейки въ Индіи еще въ 1762 году раздѣлены были на 12 колѣнъ. Императоръ Китайскій Яо назначилъ въ своемъ царствѣ 12 верховныхъ правителей и т. д. Такъ точно было и у Славянъ; только на это явленіе до сихъ поръ еще мало обращали вниманіе. И у нихъ власть учреждалась соотвѣственно числу небесныхъ знаковъ. Такъ Густынская лѣтопись повѣствуетъ о кн. Русскомъ, Владимірѣ, подъ 990 годомъ, что онъ раздѣлилъ землю Русскую на 12 княжествъ по 12 сыновьямъ своимъ. У Чеховъ верховный земскій судъ издревле состоялъ изъ

12 кметовъ, и по исконному обычаю, какъ у Чеховъ, такъ и въ другихъ земляхъ, постановлено правиломъ, чтобы на совѣтѣ засѣдало 12 паповъ или совѣтниковъ. Даже и доселѣ, въ простомъ быту, не рѣдко встрѣчаемъ этотъ издревле любимый, или, какъ неправильно выражаются, баснословный счетъ. На примѣръ, простой Русскій народъ насчитываетъ 12 лихорадокъ, дѣвицъ простоволосыхъ, двѣнадцать скорбныхъ недуговъ и т. д. Южный Славянинъ поетъ, что церковь Раваницу строили 12 лѣтъ; что Вукъ Бранковичь, измѣнивъ царю Лазарю на Косовѣ, увелъ отъ него 12 тысячъ войска, и т. д. Въ Чешскихъ, Моравскихъ и другихъ сказкахъ говорится о 12 заклаженныхъ въ стѣны дѣвицахъ, о 12 великанахъ, о 12 коняхъ Яги-Бабы, о золотой уткѣ съ 12 утятами и т. д. Конечно, въ настоящее время, если кто и говоритъ о подобныхъ предметахъ, или поетъ о нихъ, то безсознательно, не имѣя понятія, откуда происходитъ и что̀ знаменуетъ собою это число 12; самые 12 знаковъ небеснаго круга нынѣ извѣстны болѣе по календарю; но въ древности, и еще не совсѣмъ далекой, Зодіакъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и простой народъ воздавалъ ему и его знакамъ особенное почтеніе и приписывалъ ему особенную силу. Еще лѣтописецъ Чешскій Козьма (†1125) не рѣдко обозначаетъ событія положеніемъ солнца въ извѣстномъ знакѣ Зодіака (1); а Ѳома Щитный, въ одномъ сочиненіи своемъ 1399 года, негодуетъ на тѣхъ, «которые держатся заблужденія языческихъ звѣздочетовъ, чтутъ мѣсяцъ, звѣзды, образъ видимаго неба или, такъ называемый, Зодіакъ, думая, что отъ нихъ зависитъ судьба человѣка, или чрезъ нихъ можно избавиться отъ болѣзни; они изображаютъ на золотѣ или на мѣди Льва, или Рака, или Тельца, или какой иной изъ 12 знаковъ Зодіака, носятъ эти изображенія на шеѣ, либо пьютъ съ нихъ» (2). Въ Россіи, по свидѣтельству Сахарова, въ

(1) Elevatus est autem (Vladislaus) in solium sole morante in nona parte Libræ (1109 г.).—Bohemi (de Misnia) reversi sunt ad propria, sole morante in XV Sagittarii parte (1123 г.).—Dux Borivoj nonis bis binis mense Plutonis.... ad Christum migrat (1124 г.).

(2) Рук. Муз. I. С. II. Кар. 224.

простомъ народѣ еще до сихъ поръ сохраняется нѣкоторое почтеніе къ планетамъ или къ зодіакальнымъ знакамъ, имѣющіимъ будто вліяніе на судьбу людскую (1). Такая вѣра Славянскаго народа не есть что либо недавнее или откуда нибудь заимствованное, какъ, можетъ быть, думаютъ многіе; она есть явленіе вполнѣ самобытное, народное и столь же древнее, какъ и сама религія языческихъ Славянъ; она есть почитаніе природы въ возвышеннѣйшемъ смыслѣ.

Изъ вышеприведенныхъ словъ Ѳомы Щитнаго видно, однако, что писатель этотъ, будучи образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, не зналъ настоящаго Чешскаго слова для выраженія понятія о греческомъ *Ζωδιακός*, поэтому онъ прибѣгъ къ описанію: «образъ видимаго неба, такъ называемый Зодіакъ.» Неизвѣстный Чешскій переводчикъ Хроники о Троянской войнѣ, 1411 года, такъ выразилъ смыслъ Греческаго слова: «кругъ звѣрный»; но монахъ Вацерадъ, въ началѣ XIII вѣка, употребляетъ еще настоящее и самобытное Чешское слово: «*Svor*». Это *svor* (*съворъ*) происходитъ отъ *se-vřiti*, Цсл *съ-врѣти*, *conclu-dere*, заключать (точно такъ же, какъ *spor*, *съноръ*, вмѣсто *взъ-поръ*, отъ *vz-přiti*; *ú-mor* отъ *u-mřiti* и т. д.); откуда и *svorný*, *concors*, согласный, Русск. *свора*, пара собакъ. *Svora*, по словарю Велешина, значитъ *crusta*, кора или щелуха; *svorka* или *svúrka*, по словарю Решеля, 16 вѣка— *millus*, собачій ошейникъ и т. д. Изъ сего видно, что слово *Svor*, Зодіакъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ круга небеснаго. Если мы прибавимъ къ этому слову образовательный слогъ *oh*, и въ тоже время въ корнѣ перемѣнимъ *o* на *a* (какъ въ словахъ *mor* — моръ и *zmar*—гибель; *tok* жидкость и *Zmak*, *Makoš*; *kroj* и *kraj* и т. д.), то получимъ имя, имѣющее великую важность въ Славянскомъ баснословіи—*Svaroh* (*Сварогъ*). Точно такъ отъ корня *tvor* происходитъ слово *tvaroh*, отъ *пиръ*—*пирогъ*, отъ вышеприведенныхъ корней *кръть* и *чрътъ*—Серб. *кртогъ*, соръ, и Русск. *чертогъ*—домъ; отъ корня *гъгъ* (*ръръ*), птичій крикъ — *raroh*, herodius, родъ ястреба; отъ корня *stъ* (*státi*)—*stoh*, *стогъ*; отъ *бъ* (by-ti, budu, Санскр. bhu) *Boh*,

(1) Сахарова, Сказанія Русск. народа, II, 9.

богъ, *τὸ ὂν κατ ἐξοχὴν* — бытіе по преимуществу, бытіе верховное. Именемъ *Сварогъ* языческіе Славяне означали бога небесъ, или точнѣе бога небеснаго круга, состоящаго изъ 12 знаковъ; а сыномъ этого бога, Сварожичемъ, называли солнце, которое совершаетъ въ небесномъ кругу обычный ходъ свой. «*Солнце царь сынъ Свароговъ*,» говоритъ древній Русскій лѣтописецъ (1). О Сварогѣ и о Сварожичѣ обстоятельно писали Шафарикъ (2) и Гильфердингъ (3); потому я отсылаю къ нимъ читателей; а отъ себя упомяну еще, что Чешскій Премыслъ, пашущій новину въ 12 шаговъ, есть не что иное, какъ Сварожичь—солнце, идущее на пути своемъ по 12 знакамъ небеснымъ. Тоже самое значеніе первоначально имѣетъ и Польскій воевода, окруженный 12 владыками.

2) Своръ или кругъ 12 небесныхъ знаковъ дѣлится на двѣ ровныя части или полукружія, а взаимною связью между ними служатъ зимнее и лѣтнее солнцестоянія (solstitium): одна половина круга, гдѣ солнце, вновь родившись, идетъ на высоту и побѣждаетъ своихъ противниковъ, тьму и смерть; а другая половина, гдѣ оно снова поникаетъ, склоняется къ своей смерти, уступая побѣду и владычество своему противнику, или, говоря проще: одна половина, когда дни прибываютъ, а ночи убываютъ, а другая, когда ночи прибываютъ, а дни убываютъ. Такимъ образомъ въ этомъ кругу господствуютъ вмѣстѣ двѣ силы, одна другой противныя, но всегда нераздѣльныя: свѣтъ и тьма, лѣто и зима, жизнь и смерть, Бѣлбогъ и Чернобогъ, Кртъ и Чртъ, добро и зло—безпрестанно слѣдуя одно за другимъ и попеременно побѣждая одно другаго. По человѣческой природѣ вообще свойственно прилѣпляться къ благодѣтелю своему и восхвалять его, а съ другой стороны ненавидѣть и клясть своего врага; отъ того именно большая часть памятниковъ языческаго баснословія относится преимущественно къ зимнему повороту солнца, какъ къ началу свѣтлой половины

(1) П. Собр. Рус. Лѣтоп. II, 5.
(2) Časopis Česk. Museja, 1844, стр. 483.
(3) Исторія Балт. Слав, Москва, 1855, I, стр. 222.

годоваго круга; эти памятники, въ разнообразныхъ басняхъ, восхваляютъ солнце, какъ побѣдителя злой силы, освобождающаго свѣтъ отъ погибели, творящаго и дарующаго жизнь, мстителя неправды и защитника правды, справедливаго судью и мудраго законодателя; ему приписывается введеніе земледѣлія, устроеніе человѣческихъ обществъ; оно называется первымъ государемъ, при которомъ процвѣталъ золотой вѣкъ. Напротивъ того, съ лѣтнимъ поворотомъ солнца соединяется мысль о гибели свѣта, о побѣдѣ тьмы, о насиліи, беззаконіи и т. д.

Точно такія же басни о зимнемъ поворотѣ солнца и о наступленіи царства солнца, встрѣчаемъ и у другихъ родственныхъ племенъ, но въ гораздо меньшемъ развитіи. Древне-Италійскій Сатурнъ, богъ свѣта, и въ тоже время гонитель тьмы, привелъ въ порядокъ Италійскій народъ, далъ ему законы и былъ его первымъ государемъ. « Saturnia regna » этимъ именемъ Италійцы называли золотой вѣкъ. Италійскому Сатурну соотвѣтствуетъ въ древне-Иранскомъ баснословіи *Има* « Собиратель », а въ Браминскомъ *Яма* « Укротитель »; значеніе ихъ обоихъ заключается въ Славянскомъ словѣ *Иматель*. По древнему преданію, Има также ввелъ земледѣліе, устроилъ бытъ людей и былъ первымъ государемъ. Въ Браминскомъ ученіи Яма является судьею и владыкою въ царствѣ смерти (т. е., въ царствѣ зимы), но въ тоже время онъ собиратель народа и царь; а братъ его, *Many*, по прозвищу *Сатьяврата*, Индійскій Девкаліонъ, слыветъ обновителемъ и устроителемъ людскаго быта, первымъ законодателемъ и праотцемъ царей Индійскихъ. Имя *Many* (Спскр. *man*, Литов. *manyti*, Чешск. *mniti*, *mysliti*, откуда и Спскр. *manas*, Лат. *mens* и т. д.), напоминаетъ Премысла, земледѣльца и законодателя, праотца князей и королей Чешскихъ; а *Сатьяврата*, не только по сродству именъ, но и по самому понятію, сближается съ Славянскимъ *Ситивратомъ*, оставшимся послѣ общаго потопа, т. е., послѣ царства зимы, обновителя жизни, установителя новой полевой работы. Тотъ же Many-Сатьяврата слыветъ наровнѣ съ Брамою творцемъ или *Сваямб'у*, своебытнымъ, прозваніе,

означающее, что онъ богъ первоначальный, какъ и Ситивратъ, что сходствуетъ съ Славянскимъ именемъ *Svojboh*,— собственное имя, не рѣдко встрѣчающееся въ древнѣйшихъ памятникакъ Западныхъ Славянъ. Отцемъ двухъ братьевъ Ямы и Ману, въ Браминской миѳологіи называется *Вивисватъ*, точно такъ, какъ отецъ Иранскаго Имы—*Виванг'ватъ* (Vivangĥvat) — тоже солнце, дѣйствіе котораго приписывается его сыновьямъ. Равнымъ образомъ Персидскій Ормуздъ, вѣчный свѣтъ, могучій побѣдитель всегдашняго противника своего, Аримана или тьмы, представляется также творцемъ міра и законодателемъ. Міръ же Ормуздовъ длится 12 тысячь лѣтъ, которыя раздѣлены на четыре эпохи,—въ чемъ не льзя не узнать 12 мѣсяцевъ года, раздѣленнаго на четыре части; а творецъ этого года — солнце Сварожичь.

Послѣ этихъ предварительныхъ словъ, обратимся теперь къ Чешско-Польской баснѣ и постараемся объяснить ее. Тѣ двѣ силы годоваго круга, одна другой противоположныя и въ тоже время неразлучныя, и въ весеннее время препирающіяся одна съ другою, явно олицетворяются въ двухъ братьяхъ-врагахъ, изъ которыхъ младшій одолѣваетъ старшаго. Въ Польской баснѣ этотъ побѣдитель называется Кракомъ, а старшій братъ, убитый имъ, не названъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорится, что оба они вмѣстѣ убили лютаго змѣя. Здѣсь смѣшаны воедино двѣ особыя басни, имѣющія, впрочемъ, одно основаніе: одна басня о Кракѣ, убившемъ своего старшаго *злаго* брата, а другая о томъ, какъ этотъ витязь убилъ лютаго змѣя. Въ древнѣйшемъ Чешскомъ стихотвореніи о судѣ Любуши обѣ эти басни передаются отдѣльно. Изъ братьевъ, тяжущихся объ «отцевскомъ наслѣдствѣ», т. е., о владычествѣ надъ міромъ, первый называется Хрудошъ, съ прозвищемъ «лютый», а другой Стяглавъ «храбрый». Въ имени *Хрудоша* отзывается имя зимняго мѣсяца Декабря, Чешск. *Hruden*, Хорут., древне-Краинск., Слов.-Хорв. *Gruden*, Малор. и Силез. *Груденъ*, Польск. *grudzien*, Лит. *Grodinnis*, древне-Норм, *Hrût-mânuthr*, древне-Нѣм. *hertimânot* и т. д., т. е., крутой мѣсяцъ (сравни Лат. *crudelis*, Греч. *κρύος, κρυώδης*, древне-Нѣм. *hruod*, Англосакс. *hrêth* и т. д.); прозвище же Стяглава «храбрый» означаетъ

то, что этотъ второй, младшій братъ побѣдилъ своего старшаго «лютаго» брата, собственною силою, хотя по древне-Чешскому преданію, какъ у Козьмы Пражскаго, такъ и въ разсматриваемой баснѣ, представляется, что состязаніе между ними происходило мирнымъ, судебнымъ порядкомъ. Въ другой баснѣ на мѣсто лютаго Хрудоша является лютая змѣя, а убійца ея названъ Трутомъ: *Трьтъ*, т. е., истребитель, погубитель (отъ *třiti*, Цсл. *трьти*, Лат. *terere*, др.-Гот. *trudan*, древне-Нѣм. *trëtan* и т. д.). Мѣстомъ, гдѣ происходила борьба, въ Судѣ Любушиномъ, называются горы Кръконошскія:

....«отъ горъ Кръконоши,
Идеже Трутъ погуби сань люту.»

Въ этихъ горахъ и по сосѣдству съ ними дѣйствительно находимъ мѣстныя названія: *Трутновъ*, *Тротень*, *Тротина*, *Тротина*, явно свидѣтельствующія, что нѣкогда здѣсь пользовалось не малымъ почтеніемъ это имя солнечнаго бога-побѣдителя, который былъ у Славянъ тоже, что у Грековъ Аполлонъ Пиѳійскій. Въ тоже время названіе горъ Кръконошскихъ, столь ясно напоминающихъ имя Крака (Кръкъ) связуетъ эту Чешскую басню съ Польскимъ Кракомъ, истребителемъ змѣя (1). Таже враждующая двоица, только подъ другимъ видомъ, является еще въ Польскомъ преданіи, въ образѣ дѣвственной Ванды и чужеземнаго, Нѣмецкаго князя, который, будучи побѣжденъ ею, уступаетъ ей свое царство, а самъ лишаетъ себя жизни; а въ Чешскомъ преданіи она олицетворяется еще волами Премысла различныхъ шерстей, бѣлой и черной, хотя въ этомъ случаѣ двойственность, конечно, могла бы быть лучше выражена двумя парами воловъ, черною и бѣлою, нежели какъ разсказано у Козьмы Пражскаго (2); ибо и въ Индійской миѳологіи (Самадева) точно также разсказывается

(1) Припомнимъ, что Кръконоши получили имя свое отъ Птоломеевыхъ Корконтовъ, народа, какъ думаютъ, Нѣмецкаго, подобно тому, какъ Ракусы отъ Ракатовъ; но и въ этомъ *Κορκοντοί*, судя по словообразованію, опять является имя Кръка или Крака, которое, хотя и собственное, нѣкогда могло быть общимъ у Славянъ и Нѣмцевъ.

(2) Ibi dux vestes duobus variis bubus arat: unus bos praecinctus est albe-

о бѣлыхъ и черныхъ коняхъ солнца, изъ коихъ одни знаменуютъ свѣтлую, а другіе темную половину года.

Какъ два враждующихъ брата въ Чешско-Польской баснѣ изображаются неоднократно, являясь то въ томъ, то въ другомъ видѣ, такъ точно и Кракъ-побѣдитель нѣсколько разъ повторяется въ разныхъ лицахъ, смотря по различію своей дальнѣйшей дѣятельности. Какъ судья и въ тоже время правитель народа, онъ является въ лицѣ Польскаго Крака старшаго и Крака Чешскаго и его вѣщей дочери, Любуши; какъ законодатель и учредитель человѣческаго общежитія — въ лицѣ Чешскаго Премысла-пахаря, о которомъ говорится также, что онъ ввелъ земледѣліе. Прежніе князья и короли Чешскіе считали этого Премысла своимъ праотцемъ, подобно тому, какъ и у всѣхъ языческихъ племенъ царствующіе роды вели свое происхожденіе отъ боговъ. Кромѣ того, мы уже выше показали, что имя Кракъ, такъ же какъ и Кротъ, происходя отъ *krěti* (Лат. *creare*, Санскр. *кри* и т. д.), само въ себѣ содержитъ смыслъ творчества: такимъ образомъ вышеприведенная басня или сказка Карпатскихъ Славянъ о сотвореніи міра находитъ здѣсь, въ Кракѣ, настоящее имя главнаго своего лица, бога-творца, который побѣждаетъ врага своего, Чорта.

Выше сказано, что Своръ или небесный кругъ съ его двѣнадцатью знаками съ древнѣйшихъ поръ былъ извѣстенъ всему Славянскому люду, и что почитаніе его составляло основу вѣрованія языческихъ Славянъ, какъ видно и изъ самаго имени бога Сварога. Но не одни только доселѣ сохранившіеся старобытные памятники и сказанія народныя, особенно же сказки, убѣждаютъ насъ въ томъ, что нѣкогда повсюду было извѣстно раздѣленіе небеснаго круга на двѣ ровныя половины, лѣтнюю, ясную или бѣлую, и зимнюю, темную или черную, изъ коихъ каждая имѣетъ своего владыку, первая—добраго или Бѣлбога, Крака или Крота, а вторая—злаго или Чернобога, Чорта, между собою враждующихъ. Это самое всего очевиднѣе выражается въ

dine et albo capite, alter a fronte post tergum albus, et pedes posteriores habens albos. Cosmas, l. c., pag. 15.

общезвѣстной дѣтской игрѣ « въ цвѣта ». Лица, дѣйствующія въ этой игрѣ, суть: Ангелъ, Чортъ, двѣнадцать различныхъ цвѣтовъ, т. е., двѣнадцать дѣтей, изъ которыхъ каждому присвоенъ какой-нибудь одинъ цвѣтъ, и трактирщикъ. Ангелъ и Чортъ съ противоположныхъ сторонъ, одинъ за другимъ, приходятъ къ трактирщику за цвѣтомъ и называютъ его. Если они угадали цвѣтъ, находящійся у трактирщика, то уводятъ его каждый на свою сторону, если же не угадали, то идутъ назадъ (1). Какъ скоро такимъ образомъ всѣ цвѣта разобраны, приходитъ Ангелъ и дѣлаетъ изъ своихъ цвѣтовъ цѣпь, т. е., одинъ другаго беретъ за руку или за поясъ; на другой сторонѣ тоже самое дѣлаетъ и Чортъ съ своими дѣтьми; за тѣмъ Ангелъ хватаетъ Чорта за руку, и одна сторона старается притянуть къ себѣ другую: которая перетянетъ, та и одолѣла. — Двѣнадцатью цвѣтами выражаются двѣнадцать знаковъ небеснаго круга или 12 мѣсяцевъ года; а Ангелъ и Чортъ олицетворяютъ двухъ владыкъ этого круга, и мы имѣемъ передъ собою драматическое представленіе религіознаго содержанія изъ временъ языческихъ, подобно тому, какъ имѣемъ дѣтскія игры Христіанскаго происхожденія, на пр., игру въ ясли на св. Доровею и пр.—Есть еще древній памятникъ, въ которомъ, уже съ помощью зодчества, олицетворена вселенная, т. е., небесная твердь, раздѣленная на равныя половины, на лѣтнюю, ясную, и зимнюю, темную, каждая половина съ своими шестью знаками—это храмъ св. Георгія въ Пражскомъ кремлѣ, основанный въ XI столѣтіи. Онъ состоитъ изъ двухъ зданій, верхняго или наружнаго и подземнаго (krypta, склепъ); оба зданія одинаковыхъ размѣровъ, и въ обоихъ по шести столбовъ; верхній храмъ посвященъ св. Георгію, побѣдителю огненнаго змѣя и покровителю лѣта; а исподній, темный, св. Николаю, покровителю воды и зимы (2). Конечно, вся эта

---

(1) При этомъ бываетъ слѣдующій разговоръ. Ангелъ, подходя, звонитъ: Тинь, тинь, тинь! *Тракт.* Кто тутъ? *Анг.* Ангелъ. *Тракт.* Что тебѣ надо? *А.* цвѣта. *Т.* Какого? Ангелъ называетъ, на пр., голубой; если онъ угадалъ, то *тракт.* говоритъ ему: На, возьми. Если же не угадалъ, то *тракт.* говоритъ: Нѣтъ дома, улетѣлъ въ трубу. Потомъ прилетаетъ Чортъ съ грохотомъ: рррр! *Тракт.* Кто тутъ? и т. д. по прежнему.

(2) Mittheilungen der k. k. Central-Commission, 1856, Октябрь, стр. 193.

соотвѣтственность можетъ казаться простою случайностью; мы и не выдаемъ ее за непреложную; но вполнѣ достойно вѣроятія, что при постройкѣ этого храма, какъ и во многихъ другихъ обстоятельствахъ, цѣль была Христіанская, понятія же еще оставались древнія, языческія.

в) Оба эти владыки небеснаго круга, добрый и злой, Бѣлбогъ и Чернобогъ, солнце и противникъ его, являются въ трехъ лицахъ, что показали мы выше, говоря о Триглавѣ; троицѣ доброй соотвѣтствуетъ троица злая, триглаву Бѣлбога Триглавъ Чернобога; тамъ же мы упомянули, что эта троичность въ обоихъ случаяхъ знаменуетъ собою троякое владычество: на небѣ, на землѣ и на водѣ. Въ Чешско-Польской баснѣ о Ккакѣ эта троичность является лишь относительно добраго бога; но мы ошиблись бы, если бы вздумали считать трехглаваго змѣя народныхъ сказокъ за одно съ лютымъ змѣемъ, котораго убили Польскій Кракъ и Чешскій Трутъ. Кракъ, Чешскій судья, троится въ своихъ дочеряхъ, которыя, однако, достигаютъ совершенства отца своего лишь въ третьей, самой младшей, Любушѣ, а сія послѣдняя опять судитъ двухъ тяжущихся братьевъ. Мужъ ея, Премыслъ, пахарь и законодатель, новое олицетвореніе Крака, снова троится въ образѣ трехъ вѣтокъ, выросшихъ изъ воткнутаго въ землю орѣховаго орала, изъ коихъ опять лишь третья, послѣдняя, зеленѣетъ, а остальныя погибаютъ. Равнымъ образомъ и Кракъ Польскій, въ которомъ особенно выражаются богатырскія свойства, троится въ своихъ дѣтяхъ, и послѣдняя изъ нихъ, побѣдительница-Ванда, опять является съ троякимъ значеніемъ, ибо называется владычицею неба, земли и воды; сама она переходитъ въ третье, водное царство, ибо сказаніе говоритъ, что она бросилась въ рѣку Вислу, да и самое имя ея, Ванда, значитъ вода (1). Во всѣхъ Славянскихъ народныхъ сказкахъ изъ трехъ сыновей или дочерей оба старшіе всегда представляются бездарными и негодными, и лишь третій, знаменующій собою владыку водъ, достигаетъ совершенства и заступаетъ собою мѣсто отца; такъ точно изъ воднаго царства, послѣ зимы, ежегодно возникаетъ властелинъ всѣхъ трехъ царствъ, солнце тресвѣтлое, Триглавъ Бѣлбогъ.

(1) Шафарика, Слав. Древн., стр. 725.

Изъ всего, доселѣ сказаннаго о Кракѣ и его потомствѣ, видно, что это Чешско-Польское преданіе имѣетъ вполнѣ миѳологическое значеніе. Оно подтверждается также и тѣмъ, что ни у одного изъ современныхъ иноземныхъ писателей мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминанія ни о Кракѣ и объ его могуществѣ, коему будто подчинены были Польская и Чешская земли, ни о Любушѣ и Премыслѣ, котораго сказаніе называетъ воеводою всей земли Чешской, ни о Польской Вандѣ и мнимой войнѣ ея съ нѣкіимъ Нѣмецкимъ княземъ или королемъ (1). Такъ конечно думалъ Чешскій лѣтописецъ, Козьма; онъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что въ древнихъ извѣстіяхъ заключается много баснословнаго (2). Но лѣтописцы Польскіе не отличались этою добросовѣстностью; они смѣшивали эти народныя преданія съ разнымъ историческимъ хламомъ Греческихъ и Римскихъ писателей и выдавали все это за настоящую, чистую правду. Мы вычеркиваемъ эти извѣстія изъ страницъ исторіи и относимъ ихъ къ области древнихъ религіозныхъ преданій; они знаменуютъ собою явленія природы, прославляютъ солнце на пути его по небесному кругу, какъ благодѣтеля всего міра, восхваляютъ борьбу его и побѣду надъ другою силою того же круга, враждебною и губительною для всего сотвореннаго. Этимъ самымъ мы не умаляемъ, а возвышаемъ, достоинство этихъ древнѣйшихъ народныхъ памятниковъ; ибо во времена язычества самою благородною задачею человѣческаго духа было—отыскивать происхожденіе и начало міра и людскаго общежитія, чтò и составлявляетъ содержаніе означенныхъ памятниковъ.

Греческій историкъ, Геродотъ (ум. въ 408 г. до Р. Х.) въ сочиненіи своемъ сохранилъ два старыхъ баснословныхъ преданія о началѣ Скиѳскаго народа: одно домашнее, Скиѳское, а другое, какъ онъ говоритъ, Греческое (3); и сіе послѣднее представляетъ замѣчательное сходство съ нашею Чешско-Польскою баснею. Скиѳы говорили, что

(1) У Богухвала сказано: «quendam regem Almanorum.» L. c., pag. 21.

(2) «Quoniam hæc antiquis referuntur evenisse temporibus, utrum sint facta, an ficta, lectoris judicio relinquimus.» Cosmas, l. c., pag. 34.

(3) Herodot, IV, 5—10.

первымъ обитателемъ земли ихъ *былъ Targitaus*, сынъ Зевса и дочери рѣки Борисѳена (нынѣ Днѣпра). Этотъ Таргитаусъ имѣлъ троихъ сыновей, въ царствованіе которыхъ спало на землю Скиѳскую четыре золотыхъ вещи, именно: плугъ, ярмо, сѣкира и блюдо. Ни первый братъ, ни второй не могли поднять этихъ вещей; ихъ поднялъ и отнесъ домой третій, младшій, братъ, по имени *Колаксаисъ*, и чрезъ это онъ сталъ властителемъ надъ всею землею. У этого Колаксаиса опять было три сына; онъ раздѣлилъ между ними землю свою на три царства; и въ самое большое царство онъ отдалъ вышеупомянутыя золотыя вещи— хранить ихъ на будущіе вѣки. Подъ именемъ Зевса и водяной дочери слѣдуетъ разумѣть царства лѣта и зимы или половины года, связуемыя зимнимъ поворотомъ солнца; сынъ, происшедшій отъ этой связи, т. е, новорожденное солнце, названъ въ Скиѳской баснѣ Таргитаусомъ — тоже, что Чешско-Польскій Кракъ. И тотъ и другой троятся въ своихъ дѣтяхъ. Колаксаисъ, младшій въ Скиѳской троицѣ и пріобрѣтшій золотой *плугъ* и *ярмо* является въ Чешской баснѣ подъ образомъ младшей дочери Крака, которая вышла замужъ за *пахаря* Премысла. И какъ Премыслъ, въ свою очередь, троится въ произросшихъ изъ его плуга вѣткахъ, изъ коихъ лишь одна зеленѣетъ, въ знакъ того, что власть остается лишь за однимъ поколѣніемъ его рода, такъ и Колаксаисъ, раздѣливъ свою землю на три царства, лишь одному изъ нихъ отказалъ свой золотой плугъ и ярмо и остальныя найденныя вещи, которыя тысячу лѣтъ спустя, во времена Геродотовы, были еще сберегаемы Скиѳскими государями и пользовались величайшимъ почетомъ, какъ нѣкая святыня, подобно тому, какъ во времена Козьмы, въ Вышеградѣ, въ княжеской казнѣ, хранились еще лапти изъ лыка, которыя будто Премыслъ завѣщалъ своимъ потомкамъ на память своего земледѣльчества (1). Это замѣчательное сходство Скиѳской басни съ Чешскою пріобрѣтаетъ для насъ еще бо́льшую важность отъ слѣдующаго соображенія. Дѣйствительные Скиѳы, т. е., царствующіе

(1) Cosmas, l. c., pag. 18.

или такъ называемая Золотая Орда; единственнымъ призванiемъ и занятiемъ которыхъ была война, не могли дорожить плугомъ и ярмомъ—символами мирной и трудолюбивой жизни; можетъ быть, они хранили ихъ какъ чужеземную, добытую на войнѣ, святыню, и потомъ стали суевѣрно чтить ихъ (1); во всякомъ случаѣ упомянутая басня не можетъ считаться самобытнымъ достоянiемъ этихъ воинственныхъ Скиѳовъ. Равно не льзя приписывать ее скитающимся или кочевымъ Скиѳамъ; она могла возникнуть у Скиѳовъ, не собственно такъ называемымъ, т. е., Скиѳовъ пахарей и земледѣльцевъ (*Σκύθαι ἀροτῆρες, γεωργοί*), которые жили въ прародинѣ Славянской, по рѣкѣ Днѣпру, близь истоковъ Буга и Днѣстра, и которыхъ знаменитый авторъ Славянскихъ Древностей почитаетъ за покоренныхъ Славянъ (2). Признавъ этихъ Скиѳовъ Славянами, мы должны и вышеупомянутую басню тоже считать за Славянскую, чѣмъ естественно объясняется великое сходство ея съ Чешско-Польскою баснею, и что свидѣтельствуетъ намъ о глубокой древности всего этого преданiя.

Другая басня о происхожденiи Скиѳовъ, ходившая между Греками, обитателями береговъ Чернаго моря, отличается отъ разобранной нами лишь Греческими прикрасами; но въ основанiи своемъ она совершенно одинакова съ нею. Въ ней разсказывается, что Геркулесъ, угнавъ стада Герiона, пришелъ въ землю, которая потомъ названа была Скиѳскою. Тамъ застигла его зима. Завернувшись въ львиную шкуру свою, онъ заснулъ, а тѣмъ временемъ исчезли кони его съ пастбища. Онъ проснулся, сталъ искать коней, зашелъ въ лѣсъ и въ одной пещерѣ увидалъ Ехидну, которая была въ половину женщина, а въ половину змѣя; у нея были его кони. Онъ прижилъ съ нею троихъ сыновей, и уходя отъ нея, оставилъ ей свой лукъ и свой поясъ съ пряжкою, на которой была придѣлана золотая чашка; онъ совѣтовалъ женѣ, чтобы, когда сыновья выростутъ, она

(1) О такомъ суевѣрiи свидѣтельствуетъ Геродотъ (IV, 7.): «Кто въ праздникъ ляжетъ спать подъ открытымъ небомъ съ этимъ священнымъ золотомъ, тотъ до году умретъ»,—такъ говорили Скиѳы.—(2). Шафарикъ. Слав. Древн., стр. 227.

оставила жителемъ въ землѣ своей только того изъ нихъ, который будетъ въ состояніи одинаково съ нимъ напрячи лукъ и опоясаться поясомъ. Когда сыновья выросли, ни старшій, ни средній не могли исполнить постановленнаго Геркулесомъ условія, и потому должны были оставить землю, но третій, младшій, по имени Скиѳъ, исполнилъ и остался въ землѣ. И отъ этого Скиѳа, сына Геркулесова, произошли цари Скиѳскіе, и въ память золотой чашки на Геркулесовомъ поясѣ, еще во времена Геродота, Скиѳы носили чашки на своихъ поясахъ.—Солнце на пути своемъ по 12-значному небесному кругу, въ Греческихъ миѳахъ, знаменуется Геркулесомъ и его 12-тью подвигами, изъ коихъ одинъ состоитъ въ отгнаніи стадъ Геріона и въ его убіеніи. Триглавый Геріонъ есть тоже, что Славянскій Триглавъ Чернобогъ, т. е., зимнее время, когда солнце, какъ бы ослабѣвъ и умалившись въ силѣ своей, останавливается (solstitium). Это—Геркулесъ спитъ, его кони уведены Ехидной; время переходное, состояніе, въ половину зимнее (ползмѣи) и въ половину лѣтнее (полдѣвицы). Какъ скоро проходитъ такое время—Геркулесъ пробуждается, возродившись отъ Ехидны, и снова воспринимаетъ свою тройственность (Триглавъ Бѣлбогъ), т. е., производитъ отъ Ехидны троихъ сыновей. Въ третьемъ, младшемъ изъ этихъ сыновей, Скиѳѣ, который напрягаетъ отцовскій лукъ и опоясываетъ его поясъ, обновляется самъ Геркулесъ. Поясомъ Геркулесовымъ опять знаменуется небесный кругъ, Зодіакъ, а золотая чашка (символъ солнца), которою покрываются соединенные концы пояса, означаетъ то время, когда солнце находится на пути къ своему возрожденію,—время зимняго солнцеворота. Геркулесовъ поясъ символически передаетъ весь подробный разсказъ Греческаго миѳа; а Скиѳы, по свидѣтельству Геродота, носившіе пояса съ чашкою на пряжкѣ, давали тѣмъ вообще знать, можетъ быть, уже безсознательно, что 12-значный поясъ небесный и солнце въ его возрожденіи суть главное основаніе ихъ богопочитанія. На томъ же основана и Славянская басня о Кракѣ, о которой довольно говорено выше.

Кромѣ Крака Чешскаго и Польскаго, это же собственное

имя встрѣчается у Балтійскихъ Славянъ, на островѣ Ранѣ, въ 1203 г. (Crac), гдѣ позднѣе, около 1320 г., жила еще семья Краковичей (Krakewiz) ([1]). Оно попадается также и у Нѣмецкихъ народовъ, особенно у сѣверныхъ, находившихся съ Балтійскими Славянами въ постоянныхъ, либо дружелюбныхъ, либо непріятельскихъ, сношеніяхъ: такъ одинъ изъ Скандинавскихъ Инглинговъ назывался *Вендиль-Крака;* жена Датскаго короля, Рагнара Лодброка (+ 817) была *Крака*, отъ которой и получила названіе извѣстная Скандинавская басня, *Кракумаль; Кракою* называлась баснословная женщина, которая убѣждала Скандинавскаго короля, Ерика, чтобъ, въ случаѣ опасности жизни, для спасенія, онъ произнесъ ея имя ([2]). Это напоминаетъ Любушу, вѣщую дочь Кракову. Но еще болѣе можно насчитать мѣстныхъ именъ, получившихъ свое названіе отъ Крака, потому, что будто онъ ихъ основалъ, или тамъ жилъ, или, можетъ быть, по какой другой причинѣ, на пр., у Чеховъ *Краковъ, Краковецъ, Краковаиы, Краковчице;* въ Польшѣ: *Краковъ, Краковецъ, Кракополь;* въ прежнихъ земляхъ Славянъ Балтійскихъ, и особенно въ Поморьѣ, около десяти деревень и дачъ съ именемъ *Краковъ* (Krakau), такъ же *Krakeviz, Krakviz, Kraken, Krakenort* и т. д.; въ Штиріи: село *Краковъ;* въ Литвѣ: *Кракеники, Кракишки, Кракопишки;* въ Норвегіи: *Krókaskógr* (нынѣ *Krogskoven*), Краковъ лѣсъ; въ Исландіи: *Króksfjördr*, Краковъ заливъ и пр. ([3]). Кракомъ или Кракеномъ слыветъ баснословный морской змѣй огромныхъ размѣровъ, который будто подымается иногда изъ моря близъ Норвегіи и кажется большимъ островомъ. Принявъ море за олицетвореніе зимы и сравнивъ съ этимъ вышеизложенную Карпато-Русскую басню о сотвореніи міра, мы встрѣтимъ здѣсь опять великаго языческаго бога Крака, творца земли, который въ религіозномъ Христіанскомъ представленіи является какъ великое чудовище, выплывающее изъ моря въ видѣ острова.

Нѣмецкіе словотолкователи объясняютъ слово Кракъ сло-

---

(1) Fabricius, Urk. z. Gesch. v. Rugen, II, 45.—Kosegarten, Pomm. und Rug. Geschichtsdenkm. I, 187. (2) Saxo Gramm., 72. (3) Сравн. Шафарика Слав. Древн., стр. 724, 725 и 771.

вомъ карликъ или малорослый, и въ этомъ объясненіи сходятся съ нашимъ Краткомъ (Křitkem), уменьшительною формою бога Крета или Кръта, который, по происхожденію и по смыслу слова, есть тоже, что̀ Кракъ. Богухвалъ считаетъ имя Крака за одно съ Польскимъ « kruk », воронъ («Krak, qui legitime Corvus dicitur»), и объясненіе это, хотя и безсознательное, оказывается справедливымъ въ томъ отношеніи, что оба эти слова происходятъ отъ одного корня (*крю*), и что въ басняхъ и повѣрьяхъ какъ у Славянъ, такъ и у другихъ одноплеменныхъ народовъ, воронъ дѣйствительно всегда сближается съ новорожденнымъ солнцемъ, Славянскимъ Кракомъ. Народныя сказки часто говорятъ о во̀ронахъ, приносящихъ живую и мертвую воду: отъ мертвой воды разорванное на части тѣло срастается воедино, а отъ живой воды мертвое тѣло оживаетъ. Это воскрешающее и оживляющее дѣйствіе выражаетъ собою, конечно, сущность Крака, который изъ зимы рождаетъ лѣто, изъ тьмы свѣтъ, изъ смерти жизнь. Подъ мертвою водою разумѣется ледъ, который сдерживаетъ замерзшіе предметы, а подъ живою водою вода текучая, весною оживляющая природу; воронъ, несущій живую воду, означаетъ приближеніе весны, онъ посолъ Краковъ. И въ Греческой миѳологіи воронъ— любимая птица Аполлона, бога солнечнаго, который также посылаетъ его принести себѣ изъ колодца свѣжей, т. е., живой воды. Нѣмецкій Воденъ, по описанію младшей Эдды, сидитъ на престолѣ, съ двумя волками у ногъ своихъ и съ двумя во̀ронами на плечахъ; про него разсказывается, что онъ ежедневно посылаетъ отъ себя этихъ вороновъ узнавать, что̀ дѣлается на свѣтѣ. По объясненію Нѣмецкихъ ученыхъ волки означаютъ смерть, всегубительное время, а во̀роны—возрожденіе, новую жизнь; волкъ, говорятъ они, пожираетъ живое, губитъ жизнь, а воронъ питается мертвечиною, снѣдаетъ смерть; а гдѣ уничтожается смерть, тамъ снова возникаетъ жизнь. Хотя, можетъ быть, въ этомъ объясненіи есть нѣкоторая изысканность, но въ выводѣ своемъ оно вѣрно. Одно изъ прозвищъ Водена, *Jolnir* или *Jolfadir*, богъ или отецъ зимняго солноворота; а животныя, при немъ находящіяся, опять означаютъ не

что иное, какъ, съ одной стороны, минувшую зиму, смерть (волки), а съ другой—наступающую жизнь, весну (вороны).

Этотъ же переходъ отъ зимней половины года къ лѣтней, изображаемый въ Нѣмецкомъ миѳѣ волкомъ и ворономъ, мы видѣли прежде въ Скиѳской баснѣ (Греческаго извода), именно, въ чудовищномъ образѣ Ехидны, полузмѣи, полудѣвицы, что перешло, въ послѣдствіи, и въ другія средневѣковыя басни, на пр., о Лузиньянской Мелушинѣ, о Брунцвикѣ и т. д. Въ одной Нѣмецкой баснѣ мѣсто Ехидны заступаетъ богиня *Гель* (Hel), въ которой переходное значеніе явственно выражается двойнымъ цвѣтомъ ея лица, въ половину чернаго и въ половину бѣлаго. Позднѣйшая басня развила лишь одну сторону этой басни, именно, черную, зимнюю, и изъ Гели сдѣлала страшную богиню смерти и преисподней: она пожираетъ людей, питается ихъ мозгомъ. Равнымъ образомъ и древне-Итальянскій Янусъ выражаетъ переходное свое значеніе двумя лицами на одной головѣ: на одной сторонѣ старое лице, а на другой молодое. Тутъ, на оборотъ, оставлена безъ вниманія злая сторона, и развита лишь добрая: Янусъ сдѣлался начинателемъ года, имя его дано первому мѣсяцу послѣ солноворота, онъ почитается богомъ воинственнымъ и побѣдительнымъ. Про него говорили, что онъ былъ въ Италіи первымъ царемъ, и раздѣлилъ власть съ Сатурномъ, и это слѣдуетъ разумѣть такъ, что Янусъ въ другой половинѣ своей самъ сталъ Сатурномъ, богомъ свѣта. По этому Сатурна смѣшали съ Греческимъ богомъ времени, Кроносомъ, и сдѣлали его пожирателемъ дѣтей своихъ, и наконецъ богомъ смерти.

И у Славянъ было свое божество, въ которомъ простымъ и естественнымъ образомъ олицетворялся этотъ переходъ зимы въ лѣто. Извѣстіе о немъ сохранилъ намъ Арабскій писатель, Масуди, который въ X столѣтіи по Р. Х. былъ у Славянъ, именно, по мнѣнію г. Срезневскаго, у Славянъ Балтійскихъ ([1]), и записалъ наблюденія въ своихъ «Золотыхъ Лугахъ». Онъ видѣлъ храмъ, выстроенный однимъ изъ Славянскихъ властителей на черной горѣ; около храма

---

(1) И. Срезневскаго, «Святилища и обряды», и пр., стр. 42, 48.

были чудотворныя воды различныхъ цвѣтовъ и разнаго вкуса, и цѣлебная сила этихъ водъ была всѣмъ вообще извѣстна. Въ этомъ храмѣ находился большой истуканъ, представлявшій Сатурна въ образѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ или разбивалъ могильныя кости мертвыхъ. Подъ лѣвою ногою истукана изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвою черные вороны и другія подобныя птицы (1). Черными птицами подъ лѣвою ногою бога, вѣроятно, означалось зимнее время, а лѣтними насѣкомыми подъ правою ногою — время лѣтнее, и мы тутъ опять встрѣчаемъ двойное бытіе, зимнее и лѣтнее, черное и свѣтлое, смерть и жизнь, что вполнѣ соотвѣтствуетъ Итальянскому двуглавому Янусу и Нѣмецкой двуцвѣтной Гелѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ оказывается, что Славяне, въ представленіи этого бога своего, точно такъ, какъ Нѣмцы въ представленіи Гели, уже опускали изъ виду доброе его значеніе, а обращали вниманіе лишь на его злую сторону. Богъ старецъ, попирающій въ шествіи своемъ воздушныхъ и земляныхъ животныхъ и разрывающій могилы умершихъ, олицетворяетъ собою всегубительное время; это настоящій Сатурнъ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого имени, истинное изображеніе Славянскаго бога смерти.

Возникаетъ вопросъ, какъ же называли Славяне этого бога? Масуди не сказываетъ его Славянскаго имени. Изъ предыдущаго видно, что его мѣсто, какъ бога природы, въ кругу годовомъ между зимою и лѣтомъ, соотвѣтствуетъ зимнему солноворотy. Тутъ мы встрѣчаемъ имя, надъ объясненіемъ котораго, мнѣ кажется, тщетно трудились доселѣ изслѣдователи Славянскихъ древностей. Древне-Итальянскія сатурналіи, нынѣшніе Христіанскіе праздники зимняго солноворота, называемые у Чеховъ полунѣмецкимъ словомъ *Vánoce* (Weinachten), на Руси именуются словомъ *Корочунъ* или *Карачунъ*, у Карпаторуссовъ *Керечунъ*, *сочельникъ*, *Керечунь вечеръ*, у Болгаръ и Словенцевъ *Крачунъ*, у Волоховъ *Крѣчуну*, у Мадьяръ *Karácsony* (послѣднія два слова, очевидно, заимствованы отъ сосѣднихъ Славянъ). О древности этого

(1) Rélation de Masoudy etc. Mémoires de l'Ac. de S. Pétersb. V-ème serie, II, 320—321. — Срезневскій, Святилища, стр. 54.

имени свидѣтельствуетъ Новгородская лѣтопись, въ которой, подъ 1143 годомъ, сказано: « Стояла вся осенина дождевая отъ Госпожина до Корочуна ». Карамзинъ, а за нимъ Юнгманъ и другіе, объясняли это имя словомъ *краткій*, древне-Слав. *кратъкъ*, какъ бы *Кратчунъ*, опираясь на то, что въ это время бываютъ самые короткіе дни. Правда, но за то тогда бываютъ долгія ночи; и краткость дней ничего не доказываетъ; на оборотъ можно доказать, что сущность святокъ заключается не столько въ дняхъ, сколько въ ночахъ. — Я говорилъ до сихъ поръ о Кракѣ, и какъ думаю, достаточно объяснилъ его имя и значеніе въ Славянской миѳологіи. Кракъ и Масудіевъ Славянскій богъ двухъ свойствъ, добраго и злаго, называемый богомъ времени, относятся другъ къ другу точно такъ же, какъ древне-Итальянскій Сатурнъ въ первоначальномъ своемъ значеніи бога свѣта, и богъ Янусъ: Кракъ есть только одна *свѣтлая* сторона Славянскаго бога времени. Какъ скоро дѣйствительно близки другъ къ другу предметы, то не можетъ быть сомнѣнія и въ близости ихъ наименованій. Слово *Крачунъ* относится къ слову *Кракъ* точно такъ же, какъ Чешское *mračún* (*мрачунъ*), кто омрачается, кто насупилъ лобъ, къ слову *мракъ*, омраченіе, насупленіе лба; *skočún* (скочунъ, кто скачетъ), къ слову *skok*, скачекъ; *vřeščún*, въ обыкновенномъ употребленіи *vřeštjún* (верещунъ, кто верещитъ) къ слову *vřesk*, крикъ; *plačún*, Русск. *плакунъ* (съ удержаніемъ твердой согласной передъ образовательнымъ слогомъ *-унъ*), къ слову *plak* или *pláč* (плачь); Чешск. *běhún* (бѣгунъ) къ слову *běh* (бѣгъ); *опекунъ* къ слову *опека;* Русск. *вракунъ* (пустомеля) къ слову *вракъ* и пр. Изъ этихъ примѣровъ видно, что окончаніе *унъ* сообщаетъ слову смыслъ совершенія, исполненія того дѣйствія, которое заключается въ самомъ корнѣ. По этому *Крачунъ* есть возбудитель творческой дѣятельности, знаменуемой словомъ *Кракъ* (отъ *крѣти*, творить). А если эта дѣятельность олицетворяется въ творческомъ божествѣ, то Крачунъ будетъ отцемъ бога творителя, Крака; а такъ какъ подъ именемъ Крака разумѣется творящая сила возродившагося солнца, и это возрожденіе приходится во время Карачуна, т. е., въ Святки, то изо всего

этого, какъ по смыслу слова, такъ и по самой вещи, слѣдуетъ вывести, что Крачунъ есть отецъ творящаго солнца. А Масудіевъ богъ времени есть также отецъ солнца, ибо подъ лѣвою ногою у него знаменія зимы, а подъ правою знаменія лѣта, и этимъ видомъ своимъ онъ означаетъ состояніе переходное, которое и называется *Карачуномъ*. Тожество Масудіева бога и Карачуна подтверждается еще и тѣмъ, что имя сего послѣдняго въ преданіяхъ Русскаго народа доселѣ сохраняетъ въ себѣ тотъ односторонній смыслъ бога смерти, который выражается, по описанію Масуди, попраніемъ животныхъ и разгребаніемъ мертвыхъ костей: Русская поговорка: *«дать корочунъ, дали разбойнику корочунъ»*, значитъ лишить кого нибудь жизни, казнить. Кромѣ того, слѣдуетъ вспомнить *Карачуницкій погостъ*, или кладбище, въ XVII вѣкѣ, Новгородской области, въ Шелонской пятинѣ (1).

Замѣчательно, что въ сѣверной Чехіи, на небольшомъ пространствѣ, гдѣ нѣкогда сходились границы четырехъ округовъ: Раковницкаго, Литомержицкаго, Болеславскаго и Куржимскаго, есть четыре мѣста, называющихся *Kostomlaty* (Костомлаты) и два *Kostomlatky* (Костомлатки) (2); имена эти явно указываютъ на Славянскаго бога смерти, разгребающаго палкою человѣческія кости. Нѣсколько разъ встрѣчающіяся названія эти подтверждаютъ Масудіево извѣстіе, и въ тоже время свидѣтельствуютъ, что какъ изображеніе, такъ и почитаніе этого бога были далеко распространены между Славянами; иначе мы должны будемъ сдѣлать не совсѣмъ правдоподобное предположеніе, что Масуди, во время путешествія своего, былъ въ Чехіи и видѣлъ истуканъ бога Костомлата. Но кажется, что собственное имя этого Славянскаго бога смерти, Крачунъ, еще во времена язычества было давно забыто между Чехами и на Моравѣ; ибо имя это не встрѣчается въ тѣхъ земляхъ нигдѣ, ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ изустныхъ преданіяхъ; для означенія бога смерти употребляли выра-

---

(1) Снегирева, Русскіе праздники I, 139. (2) Составлено точно такъ же, какъ, на пр., *Tatobity*, отъ слова *татъ*, злодѣй, и *бити; Kotopeky*, отъ *kot*, уменьш. *kotě*, и *peci*, печь; *Senohraby*, отъ *seno*, сѣно, и *hrabati*, и пр.

женіе описательное *Kostomlat*. Персы обозначали своего бога смерти, противника Ормуздова, подобнымъ же прозвищемъ: *Astuiad*, въ Зендскомъ *açtô vîdôtus*, костедробитель, разбиватель костей ([1]).

Мы видѣли, какъ по смыслу слова, такъ и по самой сущности, что Крачунъ есть отецъ солнца. Такимъ образомъ онъ отождествляется съ Сварогомъ, вышеупомянутымъ богомъ небеснаго круга. Но между ними есть и различіе: Сварогъ представляетъ собою цѣлый, нераздѣльный, кругъ небесный; съ понятіемъ же о Крачунѣ связано раздѣленіе круга на двѣ половины, лѣтнюю и зимнюю: Крачунъ есть посредникъ между ними. Въ этомъ же значеніи посредника между зимою и лѣтомъ, между тьмою и свѣтомъ, между смертью и жизнью, и Ситвратъ есть отецъ солнца, слѣдов., одной и той же сущности съ Крачуномъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Славяне не имѣли одного имени для означенія зимняго солноворота: одни называли его Крачуномъ, другіе, именно Чехи и иные Западные Славяне, Ситвратомъ; и отъ того-то у однихъ Славянъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда одного имени, а у другихъ другаго. Но рядомъ съ сложнымъ именемъ Ситвратъ Западные Славяне часто употребляли и простое слово *Вратъ*, что свидѣтельствуютъ древнія собственныя имена: *Вратъ, Вратекъ, Вратикъ, Вратенъ, Вратишъ*, и сложныя: *Вратиславъ*, *Вратимиръ*, *Вратижиръ* и др. Сюда же принадлежитъ и имя старинныхъ Чешскихъ дворянъ, *Коловратъ*, означающее, какъ Ситвратъ и Слуновратъ (солноворотъ), новое начало годоваго солнечнаго хода ([2]). Но тѣ и другіе Славяне, почитатели и Крачуна и Ситврата, соединялись между собою въ томъ, что именемъ этого божества означали извѣстные камни или скалы: «Корочуновъ камень» въ Россіи, упоминаемый Воскресенскою лѣ-

---

(1) Burnouf, Comment. sur le Yaçna, pag. 465, not. 327.

(2) Мѣстное имя *Коловраты* въ первый разъ встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ подъ 1205 г., въ Куржимскомъ округѣ, какъ и Костомлаты. Гриммъ, сближая имя Коловрата съ Ситвратомъ, указываетъ при этомъ на кружекъ или колесо (коло), которое держитъ въ рукахъ Саксонско-Славянскій богъ Кродъ или Кртъ. Myth., 228.

тописью (¹) и *Zitemorotenstenni*, Ситивратовъ камень въ бывшемъ имѣніи Фульдскаго монастыря, упоминаемый подъ 874 годомъ, суть памятники одного и того же Славянскаго бога, и первоначально имѣли тотъ же смыслъ, какъ подобные памятники Персидскаго бога, Митры, бога свѣта, посредника между темнымъ царствомъ, Аримановымъ, и свѣтлымъ царствомъ, Ормуздовымъ, и какъ древне-Итальянскіе истуканы Януса съ двумя обращенными въ противоположныя стороны лицами, старымъ и молодымъ: это были пограничные камни времени, означающіе, что въ этомъ богѣ перестаетъ зима и настаетъ лѣто, откуда возникло и нравственное значеніе: богъ этотъ есть посредникъ между смертью и жизнью, и въ его вѣдѣніи находятся мертвые, которымъ онъ отверзаетъ другую жизнь. Этимъ самымъ путемъ Крачунъ въ преданіяхъ могъ превратиться въ бога смерти, въ Костомлата. Но и въ этомъ образѣ еще проявляется истинное его значеніе: ибо, разбивая кости умершихъ, онъ, собственно, не совершаетъ дѣйствія смерти, которое заключается въ уничтоженіи жизни: напротивъ, онъ разбиваетъ то, что произведено смертью, знаменуя тѣмъ новое рожденіе, переходъ въ иную жизнь. Такимъ образомъ, Крачунъ, будучи богомъ смерти, въ тоже время является возвѣстителемъ воскресенія мертвыхъ, и въ этомъ смыслѣ ему вполнѣ подобаетъ быть богомъ кладбища, какимъ видимъ его въ Новгородской области.

О Ситивратѣ нѣтъ никакого указанія, чтобы онъ, подобно Карачуну, съ теченіемъ времени, также получилъ одностороннее значеніе бога смерти; напротивъ, мы видѣли, что онъ отецъ Триглава Бѣлбога, слѣдов., перешелъ на другую противоположную сторону, сталъ богомъ свѣта и жизни, и вполнѣ принялъ значеніе древне-Итальянскаго свѣтлаго бога, Сатурна. Въ этомъ смыслѣ Ситивратъ представляетъ тождество съ Кртомъ, иначе Send Кракомъ и съ баснословнымъ Премысломъ: это божество новорожденнаго солнца, Сварожича, и, будучи властителемъ воздуха, земли и воды, «тресвѣтлымъ солнцемъ», облекается въ образы

(1) Карамз. Ист. Г. Р. IV, пр. 387. Снегирева, Русск. Праздники, I, 15, 139.

Триглава Бѣлбога, трехцвѣтной сороки (сына Ситивратова), трехъ дѣтей Краковыхъ, трехъ вѣтокъ Премысловыхъ и т. д.

Все, сказанное нами о миѳологическомъ значеніи лѣтняго годоваго полукружія, можетъ быть отнесено, въ обратномъ или отрицательномъ смыслѣ, и къ зимнему полукружію. Но относительно этихъ явленій Славянская миѳологія, сравнительно съ предыдущимъ, гораздо бѣднѣе и уступаетъ миѳологіи другихъ народовъ, на примѣръ Нѣмецкихъ. Отъ лѣтняго солнцестоянія родится царь смерти и тьмы: Чернобогъ, Чертъ, Змій, Водникъ и т. д.; онъ начинаетъ бороться съ богомъ свѣта; онъ причиняетъ общее умаленіе свѣта какъ физическаго, такъ и нравственнаго; онъ приводитъ съ собою тотъ злой вѣкъ, на который жалуется святочная Малороссійская пѣсня, говоря, что въ это время уже не такъ,

Якъ було зъ давна а зъ первовику,
А зъ первовику, зъ первоначатку,

т. е., во время золотаго вѣка, когда люди были добры, справедливы и благочестивы; нынѣ же, говоритъ пѣсня:

Братъ на брата мечемъ рубае,
Сестра сестрыци чары готуе,
Кумъ на кума все ворогуе,
Сусидъ сусида збавляе хлѣба, и т. д.

За тѣмъ этотъ богъ вытѣсняетъ добраго бога изъ трехъ его царствъ, самъ становится тройнымъ богомъ, облекается въ образы Триглава-Чернобога, триглаваго Балачка или змія, трехъ водниковыхъ дочерей, въ образъ чернокнижника съ тремя желѣзными обручами вокругъ себя и т. д., и, наконецъ, окончательно одолѣваетъ Бѣлбога.

Начавъ говорить о Триглавѣ Щетинскомъ, я очутился гораздо далѣе, нежели предполагалъ, и изложилъ основанія Славянской миѳологіи. Надѣюсь, что эти письма, писанныя въ часы досуга, на сколько позволяли мнѣ имѣть его другія занятія, не будутъ совершенно лишними и напрасными. Во всякомъ случаѣ они представляютъ еще одно особенное воззрѣніе на существенныя стороны Славянской миѳологіи, а изъ различныхъ воззрѣній возникаетъ истинное. Будьте здоровы!

Карлъ Яромиръ Ербенъ.

Прага.
Май, 1857.

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАНІЕ П. КУЛИША.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. 322 СТР. ТОМЪ ВТОР. 354 СТР.

Изданіе г. Кулиша есть одно изъ замѣчательныхъ явленій нашей современной литературы; для всякаго же грамотнаго человѣка, принадлежащаго Южно-Русскому племени или живущему посреди него, это драгоцѣнная книга, которая можетъ служить не къ одному поверхностному ознакомленію съ прошедшимъ и настоящимъ бытомъ народа, но къ сближенію съ его духомъ, къ уясненію всѣхъ сокровеннѣйшихъ изгибовъ его природы и къ возстановленію утрачиваемаго нами родства съ этимъ источникомъ всякой живой силы. Трудно сказать, въ чемъ бóльшая заслуга автора,—въ сообщеніи драгоцѣнныхъ перловъ народнаго творчества, преданій, легендъ, повѣрій, пѣсенъ и думъ, записанныхъ изъ устъ народа съ образцовою вѣрностію, или въ умѣньи осмыслить всё это, поставить въ надлежащемъ свѣтѣ и придать всему надлежащее значеніе. Г. Кулишъ съ искусствомъ художника выводитъ передъ читателемъ цѣлый рядъ живыхъ людей, заставляетъ говорить ихъ самихъ, и вамъ кажется, что вы присутствуете при живописномъ разсказѣ старца-простолюдина, или слышите дребезжащій голосъ кобзаря, распѣвающаго речитативомъ свою думу. Конечно, живость этого впечатлѣнія доступна можетъ быть только Южно-Русу, но нѣтъ сомнѣнія, что всякій изъ нашихъ Сѣверныхъ братьевъ, кому понятенъ языкъ нашего народа, почувствуетъ въ этихъ разсказахъ и думахъ вѣяніе свѣжей народной жизни и вѣрность передачи ея проявленій.

Сборники произведеній народной фантазіи имѣютъ, безъ сомнѣнія, двоякое значеніе—одно, какъ матеріалъ для этнографіи, науки народовѣдѣнія, по различнымъ ея отдѣламъ, языку, особенностямъ быта

и обычаямъ, условіямъ народнаго творчества, отражающаго разныя историческія эпохи, и пр.: наука дѣлаетъ изъ этихъ данныхъ выводы и, сравнивая ихъ съ изслѣдованіями, сдѣланными надъ другими племенами, можетъ прійти къ важнымъ результатамъ; другое значеніе упомянутыхъ сборниковъ—это художественное, живое возстановленіе народнаго образа, въ его прошедшемъ и настоящемъ. Въ этомъ-то отношеніи они преимущественно имѣютъ для насъ цѣну. Мы такъ отдѣлены отъ народа, такъ нуждаемся возстановить съ нимъ сколько нибудь связь, что должны хвататься за всякое средство, къ тому ведущее, хотя бы это было ознакомленіе чрезъ книги и описанія, какъ бы дѣло шло объ обитателяхъ Австраліи. Конечно, лучшее средство, въ этомъ случаѣ, есть искусная передача, во всей подробности, со всѣми особенностями обстановки, произведеній того же народа, притомъ осмысленныхъ разумною группировкою и толкованіемъ. Въ этомъ отношеніи г. Кулишъ представляетъ у насъ врядъ ли не первый опытъ подобнаго труда. У него богатый, разнообразный матеріалъ почти вездѣ перемежается его собственными изслѣдованіями, воспоминаніями, очерками лицъ, старцевъ бандуристовъ, и нерѣдко цѣлыми статьями, открывающими намъ новыя занимательныя стороны предмета. Всѣ эти вставки не менѣе важны, какъ и самый текстъ народныхъ произведеній. Это путеводная свѣточь для непосвященнаго, тотъ свѣтъ, отъ котораго всё, помѣщенное въ книгѣ г. Кулиша, предстоитъ очамъ читателя въ какомъ-то особенно привлекательномъ видѣ. До сихъ поръ сборники нашей народной поэзіи представляли только запасъ матеріаловъ, болѣе или менѣе богатыхъ, болѣе или менѣе удачно разложенныхъ по отдѣленіямъ. Они имѣли интересъ, были доступны лишь для любителя, но и тотъ не рѣдко терялся въ систематическихъ распредѣленіяхъ и утомлялся ихъ однообразіемъ. Только для знатока-изслѣдователя это были труды драгоцѣнные, за которые всегда будутъ вспоминаться съ благодарностію имена собирателей и издателей. Изданіе г. Кулиша представляетъ, какъ мы уже сказали, несравненно больше жизни. Въ немъ ощущаешь присутствіе живой струи чувства и пониманія самаго издателя, то и другое невольно сообщается читателю. Напрасно кто-то упрекнулъ его въ пристрастіи къ своей народности. Этотъ упрекъ не справедливъ, и разительнымъ доказательствомъ можетъ служить то, что г. Кулишъ помѣстилъ во второмъ томѣ своихъ *Записокъ* сочиненіе Теплова, снабдивъ его даже благопріятнымъ отзывомъ, съ которымъ мы не согласны, какъ о томъ

поговоримъ ниже. Но странно было бы упрекать издателя въ любви къ своему предмету: безъ этой любви и самый трудъ, вѣроятно бы, не существовалъ. Странствовать, нерѣдко пѣшкомъ, по селамъ, заходить въ корчмы, подвергаться разнымъ лишеніямъ, чтобы кое гдѣ записать преданіе или думу; для этого конечно надо много любви не только къ предмету изученія, но—скажемъ утвердительно—къ самому народу. Для произведеній живыхъ, подобныхъ книгѣ г. Кулиша, одной любви къ наукѣ не достаточно, надо еще другое чувство, поглубже, поживѣе; и мы не только не упрекнемъ въ немъ издателя, но пожелаемъ отъ души, чтобы книга его была источникомъ этого чувства и для другихъ его соотечественниковъ.

Мы не будемъ исчислять сокровищъ народнаго преданія и фантазіи, заключающихся въ этихъ двухъ томахъ; для этого намъ надо бы выписывать все ихъ содержаніе. Малороссіянину въ нихъ все доставитъ истинное наслажденіе; а для Великорусца, желающаго изучить особенности, характерныя черты нашего Южнаго племени, отраженіе въ нихъ прошедшей его жизни—книга г. Кулиша есть матеріалъ и руководитель ничѣмъ незамѣнимый.

Не можемъ однако не сказать нѣсколько словъ о пѣсняхъ съ голосами, помѣщенныхъ во второмъ томѣ, въ числѣ 25. Недавно вышло въ Кіевѣ другое собраніе Южно-Русскихъ напѣвовъ, въ числѣ 50, очень хорошо изданное. Это отрадныя явленія, которыя подаютъ надежду, что не будутъ совсѣмъ утрачены наши родныя мелодіи, и что, можетъ быть, явится наконецъ Славянинъ-композиторъ, котораго геній устоитъ противъ искушеній Западной музыки, и, сохранивъ свою самостоятельность, будетъ въ силахъ вполнѣ воспринять и почувствовать духъ и характеръ необъятнаго, пѣвучаго Славянскаго міра.

Пробѣгая Южно-Русскіе напѣвы, нынѣ изданные, отличающіеся такою непосредственностію чувства, такою вѣрностію смыслу поэзіи, какая только удавалась геніальнымъ композиторамъ, вслушиваясь въ эти отрадныя мелодіи, переносящія насъ въ какой-то другой міръ правды и неподдѣльности всѣхъ проявленій внутреннихъ,—не льзя не скорбѣть, что эта живая струя изсякаетъ болѣе и болѣе, что съ каждымъ годомъ утрачивается изящно-поэтическій музыкальный элементъ, что мы болѣе и болѣе удаляемся отъ него и дѣлаемся ему чужды, благодаря иноземной цивилизаціи. Малороссійская мелодія, какъ и поэзія пѣсни, остановилась въ своемъ развитіи; старые корни не даютъ еще ей погибнуть, но свѣжей жизни уже нѣтъ. Ея судьба еще

печальнѣе, нежели мелодіи Велико-Русской: эта имѣла нѣсколько даровитыхъ продолжателей, создавшихъ Русскій романсъ, положившихъ великолѣпные начатки Русской оперѣ; между тѣмъ какъ Малорусская пѣсня осталась лишь въ первобытной своей красотѣ; оттого она хранится только въ устахъ поселянина, да въ немногихъ сборникахъ любителей: вы почти не услышите ея въ нашемъ обществѣ; а если услышите, то замѣтите, что пѣвецъ или пѣвица поютъ ее по заказу, не почувствовавши. Этому отчасти причиною неизмѣнный обычай пѣть народную пѣсню, какъ и все прочее, съ акомпаниментомъ фортепьяна. Акомпаниментъ, какъ бы онъ простъ ни былъ, придаетъ напѣву какую-то искусственность, и отъ частаго повторенія (особенно если пѣсня длинна) дѣлаетъ его однообразнымъ и пошлымъ. По нашему мнѣнію народную пѣсню должно пѣть такъ, какъ она поется въ народѣ, безъ пособія инструмента, въ то время, когда душа хочетъ вылиться въ звукахъ, сообразныхъ ея настроенію. Изданія народныхъ мелодій могли бы также обойтиться безъ придачи акомпаниментовъ, утроивающихъ издержку печатанія, и представляющихъ значительную трудность въ прінсканіи людей способныхъ ихъ написать. Для любителей пѣсня несравненно выиграетъ въ доступности и занимательности, если будетъ исполняема, какъ я сказалъ, безъ фортепьяна; для знатоковъ же музыки, желающихъ воспользоваться ея мелодіею для дальнѣйшей обработки, или усвоивающихъ ее для собственнаго пересозданія, конечно, придѣланные къ ней, часто не въ попадъ, аккорды не имѣютъ никакого значенія.

Непосредственно къ произведеніямъ народнаго творчества примыкаютъ *Наймичка*, поэма неизвѣстнаго сочинителя и *Орися*, идиллія, соч. г. Кулиша, помѣщенныя во 2 томѣ Записокъ. О первой изъ нихъ мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе издателя: это одно изъ лучшихъ произведеній на Малороссійскомъ языкѣ. Въ немъ творчество достигло почти высоты народной поэзіи: это та же глубина, неподдѣльность чувства, та же простота выраженія, не нуждающагося въ прикрасахъ, та же мѣткость слова, свойственная только народу или даровитѣйшимъ его представителямъ. Въ этомъ отношеніи авторъ стоитъ далеко выше Малороссійскихъ поэтовъ-писателей прошлаго времени (конечно за исключеніемъ твореній Кобзаря), которые, заимствуя сюжеты для своихъ произведеній изъ народнаго быта, не вполнѣ, намъ кажется, почуяли духъ народнаго творчества. Правда, можетъ быть ни съ эдною народною поэзіею не предстоитъ искусству такой трудности въ

состязаніи, какъ съ Малороссійскою, именно потому, что она въ высшей степени отвергаетъ все искусственное: въ ней нѣтъ прикрасъ празднаго воображенія, все выходитъ непосредственно изъ глубокихъ родниковъ созерцанія или взволнованнаго чувства. Мы бы назвали главнымъ общимъ ея характеромъ—*правдивость*. Не только она не допускаетъ преувеличенія, напыщенности, нѣжничанья или велерѣчія, каждый ея стихъ есть сжатое, лишь необходимое выраженіе накопившейся мысли или чувства; она часто какъ бы не даетъ простора и сему послѣднему, стыдливо таитъ его, и дозволяетъ высказываться лишь двумя, тремя образами, издали намѣкающими на взволнованное состояніе души; а нерѣдко критическіе моменты внутренней жизни совершенно преходитъ молчаніемъ, и вы угадываете ихъ только по дальнѣйшему изображенію ихъ слѣдствій. Что же касается до внѣшнихъ подробностей происшествія, то они почти всегда опускаются. Какъ образецъ этой воздержности слова, вѣрнаго признака искренности чувства, мы не можемъ не привести двухъ превосходныхъ пѣсенъ изъ сборника г. Метлинскаго (стр. 94, 288) (1).

Ой пійду я, пійду не берегомъ, лугомъ,
Чи не зострінуся зъ несуженимъ другомъ:
Здоровъ, здоровъ луже, несужений друже!
— Здорова дівчино! любилися дуже! —
«Ой любилися жъ ми чотирі годочки,
А не бачилися чотирі неділі» (2).
Якъ побачилися, разомъ заболіли (3).
Лежить козаченько въ зеленій діброві,
Молода дівчина въ матусі въ коморі.
Передъ дівчиною напитки, наідки;
Передъ козаченькомъ гіркії ягідки;

(1) Мы слѣдуемъ правописанію г. Кулиша, по которому восмиричное *и* выговаривается приблизительно къ *ы*, но мягче.

(2) Опускается описаніе встрѣчи. Весь разговоръ въ четырехъ стихахъ; но сколько значенія въ этихъ словахъ—*любилися дуже!* — И дѣйствительно, четыре года длилась любовь, надо было разлучиться, но они не перенесли разлуки долѣе четырехъ недѣль.

(3) Вотъ все, что сказано о слѣдствіи свиданія: какъ они высказывались другъ другу, какъ пришли къ убѣжденію, что не могутъ жить нарозно, отъ чего заболѣли, отъ горя ли, или отравили себя — это все предоставляется развивать воображенію слушателя. Далѣе превосходно изображается слѣдствіе.

До дівчиноньки медъ, вино носять,
А козаченько холодноі води просить:
— Ой дайте жъ мині холодноі води пити,
Бо ще я хочу на світі пожити (1).
Въ неділеньку рано подзвонили дзвони:
«Слухай, матусенько, чи по козакові?
Якъ по козакові, мене наряжайте,
Въ одній домовині изъ нимъ поховайте;
Да положіть мати поручь головами,
Щобъ була розмова тихая межъ нами;
Да висипте мати високу могилу,
Посадіть въ головкахъ червону калину;
Да поставте, мати, хрести золотиі,
Щобъ сказали люде: лежать молодиі!»

Въ другомъ мѣстѣ поется въ концѣ:

«Насипъ жо, матінко, високу могилу;
Посади, матінко, червону калину;
Туда буде, матінко, зозуля літати,
Вона буде, матінко, раненько кувати:
Тобі буде, матінко, всю правду казати (2);
Мині буде, матінко, легенько лежати!»

Почти каждый стихъ этой пѣсни заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ представленій, на которыя только намекается, но вызвать ихъ предоставляется воображенію слушателя; и оно вызоветъ ихъ непремѣнно, потому что чуетъ глубокую искренность народнаго поэта, чуетъ, что онъ перечувствовалъ все имъ высказанное, и высказался только тогда, когда не могъ осилить своего чувства.

Въ другой пѣсни жена, несчастливая въ супружествѣ, разсказываетъ, какъ мать приходила навѣстить ее:

Ище сонце не зиходило,
Щось до мене да приходило:
Приходила моя матюнка,
Приходила моя рідная,
Порадонька моя вірная.

(1) О смерти не упоминается, но слѣдующій стихъ все объясняетъ.
(2) Т. е. выскажетъ тебѣ мою тайну — по этимъ словамъ можно только догадываться, что причиною смерти была отрава.

Вона въ мене не обідала,
Тилько мене да одвідала;
Вона въ мене не полуднала,
Тилько мене приголубила;
Вона въ мене не барилася,
Тилько сіла — пожурилася!
Проведу я свою матюнку,
Проведу я свою утюнку,
За три степи за широкиі,
За три ліси за высокиі.
Сама стану підъ калиною
І зъ маленькою дитиною.
Озирнеться моя матюнка,
Озирнеться моя рідная,
Порадонька моя вірная:
«Чого стоишь, моя доненько?
Чому не йдешь да до домоньку?
Чи травиця ноги спутала,
Або роса очи вибила?»
— Не травиця ноги спутала,
І не роса очи вибила:
Зпутало мене замужьечко,
Невірнее мое подружьечко.

Здѣсь воздержность, скромность выраженія доведена до истиннаго изящества. До самаго конца пѣсни вы не знаете семейной тайны; чувствуете однако жъ по грустно-растроганному тону разсказа, что какая-то скрытая печаль гложетъ сердце пѣвицы. Одинъ только стихъ въ срединѣ намекаетъ на это:

Вона въ мене не барилася,
Тилько сіла — пожурилася!

Но за то какъ много выражаетъ этотъ стихъ; болѣе, нежели могли бы выразить всѣ жалобы матери, приведенныя дословно. *Она сѣла — погоревала:* для истиннаго чувства и народной поэзіи не нужно больше словъ, чтобы растрогать слушателя. Въ нихъ всякій прочитаетъ и горькую судьбу молодой женщины, несчастной мужемъ, въ чужой семьѣ, далеко отъ родныхъ, и всю нѣжность матери,

которая издалека, очень рано, какъ бы украдкой, приходитъ навѣстить ее, и не остается долго, чтобы не быть причиною бо̀льшаго семейнаго раздора. Она даже ничего не ѣла у дочери — для того, чтобы эту не попрекнули. Непосредственно за упомянутымъ стихомъ дочь уже провожаетъ мать; ихъ разставанье не описывается, и въ этомъ опять удивительное чутье народной поэзіи — всякое описаніе нарушило бы стыдливость чувства и было бы слабо. Но оно вознаграждено съ лихвою послѣдующимъ разсказомъ и разговоромъ, приведшимъ наконецъ дочь къ признанію:

Зпутало мене замужьечко,
Невірнее мое подружьечко.

Справедливо г. Кулишъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги о высокомъ совершенствѣ формы въ женскихъ Южно-Русскихъ пѣсняхъ; можно прибавить, что этому совершенству формы вполнѣ соотвѣтствуетъ совершенство содержанія, разумѣя его въ смыслѣ поэтическаго творчества. Теперь эти прекрасныя созданія находятся въ нашихъ сборникахъ большею частію разбитыя и обезображенныя, съ недостающими или некстати приставленными членами, какъ художественныя изваянія древности въ музеяхъ; но было время, когда они во всей своей красотѣ жили и создавались; и если бы мы могли возстановить хоть часть ихъ въ первобытномъ видѣ, то врядъ ли поэзія другаго Славянскаго племени могла бы представить что либо подобное въ этомъ родѣ. Художественное ихъ достоинство таково, что оно имѣетъ не одно народное, но и общечеловѣческое значеніе; красоты ихъ основываются на законахъ души, самыхъ нравственныхъ и высокихъ, присущихъ изящному всѣхъ народовъ, и потому должны быть доступны каждому, въ особенности понимающему Южно-Русскій языкъ, ибо въ нихъ форма не отдѣлима отъ содержанія. Изъ подобныхъ проявленій народнаго духа, мы можемъ уяснить себѣ идею о народѣ, какъ нравственномъ существѣ;—не матеріялѣ, а существѣ по преимуществу живомъ, самодѣятельность котораго стоитъ выше нашихъ мнѣній о ней, какъ нѣчто непреложное, необходимое, имѣющее врядъ ли не главную роль въ опредѣленіи историческихъ судебъ.

Но возвратимся ко второму тому *Записокъ*.

Характеръ *Орисі* г. Кулиша опредѣляется самымъ названіемъ *идиллія*. Это рядъ прелестныхъ картинъ самаго яркаго колорита,

которыя такъ и просятся на полотно. Подъ вліяніемъ ихъ, воображеніе ваше переносится въ какой-то другой счастливый вѣкъ; на васъ вѣетъ весеннимъ воздухомъ; земля красуется всею свѣжестію растительности; люди надѣлены здоровьемъ и красотою; между ними царствуютъ миръ и гармонія. Вы знаете, разумѣется, что этого никогда не бывало, а между тѣмъ, когда художникъ изобразитъ вамъ отрывокъ этого міра волшебною кистью, или поэтъ разскажетъ о немъ очаровательную повѣсть — вы залюбуетесь и заслушаетесь, и непремѣнно подумаете: какъ бы хотѣлось перенестись въ этотъ волшебный край! Таково дѣйствіе пейзажей Клодъ-Лорена и *идилліи* г. Кулиша, къ которой мы отсылаемъ читателя, если онъ хочетъ испытать описанное нами впечатлѣніе.

Статья Могилевскаго: *О древности и самобытности Южно-Русскаго языка* подлежитъ разбору нашихъ филологовъ. Ихъ дѣло рѣшить, въ какой степени онъ самостоятеленъ, конечно не ссылками на Гваньини, Копитара и Смотрицкаго, а разборомъ корней и граматическихъ формъ языка. Но чтобы это было возможно, надо предварительно написать Южно-Русскую граматику, которой, къ удивленію, до сихъ поръ мы не имѣемъ, не смотря на существованіе уже около 20 лѣтъ каѳедръ Славянскихъ нарѣчій въ пяти университетахъ (1).

Что касается до споровъ о древности нынѣшнихъ нарѣчій Малороссійскаго и Велико-россійскаго, то намъ кажется, что не принимаютъ въ соображеніе одного очень важнаго обстоятельства, отъ чего происходитъ запутанность и безплодность разсужденій, а именно—вліянія времени. За восемьсотъ лѣтъ языкъ, на которомъ говорили у береговъ Днѣпра, Десны, Оки или Москвы-рѣки, былъ далеко не тотъ, на которомъ говорятъ въ этихъ мѣстахъ нынѣ, предполагая даже, что племена остались тѣ же. Всякій языкъ въ

---

(1) У насъ не издано, кажется, ни одного хорошаго словаря какого либо Славянскаго нарѣчія и одна только граматика *Чешская* въ Кіевѣ. Мы всегда были того мнѣнія, что не одну филологію надо имѣть въ виду въ преподаваніи Славян. нарѣчій; не менѣе важно практическое изученіе ихъ, ознакомленіе съ литературою и исторіею родственныхъ намъ племенъ, а для этого необходимо пособіе граматики и словарей, составленныхъ хотя бы съ одною практическою цѣлью. Не странно ли, что учиться Чешскому или Сербскому языку мы должны черезъ посредство Нѣмецкаго языка, при помощи словарей и граматикъ, изданныхъ въ Германіи?

устахъ народа непремѣнно измѣняется, иногда медленнѣе, иногда быстрѣе; онъ слѣдуетъ историческимъ судьбамъ народа, развивается и совершенствуется вмѣстѣ съ нимъ, подчиняется вмѣстѣ съ нимъ чуждымъ вліяніямъ, и съ нимъ же дряхлѣетъ. Мы наглядно видимъ это въ нашемъ краѣ Южной Руси: новое, молодое поколѣніе не употребляетъ многихъ словъ и оборотовъ, которые вы еще услышите отъ стариковъ, — и это можно замѣтить даже въ селахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ. Не говорю уже о городахъ. То же явленіе вѣроятно повторяется въ Великой Руси (1). Письменный языкъ, пока народъ живетъ, измѣняется такимъ же образомъ: стоитъ сравнить языкъ нашей литературы прошлаго столѣтія и нынѣшняго. Если мы можемъ замѣтить это измѣненіе въ періодъ двухъ поколѣній или одного столѣтія, то неужели восемь вѣковъ исторической жизни могли пройти, не оставивъ слѣда? Нѣтъ сомнѣнія, что это измѣненіе прежде было не такъ быстро, какъ теперь, по большей замкнутости народной жизни; но отрицать его не возможно; мы видимъ его слѣды даже въ книжномъ языкѣ, Церковно-Славянскомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, если бы кто захотѣлъ опредѣлить, на какомъ языкѣ говорили въ Кіевѣ во времена Владиміра Святаго и Ярослава, — то врядъ ли бы это было возможно: пришлось бы или возсоздать языкъ, отъ котораго не осталось письменныхъ памятниковъ, или признать Церковно-Славянскій за общеупотребительный въ то время. Намъ кажется несомнѣннымъ одно, что это не былъ ни Южно-Русскій, ни Велико-Русскій въ ихъ нынѣшнемъ составѣ. Но, судя по языку *Слова о Полку Игоревѣ*, которое, будучи народною историческою думою, не могло быть сочинено иначе, какъ на языкѣ народномъ или очень близкомъ къ нему, мы видимъ, что этотъ древній народный языкъ гораздо ближе и по тожеству словъ, и по корнямъ, и по граматическимъ формамъ къ нынѣшнему Южно-Русскому, нежели къ Велико-Русскому (2).

---

(1) Конечно и у насъ, въ Великой Россіи, это явленіе повторяется на каждомъ шагу: на большихъ дорогахъ крестьяне иначе говорятъ, чѣмъ въ глуши; крестьяне-промышленники имѣютъ свои слова и обороты рѣчи, которыхъ не употребляютъ степные земледѣльцы. *Изд.*

(2) Церковно-Славянскій языкъ также ближе къ Южно-Русскому, который до нынѣ сохраняетъ иныя формы съ нимъ одинаковыя, на примѣръ — дательный и звательный падежи существительныхъ: *чоловикови* вм. человѣку, *чоловиче* вм. человѣкъ.

Впрочемъ, если мы признамъ разселеніе Славянъ съ Юга, то нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ ближайшій къ этому разселенію, не могло быть такого различія между Славянскими нарѣчіями, какое мы видимъ нынѣ. Это подтверждается и древнѣйшими памятниками обще-Славянской письменности, въ языкѣ которыхъ замѣтно несравненно болѣе взаимнаго родства, нежели въ позднѣйшее время. Оттого *Судъ Любуши*, относимый къ IX вѣку, заключаетъ много Церковно-Славянскихъ словъ и понятенъ для незнающаго по Чешски; оттого въ языкѣ нашихъ древнихъ лѣтописей встрѣчаются рядомъ выраженія и даже обороты Малорусскіе и Великорусскіе.

Статьи гг. Грабовскаго и Кулиша, по поводу универсала Остраницы: *О причинахъ ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ* очень любопытны, какъ выраженія личнаго мнѣнія уважаемыхъ нами писателей; но онп, разумѣется, не рѣшаютъ вопроса, а только вызываютъ къ его изслѣдованію. Рѣшеніе будетъ тогда только возможно, когда мы будемъ имѣть подробную исторію Польскихъ учрежденій въ Южной Руси, во время Польскаго владычества, съ указаніемъ, въ какой степени эти учрежденія исполнялись на дѣлѣ. Мало знать одну теорію управленія, надо прослѣдить ее на практикѣ, въ мѣстномъ приложеніи и его слѣдствіяхъ. Мы готовы согласиться съ г. Грабовскимъ, что правительственнаго угнетенія, облеченнаго формою закона, не было до начала козацкихъ возстаній; но было угнетеніе гораздо болѣе страшное—угнетеніе одного народа другимъ, одной вѣры другою. Какое участіе принимало въ этомъ Польское правительство, это вопросъ второстепенный. Да и что такое было въ то время правительство, какъ не та же шляхта? Несомнѣнно то, что каждый Полякъ, являвшійся на Украину, считалъ себя существомъ высшимъ, не связывалъ себя закономъ и безнаказанно дѣлалъ разныя несправедливости и оскорбленія. Духовенство Католическое и Уніатское, подкрѣпленное вліяніемъ Іезуитовъ, точно также поступало съ духовенствомъ Православнымъ, хотя конституціи или постановленія Сейма, можетъ быть, не давали ему на это никакого права. Правда, изъ инвентарей XVI и XVII вѣка оказывается, что повинности владѣльческихъ крестьянъ были не очень обременительны, да и не могло быть иначе, при тогдашней системѣ хозяйства; что крестьяне пользовались, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, благосостояніемъ; но изъ тѣхъ же инвентарей видно, что владѣлецъ могъ казнить крестьянина смертію, а слѣдовательно и истязать его безнаказанно, и не только

онъ, но и Жидъ, которому онъ отдавалъ имѣніе въ аренду ([1]). Изъ подлинныхъ документовъ мы видимъ также, что Православные монастыри съ ихъ имѣніями и угодьями отдаваемы были королями въ частную собственность шляхтичамъ-католикамъ, съ передачею имъ всѣхъ церковныхъ вещей и съ обязательствомъ поставлять отъ себя настоятеля Православнаго исповѣданія ([2]). Значитъ и правительство нельзя освободить отъ упрёка въ притѣсненіи; вѣдь оно не дѣлало этого съ Католическими монастырями. Но, повторяемъ, вопросъ о правительственномъ притѣсненіи второстепенный, гораздо важнѣе угнетеніе народное, которому правительство, если бы даже хотѣло (какъ и дѣйствительно иногда случалось), не могло положить преграды. Стоитъ перенестись въ то время и вспомнить, что ни имущество, ни честь женщинъ, ни жизнь не были въ безопасности отъ перваго появившагося жолнера или Польскаго шляхтича, что эти злодѣйства дѣлались не втайнѣ, а явно и съ хвастовствомъ,—чтобы почувствовать всю невыносимость подобнаго положенія и понять причину частыхъ возстаній, кончившихся кровавою борьбою и непримиримою ненавистью двухъ племенъ. Но все это прекрасно объяснено въ статьѣ г. Кулиша.

Въ заключеніе мы намѣрены разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе помѣщенную во второмъ томѣ Записку Теплова: *О непорядкахъ, происходящихъ въ Малороссіи*, составленную въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о ней издателя; намъ кажется, что она внушена не любовью къ Малороссійскому народу, а желаніемъ угодить какимъ нибудь сильнымъ людямъ того времени, или личнымъ раздраженіемъ. Лицемѣрное побужденіе отразилось въ искаженіи фактовъ, умышленныхъ ошибкахъ, одностороннемъ, пристрастномъ изображеніи и самомъ тонѣ и складѣ всей Записки. Приведемъ доказательства.

---

(1) Это право прямо высказывается въ арендныхъ условіяхъ, заявленныхъ въ градскихъ судахъ,—слѣдовательно законъ этому не противился. См. Памят. Кіев. Коммис. Т. 1. отд. 2, листъ кн. Пронскаго пану Адаму Зуркацкому и Жиду Абрамку. Листъ кн. Коширскаго Жиду Абрамку.

(2) Памятники Кіевс. Коммиссіи Т. 1. отд. 2, грамота кор. Стефана Оранскимъ на владѣніе монастыремъ Св. Спаса во Владимірѣ (Волынск.). Далѣе, передаточная запись, которою отецъ Оранскій передаетъ монастырь сыну «совсѣмъ на всё, то есть именно—церковь со всѣми церковными вещами, «книгами, образами, священническими ризами и со всѣмъ тѣмъ, что только «въ монастырѣ и церкви той находится, и ключи церковные и имѣнье Яновъ «съ дворомъ и людьми.»

На первой страницѣ Тепловъ какъ бы ставитъ Малороссіянамъ въ упрёкъ, что у нихъ господствовалъ Литовскій Статутъ, котораго они по безграмотности не понимали, и *что право Польское осталось у нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакого тогда попеченія, ниже свѣдѣнія, не имѣлъ*. Съ первыхъ словъ уже видно желаніе обвинить старину; но вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибка, потому что постановленія Литовскаго Статута, будучи почерпнуты изъ обычнаго Русскаго права, всегда были очень близки народу. Вмѣсто того, чтобы обвинять Статутъ, Теплову слѣдовало выразиться о немъ съ возможнымъ уваженіемъ, потому что это было самое народное право, которому слѣдовали по обычаю даже тѣ, кто никогда его не читалъ. Даже въ настоящее время, въ Малороссійскихъ селахъ, сохранившихъ старинный характеръ, гдѣ разборъ тяжбъ, разныхъ претензій на имущество, правъ наслѣдства и прочихъ споровъ между крестьянами, предоставляется судьямъ-старикамъ, избраннымъ громадою (міромъ), ихъ рѣшенія почти всегда согласны съ опредѣленіями Литовскаго Статута: такъ онъ былъ вѣренъ народному обычаю. Врядъ ли это не одно изъ лучшихъ достоинствъ законодательства!

И чѣмъ же Тепловъ доказываетъ, что Польскіе законы не могли быть извѣстны народу? тѣмъ, что прежде 1720 года *почти во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было*, т. е., до изданія указа объ учрежденіи Гетманской канцеляріи. Неужели для знанія права, коренившагося въ обычаѣ, нужны были канцеляріи? При томъ для Теплова, какъ чиновника, учрежденіе казалось несуществующимъ до тѣхъ поръ, пока на него не изданъ указъ ([1]); между тѣмъ какъ войсковая и полковыя канцеляріи существовали съ давнихъ временъ. Не можетъ быть, чтобы невѣжество Теплова въ Малороссійской исторіи простиралось до такой степени, чтобы не знать этого; какъ доказательство современное, вспомнимъ хотя слова замѣчательнаго Малороссійскаго лѣтописца Величка; подъ 1690 г. онъ говоритъ о себѣ: «послуживши зась въ такихъ премногихъ и неусыпныхъ трудахъ лѣтъ 15 (у Генеральнаго писаря Кочубея), зосталемъ за тую мою службу вправленъ до канцеляріи войсковой енеральной, на початку року 1705 и пр.» Изъ предъидущаго же видно, что служба Величка у Кочубея состояла тоже въ канцелярскомъ дѣлѣ, часто

(1) Это напоминаетъ мнѣніе объ учрежденіи указомъ общины.

по секретнымъ бумагамъ, которыя даже не были извѣстны войсковой канцеляріи. Слѣдовательно было различіе между дѣлопроизводствомъ самаго Генеральнаго писаря и войсковою канцеляріею, которая дѣйствительно имѣла особаго своего регента, какъ видно изъ того же Величка (1).

Далѣе, въ доказательство безправнаго состоянія и произвольнаго завладѣнія землями, Тепловъ приводитъ, что владѣльцы—какъ духовные такъ и мірскіе—*никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати и сорока лѣтъ не имѣютъ*. Если бы и въ наше время предъявить подобное требованіе, то оно не могло бы быть удовлетворено бо́льшею частію владѣльцевъ, которыхъ права часто основываются только на давности владѣнія. Для XVII-го же и первой половины XVIII столѣтія такое требованіе было бы просто безсмысленно, и послужило бы къ нарушенію всякаго права собственности. Но авторъ, какъ чиновникъ, объявляетъ на этомъ основаніи, что *множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну ея императорскому величеству, разобрано партикулярными*, забывая, что о казнѣ въ то время въ Малороссіи, составлявшей отдѣльную область, на особыхъ правахъ, не могло быть рѣчи; при этомъ онъ ссылается на статьи Богдана Хмельницкаго, между тѣмъ какъ въ статьяхъ 3-й и 7-й именно постановлено, чтобы шляхта Православная и козаки безпрепятственно владѣли своими *до́брами* и имѣніями по прежнему, т. е. не входя въ разбирательство ихъ правъ.

Во § 2-мъ Тепловъ доказываетъ, что при общемъ умноженіи населенія въ Малороссіи, число *посполитыхъ*, т. е. людей, живущихъ на свободныхъ земляхъ, уменьшилось, и ссылается опять на статьи Богдана Хмельницкаго. Можетъ быть, фактъ и вѣренъ, въ чемъ еще можно усомниться, но ссылка не вѣрна, потому что въ статьяхъ Хмельницкаго, напечатанныхъ во всѣхъ исторіяхъ и лѣтописяхъ Малороссіи, ни слова не упоминается о числѣ посполитыхъ дворовъ. Впрочемъ, авторъ самъ себѣ противорѣчитъ, ибо далѣе въ § 5 говоритъ, что сколько было посполитыхъ дворовъ до гетмана Скоропадскаго, *о томъ не почему справиться*. Нѣтъ сомнѣнія, что во время Богдана Хмельницкаго населеніе въ Малороссіи было малочисленнѣе, нежели при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, а между тѣмъ для подкрѣпленія этого вѣроятнаго явленія Тепловъ употребляетъ ложь, говоря,

(1) См. том. III, стр. 554.

что прежде день *оранки* (пространство, сколько можно вспахать въ день, у насъ считается 1,800 квадр. сажень) стоилъ одну копу, а въ его время такое пространство не можно было купить и за 20 рублей ([1]). Между тѣмъ какъ въ наше время, когда земля, безъ сомнѣнія, сдѣлалась еще дороже, нежели было при Елисаветѣ Петровнѣ, и цѣнность серебренаго рубля уменьшилась значительно, можно почти вездѣ въ Малороссіи купить день оранки за 15 руб. серебромъ.

То, что говоритъ далѣе Тепловъ о злоупотребленіи при ревизіяхъ, объ утайкѣ числа дворовъ, конечно бывало, но послѣ вышеприведенныхъ умышленныхъ искаженій и невѣрностей, не льзя вѣрить точности его ссылокъ на ревизскія исчисленія. Такъ, намъ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы по прибытіи гетмана Разумовскаго насчитано было менѣе 4.000 посполитыхъ дворовъ, тогда какъ по ревизіи, сдѣланной послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, ихъ было до 45 тысячь, изъ которыхъ роздано въ частное владѣніе до 1750 года не болѣе трехъ тысячь.

Посполитыхъ людей Тепловъ вездѣ называетъ государевыми, и поэтому отымаетъ у нихъ право продавать свои земли. Это будто бы на основаніи 13-й статьи Богдана Хмельницкаго, гдѣ говорится: «И кто будетъ крестьянинъ, тотъ будетъ обыклую крестьянскую повинность тебѣ, государю, отдавать». Въ одной изъ статей Богдана Хмельницкаго сказано: «А кто нашенный крестьянинъ, тотъ будетъ *дань* давать обыклую его царскому величеству» ([2]). Слѣдовательно крестьяне посполитые платили дань, такъ же точно, какъ горожане платили свои подати. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не имѣли права поземельной собственности и не могли располагать ею. Тѣмъ болѣе сословіе козаковъ владѣло своими землями какъ собственностію, что и подтверждено 7-ю статьею договора Богдана Хмельницкаго. Несомнѣнно, что люди заможніе (богатые), въ томъ числѣ и старшина, пріобрѣли много земель отъ посполитыхъ и козаковъ, въ ущербъ симъ сословіямъ: но, какъ самъ авторъ говоритъ, это было разрѣшено даже однимъ указомъ императрицы Анны Іоанновны; настоящая

---

(1) И при этомъ прибавляетъ: «а въ Стародубскомъ, Черниговскомъ, большей части Нѣжинскаго и Гадяцкаго полку и того дороже »(?!).

(2) Лѣтопис. Пов. о Малороссіи Ригельмана. Т. I, стр. 197. Здѣсь это не 13, а 16 статья.

же причина перехода козаковъ въ крестьяне коренилась въ томъ, что со времени Петра Великаго они были обременены поставкою провіанта и фуража для квартирующихъ войскъ, и вмѣсто военной службы употреблялись на рытье Ладожскаго канала, на постройку Петербурга, были отправляемы за Кавказъ, въ Персію, къ Дербенту и Гилани, строили въ продолженіи многихъ лѣтъ такъ называемыя Царицынскую, Украинскую и другія линіи, для защиты Южной Россіи отъ Татаръ и пр. (1); такъ что «сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ» (Записка Теплова, стр. 182.). Отъ чего произошло такое небывалое явленіе, что тѣ люди, которые при Богданѣ Хмельницкомъ и даже долго послѣ него уходили не только отъ помѣщиковъ, но даже бросали свои собственные хутора и усадьбы, чтобы стать въ ряды войска, которому предстояла кровавая война, а послѣ нея употребляли разныя домогательства, чтобы попасть въ реестръ козаковъ, и негодовали на самого Хмельницкаго, когда тотъ вынужденъ былъ имъ отказывать; отъ чего произошло, что потомки этихъ людей во множествѣ продавали свои земли помѣщикамъ и добровольно записывались въ крестьяне?—Въ этомъ надо винить историческій ходъ событій, а не старшинъ, которые естественно пользовались обстоятельствами, какъ бы каждый сдѣлалъ на ихъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ отдѣлять старшину отъ народа, видѣть въ нихъ какіе-то два разряда—угнетателей и угнетенныхъ, врядъ ли справедливо. Нигдѣ не было такого господства демократическаго элемента, какъ въ то время въ Малороссіи; каждый посполитый и помѣщичій хлѣбопашецъ могъ сдѣлаться козакомъ, каждый козакъ въ самое непродолжительное время сотникомъ и полковникомъ; каждый могъ сдѣлаться, не проходя даже этихъ степеней, гетманомъ, то есть верховнымъ правителемъ цѣлаго края (2).

---

(1) См. объ этомъ Лѣтопис. Пов. о Малороссіи Ригельмана Т. III, стр. 113, 115, 118, 119, 120, 137. Въ 1726 году взыскано даже съ козаковъ 4,000 рублей, по 4 р. съ каждаго, въ замѣнъ отправки 1,000 человѣкъ на Сулакъ.

(2) Вотъ имена гетмановъ, о которыхъ въ спискѣ, помѣщенномъ въ лѣтописи Ригельмана, именно говорится, что они происходили изъ козаковъ: Богданко, Шахъ, Наливайко, Самойло Кушка, Бородавка, Тарасъ, Семенъ Перевязка, Павлюкъ, Остраница, Полторакожухъ, Булюкъ, Хмельницкій, Сомко, Брюховецкій, Опара, Децикъ, Суховѣй. Самойловичъ былъ сынъ священника; наконецъ послѣдній Малороссійскій гетманъ Разумовскій былъ

Можно ли допустить, чтобы при существованіи такого общественнаго порядка и общественнаго преданія, образовалось въ Малороссіи сословіе въ родѣ феодальныхъ бароновъ, какъ говоритъ издатель, среди народа, который былъ такъ щекотливъ въ охраненіи своего достоинства, и выказывалъ постоянно почти ненависть ко всему, что возвышалось надъ общимъ уровнемъ;—народа, для котораго гордость и всякое превозношеніе были невыносимы. Дѣйствительно были притѣсненія, обиды со стороны сильныхъ и богатыхъ; но это только доказываетъ недостатокъ правомѣрныхъ отношеній, отсутствіе или слабость закона, который не предвидѣлъ или не былъ въ состояніи опредѣлить всѣхъ общественныхъ условій и охранить право каждаго. По существу же своему права эти были одинаковы, и это величайшая заслуга того времени. Пріобрѣтать землю, угодья, лѣса, рыбныя ловли и пр. могъ равно всякій, начиная отъ простаго посполитаго хлѣбопашца до гетмана. Всякій пользовался почти одинакими личными и имущественными правами. Выписки изъ архивныхъ бумагъ, въ потвержденіе разныхъ чинившихся тогда несправедливостей, ничего не доказываютъ: въ наше время изъ дѣлъ Уголовной и Гражданской Палаты можно бы сдѣлать не менѣе извлеченій въ этомъ родѣ, хотя конечно къ тому времени мы должны быть снисходительнѣе, нежели къ нашему. Вообще нѣтъ ничего невѣрнѣе, какъ основывать общіе выводы на подобныхъ обвинительныхъ актахъ; это все равно, если бы мы стали судить о характерѣ нашей эпохи по дѣламъ Земской и Городской полиціи. Да притомъ самыя жалобы показываютъ, что подобные поступки были дѣломъ необыкновеннымъ и не проходили даромъ, напротивъ вызывали большею частію энергическій отпоръ. Явленія обыкновенныя, вошедшія въ обычай не возбуждаютъ формальныхъ жалобъ—пусть читатель за доказательствами обратится къ нашему времени. Есть способъ гораздо болѣе справедливый, чтобы судить о достоинствѣ общественнаго устройства и начальственныхъ лицъ—это степень благосостоянія, какою пользуется народъ въ данное время. Еще не велика бѣда, что гетманъ могъ завладѣть нѣсколькими мучными *колами* или прудами (1);—виною этому была въ то время

сынъ простаго козака: случаю угодно было, чтобы до конца, посреди аристократическаго XVIII вѣка, Малороссія сохранила основный характеръ своего учрежденія.

(1) Хотя и это требуетъ подтвержденія. Мнѣ кажется, что если гетманъ владѣлъ какимъ нибудь отдалённымъ хуторомъ или мельницею пополамъ съ козаками, то это имущество вѣроятно было пріобрѣтено имъ или принадле-

неопредѣленность правъ собственности; также могли, и даже часто, случаться козни и несправедливости при избраніи сотниковъ; но въ это самое время большинство народа пользовалось личною свободою, неограниченнымъ правомъ поземельной собственности, правомъ выбора своихъ начальниковъ, начиная отъ низшихъ до верховнаго вождя и правителя; наконецъ общимъ благосостояніемъ, въ значительной степени, не смотря на военныя разоренія и политическія смуты; такъ что за всѣ эти положительныя достоинства общественнаго устройства и быта, можно простить нѣкоторыя пятна, происходившія отъ недостатка крѣпости въ учрежденіяхъ и отъ неразвитости правительственныхъ лицъ, идущей всегда почти объ руку съ отсутствіемъ нравственныхъ высшихъ началъ.

Но возвратимся къ разбираемому сочиненію. Въ § 8-мъ Тепловъ нападаетъ на Литовскій Статутъ, обвиняя его въ томъ, что онъ несходенъ съ Русскими законами; хотя составителямъ Литовскаго Статута, въ первой половинѣ XVI столѣтія (1) трудно было предвидѣть присоединеніе Малороссіи къ самодержавной Россіи. Можно бы спросить, отчего Теплову не пришло въ голову обвинять Русскія постановленія, которыя были гораздо моложе, въ отличіи отъ законодательства, господствовавшаго во всей Юго-Западной Руси съ половины XVI вѣка, т. е. уже два столѣтія. Первое обвиненіе имѣетъ еще менѣе основанія, нежели второе. Постановленія Литовскаго Статута получили силу въ Малороссіи вѣроятно со времени его изданія; а въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, можетъ быть, и гораздо ранѣе, ибо коренились въ обычномъ Русскомъ правѣ. Историческія судьбы края привели его въ послѣдствіи къ другому порядку вещей; естественно новыя потребности вызывали новыя мѣры и новыя правительственныя распоряженія, съ которыми не согласовался во многомъ прежній порядокъ. Онъ долженъ былъ исчезнуть, но это не могло совершиться вдругъ; тѣмъ менѣе можно обвинить современниковъ этого переходнаго состоянія

жало его предкамъ еще въ то время, когда они были простыми людьми. Какая выгода гетману, который распоряжался почти самопроизвольно, пользоваться убогою мельницею или хуторомъ пополамъ съ козаками! Съ другой стороны можно ли ставить гетманамъ въ упрекъ, что они владѣли большими имѣніями? мы знаемъ, какой ограниченный доходъ приносили эти имѣнія въ то время, и какъ скроменъ былъ образъ жизни гетмановъ и всей старшины. Гдѣ жъ богатства, которыя они послѣ себя оставили?

(1) Первая редакція относится кажется къ 1529 г., о чемъ Тепловъ не имѣетъ свѣдѣнія.

за ихъ пристрастіе къ законодательству, въ сферѣ котораго они выросли и которое наслѣдовали отъ своихъ предковъ. Но Теплову, пишущему обвинительную записку, въ угоду, какъ онъ думалъ, правительственнымъ цѣлямъ, не было нужды восходить къ истиннымъ причинамъ явленій, онъ радъ напротивъ случаю исказить ихъ, для того, чтобы увеличить число обвинительныхъ пунктовъ.

Въ § 9 Тепловъ доходитъ до того, что употребленіе права Магдебургскаго и Саксонскаго въ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ городахъ *приписываетъ неусердію къ Россіи тогдашнихъ старшинъ*, не обращая вниманія, что въ другомъ мѣстѣ самъ упомянулъ, что эти права жалованы Польскими королями городамъ: *Кіеву, Пѣжину, Остру, Погару и другимъ*. Не явная ли это недобросовѣстность? Конечно, существованіе узаконеній Литовскаго Статута, одновременно съ войсковымъ управленіемъ и отдѣльнымъ городовымъ устройствомъ, давало часто поводъ къ столкновеніямъ, смѣшенію подсудностей и притязаніямъ власти, а слѣдовательно къ произвольнымъ толкованіямъ и несправедливостямъ; — иначе быть не могло при неустановившихся еще формахъ юридическаго быта. Но за то, свобода общественныхъ сословій не была подавлена однимъ уровнемъ, и самое ничтожество причинъ, по которымъ затѣвались процессы и подавались жалобы, показываетъ самостоятельность личности, ограждающей свои права. Если могъ нѣсколько лѣтъ продолжаться между козаками процессъ за отнятое кнутовище, или за отогнанные восемь гусей, то это значитъ, что всякая жалоба уважалась и разбиралась законнымъ образомъ. Конечно подобныя явленія не существуютъ въ Турецкомъ судопроизводствѣ.

Тепловъ достойнымъ образомъ заключаетъ свою обвинительную записку сильною выходкою противъ вольнаго перехода крестьянъ, «который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ бо́льшую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ. Ничто столько не вредительно крестьянамъ какъ праздность... Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего, какъ бы ему найти удобности свой хлѣбъ жевать безъ труда; сего ради не допускаетъ обременять себя никакою излишнею работою» (¹).

(1) Я думаю и г. Тепловъ сдѣлалъ бы тоже на его мѣстѣ—зачѣмъ же допускать себя обременять излишнею работою?—кажется,въ этомъ нѣтъ вины.

Продолжая далѣе въ этомъ родѣ, авторъ преимущественно напираетъ на то, что многоземельные владѣльцы переманиваютъ къ себѣ крестьянъ обѣщаніемъ извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ крестьянинъ тайно уходитъ отъ помѣщика, нашедши себѣ другое льготное мѣсто. Но вслѣдъ за этимъ онъ говоритъ, что многіе помѣщики грабятъ имущество у отходящихъ крестьянъ, по праву, данному Литовскимъ Статутомъ или и со всѣмъ не выпускаютъ своихъ подданныхъ; такъ что не знаешь чему вѣрить: тому ли, что крестьяне во зло употребляютъ свое право перехода, или же что помѣщики незаконно ихъ удерживаютъ. То и другое могло случаться, но это было не больше какъ злоупотребленіе, противъ котораго былъ изданъ указъ императрицы Екатерины II въ 1763 году, не запрещающій переходъ, а только подтверждающій соблюдать при этомъ правила, постановленныя въ Литовскомъ Статутѣ. Къ сожалѣнію исторія, какъ бы убѣдясь ложными доводами г. Теплова, приняла его сторону, и черезъ 20 лѣтъ послѣ того, вольный переходъ былъ запрещенъ. Мы знаемъ неутѣшительные результаты этой мѣры; знаемъ изъ описей гетманскихъ и другихъ имѣній, изъ живаго преданія, состояніе земледѣльческаго сословія въ Малороссіи въ прежнія времена; знаемъ его нынѣ по наглядному наблюденію, и надо быть очень пристрастнымъ къ современности, чтобы въ этомъ отношеніи отдать ей преимущество передъ прошедшимъ, т. е. тѣмъ временемъ безпорядковъ и злоупотребленій, противъ которыхъ такъ сильно вооружается авторъ Записки.

Наконецъ, чтобы обнаружить вполнѣ, что не желаніе добра краю, а духъ чиновническій, диктовалъ Теплову его сочиненіе, достаточно, я думаю, привести слѣдующія слова, которыми онъ заключаетъ § 10: «И такъ право Малороссіянъ почитать надлежитъ яко главный непорядокъ въ Малороссіи; оно имъ вливаетъ мнимую вольность и отличіе отъ другихъ вѣрноподданныхъ; оно судію дѣлаетъ лихоимцемъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными; оно бѣдныхъ простыхъ Малороссіянъ въ утѣсненіе приводитъ (?); оно напослѣдокъ и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.»

Послѣ такой выходки можетъ ли имѣть какую нибудь цѣну мнѣніе Теплова о тогдашнемъ устройствѣ и положеніи Малороссіи?

Не льзя не допустить, какъ мы уже выше замѣтили, что были безпорядки, дѣлались несправедливости и притѣсненія; но въ этомъ, въ самой порчѣ общественной нравственности, нисколько не былъ

виновенъ не только Литовскій Статутъ, но и все тогдашнее устройство Малороссіи. Эти неутѣшительныя явленія произошли отъ остановленнаго развитія самого народа, отъ того, что онъ утратилъ смыслъ и цѣль своей исторической жизни. Отъ того личные интересы стали на первомъ планѣ; за недостаткомъ высшей общественной дѣятельности, человѣкъ обратился къ достиженію матеріальныхъ выгодъ, вмѣстѣ съ чѣмъ неразлученъ былъ и упадокъ нравственныхъ началъ.

Бюрократическій взглядъ на явленія общественной жизни такъ же не вѣренъ какъ и школьный или книжный; но онъ гораздо вреднѣе: книжная односторонность и узкость взгляда не замедлитъ вызвать опроверженіе, въ которомъ имѣетъ возможность высказаться внутреннее чутье народа, не терпящее неправды и пристрастія; съ бюрократическимъ взглядомъ, переходящимъ нерѣдко въ положительныя мѣры, сладить не такъ легко, и его узкость и отрицаніе существующаго могутъ иногда привести къ чрезвычайно вреднымъ слѣдствіямъ. Этотъ взглядъ, какъ и книжный, смотритъ свысока на явленія жизни (которыхъ началъ онъ не понимаетъ, ибо не досягаетъ до ихъ глубины); нерѣдко даже его воззрѣнія выработываются подъ вліяніемъ побужденій не совсѣмъ безкорыстныхъ; чѣмъ внимательнѣе онъ вглядывается въ явленія, тѣмъ болѣе затемняется для него ихъ смыслъ, потому что все его вниманіе устремлено на подмѣтку недостатковъ. Горе бѣдной жизни, если найдется правительственная сила, которая дастъ себя ослѣпить этой узкой односторонностію; ей тогда ни по чемъ ломать все существующее,—она называетъ это преобразованіемъ, усовершенствованіемъ, не замѣчая, что измѣняетъ къ лучшему только наружность, а между тѣмъ вводитъ въ дѣйствіе начала, далеко худшія, нежели тѣ, которыя дѣйствовали въ прежнемъ обществѣ, и только были затемняемы временною неурядицею и злоупотребленіями. Но время беретъ свое, плоды посѣяннаго созрѣваютъ, и тогда потомство, если оно безпристрастно, сознается, что лучше было бы держаться того, что выработала жизнь, что злоупотребленія исчезли бы съ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ людей, что неурядица была бы ограничена большею опредѣлительностію закона, а между тѣмъ хорошія начала были бы удержаны, общество бы осталось на своихъ основахъ; словомъ, потомство сознается, что иногда бываетъ легко отрицать и уничтожать, но всегда трудно созидать, и наилучшее искусственно-созданное требуетъ много времени, чтобы жизнь одушевила его, усвоила и сдѣлала истинно полезнымъ.

П. Р—нъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ,

ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

I.

О МНИМОМЪ ЗАПУСТѢНІИ УКРАИНЫ ВЪ НАШЕСТВІЕ БАТЫЕВО И НАСЕЛЕНІИ ЕЯ НОВОПРИШЛЫМЪ НАРОДОМЪ.

(*Письмо къ М. П. Погодину*).

Пора намъ прекратить споръ нашъ, въ Русской Бесѣдѣ, хоть перемиріемъ! Въ моихъ *Филологическихъ* и двухъ *Отвѣтныхъ* письмахъ, сказано уже все, что я намѣренъ былъ объяснить тебѣ о предметѣ нашего спора съ его *филологической* стороны; и если ты не возвратился къ прежнему понятію, которое старался я оправдать, если ты погрязъ въ своемъ новомысліи, изъ котораго я надѣялся тебя вызволить, то въ этомъ уже твоя воля, не моя вина. Ты въ Отвѣтахъ своихъ сознаешься, что ты — «не филологъ, а историкъ», что «филологія не твое дѣло»: и это справедливо; отъ этого-то и происходитъ особенность нѣкоторыхъ твоихъ утвержденій о языкѣ, противъ которыхъ и возражать не для чего. Надѣюсь, что г. Бодянскій—«законный судья» въ этомъ дѣлѣ—не откажется исполнить твое прежнее и мое нынѣшнее желаніе: выскажетъ свое мнѣніе о языкѣ Несторовой и послѣдующихъ Южнорусскихъ лѣтописей, и тѣмъ порѣшитъ нашъ споръ, съ *филологической* стороны. Тогда намъ можно будетъ приступить и къ заключенію вѣчнаго мира, который будетъ, какъ говорили въ древности, стоять до рати!

Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ моемъ, я говорилъ съ тобою, какъ съ *историкомъ;* и хочу еще поговорить о предметѣ нашего спора — въ отношеніи *историческомъ*, увлекаясь на то любезнымъ заклю-

ченіемъ твоего втораго Отвѣта, что «говорить дѣло о дѣлѣ» — ты «всегда радъ» и со мною «еще болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ, но безъ предубѣжденій». Поговоримъ же — и во первыхъ, о томъ историческомъ *предубѣжденіи*, которое нынѣ стало твоимъ *убѣжденіемъ:* о запустѣніи Кіевопереяславской земли или Украины въ нашествіе Батыево, и заселеніи ея новопришлымъ народомъ.

Признаюсь, что отъ тебя особенно, какъ *историка*, я надѣялся новаго свѣта на темное для исторіи время Татарщины въ Кіевской землѣ, т. е. на два сорока лѣтъ, прошедшіе отъ Батыя до Гедимина; и надѣялся тѣмъ болѣе, что ты такъ рѣшительно распорядился Кіевскою землею на это время: вывелъ изъ нея коренныхъ обитателей, Полянъ, куда-то въ предѣлы Сѣверорусскіе; а въ нее перевелъ новыхъ поселенцевъ изъ Карпатовъ! Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ я сталъ говорить: «Исторія Кіевопереяславской земли, отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ, и это естественно...» Ты, перебивъ на этомъ мою рѣчь, возгласилъ: «примолкаетъ — но не для всѣхъ. Имѣяй уши слышати, слышитъ. Послушай-же!» Я подумалъ при этомъ, что вотъ тутъ-то будетъ мнѣ отъ тебя благовѣстіе неслыханное.... и что же? Ты съ такою важностью заставилъ меня прослушать отъ тебя все тѣ же извѣстные отрывки: изъ Воскресенской лѣтописи и путешествія Плано-Карпини (1); и ничего болѣе не далъ, на все восьмидесятилѣтіе Татарщины Кіевской! Дѣлать нечего; остановясь на приведенныхъ тобою отрывкахъ, я замѣчу тебѣ, что изъ нихъ совсѣмъ не видно предполагаемаго тобою *переселенія Полянъ изъ Кіевской стороны на Русскій Сѣверъ*, не видно и *запустѣнія Кіевопереяславской земли*, которое издавна въ такомъ ходу, у разныхъ писателей.

Воскресенская лѣтопись говоритъ о побѣгѣ князя Михаила въ Угры, а иныхъ въ *дальныя страны:* очевидно, въ страны не Русскія, а тѣ, въ которыхъ набѣдовался князь Михаилъ, и воротился въ Кіевъ. Но вѣдь эти, бѣжавшіе на чужбину — горстка, въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ, изъ которой впрочемъ частица (хотя и *ничтожная*, по твоему) все таки воротилась тогда же.

Воскресенская лѣтопись упоминаетъ далѣе о немилостивомъ избіе-

---

(1) Еще недавно, во 2-й книгѣ Записокъ Кулиша, г. Руликовскій доказывалъ опустѣніе Украины въ нашествіе Батыево, основываясь только на словахъ Плано-Карпини.

нін Татарами *затворившихся въ градѣхъ*. Вотъ это и есть собственно *опустошеніе* Татарами Русскихъ областей, всѣхъ равно, по которымъ только проходили; въ городахъ собственно и гибло народонаселеніе Русское, сопротивлявшееся Татарамъ. Сюда наиболѣе относится и извѣстіе Плано-Карпини, что «*большая часть* Руссовъ была побита или уведена въ плѣнъ Татарами». Наши князья, будучи *въ волѣ Татарской*, сами принуждены бывали разорять свои города, на примѣръ, Волынскіе и Галицкіе, 1261 года. Но вѣдь города, не смотря на потерпѣнное разореніе, не пропадали, а возобновлялись, какъ въ Суздальской, Волынской, Галицкой земляхъ, такъ и въ Кіевской. Татаре 1240 года побили *всѣхъ* Кіевлянъ «*отъ мала и до велика*» (говоритъ Суздальскій лѣтописецъ). Однако черезъ шесть лѣтъ, когда былъ Плано-Карпини въ Кіевѣ, тамъ, по его словамъ, были и *тысяцкій*, и *бояре Кіевскіе*, и около 200 дворовъ жителей. И такъ городъ Кіевъ продолжался. Въ 1300 году «весь Кіевъ разбѣжался»; однако онъ опять сбѣжался. (Та же исторія, какъ и съ городами земли Суздальской, Волынской, Галицкой). Въ разореніе Кіева Батыемъ, разоренъ былъ *Печерскій монастырь*; однако черезъ всѣ 80 лѣтъ Татарщины продолжался непрерывный рядъ семи игуменовъ Печерскихъ; въ томъ числѣ были и краснорѣчивый, зѣло учительный *Серапіонъ*, поставленный въ епископы Владиміро-Суздальскіе (1274 г.), и *Агапитъ*, бывшій (1288 г.) во Владимірѣ-Волынскимъ, на погребеніи набожнаго князя Владиміра. Въ разореніе Кіева Батыемъ разоренъ былъ и *Выдубицкій монастырь*; и пишутъ намъ, что онъ послѣ того долго впустѣ лежалъ; однако мы знаемъ, что *недолго*, — что черезъ шесть лѣтъ, князь Даніилъ, по пути къ Батыю «пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичъ, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ *игумену и всей братьи*, да сотворять молитву о немъ; и сотвориша, да отъ Бога милость получить; и бысть тако; и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ; изыде изъ монастыря въ лодьи» (*Вол. Лѣт.* подъ 1250 г.). Достаточно ли тебѣ, на первый разъ, этихъ указаній о Кіевѣ?

Ты указываешь мнѣ особенно на слова Плано-Карпини, что *Канова* т. е. *Каневъ* зависѣлъ *непосредственно отъ Татаръ*.

Я къ этому, пожалуй, прибавлю еще и сосѣдній городъ — *Переяславъ*: «и пріиде (Даніилъ) Переяславлю, и срѣтоша Татарове» (*Вол. Лѣт.*). Отсюда видно только, что въ этихъ городахъ распоряжались тогда Татаре; но нисколько не видно *запустѣнія*

Украины; не видно того именно, что ты выводишь мнѣ отсюда: будто «Кіевопереяславскіе Поляне искали себѣ убѣжища и спасенія *на Сѣверъ*»! И откуда же это видно?—Ты называешь теперь *Полянъ — Великороссіянами*, говоришь мнѣ объ ихъ уходѣ на Сѣверъ — «изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара новыхъ, сильныхъ враговъ». Но если предполагать сколько нибудь единства въ народномъ *характерѣ Великороссійскомъ*, тогда и въ странѣ твоихъ «Кіевскихъ Великороссіянъ» (Полянъ) можно бы предполагать такое же явленіе, какое было въ странѣ Великороссіянъ Суздальскихъ, тоже испытавшихъ на себѣ «первый ударъ новыхъ, сильныхъ враговъ».— Но отъ чего же въ Суздальской землѣ,—послѣ того, какъ въ 1239 году «бысть переполохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами кто гдѣ бѣжитъ» (Троиц., Сузд. Лѣт.), не смотря и на послѣдующія разоренія отъ Татаръ (на примѣръ, на новое взятіе 14-ти городовъ 1293 года)—отъ чего Суздальская земля осталась населенною своими туземцами, а твои «Кіевскіе Великороссіяне» послѣ такого же *переполоху*—покинули свой родимый край, и убрались безвозвратно куда-то на Сѣверъ?... Вотъ каковы у тебя — *Поляне!*

Наконецъ, въ приведенномъ тобою отрывкѣ изъ Воскресенской лѣтописи, говорится: «а иже крыяхуся въ пещерахъ, и въ горахъ, и въ лѣсахъ, *мало тѣхъ остася*». Эти слова все таки не говорятъ ни о конечномъ запустѣніи Кіевопереяславской страны, ни о переселеніи древняго и кореннаго народа ея *на Сѣверъ*. Мало остася!... Но въ Волынской лѣтописи находятся выраженія посильнѣе. Въ 1283 году Татаре Телебугины «*учиниша пусту землю Володимерьскую*». Далѣе: «и стояша на Львовѣ землѣ 2 недѣли, кормячесь, не воюючѣ; и не дадяхуть ни изъ города вылѣзти въ зажитье; кто же выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша; а иныя излупивше пущаху наги, а тіи отъ мороза изомроша, зане бысть зима люта вельми; и *учиниша землю пусту всю*.... измре въ городѣхъ во остою *бесчисленое множьство*, друзіи же *изомроша въ селѣхъ*, вышедшіе изъ городовъ по отшествіи беззаконныхъ Агарянъ.... Левъ князь сочте колко погибло во его землѣ людій: што поимано, избито, и што ихъ Божіею волею изъмерло, *полтретьинадесять тысячи*». Видишь ли, не смотря на *безчисленное множество* только умершихъ въ осадѣ, на учиненіе *пустою всей земли* — оказалось на повѣрку всего на всего — 12½ тысячъ погибшихъ, въ томъ числѣ и поло-

ненныхъ; и въ *опустошенныхъ* тогда Татарами земляхъ Владимірской и Львовской оставалось населеніе столь значительное, что для князей было кѣмъ воевать и соседей и другъ друга. — Гиперболическихъ выраженій лѣтописца не слѣдуетъ принимать всегда въ буквальномъ смыслѣ, и особенно для такихъ заключеній, каково — опустѣніе и безлюдье Кіевопереяславской земли. Постоянная людность земель Суздальской, Волынской, Галицкой, при всѣхъ разореніяхъ отъ Татаръ, при всей *волѣ Татарской* въ то время надъ Русью, не дозволяетъ намъ допускать обезлюденья и въ землѣ Кіевопереяславской. Когда Батый прошелъ отъ Кіева до Галича, разоривъ много городовъ—«имъ же нѣсть числа»—земля позади его не осталась *безлюдною*; и онъ, конечно, зналъ это, если Димитрій тысяцкій Кіевскій могъ говорить ему: «земля ти есть сильна; сберуться на тя, и не пустять тебе въ землю свою!» (¹)

---

(1) Эти слова изъ *Волынской Лѣтописи* заимствованы въ позднѣйшую Воскресенскую лѣтопись, вмѣстѣ съ другими выраженіями о нашествіи Батыя на Кіевъ, Волынь и Галичь (лѣтописи Суздальская и Троицкая ими не воспользовались). Потомъ, листовъ черезъ шесть, Воскресенская лѣтопись, приступивъ къ подробному описанію убіенія Михаилова, повторяетъ нѣчто изъ написаннаго уже выше, и прибавляетъ *отъ себя* слова, приведенныя тобою мнѣ, заключая такъ: «*Мало тѣхъ остася*; тѣхъ же не по колицѣхъ временехъ оставша во градѣ, сочтоша я въ число, и начаша на нихъ дань имати». Можно ли же такими словами позднѣйшаго Сѣверно-Русскаго лѣтописца доказывать столь отважную гипотезу, какъ *запустѣніе* Кіевской земли въ нашествіе Батыево!—Такъ и слова Карпини о избіеніи и полоненіи Татарами *большей части* Руссовъ, относятся не собственно къ землѣ Кіевской, а ко всей Южной Руси, по которой онъ проѣхалъ отъ князя Василька, изъ Владиміра Волынскаго въ Кіевъ. А потому изъ тѣхъ словъ можетъ быть выводимо заключеніе о запустѣніи *Кіевской* земли на столько жъ, не болѣе, какъ и земли *Волынской*. Пріими въ соображеніе и то, что Плано-Карпини отъ *первой Татарской заставы*, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Куремша, — ѣхалъ до Кіева (на обратномъ пути) *шесть* дней. На этомъ разстояніи, и ниже селенія *Кановы* (Кáнева) были подобныя же селенія (villae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественника до первой Татарской заставы. Это было, очевидно, на пространствѣ между рѣками *Росью* и *Тясминомъ*, которое въ XII-мъ вѣкѣ принадлежало уже къ Кіевскому княжеству и на которомъ были уже города и селенія Русскіе, въ томъ числѣ и *Боровый* (впослѣдствіи *Боровица*). А ты, въ Изслѣдованіяхъ своихъ, границею Кіевскаго княжества, полагаешь р. *Рось*. Прибавь до р. *Тясмина*! Тамъ былъ въ древнее время и Русскій монастырь — *Мотренинскій*, въ которомъ трапезную церковь освящалъ Переяславскій епископъ *Павелъ*, около 1200 года. Вотъ тебѣ еще одна новость о нашей старинѣ!

Города и села были разоряемы Татарами, и вновь строились; люди разбѣгались, и вновь сходились въ свои города и села: такая тревожная жизнь была долею многострадальной Украины на нѣсколько вѣковъ и послѣ того, какъ съ отвоеванiемъ Кiевской земли Гедиминомъ у Татаръ (1320 г.), минулась ихъ воля; но ихъ набѣги продолжались изъ вѣка въ вѣкъ, казалось, нескончаемо. Народъ Украинскiй, такъ же какъ и Волынскiй, и Галицкiй, убывалъ сотнями и тысячами, отъ схватокъ съ Татарами, отъ хищнаго полоненiя ими; однако народонаселенiе Украины, такъ же какъ и Волыни и Галича, все продолжалось по прежнему, какъ продолжается донынѣ, въ стародавнихъ городахъ и селахъ, прiумножавшихся новонаселенными. Я не вижу, и ты не указалъ мнѣ, даже слѣда того поголовнаго переселенiя Полянской, Кiевопереяславской Руси *на Русскiй Сѣверъ*, въ 80-лѣтiе Татарщины, о которомъ толкуешь ты, въ своей Новороссiйской системѣ. А что ты, въ дополненiе къ помянутымъ отрывкамъ изъ Воскресенской лѣтописи и Плано-Карпини, указываешь мнѣ на вызваннаго Московскимъ княземъ на службу *Кiевскаго* вельможу Родiона Нестеровича, вышедшаго съ 1700-ми княжатъ и дѣдей боярскихъ, то это было 1332 года, уже послѣ Татарщины Кiевской, уже изъ-подъ власти Литовской. И такъ, это не относится къ поголовному переселенiю Полянъ въ Сѣверную Русь, во избѣжанiе тяготы Татарской. Этотъ выходъ Нестеровича свидѣтельствуетъ о значительной населенности Кiевской стороны въ первую половину XIV-го вѣка; но онъ не имѣетъ влiянiя на нашъ вопросъ, такъ же, какъ не имѣетъ его, по твоему, выходъ Подольской Руси въ Карпаты, бывшiй того же XIV-го вѣка, подъ знаменемъ Карiатовичей; наконецъ, по твоей новой системѣ, выходцы Нестеровичевы должны принадлежать не къ древнимъ Полянамъ, а къ твоимъ новопришлымъ Карпатцамъ.

По твоей Новороссiйской системѣ выходитъ, что старобытный народъ Кiевопереяславской земли уходитъ изъ нея навсегда, куда-то въ Сѣверную Русь «изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара» Татарскаго; а Карпатцы твои нарочно идутъ, на мѣсто Полянъ, чтобы подклонить свои головы подъ ярмо Татарское. Вотъ каковы у тебя *Карпатцы!*

Да и какое есть у тебя свидѣтельство историческое на это переселенiе Малороссiянъ изъ Карпатовъ на Днѣпръ, въ вѣкъ Татарщины? Ты не представилъ мнѣ даже и намека историческаго на это

переселеніе. И не есть ли оно у тебя столь же произвольная *выдумка*, какъ у другихъ — заселеніе опустѣлой Украины «бѣглецами Литовскими!»—Тутъ я докончу вышепомянутую рѣчь моего Отвѣта, прерванную тобою на словѣ: *примолкаетъ*.... «Но эта мгла Татарскаго вѣка не должна служить мутною водою для рыболовства, на кормленіе всяческихъ историческихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ Кіевопереяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ.».

Что же касается до Тиверцевъ, Болоховцевъ, Дулѣбовъ, то я указалъ тебѣ на нихъ и предоставилъ тебѣ забрать ихъ себѣ, но только подъ условіемъ: «аще совѣсть не зазритъ»—и только на тотъ случай «если тебѣ уже непремѣнно хочется пополнить Великороссійское населеніе переселенцами съ Русскаго Юга, по нашествіи Батыевомъ». Понимаешь? А ты и радъ случаю, и безъ зазрѣнія исторической совѣсти забираешь къ себѣ на Сѣверъ Тиверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, по нашествіи Батыевомъ.... поздравляю! Между тѣмъ сообщу тебѣ, что остатки необъясненныхъ еще *Болоховцевъ*, по стариннымъ актамъ — оказываются переходящими на житье въ предѣлы Кіевскаго воеводства, въ XVI-мъ вѣкѣ. Припомню еще тебѣ, что Украинцы назывались у Сѣверянъ *Полянами* и въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Лѣтъ за 12, когда ты, даже и въ Изслѣдованіяхъ своихъ, раздѣлялъ и поддерживалъ наше мнѣніе, что «Поляне были *Малороссіяне*», ты въ Москвитянинскомъ отвѣтѣ своемъ называлъ мнѣ *Малороссіяниномъ* даже Андрея Боголюбскаго. Это, конечно, было напрасно; ибо князь Андрей, питомецъ и любитель земли Суздальской, не представляетъ въ себѣ ничего Малороссійскаго. Теперь, когда у тебя древніе Поляне признаны уже за *Великороссіянъ*, теперь у тебя не только Мономахъ есть «характеръ чисто Великороссійскій», но и обо всѣхъ трехстахъ князей Русскихъ до-Татарскаго времени, ты говоришь мнѣ *рѣшительно*: «это все *Великороссіяне*!» Вотъ это другая крайность: какъ будто ты никакъ не можешь обходиться въ наукѣ безъ крайностей и односторонности! Но ты напрасно говоришь, будто сіе новое твое утвержденіе о *Великороссіянствѣ* всѣхъ Древнерусскихъ князей явилось у тебя «*на основаніи знанія*» — о различіи между характеромъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ. Нѣтъ, это знаніе еще такое не-

определенное и для тебя самого такое сбивчивое, что на немъ собственно не можно было основать столь смѣлаго заключенія обо *всѣхъ* князьяхъ, особенно тебѣ, которому *Норманство* Рюрика видится и во внукахъ и въ правнукахъ его. Ты говоришь еще, что къ своему *рѣшительному* заключенію о князьяхъ: «это все Великороссіяне» — ты пришелъ «пройдя жизнь трехъ-сотъ удѣльныхъ нашихъ князей, вдоль и впоперекъ». Не воображай себѣ однако, чтобы пройденная тобою *жизнь* князей дала тебѣ такой выводъ! Запасъ лѣтописнаго сказанія о жизни князей извѣстенъ весь; изъ него очень видно, на сколько можно изъ него прямо и непосредственно выводить характеристику каждаго изъ трехъ сотъ князей. Если уже можно различіе Русскаго племени—на Великую, Малую, Бѣлую Русь, распространять и на племя Древнерусскихъ князей нашихъ, то это можно только на соображеніи: въ какой Русской области выростали и княжили какіе князья,—допуская народное вліяніе на нихъ туземства. На этомъ основаніи, никакъ не льзя обо всѣхъ князьяхъ говорить рѣшительно: «это все *Великороссіяне.*» Съ достаточнымъ вѣроятіемъ и правомъ ты можешь говорить это только о князьяхъ, выроставшихъ и княжившихъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ народонаселеніе было издревле *Великороссійское*, на примѣръ о князьяхъ Суздальскихъ, начиная хоть съ Андрея Боголюбскаго. Но князей, выроставшихъ и княжившихъ въ землѣ Волынской, Галицкой, гдѣ и ты все еще признаешь народонаселеніе *Малороссійское* издревле, этихъ князей и тебѣ слѣдуетъ признать—за *Малороссіянъ.* Наконецъ, племя Полоцкихъ князей надо признать за *Бѣлоруссовъ*, если ты признаешь особенность *Бѣлорусской* народности еще въ древнее время (чего и не признать, кажется, не можно). А князей, выроставшихъ въ Переяславѣ и Кіевѣ, ты можешь себѣ считать *Великороссіянами*, пока будутъ у тебя считаться Великороссіянами наши Южнорусскіе Поляне. Вотъ ограниченіе, какое, мнѣ кажется, надо положить твоему нынѣшнему наведенію Великороссіянства на всѣхъ Древнерусскихъ князей.

P. S.— По содержанію твоего втораго Отвѣта, я не могу не замѣтить въ тебѣ перемѣны, какой и не предполагалъ я, живя отшельникомъ въ моей Наддніепровской глуши и вступая съ тобою въ ученый споръ. Ты, при отходѣ Москвитянина въ царство мертвыхъ, уже прибѣгаешь къ той методѣ, которую ты называлъ мнѣ «телеграфскою»: ты

иногда переиначиваешь мои слова и придаешь мнѣ не мои понятія; вмѣсто того, чтобы опрокинуть меня или самому отступить, ты нерѣдко отводишь споръ въ сторону, заговариваешь не объ томъ, въ чемъ дѣло, лишь бы какъ нибудь показаться правымъ или одолѣвшимъ. Приведу тебѣ четыре примѣра, если ты, играя въ свое любимое сравненіе Славянскаго племени съ растасованною колодою картъ, все еще требуешь отъ меня *«тузовъ-доказательствъ»* — не довольствуясь прежними.

Примѣръ 1.—Въ доказательство, что Малороссійскіе лѣтописцы древніе и новые переводили *живыя* рѣчи своихъ героевъ на языкъ *Церковнославянскій*, я привелъ тебѣ, между прочимъ, весьма извѣстныя (1) слова Игоря Святославича: «тайны Божія никто же вѣсть». Ты въ Отвѣтѣ своемъ вотъ что сказалъ на это: «Что касается до рѣчи Игоревой *въ Кіевѣ* (тайны Божія никто же вѣсть), то подъ 1186 г. я не нахожу ея: не записалъ ли ты ея въ первую эпоху историческихъ занятій въ 1820—1821 году?»

Ты ли говоришь это, поставляющій себя мнѣ въ примѣръ *безпристрастія*, говорящій, что и въ своихъ отвѣтахъ мнѣ — ты имѣешь въ виду преимущественно *молодыхъ* друзей науки! Вѣдь ты хорошо знаешь, что Игорева рѣчь была у рѣки *Донца*, 1 Мая 1185 года. За чѣмъ же ты поставилъ: *въ Кіевѣ*? За чѣмъ говоришь: «не нахожу ея подъ 1186 годомъ»—когда ты долженъ былъ найти ее подъ 1185 годомъ, на 130 страницѣ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* т. II? Я записалъ тебѣ слова Игоревы не въ 1820-21 году (когда мы были студентами), а въ 1857 году (когда мы съ тобою давно уже отстали и отъ профессорства); вмѣсто немудрой цитаты на 130 страницу и 1185 годъ, я написалъ тебѣ вотъ что: «такъ и лѣтописецъ Кіевскій, *полагаю* въ 1186 году, когда Игорь, *воротившійся изъ плѣна* въ свой Новгородъ-Сѣверскій, пріѣзжалъ *въ Кіевъ*, передалъ живую рѣчь его по-церковнославянски...» Тутъ я тебѣ, какъ историку-изслѣдователю, передалъ мое замѣчаніе, что у Кіевскаго лѣтописца, хотя весь походъ Игоря, и плѣнъ его, и пріѣздъ въ Кіевъ послѣ плѣна, помѣщены подъ однимъ 1185 годомъ, но писалъ онъ это позднѣе *«полагаю 1186 года»*, когда Игорь пріѣзжалъ *въ Кіевъ* къ Святославу и

---

(1) Ими пользовался и г. Мей, въ своемъ переводѣ Игоревой Пѣсни.

Рюрику. Этимъ замѣчаніемъ я хотѣлъ, собственно тебѣ, дать знать, что, въ твоемъ Словарѣ Князей, возвращеніе Игоря изъ плѣна и посѣщеніе Кіева—напрасно положены въ 1185 году, и только потому, что въ Кіевской Лѣтописи положено такъ. Ты не разобралъ, что вторая половина событій съ Игоремъ относится къ 1186 году; и мое замѣчаніе преклонныхъ лѣтъ ты отнесъ къ годамъ юности... «А чи диво ся, братіе, стару помолодити»! Также точно ты не разобралъ, что набѣгъ Игоря на Половцевъ за р. Мерломъ относится къ 1184 году, и поставилъ его, при четырехъ князьяхъ—подъ 1183 годомъ, даже съ поправкою на *1182-й!* А что въ лѣтописи весь походъ Игоря на Каялу, бывшій 1185 года, описанъ позднѣе этого года (полагаю 1186-го), на это приведу тебѣ еще вотъ какую примѣту. Описывая побоище на Каялѣ, бывшее *1185* года *5 Мая* (такъ я опредѣлилъ, сличеніемъ Кіевской лѣтописи съ Игоревою Пѣсніею), лѣтописецъ говоритъ: «тогда же на полчищи Кончакъ поручися по *свата* Игоря» (стр. 131). А они *сватами* тогда еще не были; Игоревичь женился на Кончаковнѣ уже послѣ побѣга отца своего изъ плѣна (см. конецъ Игоревой Пѣсни); ясно, что лѣтописецъ, называя Игоря Кончаковымъ *сватомъ*, описывалъ происшествіе послѣ. Укажу тебѣ еще бо́льшій анахронизмъ въ Кіевской лѣтописи подъ тѣмъ же 1185 годомъ: Рюрикъ названъ «великимъ княземъ»; ясно, что эта прибавка принадлежитъ позднѣйшему почерку пера, бывшему уже по смерти Святослава Всеволодовича.

Примѣръ 2. — Когда ты, въ духѣ и манерѣ покойныхъ скептиковъ, заговорилъ (въ письмѣ къ Срезневскому), что Несторъ не могъ знать и писать *по-церковнославянски,* я указалъ тебѣ на писавшихъ и знавшихъ у насъ по-церковнославянски прежде Нестора, особенно на діакона Григорья и дьяка Іоанна. Ты сперва возразилъ мнѣ, что они «переписывали, а не писали.» Я указалъ тебѣ на послѣсловія, которыя они *писали,* и которыя для филологовъ очень важны. Ты на это возражаешь: «да *Малороссійскаго*-то нѣтъ въ нихъ ни слуху, ни духу—ни единаго слова!» Да вѣдь я тебѣ и указалъ на нихъ не въ доказательство *Малороссійскаго,* а во свидѣтельство умѣнья писать *по-церковнославянски.* Притомъ же, діаконъ Григорій былъ не Кіевлянинъ, а Новгородецъ; слѣдственно, тебѣ напрасно было искать въ немъ «слуху и духу Малороссійскаго»; въ немъ надо было искать слѣдовъ *Великороссійскихъ,* слѣдовъ нарѣчія

Новгородскаго; и я тебѣ указывалъ на нихъ (см. Филологическія Письма). Подобно тому, когда мнѣніе Срезневскаго о происхожденіи Малороссійскаго нарѣчія въ послѣ-татарское время—ты провозгласилъ *новостью неслыханною*, и укорилъ всѣхъ журналистовъ и профессоровъ Словесности за ихъ равнодушіе къ этой новости, отъ которой, по твоему, долженъ былъ взволноваться нашъ учено-литературный міръ: я, въ успокоеніе тебя, замѣтилъ, что это мнѣніе не новое, что оно было у насъ давно въ ходу, и показалъ это выписками изъ Граматина, Греча, Сахарова, даже Симоновскаго. Тебѣ надо было сознаться, что ты ошибся, выдавая старое мнѣніе за *неслыханную новость*: въ этомъ все дѣло. Но ты, вмѣсто сознанія своей ошибки, придумалъ отвѣчать вотъ что: «утвержденія Симоновскаго, Сахарова, Граматина и Греча объ относительной новости Малороссійскаго нарѣчія, по безъотчетности своей и отсутствію всякой ученой формы, никакъ нейдутъ въ сравненіе съ Лавровскимъ и Срезневскимъ, которые представили филологическія доказательства, основанныя на законахъ языка». Послушай: дѣло только о *новости* и *неслыханности* этого мнѣнія. А достоинство его у Срезневскаго и Лавровскаго ты опредѣлилъ самъ, сказавъ, что оно *не вѣрно*. Для сущности дѣла, для истины, нѣтъ большой разницы въ томъ, что *невѣрное* мнѣніе ходило сперва за-просто, а теперь выступило съ важностью ученой формы и законности!

Примѣръ 3.—По содержанію и ходу нашего спора (котораго предметъ многосложный), во второмъ Отвѣтномъ письмѣ (котораго содержаніе все *историческое*)—я указалъ въ твоемъ Словарѣ Князей полдюжины *ошибокъ* существенно важныхъ, и кромѣ того, далъ тебѣ новое и, надѣюсь, удовлетворительное объясненіе неразгаданной историческою критикою рѣчки *Сѣжицы*. Къ этому я побужденъ былъ твоимъ заманчивымъ вопросомъ: «Квитъ ли?» и моею готовностью воздать тебѣ седмерицею. Положимъ, что это съ моей стороны была уже излишняя щедрость; но отъ тебя, какъ ученаго изслѣдователя древней исторіи и географіи Русской, и какъ автора Словаря Князей, я въ правѣ былъ ожидать, что за поправки мои ты скажешь мнѣ: спасибо (1), подобно тому, какъ я объявилъ тебѣ мою благодарность за поправку моей обмолвки о князѣ *Юрьичѣ*. Но ты отвѣчалъ мнѣ вотъ что: «ты позабылъ только, что счетъ долженъ заключаться въ

---

(1) Ты, въ предисловіи Словаря, говорилъ, что всякое указаніе на ошибки въ немъ, какъ бы оно ни было мало, примешь *съ благодарностью*.

предѣлахъ статей объ языкѣ, и залѣзъ въ мой Словарь. Не собралъ ли ты еще на досугѣ какихъ *опечатокъ* въ Москвитянинѣ за 15 лѣтъ, сообщи...» При такомъ отвѣтѣ мнѣ вспомянулся твой знаменитый афоризмъ: «родъ человѣческій идетъ *діагональю!*»

Не ты ли самъ зазвалъ меня въ Словарь твой, заговоривъ о немъ въ первомъ Отвѣтѣ, дабы самому замолвить о немъ словцо, жалуясь на молчаніе о немъ всѣхъ библіографовъ Русскихъ! Такъ теперь ты заговорилъ о своемъ Москвитянинѣ, дабы самому восписать ему хвалу, жалуясь на какія-то «вражьи вопли»; а между тѣмъ, рѣчью объ Москвитянинскихъ опечаткахъ, ты отводишь отъ ошибокъ Словаря! Заключиться въ предѣлахъ статей объ языкѣ мнѣ не льзя было; ибо какъ въ твоемъ письмѣ къ Срезневскому «о древнемъ Русскомъ *языкѣ,*» такъ и въ твоемъ первомъ Отвѣтѣ на мои «Филологическія Письма» содержится много соображеній *чисто-историческихъ*. Что касается до *опечатокъ* въ твоемъ Москвитянинѣ, то я встрѣчалъ ихъ множество, только ихъ не отмѣчалъ. Но твой Словарь Князей я читалъ съ карандашемъ въ рукѣ, и отмѣтилъ *болѣе полусотни*— не опечатокъ, а настоящихъ *ошибокъ* и *неисправностей* въ постановкѣ годовъ и именъ собственныхъ. Если хочешь, я сообщу тебѣ со временемъ мои поправки Словаря, который я очень люблю, и желаю ему всевозможнаго совершенства.

Примѣръ 4.—Недоумѣніе твое почему у Малороссійскаго народа не воспѣвается нынѣ князь Володимеръ, наравнѣ съ героями козаччины, я разрѣшилъ тебѣ, кажется, удовлетворительно—тѣмъ, что «у народа Малороссійскаго, которому вмѣстѣ съ Кіевомъ достались и священные остатки Володимера подъ развалинами его Десятинной церкви, онъ запечатлѣлся второю половиной своей великой жизни, какъ *Святый Володимеръ*, какъ *Равноапостольный князь*» (см. Фил. Письма). Отъ того-то у Малороссійскаго народа нынѣ князь Володимеръ воспѣвается на ряду съ другими святыми лицами, какъ въ церковныхъ пѣсняхъ, такъ и въ стихахъ, называемыхъ *набожными*. Но я говорилъ тамъ же (въ Фил. Письмахъ): «не льзя и сомнѣваться, что *въ Кіевѣ*, на пирахъ Володимеровыхъ, пѣлись пѣсни и Малороссійскими и Великороссійскими пѣвцами». Тамъ же: «Что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были *и здѣсь на Украинѣ* въ древнее время, то видно *изъ лѣтописи нашего Нестора*, гдѣ говорится...» (указаны слова

Нестора о единоборствѣ Переяславскаго отрока, о *Кіевскихъ пирахъ*).

Какъ же перепиначено мое мнѣніе во второмъ твоемъ Отвѣтѣ! «Ты объясняешь тѣмъ, что пѣсни о Володимерѣ, какъ ласковомъ гостепріимцѣ, произошли изъ Новгорода...» Да, я такъ думаю о пѣсняхъ *Великороссійскихъ*, разумѣя древнѣйшія между ними, первоначальныя.—«А *въ Кіевѣ* онъ былъ славенъ, де, *только своею святостію*». Нѣтъ, я не говорилъ этого, я говорилъ не это! И какъ странны для меня дальнѣйшія твои слова :«Помилуй! да пиры-то Володимеровы гдѣ описаны? Пиры Володимеровы описаны, кромѣ пѣсенъ, въ Кіевской лѣтописи, *у Нестора. Послушай-ка его!*» И ты выписываешь мнѣ сполна тѣ самыя слова Нестора о пирахъ Кіевскихъ, на которыя я тебѣ указывалъ въ Филологическихъ Письмахъ; и прибавляешь: «стыдись такого натянутаго объясненія!» (То есть, *натянутаго* тобою объясненія!)

Не лучше и весь твой финалъ о лѣтахъ Володимерова княженія въ Новгородѣ. Въ моихъ письмахъ я назвалъ оное *десятилѣтіемъ*, означая крайними годами: съ 970 по 980. Тебѣ не для чего было и привязываться къ этому; ибо и самъ ты, въ Словарѣ Князей, въ Спискѣ Князей по удѣламъ, гдѣ означаются иногда полугодовые и даже меньшіе перерывы въ княженіяхъ, ты также поставилъ въ *Новгородѣ*: «Володимеръ Святославичь... 970—980» (стр. XXXII). Но во второмъ Отвѣтѣ своемъ, ты вздумалъ высчитывать у Владиміра годы изъ его *десятилѣтняго* княженія въ Новгородѣ, и говоришь мнѣ: «И какихъ *десять* лѣтъ считаешь ты въ Новгородѣ?» Припомянувъ мнѣ о побѣгѣ Владиміра за море, и походѣ на Рогволода Полоцкаго, ты продолжаешь: «сколько же остается Владиміру быть въ Новгородѣ? Лѣтъ *пять* — и какія же *пять* лѣтъ? Лѣта—*отрочества*, когда *никакого гостепріимства* не могло еще въ немъ обнаружиться.»

Послушай! Если уже ты вздумалъ высчитывать лѣта, проведенныя въ отлучкахъ изъ Новгорода, то надо было сдѣлать это вѣрно. А ты вычелъ у Владиміра *два* года лишнихъ! Вѣдь онъ началъ княжить въ Новгородѣ съ 970 года, а бѣжалъ за море 977-го, слѣдовательно черезъ *семь* лѣтъ своего княженія въ Новгородѣ. Какъ же ты назначаешь всего *пять* лѣтъ? А что Владиміръ бѣжалъ къ Варягамъ черезъ *семь* лѣтъ своего

Новгородскаго княженія, то видно и по твоему Словарю: «977. Услышавъ объ убіеніи брата *Ярополка,* бѣжалъ за море» (стр. 9.). Тутъ, вмѣсто брата *Ярополка,* поставить слѣдовало: брата *Олега*! Между тѣмъ, воротясь съ Варягами, Владиміръ *«сѣде* въ Новгородѣ»—потому разумѣется, что онъ все еще былъ—*князь Новгородскій* (980 года); пошелъ онъ на Полоцкаго князя съ Варягами и Новгородскими Славянами, тоже, какъ *Новгородскій князь.* И взялъ онъ тогда себѣ женою Рогнѣду Рогволодовну. Припомни, вслѣдъ за тѣмъ, Грекиню Ярополковую, и прочая. Ясно, что Владиміръ былъ уже возмужалый и для военныхъ подвиговъ и для супружества; а ты представляешь его въ такомъ *отрочествѣ,* что не могло еще въ немъ обнаружиться «никакого гостепріимства!» И говоришь мнѣ въ заключеніе: «*слѣдовательно*—не слишкомъ ли *отважно* ты спрашиваешь у меня — нѣтъ ли еще какого недоумѣнія? Есть, но справься прежде съ *данными*!»—И такъ—все еще *есть* у тебя *недоумѣніе*! Отваживаюсь спросить: какое же именно?

На этомъ вопросѣ я прекращаю всю мою съ тобою ученую распрю, и въ заключеніе скажу словами нашихъ древнихъ междоусобствовавшихъ князей: «Мы есмы не Угре, ни Ляхове; но единого дѣда есмы внуци!»

Vale et nos ama!

Москва. 22 Сент. 1857 г.

II.

О ПРИЧИНАХЪ ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ, БЫВШАГО ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Письмо къ М. А. Грабовскому).

Съ особеннымъ вниманіемъ прочелъ я статью вашу, помѣщенную во 2-мъ томѣ Записокъ г. Кулиша. Въ ней, какъ видно, вы думали положить оливную вѣтвь мира на могилу давно отжитой старины Польско-Украинской—могилу, объ которой можно сказать словами народной пѣсни:

«Вся крôвцею обкипѣла.
Ой якою? Козацькою,
Вполовину изъ Ляцькою.»

Касаясь Польско - Украинскихъ междоусобицъ и смутъ, особенно Хмельниччины, вы говорите: «я не вступаюсь нисколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія; но, изъ уваженія къ *исторической истинѣ*, желалъ бы установить какія-нибудь *общія оправданія и обвиненія*, какъ одной, такъ и другой стороны» (с. 317). Да, она-то, всѣмъ намъ любезная и вожделѣнная *историческая истина*, и должна служить, намъ потомкамъ— оливною вѣтвію мира, послѣ долгой и кровавой междоусобицы нашихъ предковъ! Вы не разъ въ своей статьѣ указываете на разные недостатки всѣхъ прежнихъ исторій о войнахъ Польско-Козацкихъ; и я съ вами согласенъ; и съ своей стороны, въ разныхъ статьяхъ моихъ, касавшихся Исторіи Малороссіи, я указывалъ на погрѣшности въ ней ведущіяся, и нерѣдко толпами изъ книги въ книгу переходящія. Но отъ тѣхъ же недостатковъ не свободна и ваша статья, при всемъ уваженіи вашемъ къ исторической истинѣ. Вы говорите: «мы должны стоять выше *логики козацкой*» (с. 318). Но для чего же вы не стали выше логики *анти-козацкой*? А безъ того, установляя общія обвиненія и оправданія для обѣихъ сторонъ, вы слишкомъ много переложили *оправданія*—на сторону *Польскую*!

Пробѣгая слегка по всѣмъ струнамъ народной жизни, и ударяя forte только на двѣ—(на *безчинство* Польскихъ жолнѣровъ, квартировавшихъ на Украинѣ, и на *строгія мѣры* Польскаго правительства къ обузданію Козачества отъ наѣздовъ на Туреччину), вы думаете заглушить ими говоръ Исторіи о томъ, что Польское правительство и владѣльцы Украинскихъ имѣній угнетали Украину. Вы говорите: «смѣю сказать *утвердительно*, что ни административнаго гнета, ни гнета, проистекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, *быть не могло*. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать *добра*, которое *сдѣлали Украинѣ Поляки*» (с. 312).

«Нѣтъ худа безъ добра» говоритъ пословица; и, какъ въ нашей памяти о прошедшей жизни все тяжкое и лихое отсѣдаетъ большею частью на дно, а наверхъ всплываетъ преимущественно доброе; то прежде всего и хочется услышать отъ васъ: какое именно «*добро*, сдѣланное *Поляками* Украинѣ» и нами забываемое, вы намъ напоминаете? Въ отвѣтъ на это, вы продолжаете: «*Литвины* прогнали изъ этой страны Татаръ; *Поляки* эти безлюдныя степи почти вновь населили» (с. 322). Далѣе, желая напомнить намъ справедливость

господства Польши надъ Украиною, вы говорите: «это *господство* не было ни у кого похищено, ни отнято силою — развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны *Польши* ни завоеваніемъ, ни порабощеніемъ, а напротивъ — *освобожденіемъ* этой земли.»

Да, *Литовцы* съ своей стороны *освободили* Малороссію отъ Татаръ. Но вы продолжаете: «Отнятыя у Азіатскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни, *Поляки мало по малу заселили, упрочивъ безопасность Русичей,* остававшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ, и заохотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину.» (с. 316).

Такъ вотъ что называете вы *добромъ* Украинѣ отъ *Поляковъ,* старую пѣсню ошибочныхъ исторій о мнимомъ запустѣніи и безлюдьи Украины, порабощенной Татарами, о небываломъ заселеніи ея почти вновь—*Поляками!* Эту пѣсню пора бы уже позабыть; а вы ее выставляете намъ, какъ «*добро,* сдѣланное Украинѣ *Поляками*!»

Чтобы разсѣять этотъ историческій призракъ, и установить надлежащій вѣсъ, для разбора свидѣтельствъ о тогдашнемъ запустѣніи и заселеніи Украины, и получить надлежащую мѣру, для сужденія о господствѣ Польши надъ *Украиною,* припомнимъ и установимъ эпохи ея исторической жизни, съ той поры, какъ она утратила свою древнюю Великокняжескую *самостоятельность.*

I.) Эпоха *Татарской* власти надъ всею Украиною—отъ нашествія Батыева на Кіевъ, 1240 года, до освобожденія Кіева Гедиминомъ, 1320 года—всего 80 лѣтъ.

II.) Эпоха *Литовской* власти — отъ присоединенія Украины къ Великому княжеству Литовскому Гедиминомъ, 1320 года, до половины 1569 года, когда Украина (стараніемъ и волею Жигимонта-Августа) приняла *соединеніе* (унію) съ короною Польскою — всего 249 лѣтъ.

III.) Эпоха *Польской* власти — съ половины 1569 года, когда Украина стала въ составѣ *Рѣчи-посполитой Польской,* до приведенія Богданомъ Хмельницкимъ всей Украины подъ *державу Русскую,* въ Генварѣ 1654 года—всего *85 лѣтъ.*

(А если эпоху *Польской* власти считать до возстанія Хмельницкаго и кончины Владислава IV-го, въ 1648 году, то—всего *79 лѣтъ*).

IV.) Эпоха *раздвоеннаго* бытія Украины: *Восточной*—постоянно

подъ властію *Русскою*; *Западной*—сперва въ колебаніи между Россіею и Польшею, впродолженіе *57 лѣтъ*; потомъ (послѣ договора Прутскаго 1711 года), въ постоянной принадлежности Польшѣ, до конца ея королевства (1795).

Въ предѣлахъ этой исторической рамы, и не смѣшивая эпохъ, мы можемъ рисовать картину Украинской жизни исторически вѣрную. И здѣсь тотчасъ становится яснымъ, что все, относящееся къ населенію Украины до половины 1569 года, не должно быть приписываемо *Полякамъ*. Освобожденіе отъ Татаръ принадлежитъ Великому князю *Литовскому* Гедимину. Подъ властью преемниковъ его, и ихъ Кіевскихъ намѣстниковъ или удѣльныхъ князей Кіевскихъ— Украина *два съ половиною вѣка* жила отдѣльно отъ Польши, хотя нѣкоторые великіе князья Литовскіе, принимая на себя Польскую корону, были вмѣстѣ и королями Польскими. Но Украина, въ эти два съ половиною вѣка (какъ и въ прежнее 80-лѣтіе Татарщины) не оставалась *безлюдною пустынею*; Украинскій народъ не сидѣлъ такъ долго на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ. Разоряемые по временамъ отъ Татаръ города и села, если и залеживались иногда впустѣ, то заселялись опять своимъ же народомъ, Украинскимъ, не покидавшимъ своего отечества. Что города и села Украины, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра въ продолженіе Литовской эпохи не оставались впустѣ, то видно и по нѣкоторымъ старымъ спискамъ городовъ, и по отдачѣ ихъ Великими Литовскими и удѣльными Кіевскими князьями разнымъ лицамъ и монастырямъ въ вотчины (1);—видно еще изъ того, что почти всѣ города и села Кіевопереяславской земли, поминаемые Древнерусскимъ лѣтописаньемъ въ XII и XIII вѣкѣ — существуютъ донынѣ, подъ тѣми же своими древними именами, иногда нѣсколько измѣненными (2). Временныя

---

(1) На примѣръ: князь Витовтъ далъ *Глинскъ, Глинку* и *Полтаву* въ отчину Татарскому князю Лексѣ, родоначальнику князей Глинскихъ; а городъ *Остеръ* съ принадлежащими къ нему селами *Черниным*ъ, *Выползовымъ* и другими, отдалъ князю Митьку Сѣкирѣ; и прочая. Я не могу представить, чтобы все то были пустыри; да если бы на тотъ часъ, когда они были жалованы, и были пустырями, то немедленное за тѣмъ населеніе ихъ свидѣтельствуетъ, что на всѣхъ полосахъ Украины была *людность*, готовая для заселенія возобновляемыхъ городовъ и селъ.

(2) На примѣръ: городъ *Боровый* нынѣ *Боровица;* городъ *Дерновый* по Кіевской лѣтописи (или *Деврень* по Сѣверноруcскимъ писаніямъ) нынѣ *Дерен-*

запустѣнія городовъ и селъ Украинскихъ, какъ отъ набѣговъ Татарскихъ, такъ и по древнему праву простонародья на вольный переходъ изъ одной отчины въ другую, видны по старымъ актамъ и въ *третью* и въ *четвертую* эпоху Малороссійской жизни, когда было вліяніе *Поляковъ* на заселеніе, а иногда и на опустошеніе городовъ и селъ Украинскихъ (на примѣръ, городъ *Черкасы* сожженъ 1537 г.); а потому, и въ эти двѣ эпохи—не однимъ *добромъ* поминать могутъ Поляковъ города и села Украинскіе.

И такъ заселенія, бывшія на Украинѣ до соединенія ея съ Польшею 1569 года, несправедливо приписывать *Полякамъ*; и Украина до этого времени, отъ временъ Гедимина, не должна быть представляема «безлюдною пустынею.» Нашествіе Менгли-Гиреево на Кіевъ и окрестныя волости (1482 г.) было едва-ли не опустошительнѣе, чѣмъ нашествіе Батыево; но и послѣ Менгли-Гирея возобновленіе Кіева и окрестныхъ волостей произведено было не *Поляками*, которыхъ и не льзя назвать тогдашними *колонизаторами* Украины: до 1569 года они могли быть развѣ *колонистами*.

Г. Руликовскій, въ примѣчаніяхъ къ вашей статьѣ, приводитъ любопытную выписку изъ ревизіи Житомирскаго замка 1545 г., (1) по которой видно, что тамъ владѣльцами тогда были все «*дворяне Южнорусскаго имени* и Грекороссійскаго исповѣданія», какъ и вы утверждаете справедливо (стр. 317). «*Они-то*, говоритъ вашъ комментаторъ, заселили Украину, по грамотамъ *Польскихъ королей*, жалованнымъ имъ за заслуги *общему ихъ отечеству, Польшѣ*, подъ которою разумѣлось все, что не принадлежало державамъ сосѣднимъ» (с. 340). Но вѣдь Польша, до 1569 года, не была еще *общимъ отечествомъ* Поляковъ и Украинцевъ; Украина принадлежала еще къ составу Великаго княжества Литовскаго, интересы

ко́вець; городъ *Желнинъ*—по нынѣшнему *Жовнинъ*; *Зарубъ*—по нынѣшнему *Зару́бинци*; село *Янцино* подъ Переяславомъ—нынѣ *Яненки* (Малыя) и. т. д.

(1) У него обмолвкою сказано: «въ царствованіе Сигизмунда-Августа» (стр. 336): тогда княжилъ еще отецъ его, Жигимонтъ 1-й. По малой населенности вокругъ Житомира, бывшей 1545 года, не льзя еще *заключать*: «какъ ничтожна была *первоначальная* населенность края». Самъ Руликовскій, изъ той же ревизіи, приводитъ свидѣтельство, что «Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе Казиміра, были довольно *многолюдны*, а села сидѣли на своихъ селищахъ» (стр 333). А послѣ, въ 1545 году, люди уже, не смѣютъ «на селищахъ передъ Татары жити» и живутъ подъ защитою Житомирскаго Замка!—Подобные отливы народонаселенья бывали часто на всѣхъ полосахъ Южнорусской земли, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. На примѣръ, изъ реви-

котораго такъ часто шли врозь съ интересами Польши» (1). Не будемъ же приписывать Полякамъ и Польшѣ того, что по всей очевидной справедливости относится къ самой Кіево-Переяславской Руси, къ ея удѣльнымъ князьямъ Кіевскимъ, и къ Великимъ князьямъ Ли-

---

зіи *Остерскаго Замка*, составленной при Жигимонтѣ-Августѣ, видно, что въ трехъ миляхъ отъ Замка «пашню опущено за неспокоемъ отъ Татаръ»; а въ числѣ замковыхъ селъ означено «Село Жуки человѣкъ было *одинадцать*, алежъ *пять* ихъ сее зимы, послѣ колядъ, пошли прочъ».

Тѣмъ менѣе можно допустить дальнѣйшій выводъ г. Руликовскаго, изъ ревизіи Житомирскаго Замка: «Что же сказать о болѣе украинныхъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Уманя? Онѣ были тогда, въ полномъ смыслѣ слова, *дикою степью и пустынею.*» Мнѣ кажется, что этого никакъ не льзя сказать, особливо о землѣ около *Кіева* и *Черкасъ*. Временами и здѣсь, какъ и вездѣ, бывали отливы народонаселенія, запустѣніе городовъ, селъ и пашенъ; но вслѣдъ за тѣмъ происходили приливы народонаселенія, возобновленіе городовъ, селъ и земледѣлія. Такъ въ *Черкащинѣ*: въ XIV и XV вѣкѣ ею правили Черкаскіе *намѣстники* удѣльныхъ Кіевскихъ князей, жаловавшихъ тамъ села разнымъ лицамъ (на примѣръ, Олелько жаловалъ село *Родивоново* князю Ѳедору Глинскому). Слѣдственно, тамъ не была тогда «дикая степь и пустыня». Вы тоже говорите (стр. 312) о пожалованіи въ той сторонѣ королями Александромъ и Казиміромъ разнымъ лицамъ земель—иногда съ двумя или тремя подданными. Слѣдовательно, и тогда все таки не было «безлюдной пустыни»; (а къ тѣмъ двумъ - тремъ подданнымъ конечно, сходилось немедленно народу больше. Но въ XVI вѣкѣ, въ правленіе Жигимонта 1-го, когда «Черкаскимъ и Каневскимъ *старостою*» былъ Остафій Дашковичь, какъ *многолюденъ* тогда былъ тотъ край отъ Чигирина до Канева, и какъ былъ крѣпокъ тогда Замокъ Черкаскій!—Пожалованіе разнымъ лицамъ, въ разныхъ мѣстахъ Украины — *пустошей, пустынь*, запустѣлыхъ *городищъ, селищъ, дворищъ*, съ малымъ числомъ *подданныхъ* и совсѣмъ безъ *людей*, свидѣтельствуетъ только о неспокойномъ и тяжкомъ положеніи Украины въ тѣ времена; а не показываетъ ея *безлюдья*; быстрое населеніе возобновляемыхъ городовъ и селъ свидѣтельствуетъ о всегдашнемъ *многолюдствѣ* Украины; но оно было *передвижное*, сколько «за неспокоемъ отъ Татаръ» столько и по вольности перехода изъ одной волости въ другую.

Впрочемъ этотъ историческій предметъ требуетъ еще новой и подробнѣйшей разработки, какъ и вся вообще исторія Малороссіи, въ три первыя эпохи ея жизни, съ нашествія Батыева.

(1) Довольно будетъ здѣсь припомнить слѣдующее. Въ Литовскомъ Статутѣ Жигимонта 1-го, 1529 года, положено: «будучи въ панствѣ нашомъ коронѣ Польской не маемъ никому ничого въ панствѣ нашомъ Великомъ Князствѣ Литовскомъ зъ имѣній людей и земль давати» и т. д. (Разд. 1 ар. 25). Тежъ шлюбуемъ и обецуемъ, ижъ въ земляхъ нашихъ того Великого князства земль и городовъ, мѣстъ, и которыхъ колвекъ дѣдицствъ и держаня, и тежъ которыхъ колвекъ урядовъ, честей и достойности жадному *обчому*, але толко *прирожонымъ а тубылцомъ* (т. е. *природнымъ и туземцамъ*) тыхъ земль нашихъ Великого князства вышшемененого будемъ давати» (Разд. III.

товскимъ (независимо отъ того, были или не были они королями Польскими). *Два съ половиною вѣка* прошло отъ конца Татарщины до начала Польщизны на Украинѣ: и въ этотъ *Литовскій* періодъ ея жизни, не должно вносить произвольно ничего сторонняго и лишняго.

Вы упоминаете и о «*вліяніи Поляковъ* на *первоначальное* образованіе Запорожскаго братства,» — говоря, что на это «есть *много* указаній.» (с. 318) Прошу васъ указать мнѣ ихъ;—я ихъ еще не знаю; и полагаю доселѣ, что Поляки не имѣли вліянія на *первоначальное* образованіе *Товариства Запорожскаго*.

Устройство Козачества на Украинѣ вы также приписываете *вліянію Поляковъ*, прибавляя, что это «*фактъ*, давно признанный Исторіей» (с. 318). Но признаніе такого факта принадлежитъ къ ошибкамъ Исторіи. Козачество на Украинѣ повелось и распространилось еще въ первую половину XVI вѣка, въ княженіе Жигимонта I-го; и главнымъ устроителемъ Черкащины былъ *Остафій Дашковичь*, православный Русинъ. О сподвижникѣ его, первомъ козацкомъ гетманѣ (съ 1506 года)—*Предславѣ Ланцкоронскомъ*, я не знаю положительно, какого онъ былъ рода и исповѣданія (по эту фамилію имѣли и православные Русскіе люди). Послѣдующіе гетманы *Венжикъ Хмельницкій* и *кн. Дмитрій Ивановичь Вишневецкій* тоже были не Поляки, а православные Русины, какъ и *Самойло Кошка*, гетманствомъ своимъ принадлежавшій, кажется, первой половинѣ XVI-го вѣка. Козачество *Украинское* или *Городовое*, и Козачество *Запорожское* или *Низовое*, существовали за долго до

ар. 3) Такъ и въ Статутѣ Жигимонта-Августа, 1566 года, постановлено было «беручи то изъ Статуту старого—въ томъ панствѣ Великомъ князствѣ Литовскомъ и во всѣхъ земляхъ ему прислухаючихъ достойностей духовныхъ и свѣцкихъ, городовъ, дворовъ, старостовъ, въ держаньи и поживаньи и вѣчностей жадныхъ чужеземцомъ и заграничникомъ а ни сусѣдомъ того панства давати не маемъ; але то все мы и потомки наши великіе князи Литовскіе давати будутъ повинни *только Литвѣ, а Руси* родичомъ старожитнымъ и врожонцамъ Великого князства Литовского и иныхъ земль тому великому князству належачихъ» (Разд. III. ар. 9). Тамъ же: «Те жъ добра князства Литовскаго не уменьшимъ и то, што будеть черезъ непріятелей того панства нашого отдалено, разобрано и ку нишему панству отъ того панства нашого коли колвекъ упрошоно ку *Коронѣ* ку *Мазовшу* ку Прусомъ ку Ифлянтомъ, то за се ку власности того Великого князства привести, привлащати и границы оправити обецуемъ» (Разд. III. ар. 3).

1569 года, съ котораго можно вести начало историческаго *вліянія Поляковъ* на Украину.

Остановимся же теперь на этой *третьей* эпохѣ, и прежде всего—откажемся навсегда отъ извѣтшалаго и неправильнаго мнѣнія, будто *Поляки населили мало по малу пустыни Украины,* отнятыя у Азіатскихъ дикарей Литовцами! Въ послѣднюю четверть XVI-го вѣка возобновлялись и устроялись многіе города Украины, послѣ новыхъ опустошеній Татарами (не означенныхъ опредѣлительно въ исторіи); но они возобновлялись по большой части людьми *Русскими:* Чигиринъ, Корсунь—князьями Вишневецкими, Богуславъ, Каневъ—княземъ Янушемъ Острожскимъ, Сквира—княземъ Ружинскимъ и т. д. Въ Полтавщинѣ состоялась тогда огромная *Вишневéччина*—вотчина князя Михайла Александровича Вишневецкаго, перешедшая отъ него къ сыну его Михайлу Михайловичу. Новые владѣльцы на Украинѣ, бывшіе изъ природныхъ Поляковъ, конечно, населяли свои помѣстья, но изъ готоваго и подручнаго народонаселенія Украинскаго; а эти новыя ихъ заселенія были въ тоже время запустѣніемъ другихъ мѣстъ на Украинѣ, покидаемыхъ вольноперехожимъ народомъ.

А чтобы Поляки «упрочили безопасность Русичей» (отъ Татаръ), какъ утверждаете вы, то не было ли здѣсь на оборотъ? не щитилась-ли Польша Южною Русью отъ Татарвы? Татарскіе набѣги бывали нерѣдко и въ XVII-мъ и даже въ XVIII-мъ вѣкѣ. Упрочить безопасность Южной Руси отъ Татаръ суждено было не Польшѣ.

Еще вы говорите, что *Поляки заохотили* (Русичей), разбѣжавшихся въ другія земли, возвратиться на родину. Какихъ это эмигрантовъ Южнорусскихъ вы разумѣете? Вы говорите о князьяхъ *Южнорусскихъ* и *Южнорусскомъ дворянствѣ*, «возвратившихся изъ *скрытныхъ* и *отдаленныхъ* мѣстъ, куда загнали ихъ Татары» (стр. 317). Объясните мнѣ эту историческую загадку!.. Quis.... quando? Именно въ *третью* эпоху Украинской жизни и начались выходы Украинскаго козачества и простонародья изъ своей родины на земли Московскаго государства. Въ 1582 г. появились наши *Черкасы* въ Путивльскихъ предѣлахъ. Въ 1611 г. перешло 10,000 нашихъ козаковъ на Донецъ. Но особенно въ *десятилѣтіе,* прошедшее отъ Остряницы до гетманства Хмельницкаго (1638—48), въ которое такъ непосредственно и крѣпко распоряжались и начальствовали *Поляки* надъ

козачествомъ Украинскимъ, тогда—сколько тысячь Приднѣпровскаго народа переселилось въ Слободскую сторону! Да и въ гетманство Богдана Хмельницкаго, въ 1651 году, когда, по силѣ Бѣло-Церковскаго договора, Поляки снова стали возвращаться на Украину, какъ много тогда Украинскаго народа покинуло свою родину и перешло въ Слобожане!

Между тѣмъ вы говорите: «я ужъ сказалъ, что *господство* Польши надъ Украиною было *справедливо*; теперь прибавлю, чего никто до меня не произносилъ, что оно было — *благотворно*. Это новое мнѣніе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состояніе Украины до Хмельницкаго, ея населенность и богатство говорятъ о томъ *слишкомъ убѣдительно* » (с. 318).

На это я замѣчу, что и самая *справедливость* господства Польши надъ Украиною требовала бы съ вашей стороны болѣе яснаго показанія и раскрытія. По «логикѣ козацкой» — это *господство* признавалось не совсѣмъ законнымъ, и не совсѣмъ справедливымъ. Кіевопереяславская Русь или Украина приняла *соединеніе* съ Польшею въ одну *Рѣчь Посполитую*, на правѣ людей *равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными*: «jako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi» — сказано въ актѣ соединенія 5 Іюня 1569 г. Это коренное условіе, постановленное и узаконенное актомъ соединенія, предполагаетъ *равенство* обѣихъ сторонъ, въ составѣ *Рѣчи-Посполитой*, а не *господство* одной надъ другою. Потому-то и видимъ обыкновенно, что козацкое рыцарство, признавая вполнѣ свое *подданство* Польскому королю, какъ *главѣ* политическаго тѣла,—признавая обязанностію своею *служеніе* Польской коронѣ, наровнѣ съ Поляками,—не признаетъ, однако, законнымъ и справедливымъ насильственнаго надъ собою *господства Поляковъ*. И чѣмъ *добровольнѣе* было соединеніе Украины съ Польшею, какъ равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными, тѣмъ незаконнѣе и тяжелѣ должно было казаться для Украинцевъ *господство* надъ ними Поляковъ. Я говорю это собственно для поясненія «логики козацкой»— не входя въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли оное *соединеніе* было выраженіемъ доброй воли и желанія со стороны Литовскаго княжества и Кіевской Руси. Вспомните, чего стоило Польшѣ добиться до этого «добровольнаго соединенія»—сколько воды ушло отъ первой къ тому попытки до совершенія дѣла,—и что̀ отвѣчали соединяемые каждый разъ Полякамъ на ихъ предложенія!

Что же касается до вашего утвержденія, будто господство Польши надъ Украиною «было *благотворно,*» то указанное вами *состояніе* Украины до Хмельницкаго» — ни сколько не говоритъ въ пользу того; а не то чтобы оно говорило «слишкомъ убѣдительно!»

Развѣ это *благотворное господство,* когда въ ближайшія къ гетманству Хмельницкаго десять лѣтъ (1638 — 1648), Украинское народонаселеніе бѣжитъ тысячами изъ своей родины; а въ предъидущія десять лѣтъ—оно погибаетъ тысячами, въ битвахъ съ Поляками, при непрестанныхъ ополченіяхъ гетмановъ: Тараса, Сулимы, Павлюка, Остряницы, Гуни, — неудержимыхъ никакими казнями? Тутъ противъ *благотворности* Польскаго господства говоритъ сама Исторія.

Вы въ доказательство упоминаете еще о *народныхъ пѣсняхъ* и обычаяхъ Украинскихъ, что они «почти столь же *дороги* для Поляка, какъ и для Малороссіянина» (стр. 319). Это явленіе, конечно, утѣшительное; но оно говоритъ въ пользу насъ, утихомиренныхъ потомковъ, а не въ пользу враждовавшихъ между собою предковъ нашихъ (да будетъ имъ перомъ земля!). Какъ одинъ изъ старѣйшихъ между собирателями народныхъ пѣсенъ и Малороссійскими этнографами (порадованный нѣкогда вашимъ прекраснымъ разборомъ моего втораго изданія Украинскихъ пѣсенъ, въ вашей достопамятной книгѣ «Literatura i Krytika»),—я позволяю себѣ рѣшительно противорѣчить вамъ, именно содержаніемъ и духомъ Украинскихъ пѣсенъ, относящихся къ временамъ отъ Наливайка до Хмельницкаго включительно. Въ тѣхъ пѣсняхъ, какъ и въ пѣсняхъ *четвертой* эпохи Малороссійской жизни, — гдѣ только идетъ рѣчь объ отношеніи Украины къ Польшѣ и Полякамъ, тамъ ихъ *господство* оказывается вовсе не милымъ для Украинцевъ: и по пѣснямъ—никакъ нельзя сказать того, что вы сказали теперь по этому поводу: «Такое развитіе духовной жизни въ Южной Руси не иначе могло совершиться, какъ *подъ вліяніемъ любви и свободы*» (стр. 319). Нѣтъ, не свобода, а насиліе отъ Поляковъ, не любовь, а ненависть къ Полякамъ—высказываются безпрестанно въ пѣсняхъ народа Украинскаго въ продолженіе двухъ столѣтій. И если собрать воедино всѣ отрывки народно-украинскихъ пѣсенъ о *Ляхахъ,* тогда — какой грозный голосъ народной поэзіи будетъ противъ справедливости и благотворности Польскаго господства надъ Украиною! А народныя пословицы и поговорки представляютъ неутѣшительное къ нимъ до-

полненіе. «За наши грѣхи надходятъ Ляхи» — говорили въ свое время Русины. «Щобъ же я тричи Ляховъ ставъ, коли то неправда!» и теперь еще говоритъ Украинецъ; а другой при этомъ тотчасъ останавливаетъ его замѣчаніемъ: «чоловѣче, схаменись! Помни на свою душу, не запропащай ѣѣ!» А что народъ Украинскій смотрѣлъ на всѣхъ Поляковъ одинаково, то высказалъ онъ въ пословицѣ: «на одинъ копылъ дѣдько всѣхъ Ляховъ кроивъ.»

Вы говорите, все къ тому же: «духъ подавленія другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ единственную силу политической системы соединенія разноплеменныхъ провинцій составлялъ у нихъ — духъ *терпимости* и какой-то великодушной *гордости*, которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь что-нибудь, но заставляла что-нибудь придавать отъ себя; и это всего яснѣе выражается въ *добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшею*» (стр. 318).

Но если взять и то, гдѣ всего яснѣе, по вашему, выражается вами сказанное: развѣ при *соединеніи* 1569 года не отнято было у Литовскаго княжества давнее достояніе онаго — земля Кіевская, пріумноженная отъ него цѣлымъ *Запорожьемъ* (бывшимъ прежде землею Половецкою или Команскою)? Развѣ уступлена была Литвѣ принадлежавшая ей Волынская земля, за которую шла у нихъ такая долгая и неуступчивая тяжба? И развѣ довольною осталась Литва тѣмъ «добровольнымъ соединеніемъ»? А что придали *своего* Поляки Украинѣ, присоединившейся къ нимъ непосредственно, отдѣльно отъ княжества Литовскаго, съ которымъ она, въ продолженіе *двухъ съ половиною вѣковъ*, составляла одно сильное государство Западно-Русское? Великодушіемъ ли означалась на Украинѣ та великодушная *гордость* Поляковъ, — которой, впрочемъ, не льзя не признать, въ другихъ случаяхъ и отношеніяхъ? А что придали они своего Галицкой или Червоной Руси, такъ давно ими завладѣнной и донынѣ оторванной отъ Русскаго міра?.. Что же касается до «*духа терпимости*»: то его-то не льзя назвать *единственною силою*, которою держала Польша Украину въ политической системѣ своего королевства. Будь онъ у Поляковъ, *вся Украина* могла бы остаться въ соединеніи съ Польшею не *85 лѣтъ* только—и какихъ лѣтъ?—въ продолженіе которыхъ было столько кровавой междоусобицы, приведшей всю Украину къ освобожденію себя отъ Польши и къ переходу подъ державу Русскую. Былъ духъ терпимости у Поляковъ, пока они домогались *соединенія* съ ними Украины: но что пользы было въ той

терпимости для Украины, еще не имѣвшей прямаго соприкосновенія съ Польшею? А когда совершилось *соединеніе* ихъ въ одно политическое тѣло — духа терпимости не стало скоро, и особенно съ той поры, какъ новоизбранный король, Жигимонтъ III, съ своими душевладѣльцами іезуитами, началъ поднимать въ Польшѣ католичество, добровольно покинутое въ томъ вѣкѣ столькими Поляками и Литвинами, для реформатства. Іезуиты были мастера своего дѣла; и съ возобновленіемъ католичества въ Полякахъ, они влили въ нихъ *духъ нетерпимости* и *вѣрогоненія*, равно какъ и въ ту часть Южнорусскаго шляхетства, которую они успѣвали ловить въ свои хитролестныя сѣти.

И здѣсь-то *главная* причина того *разрыва* между Украиною и Польшею, который и вы назвали—«неизбѣжнымъ» (стр. 317). Вы сами проговорились было объ томъ, въ началѣ своей статьи, когда, поставляя на первомъ планѣ картины вашей *безчинство Польскихъ жолнѣровъ*, сказали: «что на Украинѣ они распоряжались точно такъ же, а можетъ быть и хуже того. Въ провинціи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной, населенной народомъ *иноплеменнымъ* и *иновѣрнымъ*, Польскій жолнѣръ становился, безъ сомнѣнія, еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ» (стр. 310).

Въ самомъ дѣлѣ: такое ужасное и безумное глумленіе Польскихъ жолнѣровъ надъ Украинскимъ народомъ, какое видно изъ универсала Остряницы, и которое было тѣмъ больнѣе, что было по свѣжимъ слѣдамъ тѣхъ казней, какія Потоцкій совершалъ по всей Украинѣ 1648 года, по взятіи Павлюка—могло ли оно не произвести новаго и немедленнаго возстанія, въ продолженіе прежнихъ? Но объяснять возстаніе Хмельницкаго, по вашему — «всего болѣе насиліемъ и сумазбродствомъ Польскихъ жолнѣровъ» (стр. 130)—я нахожу пріемомъ несогласнымъ съ исторической истиною. Въ десятилѣтіе, прошедшее отъ Маслоставской коммиссіи до гетманства и возстанія Богдана, было и другое, тяжкое для всей Украинской Руси, дѣло: назначеніе полковниковъ во всѣ козацкіе полки и коммиссара, вмѣсто гетмана, изъ *Поляковъ*. Но козацкій рыцарь, Хмельницкій, и тутъ былъ еще десять лѣтъ терпѣливо покоренъ войсковой власти, такъ же, какъ и при выдачѣ Павлюка подъ Боровицею, гдѣ онъ подписалъ договоръ, будучи тогда *Войсковымъ Писаремъ*. Еще и въ 1647 году, Хмельницкій, будучи тогда *Чигиринскимъ сотникомъ*, ходилъ съ своимъ полковникомъ Полякомъ противъ Татаръ, сдѣ-

лавшихъ набѣгъ на Чигиринъ. А между тѣмъ—какія оскорбленія и обиды терпѣлъ тогда этотъ заслуженный въ Рѣчи Посполитой воинъ, терпѣлъ не отъ квартировавшихъ на Украинѣ Польскихъ жолнѣровъ, а отъ подстаросты Чигиринскаго и отъ другихъ должностныхъ распорядителей Украиною; терпѣлъ, не находя себѣ суда и расправы даже и въ Сенатѣ! Вы говорите: «всѣ мы давно ужъ знаемъ, что Запорожье поднялось по случаю *частыхъ обидъ,* нанесенныхъ Хмельницкому Польскими урядниками» (стр. 313). *По случаю*—такъ; но вѣдь въ мірѣ не рѣдко великія дѣла зачинались отъ малыхъ случаевъ—per angusta ad augusta. Какъ бы что ни было велико само по себѣ, а если оно еще не пристало къ сердцу всѣхъ и каждаго, или хоть большинства, то оно не въ силахъ поднять цѣлаго народа, какъ одного человѣка. Запорожье поднималось не разъ на Поляковъ и до Хмельницкаго; и не всякій же разъ поднималось оно, по случаю *частыхъ обидъ.* Такъ Сулима возсталъ за построеніе Кодацкой крѣпости Конецпольскимъ. Но возвратимся къ Богдану Хмельницкому. Послѣ столькихъ *частыхъ обидъ* ему, бѣжалъ онъ на Запорожье, не для того только, чтобы избавиться отъ тюрьмы и вѣроятно смерти, назначенной ему прихотливою волею магната (Потоцкаго); онъ бѣжалъ, имѣя въ своихъ рукахъ «королевскіе листы», благопріятные для козачества и Украины, которые затаилъ было недругъ своей отчизны, асаулъ Барабашъ, и которые замысловатымъ случаемъ досталъ Хмельницкій. Этою то силою, то есть *королевскими листами,* и поднялъ онъ Запорожье на возстаніе, на которое такъ единодушно откликнулась вся Украина, потерявшая наконецъ все свое воловье терпѣніе. А что королевская воля была тогда въ разладѣ съ большинствомъ вельможныхъ Польскихъ пановъ, что король самъ поощрялъ козаковъ защищать вооруженною рукою свои права отъ Поляковъ, то относилось къ дизорганизаціи Польскаго королевства, которая тогда начиналась уже ощутительно.

Личныя обиды, особенно, если онѣ касаются большинства лицъ, составляющихъ общество, — такія обиды, какія терпѣлъ Богданъ Хмельницкій, одинъ изъ разумнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ козацкихъ, такъ вѣрно служившій двумъ королямъ своимъ и Польской коронѣ; около 30-ти лѣтъ, на морѣ и на сушѣ,—если такія обиды продолжаются сплошъ да рядомъ нѣсколько десятилѣтій: тогда онѣ составляютъ сумму вполнѣ достаточную для народнаго протеста всей Украины, въ улику *неблаготворности* Польскаго надъ нею *го-*

сподства. А вы говорите о войнахъ Хмельницкаго: «очевидно, что эти войны могли вспыхивать только въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ *богатъ*, можно сказать, даже *свободенъ*, и раздраженъ только такими *единичными* или *мѣстными* обидами, о какихъ мы только что говорили,» (стр. 312). При такомъ представленіи, пожалуй, можно подумать, что Украинское козачество и простонародье съ жиру бѣсились, и были ужъ черезъ-чуръ обидчивы и самолюбивы! Но въ самомъ дѣлѣ, о тогдашнемъ господствѣ Поляковъ надъ Украиною, можно сказать ея же поговоркою: «залили сала за шкуру!» А тогдашнее *богатство* Украины было для нея — «чужая корысть». У Чигиринскаго козацкаго сотника негодный подстароста Чигиринскій отнималъ отцовское сельцо его, достопамятное въ исторіи *Суботово*; большая половина нынѣшней Полтавщины работала на роскошество отступника отъ Православія Іереміи Вишневецкаго; а моя родимая Бубновская Сотня обливалась потомъ на упитаніе іезуитовъ Переяславскихъ...

Вы хотите снять еще одинъ тяжеловѣсъ съ Польской чаши, стараясь доказать, будто *не было* тогда, и даже *не могло быть*, «гнету», проистекающаго изъ права владѣльческаго. Но вѣдь давно сами Польскіе латинисты сложили вирши:

Clarum Regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum,
Paradisus Judaeorum
Et *infernus rusticorum* (*).

Въ «золотой вѣкъ» Жигимонта—Августа насталъ желѣзный вѣкъ для простонародья Южнорусскаго.

Относительно владѣльческаго права, что изъ него *могъ* проистекать сильный *гнетъ* для простонародья, я припомню здѣсь, что еще въ 1557 году предоставлено было помѣщику и его управляющему безъотвѣтное право казнить своихъ крестьянъ смертью; а черезъ три года послѣ соединенія Украины съ Польшею, т. е. 1572 года, издано было постановленіе, запрещающее жаловаться подданнымъ крестьянамъ на своихъ помѣщиковъ.—Относительно дѣйствительно бывшей тяготы, я укажу все на тоже, можно сказать, общее мѣсто писателей на-

(1) Свѣтлое царство Поляковъ есть небесное царство для пановъ, рай для жидовъ, и адъ для мужиковъ.

нихъ: «Описаніе Украины» Боплана, современника Хмельницкаго; это свидѣтель сторонній, и не пристрастный къ Украинцамъ, воевавшій противъ нихъ, по службѣ своей въ рядахъ Польскихъ. Изъ писателей Польскихъ сошлюсь на великолѣпные и, можно сказать, классическіе *Климактеры* Коховскаго. А изъ Украинскихъ свидѣтельствъ я приведу вамъ слова славнаго гетмана Сагайдачнаго, не поднимавшаго оружія на Поляковъ. Въ своемъ письмѣ къ королю Жигимонту III, отъ 15 Февраля 1622 года изъ Кіева, онъ говорилъ:

«А любо зъ стороны высокодумныхъ и вельможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ—Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украинѣ, властной предковѣчной отчизнѣ нашой, власть свою неслушне распростираючихъ, повѣваютъ на насъ Войско Запорозское холодныи и непріязненыи вѣтры, хотящіи славу нашу въ персть вселити, и насъ братію свою, вѣрныхъ Вашого найяснѣйшого Величества, и всей Коронѣ Полской слугъ, въ подданство и ярмо работническое собѣ безбожне наклонити; однакъ уповаемъ, же кгды Ваше Величество восхощетъ и повелитъ, то внетъ бури и вѣтры оные престанутъ и въ тишину преложатся. И не такъ есть намъ жалостно на пановъ прреченыхъ, яко на ихъ старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которыи ни Бога боятся, ни премощныхъ Вашого найяснѣйшого Величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ: бо скоро я гетманъ, по указу Вашого Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ козаками зъ Украины выйшолъ, тогда они старостки заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіе работизны панскіе, безъ жаднаго обзору и призрѣнія, часто выгонити, бити, и вязенями неслухающихъ мордовати; що тяжко и жалосно козакамъ, зъ службы Вашой монаршой военной, зъ ранами еще неугоеными и червей полными, поверпувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати, и слезы зъ очесъ ихъ точащіяся видѣти... Ваше же найяснѣйшее королевское Величество, яко отецъ милостивый и Панъ нашъ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню нашомъ, можетъ своевольныхъ старостокъ и праволомцовъ (которые на особливомъ реестрику выражаются) усмирити и покорити; а козаковъ бѣдныхъ отъ ихъ безбожныхъ насильствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгды жъ, если они козаки не получатъ въ томъ Вашого королевского найснѣйшого Величества призрѣнія и респекту, то же бы що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемрують) не уродилося, и огня гнѣвного (чего не дай Боже) не запалило; въ якій часъ, уже

не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницъ старостокъ, велможныи ихъ милость панове Польскіи нарѣкати и жалковати мусѣли бы».

Эти слова достопамятнаго гетмана, такъ вѣрно служившаго королю и коронѣ, и вмѣстѣ такъ много радѣвшаго для Православія Украины и ея просвѣщенія, показываютъ намъ ясно, что великъ былъ тогда на Украинѣ *гнетъ владѣльческій*, простиравшійся беззаконно даже на козачество; и что *онъ* дѣйствительно былъ однимъ изъ поводовъ къ новому возстанію Козачества на Поляковъ, которое и началось вскорѣ по смерти Сагайдачнаго. Согласно съ гетманомъ, обвиняющимъ болѣе *старостокъ*, чѣмъ самихъ вельможныхъ пановъ, гласитъ и Украинская простонародная поговорка: «не такъ паны, якъ тѣ пôдпанки.» Но то все-таки не оправданіе панамъ, что они не самолично, а посредствомъ своихъ подстаростокъ томили народъ. А эти ненавистные *Жиды арендари*, которымъ давались отъ Польскихъ пановъ такія страшныя и оскорбительныя права надъ владѣльческими имѣніями, простиравшіяся даже на жизнь подданныхъ крестьянъ и на Православныя церкви!... До *соединенія* съ Польшею жидамъ не было такого житья на Украинѣ; и еще въ Статутѣ Владислава-Ягелла Ольгердовича (1420) вѣрно сказано было о жидахъ, что отъ нихъ «христіанство убожело».

Вы говорите: «смѣло можно сказать, что преднамѣренной идеи угнетенія Украины оно (Польское правительство) *никогда не имѣло и имѣть не могло.*» (с. 311).

Зачѣмъ же говорить это, когда въ правленіе Жигимонта III-го настало угнетеніе Православныхъ и другихъ диссидентовъ, въ пользу Католиковъ—именно по *преднамѣренной идеѣ*! Развѣ безъ преднамѣренія было, на примѣръ, королевское повелѣніе не пропускать патріаршихъ пословъ, въ 1593 году; или королевскій универсалъ 1596 года, запрещающій строить Православныя церкви; и нѣкоторыя другія повелѣнія, притѣснительныя для Православныхъ!... Но вы, въ своей картинѣ прошедшаго, совсѣмъ не упоминаете объ этомъ; и самая *Унія*, бывшая яблокомъ раздора между Православными и Католиками, у васъ поставлена вдали и въ такомъ освѣщеніи, при которомъ она не имѣетъ своего подлиннаго вида; а главнодѣйствующія лица іезуиты, и совсѣмъ у васъ не видны. Вы говорите, что народъ Украинскій, раздраженный жолнѣрами и строгими мѣрами» придалъ значеніе угнетенія и насилія между прочимъ—и желанію пра-

вительства Польскаго «соединить Южнорусскую церковь съ Римскою. Эту несчастную Унію предали проклятію и Малороссіяне и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія.» — Дѣйствительно требуетъ, дабы всѣ видѣли ясно и существо ея, и всю ея исторію въ Югозападной Руси; — требуетъ тѣмъ болѣе, что знаменитые іезуиты, въ своихъ сочиненіяхъ, дозволяли себѣ не только преднамѣренное перетолкованіе, но и вымыслы небывалыхъ событій. И еще незабвенный Иннокентій, 1840 года въ Кіевѣ, собиралъ прилѣжно все, что было печатано и писано объ Уніи, предполагая соединить все то въ одно изданіе, подъ заглавіемъ: «Памятникъ Уніи». Въ IV томѣ Актовъ Югозападной Россіи напечатано нѣсколько неизвѣстныхъ дотолѣ и очень важныхъ матеріаловъ для исторіи Уніи. Сверхъ того, много драгоцѣнныхъ и неизвѣстныхъ доселѣ актовъ объ Уніи выбрано изъ гродскихъ книгъ, трудолюбіемъ профессора Иванишева (да не умедлитъ онъ обнародованіемъ ихъ!).

Между тѣмъ вы продолжаете: «я не могу здѣсь о ней распространиться ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачею Уніи было *устройство іерархіи*, а не *перемѣна вѣроисповѣданія*; но принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа» (с. 319).

Но Унія и не могла быть иначе принята всѣми Православными; ибо главное и первое ея условіе было — признаніе *главенства и непогрѣшительности Папы Римскаго*; а это есть уже существенная *перемѣна Православнаго исповѣданія*, которое признавало и признаетъ Главою Церкви—*Іисуса Христа*.

Задачею Уніи, говорите вы, было «*устройство іерархіи*»—т. е. іерархіи *Римской;* и она, конечно, весьма нуждалась въ томъ, послѣ реформаціи, отъ которой былъ такой большой ущербъ въ паствѣ Папской. Но устройство Римской іерархіи, посредствомъ *Уніи, было задачею разстройства* нашей *Православной іерархіи* или *митрополіи Кіевской*, подлежавшей отъ перваго начала своего къ *Патріаршеству Константинопольскому*. На это разстройство Жигимонтъ III, какъ король Польскій, не имѣлъ никакого права; напротивъ, онъ обязанъ былъ поддерживать и охранять ея устроеніе. И въ какое же время вздумалъ онъ привлачить къ Римскому престолу митрополію Кіевскую: когда родная и ближайшая ей митрополія Московская возвысилась на степень особаго *Патріаршества!*

Оскорбительною и ненавистною для народа — для *всѣхъ* сословій Южнорусскаго народа, сдѣлалась Унія потому, что она и подготовлена, и объявлена была — безъ участія и согласія народа; что она вводима была мѣрами насильственными, незаконными и притѣснительными для всѣхъ Православныхъ. Можно ли было такому важному дѣлу, какъ *соединеніе* Кіевской Православной іерархіи съ Римско-Католическою, совершиться безъ соборнаго совѣщанія и согласія всѣхъ Патріарховъ Православныхъ? А оно совершилось не только безъ ихъ согласія, но и вопреки желанію Южнорусскаго народа,—обманнымъ дѣйствіемъ двухъ самозванныхъ, не отъ Руси посланныхъ въ Римъ, епископовъ, *Терлецкаго* и *Поцѣя*, да третьяго отступника отъ Православія, митрополита *Рагозы*, которые всѣ три настроены были къ тому отъ короля, посредствомъ соблазнителей іезуитовъ, да такихъ насильниковъ, какимъ былъ на примѣръ Луцкій староста Александръ Сѣмашко въ 1690 и 1691 годахъ. Подробности той подготовки и все веденіе оной, до самаго дня объявленія Уніи на Брестскомъ Соборѣ (1595 года Окт. 9), были такъ нечестны и наглы, что должны были возбудить глубокое негодованіе и презрѣніе во всей Южной Руси, начиная съ перваго представителя ея и поборника, князя К. К. Острожскаго, воеводы Кіевскаго. Но не смотря на народный протестъ противъ Уніи, она была введена *насильственно*, съ утѣсненіемъ Православія въ землѣ Южнорусской. Эта несчастная Унія и была главною зиновницею раздора между Польшею и Украиною. Раздоръ этотъ знаменовался не одними ополченіями Козачества, но и войною духовною, первоначальникомъ которой былъ онъ же, святопамятный князь, К. К. Острожскій.—Вы говорите, что Унія «служила *знаменемъ*, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятіяхъ предпринимаемое возстаніе.» Положимъ и такъ; но это показываетъ уже, что значила она для Православнаго Южнорусскаго народа. Она была искренно названа «*наибольшимъ* утѣсненіемъ» въ универсалѣ Остряницы (1638 г.), поднимавшемъ народъ на новое *возстаніе*. Также точно главнымъ зломъ и поводомъ къ раздору признавали Унію козацкіе вожди и въ своихъ *мировыхъ* съ Поляками, соглашаясь взаимно на *искорененіе Уніи*, какъ на примѣръ, въ договорѣ Зборовскомъ 1649 года. Чтобы показать, какъ ей не рады потомъ были и Поляки и Козаки, я приведу слѣдующія слова объ *Уніи* изъ *Коммиссіи Гадяцкой* (1658 г.), столь благопріятной для Поляковъ: «А тоей

вѣры, которая есть *противная вѣрѣ Греческой Православной*, которая *раздоръ между Римскимъ и Старогреческимъ законамъ умножаетъ*, никто изъ духовныхъ и мірскихъ сенаторскаго и шляхетного становъ—церквей, монастырей строити, возстановляти и умножати, такъ въ добрахъ духовныхъ, яко королевскихъ и собственныхъ наслѣдныхъ, якимъ нибудь образомъ не имѣетъ и силою сей коммиссіи не долженъ будетъ вѣчными часы.»

За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ (1638) молодой гетманъ Острянница, въ универсалѣ, поднимавшемъ народъ къ возстанію на Поляковъ, говоритъ: «а що *найбольше*, же и хвала Божія въ церквахъ православныхъ—отъ тѣхъ непріятелей нашихъ отщепенцовъ и геретиковъ Ляховъ, хощетъ и усиливается перемѣнити и до заблужденія Римского *на Унію обернути и гвалтовне преклонити*». Это *гвалтовное* (насильственное) преклоненіе на Унію и лежало на сердцѣ у всей православной Украины, какъ горе *наибольшее* всѣхъ прочихъ. Такъ и старый гетманъ Сагайдачный, главный виновникъ возстановленія Православной Кіевской митрополіи (1620 года) — онъ, въ своемъ прощальномъ, предсмертномъ письмѣ къ королю Жигимонту III, въ Мартѣ 1622 года, говоритъ: «*Особливе Унія*, за милостивымъ Вашого найяснѣйшого королевского Величества позволенемъ, теперь зъ Руси чрезъ святѣйшого Өеофана патріарху Іерусалимского знесенная, абы впредъ въ той же Руси никогда не отновлялася и своихъ роговъ не возносила. Маютъ або вѣмъ отци іезуиты и все духовенство костела Римского — (и безъ насъ Православныхъ) кого до Уніи своеи наворочати и присвояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А мы Православныи, древнихъ святыхъ Апостольскихъ и отческихъ преданій и догматовъ безъ жадной Уніи и схизмы придержащися, не отчаеваемся нашого спасенія и блаженнаго живота вѣчного».

Какъ ожесточены были козаки на первыхъ уніатскихъ пастырей, которые, ставъ отступниками отъ Православія, были злѣйшими хулителями и гонителями его, о томъ и говорить нечего. Это раздвоеніе Югозападной Руси, въ религіозномъ отношеніи, на Унитовъ и Неунитовъ — было великое зло, происшедшее отъ господства Польши надъ Югозападною Русью. А какъ и со стороны католической *Унія* была первымъ способомъ и дѣйствіемъ къ подавленію Православія въ Кіевской и всей Югозападной Руси, то въ исторической картинѣ

прошедшихъ смутъ и междоусобицъ, Унія должна стоять на первомъ планѣ.

Если бы она объявлена была мирно, какъ зазывная figura на заселеніе новой *слободки* въ панскомъ владѣніи людьми вольноприходящими, тогда дѣло было бы совсѣмъ иное. Но Унія кинулась на Кіевъ, пуще Татаръ, посягая на подавленіе Православной вѣры, составлявшей издревле первѣйшую святыню жизни для человѣка Южнорусскаго. И потому-то Унія, равно ненавистная для всѣхъ Православныхъ, встрѣтила себѣ отпоръ во всѣхъ сословіяхъ Южнорусскаго народа. И каждый своими способами, кто во что гораздъ, отстаивалъ Православную церковь отъ разнообразнаго не нее нападенія со стороны католической и уніатской. Шла не одна войсковая борьба козацкая, но и умственная борьба книжная—та и другая, во взаимной связи. А между тѣмъ, въ усиленіе утѣсняемаго Православія, устроялись новые монастыри и возвышались прежніе, собирались новыя церковныя братства, заводились новыя школы и типографіи. Сталь, бьющая о кремень, высѣкала искры; и возгоралось вновь просвѣщеніе Православно-Русское, задремавшее въ Кіевской землѣ, во времена ея Литовства. Вотъ развѣ гдѣ *благотворная* сторона тогдашняго господства Польши надъ Украиною, хотя и неожиданная, нежеланная для первой.

Умственное образованіе — его назвалъ бы я, въ отвѣтъ на ваши слова: «неужели между Украиной и Польшей не было никакой разумной внутренней связи?» (с. 316) Но, къ сожалѣнію, и эта *разумная внутренняя связь* Польши съ Украиною скоро стала вся въ рукахъ іезуитовъ.

Вы, между прочимъ, говорите: «Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду: почему знаменитые Южнорусскіе патріоты, какъ *Острожскій, Вишневецкій, Кисѣль* и вообще *все дворянство Южной Руси*, дворянство большею частію родовое Русское и Православное или «благочестивое» *держали сторону Поляковъ?* Что ни говори, а Украинскія смуты были не что иное, какъ *войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война*» (стр. 316).

Нѣтъ, это не такъ; и въ нашихъ исторіяхъ (не выключая и моихъ историческихъ статей о Малороссіи), не упускали изъ виду этого обстоятельства; но оно съ нашей точки зрѣнія совсѣмъ не такимъ являлось, какимъ вы его представляете. Знаменитѣйшіе

патріоты и все Православное дворянство Южной Руси, въ разсматриваемой нами смутной борьбѣ (въ *третью* эпоху)—не держали стороны *Поляковъ*, противъ остальныхъ сословій Украинскаго народа; напротивъ, они были на сторонѣ, преслѣдуемой католичествомъ Польскимъ. Поглядите на выписки изъ актовъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства (первоначально обнародованныя мною въ «Кіевлянинѣ» книгѣ 2-й), на Почаевскую запись Анны Гойской 1597 г. (помѣщенную въ 3-й книгѣ «Кіевлянина»), на акты Кіевскаго Братства (изданныя въ «Памятникахъ Кіевской Коммиссіи», книгѣ 2-й): изъ нихъ очевидно, какъ единодушно и одностойно соединялось Южнорусское дворянство со всѣми прочими сословіями своего народа, въ отстояніе Православной Церкви отъ гоненій Польско-католическихъ и уніатскихъ. Припомните *Виленскую Конфедерацію* 1599 года, въ которой знатнѣйшее *Православное* дворянство Южной Руси соединилось съ *протестантскимъ* дворянствомъ Литовскаго княжества, на отпоръ первому и жестокому насилію Польско-католическому. Это гоненіе такъ подробно и разительно изображено въ томъ *патріотическомъ* актѣ (¹); а подписались на немъ первыми, изъ *Православныхъ: князья* — Константинъ и сынъ его Александръ *Острожскіе*, Ѳеодоръ *Сангушко*, Адамъ и Михаилъ *Вишневецкіе*, Акимъ *Корецкій*, Кириллъ *Ружинскій* и проч., (а изъ *Евангеликовъ* — князь Криштофъ Радзивилъ, Андрей Лещинскій, Иванъ Абрамовичъ, Криштофъ Зѣновичъ и проч.). Въ самихъ ополченіяхъ козацкихъ на Поляковъ едва ли не всегда принимало участіе дворянство Южнорусское, по давней привычкѣ своей вступать въ ряды козацкаго рыцарства. Сколько Южнорусскихъ дворянъ воевало противъ Поляковъ, подъ гетманскою булавою Богдана Хмельницкаго, отъ войсковаго писаря *Ивана Выговскаго*, до Сосницкаго сотника *Михаила Жураховскаго* (въ 1649 г.). Да и со стороны была тогда отъ Южнорусскаго шляхетства помочь козакамъ противъ Поляковъ. Извѣстнѣйшій примѣръ — *князь Аѳанасій Пузына*, Православный епископъ Луцкій и Острожскій, снабжавшій пушками и порохомъ отряды Хмельницкаго, воевавшіе на Волыни. Не забудемъ и той части Православнаго Южнорусскаго шляхетства, которое, придержась ко-

---

(1) Сей актъ, въ переводѣ на Русскій языкъ съ Польскаго, напечатанъ митрополитомъ Евгеніемъ въ «Описаніи Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи» 1825 г. См. въ Прибавленіяхъ, № 15.

зацкой стороны Богдана, вмѣстѣ съ нимъ перешло подъ державу Русскую; о которомъ въ его договорныхъ статьяхъ, именно въ статьѣ 3-й, сказано: «*Шляхта*, которые въ Россіи обрѣтаются, и вѣру (*т. е. присягу*) по непорочной заповѣди Христовѣ тебѣ, великому Государю нашему, твоему Царскому Величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали и добра свои и вольности имѣли, какъ при короляхъ Польскихъ бывало; чтобъ иные, увидя таковое пожалованіе твоего Царскаго Величества, клонилися подъ область и подъ крѣпкую и высокую руку твоего Царскаго Величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ». И такъ не *все* Южнорусское дворянство было на сторонѣ Поляковъ.

Вы назвали изъ этого времени *Кисѣля* и *Вишневецкаго*. Но престарѣлый воевода *Адамъ Кисѣль* былъ на сторонѣ Поляковъ, какъ единственный сенаторъ, оставшійся изъ Православныхъ; да и разыгралъ же онъ забавную и вмѣстѣ жалкую роль обоюдника, о которомъ говорили тогда, что у него «Русская кость обросла Польскимъ мясомъ». А князь *Іеремія Вишневецкій*, въ тѣ поры, будучи уже отступникомъ отъ Православія, былъ вмѣстѣ и отступникомъ отъ своего Русскаго рода-племени, былъ «Русскаго поколѣнія Ляхъ», какъ выражается о немъ лѣтопись Львовская: и онъ былъ не только на сторонѣ Поляковъ, но (потерявъ свою огромную *Вишневеччину*, при возстаніи Хмельницкаго) — онъ былъ злѣе Поляковъ въ преслѣдованіи козачества и всѣхъ Православныхъ (какъ обыкновенно бываетъ, что отщепенецъ злѣе всякаго другаго противъ того, отъ чего онъ отложился). Впрочемъ на сторонѣ Поляковъ были въ тѣ поры и нѣкоторые козацкіе старшины, обязанные Полякамъ за свое старшинство; таковы были генеральные асаулы: *Ильяшъ* ([1]) и *Барабашъ*. Конецпольскій успѣлъ было разсорить *реестровыхъ* казаковъ съ *Запорожцами*, и, взявъ первыхъ крѣпко въ свои руки, онъ умѣлъ дѣйствовать ими противъ Запорожцевъ (на примѣръ, при вѣроломномъ взятіи Сулимы, при одолѣніи Павлюка). Но вѣдь это было въ *тридцатыхъ* годахъ XVII вѣка; и по этимъ случаямъ, не льзя же сказать, что во всей Польско-ко-

---

([1]) *Ильяшъ Караимович* (Армянчикъ), бывшій «знатнымъ товарищемъ» въ полку Переяславскомъ, назначенъ старшимъ надъ реестровымъ козачествомъ—отъ Потоцкаго, во время войны съ Павлюкомъ, въ концѣ 1637 года.

зацкой борьбѣ реестровое козачество держало сторону Поляковъ! Притомъ это козачество, какъ «Войско его Королевской Милости» и по неволѣ должно было держаться стороны могучаго Конецпольскаго, будучи тогда подчинено ему, какъ гетману коронному. Но когда не стало Конецпольскаго, и какъ только насталъ гетманомъ Богданъ Хмельницкій, тотчасъ все измѣнилось; и что было собрано и послано отъ Поляковъ противъ него, стало за него, истребивъ преданныхъ Полякамъ Ильяша и Барабаша. Вы сами говорите справедливо, что этотъ поворотъ реестровыхъ козаковъ на Поляковъ былъ «неизбѣженъ» (стр 314). Но ваши слова, что реестровые козаки во время Остряницы (1638)—«*стояли еще крѣпко за Поляковъ*», даютъ такой видъ, будто они и задолго прежде стояли крѣпко за Поляковъ противъ Зопорожцевъ. Повторяю для ясности, что это было уже позднѣйшимъ явленіемъ; тѣмъ не менѣе, однако, это было важнымъ *началомъ* того *междоусобія* въ козачествѣ и того *раздвоенія* въ цѣлой Украинѣ, для которыхъ настоящая пора приспѣла уже по смерти Хмельницкаго, — уже въ *четвертую* эпоху исторической жизни Малороссіи. Тогда и дворянство Православно-русское, оставшееся подъ короною Польскою, почти все переродилось въ дворянство Польско-католическое; а въ *третью* эпоху произошло только начало этому перерожденію,—но начало все-таки важное, причинявшее тогда для всей остальной Православно-русской стороны столько скорби, а для многихъ и ненависти къ отступникамъ отъ предковской вѣры и народности Русской. И это превращеніе столькихъ лицъ изъ знатнѣйшаго Южно-русскаго дворянства въ Поляковъ-Католиковъ — не можетъ же Южная Русь считать для себя *добромъ*, происшедшимъ отъ вліянія и господства Польскаго! Во всякомъ случаѣ, ваше утвержденіе, будто въ той Польско-Украинской борьбѣ — знаменитые *Южно-русскіе патріоты* и вообще *все Южно-русское Православное дворянство*, держали сторону Поляковъ, не согласно съ исторіею. Не справедливо и ваше ограниченіе тогдашнихъ Украинскихъ смутъ одними—«*войсковыми бунтами, мятежами черни*». Въ тѣхъ смутахъ главнымъ и постояннымъ дѣломъ было — *отстояніе Православной Восточной вѣры отъ нападеній Католико-Уніатскихъ;* и въ этомъ отстояніи своего Православія, равно драгоцѣннаго для всѣхъ сословій, принимали живое участіе *всѣ сословія* Южно-русскаго народа—и дворянство, и духовенство, и козачество, и мѣщанство, и простонародье или посполитство. Въ кругу

той всеобщей и разнообразной борьбы, козацкія возстанія, которыя для Поляковъ, конечно, были — «войсковыми бунтами», — для Православно-русской стороны были «крестовыми походами». По какимъ бы частнымъ случаямъ и поводамъ они ни возникали (дѣло исторіи разобрать и опредѣлить эти случаи съ точностью), но «*важнѣйшимъ, наибольшимъ, особливымъ*» побужденіемъ въ нихъ постоянно было — *отстояніе* своего древняго Православія отъ насилія Уніато-католическаго. Все прочее сходилось, сосредоточивалось въ этомъ; ибо въ этомъ была главная *сущность* той долгой, смутной борьбы Польско-Украинской, начавшейся вмѣстѣ съ зачатіемъ Уніи, въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка. *Обида Православія* была *главною*, самою чувствительною, горшею обидою для всего Южнорусскаго народа, при которой—всѣ остальныя обиды были уже *второстепенными*, и безъ которой всякая изъ остальныхъ обидъ, какъ бы ни велика была, была бы сноснѣе. То была — *душа* всего; то былъ nervus rerum gerendarum.

Къ числу второстепенныхъ обидъ принадлежитъ и вторая изъ двухъ, поставленныхъ вами на первомъ планѣ, т. е. *строгія мѣры* правительства къ удержанію козачества отъ набѣговъ на Туреччину. Но это относилось собственно къ *Запорожцамъ* или *Низовцамъ*, и бывало только по временамъ; ибо чаще само Польское правительство возбуждало Запорожцевъ на Татаръ и Турковъ, и нуждалось въ ихъ козацкой для того силѣ. Да и какъ можно было воздержать Запорожье отъ набѣговъ на Татаръ и Турковъ, когда оно на томъ состоялось и выросло,—и Татарва была у него всегда, какъ смерть, за плечами!

—

Вотъ мои замѣчанія и возраженія на вашу статью, написанныя мною «изъ уваженія къ исторической истинѣ». Я исполнилъ ими мое Кіевское вамъ слово: «хочу на вы идти!» и желалъ бы знать: что̀ примете вы изъ моихъ замѣчаній, какъ истинное и неопровержимое, и что̀ отвергнете, какъ ошибочное и неудобопріемлемое?...

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать еще о *замѣчаніи* на вашу статью издателя и переводчика ея. Г. Кулишъ говоритъ въ началѣ: «И самъ г. Грабовскій впадаетъ въ *односторонность* и *преувеличеніе*, говоря, что для Украинцевъ *Ляхами*, *недоляшками* и *ополячившимися панами* были всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія, и у кого было что̀ заграбить» (с. 321.). Это сказалъ

онъ справедливо; однако и самъ онъ впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе,—ибо въ основу своего историческаго взгляда онъ принялъ ваше одностороннее представленіе Польско-украинской борьбы—«войсковыми бунтами, мятежами черни;» но у него это развито въ направленіи противоположномъ вашему, въ направленіи *антишляхетномъ.* По его понятію «въ Украинскомъ простонародьи—въ *необыкновенной* степени было развито *сознаніе своей человѣчности*, а *шляхетное устройство* Рѣчи Посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанію» (с. 327). Изъ этой противоположности—«и родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и въ этомъ смыслѣ, Малороссія и Польша представляютъ едва-ли не *единственный* примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства*, къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ горючихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя» (с. 325). Но возведя историческое дѣло къ самому отвлеченному началу—къ *сознанію своей человѣчности* въ Украинскомъ простонародьи, г. Кулишъ тотчасъ свелъ оное къ болѣе ощутительному и историческому началу—къ *народности:»* двѣ совершенно *противоположныя національности* столкнулись на почвѣ, занятой Польскою политическою системою, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло *на пользу человѣчества,* доказали наконецъ другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою *несовмѣстность»* (с. 327). Тутъ выходитъ противоположность *Ляха* съ *Русиномъ,* которая не совсѣмъ совпадаетъ съ тою противоположностью—*шляхтича* съ *простолюдиномъ*; да и въ Южной Руси съ древняго времени было же свое высшее сословіе, до распространенія въ ней шляхетства Польскаго. Но односторонность принятаго отъ васъ представленія борьбы Польско-Украинской означилась ясно въ слѣдующемъ представленіи гетманщины, возникшей при Хмельницкомъ: «И этотъ народъ, выйдя, подъ предводительствомъ Хмельницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, *отдѣлясь отъ собственнаго дворянства,* то есть, лишась *сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой*, въ тотъ же самый *моментъ* образовалъ у себя своеобразное правительство съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южнорусской, съ почтовымъ сообщеніемъ административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословій для рѣшенія важныхъ

общественныхъ дѣлъ, и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ» (с. 327). Въ этомъ болѣе идиллическомъ, чѣмъ историческомъ представленіи тогдашней гетманщины—«единомышленнымъ гражданскимъ обществомъ, показавшимъ въ Малороссійскомъ народѣ присутствіе высшихъ гражданскихъ понятій»—преувеличено гражданское его благоустроеніе, и представлено новорожденнымъ въ одинъ моментъ то, что было готовымъ запасомъ въ Малороссіи отъ ея прежней дѣйствительной жизни (какъ-то, и гетманство избирательное, и генеральная старшина, и судопроизводство, и громадскіе мужи, и почтовыя сообщенія); а главное—не справедливо то, будто народъ *отдѣлился* тогда «отъ собственнаго дворянства», *лишился* «сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой.» Что часть Малороссійскаго *шляхетства* осталась въ тогдашней гетманщинѣ, о томъ уже выше упомянуто: о немъ говорится въ договорныхъ статьяхъ Хмельницкаго; и на утвержденіе прежнихъ правъ его испрошена была особая царская грамота, данная 1654 г. 27 Марта. Виновникъ возрожденія Малороссіи, Богданъ Хмельницкій, былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, и весьма знакомый съ администраціей и политикою: его-то умомъ, доблестью и властью въ народѣ, состоялась тогдашняя Малороссія, въ единствѣ особаго гражданскаго общества, и къ нему вполнѣ шла Украинская пословица: «до булавы треба головы»;—и, какъ только не стало этой головы козацкой (1657 г.), тотчасъ одностойная Малороссія пошла врозь—

«Той на право, той на лѣво;
А все братья—то-то диво!»

Изъ ближайшихъ при гетманѣ Богданѣ дѣльцовъ и двигателей Малороссіи—*Иванъ Остафьевичъ Выговскій*—изъ шляхетства Волынскаго, и *Павелъ Ивановичъ Тетеря*—изъ шляхетства Кіевскаго, принадлежали къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; равно и генеральный судья *Самойло Богдановъ*, и генеральный асаулъ *Демко Многогрѣшный*, и секретарь Хмельницкаго *Самойло Зорка*, да и большая часть тогдашнихъ полковниковъ—отъ *Антона Ждановича* Кіевскаго до *Ивана Пичипоренка* или *Золоторенка* Нѣжинскаго, были также люди письменные и весьма способные Хмельницкому, для его переговоровъ съ Москвою, Польшею, Тур-

ціею и прочими сосѣдними землями. Наконецъ, въ картинѣ г. Кулиша пропущено цѣлое «просвѣщенное сословіе»—Южнорусское *духовенство,* котораго вовсе не *лишался,* а напротивъ весьма держался народъ Малороссійскій, которое въ половинѣ XVII столѣтія стояло уже на высокой степени просвѣщенія, въ уровень просвѣщенія Западно-европейскаго. Довольно назвать тогдашняго Кіевскаго митрополита *Сильвестра Коссова* и тогдашняго ректора Кіевобратской Коллегіи—*Лазаря Барановича,* которые, притомъ, оба были изъ рода *шляхетнаго.*

Москва 1857 г. 1 Ноября.

III.

О ГРИГОРЬѢ НИКОЛАЕВИЧѢ ТЕПЛОВѢ И ЕГО ЗАПИСКѢ «О НЕПОРЯДКАХЪ МАЛОРОССІИ.»

(*Письмо къ П. А. Кулишу*).

Я обѣщалъ вамъ писать по временамъ замѣчанія на ваши «Записки о Южной Руси» (1). Избираю на этотъ разъ «Записку Теплова» съ вашимъ къ ней предисловіемъ. Меня весьма удивило, какъ эта статья, *писанная желчью* (по выраженію о ней достопамятнаго мужа Трощинскаго), для васъ—«дышетъ желаніемъ общей пользы;» и вамъ показалось виднымъ изъ нея, будто «Тепловъ любилъ Малороссію!»—и, вы вступили въ рѣзкое о немъ противорѣчіе съ общимъ мнѣніемъ, особенно съ сказаніемъ преосвященнаго Георгія Конискаго!.... Какъ бы ни была ошибочна Исторія Конискаго, въ разныхъ подробностяхъ своихъ о дѣлахъ *давно минувшихъ лѣтъ;* но о Тепловѣ написалъ онъ, какъ *современникъ.* Мы вѣримъ же писанію Француза Боплана о современной ему Украинѣ; мы вообще даемъ вѣру сказаніямъ *современниковъ,* и принимаемъ ихъ въ основаніе нашего знанія о прошедшемъ: какое же право имѣемъ не повѣрить сказанію Конискаго (такого доблестнаго и заслуженнаго мужа) о свойствахъ и дѣйствіяхъ современнаго ему Теплова? Не знать ихъ не могъ Конискій; и, конечно, было то дѣйствительно, если то напи-

(1) См. *Украинскія письма* къ П. А. Кулишу, въ Русской Бесѣдѣ. 1857 кн. 1.

салъ онъ, еще при жизни Разумовскаго и Теплова, и написалъ въ огласку, въ Исторіи, переданной отъ него знатоку современныхъ дѣлъ, депутату Полѣтикѣ. Онъ говоритъ, на примѣръ, что, когда Разумовскій, отказавшись отъ гетманства, явился во дворецъ, и любимецъ его, Тепловъ, встрѣтилъ его тамъ съ привѣтственными объятіями, то графъ Григорій Григорьевичь Орловъ, стоявшій въ дверяхъ, апплодируя сказалъ: «и лобза, его же предаде!»—Это живая, очевидная быль, которой Конискій не могъ выдумать. А кому же, какъ не Орлову, было знать, что за человѣкъ Тепловъ, и что онъ былъ орудіемъ въ прекращеніи гетманства Разумовскаго. А просьбы матери Разумовскаго къ своему ясновельможному сыну, чтобы онъ отдалилъ отъ себя своего совѣтника и любимца, и ея предсказанія, вполнѣ оправдавшіяся! Онѣ краснорѣчивы для насъ, вмѣстѣ съ общимъ голосомъ Малороссіи объ ея недоброжелателѣ. Но и въ Академіи Наукъ, которой президентомъ былъ гетманъ Разумовскій, Тепловъ дѣйствовалъ не безъукоризненно. Ломоносовъ, въ одномъ письмѣ къ Шувалову, называетъ Теплова *«коварникомъ»*. Въ другомъ письмѣ, къ нему самому (1762), Ломоносовъ попрекаетъ его въ личной къ себѣ несправедливости, за то, де, «что не удовольствовалъ безстыдныхъ требованій вашего свата»—и, вступаясь за честь академіи, продолжаетъ онъ: «сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру, и что удивительно—мнѣ? Въ томъ больше вы слѣдовали стремленію своей страсти, нежели общей академической пользѣ; и чрезъ таковыя повседневныя перемѣны колебали какъ трость все академическое зданіе. Тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позорѣ и въ упадкѣ» и т. д. Этимъ свидѣтельствомъ великаго Ломоносова подкрѣпляется для насъ общее мнѣніе о характерѣ Теплова, дошедшее къ намъ по живому преданію (вѣдь знаменитый Трощинскій скончался на нашей памяти, 1829 года, въ своемъ Украинскомъ селѣ, Кибинцахъ). А для васъ—Тепловъ лучше всѣхъ тогдашнихъ Малороссіянъ былъ для Малороссіи, и—любилъ Малороссію! Любилъ... развѣ въ томъ смыслѣ, что ему тепло было жить въ ней, и Батуринскимъ *подсусѣдкомъ* своего ясновельможнаго питомца-покровителя, и «помѣщикомъ» недалекой отъ Яготина *Тепловки*.

Вы говорите: «Тепловъ, напротивъ, *любилъ* Малороссію: иначе—онъ не старался бы выставить передъ Государынею Елисаветою Петровною *злоупотребленій* Малороссійскихъ старшинъ и вообще пановъ, отъ которыхъ страдало большинство населенія края» (стр. 171).

Но выставленіе злоупотребленій, само по себѣ, не есть еще примѣта *любви*, особенно въ томъ, кто обвиненъ уже общимъ голосомъ въ *нелюбви*. Оно бываетъ и безъ участія любви, по одному долгу званія, по особеннымъ личнымъ свойствамъ и отношеніямъ, по злобѣ, изъ угодливости, и т. п. По какому именно побужденію и поводу сочинена записка Теплова, это не извѣстно; но ужъ, конечно, не изъ *любви* къ Малороссіи! Скорѣе можно предположить, что ему хотѣлось поколебать въ Государынѣ Елисаветѣ великую любовь ея къ народу Малороссійскому. Выставлять злоупотребленія Малороссійскихъ пановъ Тепловъ могъ бы тогда—изъ любви къ Малороссіи, когда бы самъ онъ былъ чистъ и не причастенъ къ тѣмъ злоупотребленіямъ; а у него, какъ помѣщика Малороссійскаго, былъ тотъ же «пушокъ на рыльцѣ!» Вы этого за нимъ, кажется, не знали?—Но если уже, почему бы то ни было, онъ предпринялъ выставить передъ Государынею злоупотребленія старшинъ и прочіе непорядки Малороссійскіе, то онъ обязанъ былъ по крайней мѣрѣ—*не лгать*, если не по строгому долгу гражданина, то хоть изъ уваженія къ исторической истинѣ (такъ какъ онъ былъ членомъ Академіи Наукъ, и собиралъ матеріалы для исторіи Малороссіи). А его записка— полна *лжи* умышленной и недобросовѣстной. Неужели вы этого не примѣтили въ ней?... Взгляните же пристальнѣе на эту канву, по которой онъ выводилъ свои благовидные узоры! Вотъ, на примѣръ, въ § 5-мъ, онъ говоритъ: «таковымъ образомъ и *козаковъ число весьма умалилося*; ибо о семъ заподлинно можно удостовѣрить, что *нынѣ* Малороссія прямо вооруженныхъ *списковыхъ* едва ли *15*, а по крайней мѣрѣ *20 тысячь* выставить можетъ; а *выборныхъ* и *николи* толикаго числа не выставитъ; по статьямъ же должно *списковыхъ* имъ имѣть *60,000* козаковъ, *кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую* сторону; а *всѣхъ* козаковъ около 150,000 имѣть бы должно» (стр. 180).

Какая тутъ путаница и ложь!

Когда Богданъ Хмельницкій вступилъ подъ державу Русскую, со *всею* Малороссіей, *обѣихъ сторонъ Днѣпра* (состоявшею тогда въ *17-ти полкахъ*), тогда въ договорныхъ статьяхъ 1654 года (во 2-й) положено было: «Войско Запорожское въ числѣ *60,000* чтобъ всегда полно было». Такъ и въ Переяславскихъ статьяхъ 1659 года, Юрья Хмельницкаго, положено (въ 6-й): «А быти реестровымъ

козакомъ *60-ти* тысячамъ,» то есть, во *всей* Малороссіи, *обѣихъ* сторонъ Днѣпра. Когда же, по Андрусовскому договору 1667 года, Россія уступила Польшѣ *Заднѣпровскую* сторону Малороссіи, тогда въ Восточной ея половинѣ, оставшейся за Россіею, число реестровыхъ козаковъ, по договорнымъ статьямъ, полагалось уже *вдвое* и даже *втрое меньше* противъ прежняго. Въ Глуховскихъ статьяхъ 1667 года съ гетманомъ Многогрѣшнымъ—*30,000* (ст. 4); въ Переяславскихъ статьяхъ 1677 г. съ гетманомъ Самойловичемъ—*20,000* (ст. 16); въ Коломацкихъ статьяхъ 1686 г. съ гетманомъ Мазепою—*30,000* (ст. 3).—Въ какихъ же гетманскихъ статьяхъ полагалось «*60,000* козаковъ, *кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую сторону*»!... И за чѣмъ было «таковымъ образомъ» припутывать къ винамъ Малороссіи *умаленіе* числа козаковъ, которое было естественнымъ и справедливымъ, при умаленіи самой Малороссіи, цѣлою половиною, по силѣ Андрусовскаго договора, при заключеніи котораго и не было никого со стороны Малороссіи!

Когда Тепловъ говоритъ о наличномъ въ его время числѣ *списковыхъ* козаковъ: «15, а по крайней мѣрѣ 20 тысячь,»—то явно, что онъ или не знаетъ, или не хочетъ сказать настоящаго числа. Но, когда онъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «а *выборныхъ* и *николи* толикого числа не выставитъ,»—то явно, что онъ говоритъ ложь. Записку свою сочинялъ онъ, какъ видно, уже *послѣ* *1757* года; а по ревизіи *1764* года оказалось въ Малороссіи:

а) по счету *душъ* мужеска пола:

козаковъ—*выборныхъ*	163,889
козаковъ—*подпомощиковъ*	199,99
Итого *всѣхъ* козаковъ.	363,887

б) по счету *хатъ* (съ дворами и бездворныхъ)

козаковъ—*выборныхъ*.	72,585
козаковъ—*подпомощиковъ*.	91,403
Итого *всѣхъ* козаковъ. . . .	163,988

т. е. оказалось даже болѣе, чѣмъ требовалъ Тепловъ, назначая *150,000* (при чемъ онъ, конечно, имѣлъ въ виду положительное свѣдѣніе о тогдашнемъ числѣ козаковъ).

Противъ какого же числа «*весьма умалилося*» число козаковъ? *По офицерской* ревизіи, *1723* года, на которую такъ упираетъ

Тепловъ), во всѣхъ 10-ти полкахъ Малороссіи показано было *козаковъ* грунтовыхъ и безгрунтовныхъ—*66,415* (не включая въ сіе число стариковъ и малолѣтныхъ). Удвойте, утройте это число: и все еще далеко до 363,887, — оказавшихся черезъ 40 лѣтъ послѣ 1723 года. И такъ, *удостовѣрять* бы слѣдовало Теплову, что число козаковъ—*весьма увеличилось!* Онъ говоритъ, будто старшины—«*всѣ почти* грунты козацкіе скупили», и выводитъ, будто бы *злоупотребленіе* старшинъ—«*почти всѣхъ козаковъ истребило*, и перевело ихъ старшинамъ, яко помѣщикамъ, въ крестьяне» (стр. 131). И то и другое—наглая ложь. Чтобы судить о дѣйствительно бывшемъ тогда числѣ козаковъ *грунтовыхъ* и *безгрунтовыхъ*, я вамъ приведу его тоже по ревизіи 1764 года:

а) Козаковъ *грунтовыхъ* (или по счету хатъ съ дворами): выборныхъ 19,750, подпомощиковъ 22,469; и того *всѣхъ* 42,219.

б) Козаковъ *безгрунтовыхъ* (или по счету хатъ бездворныхъ): выборныхъ 52,835, подпомощиковъ 68,934; и того *всѣхъ* 121,769.

Вотъ что значитъ у Теплова выраженіе «*почти всѣ!*» Что касается до *относительнаго* числа *козаковъ* и *посполитыхъ* (крестьянъ), то въ *1764* году сочтено козаковъ 363,887, а посполитыхъ (съ прочими окладными) 585,909, а въ 1723 году считалось козаковъ 66,415, а посполитыхъ (съ прочими окладными) 136,311. И такъ относительное число козаковъ въ 40 лѣтъ тоже *увеличилось!* Тутъ, кстати можно припомнить удостовѣреніе гетмана Скоропадскаго (изъ его челобитной, писанной въ Москвѣ 1722 года 2 Мая), что «козаки, которыхъ дѣды и отцы въ козацкомъ чину были, тіи и теперь суть козаками; а въ подданство никого изъ нихъ не принуждано.»

Въ § 11-мъ Тепловъ говоритъ: «отъ сего-то *большая часть* козаковъ *претворилася* уже въ мужики помѣщикамъ» (стр. 194). Здѣсь у него причиною претворенія полагается то *неудобство*,— «что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ.» И выше: «ущербъ Вашего Императорскаго Величества есть *главной* тотъ, что козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко *разбросанные* по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на *великомъ разстояніи*, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ» (стр. 192).

Но вѣдь Малороссійское Козачество было не военнымъ поселеніемъ

на отведенной для него казенной землѣ; оно было особымъ сословіемъ Малороссійскаго народа, которое состояло изъ давнихъ владѣльцевъ разными участками Малороссійской земли, находившимися среди другихъ участковъ общественныхъ и частныхъ, и составлявшими полную и неотъемлемую ихъ *собственность.*

Разсѣянность козаковъ по лицу земли Малороссійской, освобожденной ими отъ Поляковъ, и, такъ сказать, пріобрѣтенной ими вновь цѣною своей крови,—*перемѣшанность* ихъ съ другими сословіями, въ городахъ и селахъ, — были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ постепеннаго историческаго хода жизни Малороссійской. Эта *разбросанность* козаковъ не представляла такого *великаго неудобства,* какъ представляетъ Тепловъ; ибо и разстояніе-то козаковъ отъ своихъ сотниковъ было не *велико,* по малой величинѣ *сотенъ,* на которыя раздѣлялялись *полки,* особенно въ послѣднее время гетманщины (въ 10 полкахъ было въ 1723 году 128 сотенъ, а въ 1764 году 164 сотни). Разобщеніе козацкаго сословія съ другими было бы дѣло и несправедливое и невозможное.

Способъ претворенія или *перерожденія* козаковъ въ помѣщичьихъ крестьянъ, описанный здѣсь Тепловымъ—т. е. черезъ отдачу помѣщиками горѣлки на шинкованье козакамъ, спивающимся съ кругу,—никакъ не могъ относиться *къ большей части* козаковъ и помѣщиковъ; онъ могъ имѣть мѣсто въ самой малой и, разумѣется, въ самой плохой части ихъ, гдѣ предполагаются съ одной стороны—козакъ *нетяга,* потерявшій всю волю надъ собою отъ чрезмѣрной наклонности къ пьянству; а съ другой стороны—не *панъ,* а *полупанокъ* съ жидовски-безсовѣстнымъ разсчетомъ на слабость своего ближняго. Распространять это на *большинство* — есть напраслина равно оскорбительная для Малороссійскаго панства и для козачества.

Другой способъ, о которомъ сказано у Теплова: «*почти всѣхъ козаковъ истребило*»—означенъ такъ: «*достаточный* козакъ *всегда* отъ службы откупался, а *недостаточный,* бѣгая отъ оной, лучше желаетъ подъ именемъ крестьянина жить, нежели выдти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ по имѣнію своему, долженъ, яко грунтовый, платить иногда на консистентовъ цѣлую рацію и порцію.»—Чтобы достаточные козаки *всегда* отъ службы откупались, это есть ложь голословная, противъ которой говорятъ не только лѣтописныя свидѣтельства, но и множество старинныхъ козацкихъ абшитовъ или аттестатовъ, мною самимъ видѣнныхъ. А что козацкая

служба послѣ «несчастливаго Шведскаго року»—когда козакъ сталъ отбывать ее уже безъ жалованья, на собственномъ иждивеніи, лѣтъ по пятидесяти—была очень тяжела: то дѣло давно извѣстное. Еще въ Статьяхъ гетмана Скоропадскаго (съ собственно-ручнымъ рѣшеніемъ на нихъ Петра I-го, Апрѣля 29, 1722 года) написано въ первой статьѣ: «Малую Россію, чрезъ тринадцать годъ, отъ станцій и переходовъ войскъ армейскихъ, въ людехъ и въ пожитки нынѣ оскудѣвшую, благоволи Ваше Императорское Величество, по своемъ высокомъ милосердію, ради всемірной радости, въ оной станціи помиловати, обще со всѣми Малороссіянами рабски молю; ибо такъ козаки, яко и посполитые, остались малочислены, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити, и по званію своему Вашему Величеству служити; якъ и нынѣ подъ Ладогу и до Царицына *двадцать* тысячей козаковъ зъ Малой Россіи вышло, а домы ихъ отъ кормленія драгунъ не свободны суть.»

Въ запискѣ Теплова сказано: «а въ военное время, или во время какой-либо службы, сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ».—Однако же и въ *двадцатыхъ* и въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія были непрестанные выходы козаковъ *десятками тысячь* — и въ военные походы (въ которыхъ находились и козаки самые достаточные), и въ походы на работы каналовъ, крѣпостей, линій,—и при всемъ томъ, въ 1764 году было въ наличности козаковъ: до 164 тысячь по счету хатъ, и до 364 тысячь по счету душъ мужеска пола. За чѣмъ же было Теплову говорить, *будто почти всѣ козаки истребились* и перешли къ своимъ старшинамъ въ крестьяне? будто достаточный козакъ *всегда* отъ службы откупался? Такія гиперболы могутъ еще имѣть мѣсто въ учено-литературной статьѣ, какъ заблужденіе писателя, болѣе или менѣе извинительное; но въ докладной запискѣ Государынѣ онѣ составляютъ нечестное и непростительное дѣло гражданина!

Что касается до вышепомянутыхъ злоупотребленій, которыми, какъ частными случаями, не слѣдовало обвинять большинство, то въ объясненіе ихъ можемъ замѣтить, что для каждаго помѣщика покупать землю и продавать ее, кому захочетъ, было естественно и законно—по *праву собственности*; а козаки имѣли стародавнее и полное право на свои наслѣдственныя и благопріобрѣтаемыя земли, наравнѣ съ дворянствомъ, подобно которому козаки держали у себя и поддан-

ныхъ, равно какъ и судились они въ земскихъ дѣлахъ по тѣмъ же Статутовымъ законамъ. Право на владѣніе землею постоянно было утверждаемо за козаками, со времени поступленія Малороссіи подъ Русскую державу. Ограниченіе этого права на продажу, указомъ 1739 года Генваря 8 дня, было единственное и притомъ временное, только до окончанія тогдашней войны; и это отмѣнено было какъ указомъ 1741 года, такъ и послѣдующими грамотами Елисаветы. Другое: добровольный переходъ изъ козачества въ посполъство, какъ видно, былъ въ тѣ поры весьма дозволителенъ, если онъ былъ и послѣ гетманства Разумовскаго, въ правленіе Румянцева, строгаго блюстителя порядка и казенной пользы. Живое преданіе ведется о томъ, какъ въ ревизію 1782 года множество козаковъ съ своими землями *«пóдойшли пóдъ панóвъ,»* да и остались за ними, по прекращеніи вольнаго перехода въ слѣдующемъ 1783 году. А это подхожденіе *вольнаго козачества подъ пановъ*, бывшее въ прошломъ столѣтіи, само собою уже говоритъ, что *посполъству*, находившемуся въ подданствѣ Малороссійскихъ пановъ XVIII вѣка, не было еще такъ тягостно и страдательно, какъ то представляется въ увеличительное стекло воображенія. При опредѣленіи степени этой тяготы и виновности въ ней Малороссійскаго панства, надо имѣть въ виду то положеніе Украинскаго посполъства, въ какомъ оно находилось до половины XVIII-го вѣка, подъ властью тогдашнихъ Польскоукраинскихъ пановъ,—положеніе, на которое вы сами справедливо указываете (въ замѣчаніи на статью г. Грабовскаго), говоря: «какая жалкая картина порабощенія!» (с. 326). Надо имѣть въ виду и то, что Малороссійское панство XVIII-го вѣка возникло на половину и даже больше— изъ самаго *козачества*, и только меньшая половина его была изъ стародавняго *шляхетства* Малороссійскаго. Это панство не могло же отдѣлиться отъ понятій, обычаевъ и образцевъ предшедшаго вѣка; не могло же оно стать и выше понятій, обычаевъ, образцевъ своего вѣка! И если оно не привело своего *посполъства* въ новое и цвѣтущее состояніе (какого можно бы желать ему, по понятіямъ нынѣшняго времени), то не надо же взводить на него и упадокъ посполъства, остававшагося, по прежнему, съ своимъ стародавнимъ правомъ на вольный переходъ; не надо представлять и этотъ *упадокъ* въ преувеличенномъ видѣ. Ибо положеніе Малороссійскаго *посполъства* со времени Богдана все таки было лучше, чѣмъ оно было передъ тѣмъ; и лучше, чѣмъ было положеніе современнаго

посполства Задѣпровскаго. Вамъ, для удостовѣренія въ томъ, будетъ достаточно и словъ Теплова: «по достовѣрнымъ извѣстіямъ, мужикамъ *весьма труднѣе* Малороссійскаго жить въ подданствѣ у господъ Польскихъ» (с. 179). Вы вѣдь говорите, что *фактамъ*, которые приводятся въ запискѣ Теплова «не льзя не вѣрить!»

Благая воля Елисаветы была на то, чтобы возобновить *гетманство* въ Малороссіи (послѣ втораго междугетманства); чтобы, вмѣстѣ съ утвержденіемъ графа Разумовскаго въ гетманствѣ, подтвердить и Малороссіи *всѣ прежнія права* ея, какъ объ этомъ выражено въ грамотѣ 22 мая 1751 года: «въ Малой Россіи управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ, приступилъ подъ державу Дѣда нашего, блаженныя памяти Великаго Государя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, и по Нашимъ Императорскаго Величества указомъ, опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему посылаемымъ, *безъ нарушенія правъ и вольностей стародавнихъ народа Малороссійскаго.*»

Но любимецъ гетмана, Тепловъ, покусился опорочить передъ Государынею *Малороссійское право*, заподозрить *всѣхъ* Малороссійскихъ землевладѣльцевъ—въ неправильномъ и незаконномъ *владѣніи* землею Малороссійскою!

«Право Малороссійское—говоритъ онъ—почитать надлежитъ яко *главный* непорядокъ въ Малороссіи» (с. 191). Или: «*главный* непорядокъ въ нынѣшнихъ временахъ право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому княжеству отъ короля Стефана въ 1576 году» (с. 183). И въ самомъ началѣ: «а притомъ заключеніе Статей Богдану Хмельницкому въ 1654 году, *по неизвѣстнымъ нынѣ* тогдашнихъ военныхъ подвиговъ *обстоятельствамъ* (!), послѣдовало въ подтвержденіе тѣхъ Польскихъ, т. е. Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большой части неграмотный, управлялся паче по натуральному праву: два третьяго судили. То справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось у нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакого тогда попеченія, *ниже свѣдѣнія не имѣлъ*. Сіе доказывается *яв-*

ственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти *во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было*; ибо и самую гетманскую канцелярію, *случайнымъ образомъ* гетману Скоропадскому въ 1720 году... особливою грамотою велѣно учредить» и т. д. (с. 175)

Мы съ вами не юристы; и намъ не для чего входить въ подробное разсужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ правъ или не правъ Тепловъ, полагая *главнымъ непорядкомъ* Малороссіи—*Литовскій Статутъ* (которому основаніемъ послужили стародавнія права и обычаи Юго-западной Руси; котораго два первыя изданія были еще до соединенія Кіевской Руси и Литовскаго княжества съ короною Польскою; котораго постановленія, взятыя изъ жизни народа, весьма были *извѣстны* народу; изъ котораго многія статьи приняты были и въ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, для Великой Россіи; изъ котораго, наконецъ, многія статьи удержаны и въ Сводѣ Законовъ, исключительно для двухъ губерній, составляющихъ Малороссію). Я обращаю вниманіе ваше только на *способъ*, какимъ подходитъ Тепловъ къ своему дѣлу, — способъ, вполнѣ достойный тѣхъ Малороссійскихъ юристовъ, которые и въ его запискѣ зовутся «людьми съ *оборотомъ*»! Вотъ онъ ввернулъ крючекъ: «*по неизвѣстнымъ* нынѣ тогдашнихъ военныхъ подвиговъ *обстоятельствамъ!*» — а о судопроизводствѣ тамъ же молвилъ: «какъ *по исторіи видно!*» Какъ будто *по исторіи* виднѣе было судопроизводство, чѣмъ *обстоятельства* военныхъ подвиговъ! Какъ будто тѣ *обстоятельства 1654 года* сдѣлались уже *неизвѣстными* въ 1754 году! Нѣтъ, они очень хорошо были извѣстны тогда всѣмъ,—конечно, и самому Теплову. А каково у него *явственное доказательство*: «тѣмъ, что прежде 1720 года *почти во всей* Малороссіи *никакихъ канцелярій* не было»?... «Ибо—говоритъ—и самую *гетманскую канцелярію*—въ 1720 году—особливою грамотою велѣно учредить!» Но учрежденіе той гетманской или Войсковой канцеляріи, въ 1720 году, по новому, ни какъ еще не отрицаетъ историческаго бытія прежней *войсковой генеральной канцеляріи*. А что она, равно какъ и *полковыя* и *сотенныя уряды* или канцеляріи существовали въ Малороссіи *прежде 1720 года*, то достовѣрно извѣстно; и мнѣ, вамъ—не для чего и приводить на то ни лѣтописныхъ свидѣтельствъ, ни доказательствъ документальныхъ. И когда Тепловъ говоритъ, что тѣхъ канцелярій *до 1720* года «*отнюдь не было*, хотя притомъ нѣкоторыя дѣла и *письменно* производилися; а все тогда въ самоволіе превращенное, не

правомъ и законами управлялось, но силою и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать обманомъ ґрамотныхъ людей» — когда онъ тамъ же говоритъ: «*почти все* прежде бывшее время передъ 1720 годомъ, яко *никакихъ урядовъ не имѣющее*»: тогда—не уже ли онъ дышетъ духомъ правды, и любви, и блага общественнаго?... Нѣтъ, Тепловъ подвелъ эту канцелярскую мину—подъ купчія крѣпости Малороссійскихъ владѣльцевъ, для того, чтобы вдругъ сказать: «почему и *всѣ* тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленныя свои земли и грунты и на разныя поселенія *никакихъ урядовыхъ купчихъ* старѣе тридцати или сорока лѣтъ не имѣютъ»! А вслѣдъ за тѣмъ онъ выводитъ еще то: «что множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно; а которые владѣютъ *правильно*, у тѣхъ должны быть не токмо ґетманскіе универсалы, но и государевы изъ посольскаго приказа грамоты; ибо съ 1656 года уже все по статьямъ Хмельницкаго и Государя было...» Въ заключеніе онъ прибавляетъ: «но все сіе есть *противно* статьямъ Хмельницкаго и указамъ Ґосударевымъ, въ тѣхъ же статьяхъ изображеннымъ» (с. 177).

Посмотрите нарочно на Статьи Хмельницкаго, и вы удостовѣритесь, что Тепловъ и здѣсь ссылается на нихъ такъ же недобросовѣстно и невѣрно, какъ ссылается онъ на Статьи—о числѣ козаковъ! А между тѣмъ онъ и въ продолженіи записки говоритъ, что *жители всѣхъ* Малороссійскихъ городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень и хуторовъ — «живутъ старинными будто *займами* и *фальшивыми по большой части крѣпостьми*» (с. 192), — что Малороссійскіе *помѣщики* — «изобилуютъ землями» или «*граблеными государевыми*, или за долгъ *шинковой* себѣ приговоренными» отъ козаковъ (с. 195). Изъ этого очевидно, кажется, что записка Теплова дышетъ — скорѣе духомъ ябеды и клеветы, чѣмъ духомъ любви къ Малороссіи и желаніемъ общей пользы!

Въ послѣдніе 20 лѣтъ моего занятія Малороссійскою стариною и народностью, въ самой Малороссіи,—я пересмотрѣлъ не менѣе тысячи подлинныхъ купчихъ листовъ, писанныхъ *до 1720 года*, и болѣе ста подлинныхъ гетманскихъ универсаловъ и царскихъ грамотъ, данныхъ на разныя владѣнія *прежде того года*. На тѣхъ купчихъ листахъ, конечно, не означено, что они выданы изъ такой-то *канцеляріи* полковой или сотенной. Но это нисколько не опровергало и не опровергаетъ ихъ законности. Не требовалось тогда этой формы! Тогда

купчіе листы подписывались обыкновенно такъ: «а для *въпшои въры* далъ той вѣчисто продажный листъ за подписомъ пана *полковника* и иншихъ *товариства*; и за притисненіемъ *печати полковой*;» или же: «за подписомъ пана *сотника*, и притисненіемъ *печати сотенной*.» Слѣдя переходъ какого-нибудь малаго лоскутка земли отъ одного владѣльца къ другому впродолженіе двухъ столѣтій и болѣе, вы нерѣдко встрѣчаете, въ ряду продажныхъ листовъ, небольшія записочки, на которыхъ нѣтъ даже и подписи сотника, а только «*въры годные* свидѣтели *крестомъ подписались*». Однако и эти листки встарину всегда принимались, какъ настоящіе купчіе листы, и упрочивали правильное и спокойное владѣніе не менѣе, чѣмъ *вводчій листъ*, данный отъ становаго пристава по указу уѣзднаго суда. На такомъ же основаніи и сотники прошлаго столѣтія пріобрѣтали не рѣдко у козаковъ малые лоскутки земли—по листамъ, изъ которыхъ многіе свидѣтельствованы только сосѣдними «вѣры годными людьми» и не были заносимы ни въ полковую, ни войсковую канцелярію. (Овчинка не стоила бы выдѣлки!) А какимъ порядкомъ занимаемы были до 1720 года «*вольныя мъста*» (1), для образца тому, я въ 1848 году, въ моей «Бубновской Сотнѣ» (гл. III) помѣстилъ запись сотника Дениса Деркача, 1700 года. *Кредитъ* и *обычай* въ народѣ вещь не маловажная; право *давности* есть право законное; новопостановленныя формы и узаконенія обратнаго дѣйствія не имѣютъ, такъ же, какъ понятій нашего 1857 года не вложишь въ поколѣніе 1757-го или 1657-го.

Вы, въ предисловіи къ запискѣ, говорите: «Разсказъ Теплова о томъ, какъ Малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ гетманщинѣ, присвоивали себѣ *обманомъ и насиліемъ* козачьи земли, *ни мало не преувеличенъ*.»—Напротивъ: такъ преувеличенъ, что всю записку его, по истинѣ, можно назвать омутомъ, въ которомъ и самая *истина* является нечистою и ложноподобною!—Вы продолжаете: «Изъ Матеріаловъ для отечественной исторіи, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, *видно*, какъ гетманы наши, пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ - старшинъ, набрали

(1) Въ Малороссіи и донынѣ существуютъ при многихъ селахъ такъ-называемыя *вольныя мъста* или *вольницы*, которыя состоятъ въ общемъ пользованіи владѣльцовъ разнаго званія, на которыя имѣютъ право какъ дворяне, такъ и козаки того села, и которыя не могутъ быть присвояемы исключительно ни однимъ сословіемъ.

себѣ «на булаву» земель по всей Малороссіи. Въ такомъ то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой-то сотнѣ владѣетъ онъ многочисленными хуторами, въ такихъ-то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасѣки, верхолазныя бортни, лѣса и сѣнокосы, и всего этого *такъ много*, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества.» (стр. 173)

На это я скажу вамъ: большому кораблю — большое и плаванье! Гетману, какъ правителю и представителю Малороссіи, и надо было *такъ много* имѣнія. Для того-то ранговыя имѣнія на гетманскую булаву, были гораздо большія, чѣмъ для прочихъ старшинъ. Но гетманскія ранговыя имѣнія были законно-отдѣляемыя изъ общественныхъ или Войсковыхъ земель Малороссіи,—утверждаемыя царскими грамотами, и несоставлявшія потомственной собственности гетмана—до конца гетманщины (1764 года). Такъ и гетману Даніилу Апостолу, избранному послѣ втораго междугетманства, въ которое столько разныхъ переворотовъ произошло съ ранговыми владѣніями на гетманскую булаву, они были утверждены ему сперва грамотою Петра II го, 1728 года; а потомъ, съ новыми дополненіями, грамотою Анны Іоанновны 1730 года 26 Мая. У васъ идетъ рѣчь объ *описной книгѣ* гетманскихъ имѣній, составленной по смерти Даніила Апостола (одного изъ самыхъ заслуженныхъ и доблестныхъ мужей кончавшейся гетманщины); а вы продолжаете такъ: «Не упускали гетманы и старшины Малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто, между ихъ владѣніями, упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли, *и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми Гетманъ владѣетъ пополамъ съ простымъ козакомъ.* Этотъ мелкій наборъ по всей гетманщинѣ самъ за себя говоритъ, изъ какихъ рукъ и какими путями перешла недвижимая собственность во владѣніе *всемогущихъ* (1) пановъ XVIII вѣка» (с. 173). Вотъ какая гипербола вышла у васъ, подъ вліяніемъ записки Теплова! Вы не разобрали, что то была законная повинность съ *млиновъ* (мельницъ), находившихся на гетманскихъ ранговыхъ земляхъ,—продолженіе стародавней *млиновой* (мельничной) повинности, которая налагалась на всѣ мельницы, и сбиралась въ пользу

(1) Какая злая насмѣшка надъ панами XVIII вѣка! Не съ гетманства ли Скоропадскаго стали они *всемогущими*? Или же по смерти его, за Коллегіи Малороссійской?

общественнаго войсковаго скарбу (казны); а съ находившихся на гетманскихъ земляхъ—въ доходъ гетманскій. Взгляните на «универсалы поборовые» XVI вѣка,—на примѣръ, на универсалъ 1577 года (*Voll. legg.* т. II), которымъ назначался поборъ отъ *кола вальнаго* по 24 гроша, а *дорочнаго* по 12-ти; отъ *вѣтряковъ дѣдичныхъ* по 10 грошей, а *дорочныхъ* по 5-ти. (Въ 1573 году даже попы Русскіе платили отъ каждой *Русской церкви* по копѣ Польской, а протопопы по двѣ копы!). *Третья мѣра* помолу съ каждой мельницы велась и тогда, и выкупалась старостами, съ дозволенія *королевскаго*. Такъ въ позднѣйшее время делибертація (увольненіе) отъ мельничной дани была по *гетманскимъ* универсаламъ, или же по грамотамъ *царскимъ*. И посмотрите, въ помянутой Описи гетманскихъ владѣній: сколько тамъ значится мельницъ, которыя до 1728 года «за Малороссійской Коллегіи» взносили дань; а отъ гетмана Апостола, получили «делибертацію»—и, разумѣется, не въ прибытокъ, а *въ ущербъ* его гетманскому доходу!

Теперь сообщу вамъ слѣдующія извѣстія о самомъ Тепловѣ, какъ помѣщикѣ Малороссійскомъ.

1) Когда онъ устроялъ свою Тепловку, на благодатномъ берегу р. Оржицы, тогда онъ, какъ извѣстно по преданію, навозилъ себѣ кирпичу *изъ Кіева*, сколько ему надо было—сосѣдними козаками. Положимъ, что то былъ старокозацкій обычай *толоки*; и не льзя же было не *послухать*—для любимца гетманскаго, на его новосельи, хотя до Кіева и далеченько! Но за чѣмъ же Тепловъ пишетъ въ осужденіе: «Какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякой сотникъ, не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота, и первые *подводчики*; не упоминая о *прочихъ* разореніяхъ!» (с. 193).

2) Въ число тѣхъ *прочихъ разореній* козакамъ, можно включить слѣдующее, о которомъ тоже ведется мѣстное преданіе. Именитый устроитель и владѣлецъ Тепловки, не уважая на козацкую возку ему кирпичу изъ Кіева, примежевалъ къ своей землѣ смежные съ нею кусочки земли, принадлежавшіе Малютинскимъ и другимъ сосѣднимъ козакамъ. И ему обошлось это—по Украинской пословицѣ: «нехай лихо

буде тихо!»—не такъ, какъ въ 1741 году Нѣжинскимъ старшинамъ, по жалобѣ козаковъ, за притяжаніе ихъ земель...

3) Когда внукъ памятнаго въ Малороссіи представителя ея, *Якова Ефимьевича Лизогуба*, Григорій Григорьевичъ, остался въ сиротствѣ и малолѣтствѣ, тогда Григорій Николаевичь Тепловъ не упустилъ примежевать къ своей землѣ смежный съ нею кусокъ земли Лизогубовской, верстъ на десять въ окружности—«не извѣстно почему, а больше дознавать, что самоправно» (такъ выражено въ протестѣ, поданномъ отъ Лизогубовскаго прикащика, по случаю предполагавшагося размежеванія земель, вслѣдствіе сенатскаго о томъ указа изъ межевой экспедиціи, 1766 года). Примежевавъ къ себѣ чужую землю, владѣлецъ Тепловки немедленно слободку *Лизогубовщину* (населенную Григорьемъ Яковлевичемъ) переименовалъ во имя сына своего—*Алексѣевкою*. Наслѣдники Лизогубовы вели долгую тяжбу съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Тепловымъ; но сей добрый человѣкъ продалъ свою отцевскую Тепловку графу П. В. Завадовскому, который и покончилъ то дѣло мировыми сдѣлками. Письменные слѣды тяжбы остались въ архивахъ судовыхъ и домашнихъ.— Теперь видите ли, что Малороссійскіе паны, обличаемые Тепловымъ, имѣли полное право сказать ему: врачу, исцѣлися самъ!

Вы (въ Эпилогѣ къ Черной Радѣ) объявили, будто съ Конискаго уже «снята священная мантія историка» (?!); и — ухватились за кафтанъ Теплова, и говорите: «взглядъ на тогдашнее состояніе Малороссіи приводитъ наблюдателя въ горестное изумленіе. Видишь повсемѣстное отсутствіе идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія, видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное и какъ бы узаконенное обычаемъ грабительство надъ беззащитною массою простолюдиновъ; народъ беднѣетъ, подпадаетъ матеріальной зависимости отъ пройдохъ и богачей, падаетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи, и никто о немъ не жалѣетъ. Только *одинъ человѣкъ* возвысилъ свой голосъ въ пользу большинства Малороссійскаго населенія и старался, по мѣрѣ своего разумѣнія, раскрыть причины его матеріальнаго упадка, но и того *слѣпая исторія* нашего края записала въ число враговъ его» (стр. 174).

И такъ—*вотъ человѣкъ*, Тепловъ! И такъ—Исторія была доселѣ *слѣпа* на счетъ его, и прозрѣла только во 2-мъ томѣ вашихъ Записокъ! Но я полагаю, что тутъ-то и напала на нее слѣпота.... Тепловъ признанъ недругомъ Малороссіи, за его очевидное

нелюбіе къ Малороссіянамъ; за его ложныя и оскорбительныя объ нихъ писанія; особенно же, за его лукаво-соблазнительный проэктъ объ испрошеніи *потомственнаго гетманства* графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, отвергнутый Малороссіянами и надѣлавшій тогда такой кутерьмы. Опорочить всю Малороссійскую старшину и шляхетство преувеличеннымъ показаніемъ ихъ темной стороны, не значитъ еще принести пользу Малороссійскому простонародью. И какой же голосъ возвысилъ Тепловъ въ пользу большинства населенія Малороссійскаго? О *козачествѣ* онъ налгалъ Государынѣ, будто оно *почти все истребилось* и претворилось въ крестьянъ, злоупотребленіемъ старшинъ. О *посполъствѣ*, въ концѣ своей Записки, онъ возвысилъ такой голосъ, что «есть вредъ наиближайшій Малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто (1), который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые наче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими.»—Но богатые помѣщики наипаче усилились въ Малороссіи не отъ вольнаго перехода посполъства, и даже по прекращеніи его. Не отъ него собственно бѣднѣли бѣдные помѣщики; не отъ него и посполъство Малороссійское подвергалось такой нравственной порчѣ, какъ представляетъ Тепловъ; ибо и по прекращеніи вольнаго перехода въ 1783 году, крестьяне нерѣдко дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими.

«Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего какъ бы ему найти удобности *свой хлѣбъ же-*

---

(1) Не одинъ Тепловъ, многіе тогдашніе Малороссіяне, въ томъ числѣ и депутатъ Полѣтика, разсуждали такъ, что вольный переходъ посполъства не согласуется уже съ потребностями хозяйственнаго устроенія Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ Великой Россіи онъ давно былъ уже прекращенъ (1592). И было долгое разсужденіе о томъ, какъ отмѣнить и чѣмъ лучшимъ замѣнить древнее право вольнаго перехода? Ближайшимъ къ тому способомъ представилось уравненіе Малороссійскаго посполъства съ крестьянствомъ Великороссійскимъ. Такъ и рѣшила преобразовательница Малороссіи Екатерина II-я, указомъ 1783 года 3 Мая. Въ 8 пунктѣ онаго изображено: «для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ Намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородсѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего Нашего указа.»

вать безъ труда....»—Но безъ труда не могъ и быть у крестьянина *свой хлѣбъ*, разумѣется, честный. «Дѣлай землю вознесетъ стогъ свой.»

«Сего ради не допускаетъ *обременять себя никакою излишнею работою.»*—Да *обремененіе излишнею работою* отъ кого-либо есть дѣло непріятное и нежеланное, для самаго трудолюбиваго человѣка, во всякомъ званіи.

«Между тѣмъ мужики *праздноделъные и лѣнтяи* о томъ не оставляютъ вѣдываться, гдѣ и сколько временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ *льготнѣе* покажется.»—Но такое мѣсто, которое *льготнѣе*, естественно избирать для себя не только, «праздноделъному и лѣнтяю,» но и самому усердному трудолюбцу.

«Такимъ образомъ *вылеживаетъ* мужикъ урочные годы *въ крайнемъ лѣнивствѣ*, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они *по большой части* и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ *тайкомъ* отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко бы мужикъ все, что ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, *грабитъ* все его имѣніе, на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики *безкредитные* въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому» (стр. 196).

При такомъ представленіи—въ комъ же вина хозяйской неурядицы и матеріальнаго упадка простолюдина: въ помѣщикѣ ли, на чьей землѣ водворяется онъ, или въ самомъ простолюдинѣ, который наровитъ пользоваться землею помѣщика только въ льготные для себя годы, а къ концу срока, когда должна начаться уже отъ его труда выгода землевладѣльцу, онъ уклоняется отъ труда и бѣжитъ тайкомъ? Очевидно, что корень такому злу — *въ нравственномъ упадкѣ* самого простолюдина, въ его нечестномъ и «крайнемъ лѣнивствѣ!» Въ этомъ обвинять пановъ было бы несправедливо, так же, какъ несправедливо представлять большинство тогдашняго Малороссійскаго

посподьства состоящимъ изъ такихъ нечестныхъ лѣнтяевъ и лежебоковъ. Тутъ подъ перомъ Теплова опять *преувеличеніе* частныхъ случаевъ въ господствующій характеръ, столь же оскорбительное для поспольства, какъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ было оно оскорбительно для козачества и старшины. —И глядя на эту картину его *непорядковъ Малороссіи*, я невольно спрашиваю васъ: гдѣ же то «*сознаніе* своей *человѣчности* и чувство своего *человѣческаго достоинства*», которое у Малороссійскаго простонародья, по вашему—«было развито въ необыкновенной степени» въ половинѣ XVII вѣка? Кáкъ это «*единомысленное* гражданское общество,» которымъ, по вашему—явилась Малороссія при Богданѣ, и показала «присутствіе въ Малороссійскомъ народѣ высшихъ гражданскихъ понятій» (стр. 327), кáкъ оно въ XVIII столѣтіи является уже въ такой «совершенной безурядицѣ», съ такимъ «повсемѣстнымъ отсутствіемъ идеи добра и справедливости, въ высшемъ классѣ ея населенія», который и возникъ большею частью изъ того самаго «единомысленнаго гражданскаго общества?» Вѣдь древо отъ плода познается!—Но утѣшимся: какъ Малороссію, обновившуюся въ гетманство Богдана, вы представили себѣ въ преувеличенной гражданской красотѣ; такъ и Малороссію, бывшую въ гетманство Разумовскаго, вы представили себѣ въ преувеличенномъ гражданскомъ безобразіи. На самомъ же дѣлѣ, какъ Малороссія, возникшая при Богданѣ, не была вмѣстилищемъ одного новорожденнаго добра и благоустроенія народнаго, такъ и Малороссія XVIII вѣка, при всѣхъ *злоупотребленіяхъ* и *непорядкахъ*, бывшихъ въ ней на исходѣ ея гетманства и стараго козачества и вольноперехожаго поспольства, содержала въ себѣ еще много *добра* и *правды—во всѣхъ сословіяхъ* народа своего, и послужила ими съ честью и славою, какъ сама для себя, такъ и для всего Русскаго міра. И сколько славныхъ именъ украшаютъ ея Исторію въ XVIII вѣкѣ — отъ святителя Димитрія и гетмана Апостола, до Георгія Конискаго включительно! А Григорій Николаевичь Тепловъ, хоть онъ и питомецъ Ѳеофана Прокоповича, и наставникъ гетмана Разумовскаго,—онъ долженъ и въ памяти потомства остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ въ общемъ мнѣніи современниковъ, чтобы сбылась надъ нимъ народная пословица Украинская: «брехнéю свѣтъ прóйдешъ, да назадъ не вéрнешся!»

М. Максимовичь.

Москва.
1857 г. 8 Октября.

О НАРОДНОСТИ

ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ И ИСКУССТВѢ.

(СТАТЬЯ Г. БУСЛАЕВА РУС. ВѢСТ. № 15, 1857 ГОДА).

Въ настоящей статьѣ своей авторъ прежде всего старается доказать, что даже въ концѣ XII вѣка между простонародьемъ на Руси почти повсемѣстно было распространено язычество. Вотъ подлинныя слова автора (стр. 356): «Ежели въ XI и XII вѣкѣ язычество между простымъ народомъ было распространено почти повсемѣстно; то въ XIII и XIV оно держалось болѣе по украинамъ, по мѣстамъ далекимъ отъ средоточія тогдашней христіанской образованности». И въ основаніе таковаго мнѣнія у автора поставлено свидѣтельство митрополита Іоанна, которому Іаковъ черноризецъ говоритъ: «Оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются». Но это свидѣтельство ясно и согласно съ требованіемъ науки уже разобрано въ № 22 Молвы, гдѣ доказано, что и въ самой восточной Римской имперіи до XII столѣтія браки рабовъ отправлялись безъ вѣнчанія и церковныхъ молитвъ, и только новеллою императора Алексѣя Комнина, изданною въ 1087 году было запрещено заключать браки между христіанами безъ благословенія церковнаго. Такимъ образомъ свидѣтельство о простолюдинскихъ бракахъ безъ церковнаго вѣнчанія не можетъ служить доказательствомъ, что язычество у насъ было распространено между простымъ народомъ почти повсемѣстно даже въ концѣ XII вѣка. Въ противномъ случаѣ простонародье всей Византійской имперіи должно считать погруженнымъ въ язычество въ концѣ XI столѣтія.

Но, для чего же г. Буслаеву такъ понадобилось язычество въ христіанскомъ простонародьи на Руси въ древности? На это слу-

житъ отвѣтомъ слѣдующее заключеніе, сдѣланное авторомъ. «Само собою, разумѣется, что сочувствія къ народности, коренившейся въ язычествѣ, не было и не могло быть между грамотными людьми древней Руси. Народная словесность и христіанская литература шли у насъ двумя различными путями. Столкновеніе между тою и другою оказывалось только въ томъ, что лучшіе люди, просвѣщенные христіанствомъ, обличали невѣжество въ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, въ невоздержности и въ нечистотѣ семейной жизни». Итакъ, по мнѣнію автора, грамотные люди древней Руси не сочувствовали и не могли сочувствовать народности. Автору здѣсь явно хочется оправдать несочувствіе къ Русской народности свое и своихъ сторонниковъ тѣмъ, что будто бы такъ искони было на Руси, что это въ порядкѣ вещей, что и теперь не слѣдуетъ сочувствовать народности. Нечего сказать, мысль затѣйливая; но увы, доказательства, представленныя г. Буслаевымъ, не оправдываютъ ее. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Г. Буслаевъ, во 1-хъ, ссылается на то, что въ Словѣ христолюбца, къ бѣсовскимъ играмъ, которыхъ не подобаетъ христіанамъ играть, причислены: «плясаніе, гудьба, т. е. музыка, пѣсни бѣсовскія и жертва идольская». Но это запрещается христіанамъ и въ западной Европѣ, какъ самъ же сознаетъ г. Буслаевъ; слѣдовательно надобно полагать, что и въ Нѣмецкихъ племенахъ также не могло быть сочувствія къ своей народности по причинѣ христіанства; но онъ Нѣмцевъ старается выгородить изъ этого, и говоритъ, что доисторическая народная поэзія тѣмъ не менѣе состояла въ такой живой связи съ просвѣщеніемъ Нѣмецкихъ племенъ, что собраніемъ древнѣйшихъ пѣсенъ Эдды мы обязаны духовному лицу. Итакъ у Нѣмцевъ просвѣщеніе съ народностію соединялось тѣмъ, что духовное лицо собрало въ первый разъ пѣсни Эдды; но развѣ это доказательство? У Нѣмцевъ духовное лицо позаботилось собрать пѣсни Эдды въ XII вѣкѣ, потому что пѣсни сіи уже вымирали въ народѣ въ это время, слѣдовательно настояла надобность собрать ихъ, чтобы сохранить, какъ памятникъ отживавшей старины; а у насъ въ XII вѣкѣ народныя древнія пѣсни еще хорошо сохранялись въ народной памяти, еще были во всемъ разгарѣ своей жизни, какъ можно видѣть изъ того, что сочинитель Слова о Полку Игоревѣ указываетъ на соловья стараго времени Бояна, какъ на такого пѣвца, пѣсни котораго были еще всѣмъ извѣстны и пѣлись народомъ; слѣдова-

тельно и собирать ихъ и записывать не было никакой надобности. А когда понадобилось собраніе древнихъ народныхъ преданій, то и у насъ явился одинъ діаконъ Холопьяго Городка, Каменевичъ Рвовскій и написалъ двѣ огромныхъ книги разныхъ народныхъ сказаній, но къ сожалѣнію книги сіи доселѣ не изданы. И такъ собраніе пѣсенъ Эдды духовнымъ лицомъ нисколько не можетъ служить свидѣтельствомъ, что у Нѣмцевъ просвѣщеніе имѣло сочувствіе къ народности, а у насъ не имѣло.

Далѣе, какъ доказательство своего мнѣнія, авторъ приводитъ то, что между запрещенными книгами, къ которымъ возбраняется прикасать, упомянуты: «Остронумѣя, звѣздочетья, сонникъ, волховникъ, птичныя чарованія, землемѣрье, чаромѣрье, стѣнямъ знаменья, лунное и солнечное.... зелейникъ, коляданикъ, громникъ, воня благоуханія, чѣмъ въ лѣсу или въ полѣ вѣнчаются человѣки». Но это все запрещено было христіанамъ и на западѣ Европы и въ Византіи, откуда пришло запрещеніе и къ намъ; слѣдовательно здѣсь нѣтъ и намековъ на то, чтобы наше просвѣщеніе и литература не сочувствовали народности. А напротивъ здѣсь есть доказательство, что граматность у насъ была распространена не только между духовенствомъ и монахами, но и по всей массѣ народа: ибо странно было бы запрещать чтеніе тѣхъ или другихъ книгъ для людей, которые и читать вовсе не умѣютъ. Ежели народу запрещаются тѣ или другія книги, значитъ этотъ народъ не безграмотенъ. Притомъ книги, названныя отреченными, нисколько не указываютъ на народность; книги сіи были общи всѣмъ Европейскимъ народамъ среднихъ вѣковъ, по состоянію тогдашняго образованія.

Продолжая отстаивать свое мнѣніе, авторъ пишетъ (стр. 358): «Всѣ игры и забавы, всѣ задушевныя убѣжденія, связанныя тѣсными узами съ темною миѳическою стариной, всякой досугъ простаго народа, когда фантазія и чувство просятъ себѣ выраженія въ пѣснѣ и пляскѣ, однимъ словомъ, всякое веселье его казалось лучшимъ людямъ той эпохи дѣломъ предосудительнымъ, наважденіемъ діавольскимъ». Тугонько же приходилось нашимъ предкамъ отъ своихъ передовыхъ людей: они, по словамъ г. Буслаева, запрещали имъ почти всякой досугъ, всякое веселье. Впрочемъ все это было такъ только по словамъ г. Буслаева, а по свидѣтельству всѣхъ древнихъ памятниковъ это было совершенно иначе: учители церковные запрещали народу не всякое веселье и покой, а только плясаніе, гудьбу, пѣсни бѣсовскія, игрища и сбо-

рища идольскія. Но г. Буслаеву нужно было, наперекоръ памятникамъ, распространить запрещеніе на всякой досугъ и веселье для того, чтобы таковою клеветою увѣрить нашихъ современниковъ, будто бы Русскій народъ въ древности, и принявши христіанство, такъ былъ погруженъ въ грубое язычество, что и веселиться и покоиться не могъ иначе какъ по язычески, что Русскіе въ древности были только именемъ христіане, а дѣломъ нисколько не измѣнившіеся язычники; онъ даже утверждаетъ, что и въ церковь они не ходили, и приводитъ свидѣтельство двухъ древнихъ памятниковъ, гдѣ проповѣдники жалуются, что народъ мало ходитъ въ церковь. Но если Кириллъ Туровскій въ одномъ словѣ, приводимомъ г. Буслаевымъ, жалуется, что народъ менѣе прежняго ходитъ въ церковь; то другой проповѣдникъ Серапіонъ, напротивъ, похваляетъ своихъ современниковъ за усердіе къ церкви, и говоритъ: «Вижу бо вы великою любовію текущая въ церковь и стояща съ говѣніемъ. Тѣмъ же, аще бы ми мощно коегождо васъ наполнити сердце и утробу разума Божественнаго» (Слово 4, стр. 204). Да и самый Кириллъ Туровскій даже въ Словѣ на пятую недѣлю по Пасхѣ, приводимомъ г. Буслаевымъ, только говоритъ: «Азъ убо, о друзи и братье! надѣяхъся на всяку недѣлю болѣ сбирати въ церковь людій, на послушаніе Божественныхъ словесъ, нынѣ же менѣе приходитъ». Слѣдовательно, онъ указываетъ не на постоянную холодность народа къ церкви, а на временное охлажденіе, которое охлажденіе, кажется, на другую же недѣлю прекратилось, ибо въ словѣ, говоренномъ на слѣдующей т. е. 6-й недѣлѣ, тотъ же проповѣдникъ обращается къ слушателямъ не съ укоромъ за нехожденіе въ церковь, а съ похвалою и любовію, и начинаетъ слово свое такъ: «Милость Божію... сказую вамъ, братіе, добріи христолюбивіи послушницы, чада церковная, сынове свѣта и причастницы царствія небеснаго». И во всѣхъ остальныхъ своихъ Словахъ Кириллъ Туровскій даже и не намекаетъ, чтобы народъ рѣдко ходилъ въ церковь, или былъ невнимателенъ къ слушанію слова Божія. Притомъ не льзя опустить безъ вниманія, что какъ Кириллъ Туровскій, такъ Серапіонъ и другіе проповѣдники ихъ времени, нигдѣ не жалуются на невѣжество своихъ современниковъ и привязанность къ язычеству, а напротивъ обличаютъ только такіе пороки, которые распространены и въ нынѣшнемъ христіанскомъ обществѣ, или которые были общи всѣмъ Европейскимъ народамъ того времени по самому способу развитія средневѣковаго образованія. Такъ, на примѣръ, Кириллъ Туров-

скій, исчисляя грѣхи, за которые люди дадутъ отвѣтъ Богу, говоритъ: «Оболганіе, елико будемъ оболгали отъ юности и до старости, оклеветаніе, завистъ, гнѣвъ, ярость, гордость, буесловіе, срамословіе, безстудная словеса и плясаніе еже въ пиру и на свадьбахъ, и въ повечерницахъ, и на игрищахъ, рѣзоиманіе и грабленіе, тщеславіе, златолюбіе и сребролюбіе, злопоминаніе, чародѣйство и волхвованіе, паузы, объяденіе, всяка ересь, и вѣруютъ въ стрѣчи, въ чохъ, въ полазъ и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни баютъ и гусли гудутъ» и проч., но ни слова объ идолослуженіи; слѣдовательно, Кириллъ уже не замѣчалъ его въ своихъ современникахъ. Точно также Серапіонъ, обличая пороки современниковъ, говоритъ: «Аще кто васъ разбойникъ разбоя не остапетъ; аще кто крадетъ, татьбы не лишиться; аще кто ненависть на друга имать, враждуя не почиваетъ; аще кто обидитъ и въсхватаетъ, грабя не насытиться; аще кто рѣзоимецъ, рѣзъ емля, не престанетъ; аще ли кто любодѣй не отлучиться, скверпословецъ и пьяница своего обычая не остапеть» (Сл. 2); или въ другомъ словѣ, убѣждая современниковъ исправиться, говоритъ: «Аще отступимъ скверныхъ и немилостивыхъ судовъ, аще премѣнимся кроваваго рѣзоимства и всякаго грабленія, татьбы, разбоя, и нечистого прелюбодѣйства, отлучающа отъ Бога, сквернословья, лжѣ, клеветы и поклепа, иныхъ дѣлъ сотониныхъ». Опять ни слова о грубомъ язычествѣ и идолослуженіи. Ясно, что язычество древней христіанской Руси принадлежитъ не исторіи, а воображенію г. Буслаева.

Второе отдѣленіе своего труда г. Буслаевъ начинаетъ такъ (стр. 359): «Нужно ли говорить, сколько прекраснаго въ нашемъ древнемъ народномъ эпосѣ погибло, съ одной стороны отъ равнодушія людей грамотныхъ къ народной старинѣ и даже отъ преслѣдованія ея, а съ другой отъ недостатка внутреннихъ, нравственныхъ силъ народныхъ отстоять свои до-историческія преданія? Эти силы, въ эпоху распространенія христіанства, народъ могъ пріобрѣсти только усвоеніемъ себѣ тѣхъ началъ, которыя должна была посѣять въ немъ новая религія. Только просвѣщеніе, только грамотность спасаетъ отъ вѣчнаго забвенія отживающую старину». Но, во 1-хъ, не нужно и не возможно говорить, сколько прекраснаго погибло въ нашемъ древнемъ эпосѣ; ибо мы не знаемъ, погибло ли что, и сколько погибло; можетъ быть и теперь еще сохраняется множество древнихъ эпическихъ памятниковъ въ разныхъ монастырскихъ и частныхъ библіотекахъ, которыя у насъ едва начинаютъ разработываться. Припомнимъ, что въ какія либо

пять лѣтъ послѣдняго времени мы получили до десяти вновь открытыхъ памятниковъ древней свѣтской литературы. Говорить объ утратѣ, о совершенной потерѣ древнихъ памятниковъ можно только тогда, когда бы у насъ были осмотрѣны и разобраны всѣ библіотеки, когда бы всѣ древнія рукописи, разсыпанныя по рукамъ простонародья въ разныхъ городахъ и деревняхъ, были собраны и приведены въ извѣстность, или по крайней мѣрѣ это важное дѣло собранія и разбора древнихъ памятниковъ было бы на половинѣ. Но мы только начинаемъ это дѣло: большая часть Русскихъ филологовъ, охотниковъ поругать старину, даже и читать не умѣетъ старыхъ рукописей, а какого вѣка та или другая рукопись—этого у нихъ и не спрашивай; слѣдовательно должно жаловаться не на утрату древнихъ литературныхъ памятниковъ, не на равнодушіе нашихъ предковъ къ народной старинѣ, а на нашу лѣность и равнодушіе къ собиранію и отысканію древнихъ литературныхъ памятниковъ; должно сожалѣть о томъ, что половина нашихъ филологовъ заботятся не о собираніи и изученіи древнихъ памятниковъ, а о томъ, какъ бы доказать, что въ старину ничего не было путнаго, и тѣмъ отбить охоту къ ея изученію у новыхъ дѣятелей. Во 2-хъ, что касается до проповѣдуемаго г. Буслаевымъ недостатка внутреннихъ, нравственныхъ силъ народныхъ отстоять свои до-историческія преданія, до невѣжества и малограмотности нашихъ предковъ; то лучшимъ опроверженіемъ таковому ложному мнѣнію служатъ проповѣди нашихъ духовныхъ пастырей XII и XIII столѣтій: стоитъ прочесть любое слово Кирилла Туровскаго или Серапіона, чтобы увѣриться, что проповѣдники сіи говорили слушателямъ просвѣщеннымъ, а не грубымъ невѣжамъ. И въ 3-хъ, мы не имѣемъ никакого основанія думать, что Русскій народъ въ древности не усвоилъ себѣ началъ христіанской религіи; ибо мы знаемъ, что наши предки даже въ свои пословицы и поговорки, въ свою обиходную жизнь приняли множество мыслей изъ Священнаго Писанія и Отцовъ Церкви; намъ извѣстно, что Русскіе въ продолженіи всей своей исторической жизни, начиная съ принятія христіанства, постоянно были горячими чтителями Православія, и христіанство считали отличительною чертою Русскаго отъ не-Русскаго.

Далѣе авторъ говоритъ: «Отсутствію художественной литературной дѣятельности соотвѣтствуетъ въ древней Руси недостатокъ дѣятельности артистической вообще. Сначала призываемы были къ намъ художники Византійскіе... но древніе наши художники не умѣли остаться

вѣрными Византійскимъ началамъ... Поэтому уже въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ произведенія древне-Русской живописи, скопированныя съ рисунковъ Итальянскихъ мастеровъ, на примѣръ съ Перуджино.... Между тѣмъ какъ на Западѣ, въ концѣ XII и въ XIII вѣкѣ, до того созрѣли нравственныя силы народа, что онъ изъ своей среды могъ уже дать строителей готическихъ храмовъ.... у насъ, главнѣйшимъ образомъ, пробавлялись иностранными мастерами.... Замѣчательно, что не только на Сѣверѣ, въ Новгородѣ, но во Владимірѣ, и въ южной и западной Руси, уже въ XII и XIII вѣкахъ, строители храмовъ называются иностраннымъ словомъ мастеры или мастера». Но во 1-хъ, мы никакъ не можемъ утверждать, что въ древней Руси былъ недостатокъ дѣятельности артистической; ибо приглашеніе художниковъ Византійскихъ и западныхъ этого нисколько не доказываетъ; и на Западѣ Европы приглашались нерѣдко Византійскіе художники и строили тамъ храмы; тѣмъ не менѣе на Западѣ Европы были и свои художники и очень знаменитые: слѣдовательно то же могло быть и у насъ; и лѣтописи дѣйствительно указываютъ на иконописца Алимпія и строителя Милонега. Нѣтъ спора, что на Западѣ въ средніе вѣка появилось нѣсколько прекрасныхъ и великолѣпныхъ зданій; но этому было причиною не сильнѣйшее развитіе христіанства между западными народами, а остатки древнихъ Римскихъ зданій, которыхъ такъ много было на Западѣ, а также образцы Арабской или Мавританской архитектуры въ Испаніи, у насъ же ничего этого не было. Въ подтвержденіе своей мысли о недостаткѣ у насъ артистической дѣятельности, авторъ ссылается на два лѣтописныя извѣстія; изъ которыхъ въ первомъ говорится, что Андрей Боголюбскій для построенія Владимірской соборной церкви Богоматери привелъ мастеровъ изъ всѣхъ земель; а во второмъ, что Іоаннъ епископъ Ростовскій, обновляя Суздальскую церковь Богоматери не искалъ «мастеровъ отъ Нѣмецъ». Но сіи извѣстія нисколько не доказываютъ мысли автора, а напротивъ, свидѣтельствуютъ, что у насъ были и свои строители храмовъ, и приглашались иностранные. Авторъ прибавляетъ, что будто бы лѣтописецъ считаетъ подобнымъ чуду, что епископъ Іоаннъ при возобновленіи церкви не искалъ мастеровъ отъ Нѣмецъ. Дѣйствительно въ лѣтописномъ текстѣ есть выраженіе: *«и то чуду подобно»*. Но это выраженіе скорѣе должно отнести къ возобновленію и украшенію церкви, а не къ тому, что не выписывали мастеровъ изъ Нѣмецъ; ибо въ лѣтописяхъ не-

рѣдко встрѣчаются извѣстія о построеніи храмовъ удивительныхъ и великолѣпныхъ для современниковъ, но при семъ не упоминается ни объ иностранныхъ, ни о Русскихъ мастерахъ; слѣдовательно это дѣло у насъ было безразлично, церкви строились и Русскими и иностранными мастерами; точно такъ же какъ это было безразлично и у иностранцевъ; такъ мы имѣемъ свидѣтельство Новгородской лѣтописи, что Нѣмцы наняли Русскихъ мастеровъ написать образъ Спасовъ на углу своей ропаты; а что у насъ не было недостатка въ разныхъ ремесленникахъ и мастерахъ, это свидѣтельствуютъ ханскіе ярлыки, данные Русскому духовенству, въ которыхъ ремесленники, принадлежащіе церкви, освобождаются отъ работъ Татарскихъ; такъ въ Узбековомъ ярлыкѣ сказано: «А что будутъ церковные люди, ремесленники кои или тесцы, или каменные сдатели или деревянные, или иные мастеры, каковъ нибудь: а въ то наши никто не вступаются, и на наше дѣло да не емлютъ ихъ». Во 2-хъ, авторъ говоритъ, что древніе наши художники не умѣли остаться вѣрными Византійскимъ началамъ, и въ подтвержденіе сего приводитъ свидѣтельство г. Ровинскаго, что въ XVI вѣкѣ Русскіе копировали съ рисунковъ Итальянскихъ. Но развѣ XVI вѣкъ можно относить къ древности XI, XII и XIII вѣковъ? Въ 3-хъ, для подтвержденія своей мысли авторъ замѣчаетъ, что на Руси въ XII и XIII вѣкахъ строители храмовъ называются мастерами, словомъ иностраннымъ. А я скажу, что не только строители храмовъ, но иконописцы и другіе художники у насъ даже въ XI столѣтіи назывались *мастерами*, и это слово, какъ техническое, было употребительно не только въ западной Европѣ и у насъ, но и въ Византіи, и въ Болгаріи, и въ Сербіи, слѣдовательно оно пришло къ намъ не съ Запада, а или изъ Византіи, или изъ Болгаріи; ежели бы оно пришло изъ Германіи, то художники у насъ назывались бы мейстеры или мистры, а не мастеры; магистра Ливонскаго и Нѣмецкаго у насъ постоянно называли мейстеромъ или мистромъ, а не мастеромъ.

Впрочемъ, не видя возможности обойти прямыя свидѣтельства о художественномъ развитіи у нашихъ предковъ, авторъ говоритъ (стр. 363 и д.): «Справедливость требуетъ замѣтить, что, вмѣстѣ съ расширеніемъ у насъ дѣятельности художественной, хотя и при пособіи иноземномъ, расширялась и область литературныхъ воззрѣній. Къ строго-религіозному направленію присоединилось направленіе свѣтское, съ оттѣнкомъ поэтическимъ.... Въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка

подвизался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ духовныхъ дѣятелей того времени, Авраамій Смоленскій. Онъ былъ не только краснорѣчивый ораторъ, но и живописецъ». Далѣе авторъ продолжаетъ, что «артистическія наклонности Аврамія послужили оправданіемъ взведенной на него клеветы, будто онъ читаетъ отреченныя книги, т. е. интересуется поэтическою стороною такихъ сочиненій, которыя казались противными господствовавшему характеру тогдашней литературы», и будто бы онъ читалъ «*Голубиную книгу*». Мы вполнѣ согласны, что при строго-религіозномъ направленіи у насъ развивалось и направленіе свѣтское, съ оттѣнкомъ поэтическимъ; но рѣшительно не понимаемъ, изъ чего авторъ вывелъ, что артистическія наклонности Аврамія Смоленскаго послужили будто бы оправданіемъ клеветы, что онъ читаетъ отреченныя книги. Аврамій, будучи церковнымъ ораторомъ, занимался въ то же время и живописью, но живописью у насъ занимались и Петръ митрополитъ и другіе святители; слѣдовательно и они также имѣли артистическія наклонности; но это нисколько не служило поводомъ къ клеветѣ на нихъ, что они читаютъ отреченныя книги. А потому не льзя допустить, чтобы артистическія наклонности Аврамія послужили оправданіемъ клеветы и на него; притомъ иконы, написанныя Аврамiемъ, страшный судъ и испытанія воздушныхъ мытарствъ, не имѣютъ никакого отношенія къ отреченнымъ книгамъ; иконы сіи чисто, строго-религіознаго содержанія. Еще непонятнѣе для насъ, что заставило автора «Глубинныя книги», записанныя въ житіи Аврамія, передѣлать въ *Голубиную книгу*, когда въ старыхъ рукописныхъ Кормчихъ и въ другихъ уставныхъ сборникахъ, въ числѣ отреченныхъ книгъ помѣщается апокрифическое сочиненіе *Глубина*, слѣдовательно вотъ и *Глубинныя книги*; зачѣмъ послѣ сего называть ошибкою писца то, что не есть ошибка, а имѣетъ свой смыслъ, засвидѣтельствованный древними памятниками? Впрочемъ авторъ скоро объясняетъ причину произвольной передѣлки Глубинныхъ книгъ въ Голубиную книгу; ему именно хотѣлось народные стихи, воспѣваемые слѣпцами въ глубокомъ религіозномъ воодушевленіи, причислить къ книгамъ отреченнымъ, чтобы потомъ сказать: «Древняя Русь въ своей умственной и нравственной дѣятельности представляетъ не столько единеніе и согласіе духовное, сколько разъединеніе и раздвоеніе.... наша древняя литература разобщалася не только съ народною словесностью вообще, но даже и съ духовными стихами, по скольку эти послѣдніе, подчиняясь свободному

творчеству, отступали отъ общепринятыхъ понятій и свѣдѣній людей грамотныхъ». Но конечно этотъ силлогизмъ, построенный авторомъ на произвольной передѣлкѣ Глубинныхъ книгъ на Голубиную книгу, нисколько не можетъ быть убѣдительнымъ для людей безпристрастныхъ.

Въ третьемъ отдѣленіи своей статьи г. Буслаевъ старается доказать, что наши предки все заимствовали преимущественно изъ западной Европы, что своего почти ничего не имѣли, а слѣдовательно и намъ должно все заимствовать съ Запада, искать спасенія въ Нѣмцахъ. Вотъ слова автора объ этомъ предметѣ (стр. 372): «Не льзя довольно надивиться, почему нѣкоторые изъ изслѣдователей нашей старины смотрятъ подозрительно на сближенія нашихъ древнихъ обычаевъ и преданій съ чужеземными, особенно съ западными. Вліяніе Запада очевидно съ первыхъ страницъ Русской лѣтописи. Пришествіемъ княжескихъ родовъ и дружины *изъ-за моря* открывается политическое существованіе Руси». Но во 1-хъ, приглашеніе Варяго-Русскихъ князей и дружины еще не свидѣтельствуетъ объ сильномъ вліяніи западныхъ обычаевъ на Русскій бытъ; ибо скоро сами князья изъ Скандинавскихъ кунинговъ обратились въ Русскихъ князей съ Славянскими именами: уже внукъ Рюриковъ носилъ Славянское имя Святослава, а при Рюриковомъ правнукѣ Владимірѣ Скандинавскія дружины были уже замѣнены домашними дружинами; при Владиміровомъ сынѣ Ярославѣ Скандинавы только временно приходятъ на службу въ Россію, какъ наемники, и по окончаніи похода удаляются въ Скандинавію, а при Владиміровыхъ внукахъ о Скандинавскихъ дружинахъ болѣе уже не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ; бытъ чисто-Славянскій ясно лежитъ на всей древней Русской исторіи: въ законодательствѣ ли, въ обычаяхъ ли, вообще ли въ развитіи общественной и частной жизни западное Нѣмецкое вліяніе замѣчается весьма слабо; Норманскіе князья и ихъ дружины скорехонько были ославянены. А посему тѣ изъ изслѣдователей нашей старины, которые осторожно допускаютъ сближеніе нашихъ древнихъ обычаевъ и преданій съ западными, поступаютъ правильно и безпристрастно; отыскивать сближенія очень легко, но это еще не составляетъ главной задачи историка, и часто можетъ вести къ заблужденіямъ.

Во 2-хъ попытки г. Буслаева подтвердить свою мысль о западномъ вліяніи свидѣтельствами лѣтописей явно обличаютъ несостоятельность сей мысли, и отзываются натяжками. На примѣръ преданіе о томъ, что Ольга однихъ Древлянскихъ пословъ велитъ бросить въ яму,

а другихъ сжечь въ банѣ, нисколько не указываетъ на заимствованіе его изъ Скандинавіи, хотя и тамъ есть преданіе, что Стиръ велѣлъ сжечь въ банѣ опасныхъ слугъ; ибо таковое сходство, далеко неполное, могло быть и безъ заимствованія. Далѣе г. Буслаевъ сопоставляетъ преданіе о Святославѣ, что онъ самъ пекъ на угольяхъ конину и звѣрину; съ преданіемъ Эдды о Волундрѣ, жарившемъ на огнѣ медвѣжье мясо; но и здѣсь безъ натяжки не льзя указывать на заимствованіе; ибо и теперь разсказываютъ путешественники, что Буряты и другіе Сибирскіе инородцы пекутъ на угольяхъ мясо убитыхъ на охотѣ звѣрей; слѣдовательно, по системѣ г. Буслаева, и это извѣстіе должно принять, какъ заимствованіе изъ Нѣмецкихъ преданій. Продолжая поддерживать свое мнѣніе о заимствованіи, авторъ говоритъ: (стр. 372) «Родство нашей старины съ Скандинавскою и вообще съ древне-Нѣмецкою простирается даже до мелочныхъ подробностей, до отдѣльныхъ выраженій. Такъ на примѣръ, древне Русское-выраженіе о находящихся подъ властію кого нибудь, въ чьей либо зависимости: *быть подъ рукою....* состоитъ въ связи съ древнѣйшею системой управленія между Нѣмецкими племенами, и встрѣчается съ такимъ же точно выраженіемъ древне-Нѣмецкимъ». Но выраженіе *быть подъ рукою* или быть въ чьей либо власти, обще и Евреямъ и Римлянамъ и многимъ другимъ народамъ Европейскимъ и Азіатскимъ; оно употреблялось и у Славянъ на Дунаѣ; слѣдовательно или вмѣстѣ съ г. Буслаевымъ должно принять, что и Евреи и Римляне, и Славяне на Дунаѣ и многіе другіе древніе народы заимствовали это выраженіе у Германцевъ, или отвергнуть мнѣніе Буслаева, какъ ложное, и выраженіе,—*быть подъ рукою* признать чисто Русскимъ, а незаимствованнымъ, какъ оно было не заимствовано и у Германцевъ, и у Евреевъ, и у Римлянъ, и у Славянъ на Дунаѣ. Такимъ образомъ сильнѣйшее доказательство о заимствованіи, мелочныя подробности, прямо свидѣтельствуетъ противъ г. Буслаева, и доказываетъ, что его методъ будетъ затемнять Русскую исторію, а не объяснять оной. А посему г. Сухомлиновъ въ своемъ сочиненіи о древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, весьма правъ, ограничившись въ своихъ сравненіяхъ Нестора съ Григоріемъ Турскимъ и другими, преимущественно историческимъ способомъ изложенія, и не касаясь народныхъ преданій, и г. Буслаевъ его укоряетъ неосновательно.

Желая поддержать свое мнѣніе, что будто бы въ древности на Руси, все, что только было замѣчательнаго, поэтическаго, принадле-

жало Варягамъ-Нѣмцамъ, а не Славянамъ, г. Буслаевъ указываетъ на слѣды народнаго эпоса въ сказаніяхъ Нестора объ Обрахъ, Радимѣ, Кіѣ и пр., и возглашаетъ (стр. 376): «При чтеніи уже первыхъ страницъ Несторовой лѣтописи, казалось бы, что такъ возможно, такъ легко было въ древней Руси желанное примиреніе народной словесности съ просвѣщенною литературою людей грамотныхъ. Неужели вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вырождалось на Руси энергическое племя Варяжское ... болѣе и болѣе ослабѣвала энергія народнаго творчества, или же болѣе и болѣе разобщались люди, по тогдашнему образованные, съ свѣжими источниками преданій и повѣрій.» Отвѣчаемъ г. Буслаеву, что ни то, ни другое. Слѣды народнаго эпоса, замѣченные имъ въ Несторовой лѣтописи, во первыхъ чисто Славянскіе, а не Варяжскіе, въ Скандинавскихъ сагахъ нѣтъ и помину ни объ Обрахъ-великанахъ, ни о Кіѣ, ни о Радимѣ и Вятко, а посему вырожденіе Варяжскаго племени на Руси нисколько не могло ослабить энергію народнаго творчества, какъ чисто Славянскаго, а не Варяжскаго. Во 2-хъ самые памятники свидѣтельствуютъ, что народное творчество не ослабѣвало и въ XII, и въ XIII, и въ XIV, и въ XV столѣтіяхъ; тѣ же слѣды народнаго эпоса, которые замѣтилъ г. Буслаевъ у Нестора, продолжаютъ попадаться и въ другихъ, позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Такъ у перваго Несторова продолжателя мы встрѣчаемъ чисто поэтическій разсказъ, прямо взятый изъ народнаго преданія, о войнѣ Святополка Михаила съ Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами; далѣе въ продолженіе всего XII вѣка намъ встрѣчаются въ лѣтописяхъ чисто народныя эпическія сказанія о бояхъ Русскихъ съ Половцами: таковы на примѣръ сказанія о походѣ Святополка и Мономаха на Донъ въ 1111 году и о походѣ Игоря Святославича въ 1185 году, который походъ сверхъ того описанъ и въ особомъ поэтическомъ сказаніи, извѣстномъ подъ именемъ Слова о Полку Игоревѣ. Кромѣ того подъ 1114 годомъ у лѣтописца записано народное преданіе о хожденіи старыхъ Новгородскихъ мужей за Югру и на Самоядь. Въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ начало прекраснаго эпическаго народнаго сказанія о Романѣ Волынскомъ; далѣе подъ 1207 годомъ лѣтописецъ мимоходомъ упоминаетъ о какомъ-то народномъ эпическомъ преданіи о Галичанинѣ Могилѣ и о зачатьи Галича; потомъ тотъ же лѣтописецъ подъ 1241 годомъ упоминаетъ о словутномъ пѣвцѣ Митусѣ, который по гордости не хотѣлъ служить князю Даніилу Галицкому. Другой лѣтописецъ въ томъ же XIII столѣтіи помѣщаетъ въ своей лѣтописи прекрасныя

народныя эпическія сказанія: о приходѣ чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, еже бѣ изъ Корсуня града, въ предѣлы Рязанскіе, къ князю Ѳедору Юрьевичу Рязанскому, во второе лѣто по Кальскомъ побоищѣ, тутъ же и эпическій разсказъ о нашествіи Батыя на Рязанскую землю, и другія эпическія сказанія о началѣ Москвы. Въ XIV вѣкѣ у насъ есть прекрасное, чисто народное эпическое сказаніе, да и не одно, о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Володимірѣ Андреевичѣ, како побѣдили супостата своего царя Мамая. А развѣ не эпическія народныя сказанія о Невскомъ побоищѣ и вообще о князѣ Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ, о мученической кончинѣ князя Черниговскаго Михаила и его боярина Ѳеодора, о кончинѣ князя Михаила Ярославича Тверскаго и многія другія? И всѣ сіи сказанія, помѣщенныя большею частію въ нашихъ лѣтописяхъ, явились въ Русскомъ народѣ уже тогда, когда не было и помину о Варягахъ. Слѣдовательно, по прямому свидѣтельству памятниковъ, вырожденіе Варяжскаго племени нисколько не послужило къ ослабленію народнаго творчества; и мнѣніе г. Буслаева объ этомъ предметѣ явно не состоятельно.

Въ четвертомъ отдѣлѣ своей статьи г. Буслаевъ останавливается на символикѣ въ связи съ олицетвореніемъ и аллегоріею, которыя рѣзко замѣтны какъ въ твореніяхъ древнихъ церковныхъ ораторовъ въ Россіи, такъ въ древне-Русскомъ искусствѣ и народной религіозной поэзіи, и, представивъ нѣсколько картинъ такой символики и аллегоріи, взятыхъ изъ твореній Кирилла Туровскаго, заключаетъ (стр. 381): «Нельзя не видѣть плодотворныхъ зародышей средневѣковой христіанской поэзіи въ этихъ воодушевленныхъ, символическихъ картинахъ, смѣло набросанныхъ древне-Русскимъ ораторомъ. По его жалобамъ, которыя мы привели выше, на равнодушіе толпы къ его проповѣдямъ, не имѣемъ права полагать, чтобъ его понятія и воззрѣнія были доступны его современникамъ и возбуждали въ нихъ сочувствіе.» Подлинно хитрый способъ изслѣдованія по Русской исторіи придуманъ г. Буслаевымъ! Свидѣтельства памятниковъ такъ ясны, что уже никакъ не льзя говорить, что у насъ въ древности, на примѣръ въ XII вѣкѣ, не было литературныхъ ораторскихъ произведеній, нисколько не уступающихъ литературнымъ произведеніямъ Западной Европы того же времени и даже имѣющихъ съ ними одинакое символико-аллегорическое направленіе; а изслѣдователю, взявшемуся порицать все древне-Русское, надобно, во что бы то ни стало, унизить древнюю Русь;

и вотъ онъ говоритъ: да, у насъ писались прекрасныя литературныя произведенія, не уступающія Нѣмецкимъ, но ихъ никто не слушалъ, не читалъ и не понималъ, они просто были не доступны современникамъ и не возбуждали ихъ сочувствія; онъ даже въ подтвержденіи своей мысли ссылается на жалобы Кирилла Туровскаго, что будто бы къ его проповѣдямъ современники были равнодушны. Но мы уже выше указали на истинный смыслъ жалобы Туровскаго; слѣдовательно настоящая ссылка на нее ничего не доказываетъ, и нисколько не подтверждаетъ мнѣнія автора; такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ г. Буслаевъ остается при голословномъ отрицаніи безъ доказательствъ, безъ свидѣтельствъ.

Но намъ могутъ сказать: положимъ, что проповѣди Кирилла Туровскаго и Иларіона Кіевскаго были понятны для ихъ современниковъ и возбуждали въ нихъ сочувствіе; но все таки Кириллъ и Иларіонъ оставались одни, какъ оазисы въ пустынѣ, имъ не было товарищей, не было послѣдователей. Дѣйствительно въ настоящее время мы не можемъ указать на проповѣдниковъ XI и XII вѣковъ, подобныхъ Кириллу Туровскому; но это не потому, чтобы ихъ въ самомъ дѣлѣ не было, лѣтописи указываютъ на многихъ епископовъ, митрополитовъ и игуменовъ, которые у современниковъ славились своимъ краснорѣчіемъ; такъ на примѣръ о Кіевскомъ митрополитѣ Іоаннѣ, скончавшемся въ 1089 году, лѣтописецъ говоритъ: «бысть Іоаннъ мужь хитръ книгамъ и ученью, речистъ же книгами святыми утѣшая печальныя.» Митрополита Климента лѣтописецъ называетъ книжникомъ и философомъ; о Ростовскомъ епископѣ Лукѣ лѣтописецъ говоритъ: «смѣренъ же и кротокъ, рѣчью и дѣломъ утѣшая печальныя, но истинѣ добрый пастухъ, иже пасетъ словесныя овцы», или о епископѣ Ростовскомъ Пахоміѣ въ лѣтописи сказано: «поревновавъ праву Златоустаго и преходя отъ дѣла въ дѣло уньшее, сиротами добрѣ пекыйся... смѣренъ, кротокъ, исполненъ книжнаго ученія, всѣми дѣлы утѣшая печальныя.» Или о митрополитѣ Кириллѣ лѣтописецъ говоритъ: «учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ.» Или епископа Суздальскаго Симона называетъ милостивымъ и учительнымъ. Слѣдовательно у насъ въ древности не было недостатка въ пастыряхъ краснорѣчивыхъ и учительныхъ, можетъ быть, не уступавшихъ Кириллу Туровскому, только мы пока еще не отыскали ихъ поученій. Но опять могутъ сказать: положимъ, что были у насъ краснорѣчивые проповѣдники, подобные Кириллу Туровскому; за то кромѣ проповѣдей не

было другихъ родовъ литературы; проповѣдники стояли одни, особнякомъ, а народной словесности не было; но куда же мы отошлемъ духовные стихи, которые до сей поры поютъ слѣпцы, куда причислимъ народныя пѣсни, сказки, лѣтописи, описанія путешествій, Слово о Полку Игоревомъ, сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, сказаніе о Невской битвѣ, посланія въ родѣ Владиміра Мономаха и Даніила Заточника? Развѣ это не народная словесность? неужели духовные стихи, такъ согласные, по своему символико-аллегорическому направленію, съ нѣкоторыми поученіями Кирилла Туровскаго, мы должны отнести къ позднѣйшему времени, какъ того хочется г. Буслаеву; неужели къ позднѣйшимъ же произведеніямъ должны отчислить многія народныя сказки и пѣсни, которыя носятъ на себѣ явные, неизгладимые слѣды древности, ежели не по языку, который по времени могъ измѣняться, то по многимъ подробностямъ содержанія, вполнѣ согласнымъ съ лѣтописями? Не споримъ, что въ западной Европѣ отыскано древнихъ памятниковъ народной литературы болѣе, нежели у насъ; но это отъ того, что тамъ собирать начали гораздо прежде нашего и собираютъ дружнѣе и усерднѣе, чѣмъ у насъ; ибо у насъ заботятся большею частію о порицаніи и отрицаніи всего стараго, Русскаго, народнаго, а не о собираніи и изученіи; слѣдовательно виноваты наши современники, а не наши предки. Приписывать же недостатокъ памятниковъ народной литературы неразвитости нашихъ предковъ, нравственному коснѣнію, недостатку сочувствія міру идей, которыя проповѣдывались лучшими людьми древней эпохи, какъ того желаетъ г. Буслаевъ, мы не имѣемъ никакого права. Ибо, ежели въ Германіи, гдѣ церковь и наука говорили чужимъ для Нѣмцевъ, Латинскимъ языкомъ, въ народѣ могло возбудиться сочувствіе міру идей, проповѣдовавшемуся Церковью и лучшими людьми; то какимъ же образомъ мы можемъ допустить, что у насъ въ древности народъ коснѣлъ въ крайнемъ невѣжествѣ и въ разъединеніи отъ Церкви, когда наша Церковь и ея пастыри говорили съ народомъ на его родномъ языкѣ, когда наши предки имѣли богатую переводную литературу.

Пятое отдѣленіе своей статьи г. Буслаевъ посвящаетъ какимъ-то страннымъ разсужденіямъ о Пчелѣ и Даніилѣ Заточникѣ. Сіи два памятника древней Русской литературы очень ясно говорятъ въ пользу того, что у насъ въ древности достаточно была развита свѣтская народная литература, слѣдовательно явно противорѣчатъ г. Буслаеву,

посему онъ и постарался поставить ихъ такъ, чтобы противорѣчіе это было не замѣтно. Онъ начинаетъ съ того, что «не столько въ одностороннемъ направленіи нашей древней литературы, сколько въ неразвитости нравственныхъ силъ народа вообще надобно видѣть главнѣйшую причину, почему въ древности не могла у насъ возникнуть литература свѣтская, состоящая въ связи съ художественными и умственными интересами общества.» Здѣсь прежде всего авторъ противорѣчитъ себѣ; ибо выше онъ обвинялъ нашу древнюю литературу въ односторонности, что въ грамотныхъ людяхъ, просвѣщенныхъ христіанствомъ, не могло быть сочувствія къ народности, коренившейся въ язычествѣ, что народная словесность и христіанская литература шли у насъ двумя совершенно различными путями, что отъ равнодушія людей грамотныхъ къ народной старинѣ погибло много прекраснаго въ нашемъ древнемъ эпосѣ; а теперь главную вину складываетъ на неразвитость нравственныхъ силъ народа. Теперь чему же вѣрить, первому или второму показанію? кто виноватъ въ мнимомъ недостаткѣ у насъ свѣтской литературы, народъ или грамотные люди, просвѣщенные христіанствомъ? Явно, что вина лежитъ ни на той, ни на другой сторонѣ, а на г. Буслаевѣ, который сперва опустилъ изъ виду разносторонность нашей древней литературы, а потомъ, надоумленный памятниками и изслѣдованіемъ г. Пыпина, (справедливо утверждающаго, что переводы Греческихъ хронографовъ т. е. свѣтской литературы, начались у насъ почти одновременно съ первыми попытками Русской литературной дѣятельности), замѣтивъ несостоятельность перваго своего показанія, обратился къ другому показанію, также несостоятельному.

Но довольно о противорѣчіи, обратимся къ тому, что г. Буслаевъ говоритъ о Пчелѣ. По словамъ г. Буслаева (стр. 386.): «Кромѣ хронографовъ, особенно важны въ нашей древней письменности, для исторіи перехода духовной литературы къ свѣтской, сборники нравственнаго содержанія, извѣстные подъ именемъ *Пчелы*. Эти сборники двоякаго рода: одни переведены съ Греческаго, а другіе собственно Русскаго состава; первые въ нашихъ рукописяхъ древнѣе, восходятъ до XIV вѣка; вторые—позднѣе и собственно были распространены въ XVII вѣкѣ.»—Что сборники, извѣстные подъ именемъ Пчелы, особенно важны въ нашей древней письменности, съ этимъ можно согласиться вполнѣ; Пчелы, какъ и Хронографы и Палеи, у насъ были очень давно и пользовались большимъ успѣхомъ между грамотными людьми и со мно-

гимъ знакомили нашихъ предковъ, это именно были первыя книги, которыя сообщали имъ плоды Греческой и Римской свѣтской литературы. Но никакъ не льзя согласиться съ авторомъ въ томъ, что по нашимъ рукописяхъ Пчелы, переведенныя прямо съ греческаго безъ всякихъ передѣлокъ и добавленій Русскими пословицами, восходятъ до XIV вѣка, и что Пчелы собственно Русскаго состава являются позднѣе и распространяются только въ XVII вѣкѣ. Изученіе рукописей свидѣтельствуетъ совершенно о противномъ: именно рукописные сборники Пчелъ XIV, XV и почти всего XVI столѣтія относятся къ разряду Пчелъ Русскаго состава; они раздѣляются иныя на 69 главъ, иныя на 70, въ иныхъ 71, 72 и 73 главы, въ нихъ попадаются и Русскія пословицы, даже выписки изъ Русскихъ лѣтописей, главы составлены по своему порядку, а не такъ, какъ они стоятъ въ Греческомъ подлинникѣ, много прибавлено изъ Греческихъ, Римскихъ писателей, чего нѣтъ въ Пчелахъ Антонія и Максима; а напротивъ Пчелы прямо безъ передѣлокъ, переведенныя съ греческаго, распространяются только въ XVII вѣкѣ: въ наукѣ Русской литературы даже извѣстенъ и годъ, когда переведены пчелы Антонія и Максима, именно этотъ годъ 1599, и переводъ сдѣланъ въ Дерманскомъ монастырѣ; въ этомъ переводѣ, какъ въ Греческомъ подлинникѣ, Пчела, написанная Антоніемъ, раздѣляется на двѣ книги, состоящія во 176 главахъ, а Пчела Максимова состоитъ изъ одной книги, раздѣленной на 71 главу. Явно, что г. Буслаевъ не читалъ ни одной Пчелы, и говоритъ по собственному соображенію, не справляясь съ памятниками, хотя для большаго эффекта и указываетъ повидимому на рукописи. Конечно, люди, незнакомые съ исторіею Русской литературы, повѣрятъ ему на слово, но во имя науки показаній его признать не льзя, ибо это значитъ утверждать противное дѣйствительности.

Вмѣстѣ со Пчелами авторъ говоритъ о сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *апофоегматъ*, откуда много вошло въ Письмовникъ Курганова, и заключаетъ свое толкованіе о Пчелахъ слѣдующимъ образомъ: «Не льзя усумниться въ народности нашихъ старинныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ. Происхожденіе ихъ чужеземное; но они были усвоены нашими грамотными предками, дополнены и передѣланы на Русской почвѣ.» И такъ г. Буслаевъ волей-неволей договорился до того, что у насъ была народная свѣтская литература, даже знакомая съ Греческою и Римскою свѣтскою литературою, хотя по отрывкамъ, а въ началѣ своей статьи онъ все

это отвергалъ. Такимъ образомъ истина, дѣйствительность, взяли свое, хотя г. Буслаевъ и старался затемнить ее разными уклоненіями и голословными отрицаніями; наконецъ онъ самъ отъискалъ въ XIV столѣтіи народную свѣтскую литературу въ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Пчелъ, но это только по дошедшимъ до насъ рукописямъ, а по указаніямъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ нашей древней литературы Пчелы у насъ были извѣстны никакъ не позже XII столѣтія. Но кромѣ Пчелъ у насъ въ одно время со Пчелами были и другіе сборники, безъ особыхъ названій по содержанію своему сколько духовнаго, столько же и свѣтскаго содержанія, и сборники, равно какъ и Пчелы, были распространены не только между духовенствомъ и людьми высшаго класса, но и между простолюдинами, на что указываютъ надписи въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ, по которымъ видно, что иныя изъ нихъ принадлежали крестьянамъ, иныя дворовымъ людямъ, иныя посадскимъ и подобнымъ. Ясно, что въ древности нашъ народъ имѣлъ живое сочувствіе къ литературѣ какъ духовной, такъ и свѣтской, что онъ не коснѣлъ въ невѣжествѣ, какъ того хочется г. Буслаеву, что онъ не былъ оторванъ отъ духовныхъ интересовъ высшихъ классовъ.

Отъ Пчелъ г. Буслаевъ переходитъ къ моленію Даніила Заточника и говоритъ: «Наша старина соединяла съ сборниками *Пчелы* личность одного Русскаго человѣка, извѣстнаго подъ именемъ *Даніила Заточника*. Слово о немъ или моленіе его къ князю, помѣщается въ этихъ сборникахъ Русской редакціи, или вполнѣ, или отрывками.» Дѣйствительно, въ одномъ спискѣ Пчелы XV вѣка, принадлежащемъ В. М. Ундольскому, къ концу помѣщено моленіе Даніила Заточника, но это нисколько не значитъ, чтобы наша старина соединяла съ сборниками Пчелы личность Даніила Зоточника; ибо при спискѣ Пчелы, гдѣ помѣщено моленіе Даніила, помѣщено также и житіе первомученика архидіакона Стефана; поэтому, слѣдуя г. Буслаеву, должно сказать, что и личность архидіакона Стефана наша старина соединяла съ сборниками Пчелы. Притомъ изъ всѣхъ извѣстныхъ въ нашей литературѣ списковъ моленія Даніила Зоточника только одинъ, принадлежащій г. Ундольскому, помѣщенъ при спискѣ Пчелы. Ясно, что г. Буслаевъ вовсе безъ основанія и произвольно соединилъ личность Даніила Заточника съ сборниками Пчелы, а Русская старина этого соединенія не знала.

Обращаясь собственно къ моленію Даніила Заточника, г. Буслаевъ

говоритъ (стр. 388): «До изданнаго г. Ундольскимъ моленія Даніила, по рукописи XV вѣка, сочиненіе это было извѣстно по спискамъ XVI и XVII вѣковъ и, по своему содержанію, безусловно было относимо ко временамъ Юрія Долгорукаго. Но теперь изъ списка древнѣйшаго, изданнаго г. Ундольскимъ, оказывается, что Даніилъ адресовалъ свое посланіе къ Переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу», княжившему въ Переяславлѣ въ 1-й половинѣ XIII вѣка. Но едва ли не вѣрнѣе должно признать, что моленіе Даніила, по списку, принадлежащему г. Ундольскому, писано не Даніиломъ Заточникомъ, а другимъ лицомъ, какъ уже на это намекнулъ г. Ундольскій въ предисловіи къ своему изданію, въ чемъ мы совершенно согласны; во 1-хъ на томъ основаніи, что по лѣтописямъ Даніилъ былъ заточенъ на Лаче озеро, а въ моленіи по списку, принадлежащему г. Ундольскому, нѣтъ и помину ни о Лачь озерѣ, ни о заточеніи. Сочинитель прямо указываетъ на Переславль, какъ на мѣсто своего жительства: «кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль, зане часть не прорасте въ немъ. Друзіи мои, ближніи мои отвергошася мене». Напротивъ того въ словѣ о Даніилѣ Заточникѣ, изданномъ Калайдовичемъ, прямо указывается на Лачь озеро, какъ на мѣсто ссылки сочинителя, и о Переяславлѣ вовсе не упоминается: «кому Лачь озеро, а мнѣ на немъ сѣдя, плачь горки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали». Ясно, что моленіе, по списку г. Ундольскаго, не льзя приписать тому Даніилу Заточнику, на котораго указываютъ лѣтописи и слово о Даніилѣ Заточникѣ, изданное Калайдовичемъ. Во 2-хъ, Даніилъ Заточникъ у Калайдовича прямо жалуется на удаленіе отъ князя: «княже, господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ;» по списку же г. Ундольскаго сочинитель говоритъ: «княже мой господине! не отрини раба скорбящаго, не лиши мене живота своего.» Въ 3-хъ, по списку г. Ундольскаго сочинитель моленія прямо ссылается на Даніила своего предшественника: «Данилъ рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорогъ есть, зане умныхъ дума добра.» Въ 4-хъ наконецъ, все моленіе, по списку г. Ундольскаго, по содержанію своему состоитъ въ прозьбѣ о принятіи въ княжескую службу: сочинитель во многихъ мѣстахъ жалуется, что для него несносна и оскорбительна служба у бояръ, хотя бояре и хорошо содержатъ своихъ слугъ. Напротивъ того въ словѣ Даніила Заточника, изданномъ г. Калайдовичемъ, сочинитель прямо проситъ помилованія: «помилуй мя, сыне

Великаго царя Владимера! да не восплачуся рыдая, яко Адамъ-рая»; или въ другомъ мѣстѣ указываетъ на княжій гнѣвъ, опалу, какъ на причину обидъ: «азъ весьма обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея». Такимъ образомъ все сіе прямо показываетъ, что слово о Даніилѣ Заточникѣ, изданное Калайдовичемъ, и моленіе Даніила, изданное г. Ундольскимъ, два разныя сочиненія, а не разныя редакціи одного и того же труда, что первое сочиненіе, какъ адресованное къ Юрію Долгорукому, относится къ XII столѣтію, а второе, писанное къ Ярославу Всеволодовичу, XIII вѣка, и г. Буслаевъ несправедливо ихъ смѣшиваетъ, и называетъ первое позднѣйшимъ искаженіемъ втораго; хотя первое дошло до насъ и въ позднѣйшемъ спискѣ, тѣмъ не менѣе сочиненіе его должно признать старѣйшимъ.

Говоря о значеніи моленія Даніила въ древней Русской литературѣ, авторъ пишетъ (стр. 390): «Очень замѣчательно, что по преимуществу народнымъ въ древней Руси сдѣлалось такое произведеніе, которое какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ лицѣ самаго автора представляетъ печальный разладъ между идеаломъ и дѣйствительностію, между симпатичною личностію автора и его жалкою судьбою. Недовольство дѣйствительностію, горькая насмѣшка надъ человѣческимъ достоинствомъ, ни кѣмъ непризнаннымъ, смѣлый протестъ противъ безсмысленнаго оскорбленія, наносимаго нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ и самымъ возвышеннымъ чувствамъ человѣка, какова семейная любовь и благочестіе, — вотъ основныя темы жалобъ Заточника. Не здѣсь ли, не въ этихъ ли вопіющихъ жалобахъ на грустный разладъ древне-Русской жизни, надобно видѣть причину той симпатіи, какую питали старинные грамотники къ слову Заточника?» Дѣйствительно одна изъ причинъ, почему моленіе Даніила сдѣлалось народнымъ, заключается въ несчастной судьбѣ сочинителя, но не одна же эта причина способствовала къ упроченію народности этого сочиненія; жалобъ въ древней Руси, какъ и вездѣ и всегда, было не мало, но дошли до насъ очень немногія и въ числѣ ихъ Даніилова; слѣдовательно моленіе Даніила сдѣлалось народнымъ не по однѣмъ жалобамъ, а потому что оно написано дѣльно, умно и краснорѣчиво; оно удостоилось народной памяти не по однѣмъ внѣшнимъ причинамъ, вызвавшимъ его, но главное—по внутреннимъ своимъ достоинствамъ. А на внутреннія достоинства моленія г. Буслаевъ и не обратилъ вниманія; да въ самомъ дѣлѣ ему было и мудрено обратить на нихъ

вниманіе; ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы противорѣчить самому себѣ: надобно бы было говорить, что въ древней Руси было сочувствіе къ свѣтской литературѣ, что Русскій народъ былъ довольно развитъ, что и въ Россіи были люди образованные, читавшіе и духовныя книги и свѣтскія, и Русскія и переведенныя съ Греческаго языка, что тогда не одно духовенство, но и свѣтскіе люди учились, читали книги, и любили образованную бесѣду. А г. Буслаевъ съ товарищами давно уже порѣшили ничего объ этомъ не говорить, и чуть ли не дали клятву другъ другу, и строго преслѣдуютъ того, кто невзначай проговорится въ пользу древней Россіи. Какъ же послѣ того обратить вниманіе на внутреннія достоинства Даніилова моленія,—и кому же? г. Буслаеву, который торжественно провозглашаетъ древнихъ Руссовъ язычниками даже по принятіи Христіанства, который весь Русскій народъ величаетъ закоснѣлымъ въ невѣжествѣ и немогущимъ сочувствовать просвѣщенію. Посему на что же болѣе указывать въ моленіи Даніила, какъ не на печальный разладъ между идеаломъ и дѣйствительностію, какъ будто когда-либо на землѣ идеалъ шелъ объ руку съ дѣйствительностію, какъ будто бы разладъ не существовалъ и не существуетъ въ исторіи всѣхъ другихъ народовъ. О чемъ больше говорить, какъ не о протестѣ противъ безсмысленнаго оскорбленія, наносимаго нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка, каковы семейная любовь и благочестіе, хотя такого протеста въ моленіи Даніила вовсе не находится: его сочинилъ самъ г. Буслаевъ, Даніилъ же только говоритъ, что тотъ не мужъ, кѣмъ жена владѣетъ, и о себѣ сказываетъ, что не согласится жениться на злой женѣ ради прибытка, что на земли нѣтъ больше женскія злобы; какой же тутъ протестъ противъ безсмысленнаго оскорбленія семейной любви? тутъ нѣтъ ни протеста, ни оскорбленія. Противъ оскорбленія благочестія дѣйствительно по списку г. Ундольскаго есть что-то въ родѣ протеста,—сочинитель не хочетъ идти въ монахи, чтобы не солгать Богу, ложно давши иноческое обѣщаніе, и укоряетъ тѣхъ, которые, поступивши въ монастырь, не оставляютъ мірскихъ затѣй; но это собственно не протестъ, а отговорка нежелающаго быть монахомъ, указаніе на злоупотребленія, которыя бываютъ вездѣ и всегда. Горькой насмѣшки надъ человѣческимъ достоинствомъ, никѣмъ непризнаннымъ, о которой толкуетъ г. Буслаевъ, также нѣтъ въ моленіи Даніила; естественно, что въ моленіи является человѣкомъ съ непризнаннымъ достоинствомъ самъ Даніилъ, но онъ нигдѣ не насмѣ-

хается надъ собою, а жалуется только на свою нищету, о себѣ же говоритъ: «Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху»; или въ другомъ мѣстѣ: «Азъ ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился: но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя медвенный сотъ: тако и азъ по многимъ книгамъ, собирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла». Гдѣ же тутъ горькая насмѣшка надъ непризнаннымъ человѣческимъ достоинствомъ? Даніилъ вездѣ говоритъ о своимъ достоинствахъ съ уваженіемъ, но безъ гордости, а со смиреніемъ, приписывая сіи достоинства не себѣ собственно, а Божію промыслу.

А сколько бы прекрасныхъ указаній о состояніи просвѣщенія въ древней Руси могъ собрать г. Буслаевъ въ моленіи Даніила! Но увы! указанія сіи для него не существуютъ, онъ ихъ боится какъ огня: они въ прахъ развѣютъ его шаткія предположенія о закоснѣломъ невѣжествѣ древней Руси; они покажутъ, что Русскій народъ сочувствовалъ просвѣщенію, что просвѣщеніе его было соединено съ народностію, что Руская жизнь, что Русскій складъ ума ясно выступалъ въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ, что въ нихъ заимствованіе изъ чужихъ литературъ не затемняло народность, что моленіе Даніила потому именно и удостоилось народной памяти, что оно по содержанію своему все проникнуто Русской жизнію, Русскимъ духомъ, и этотъ-то Русскій духъ по преимуществу нравился Русскимъ людямъ въ моленіи Даніиловомъ.

Моленіе Даніила ясно выражаетъ тогдашнее направленіе свѣтской Русской литературы, состоящее въ соединеніи духовнаго, священнаго съ народнымъ. Даніилъ постоянно пользуется соединеніемъ церковнаго языка съ народнымъ; у него тексты Священнаго Писанія удачно перемѣшиваются съ народными пословицами и поговорками; онъ беретъ примѣры, то изъ Священнаго Писанія, то изъ Русскихъ лѣтописей. Такъ, на примѣръ, Даніилъ говоритъ: «Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе. Такоже и служеви: лѣпше бо смерть, нежели продолженъ животъ въ нищетѣ; якоже бо Соломонъ рече: ни богатства, ни убожества не дай ми, Господи». Или еще: «Якоже рече Святославъ князь, сынъ Игоревъ, идый на Царьградъ съ малою дружиною и рече имъ: братіе!

намъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнену быти? Якоже Богъ повелитъ, тако и будетъ: поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща; надѣяся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется во вѣки». Или пользуется народными поговорками, какъ на примѣръ: «Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь; а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ». Или приводитъ анекдоты, взятые изъ Пчелы (что ясно показываетъ, что Пчела хорошо была знакома на Руси въ XII вѣкѣ). Такъ Даніилъ говоритъ: «Нѣкоему мужу умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начатъ дѣти продавати; людіе же рѣша ему: чему продаетъ дѣти? Онъ же рече имъ: аще ли будетъ родился въ матерь, и они возрастши и мене продадутъ». Кажется, достаточно указаній, какъ на Руси въ древнее время писатели умѣли соединять народный взглядъ съ идеями Священнаго Писанія и съ заимствованіемъ изъ чужеземныхъ литературъ, и какъ религіозное образованіе не было въ разладѣ съ народнымъ.

Теперь обратимся къ указаніямъ, разсыпаннымъ въ моленіи Даніила по списку г. Ундольскаго. Здѣсь во 1-хъ, сочинитель указываетъ, что бояре того времени держали при себѣ много вольныхъ слугъ, и давали имъ богатое содержаніе, такъ что тогдашній боярскій дворъ отличался своего рода богатствомъ и блескомъ, и между боярскими слугами были и люди образованные, слѣдовательно и это спрашивалось тогда въ обществѣ, слѣдовательно образованіе, тогда было развито, не въ одномъ духовенствѣ, какъ то утверждаетъ г. Буслаевъ. Сочинитель моленія, человѣкъ образованный, говоритъ о себѣ, что служилъ боярамъ, слугамъ княжескимъ, но считаетъ оскорбительнымъ быть слугою слугъ. «Княже мой, господине, се былъ есмь въ велицей нужи, подъ работнымъ ярмомъ пострадахъ, все тое искусихъ, яко зло есть; луче бы ми видѣти нога своя въ лычницы въ дому твоемъ, нежели въ черленѣ сапозѣ въ боярстемъ дворѣ; луче бы ми тебѣ въ дерузѣ служити, нежели въ багряницѣ въ боярстемъ дворѣ. Не лѣпо бо усерязь златъ въ ноздри свиніи, ни на холопѣхъ добрый портъ; аще бы котлу золоты кольца во ушію, но дну его не избыти черности и жженіе его; такожъ и холопу, аще паче мѣры гордѣлъ и буялъ, по укора ему своего не избыти, холопія имени». Во 2-хъ, изъ моленія мы видимъ, что тогдашніе образованные люди на Руси не были чужды и классическаго образованія

Греческаго; они были не незнакомы и съ исторіею древняго Греческаго просвѣщенія, что и естественно; ибо ученые Византійцы постоянно приходили въ Россію вмѣстѣ съ митрополитами и епископами; слѣдовательно было у кого позаимствоваться любознательнымъ Русскимъ людямъ. Сочинитель моленія говоритъ о себѣ: «Княже мой, господине! азъ бо аще не во Аѳинехъ растохъ, ни у философъ учихся; но быхъ падая, аки пчела, по книгамъ по различнымъ цвѣтомъ, оттуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость аки въ мѣхъ воду морскую». Или въ другомъ мѣстѣ: «Княже мой, господине! Азъ несмь Ѳеофрастянинъ Терендь, Египетстіи мудрецы Нифиніи, Калимидіи Аѳиніистіи хитреци; аще есмь малоуменъ, обаче послушай гласа моего, постави сосудъ сердечный подъ потокъ языка моего, искаплю сладость словесную паче водъ ароматскихъ». Въ 3-хъ, сочинитель моленія указываетъ, что и въ XIII вѣкѣ на Руси были ученые просвѣщенные мужи, къ которымъ ходили молодые люди для бесѣдъ и для наученія. Онъ, говоря о себѣ, пишетъ: «Аще бо не мудръ есмь, но поне мало мудрости усрѣтохъ, во вратехъ разумныхъ мужъ сапоги носилъ есмь, а въ мысленыхъ въ ризы облачихся». Въ 4-хъ, изъ моленія мы видимъ, что тогдашніе Руссы были не незнакомы и съ бытомъ другихъ народовъ, или по крайней мѣрѣ съ рѣзкими замѣчательными обычаями того времени. Сочинитель говоритъ: «Княже, мой господине! Королязи бо и Ковари, Офорозѣ, рытиры, могистрове, дуксовѣ, Бокшородѣ и Ѳорози, тѣмъ имѣютъ честь и милость у поганыхъ Салтановъ и у Королевъ; инъ впадь на ѳаръ бѣгаетъ чрезъ подруміе, отчаявся живота, а иный летаетъ съ церкви, ли съ высоки полаты паволочиты крылы, а инъ нагъ мечется во огнь, показующе крѣпость сердецъ своихъ царемъ своимъ», и проч. Сихъ важныхъ указаній г. Буслаевъ не замѣтилъ, они для него какъ будто бы не существуютъ, а кажется, въ статьѣ о народности въ древне-Русской литературѣ и искусствѣ, ихъ не слѣдуетъ обойти. Мало ли чего не слѣдуетъ обойти, да говорить-то объ этомъ не удобно, все это прямо противорѣчитъ основной мысли автора; все это свидѣтельствуетъ о развитіи просвѣщенія въ Русскомъ народѣ въ XII и началѣ XIII столѣтія; все это ясно говоритъ, что Русскій народъ въ то время имѣлъ образованіе, достаточное по тому времени, хотя частное и своеобразное, и что образованіе это не пряталось въ монастыряхъ и школахъ, а было разлито въ народныхъ массахъ; что въ образованіи вездѣ ясно выступала народность.

Впрочемъ въ моленіи Даніила народность такъ рѣзко выступаетъ, что г. Буслаевъ, при всемъ нежеланіи, даже противорѣча себѣ, принужденъ былъ сознаться, хотя съ оговорками, «что поговорки, пословицы или *притчи*, которыми наполнено слово Заточника, не мало способствовали національности этого произведенія». Вотъ подлинно хитрый способъ изслѣдованія! Авторъ на одной страницѣ говоритъ, что въ вопіющихъ жалобахъ на грустный разладъ древне-Русской жизни надобно видѣть причину той симпатіи, какую старинные грамотники питали къ слову Заточника; а на другой страницѣ утверждаетъ, что національности этого произведенія способствовали помѣщенныя въ немъ поговорки и притчи. Но еще хитрѣе слѣдующее заключеніе; авторъ далѣе пишетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ родъ словесныхъ произведеній (народныя притчи), равно какъ и пѣсни, изобиловалъ въ устахъ народа. Но вслѣдствіе разлада между древнею литературой и жизнію народною, мы имѣемъ отъ старины самые скудные остатки древнихъ народныхъ изреченій и пословицъ. Только въ XVII вѣкѣ, и то подъ вліяніемъ чужеземныхъ, былъ составленъ у насъ сборникъ пословицъ и поговорокъ». У автора странный разладъ въ мысляхъ, а онъ этотъ разладъ приписываетъ древней Русской жизни. Самъ авторъ утверждаетъ, что слово Даніила Заточника наполнено поговорками и пословицами, что Даніилъ также, какъ и Несторъ, уважаетъ народную притчу; кромѣ того мы видимъ и въ другихъ древнихъ твореніяхъ нашихъ предковъ сочувствіе къ народнымъ поговоркамъ, притчамъ и пословицамъ; въ самыхъ поговоркахъ и пословицахъ народныхъ не рѣдко встрѣчаемъ тексты Священнаго Писанія и мысли отцовъ Церкви и даже мудрецовъ древней Греціи; ясно, что народъ черпалъ изъ литературы мысли, пригодныя ему для жизни, и въ свою очередь литература не чуждалась мыслей, добытыхъ жизнію народа. Гдѣ же тутъ разладъ между древнею литературой и жизнію народною? Этого разлада не было на дѣлѣ, его сочинилъ г. Буслаевъ. Неужели г. Буслаевъ думаетъ поддержать свое мнѣніе о небываломъ разладѣ тѣмъ, что у насъ только въ XVII вѣкѣ былъ составленъ сборникъ пословицъ и поговорокъ? Но это доказываетъ противное его мнѣнію; позднее собраніе пословицъ и поговорокъ именно свидѣтельствуетъ, что между народною жизнію и литературою у насъ не было разлада, ибо нѣтъ надобности собирать и записывать въ особую книгу народныя пословицы и поговорки, когда онѣ всѣмъ извѣстны, когда онѣ живутъ въ устахъ и литераторовъ и

простаго народа, когда литераторы не отдѣляютъ себя отъ народа, когда живутъ съ нимъ одною жизнію, когда литература вполнѣ проникнута народностію. Настоятельная надобность, насущная нужда въ собраніи народныхъ пословицъ и поговорокъ, равно какъ и пѣсенъ, является только тогда, когда литература вступаетъ въ разладъ съ народною жизнію, когда литераторы получаютъ образованіе на иноземныхъ началахъ, когда чужеземное вліяніе начинаетъ вытѣснять народную словесность изъ круга образованныхъ людей, когда народная словесность становится на заднемъ планѣ, особнякомъ, какъ достояніе простонародья. Такимъ образомъ ясно, что чѣмъ г. Буслаевъ думалъ поддержать свою анти-историческую гипотезу, то самое въ конецъ ее разрушаетъ. И такъ разлада между древнею литературою и народною жизнію у насъ не бывало,—разладъ этотъ сочиненъ въ новѣйшее время реформы.

Наконецъ г. Буслаевъ заканчиваетъ свою статью слѣдующимъ образомъ. «Литература есть выраженіе жизни народной. Древняя Русь не только не имѣла средствъ привести этой мысли въ исполненіе, но и не понимала ея и не могла понять. Теперь же, благодаря сближенію нашего отечества съ народами образованнаго міра, Русскіе начинаютъ понимать эту истину, и если еще напрасно ищутъ ее въ окружающей ихъ дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ, путемъ теоретическимъ, помощію изученія и изслѣдованій, стремятся примирить многовѣковую вражду между нашею литературой и жизнію народною». Что литература есть выраженіе народной жизни, съ этимъ никто не будетъ спорить: это истина, давно признанная всѣми учеными. Но какимъ образомъ древняя Русь не только не имѣла средствъ привести этой мысли въ исполненіе, но и не понимала ея и не могла понять,—это рѣшительно не понятно. Ежели авторъ признаетъ въ древней Россіи существованіе литературы (чего не признать нельзя), слѣдовательно необходимо долженъ признать въ ней и выраженіе народной жизни: одно безъ другаго не мыслимо. Тутъ нечего говорить, что древняя Русь не имѣла средствъ привести этой мысли въ исполненіе; ежели были средства для существованія литературы, то уже выраженіе народной жизни въ литературѣ являлось само собой; одно только умышленное, искусственное отрицаніе народности въ литературѣ, одно слѣпое увлеченіе чужою литературою можетъ произвести разладъ литературы съ народною жизнію; но таковаго отрицанія, таковаго увлеченія въ нашей древней литературѣ нѣтъ и

слѣдовъ: слѣпая подражательность пришла къ намъ всего какихъ нибудь полтораста лѣтъ. Но и самый разладъ литературы съ народною жизнію не въ силахъ вполнѣ уничтожить въ литературѣ выраженіе жизни народной; жизнь эта постоянно будетъ пробиваться въ литературныхъ произведеніяхъ, даже безъ вѣдома литераторовъ, хотя и въ искаженномъ видѣ. Что же теперь сказать о томъ, что будто, благодаря сближенію нашего отечества съ народами образованнаго міра, Русскіе начинаютъ понимать эту истину (что литература есть выраженіе народной жизни), и если еще напрасно ищутъ ее въ окружающей дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ теоретическимъ путемъ стремятся примирить многовѣковую вражду между нашею литературой и жизнію народною? Здѣсь авторъ, кажется, высказался ясно, что разладъ между литературою и жизнію, произведенный у насъ въ послѣднія полтораста лѣтъ слѣпою подражательностію и жизни и литературѣ западно-Европейской,—онъ переноситъ на Русскую древнюю жизнь и литературу, т. е. сваливаетъ съ больной головы на здоровую. Но впрочемъ полуторовѣковой вражды нашей теперешней литературы съ народною жизнью не льзя примирить теоретическимъ путемъ, и особенно изслѣдованіями, какія предлаетъ намъ г. Буслаевъ въ послѣднее время: таковыя изслѣдованія, преисполненныя отрицанія и неуваженія къ древней Русской жизни, способны только раздуть и продолжить вражду между литературою и жизнію; чтобы примирить литературу съ жизнію, для этого нужно обратиться къ жизни съ любовію, а не съ подъискиваніемъ однѣхъ только худыхъ сторонъ.

И такъ всѣ старанія г. Буслаева доказать несуществованіе народности въ древней Русской литературѣ и искусствѣ оказались несостоятельными при первой повѣркѣ его гипотезъ съ исторіею. Онъ во 1-хъ не доказалъ своей основной мысли, что будто бы у насъ въ народѣ постоянно и вездѣ коренилось язычество и по принятіи христіанства, и потому христіанская литература и народная словесность шли различными путями, и что грамотные люди у насъ не сочувствовали народности. Всѣ свидѣтельства, которыми онъ думалъ прикрыть свою гипотезу, явно говорятъ противъ нея: изученіе нашей древней литературы прямо показываетъ, что литераторы съ охотою и уваженіемъ употребляли въ своихъ сочиненіяхъ народныя поговорки и древнія преданія, и притчи, и народъ съ своей стороны переносилъ въ пословицы мысли, заимствованныя изъ книгъ. Во 2-хъ, такую же неудачу потер-

пѣлъ авторъ, желая доказать, что въ нашемъ народѣ не было просвѣщенія и грамотности, что онъ не имѣлъ нравственныхъ силъ отстоять историческія преданія; за просвѣщеніе народа вступились проповѣди Кирилла Туровскаго, Серапіона Владимірскаго, изъ которыхъ ясно видно, что проповѣдники сіи говорили слушателямъ просвѣщеннымъ, а не грубымъ невѣжамъ. Въ 3-хъ, еще сильнѣйшее пораженіе потерпѣла гипотеза автора о томъ, что будто бы наши предки все заимствовали преимущественно изъ западной Европы, и что мы для объясненія нашихъ древнихъ обычаевъ и преданій преимущественно должны прибѣгать къ сближенію съ обычаями и преданіями западно-Европейскими. Лѣтописи, на которыя думалъ опереться авторъ, въ конецъ уничтожили его гипотезу, и прямо показали, что изслѣдователь нашей исторіи долженъ быть остороженъ при сближеніи древнихъ Русскихъ преданій и обычаевъ съ западно-Европейскими. Въ 4-хъ, авторъ, ссылаясь на небывалое умственное и нравственное разъединеніе древней Руси, думалъ доказать, что народъ нашъ не имѣлъ сочувствія къ прекраснымъ твореніямъ пастырей Церкви и не понималъ сихъ твореній; но вмѣсто сего доказалъ только, что развитіе и направленіе нашей духовной литературы было одинаково съ развитіемъ и направленіемъ ея въ Византіи и западной Европѣ, отрицаніе же сочувствія, пониманія духовной литературы въ народѣ оставилъ безъ доказательствъ; ибо единственная, сдѣланная имъ, ссылка на одну проповѣдь Кирилла Туровскаго, въ которой проповѣдникъ жаловался на невнимательность слушателей, оказалась несостоятельною и опровергнутою всѣми твореніями того же Кирилла Туровскаго и Серапіона Владимірскаго. Въ 5-хъ, автору очень хотѣлось доказать, что, по мнимой неразвитости нравственныхъ силъ народа, у насъ не могла возникнуть литература свѣтская, состоящая въ связи съ художественными и умственными интересами общества; но вмѣсто того волей-неволей договорился самъ до того, что у насъ была народная свѣтская литература, даже знакомая съ Греческою и Римскою свѣтскою литературою, и въ добавокъ доказалъ свое слабое знакомство съ древнею рукописною Русскою литературою, безъ знакомства съ которою всѣ разсужденія о древней Русской литературѣ будутъ не достаточны и слабы, ибо въ настоящее время намъ не льзя ограничиваться одними печатными источниками, когда знаемъ, что у насъ есть множество рукописныхъ источниковъ.

Наконецъ автору измѣнили и Нѣмцы. Онъ на нихъ указывалъ, въ продолженіе всей своей статьи, какъ на народъ, у котораго было

большое согласіе въ развитіи своей умственной и нравственной жизни, въ которомъ его собственная жизнь служила источникомъ художественнаго вдохновенія, потому что была уже облагорожена тѣми высокими идеями (христіанства), на которыхъ основывалось все просвѣщеніе средневѣковой Европы. Но увы, этотъ народъ, котораго жизнь, по словамъ г. Буслаева, была облагорожена высокими идеями христіанства, въ XV, XVI и даже XVII столѣтіяхъ съ безсмысленнымъ звѣрствомъ и варварствомъ жегъ и мучилъ несчастныхъ колдуновъ и вѣдьмъ цѣлыми десятками и сотнями, какъ въ Римско-католическихъ городахъ, такъ и въ протестантскихъ; и несчастнымъ жертвамъ безумнаго изувѣрства не было защиты ни отъ пастырей церкви, ни отъ судей, ни отъ народа; противъ нихъ были сочинены даже особые законы, по которымъ судьи и исполнители ихъ приговоровъ хладнокровно, съ какимъ-то нечеловѣческимъ разсчетомъ, терзали несчастныхъ, безъ разбора виновныхъ и невинныхъ; гдѣ же тутъ жизнь народа, облагороженная идеями христіанства (1). Правду сказать, и у насъ не спускали волхвамъ и чародѣямъ, но у насъ такихъ преслѣдованій было несравненно менѣе, и преслѣдовалъ чародѣевъ и волхвовъ раздраженный или обманутый народъ, а не законъ, не правительство и не Церковь: пастыри нашей Церкви въ своихъ поученіяхъ одинаково порицаютъ какъ безумное преслѣдованіе волхвовъ и чародѣевъ, такъ и вѣру въ ихъ волхвованіе и чародѣйство. Серапіонъ Владимірскій говоритъ своей паствѣ: «отъ которыхъ книгъ, или отъ коихъ писаній се слышасте, яко волхвованіемъ глади бываютъ на земли, и паки волхвованіемъ жита умножаются? То аще сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитеся и чтите я; дары приносите имъ, ать строять міръ, дождь пущаютъ, тепло приводятъ, земли плодити велятъ?», или далѣе: «како осужаете на смерть, сами страсти исполни суще, и по правдѣ не судите? Иный по враждѣ творитъ, иный горькаго того прибытка жалая. А ины, ума неисполненъ, только жадаетъ убити и пограбити, а еже за что убити, а того не вѣсть.» Вотъ голосъ пастыря Русской Церкви въ XIII столѣтіи; таковаго голоса отъ пастырей Западной церкви не раздавалось, тамъ сами папы писали буллы о преслѣдованіи вѣдьмъ и колдуновъ. Ясно, что приписываемаго г. Буслаевымъ облагороженія народной жизни высо-

---

(1) Дѣльныя статьи объ этомъ предметѣ недавно напечатали г. А. Б. и В. Н. Лешковъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

кими идеями христіанства и согласія въ развитіи нравственныхъ и умственныхъ силъ у Нѣмцевъ не существовало; тамъ очевидно простой народъ былъ на низшей степени развитія, чѣмъ у насъ, и жизнь народная постоянно была подъ тяжкимъ гнетомъ; Церковь Западная извѣстна своею нетерпимостію; она съ ожесточеніемъ постоянно преслѣдовала все, что только напоминало о народной жизни; стоитъ только припомнить, что дѣлали Нѣмцы во имя своей церкви съ народностями Поморянъ и другихъ западныхъ Славянъ, да и у самихъ Нѣмцевъ что значитъ раннее собираніе памятниковъ народнаго эпоса, какъ не раннее вымираніе ихъ въ устахъ самаго народа отъ постоянныхъ преслѣдованій и разлада народной жизни?

Кр...невъ.

ПО ПОВОДУ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ

О ЗАМѢНѢ ОБЯЗАННОЙ РАБОТЫ НАЕМНОЮ И О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИННОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Труды Имп. Вол. Экон. Общества. Май 1857 года: Мысли Русскаго земледѣльца, по поводу статей гг. Ладыженскаго, Бланка и нѣкоторыхъ другихъ. Стр. 92—104.

Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ. Іюнь 1857 года: Положеніе о крестьянахъ Эстляндской Губерніи. Стр. 93—122.

Отечествен. Записки. Августъ 1857 года: По поводу вопроса о замѣнѣ обязанной работы наемною Ѳ. Г. Тернера. Стр. 643—674.

Современникъ. Май, Іюль и Сентябрь 1857 года:

1) Замѣтки о Журналахъ, № V-й, стр. 113—138.
2) Изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности о сельскихъ учрежденіяхъ Россіи, соч. бар. Гакстгаузена, № VII, стр. 1—58.
3) О поземельной собственности, отвѣтъ Экономическому Указателю. Статья Н. Г. Чернышевскаго, № IX, стр. 1—76.

Экономическій Указатель, 1857 года:

Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства, статья Д. М. Струкова, №№ 5, 7, 9 и 10-й.—О поземельной собственности, отвѣтъ критику Современника. Соч. И. В—скаго, №№ 22, 25, 27 и 29.

Не льзя не порадоватьзя, что наша словесность перестаетъ исключительно заниматься заграничными происшествіями, что Французскія и Англійскія разсужденія о политикѣ и нравственности и Нѣмецкія философскія умозрѣнія не составляютъ уже единственнаго насущнаго хлѣба нашихъ писателей, и что мы начинаемъ все болѣе и болѣе вникать въ смыслъ собственной нашей общественной и частной жизни. Долго литература была у насъ какимъ-то тепличнымъ, изъ-за моря привезеннымъ растеніемъ, которое питалось чужими соками, росло подъ вліяніемъ иноземной атмосферы и давало плоды вялые, безвкусные и ничтожные. Конечно и теперь еще мы охотно говоримъ съ чужихъ словъ, мѣряемъ свое не своимъ арши-

номъ, ищемъ у себя того, что поражаетъ насъ въ Европѣ или ея исторіи и постигаемъ явленія Русской жизни лишь съ помощью натянутыхъ истолкованій, занятыхъ у Гизо, Тіери, Бастія и другихъ; но при всемъ томъ дѣйствительный бытъ Россіи, во всемъ его разнообразіи, становится для насъ все болѣе и болѣе предметомъ изученія; теперь наши художники преимущественно воспроизводятъ его; по мѣрѣ ближайшаго съ нимъ знакомства и силою собственныхъ своихъ дарованій, они пріобрѣтаютъ способность постигать глубже и глубже убѣжденія, нравы и обычаи тѣхъ слоевъ нашей великой общины, которые по преимуществу могутъ и должны быть названы представителями нашей народности. Наше искусство уже переступило на стезю народности; будемъ надѣяться, что и наука въ Россіи не долго останется въ воздушномъ или, вѣрнѣе сказать, въ безвоздушномъ пространствѣ, что и она также спустится на родную почву и оплодотворится прикосновеніемъ съ дѣйствительностью, съ живою жизнью.

Съ другой стороны, не менѣе отрадно и то, что кругъ людей читающихъ и пишущихъ расширяется, что любознательность становится потребностью со дня на день болѣе общею, и что невѣжество, не желающее учиться и презирающее просвѣщеніе, все рѣже и рѣже подаетъ голосъ на восхваленіе какой-то блаженной невинности, которая будто была плодомъ золотаго невѣденія, на защиту давно ослабѣвавшей и нынѣ почти совершенно изчезнувшей патріархальности, и на прославленіе общаго довольства, происходившаго отъ ограниченности народныхъ потребностей. Долго люди, имѣвшіе болѣе другихъ обязанности и возможности учиться, будучи заняты службою или хозяйствомъ, или торговлею, или просто ни чѣмъ не занятые, погружены были въ какую-то постыдную и для человѣческой нравственности убійственную апатію. Конечно подражаніе заграничнымъ нравамъ и обычаямъ, и попугайство при повтореніи чужихъ понятій и ощущеній, были смѣшны и въ тоже время плачевны; они причиняли и еще причиняютъ много вреда нашему просвѣщенію; но рядомъ съ этимъ наше услажденіе въ бездѣйствіи, невѣжествѣ и матеріяльныхъ удовольствіяхъ, наша безчувственность къ дѣламъ общественнымъ и коснѣніе въ протертыхъ, а потому уже для дальнѣйшаго рода негодныхъ путяхъ—едва ли не пораждали и теперь не пораждаютъ послѣдствій равно для насъ убійственныхъ. Правда, самая эта апатія вѣроятно происходила отъ гибельнаго разногласія между своеземною и привитою жизнью, между тѣмъ,

чего требовала наша природа и что доставляла ей чужая цивилизація; не льзя однако не сознаться, что въ каждомъ изъ насъ, какъ будто въ складѣ нашей Славянской натуры, есть расположеніе къ увѣковѣченію существующаго. Конечно, это расположеніе въ извѣстной мѣрѣ похвально и служитъ залогомъ долгаго существованія нашего общества въ будущемъ, но, выходя изъ должныхъ предѣловъ, оно можетъ задержать насъ въ преуспѣваніи и лишить насъ возможности быть, чѣмъ мы быть должны,—значительными дѣятелями въ міровомъ ходу человѣчества. А потому недавнее оживленіе нашего общества, принятіе имъ большаго участія въ дѣлѣ просвѣщенія и стремленіе его утвердить наше положеніе на началахъ разумныхъ, суть явленія истинно отрадныя: они несказанно радуютъ всякаго друга Россіи и человѣчества.

Особенно важно то, что теперь у насъ начинаютъ возникать вопросы *свои*, истекающіе изъ нашего житья-бытья и относящіеся къ устройству нашихъ общественныхъ и частныхъ отношеній. И прежде слышны были увѣщанія о необходимости поприздуматься, поизучить самихъ себя и свою землю, и поработать своею головою; къ сожалѣнію, пользы было отъ этого мало: эти воззванія и совѣты оставались *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ*. Теперь само дѣло должно каждаго изъ насъ усовѣстить и привести въ разумъ: вопросы выдвигаются, не любознательностью ученыхъ, не фантазіею художниковъ, не прихотью отдѣльныхъ людей, а неотразимыми потребностями нашего общественнаго устройства. Конечно, мы можемъ и должны посовѣтоваться съ нашими западными учителями, которые прежде насъ уже испытали и дознали многое; но, имѣя теперь передъ собою не исторію свою, которую мы легко передѣлываемъ на иноземный или произвольный ладъ, а дѣйствительность, которая тотчасъ можетъ обличить насъ въ незнаніи, въ ложныхъ понятіяхъ и въ неумѣніи мыслить своею головою, мы должны волею или неволею вникать въ свои обстоятельства, изучать ихъ смыслъ и искать прямыхъ отвѣтовъ на возникающіе вопросы. Можетъ быть то, чего мы не хотѣли или не умѣли дѣлать по доброй волѣ, теперь исполнимъ по необходимости: авось, съ постановленіемъ своихъ вопросовъ, явятся у насъ и свои отвѣты.

Въ послѣднее время общее вниманіе преимущественно обратилось къ разсмотрѣнію и обсужденію нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, истекающихъ прямо изъ нашего общественнаго устройства,

и любопытныхъ не для однихъ агрономовъ, но и для всѣхъ людей мыслящихъ. Журналы, разумѣется, приняли въ этомъ дѣлѣ живое участіе, и между многими сочиненіями, посредственно или непосредственно посвященными сему предмету, особенно замѣчательны статьи, перечисленныя въ началѣ нашего обзора. Въ означенныхъ статьяхъ разсматривается слѣдующее. Можно ли и слѣдуетъ ли замѣнить обязанную работу вольнонаемною? Удобно ли имѣть съемщиковъ земли (фермеровъ) и батраковъ, при оставленіи земли собственностью привилегированнаго сословія? Не лучше ли для Государства и для всѣхъ гражданъ вообще, предоставить право собственности на землю всѣмъ хлѣбопашцамъ? И въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выгодно ли предоставить землю въ собственность личную каждаго владѣльца или въ собственность общественную цѣлаго селенія? Вопросы эти крайне важны, и для разрѣшенія ихъ конечно не достаетъ намъ еще многихъ данныхъ, но чѣмъ задача труднѣе и менѣе разработана, тѣмъ настоитъ большая надобность всякому высказывать свое мнѣніе и дѣлиться тѣмъ, что онъ узналъ изъ своего болѣе или менѣе долговременнаго опыта.

Статьи, въ которыхъ разсматриваются вышеизложенные вопросы, имѣютъ, къ сожалѣнію, два существенныхъ недостатка: или кажущуюся практичность, подкрѣпленную нѣсколькими словами простаго народа, сказанными въ угодность *барина*, при полномъ отсутствіи научнаго и разумнаго взгляда на сельское хозяйство; или повидимому научный взглядъ на сельское хозяйство, при разительномъ недостаткѣ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о нашемъ деревенскомъ бытѣ. Одни упрекаютъ своихъ противниковъ въ мечтательности, въ кабинетномъ происхожденіи ихъ теорій и соображеній, въ непримѣнимости къ дѣлу ихъ совѣтовъ, въ незнаніи первоначальныхъ пріемовъ хозяйства и проч.: другіе, въ опроверженіе доводовъ, употребляемыхъ хозяевами, почти постоянно живущими по деревнямъ, представляютъ доказательства чисто теоретическія, логическіе выводы, благонамѣренные совѣты, увѣщанія, или даже однѣ многозвучныя фразы. Конечно не правы и тѣ и другіе: послѣдніе, находясь ближе къ истинѣ, пренебрегли запастись необходимою сельско-хозяйственною опытностью; а первые, погруженные въ мелочныя занятія деревенскаго быта, любовью привязанные къ тому, что ими не безъ большаго труда уже устроено и улажено, и устрашаемые одною мыслью объ измѣненіи чуть-чуть не всего хозяйственнаго порядка, не хотятъ,

или не въ силахъ оторваться отъ своихъ обычныхъ занятій и соображеній и заглянуть хоть однимъ глазомъ на то, что не въ землѣ, а надъ землею. Одни имѣютъ въ виду по преимуществу людей (какъ и слѣдуетъ), но, къ сожалѣнію, сами не твердо стоятъ на почвѣ хозяйства; другіе, занявшись производствомъ хлѣба, сахара, сала и проч., кажется, не всегда помнятъ, что все это производится *для человѣка*, и само по себѣ, отдѣльно взятое, не имѣетъ ни какой цѣнности.

Мы не имѣемъ гордой мысли представить удовлетворительные отвѣты на вышеизложенные вопросы, ни даже много содѣйствовать къ ихъ разрѣшенію; но, предполагая пересмотрѣть нѣкоторыя, по симъ предметамъ уже изложенныя, мнѣнія, желаемъ сказать свое слово не къ примиренію спорящихъ (и эта цѣль въ настоящее время слишкомъ для насъ высока и отдаленна), а къ тому, чтобъ завести объ этихъ крайне важныхъ предметахъ разговоръ, и основать его на доказательствахъ равно доступныхъ и для людей по преимуществу практическихъ, и для тѣхъ, которые предпочтительно занимаются теоріями. Въ возможности сказать что либо дѣльное по сему предмету обнадеживаетъ насъ съ одной стороны то, что намъ довелось провести болѣе 20 лѣтъ въ деревнѣ, преимущественно въ поляхъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, распоряжаясь своими хозяйствами лично, даже безъ посредства управляющихъ изъ Нѣмцевъ, Поляковъ, агрономическихъ учениковъ или просто изъ дворовыхъ людей; а съ другой стороны, въ неоднократныя путешествія по чужимъ краямъ, мы изучили земледѣліе при иныхъ, чѣмъ у насъ, условіяхъ и вникали, по мѣрѣ силъ и способностей, въ различныя системы сельскаго устройства и общественнаго быта, выработанныя многовѣковою жизнью человѣчества.

Въ Трудахъ В. Е. Общества, въ № 5-мъ напечатаны *Мысли Русскаго земледѣльца по поводу статей г. Ладыженскаго, Бланка и нѣкоторыхъ другихъ.* Мы не будемъ подробно разсматривать этой статьи какъ потому, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она была уже обсужена и отчасти опровергнута въ отмѣнно благонамѣренной статьѣ г. Тернера (въ Отеч. Запискахъ № 8-мъ), такъ и потому, что дѣльныхъ доводовъ въ пользу защищаемаго авторомъ мнѣнія вовсе не представлено. Къ тому же, авторъ скрылъ не только свое имя, но даже и мѣстность, откуда и объ которой онъ говоритъ. Авторъ защищаетъ обязанную работу и нападаетъ на

вольнонаемную, утверждая, что последняя у насъ почти не возможна. Въ доказательство онъ приводитъ нѣсколько случаевъ изъ собственной своей опытности и изъ быта своихъ крестьянъ. Жаль, что мы не знаемъ, ни чья эта опытность, ни гдѣ она пріобрѣтена, ни даже въ какомъ положеніи находятся крестьяне, коихъ слова переданы авторомъ въ общую извѣстность. Мы могли бы дозволить себѣ нѣкоторыя догадки, основываясь на смыслѣ словъ незнакомца-хозяина, но воздержимся отъ этого; скажемъ мимоходомъ, что слова крестьянъ, передаваемыя даже съ филологическою вѣрностью, но обращенныя къ лицу *помѣщика*, не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакого авторитета: очень хорошо извѣстно, что не только помѣщикъ, но даже всякій начальникъ у насъ получаетъ всегда отвѣты, вполнѣ согласные съ личнымъ его мнѣніемъ. При полновластіи помѣщика, при смѣтливости и личной несамостоятельности нашихъ крестьянъ, владѣльческій вопросъ уже содержитъ въ себѣ самомъ и желаемый отвѣтъ; слова крестьянъ, даже прямо не вызванныя помѣщикомъ, по большой части бываютъ таковы, какія могутъ быть для него угодны.

Мы не стали бы даже говорить о вышеуказанной статьѣ, если бы въ ней не былъ выдвинутъ противъ вольнонаемной работы доводъ, который порождаетъ нѣкоторое смущеніе даже между людьми, убѣжденными въ малопроизводительности обязанной работы и въ необходимости замѣнить ее болѣе разумнымъ и болѣе выгоднымъ трудомъ.

Этотъ доводъ выражается обыкновенно такъ: наши крестьяне имѣютъ мало потребностей, любятъ лежать на печи, и пока у нихъ дома есть корка хлѣба, по тѣхъ поръ они не охотно нанимаются въ работники и вообще мало заботятся о заработкахъ; а потому, при замѣнѣ обязаннаго труда вольнонаемнымъ, необходимо должна послѣдовать остановка въ воздѣлываніи помѣщичьихъ полей, которыя однако доставляютъ всего болѣе хлѣба на продажу. За этимъ сторонники сего мнѣнія представляютъ разныя картины, для эффектности коихъ они не щадятъ ни красокъ, ни вымысловъ, ни восклицаній, ни даже текстовъ изъ Священнаго писанія. Въ опроверженіе этого довода было говорено много дѣльнаго и справедливаго—что люди вообще не враги своей плоти, что жизненныя удобства вождѣленны для каждаго, что наши крестьяне не пользуются ими единственно по неимѣнію къ тому возможности, что человѣкъ съ особеннымъ прилежаніемъ работаетъ для себя и по своей волѣ, что вольная работа

производительнѣе принужденной, что со введеніемъ труда въ свою пользу, фермерства и свободнаго найма въ наши хозяйства, они значительно разовьются и должны производить еще болѣе хлѣба, чѣмъ нынѣ и проч. На это гг. защитники обязанной работы отвѣчаютъ, что всѣ сіи доводы суть плодъ кабинетныхъ, книжныхъ соображеній, что они заимствованы изъ заграничныхъ теорій и у насъ развиваются людьми, увлеченными ложною филантропіею и ошибочными системами, но что собственный нашъ своеземный опытъ ежедневно доказываетъ противное, что долговременное распоряженіе хозяйствами, постоянныя сношенія съ крестьянами и проч. убѣждаютъ вполнѣ въ необходимости обязанной работы и въ несвоевременности замѣны оной вольнаемнымъ трудомъ. Въ подкрѣпленіе этихъ словъ обыкновенно разсказываются бывалые и небывалые анекдоты, а въ заключеніе воспѣвается хвалебная пѣснь нашему нынѣшнему хозяйственному устройству. Зная наше хозяйство также на дѣлѣ, имѣя по обязанной и по вольнонаемной работѣ нѣкоторую опытность, и, будучи знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ, не по повѣстямъ или описаніямъ, и не по словамъ управляющихъ или помѣщиковъ, я попытаюсь опровергнуть вышеприведенный доводъ.

Конечно, наши крестьяне имѣютъ ограниченныя потребности, но причиною тому не неспособность ихъ къ умноженію и усиленію оныхъ, не отвращеніе ихъ отъ жизненныхъ удобствъ, а невозможность удовлетворить вполнѣ даже самыя крайнія нужды, тѣ, которыя не вызываются произволомъ человѣка, а истекаютъ непосредственно и необходимо изъ его природы. Эти крайнія нужды, развѣ онѣ малы, и развѣ легко ихъ удовлетворить? Взглянемъ на бытъ барщинскаго крестьянина, надѣленнаго хорошею усадьбою, двумя десятинами земли въ каждомъ полѣ и десятиною луга, работающаго на господина по три дня въ недѣлю, и получающаго изъ помѣщичьяго лѣса безденежно дрова, хворостъ и колья на городьбу, и по сходной цѣнѣ за деньги столбы, бревна, слеги и проч. на постройку. Вы видите, что для примѣра я взялъ крестьянина, пользующагося положеніемъ весьма хорошимъ, а сколько поселянъ, которые далеко не находятся при такихъ благопріятныхъ условіяхъ! Отъ своихъ двухъ десятинъ, при среднемъ урожаѣ, онъ получаетъ чистой прибыли десять четвертей хлѣба; я считаю, что рожь приходитъ самъ-пятъ, (замѣтьте: что въ семъ разсчетѣ я допускаю для моихъ противниковъ весьма выгодное предположеніе, ибо далеко не во всѣхъ мѣст-

ностяхъ можно считать такой урожай среднимъ); если у него въ семьѣ пять или шесть душъ обоего пола (а сколько семей, гдѣ на одного работника бываетъ 7, 8 и до 10 душъ?), то уже съѣдается весь хлѣбъ безъ остатка, а нужно было бы изъ него удѣлить на посыпку для скотины, ибо овсомъ лошадь всегда кормить дорого, а сѣна съ таковаго участка обыкновенно не въ достачу. Отъ 1½ десятины овса получается въ средній годъ чистаго урожая также четвертей десять (т. е. самъ четвертъ); для своихъ лошадей на время весенней пахоты и на господскіе обозы необходимо оставить по крайней мѣрѣ 5 четвертей; слѣдовательно на продажу можетъ поступить около пяти четвертей; но умный и небѣдный мужикъ, конечно, своего овса не продаетъ, а травитъ его своими лошадьми, на которыхъ онъ ѣдетъ въ извозы, и такимъ образомъ спускаетъ его по цѣнѣ въ полтора раза выгоднѣе базарной продажи. Остальная полдесятина земли едва доставляетъ крестьянину гречихою или просомъ достаточное продовольствіе кашею на весь годъ. Сѣна почти вездѣ у насъ на тягловомъ участкѣ накашивается мало, и крестьяне, гдѣ только могутъ, вездѣ принанимаютъ луговъ; и деньги для этого выработываютъ, продавая себѣ при извозахъ сѣно потребное для лошадей. Главный денежный доходъ нашихъ задѣльныхъ крестьянъ получается со скотины и отъ извозовъ. Но какъ часто падежи уничтожаютъ всѣ надежды крестьянъ на осеннюю продажу скота! А извозы? Рѣдко бываютъ они выгодны: по большей части крестьянинъ радъ, если свой израсходованный на лошадей овесъ и сѣно онъ сбываетъ по хорошей цѣнѣ. Осенью, конечно, крестьяне продаютъ еще нѣсколько мѣръ конопляпаго сѣмени, которое должно оставаться залишнимъ отъ годоваго расхода; зимою они вывозятъ на базаръ немного моченца; если осенью или въ междупарье навертывается какая либо работа, то они и отъ нея не прочь и рады заработать копѣйку. Но сколько нуждъ, которыя поселянинъ долженъ удовлетворить на добытую деньгу: надобно купить соли, дегтю, лыкъ, колеса, сани, сошники, косу, серпъ, кушакъ, шапку, и проч.; нужно подковать лошадь въ дорогу, отправить подушныя, рекрутскія и проч., заплатить священнику за церковныя требы и проч. Сколько еще другихъ непредвидимыхъ расходовъ: если падетъ лошадь, то надобно купить другую, ибо безъ лошади или безъ пары лошадей крестьянинъ — не крестьянинъ; если, что къ несчастію часто случается, пожаръ уничтожаетъ его избу или гумно, то

крестьянинъ едва въ десять лѣтъ оправляется отъ этого бѣдствія. Если въ рабочую пору самъ или его жена занемогаетъ, то приходится ему деньгами или хлѣбомъ столько отдать за постороннюю работу, что и цѣлый годъ онъ не можетъ свести концы съ концами. Не разъ случалось мнѣ учитывать крестьянскія хозяйства, и всегда выносилъ я изъ этого занятія чувство удивленія къ чудной способности нашихъ поселянъ — малымъ совершать многое и почти изъ ничего извлекать необходимо нужное для своего существованія. Не разъ, вникая въ ихъ потребности, я недоумѣвалъ: чѣмъ они ихъ справятъ? Но крестьяне наши изобрѣтательны, трудолюбивы и пуще всего не легко упадаютъ духомъ: смотришь, одинъ здѣсь, другой тамъ добываютъ деньги, и нужды ихъ, сколь онѣ ни велики въ сравненіи съ ихъ способами къ удовлетворенію оныхъ, всѣ по возможности покрыты. А чуть крестьянинъ немного поправляется, какъ тотчасъ онъ старается поставить новую избу или пристроить себѣ горницу. Лишній тулупъ, свиту, сапоги завести есть первая забота разживающагося крестьянина. Сравните обѣдъ и ужинъ богатаго и бѣднаго поселянина; войдите въ избу къ тому и другому; взгляните на ихъ упряжь; посмотрите на ихъ одежду и обувь, и вѣрно вы сознаетесь, что разница между ними велика, и что нашъ крестьянинъ вовсе не нечувствителенъ къ жизненнымъ удобствамъ. Вы упрекаете его въ равнодушіи къ нимъ или потому, что не приняли на себя труда вникнуть въ образъ его жизни, или потому, что его жизненныя удобства вы мѣрите аршиномъ своихъ комфортовъ, или потому, что, лишая его возможности удовлетворить даже нужды, вы успокоиваете свою совѣсть тѣмъ, что «вѣдь онъ къ жизненнымъ удобствамъ вовсе не чувствителенъ». Нѣтъ! наши крестьяне любятъ заработать деньгу, только дайте имъ къ тому случай; они охотно выстроиваютъ себѣ и двѣ, и три избы, разводятъ много скота, снабжаютъ себя теплою и даже нарядною одеждою, и проч., лишь бы была на то возможность. — Неужель не случалось вамъ проѣзжать по богатымъ и бѣднымъ селамъ, и останавливаться въ домахъ оброчныхъ и задѣльныхъ крестьянъ? Если это случалось, и если вмѣстѣ съ тѣмъ вы оставляли за порогомъ барство и еще кое-какія впередъ составленныя мнѣнія, то вѣрно вы видали, что крестьяне оброчные богаче барщинскихъ; а почему? потому, что они свободнѣе распоряжаются своимъ временемъ. Вы могли еще замѣтить, что крестьяне тѣмъ зажиточнѣе, чѣмъ помѣщикъ менѣе объ нихъ забо-

тится, т. е. чѣмъ менѣе онъ входитъ въ ихъ частныя дѣла, или другими словами менѣе ихъ стѣсняетъ въ собственныхъ ихъ распоряженіяхъ. Знаю, что съ этимъ вы не согласитесь и будете даже утверждать противное, но, пошатавшись довольно по разнымъ губерніямъ и руководствуясь болѣе 20-ти лѣтъ правиломъ, сколь можно менѣе вмѣшиваться въ крестьянскія дѣла, я глубоко убѣжденъ, что помѣщичья попечительность ведетъ только къ тому, что крестьяне становятся безпечными и лѣнивыми, теряютъ всякую охоту къ заработкамъ и впадаютъ въ бѣдность и развратъ. Могъ бы я въ подтвержденіе сего мнѣнія указать на многіе примѣры изъ разныхъ мѣстностей, но такія доказательства по многимъ причинамъ не удобны, а потому разскажу не анекдоты, а цѣлую быль собственнаго моего хозяйства, которое можно осмотрѣть Рязанской губерніи въ Сапожковскомъ уѣздѣ, и убѣдиться на мѣстѣ въ благопріятномъ дѣйствіи на крестьянъ способа управленія, признаваемаго мною за лучшій. Постараюсь быть по возможности краткимъ.

Владѣю и управляю я имѣніями, состоящими изъ нѣсколькихъ тысячь душъ, и пріобрѣтенными мною отъ разныхъ (числомъ отъ одиннадцати) попечительныхъ и непопечительныхъ помѣщиковъ. При поступленіи крестьянъ въ мое завѣдываніе, они были въ весьма различныхъ положеніяхъ, и при первомъ осмотрѣ уже замѣчено было мною, что степень ихъ благосостоянія была въ обратномъ отношеніи къ степени заботливости объ нихъ прежнихъ помѣщиковъ. Въ послѣдствіи времени крестьяне, которыми владѣльцы мало или не попечительно занимались, быстро улучшали свой бытъ при предоставленномъ имъ самоуправленіи частными и мірскими дѣлами; крестьяне же, у которыхъ помѣщики отбирали осенью въ свои амбары сѣменный овесъ на сбереженіе, которые во всемъ относились къ барину и безъ его позволенія не смѣли ни продать что либо, ни отлучиться изъ села, и которые даже для установки женитьбъ, собирались на господскій дворъ и тутъ окончательно устроивали свои свадьбы, — долго, долго не поправлялись, съ трудомъ привыкали къ самоуправленію, и съ ними мнѣ было въ десять разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ съ крестьянами, пріобрѣтенными мною отъ отсутствующихъ или малопопечительныхъ помѣщиковъ. Теперь, по милости Божіей и на основаніи правила вмѣшиваться сколь можно менѣе въ крестьянскія частныя и мірскія дѣла, состояніе моихъ крестьянъ значительно улучшилось: избъ на боку нѣтъ или очень мало (лѣсъ

отпускаю я не иначе, какъ за деньги); крестьяне имѣютъ много старыхъ кладушекъ хлѣба ([1]); лошадьми и упряжью они исправны; большаго піянства нѣтъ, однимъ словомъ крестьяне мои — настоящіе крестьяне; и этимъ особенно обязанъ я тому, что не беру на себя попеченія о собственныхъ ихъ дѣлахъ.

Попечительность, которая, къ несчастью, все болѣе и болѣе входитъ въ моду между нашими хозяевами, истекаетъ не изъ любви къ ближнему (исключенія въ этомъ отношеніи бываютъ, но они крайне рѣдки), даже не изъ сознанія помѣщичьихъ обязанностей (о которыхъ такъ много и такъ пышно говорятъ), а просто изъ горькой необходимости: господскія запашки постоянно увеличиваются, земли постепенно истощаются и требуютъ лучшей обработки; отвозы на продажу господскаго хлѣба, уже не съѣдаемаго огромными дворнями и стаями охотничьихъ собакъ, усиливаются; умноженіе скотоводства ведетъ за собою излишній за нимъ уходъ, и возведеніе разныхъ, прежде небывалыхъ построекъ; устройство заводовъ и другихъ производствъ, учреждаемыхъ не на настоящемъ коммерческомъ основаніи, вызываетъ новое напряженіе рабочихъ силъ и проч.: вотъ причины, принуждающія помѣщиковъ къ усиленію крестьянскихъ уроковъ, что имѣетъ слѣдствіемъ обѣдненіе крестьянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и крайность для помѣщика держать крестьянина все болѣе и болѣе на помочахъ. Мнѣ еще не случалось натолкнуться на имѣніе *попечительно* управляемое, котораго крестьяне были бы въ хорошемъ положеніи, а потому я пришелъ къ заключенію, что поселяне, сами распоряжающіеся своимъ временемъ и не освобожденные попечительностью помѣщика отъ заботы о своемъ прокормленіи, суть лучшіе устроители своего благосостоянія. Но мы нѣсколько удалились отъ предмета, собственно нами разсматриваемаго, и потому возвратимся къ статьѣ Трудовъ В. Э. Общества.

Многіе, и въ томъ числѣ авторъ разсматриваемой нами статьи, жалуются на трудность найма работниковъ вообще и въ особенности въ урожайные годы, и изъ этого выводятъ невозможность при большихъ хозяйствахъ обойтися безъ обязанныхъ крестьянъ. Напи–

---

(1) Не разъ случалось мнѣ, при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, уговаривать крестьянъ на продажу ржи, стоящей у нихъ въ кладушкахъ. «Нѣтъ, батюшка», отвѣчали они мнѣ, «продать легко, да купить трудно; да и покупной хлѣбъ не споръ и не сытенъ». А есть люди, которые обвиняютъ нашихъ крестьянъ въ беззаботности и непредусмотрительности.

мая работниковъ постоянно, и зная многихъ купцовъ, которые ведутъ свои хозяйства на коммерческомъ основаніи, я, признаться, не вѣрю ни затрудненіямъ, встрѣчаемымъ при наймѣ рабочихъ, а тѣмъ еще менѣе заключенію, изъ того выведенному. У меня въ Рязанской губерніи, въ Сапожковскомъ уѣздѣ, постоянно работаютъ до сотни вольнонаемныхъ плотниковъ, кирпичниковъ, каменьщиковъ и проч., и сверхъ того я имѣю при двухъ хозяйствахъ до 50 рабочихъ, сряжаемыхъ мною на лѣто для полевыхъ работъ; и никогда я не затруднялся въ пріисканіи работниковъ; даже, напротивъ того, всегда является охотниковъ болѣе, чѣмъ сколько мнѣ нужно. Нанимаю я работниковъ, по вольной цѣнѣ (1), изъ своихъ, казенныхъ крестьянъ и солдатъ. Въ нынѣшнемъ году всего болѣе ко мнѣ поступило изъ послѣднихъ. Въ Самарской губерніи на подъемъ пластовъ, на посѣвъ и на жнитво, нанимаю я также не малое число людей, и болѣе 15-ти лѣтъ имѣя тамъ также значительныя хозяйства, никогда не былъ въ положеніи, о которомъ говоритъ авторъ статьи, помѣщенной въ Трудахъ, будто ни за какія деньги не льзя найти рабочихъ. Напротивъ того: рабочихъ является всегда болѣе, чѣмъ сколько нужно, и ни разу не случалось мнѣ платить, какъ говорятъ, въ тридорога. Слыхалъ я отъ разныхъ купцовъ, и въ томъ числѣ отъ извѣстнаго въ нашей мѣстности К. Г. Можарова, имѣвшаго въ Рязанской губерніи три хозяйства, что и онъ никогда не затруднялся въ пріисканіи работниковъ. Если подрядчики иногда жалуются на недостатокъ въ рабочихъ, то это происходитъ отъ того, что этимъ средствомъ они надѣятся взять дороже за свою работу, или, что вдругъ въ какомъ либо мѣстѣ открывается гораздо болѣе работъ, чѣмъ предполагалось, или, что предпринимаются новаго рода работы. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ въ Россіи повышенія должны быть значительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, ибо по недостатку въ сообщеніяхъ, труднѣе людямъ переноситься туда, гдѣ возникаетъ въ нихъ надобность. Сельско-хозяйственныя работы, о которыхъ здѣсь

---

(1) Вольныя цѣны бываютъ различныя: я знаю помѣщиковъ, которые берутъ работниковъ отъ большихъ семействъ—изъ затяглыхъ, даютъ имъ 12 р. сер. на лѣто на собственныхъ ихъ харчахъ, и увѣряютъ, что у нихъ работаютъ за деньги и даже по охотѣ. Не такую вольную цѣну здѣсь я разумѣю. Ко мнѣ желающіе наняться въ рабочіе, приходятъ въ контору; бурмистръ съ ними торгуется; чужіе всегда первые соглашаются на предлагаемыя цѣны; а какъ скоро наняты два-три работника, то остальные уже поступаютъ безъ долгихъ толковъ.

преимущественно идетъ рѣчь, не принадлежатъ къ послѣднимъ разрядамъ; правда, потребность въ людяхъ для нѣкоторыхъ работъ бываетъ кратковременная и дружная—для сѣнокоса и для жнитва, но даже и для нихъ всегда можно найти рабочихъ, лишь бы за это во время взяться. Естественно, что при урожаѣ сѣна или хлѣба платятъ за работу вдвое и втрое; кромѣ возвышенія цѣнъ отъ большаго требованія, надобно принять въ соображеніе и то, что при густыхъ травахъ или хлѣбахъ работа труднѣе, и ея гораздо больше на десятинѣ. Къ тому же должно имѣть въ виду и то, что въ плохіе года работники нанимаются задаромъ или даже возвращаются домой, не найдя для себя работы. Толпы косцовъ и жнецовъ ежегодно приходятъ за Волгу; почему? Потому, что тамъ есть требованіе на такихъ работниковъ. Иной годъ (разумѣется, при обильномъ урожаѣ) платятъ за жнитво десятины до 25 р. ассиг., а при неурожаѣ едва работники получаютъ по 4 и 5 р. асс., а средняя наемка отъ 10 до 14 руб. за шестидесятную десятину т. е. за полторы десятины. У насъ въ Рязанской губерніи также всегда можно нанять и косцовъ и жнецовъ, ибо изъ Касимовскаго, Спасскаго, Рязанскаго уѣздовъ, даже изъ Владимірской губерніи приходятъ работники. Если теперь число работниковъ по земледѣлію не огромно, то это только потому, что требованія на нихъ мало. Вездѣ, гдѣ таковые требуются, тамъ и имѣются. Все дѣло въ томъ: заблаговременно нанять рабочихъ, дать имъ настоящую цѣну, сытно кормить и разсчитывать ихъ добросовѣстно. При этихъ условіяхъ, думаю, что всегда и вездѣ можно найти работниковъ, сколько нужно. Конечно, при вновь открывающихся работахъ, при внезапномъ и значительномъ требованіи рукъ временно можетъ быть недостатокъ въ рабочихъ; но это случается вездѣ, а у насъ, какъ я прежде сказалъ, при худыхъ путяхъ сообщенія и при недостаткѣ гласности, эта бѣда должна быть сильнѣе; но не льзя исключеніе возводить въ правило и не должно приписывать нравственнымъ причинамъ то, что есть дѣло обстоятельствъ.

Что при урожаѣ работники дороже, чѣмъ въ голодные или посредственные годы—это не оспоримо; но это странное явленіе у насъ происходитъ отъ чего? Преимущественно отъ ненормальнаго устройства нашихъ рабочихъ силъ. Вездѣ сумма потребной работы и людей, ее доставляющихъ, довольно уравновѣшена и постоянна; у насъ же, при урожаѣ, для уборки хлѣба, для извозовъ, для разныхъ построекъ,

дѣлаемыхъ въ слѣдствіе общаго довольства, требуется рабочихъ вдвое, втрое противъ среднихъ годовъ; при неурожаѣ же не только у крестьянъ дома менѣе работъ, у купцовъ менѣе извозовъ и у всѣхъ менѣе построекъ; но сверхъ того барщины на осеннее время уменьшаются, на зимнее же вовсе прекращаются; и даже на весну и лѣто изъ безтяглыхъ отпускаются люди, которыхъ иначе помѣщики задержали бы дома для карауловъ и другихъ не необходимо нужныхъ подѣлокъ; слѣдовательно людей, ищущихъ работы, оказывается вдвое, втрое болѣе, чѣмъ въ средніе годы. Это непостоянство и неравенство въ суммѣ требуемой и предлагаемой работы происходятъ, конечно, отчасти отъ нашей почвы, то доставляющей огромные урожаи, то едва возвращающей сѣмена, отчасти отъ младенческаго положенія нашего земледѣлія, не умѣющаго себя обезпечить отъ полныхъ недородовъ; но главнѣйше изтекаютъ они изъ бѣднаго положенія нашихъ крестьянъ, малообезпеченныхъ въ своемъ существованіи, и живущихъ, такъ сказать, со дня на день (1); и сверхъ того они про-

---

(1) Много говорятъ о томъ, что продовольствіе нашихъ крестьянъ вполнѣ обезпечено обязанностью помѣщиковъ кормить при неурожаяхъ, и авторъ разбираемой нами статьи въ особенности выхваляетъ существующій въ семъ отношеніи порядокъ; но разсмотримъ дѣло, какъ оно *на дѣлѣ* существуетъ: оброчные крестьяне вездѣ сами себя прокармливають, и едва ли одинъ помѣщикъ купилъ четверикъ хлѣба для раздачи имъ при неурожаѣ;—въ тяжкіе годы помѣщики или прощаютъ или разсрочиваютъ оброкъ, но отнюдь не кормятъ своихъ крестьянъ, да и никакой нужды въ томъ нѣтъ. Задѣльные крестьяне, имѣющіе земли въ достаточномъ количествѣ, и работающіе на помѣщика по три дня въ недѣлю, также могутъ вполнѣ обойтися безъ помѣщичьей помощи. Хозяйничая 22 года, я только одинъ разъ (въ 1839 году) выдавалъ крестьянамъ хлѣбъ изъ своего амбара, и то только потому, что въ началѣ моего хозяйства я нашелъ казенные магазины пустыми и что по неопытности я еще сбивался на идеалъ *попечительнаго* помѣщика. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи восемнадцати лѣтъ, въ самые неурожайные годы, мірскіе запасные магазины вполнѣ не опоражнивались; слѣдовательно ни зерна своего хлѣба я не издержалъ на прокормленіе моихъ крестьянъ. Кормятъ, или должны бы кормить крестьянъ лишь тѣ помѣщики, которые имѣютъ несообразно большія запашки, но и эти помѣщики рѣдко зимою даютъ хлѣбъ крестьянамъ, а отмѣняя барщину, отпускаютъ ихъ на заработки; весною же они выдаютъ хлѣбъ изъ мірскаго магазина и рѣдко, очень рѣдко отпираютъ на этотъ предметъ свои амбары (въ которыхъ, мимоходомъ будь сказано, рѣдко и хлѣбъ бываетъ, ибо помѣщики, чуть чуть не всѣ, распродаютъ свой хлѣбъ осенью или въ началѣ зимы до зерна, оставляя только муку, нужную для расхода, и овесъ, потребный на сѣмена). Количество господскаго хлѣба, дѣйствительно раздаваемаго *нѣкоторыми* помѣщиками своимъ крестьянамъ, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ зерномъ, *которое эти помѣщики по-*

исходятъ изъ возможности, которую имѣютъ помѣщики произвольно сокращать при неурожаяхъ количество людей, имѣющихся при ихъ хозяйствахъ [1]. Слѣдовательно, виною такого временнаго избытка и недостатка въ рабочихъ не любовь къ лежанію на печи крестьянъ нашихъ, не устремленіе ихъ на добываніе только въ слѣдствіе голода, а самый тотъ порядокъ земледѣльческаго устройства, который такъ многими восхваляется и признается образцовымъ, необходимымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ нашимъ нуждамъ.

Говорятъ, что у насъ, въ урожайные годы, цѣны на рабочихъ очень высоки. Я съ этимъ не могу согласиться. Правда, въ послѣдніе годы онѣ поднялись, но что же у насъ не вздорожало? Хозяева радуются, что они уже не продаютъ ржи по 3 и по 4 рубли на монету за четверть, что земля возвысилась въ цѣнности въ полтора раза и проч., но развѣ рабочіе вздорожали вдвое, да втрое? Нѣтъ, прежде я нанималъ ихъ по 50 и по 60 р. на лѣто, и теперь имъ плачу по 70 и 80 руб. отъ начала пахоты до заговѣнія (до 15 Ноября), слѣдовательно цѣны сравнительно остались тѣ же. Знаю, что и въ другихъ мѣстностяхъ цѣны какъ прежде не были высоки, такъ и теперь поднялись только въ соразмѣрность вздорожанія

лучаютъ ежегодно отъ излишнихъ земель, обработываемыхъ ими изъ сгонныхъ дней; слѣдовательно, на повѣрку выходитъ, что не помѣщикъ кормитъ крестьянъ, а на оборотъ.

Крестьяне, большею частью, имѣютъ хлѣба едва сколько имъ нужно на годовое свое пропитаніе; при обильныхъ урожаяхъ, они или уплачиваютъ свои прежніе хлѣбные долги, или по необходимости продаютъ часть зерна, ибо въ бѣдственные годы они и обнашиваются и не въ состояніи были купить разныя, крайне нужныя вещи по домашнему хозяйству; при неурожаяхъ же они бѣгутъ изъ дома, чтобъ на сторонѣ что нибудь добыть на соль и подушныя.

(1) Когда работники—вольнонаемные, т. е. разъ приговоренные, они остаются у хозяина при урожаѣ и при неурожаѣ. Конечно всякій хозяинъ старается имѣть меньше, по возможности, число работниковъ, но эта забота у него одинакова при всѣхъ обстоятельствахъ. Къ тому вольнонаемный работникъ при урожаѣ и неурожаѣ за границею обходится хозяину почти одно и тоже: у насъ же дѣло совершенно иное: при изобиліи хлѣба, обязанные работники отправляютъ помѣщику свою повинность, не получая отъ него ни хлѣба, ни денегъ; а потому помѣщикъ держитъ часто излишнее количество работниковъ; напротивъ того, при худомъ урожаѣ, если помѣщикъ хочетъ держать на барщинѣ всѣхъ своихъ крестьянъ, то онъ долженъ ихъ кормить дорогимъ хлѣбомъ; а потому большею частью у насъ въ малохлѣбные годы барщина уменьшается или отмѣняется, и всѣ работы не необходимо нужныя откладываются до другаго года.

всѣхъ предметовъ. Работникъ на все лѣто, т. е. съ 1-го Апрѣля до 15-го Ноября (или въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 1-го Октября), на хозяйскихъ харчахъ, доходитъ по нѣкоторымъ губерніямъ до 100 р. асс., а въ другихъ онъ получаетъ только 50 р. асс. Слѣдовательно, среднею цѣною работника можно считать 75 р. асс. На зиму же охотно идутъ въ работники на $4^1/_2$ мѣсяца за 25 и 30 р. асс. Годовой же работникъ по разнымъ мѣстностямъ стоитъ отъ 80 до 140, а среднею платою должно признать 100 или 110 р. асс. Содержаніе работника обходится отъ 3 р. 50 до 4 р. 50 к. асс. въ мѣсяцъ, а въ сложности по 4 рубли; въ годъ же 48 руб. (1). Слѣдовательно, годовой работникъ стоитъ около 150 рублей. Конечно, если сравнить этого работника съ барщинскимъ, то не льзя не найти его дорогимъ; если же принять въ соображеніе плату, получаемую работниками, не говорю въ Англіи, но во Франціи, Бельгіи и въ Германіи, то мы придемъ къ заключенію, что, не смотря на недостатокъ, обще-ощущаемый нами въ рабочихъ силахъ, плата у насъ батраку весьма не высока. Равнымъ образомъ, если имѣть въ виду нужды нашего крестьянина на повинности казнѣ и господину, на одежду, обувь, на прокормленіе жены и дѣтей и проч., то эта цѣна не можетъ не быть признана даже низкою. Конечно, въ неурожайные годы у насъ работники ни почёмъ, но это грустное явленіе не должно служить мѣриломъ для временъ обыкновенныхъ; дай Богъ, чтобы цѣны на рабочихъ были высоки, въ этомъ заключается источникъ и признакъ общаго благосостоянія.

---

(1) Наша Рязанская губернія можетъ служить примѣромъ для исчисленія, ибо у насъ рабочіе и пища для нихъ, держутся въ середкѣ между дорогими и дешевыми мѣстностями. Вотъ мѣсячное содержаніе у меня вольнонаемныхъ рабочихъ съ оцѣнкою онаго на ассигнаціи:

Муки ржаной.	2 пуда по 1 руб.	2 р. — к.
Крупъ	$\frac{1}{2}$ мѣры 35 к.	— — 70 —
Мяса по $\frac{1}{2}$ фунту въ день всего на 15 дней $7\frac{1}{2}$, для заговѣнія, разговѣнія и большихъ праздниковъ.	9 ф. по 7 к.	— р. 63 к.
Масла конопляннаго.	$1\frac{1}{2}$ — — 20	— — — 30 —
Соли.	2 — — $5\frac{1}{2}$	— — — 11 —
Кухарка изъ 5 руб. въ мѣсяцъ на 20 рабоч.	— — —	— — — — 25 —
(она ѣстъ вмѣстѣ съ рабочими, и на нее нѣтъ особаго положенія)		3 — 99 —

Прежде содержаніе обходилось мнѣ менѣе 1 р. сер. а въ нынѣшнемъ году оно стоитъ 1 р. 20 к. серебромъ.

Авторъ статьи, напечатанной въ Трудахъ, доказываетъ неудобство найма тѣмъ, что разсказываетъ два-три случая, когда работники, нанявшись у хозяина, ушли отъ нихъ до срока. Жаль, что онъ изъ своего (вѣроятно долговременнаго) опыта не сказалъ, по крайней мѣрѣ перечнемъ, сколько работниковъ въ его же имѣніи отжили свой срокъ, какъ слѣдуетъ, и разочлись съ хозяевами честно и дружелюбно. Жаль также, что авторъ не сказалъ о томъ, какъ много работниковъ по нѣскольку лѣтъ сряду живутъ у однихъ и тѣхъ же хозяевъ. Крестьяне мои имѣютъ много батраковъ, я также, какъ выше сказано, содержу довольно вольнонаемныхъ рабочихъ, а потому могу положительно сказать, что наши рабочіе вообще весьма добросовѣстно отправляютъ свои обязанности, *когда за работу получаютъ деньги по добровольному соглашенію*, и что анекдоты, подобные тѣмъ, которые разсказываетъ авторъ, составляютъ рѣдкое исключеніе изъ общаго правила.—Я, какъ винокуренный заводчикъ, покупаю хлѣбъ у помѣщиковъ, и не разъ случалось мнѣ имъ выдавать деньги въ задатокъ,—и при повышеніи цѣнъ на хлѣбъ, я не получалъ отъ нихъ ни зерна. Чтò сказалъ бы почтенный защитникъ обязанной работы, если бъ я позволилъ себѣ, разсказавъ нѣсколько такихъ случаевъ, вывести слѣдующее заключеніе: у помѣщиковъ нельзя покупать хлѣба, потому что они продаютъ, берутъ задатокъ и не выставляютъ хлѣба? На своемъ вѣку я перенанималъ конечно нѣсколько тысячь работниковъ для разныхъ производствъ, и по совѣсти долженъ сказать, что неисполненіе рабочими условія, составляетъ не правило, а рѣдкое изъ онаго исключеніе. Сверхъ того считаю долгомъ сообщить слѣдующій фактъ, весьма замѣчательный: у меня при барщинѣ существуютъ тѣлесныя наказанія; два раза я пробовалъ ихъ отмѣнять, но по усиленнымъ просьбамъ начальниковъ, долженъ былъ возстановлять ихъ. Конечно, къ нимъ прибѣгаютъ рѣдко, но безъ нихъ бурмистръ и старосты не въ состояніи справиться съ народомъ. Чтò же касается до вольнонаемныхъ работниковъ, которыхъ я принимаю, какъ выше сказано, и изъ своихъ крестьянъ, мнѣ не случилось въ теченіе болѣе 10-ти лѣтъ наказать *ни одного*. Вотъ чтò значитъ работа за деньги и по добровольному соглашенію!

Авторъ статьи, напечатанной въ Трудахъ, передавая слова какого-то крестьянина, признавшагося ему въ томъ, что рабочіе хотятъ поприжать купца, не имѣющаго своихъ обязанныхъ работниковъ, выводитъ слѣдующее заключеніе: возможенъ у насъ наемъ лишь тогда,

когда имѣется въ запасѣ достаточное количество постоянной обязанной работы. Это можно опровергнуть тѣмъ, что въ разныхъ губерніяхъ (въ Саратовской, Самарской, Тамбовской и другихъ) купцы имѣютъ значительныя земли, обработываютъ ихъ наймомъ и получаютъ добрые доходы. Послѣднее обстоятельство, т. е. доходность купеческихъ хозяйствъ, доказывается до очевидности тѣмъ, что земли не населенныя въ хлѣбородныхъ губерніяхъ покупаются дороже, чѣмъ дачи съ крестьянами, и что онѣ пріобрѣтаются преимущественно купцами. Я имѣлъ случай, лѣтъ восемь тому назадъ, видѣть книги прихода и расхода купца (къ сожалѣнію нынѣ уже скончавшагося) К. Г. Можарова, о которомъ я уже упоминалъ, и который имѣлъ вольнонаемныя хозяйства въ Пронскомъ, Скопинскомъ и еще какомъ-то уѣздѣ. Изъ многолѣтнихъ его счетовъ я вывелъ слѣдующее общее заключеніе: обработка десятины обходилась ему по 25 р. асс., и выручалъ онъ съ нея въ сложности по 50 р. асс. Слѣдовательно чистаго дохода ему оставалось по 25 р. асс. т. е. слишкомъ 7 руб. серебромъ съ десятины. Я осматривалъ одно изъ его хозяйствъ; оно производилось безъ всякихъ агрономическихъ улучшеній; на его хуторѣ не было даже ни одной молотильной машины. Работники у него были отчасти годовые, отчасти на лѣто (отъ пахоты до заговѣнія, т. е. съ 1-хъ чиселъ Апрѣля по 15 Ноября), отчасти же онъ нанималъ задѣльно, т. е. на жнитво — съ десятины, для возки назема — съ воза, на молотьбу—съ копны. На счетъ найма работниковъ весьма помню его слова: «за работниками дѣла не станетъ, лишь разсчитывайте ихъ хорошо, да сытно кормите. Послѣднее отмѣнно важно: тутъ гривна рубль бережетъ.» Эти слова привожу я не какъ доводъ въ пользу моего мнѣнія; иначе могли бы упрекнуть меня въ томъ, въ чемъ я обвинялъ автора статьи, напечатанной въ Трудахъ—нѣтъ! я передалъ ихъ лишь въ добавокъ ко всему сказанному, и еще потому, что вѣроятно многіе знакомые покойнаго Можарова слышали отъ него подобныя же рѣчи на счетъ найма рабочихъ. Еще пришли мнѣ на память другія его слова. У него были славныя водяныя мельницы, и когда я жаловался на мои мельницы и на моихъ мельниковъ, то онъ всегда мнѣ говаривалъ: «у васъ мельницы барщинскія, а у меня вольныя; попробуйте своихъ же мельниковъ да съ найма: посмотрите *съ охоты* и жернова иначе замелятъ.»

Въ заключеніе нужнымъ считаю оговориться: конечно тамъ, гдѣ нѣтъ государственныхъ и помѣщичьихъ оброчныхъ крестьянъ и гдѣ

при многоземельи господскія запашки огромны, тамъ наемъ рабочихъ нѣсколько затруднителенъ, но что это значитъ? Ровно ничего: съ отмѣною барщины явятся и вольнонаемные работники. Думаю, что достаточно мною доказана возможность найма рабочихъ.

Впрочемъ, если бы гг. хозяева разныхъ мѣстностей сообщили свои сомнѣнія и наблюденія по сему крайне важному вопросу, то Р. Бесѣда съ радостію и благодарностью передала бы ихъ въ общее свѣдѣніе. Я помѣщу охотно даже возраженія на изложенное мною мнѣніе, если только они будутъ основаны на доказательствахъ; лучшими же доказательствами въ этомъ дѣлѣ должно считать наблюденія и опыты, произведенные въ извѣстной (точно обозначенной) мѣстности и съ объявленіемъ имени хозяина. Я не прочь отъ отвѣта и на статьи, помѣщенныя въ другихъ журналахъ, и содержащія въ себѣ доводы противъ сказаннаго мною на предыдущихъ страницахъ. Предметъ этотъ такъ важенъ, такъ современенъ, что необходимо теперь разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Хозяева обязаны по совѣсти высказывать, что знаютъ, и всякая утайка плодовъ пріобрѣтенной опытности по этому дѣлу, даже изъ излишней скромности, есть грѣхъ, и грѣхъ тяжкій.

—

Хотѣлось бы намъ подробно поговорить о прочихъ статьяхъ, коихъ заглавія выставлены на первой страницѣ нашей критики, ибо всѣ онѣ интересны по разбираемому въ нихъ предмету, а нѣкоторыя даже замѣчательны по свѣдѣніямъ и соображеніямъ, въ нихъ сообщаемымъ; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы скажемъ нѣсколько словъ въ особенности лишь о статьѣ, напечатанной въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, и поспѣшимъ перейти къ разсмотрѣнію предмета, возбуждающаго теперь самыя сильныя разногласія, почитаемаго одними якоремъ спасенія для Россіи, а другими источникомъ разныхъ бѣдствій настоящихъ и грядущихъ,— предмета, еще недостаточно уясненнаго первыми, но, по странному стеченію обстоятельствъ, вполнѣ не дающагося послѣднимъ. Не трудно догадаться, что подъ симъ мы разумѣемъ общинное начало и въ особенности общинное владѣніе землею.

Статья: *Положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи* крайне интересна: въ ней изложены весьма обстоятельно и, кажется, съ полнымъ знаніемъ дѣла, свѣдѣнія объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Эстляндіи и сообщены любопытныя данныя о положеніи землевладѣльцевъ-арендаторовъ и работниковъ въ прочихъ

Остзейскихъ губерніяхъ. Предметъ самъ по себѣ достоинъ вниманія всякаго мыслящаго человѣка; для насъ же онъ имѣетъ особенную современную важность, и мы вполнѣ согласны съ авторомъ означенной статьи который говоритъ: «Во всемъ объемѣ политической экономіи нѣтъ другаго вопроса, имѣющаго равный интересъ съ этимъ. Другіе предметы относятся къ усовершенствованіямъ, но этотъ предметъ есть фундаментъ всего общественнаго устройства. Сколько онъ нынѣ занимаетъ умы, видно изъ того, что онъ обращаетъ на себя весьма часто разговоры помѣщиковъ, и даже возбуждаетъ кабинетныя разсужденія. Взгляды бесѣдующимъ обыкновенно бываютъ различны, даже читатели какого-либо письменнаго или печатнаго проэкта не всегда согласны между собою» (Журналъ Мин. Внутр. Д. № 6, стр. 44—45.). Конечно, мало людей, согласныхъ между собою по этому предмету; и это происходитъ отъ того, что предметъ для насъ крайне новъ, и что объ немъ мы еще почти вовсе не судили и не рядили во всеуслышаніе: одинъ въ своемъ углѣ имѣетъ такія-то мнѣнія; другой держится иныхъ убѣжденій; многіе остаются безъ всякихъ разумныхъ понятій, руководствуясь одними личными интересами. Какъ размѣнъ мыслей по этому предмету у насъ крайне ограниченъ, то не только не можетъ составиться объ ономъ общее мнѣніе, основанное на всестороннемъ разсмотрѣніи и зрѣломъ обсужденіи вопроса, но даже частныя мнѣнія лишены случая высказываться и быть испытываемы способомъ противорѣчія и взаимной оцѣнки; а потому мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ статью Ж. М. В. Д., дающую намъ возможность потолковать о семъ важномъ дѣлѣ.

Мы не намѣрены выписывать изъ сочиненія объ Эстляндскихъ крестьянахъ все интересное, въ немъ содержащееся: посовѣтуемъ всякому прочесть и перечесть эту статью цѣликомъ. Мы не предполагаемъ даже говорить о нѣкоторыхъ невѣрностяхъ, вкравшихся въ свѣдѣнія автора о нашемъ Великорусскомъ хозяйствѣ (1); но не

(1) Очевидно, что авторъ лучше знаетъ Остзейское, чѣмъ наше хозяйство; иначе, конечно, онъ не сказалъ бы, «что система общиннаго владѣнія землею существуетъ болѣе въ теоріи, чѣмъ въ практикѣ». Если бъ онъ посѣтилъ наши деревни, всмотрѣлся въ различныя явленія и въ устройство нашего землевладѣнія и поговорилъ съ крестьянами: то вѣрно убѣдился бы, что наше общинное владѣніе землею есть не теорія, а такой обычай, который сильнѣе письменнаго закона. Одинъ видъ нашихъ огромныхъ селъ, два-три случая изъ быта нашихъ поселянъ показали бы ему, что этотъ способъ пользова-

можемъ не возразить противъ той мысли автора, которая полагается имъ въ основаніе всѣхъ его соображеній о будущемъ устройствѣ нашего сельско-хозяйственнаго быта.

Авторъ, скрывшій, къ сожалѣнію, свое имя, утверждаетъ, что фермерство есть лучшій способъ землевоздѣлыванія, что потому земля должна оставаться во владѣніи высшаго сословія въ государствѣ, что хозяйствованіе оною слѣдуетъ предоставлять фермерамъ, и что рабочими должны

нія землею существуетъ здѣсь на дѣлѣ, а не по прихоти нѣсколькихъ помѣщиковъ и не въ воображеніи нѣкоторыхъ писателей. Равнымъ образомъ ближайшее знакомство съ Русскимъ хозяйствомъ не позволило бы ему сказать, что мірское пользованіе землею налагаетъ на Русскаго помѣщика обязанность надзора за крестьянскими хозяйствами. Спрашиваю: какая связь между этими двумя вещами? Крестьяне вездѣ у насъ владѣютъ землею сообща, а помѣщики *попечительные*, т. е. считающіе долгомъ наблюдать за крестьянскимъ хозяйствомъ, къ счастію, не составляютъ еще большинства въ нашемъ сословіи. Страненъ также слѣдующій отзывъ его о Русскихъ хозяевахъ: «Мы еще не видали ни одного Русскаго помѣщика, который не смотрѣлъ бы на себя, какъ на образцоваго хозяина» (стр. 87). Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что авторъ знакомъ съ весьма немногими собственно Русскими помѣщиками? Наша братья, правда, заблуждается на счетъ многаго, но ужъ конечно не на счетъ своихъ агрономическихъ свѣдѣній или сельско-хозяйственныхъ распорядковъ! Остзейцы дѣло другое: они хозяева, но и считаютъ себя таковыми. Изъ Русскихъ помѣщиковъ весьма немногіе, къ сожалѣнію, занимаются прилежно сельскимъ дѣломъ, но за то ужъ отнюдь они не считаютъ себя образцовыми хозяевами. Еще авторъ говоритъ: «Крестьяне уходятъ на заработки и бросаютъ свои загоны, изъ которыхъ только самая лучшая часть распахана остающимися на мѣстѣ. *Отъ этого попущенія пахатныя имѣнія переходятъ въ оброчныя*, приносящія помѣщику несравненно менѣе дохода» (стр. 88). На это нуженъ коментарій, ибо мы этого мѣста рѣшительно не понимаемъ.—Можно привести много свѣдѣній и сужденій автора, подтверждающихъ наше сомнѣніе на счетъ его близкаго знакомства съ нашимъ хозяйствомъ, но мы ограничимся еще одною выпискою; на стр. 74 сказано: «Крестьянинъ нерадивый сбываетъ свою лошадь для того, чтобы съ него требовали одну пѣшую работу, а крестьянинъ-домохозяинъ и семьянинъ содержитъ только такое количество лошадей, какое ему нужно, чтобы не принять на себя двойнаго урока.» Это явленіе у насъ крайне рѣдко; напротивъ крестьяне, даже отягченные барщиною, продаютъ свою корову, свинью, но удерживаютъ своихъ лошадей; ибо съ ихъ помощью они еще могутъ кое какъ и барщину справить и свою землю обработать; безъ лошадей же нашъ поселянинъ—пустодомъ, чего онъ крайне боится, ибо не желаетъ ни попасть въ рекруты, ни быть взятымъ во дворъ (т. е. въ число дворовыхъ), ни лишиться земли и таскаться по міру. Знаю, что въ Кіевской и другихъ южныхъ губерніяхъ, при инвентарномъ положеніи, крестьяне стараются переходить въ пѣшіе работники; у насъ же такого движенія вовсе не замѣтно.

быть вольные люди по найму. Съ перваго взгляда это мнѣніе кажется разумнымъ и сверхъ того практическимъ; заключенное въ извѣстныхъ границахъ, оно конечно и справедливо; но обобщенное, оно становится ложнымъ и совершенно непримѣнимымъ къ тому государству, которое авторъ имѣетъ особенно въ виду. Вообще великая ошибка—считать безусловно лучшимъ какой либо видъ владѣнія землею или воздѣлыванія оной, и желать исключительнаго или даже преимущественнаго приложенія его къ какой либо странѣ. Мы имѣемъ передъ собою Европу, бѣдствующую отъ чрезмѣрнаго развитія частной собственности, тревожимую коммунизмомъ, соціализмомъ и другими имъ подобными недугами, на время подавленными, но отнюдь не уничтоженными и долженствующими въ послѣдствіи еще не разъ потрясать ея жизнь,—Европу, и нынѣ жертвующую значительною долею своей частной собственности въ пользу пролетаріевъ, не изъ христіанскаго братолюбія, а единственно изъ того, чтобы этимъ способомъ спасти остальное свое достояніе. Мы видимъ Англію, сосредоточившую землевладѣніе въ рукахъ немногихъ, и обработывающую свои поля почти исключительно чрезъ посредство фермеровъ; мы видимъ Францію, раздробившую свои земли до того, что многіе собственники не могутъ иначе обработывать свои участки какъ заступомъ и граблями, и что хозяйства нѣсколько значительныя весьма рѣдки. Насъ равно поражаютъ неудобства, проистекающія изъ преимущественнаго приложенія того и другаго способа землевладѣнія. Тамъ сословіе земледѣльческое убито бездомствомъ, жизнью кочевою—полнѣйшимъ необезпеченіемъ своего существованія; здѣсь оно приковано къ своей землѣ до того, что, не имѣя уже возможности воздѣлывать свой участокъ выгоднымъ образомъ, терпя всякіе недостатки, закладывая и перезакладывая свой клочекъ владѣнія, оно остается неподвижнымъ на своемъ мѣстѣ, не рѣшается ни на усовершенствованія, требующія общихъ усилій или значительныхъ капиталовъ, ни на переселенія, ни на избраніе инаго рода жизни, отстаетъ все болѣе и болѣе отъ общаго движенія впередъ и видимо тупѣетъ въ своей разобщенности (1). Неужель эти примѣры для

(1) Все это я имѣлъ случай видѣть собственными глазами. Желающіе узнать въ большей подробности положеніе земледѣлія и земледѣльческаго сословія въ Англіи и во Франціи, найдутъ вѣрныя и обстоятельныя о томъ свѣдѣнія между прочимъ въ превосходной книгѣ: Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande, par L. Lavergne. 2-me édit. Paris. 1855.

насъ не поучительны? Неужель, имѣя передъ глазами корабли, попавшіе на мель и всячески хлопочущіе, чтобъ съ нея сняться, мы завѣдомо, по доброй волѣ, пойдемъ на очевидную бѣду? Къ счастью это и невозможно.

Земля не есть богатство въ родѣ какого нибудь завода, фабрики, дома или инаго спеціальнаго достатка; она есть богатство по преимуществу; кто ею владѣетъ, тотъ и хозяинъ въ странѣ ([1]). Почему? Потому, что какъ человѣкъ ни мудри, а все таки земля остается главнымъ источникомъ его пропитанія и удовлетворенія прочихъ его нуждъ. И человѣкъ и государство самостоятельны, если земля составляетъ главную основу ихъ богатства. А потому весьма важно то, какъ въ обществѣ распредѣлена поземельная собственность. Это распредѣленіе и юридическое устройство поземельной собственности конечно устанавливаются по требованіямъ духа, нравовъ и склонностей каждаго народа, но въ свою очередь имѣютъ на ихъ развитіе самое сильное вліяніе. Способъ землевладѣнія сообщаетъ государству отличительный его характеръ, даетъ главное направленіе его дѣйствіямъ и рѣшаетъ многое въ его судьбѣ. Такъ Англія, въ слѣдствіе сосредоточеннаго своего землевладѣнія, есть государство по преимуществу аристократическое, которому конечно предстоятъ теперь великія бури отъ демократизма, все болѣе и болѣе усиливающагося и распространяющагося въ Европѣ, но которое еще долго, очень долго сдержитъ его напоръ и останется вѣрною своему началу. Такъ Франція, раздробившая свои земли до самыхъ малыхъ размѣровъ ([2]), есть государство не только демократическое, но даже охлократическое; сами дачники, разъединенные личнымъ владѣніемъ, утратили часть силы, даваемой землею ея хозяевамъ; Франція можетъ именоваться имперіею, королевствомъ или

---

(1) Знаю, что, въ опроверженіе этого, мнѣ приведутъ примѣры Ганзейскихъ городовъ, Венеціи, даже Голландіи, гдѣ хозяевами въ государствѣ были, или еще суть, торговцы, но развѣ эти государства могли, а нѣкоторыя изъ нихъ и теперь могутъ, считаться самостоятельными? Но примѣръ Голландіи болѣе въ пользу, чѣмъ противъ моего мнѣнія. Правда, тамъ не изъ земли получаются главные доходы и богатства, но какъ скоро человѣкъ богатѣетъ, то тотчасъ онъ старается пріобрѣсть поземельную собственность. Голландцы, хотя народъ не земледѣльческій, имѣютъ вѣрное чутье: хоть клочкомъ земли они любятъ утверждать за собою участье въ томъ, что составляетъ вездѣ богатство по преимуществу.

(2) Прошу не заключать изъ словъ моихъ, будто я не знаю, что и во Франціи есть большія, точно такъ, какъ и въ Англіи есть малыя владѣнія. Здѣсь я говорю о правилѣ, а не объ исключеніяхъ.

республикою, а въ сущности все таки будутъ владычествовать тамъ нижніе слои народа: или деспотъ, опирающійся на огромномъ большинствѣ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, или красная республика, поддерживаемая городскими пролетаріями. Но устойчивости, свободы, спокойствія и общаго благосостоянія во Франціи быть не можетъ; развѣ временно, урывками, послѣ долгихъ смутъ, во время краткодневныхъ перемирій. — Всякая исключительность вызываетъ свою противоположность, а слѣдовательно и борьбу; общее же, надежное и значительное преуспѣваніе можетъ быть лишь посреди мира и добраго согласія, которые возможны только при уравновѣшеніи правъ и выгодъ различныхъ сословій во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ отношеніи къ тому, что̀ составляетъ въ государствѣ богатство по преимуществу.—Что же касается до способа воздѣлыванія земли, то оный опредѣляется въ каждой странѣ не столько требованіями науки сельскаго хозяйства, сколько самымъ устройствомъ владѣнія, бытомъ жителей, ихъ правами и обычаями. Это послѣднее обстоятельство упускается изъ виду нѣкоторыми хозяевами и политико-экономами, забывающими человѣка посреди заботъ о его богатствахъ; но оно тѣмъ не менѣе всесильно въ своихъ дѣйствіяхъ.

Авторъ разсматриваемой нами статьи не одобряетъ Французской системы владѣнія и воздѣлыванія земли; правда, онъ восхищается Англійскимъ фермерствомъ, но считаетъ и его невозможнымъ въ Россіи по недостатку какъ капиталовъ, такъ и людей спеціально образованныхъ для распоряженія большими фермами. Онъ предлагаетъ намъ на образецъ Эстляндское устройство, по которому $^{1}/_{7}$ народонаселенія — хозяева (Wirthe), а остальныя $^{6}/_{7}$—рабочіе (Knechte); первые берутъ въ аренду у помѣщиковъ земли и нанимаютъ послѣднихъ для обработки оной. Онъ говоритъ, что помѣщики, имѣя дѣло съ лучшими и благонадежнѣйшими изъ поселянъ, обезпечены въ своихъ доходахъ, что арендаторъ благоденствуетъ, и что рабочіе вполнѣ обезпечены въ своемъ существованіи. Мы готовы допустить справедливость первыхъ двухъ утвержденій, но не можемъ сильно не усомниться на счетъ послѣдняго. Не по однимъ умозаключеніямъ, и не на основаніи словъ людей, посѣщавшихъ этотъ край, даже въ послѣднее время, мы полагаемъ, что участь Эстляндскихъ крестьянъ не завидна; но въ этомъ мнѣніи утверждаютъ насъ самыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ предлежащей статьи. Авторъ сознается, что въ Эстляндіи барщина есть *еще* преимущественный способъ отбыванія повинностей въ от-

ношеніи къ помѣщику (стр. 78), который имѣетъ право подвергать неисправныхъ работниковъ аресту и розгамъ (стр. 62); и это послѣ сорокалѣтнихъ (1817—57) стремленій къ освобожденію крестьянъ! Авторъ сознается, что Эсты бѣдны, лѣнивы и съ трудомъ переходятъ изъ барщинскаго состоянія въ арендаторское (стр. 69). Авторъ сознается, что крестьянинъ не арендаторъ, не живетъ въ домѣ, который онъ можетъ назвать своимъ, что онъ не обѣдаетъ одинъ съ своимъ семействомъ, и что онъ, какъ слуга арендатора, находится въ полной и постоянной его зависимости (стр. 72). Мы узнаёмъ также изъ этой статьи, что крестьяне (арендаторы или работники? не объяснено) находятся въ неоплатныхъ долгахъ въ отношеніи къ помѣщику (стр. 97), и за всѣмъ этимъ авторъ утверждаетъ, что положеніе работниковъ такъ же самостоятельно, какъ и положеніе арендаторовъ! Если это такъ, то не завидно и положеніе арендаторовъ! Впрочемъ положеніе, болѣе или менѣе бѣдственное или благополучное, Эстляндскихъ крестьянъ въ настоящемъ случаѣ есть дѣло второстепенное; важнѣе другое: примѣнимо ли это устройство къ нашему быту? Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній о состояніи Остзейскихъ крестьянъ до 1817 года, я не могу судить, на сколько нынѣшнее устройство соотвѣтствовало потребностямъ предыдущаго, но смѣло могу сказать, что оно вполнѣ противно нашимъ настоящимъ нуждамъ. Вы ни чѣмъ не вознаградите нашего крестьянина за лишеніе его возможности жить съ своимъ семействомъ подъ собственнымъ кровомъ (1); съ трудомъ и развѣ съ помощію насилія вы заставите его покинуть деревню и поселиться особеннымъ хуторомъ (2). Не легко также убѣдить нашего крестьянина выйти изъ общества, въ которомъ онъ родился, росъ и жилъ, гдѣ у него и родственники кровные, и кумовья и сватья, и съ которыми онъ связанъ узами обычаевъ и сердечной привязанности; но еще несравненно труднѣе будетъ вамъ

---

(1) Крестьяне считаютъ за великое несчастіе поступленіе въ дворовые, особенно потому, что лишаются собственной осѣдлости. Крестьянинъ, зарабатывающій даже съ своимъ семействомъ деньги на сторонѣ, спѣшитъ въ *свой* домъ, ибо только тутъ *онъ чувствуетъ себя дома*. Солдатъ, возвращающійся на родину, прежде всего старается обзавестись *своимъ домомъ*.

(2) Есть конечно крестьяне, пріобрѣтающіе земли и выселяющіеся на оныя; но это исключеніе изъ правила. Къ тому же лишь люди семьянистые рѣшаются на такія переселенія, а большинство крестьянъ считаетъ за величайшее несчастіе сселеніе съ прежнихъ усадьбъ.

внушить крестьянину, жившему съ незапамятныхъ временъ на своемъ корню и обработывавшему испоконъ вѣка свою землю (1), что теперь онъ долженъ ее покинуть, нанимать участокъ, гдѣ Богъ приведетъ, или съ семействомъ своимъ идти въ батраки. Нѣтъ, такое положеніе онъ рѣшительно сочтетъ не улучшеніемъ, а ухужденіемъ своего быта, и добровольно онъ никогда на него не согласится.

Намъ предлагаютъ не примѣры для изученія (что̀, конечно, для насъ важно, полезно и даже необходимо), но образцы для подражанія. Удобно ли, возможно ли, желательно ли намъ принять такое предложеніе? Англія, Франція, Германія, даже Эстляндія установили у себя такой, а не иной порядокъ землевладѣнія и землевоздѣлыванія вѣроятно въ слѣдствіе мѣстныхъ своихъ историческихъ причинъ, своего особеннаго быта, нравовъ, обычаевъ, склонностей и способностей своего народа. Неужель мы ничего подобнаго не имѣемъ и представляемъ tabula rasa для опытовъ науки или для пересадки къ намъ многовѣковаго дерева, выросшаго совершенно на иной почвѣ? Мы того не думаемъ и не смѣемъ даже предполагать, чтобы подобная мысль была въ убѣжденіяхъ людей, только увлеченныхъ благовидностью устройства болѣе развитаго и лучшаго въ сравненіе съ настоящимъ нашимъ положеніемъ. Нѣтъ ли у насъ дома, подъ руками, средствъ къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса, задаваемаго намъ нынѣшними нашими обстоятельствами? Кто знаетъ нашъ сельскій бытъ, кто вникалъ въ различныя явленія онаго, тотъ конечно не усомнится отвѣчать на этотъ вопросъ положительно.

Владѣніе землею и воздѣлываніе оной находится теперь у насъ въ рукахъ помѣщиковъ, крестьянъ, духовенства, купечества и мѣщанства — слѣдовательно всѣ сословія болѣе или менѣе принимаютъ въ немъ участіе. Не есть ли это положеніе крайне выгодное и которое, какъ таковое, должно быть удержано. Что же нужно? Узаконить то, что̀ обычаемъ уже утверждено, освѣтить лучами разума и справедливости тѣ закоулки, гдѣ личный интересъ и насилье произвели захваты, и исполнить все это путемъ добровольнаго соглашенія, вознаграждая однихъ и помогая другимъ.

---

(1) «Земля наша, а мы ваши» вотъ обычная рѣчь крестьянъ. Въ ней заключается глубокій смыслъ нашего земледѣльческаго устройства. Правда, это изрѣченіе приводится иными въ доказательство удобства и необходимости сохраненія нынѣшняго порядка вещей во *всѣхъ* его частяхъ, но чего во зло не употребляютъ люди?

Много земель (думаю, болѣе трети всѣхъ Великорусскихъ дачь [1]), находится у насъ въ личномъ владѣніи; при томъ, разумѣется, должны онѣ и оставаться. На этихъ поляхъ разовьются собственно владѣльческія и фермерскія хозяйства со всѣми возможными усовершенствованіями. Здѣсь преимущественно будутъ производиться опыты и предприниматься даже рискованныя улучшенія; здѣсь значительные капиталы найдутъ себѣ вѣрное и выгодное помѣщеніе; здѣсь особенно разовьются силы сословія, долженствующаго и имѣющаго средства превосходить прочія просвѣщеніемъ, а слѣдовательно и стремленіемъ ко всякимъ усовершенствованіямъ. Много земель (полагаю, столько же или даже болѣе, чѣмъ лично-владѣльческихъ) находится въ мірскомъ пользованіи; въ немъ принимаютъ участіе не менѣе двухъ третей всего нашего народонаселенія, преимущественно занимающихся земледѣліемъ, извлекающихъ изъ него какъ насущный свой хлѣбъ, такъ и главныя свои добывки, и сроднившихся съ своею землею привычками, обычаями и нравами. Слѣдуетъ, кажется, это пользованіе, или, вѣрнѣе сказать, обычаемъ освященное владѣніе утвердить закономъ. Такъ должно бы быть по требованіямъ простаго, здраваго смысла; но къ несчастью, не всѣ того мнѣнія. Политико-экономы, ученые и неученые, вытвердившіе Адама Смита, Сея, Бастія и проч. и люди, едва объ нихъ слышавшіе или знающіе ихъ только по имени, требуютъ, во имя *прогресса*, отмѣны общиннаго владѣнія землею, какъ остатка варварства, какъ обычая, удерживающаго успѣхи хлѣбопашества, умаляющаго производительность земли, препятствующаго развитію личной дѣятельности и увѣковѣчивающаго у насъ трехпольное хозяйство со всѣми его принадлежностями.

Зная мірское владѣніе на дѣлѣ, изучивши оное въ многоразличныхъ его проявленіяхъ, не находя въ немъ ничего вреднаго, а напротивъ того, убѣдившись въ его пользѣ и необходимости, я давно собирался написать статью въ защиту сего туземнаго нашего учрежденія; но я затруднялся въ составленіи противъ него обвинительнаго акта. Я прочелъ все, что можно было прочесть объ этомъ предметѣ, но находилъ лишь фразы, возгласы, нѣкоторыя невѣрныя свѣдѣнія о нашемъ сельскомъ бытѣ и выписки изъ западныхъ писателей, не

(1) Кому не нравятся мои неопредѣленныя количества, того я покорнѣйше прошу сообщить мнѣ положительныя цифры. Считаю свои разсчеты приблизительно вѣрными и долженъ ими довольствоваться, не имѣя средствъ добыть болѣе опредѣлительныя данныя.

имѣвшихъ случая изучить на дѣлѣ этотъ способъ владѣнія. Правда, одинъ иностранецъ (Баронъ Гакстгаузенъ) обратилъ на него преимущественное вниманіе, изучилъ и описалъ его, но въ его сочиненіи я нашелъ болѣе доводовъ въ пользу общиннаго владѣнія землею, чѣмъ возраженій, не говорю противъ самаго начала, но даже противъ нѣкоторыхъ приложеній онаго. Съ истинною радостью прочелъ я въ «Современникѣ» обращенный къ «Экономическому Указателю» вызовъ или изложить всѣ доводы, заставляющіе экономистовъ отвергать общинное владѣніе землею, или болѣе не осуждать оное безъ доказательствъ и съ помощію однихъ возгласовъ и аксіомъ, далеко не безусловно вѣрныхъ. Еще болѣе обрадовался я, когда узналъ изъ № 22 «Экономическаго Указателя», что издатель онаго, г-нъ Вернадскій, бывшій профессоръ Политической Экономіи, человѣкъ извѣстный своими сочиненіями по государственно-хозяйственнымъ предметамъ, принялъ вызовъ и уже началъ изложеніе своихъ возраженій. Признаться, слѣдующіе номера «Указателя» заставили меня опасаться, что желаніе мое останется опять не удовлетвореннымъ,—что я не получу полнаго свода всѣхъ возраженій противъ общиннаго владѣнія землею. Что̀ нашелъ я въ трехъ упомянутыхъ номерахъ? Свысока, во имя *науки* (1) провозглашенныя аксіомы, добытыя западными

---

(1) Охъ эта непогрѣшительная и всевѣдущая *наука!* хоть бы кто нибудь изъ ея жрецовъ изложилъ ея символъ вѣры, и хоть бы на самое короткое время какой нибудь соборъ ученыхъ утвердилъ его каноничность! Кромѣ математики, науки чисто формальной, мы еще не знаемъ ни одной науки, которой положенія были бы въ какое либо время единогласно приняты ея дѣятелями; а между тѣмъ безпрестанно то тотъ, то другой говорятъ во имя ея. Представляются новыя данныя, и наука, какъ анализъ дотолѣ добытыхъ фактовъ, подвергается новому пересмотру. Являются новые дѣятели, и наука, какъ синтезисъ дотолѣ сдѣланныхъ выводовъ, должна вновь перевѣрить свои приговоры. Неужель гдѣ и когда либо былъ, есть или быть можетъ, умъ, безусловно и вполнѣ постигающій какой либо предметъ? Человѣчество состоитъ изъ разныхъ народовъ и людей: какъ никто не одаренъ безусловнымъ умомъ, то всякій смотритъ на природу (въ обширномъ значеніи сего слова) съ своей стороны и по своему, влагаетъ свою лепту въ общую сокровищницу человѣчества и общее знаніе: общая наука растетъ и множится. Кто же можетъ говорить во имя науки, даже науки современной? Вѣдь каждый мигъ измѣняетъ ея сущность, предѣлы и приговоры.—Это, кажется, просто и ясно, а указаніе на элементъ народности въ наукѣ возбудило и еще возбуждаетъ возгласы, насмѣшки и т. п.!—Обращаемся собственно къ наукѣ государственнаго хозяйства и спрашиваемъ: было ли мірское владѣніе землею въ томъ видѣ, въ какомъ оно у насъ существуетъ; разсмотрѣно западными экономи-

экономистами, не изучавшими общиннаго владѣнія землею на дѣлѣ и не имѣвшими случая оное изучать,—собственныхъ г. Вернадскаго наблюденій и свѣдѣній ровно никакихъ—примѣры фантастическіе и притомъ весьма не удачно составленные и — болѣе ничего (¹).

стами? Кто нибудь изъ нашихъ дѣятелей политической экономіи, осуждающихъ этотъ способъ владѣнія, изучилъ ли его на дѣлѣ добросовѣстно и въ подробности?

(1) Пожалуй, упрекнутъ меня въ голословности обвиненій; покорно прошу дочитать мою статью, и въ ней, надѣюсь, будетъ достаточно доказательствъ въ подкрѣпленіе вышесказаннаго. Здѣсь считаю нужнымъ доказать только одно—что примѣры, приведенные г. Вернадскимъ, не удачны. Въ самой статьѣ я не касаюсь примѣровъ, ибо иначе пришлось бы останавливаться на каждомъ шагу и показывать, что ученый профессоръ не изучилъ предмета, о которомъ онъ говоритъ. Г. Вернадскій, въ уясненіе неудобствъ общиннаго владѣнія, приводитъ (Экон. Указ. № 25, стр. 584—585) слѣдующіе примѣры:

«Положимъ, одинъ изъ земледѣльцевъ, владѣющихъ участкомъ на общинномъ правѣ, убѣдился бы, что изъ этого участка гораздо болѣе можно извлечь пользы, обращая глину его въ кирпичь или горшки, нежели заставляя ее питать растенія; положимъ притомъ, что онъ имѣетъ для этого и достаточныя познанія и достаточный денежный капиталъ. Можетъ ли онъ это сдѣлать при передѣлѣ участковъ и общинномъ владѣніи?»

Рѣдко, крайне рѣдко, и въ Россіи и за границею бываютъ, кирпичные сараи и горшечныя производства—въ поляхъ; мнѣ даже никогда не случалось это видѣть. Обыкновенно они устроиваются около овраговъ, на выгонахъ и другихъ тому подобныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, если бъ кому нибудь пришла мысль такой заводъ устроить въ полѣ, то конечно общинное владѣніе тому бы не воспрепятствовало. Устроиваются у насъ на поляхъ пчельники, вѣтряки и проч., и никакая община при передѣлахъ земли не заставляетъ владѣльцевъ сносить ихъ. Напротивъ того, всякою постройкою, даже недавнимъ унавоживаніемъ, крестьянинъ упрочиваетъ за собою свой участокъ. При передѣлахъ земли крестьяне причитаютъ участокъ, на которомъ что либо выстроено, или который недавно удобренъ, глядя по достоинству почвы, къ жеребьямъ 1 или 2 или 3 шапки, и отдаютъ всегда прежнему владѣльцу на любкахъ такую полосу. Это не предположеніе, а ежедневно повторяющійся фактъ, что подтвердятъ, конечно, опытные хозяева. Вѣдь наша община есть дѣло живое, и въ своихъ распорядкахъ она руководствуется не мертвою буквою строго формулированнаго закона, а совѣстью, здравымъ смысломъ и знаніемъ дѣла, *изученнаго на дѣлѣ*.

Второй примѣръ: «Сосѣдъ его, (т. е. предъидущаго кирпичника или горшечника) хорошій пахарь, созналъ потерю времени и силъ въ путешествіи отъ одного отдаленнаго клочка земли къ другому и невозможность правильнаго надзора надъ ними; онъ имѣетъ довольно капитала, чтобъ соединить ихъ, или скупить между-лежащіе участки, при чемъ хозяйство его пошло бы и ровнѣе и спорѣе. Можетъ ли онъ сдѣлать это въ общинѣ?»

А развѣ при частномъ владѣніи подобные случаи не бываютъ? Сплошь и рядомъ: сосѣду хочется купить близь него лежащій участокъ, да онъ не продается. Ужь лучше такихъ примѣровъ и не приводить!

Думалъ я, что опять придется мнѣ кое-какъ, по колоску, собирать разбросанныя тамъ и сямъ возраженія противъ общиннаго владѣнія землею, но № 29 «Экономическаго Указателя» вполнѣ меня утѣшилъ. Тамъ нашелъ я полный, изъ 16-ти пунктовъ состоящій актъ обвиненія противъ предмета, коего я желалъ быть посильнымъ защитникомъ. Перепечатываю эти 16-ть пунктовъ съ предисловіемъ и послѣсловіемъ автора *цѣликомъ*, опасаясь, чтобы читатели Бесѣды не подумали, что возраженія г. Вернадскаго съ намѣреніемъ мною смягчены, умалены или вовсе опущены. Хотѣлъ было употребить курсивъ для самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ сей филиппики; но отдумалъ, ибо какъ началъ подчеркивать, то почти ничего не приходилось печатать обыкновеннымъ шрифтомъ. Позволяю себѣ только краткія подстрочныя замѣчанія, а самое дѣло, т. е. существенныя возраженія, разсмотрю послѣ. Вотъ буквальная выписка изъ «Экономическаго Указателя» (стр. 682—685).

«Принципъ общиннаго пользованія землею заключаетъ въ себѣ много сторонъ, практически признанныхъ (1) неудобными и непроизводительными. Мы ограничимся указаніемъ на главнѣйшія, предостав-

---

«Третій убѣдился опытомъ, что постройки хозяйственныя у самаго мѣста производства, овинъ или рига у поля, хлѣбъ (вѣроятно: хлѣвъ) у водопоя и т. п., очень были бы удобны; онъ имѣетъ даже средства ихъ построить и тѣмъ улучшить свое хозяйство. Можетъ ли это сдѣлать при общинномъ владѣніи?»

Куда это мы зашли? Крестьянинъ (или даже *мѣлкій* личный землевладѣлецъ) находитъ удобнымъ построить *далеко отъ своего дома* ригу или овинъ, или хлѣвъ! Нѣтъ! подобной небылицы вѣрно г. Вернадскій еще не встрѣчалъ ни на Руси, ни за границею! Крупные и средственные владѣльцы часто это дѣлаютъ, но кто же думаетъ ихъ включать въ общинное владѣніе?

Но довольно; почти всѣ примѣры г. Вернадскаго въ этомъ родѣ. Нѣтъ! видно не достаточно знать политическую экономію по иностраннымъ сочиненіямъ, чтобы судить о Русскомъ сельско-хозяйственномъ (а быть можетъ и о Русскомъ государственно-хозяйственномъ) вопросѣ.

(1) Позвольте спросить: Иностранными или Русскими политико-экономами? иностранными или Русскими сельскими хозяевами? Мы знаемъ, что писали объ этомъ предметѣ Гакстгаузенъ и Тенгоборскій; первый изъ нихъ изучалъ предметъ, а второй болѣе основывался на свѣдѣніяхъ и выводахъ Прусскаго путешественника; но оба, кажется, не осудили такъ строго общиннаго владѣнія землею. Наши сельско-хозяйственные писатели, за исключеніемъ кабинетныхъ агрономовъ, также, не побивали каменьями сего повсемѣстнаго, вѣками воспитаннаго, и съ нашею народною жизнью сросшагося учрежденія. Можно ли такъ гордо, съ полною самонадѣянностью и безъ указанія авторитетовъ произносить безусловно-осудительныя слова?

ляя читателямъ развить послѣдствія въ разныхъ частныхъ случаяхъ и примѣненіяхъ. При этомъ изложеніи мы оставимъ въ сторонѣ способъ ежегоднаго передѣла земли, признаваемый неудобнымъ самимъ «Современникомъ». Постараемся смотрѣть на принципъ общинный въ отношеніи къ поземельному владѣнію въ его чистотѣ (2), потому что тогда только наши заключенія будутъ имѣть обязательную силу для всѣхъ формъ подобнаго рода владѣнія».

«Во 1-хъ, общинный принципъ пользованія землею отнимаетъ (?) право хозяйственной инціативы отъ частнаго лица и передаетъ (?) его общинѣ (3). Главнымъ распорядителемъ (?) работъ дѣлается не тотъ, кто наиболѣе къ этому способенъ или наиболѣе заинтересованъ въ дѣлѣ спеціальнаго производства, а—міръ, община, сходка, рѣдко обладающая необходимыми для каждаго дѣла спеціальными познаніями (4) и широкимъ взглядомъ. Перемѣнъ по этому въ системѣ хозяйства при такомъ порядкѣ вещей можно ожидать только тогда, когда въ большинствѣ, слѣдовательно—у очень многихъ, разовьются правильныя и раціональныя понятія о хозяйствѣ,—что можетъ совершиться развѣ вѣками. Много нужно времени, чтобы поселяне цѣлой округи или деревни пришли къ сознанію необходимости улучшить скотъ (5) или ввести плодоперемѣнную систему, когда ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ на дѣлѣ плодовъ того и другаго (6). Они до скончанія вѣка

---

(2) Что такое: *Смотрѣть на принципъ общинный въ отношеніи къ поземельному владѣнію въ его чистотѣ?* Вѣдь общинное владѣніе землею всегда является гдѣ нибудь, когда нибудь и при такомъ или другомъ условіи. Мы увидимъ далѣе, какова эта обѣщанная чистота, и къ какимъ заключеніямъ она доводитъ автора.

(3) Общинное владѣніе землею отнимаетъ у членовъ общины право распоряжаться своимъ хозяйствомъ и передаетъ ей это право! Община дѣлается распорядителемъ работъ!—Желательно было бы знать, какую общину г. Вернадскій имѣетъ въ виду? Конечно, не Русскую, ибо наши общины вовсе не распоряжаются работами и отнюдь не лишаютъ своихъ членовъ той *инціативы*, о которой говорится въ семъ пунктѣ. По терпѣніе: мы еще не то услышимъ.

(4) Сельская т. е. *земледѣльческая* община, рѣдко обладаетъ свѣдѣніями по части земледѣлія!

(5) Смѣю увѣрить г. политико-эконома, что крестьяне весьма сознаютъ уже теперь эту потребность и очень охотно приводятъ своихъ лошадей и коровъ къ жеребцамъ и быкамъ улучшенныхъ породъ.

(6) Кого же тутъ винить? Развѣ у насъ только и есть мірское владѣніе? Почему личная собственность не подаетъ добраго примѣра? Вѣдь это ея преимущественное назначеніе, а мірское владѣніе удовлетворяетъ другимъ потребностямъ общества.

будутъ держаться привычной системы трехпольнаго хозяйства (7). Отдѣльныя попытки иного никогда не увѣнчаются успѣхомъ потому, что или лицо совсѣмъ не имѣетъ отдѣльнаго клочка земли для опытовъ, повѣрокъ и т. п., или имѣетъ его на время и, при томъ, на условіяхъ, какія налагаетъ ему община, не имѣющая понятія (8) о требованіяхъ иной системы, кромѣ общеупотребительной».

«Распространиться измѣненія даже полезныя не могутъ легко, 2-е, за недостаткомъ образцовъ (9), которые не могутъ образоваться по самой простой причинѣ — возможнаго уравненія членовъ общины въ ихъ пользованіи землею, имъ не принадлежащею. Счастіе еще такой общины, если возлѣ нея находится частная земельная собственность; но это бываетъ не вездѣ, и не доказываетъ превосходства общиннаго владѣнія (10). Всѣ хозяйственныя улучшенія начинались въ частномъ владѣніи (вѣроятно, такъ и у менонистовъ), и это совершенно естественно потому, что 3) община умаляетъ интересъ къ своимъ дѣламъ и начинаніямъ въ своихъ членахъ (11). Только тамъ можетъ предпріятіе быть ведено съ достаточной энергіей и успѣхомъ, когда лицо дѣйствуетъ на свой рискъ и въ свою пользу: первый — заставляетъ его возможно остерегаться убытковъ и издержекъ; вторая побуждаетъ его къ извлеченію возможно-большаго дохода. Обоихъ этихъ побужденій въ общинѣ существовать не можетъ, и этимъ объясняется, почему община убиваетъ энергію въ человѣкѣ (12). Въ хозяйственномъ отношеніи это — истина, которой не опроверг-

---

(7) Вѣроятно до того времени, пока трехпольное хозяйство будетъ самою выгодною системою землевоздѣлыванія.

(8) Если она не имѣетъ понятія, то кто же виноватъ? Не личные ли владѣльцы? Не тѣ ли, кто долженъ распространять свѣдѣнія въ народѣ?

(9) Опять: развѣ у насъ одни общинные собственники? смотри примѣчаніе 6-е.

(10) Жаль дѣйствительно, что общинное владѣніе землею не удовлетворяетъ *всѣмъ возможнымъ требованіямъ*—даже и тѣмъ, которыя разумно къ нему обращены быть не могутъ!

(11) Мы хотѣли и начали было говорить объ общинномъ владѣніи землею, а съѣхали на общину вообще и на общинный трудъ въ особенности! Какая же община умаляетъ интересъ членовъ къ своимъ дѣламъ? Вѣроятно та, которая дѣлитъ всѣ заработки между участниками поровну. Но развѣ наша сельская община такъ поступаетъ? Ни мало. Все равно: вѣдь Мишель Шевалье такъ возражалъ Луи Блану. Откуда же намъ взять собственныя возраженія?

(12) Смотри предъидущее замѣчаніе.

нутъ никакія отрицанія (13). Любознательность или сознаніе долга и чести можетъ руководить только немногими въ трудномъ и незамѣтномъ дѣлѣ хозяйственныхъ опытовъ и улучшеній; масса, по крайней мѣрѣ въ настоящее время (при ея теперешнемъ развитіи), недоступна для такихъ побужденій, какъ это намъ доказываетъ ежедневный опытъ».

«4) Общинное распоряженіе (14) обыкновенно стѣснено различными и часто противоположными взглядами членовъ общины, и необходимо требуетъ предварительныхъ переговоровъ, собраній и т. п., что часто бываетъ невозможно въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, требующемъ быстроты въ рѣшеніи, чтобы воспользоваться перепавшимъ дождемъ, измѣнившимся запросомъ, и т. п. Притомъ отсутствіе личной отвѣтственности можетъ легко увлечь ко многимъ вреднымъ для хозяйства поступкамъ: небрежность составляетъ первое слѣдствіе безотвѣтственнаго личными выгодами (карманомъ и т. п.) положенія; но, кромѣ того, здѣсь наилегче могутъ явиться злоупотребленія, пристрастіе въ распредѣленіи работъ, и «пушокъ на рыльцѣ», — этотъ родной братъ общинному устройству хозяйства. А лѣность — это любимое дитя такого устройства, какъ много она вредитъ успѣху распоряженій!»

«5) Пользованіе общинною землею, соединяя лица, но—не силы рабочихъ, дѣлаетъ невозможнымъ правильное раздѣленіе занятій и труда, связывая дѣятельность всѣхъ однимъ только родомъ занятій; каждый общинникъ долженъ обработывать землю, хотя, принимая возможную выручку его въ другомъ промыслѣ, — это для него составляетъ прямую и часто невознаградимую потерю (15)».

---

(13) Это—истина и въ хозяйственномъ и въ другихъ отношеніяхъ, но жаль только, что она вовсе не относится къ общинному владѣнію землею; ибо извѣстно всѣмъ (кромѣ хулителей общины во что бы то ни стало), что наша сельская община не вмѣшивается въ частныя предпріятія своихъ членовъ.

(14) Смотри примѣчаніе 11-е. Ну какъ можно заговорить объ одномъ и сойти совершенно на другое!—Выпадетъ дождь, и община должна собираться, чтобъ толковать о томъ: пахать или не пахать? Видно, г. Вернадскій никогда и не видалъ нашей общины, иначе нашелъ бы сказать что нибудь подѣльнѣе.

(15) Видите: еще новому требованію не удовлетворяетъ общинное владѣніе землею! Мы думали, что изъ сельской общины, какъ изъ всякой, можно выдти, исполнивши положенныя на то условія, но г. Вернадскій увѣряетъ, что общинное владѣніе представляетъ къ тому непобѣдимое препятствіе. По его словамъ, крестьянинъ долженъ землю пахать, хотя бы иначе онъ

«6) Общинное пользованіе землею препятствуетъ накопленію капиталовъ, насильно перенося ихъ въ видѣ орудій, скота и т. п. съ мѣста на мѣсто, съ участка на участокъ, и подвергая ихъ чрезъ то урону и убыткамъ: плугъ, годный для одной земли, можетъ быть не пригоденъ для другой, — насосъ, нужный на прежнемъ участкѣ, излишенъ на новомъ и т. п. Удобреніе, а слѣдовательно и скотъ, можетъ быть нуженъ совершенно иной (16). И все это — обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ этихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, остается въ попеченіи, подъ контролемъ и направленіемъ общинной власти, обыкновенно мало смыслящей въ дѣлахъ подобнаго рода, какъ чисто-спеціальныхъ (17). Притомъ капиталъ въ этомъ порядкѣ вещей не можетъ и возрасти значительно, уже потому, что при общинномъ устройствѣ цѣлый родъ сдѣлокъ, его увеличивающій, именно—отдѣлъ спекуляціи на земли, иногда благодѣтельный, отпадаетъ самъ собою.

«7) Община ослабляетъ трудъ, давая одинакое вознагражденіе за неравномѣрныя услуги (18), и имѣя въ виду не мѣру напряженія и

могъ вдвое заработать. Не худо бы это объявить казеннымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ, которые, не зная этого правила, безпрестанно его нарушаютъ. Нѣтъ, ужь коли возражать, такъ надобно прежде хоть слегка дѣло узнать.

(16) Понимаете? Едва ли? Въ одной и той же дачѣ плугъ можетъ быть годенъ и не годенъ, — насосъ (вещь очень дорогая и крайне нужная въ поляхъ) пожалуй, иному и не потребуется. Скотъ вы завели рогатый, а для такой-то десятины или полудесятины нуженъ мелкій и т. д. Хитра наука! Нѣтъ! особенно хитеръ тотъ, кто говоритъ о хозяйствѣ, не имѣя самыхъ элементарныхъ объ немъ свѣдѣній.

(17) Ну какъ не согласиться, что общинное владѣніе землею есть бѣдовая вещь: община ничего не смыслитъ въ дѣлѣ хозяйства, а судитъ и рядитъ, какимъ плугомъ надобно пахать, какое удобреніе нужно класть и проч.— Любопытно было бы знать, въ какомъ царствѣ-государствѣ г. Вернадскій отыскалъ общину, обсуживающую и рѣшающую «эти сложные и запутанные вопросы.» Мы видали много общинъ, слѣдили за ихъ дѣйствіями, но ничего подобнаго никогда не открывали. Надѣемся, что г. Вернадскій укажетъ намъ эту заботливую (хотя конечно не Русскую) общину.

(18) Какое вознагражденіе даетъ община своимъ членамъ? Какія заслуги они ей оказываютъ? Что это такое? Неужели и это относится къ общинному владѣнію землею? Нѣтъ, весь этотъ параграфъ взятъ такъ—ошибкою изъ возраженій противъ Сен-Симонистовъ, Луи Блана и проч. Жаль, что г. Вернадскій не замѣтилъ, что переписчикъ или переводчикъ хватилъ изъ экономистовъ далѣе отчеркнутаго мѣста, иначе вѣрно бы онъ это возраженіе выкинулъ; ибо профессоръ Политической Экономіи не можетъ не знать, что у насъ община даетъ землю не въ видѣ вознагражденія, а потому только, что всѣ крестьяне суть содачники, что у насъ нѣтъ общиннику случая

потери силъ, а мѣру потребностей лицъ, какъ трудящихся, такъ и не могущихъ трудиться. Естественно, что каждый общинникъ по этому старается сдѣлать какъ можно менѣе, а получить возможно дѣло болѣе, и сложить трудъ на другаго. Какъ мячъ, перебрасывается отъ одного къ другому, и послѣдній, который не успѣлъ отпихнуть его, старается совершить его возможно хуже, чтобъ не поручали ему новаго дѣла. Всякій добросовѣстный мастеръ есть страдалецъ въ общинѣ, — козелъ очищенія для множества тунеядцевъ и истинныхъ трутней, пользующихся невыгодами сборной организаціи. Общинный трудъ совершается вообще слегка и какъ нибудь, и никогда не приноситъ полныхъ плодовъ. Часто губится времени болѣе, нежели пріобрѣтается какой-нибудь работой, и цѣлая дѣятельность такого общества носитъ какой-то характеръ сонливости и видъ плѣсени, неприличный ни человѣческой натурѣ, ни достоинству порядочнаго народа. И это притомъ не ограничивается однимъ матеріальнымъ производствомъ: оно проникаетъ и въ сферу умственную и нравственную».

«8) Община препятствуетъ даже развитію познаній и свѣдѣній, не нужныхъ при матеріальной обезпеченности членовъ извѣстной какой либо общины ([19])».

«Чрезъ все это, 9) производство, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, въ общинномъ хозяйствѣ уступаетъ массѣ производства въ частномъ хозяйствѣ ([20]). Но кромѣ того,

---

сдѣлать какъ можно менѣе, а получить какъ можно болѣе.—Если этотъ параграфъ вовсе къ дѣлу не йдетъ, то по крайней мѣрѣ онъ крайне изященъ: тутъ идетъ рѣчь и «о мячѣ, перебрасываемомъ отъ одного къ другому,» и «о козлѣ очищенія,» и «о трутняхъ» и «о плесни» и проч. Понимаю, что жаль было вычеркнуть такое цвѣтистое мѣсто; но все таки лучше было бы имъ людей не смѣшить.

(19) Мы думали, что община развиваетъ человѣка и приписывали тупость и малую образованность Французскихъ поселянъ недостатку общественности между ними; но г. Вернадскій увѣряетъ въ противномъ. Впрочемъ это, кажется, не относится къ Русской общинѣ, ибо она даетъ только землю, не обезпечивая матеріально членовъ раздачею постоянныхъ пособій, о чемъ рѣчь шла въ предъидущемъ пунктѣ. Правда, и Русская община помогаетъ больнымъ и неимущимъ, но какая же община въ Англіи и Франціи того не дѣлаетъ? Очевидно, что и этотъ пунктъ не относится къ поземельному общинному владѣнію.

(20) Наконецъ добрались до возраженія дѣльнаго. Мы разсмотримъ его послѣ, въ концѣ статьи.

«10) самое распредѣленіе производимаго совершается не нормальнымъ образомъ; оно не сообразуется съ трудомъ отдѣльныхъ лицъ или ихъ отдѣльной волей (21). Изъ малаго производства всѣмъ стараются обезпечить по крайней мѣрѣ minimum содержанія, а отъ этого происходитъ небрежность и беззаботность, составляющія отличительныя черты характера большинства общинниковъ».

«11) При полной увѣренности въ томъ, что не умрутъ съ голода, многіе оставляютъ всякую заботу о завтрашнемъ днѣ и не пекутся объ утрѣ (22). Чрезъ это вкореняется лѣность, которая, пріобрѣтая силу привычки, передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, и ведетъ ко многимъ порокамъ, которые особенно выражаются.

«12) въ потребленіи, всегда не удовлетворительномъ среди общиннаго устройства (23). Потребленіе это, обыкновенно обезпечиваемое въ нѣкоторой долѣ своей отъ общины, дѣлается естественно неразсчетливымъ. Привыкая жать, гдѣ не сѣялъ, и не сознавая связи общественныхъ средствъ съ частнымъ трудомъ, каждый вырабатываетъ въ себѣ убѣжденіе, что «казна богата», и не считаетъ ея собственность, собственность общую,—подлежащею храненію и сбереженію. Отъ этого происходитъ система расхищенія, столько обыкновенная въ описываемой намъ системѣ хозяйства. Кромѣ того, въ самомъ количествѣ потребляемаго и выборѣ предметовъ, общинникъ, обладая здравымъ разсудкомъ, дѣлается не разсчетливымъ. Зная, что ему всегда открытъ общественный магазинъ и карманъ его общины, и что—если не онъ, то другой воспользуется этимъ правомъ, общинникъ спѣшитъ даже съѣсть все, что у него припасено, чтобы самому выручить по крайней мѣрѣ долю своего взноса. Искусствен-

---

(21) Опять сбились мы на organisation du travail, на доктрину Сен-Симона. Развѣ Русская община постоянно что нибудь сообща производитъ? Что это за ненормальное, несообразное съ трудами лицъ распредѣленіе произведеннаго?—Сдѣлайте милость, не забывайте, что мы должны имѣть въ виду возможную—существующую—Русскую общину, и взялись говорить только объ общинномъ владѣніи землею.

(22) Крестьяне, при общинной поземельной собственности, получаютъ участокъ земли, который они должны обработывать своими руками. Какъ согласить это съ возраженіемъ г. Вернадскаго? Опять очевидно, что г. професcоръ выписываетъ цѣликомъ изъ Мишеля Шевалье и другихъ экономистовъ, опровергавшихъ Луи Блана и компанію.

(23) Опять выписка изъ Мишеля Шевалье и пр. Во всемъ этомъ длинномъ возраженіи г. Вернадскій и не вспоминаетъ о Русской общинѣ, а тѣмъ еще менѣе объ общинномъ владѣніи землею, объ чемъ однако слѣдовало говорить.

нымъ образомъ потребленіе возбуждается, тогда какъ производство ослабѣваетъ, и при томъ въ такомъ порядкѣ вещей, потребленіе это обыкновенно обращается къ предметамъ временнымъ, легко исчезающимъ, питью, платью, и т. п., потому что общее пользованіе землею не позволяетъ частному лицу воздвигнуть на землѣ что-нибудь прочное и вѣковѣчное, кромѣ — надгробнаго памятника.

«Но этого мало: 13) общинное устройство необходимо должно стѣснить свободу движенія и перехода съ мѣста на мѣсто: каждый членъ ея долженъ быть обязательнымъ земледѣльцемъ и нести повинности для своихъ сочленовъ (24)».

«14) Также точно это устройство собственности дѣлаетъ невозможною свободу перехода участковъ земли изъ рукъ въ руки, что необходимо во многихъ случаяхъ для самаго хозяйства (25). Каждое почти производство требуетъ различнаго размѣра участковъ, какъ и каждый пріемъ производства: участокъ, годный для хмѣльника или конопляника, малъ для свеклосахарной плантаціи; хозяйство машинное (пароваго плуга, молотилки) и т. п. для своей доходности требуютъ также большихъ участковъ (26); а общинная земля держится или одинаковыхъ размѣровъ участковъ, или постоянно ихъ уменьшаетъ, въ слѣдствіе увеличенія населенія; но одинаковые участки, бывшіе нормальными въ давнее время, представляются совершенно нелѣпыми во время позднѣйшее, а умаляющіеся участки — не ве-

(24) Это возраженіе почти тождественно съ возраженіемъ подъ № 8-мъ, и наше замѣчаніе подъ № 15-мъ прямо сюда относится. Какова Русская община? Чистая каторга, а безсмысленные крестьяне ее еще любятъ! странный вкусъ!

(25) Англійскіе агрономы считаютъ одною изъ главныхъ причинъ преуспѣванія своего хлѣбопашества то, что поземельная собственность остается у нихъ почти постоянно въ однѣхъ рукахъ. Мы, Русскіе хозяева, сравниваемъ съ пожаромъ два, три перехода имѣнія отъ одного владѣльца къ другому; г. Вернадскій совершенно противнаго мнѣнія. Такъ ли? Не ошибся ли онъ? Не объ монетѣ ли онъ думалъ, когда писалъ начало этого возраженія? Вѣдь монета чѣмъ болѣе обращается, тѣмъ болѣе приноситъ пользы государству; а земля при перепродажахъ даетъ результаты совершенно противоположные.

(26) Какъ не подивиться агрономической учености г. Вернадскаго! Жаль только, что и она не въ попадъ: свеклосахарная плантація—извините, свеклу обыкновенно сѣютъ, а не сажаютъ; паровый плугъ—его испытываютъ и въ газетахъ объ немъ пишутъ, а въ хозяйствѣ же онъ еще нигдѣ не употребляется, и въ нынѣшнемъ году я видѣлъ Англійскихъ и Бельгійскихъ хозяевъ, которые подтвердили мнѣ этотъ фактъ.

дутъ ли къ пауперизму, какъ и малая собственность ([27])! Притомъ, подчинять всѣ достатки одинакому дѣлежу, не значитъ ли не соразмѣрять тяжести съ силою? Мы не говоримъ здѣсь о средствахъ, придуманныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на практикѣ, чтобъ избѣгнуть такой несоразмѣрности: средства эти взяты не изъ общиннаго начала, а изъ сферы частныхъ хозяйственныхъ расчетовъ, и поэтому не входятъ въ наше обозрѣніе».

«Разумѣется, чрезъ это 15) уменьшается и стѣсняется сбытъ произведеній ([28]). Какъ только общинникъ долженъ получать иногда пропитаніе отъ общины, то община необходимо должна дорожить своими запасами, и въ голодное время не можетъ помочь своей сосѣдкѣ ([29]). Притомъ, только при частной собственности и при личной отвѣтственности передъ однимъ собою можно рѣшиться на высокую цѣну при покупкѣ, или сбыть весь свой хлѣбъ, не оставляя запасовъ и т. п. Община этого и не должна и не можетъ дѣлать, и торговля, а съ нею и всѣ ея благія слѣдствія, должна быть убита ([30]), если бы только это начало привелось въ исполненіе вездѣ. Сбытъ каждой общины или будетъ равенъ полю, или приметъ не-

---

(27) Вотъ это наконецъ относится къ дѣлу, т. е. къ общинному владѣнію землею. Если бъ закономъ было постановлено, что число участковъ должно оставаться неизмѣннымъ, или—что земля должна дѣлиться до безконечности, по мѣрѣ прибыванія душъ или тяглецовъ, то возраженіе г. Вернадскаго было бы сильно. Къ счастью въ Русской общинѣ ни того, ни другаго неудобства встрѣтиться не можетъ: она не связана никакимъ формальнымъ постановленіемъ: если выгодно прибавлять число участковъ, то она ихъ прибавляетъ; если не выгодно, или не удобно ихъ умалять, то она сохраняетъ постоянно одно и то же количество, а лишніе люди идутъ на заработки или переходятъ въ другія общины (разумѣется, если государственные законы тому не препятствуютъ).

(28) Не понимаемъ: какъ общинное владѣніе (ибо это есть одно изъ возраженій противъ него) стѣсняетъ сбытъ произведеній?

(29) Еще менѣе понимаемъ смыслъ этой части возраженія.

(30) Ну теперь начинаемъ угадывать мысль г. Вернадскаго: онъ воображаетъ, что община вмѣшивается во всѣ частныя дѣла своихъ членовъ, что никто изъ нихъ не можетъ ничего продать безъ ея позволенія, и что она то разрѣшаетъ продажи, то ихъ запрещаетъ. Но откуда почерпнули вы это свѣдѣніе? Ни въ казенныхъ, ни въ владѣльческихъ общинахъ подобнаго порядка никогда не бывало. Случается, что Окружный или *попечительный* помѣщикъ, для взысканія недоимокъ, распоряжается согласно вашему предположенію; но община въ такихъ дѣйствіяхъ не принимаетъ никакого участія. Къ чему въ томъ винить ее или даже общинное владѣніе землею? Вѣдь подобное распоряженіе могла бы сдѣлать и городская община.

нормальное направленіе. Первое должно быть тогда, когда община отниметъ право продажи у своихъ членовъ: она должна будетъ беречь все для себя, на черный день; второе: если останется это право за частными лицами, — за чѣмъ Ивану беречь свой хлѣбъ, когда онъ за него можетъ выручить косушку? вѣдь міръ долженъ же прокормить его (31), и онъ съ голоду не умретъ. И вотъ быстро накопляются послѣ жатвы хлѣбные базары, цѣны падаютъ, но за тѣмъ не рѣдко настаетъ недостатокъ и голодъ, и страна мечется — въ вѣчномъ кризисѣ».

«Но, кромѣ того есть еще слѣдствія общинной системы, которыя не могутъ быть признаны сообразными съ благосостояніемъ массы населенія: 16) при вѣроятномъ обезпеченіи содержанія для каждаго члена общины, членъ этотъ не считаетъ своею обязанностію соразмѣрять размѣры своей семьи со средствами пропитанія (32). Прибавка въ видѣ пайка (какъ на примѣръ на нѣкоторыхъ нашихъ горныхъ заводахъ) даже побуждаетъ ихъ къ тому, чтобы поскорѣе жениться и обзавестись дѣтьми; а между тѣмъ средства общины остаются постоянно одинаковы, если отдѣльныя лица не прибѣгнутъ къ иному занятію внѣ земледѣлія. Такимъ образомъ, — съ одной стороны, стаціонарное состояніе производства средствъ пропитанія, съ другой — искусственное поощреніе къ увеличенію населенія, не возможному при прежней массѣ средствъ пропитанія, производитъ огромную смерт-

---

(31) Гдѣ это сказано? Откуда взято такое предположеніе? — Въ казенныхъ селеніяхъ, въ случаѣ неурожая или инаго бѣдствія, помогаетъ правительство; въ помѣщичьихъ должны помогать помѣщики изъ запаснаго или изъ своего магазина; община также помогаетъ своимъ членамъ, но *по своему непринужденному усмотрѣнію*; слѣдовательно, на общинную помощь никто не можетъ разсчитывать; если многоокая община видитъ, что человѣкъ дѣйствительно въ бѣдѣ, что онъ въ нее впалъ не по собственной волѣ, не изъ лѣни, не отъ пьянства, то она конечно не прочь отъ оказанія помощи; въ противномъ же случаѣ общинникъ не посмѣлъ бы не то, что требовать, но и слово вымолвить на сходкѣ.

(32) Въ иныхъ словахъ, опять тоже возраженіе, на которое мы отвѣчали въ предъидущемъ замѣчаніи. Здѣсь вклеено одно фактическое свѣдѣніе: на нѣкоторыхъ горныхъ заводахъ при приращеніи семейства увеличивается паекъ. Ну общинѣ — Русской общинѣ — общинному владѣнію землею какое дѣло до этого распоряженія горнаго вѣдомства? Разумѣется, никакого, да видите, оно все таки лучше: опроверженіе взято цѣликомъ изъ западныхъ экономистовъ, опровергавшихъ Луи Блана и прочихъ; съ прибавкою этого Русскаго свѣдѣнія, возраженіе становится какъ бы своимъ собственнымъ, Русскимъ, и сверхъ того основаннымъ на фактѣ.

ность, преимущественно въ дѣтскомъ возрастѣ, и налагаетъ иногда на людей обязанности, которыхъ они, можетъ быть, не желали бы нести (53)».

«Всѣ эти неудобства (а ихъ очень много, кромѣ того) (3) происходятъ, разумѣется, не отъ одного ежегоднаго передѣла земель, а вытекаютъ (34) изъ самаго принципа общиннаго хозяйства, или общиннаго пользованія землею. Устранить ихъ можно не иначе, какъ устранивъ самый принципъ, на сколько это возможно, въ данномъ обществѣ; потому что нѣкоторая доля его, въ видѣ семейнаго или фамильнаго пользованія, въ видѣ общественныхъ выгоновъ, общественныхъ садовъ, парковъ, лѣсовъ и т. п., должна оставаться въ благоустроенномъ обществѣ. Дѣйствіе общественнаго хозяйства въ немъ необходимо, какъ естественная полярная противоположность, какъ органическое дополненіе частной собственности. Но, по нашему мнѣнію, поземельное общественное владѣніе или пользованіе полями, наименѣе раціонально изъ всѣхъ видовъ общественнаго пользованія, что доказывается уже тѣмъ, что оно вездѣ изчезло съ развитіемъ потребностей и образованія. Какъ орудіе производства, — мы высказали это выше,—земля менѣе доступна пользованію сообща, нежели какой либо элементъ экономическій. Гораздо удобнѣе можно работать сообща, вести съ обща торговыя или промышленныя дѣла, нежели сообща владѣть землею».

Вотъ обвинительный актъ, направленный г. Вернадскимъ противъ общиннаго владѣнія землею! Не были ли вы, читатель, поражены, от-

---

(33) И во всемъ этомъ виновато общинное владѣніе землею!

(34) Чисто риторическая фигура! Г. Вернадскій навалилъ на общинное владѣніе все, что только могъ: мы видѣли, что болѣе половины его возраженій не относятся къ общинному владѣнію, а тутъ еще говоритъ, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ проходитъ молчаніемъ. Нѣтъ! лучше бы высказать, хоть по видимому, дѣльныя возраженія, чѣмъ угощать тѣмъ, что къ дѣлу вовсе не йдетъ.

(35) Мы видѣли, какъ они вытекали: въ десяти (№ № 3, 4, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 15 и 16) возраженіяхъ не было помину объ общинномъ владѣніи; въ трехъ (№ 5, 6 и 14) приписывалось ему то, въ чемъ оно вовсе не виновато; и только три возраженія дѣйствительно заслуживаютъ разсмотрѣнія и обсужденія. Просимъ читателя обратить вниманіе на значительныя слова, коими заключается филиппика и которыя, вѣроятно, невзначай сорвались съ пера нашего Политико-Эконома: «Дѣйствіе общественнаго хозяйства въ благоустроенномъ обществѣ необходимо какъ естественная полярная противоположность, какъ органическое дополненіе частной собственности.» Съ этимъ мы вполнѣ согласны.

части даже изумлены, простотою, ясностью и удобопонятностью *научнаго* слога г. Политико-Эконома, точностью и опредѣленностью его *научныхъ* выраженій, строгою послѣдовательностью его выводовъ и въ особенности вѣрнымъ соблюденіемъ правила, въ началѣ имъ положеннаго: «смотрѣть на принципъ общины въ отношеніи къ поземельному владѣнію въ его чистотѣ»? Но не родились ли вмѣстѣ съ тѣмъ въ умѣ вашемъ нѣкоторыя сомнѣнія? Дѣйствительно ли таковъ сводъ обвиненій, вышедшій изъ-подъ пера нашего ученаго Политико-Эконома? Не прибавилъ ли критикъ чего-нибудь отъ себя, не выставилъ ли онъ нѣкоторыя мѣста ярче, другія блѣднѣе, чтобы облегчить себѣ трудъ опроверженія? Неужели дѣйствительно такъ слабы доводы противъ общиннаго владѣнія землею? Всѣ эти сомнѣнія легко устраняются справкою съ № 29 «Экономическаго Указателя». И невѣроятное иногда вѣрно: такъ и въ настоящемъ случаѣ.

Нѣтъ возможности опровергать всѣ доводы г. Вернадскаго, ибо большая часть изъ нихъ, какъ мы видѣли, не относится къ предмету, который подлежитъ нашему обсужденію; изъ остальныхъ иные суть повторенія сказаннаго въ предъидущихъ пунктахъ; другіе до того натянуты, что, послѣ нашихъ краткихъ къ нимъ примѣчаній, уже ничего въ нихъ не осталось. По разсмотрѣніи всѣхъ 16-ти пунктовъ обвиненія, легко убѣдиться, что существенныхъ возраженій противъ общиннаго владѣнія землею остается только три:

1-е) Общинное владѣніе землею препятствуетъ введенію улучшеній по сельскому хозяйству, а равно и производству опытовъ, имѣющихъ цѣлію усовершенствованіе онаго.

2-е) Оно имѣетъ вредное дѣйствіе на производительность земли, какъ отъ невведенія въ хозяйства нужныхъ улучшеній, такъ и отъ того, что, въ малыхъ размѣрахъ, не льзя выгодно обработывать землю, и наконецъ

3-е) оно приковываетъ людей къ мѣсту владѣнія, и препятствуетъ имъ обращаться на заработки туда, гдѣ бы они могли добыть болѣе денегъ.

Разсмотримъ эти возраженія по порядку.

Не льзя не сознаться, что личное владѣніе землею благопріятнѣе какъ для введенія разныхъ улучшеній по сельскому хозяйству, такъ и для произведенія опытовъ. Единственный владѣлецъ, имѣющій часто довольно пространныя поля и располагающій свободно всякаго рода капиталами, вводитъ иногда у себя улучшенія, еще опытомъ не

вполнѣ утвержденныя; но это отъ чего? Не столько отъ того, что онъ личный владѣлецъ, сколько потому, что онъ болѣе другихъ достаточенъ и имѣлъ досугъ и случай просвѣтиться изъ книгъ, бесѣдъ, путешествій и проч.; мелкіе же личные владѣльцы въ этомъ отношеніи ни чѣмъ не превосходятъ общинниковъ. Если бъ мы предлагали отдать всѣ земли въ исключительное владѣніе общинъ, то нынѣ разсматриваемое нами возраженіе сохранило бы свою силу; но въ самомъ началѣ мы объявили себя противъ всякаго исключительнаго способа землевладѣнія. Впрочемъ разсмотримъ, какія улучшенія и нововведенія дѣйствительно не возможны при общинномъ владѣніи? Унавоживаніе земли не только удобно для нашихъ крестьянъ, но оно производится ими въ размѣрахъ, большею частью, далеко превышающихъ унавоживаніе полей помѣщичьихъ (1). Употребленіе усовершенствованныхъ орудій также почти всегда возможно для общинника, какъ и для личнаго владѣльца. Доказательствомъ можетъ служить употребленіе плуговъ, желѣзныхъ боронъ, катковъ и другихъ орудій во многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Подъемъ земель, разчистка ихъ изъ-подъ кустарника и проч. производятся въ мірскихъ дачахъ въ значительныхъ размѣрахъ. Какія же улучшенія не возможны при общинномъ владѣніи землею? Покупка дорогихъ машинъ молотильныхъ, вѣяльныхъ, жатвенныхъ (хотя эти послѣдніе снаряды, будь сказано не во гнѣвъ нашимъ ученымъ политико-экономамъ, доселѣ почти вовсе не употребляются и въ фермерскихъ хозяйствахъ, даже въ Англіи), сѣяльныхъ и другихъ. Но развѣ у мелкихъ личныхъ владѣльцевъ такія машины уже заведены? Крестьяне наши очень часто, въ числѣ пяти, десяти и болѣе дворовъ, сговариваются между собою и вы-

---

(1) Въ этомъ, можетъ быть, нѣкоторые читатели, и въ особенности наши политико-экономы, усомнятся. Оставляя въ сторонѣ мои личныя наблюденія по разнымъ губерніямъ, которыя могутъ быть сочтены недостаточными и, пожалуй, пристрастными, я сошлюсь на слѣдующія данныя, которыя, надѣюсь, убѣдятъ въ справедливости вышесказаннаго: у каждаго крестьянина имѣется, по крайней мѣрѣ, одна или двѣ лошади, одна или двѣ коровы и десятокъ головъ мелкаго скота (овецъ, свиней); слѣдовательно среднимъ числомъ можно принять на каждое тягло по 4 крупныя скотины. Среднее количество земли на тяглеца считается по двѣ десятины въ каждомъ полѣ. Слѣдовательно въ сложности можно принять, что въ крестьянскихъ хозяйствахъ содержится по двѣ скотины на десятину. Спрашивается, у многихъ ли помѣщиковъ обходится по двѣ скотины на каждую десятину господской запашки? Знаю навѣрное, что не льзя насчитать и одной трети помѣщиковъ, у которыхъ скотоводство достигло такихъ большихъ размѣровъ.

строиваютъ общую баню, овинъ, вырываютъ общій колодезь, держатъ общаго быка и проч. Отчего же не завести имъ общей молотильной или другой машины, какъ скоро они убѣдятся въ пользѣ и необходимости оной? А что наши крестьяне не враги нововведеній по хозяйству, *не стаціонарны* (употребляю любимое слово г. Вернадскаго), въ этомъ легко убѣдится всякій, кто приметъ на себя трудъ вглядѣться въ хозяйство нашихъ крестьянъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Россіи почти не унавоживали земли; теперь лишь однѣ самыя благословенныя губерніи не знаютъ труда вывозки назема, а крестьяне прочихъ мѣстностей на перерывъ другъ передъ другомъ удобриваютъ свои поля. Картофель вошелъ у крестьянъ въ общее употребленіе; у каждаго изъ нихъ онъ разводится въ огородахъ и доставляетъ значительное подспорье для прокормленія; въ иныхъ деревняхъ его сѣятъ даже въ яровомъ полѣ. «Но Русскіе крестьяне никогда не введутъ плодоперемѣннаго хозяйства,» скажутъ мнѣ наши агрономы и политико-экономы, «вѣдь для этого нужно согласіе всей общины, а когда вся община изъявитъ такое согласіе?»—Позвольте спросить: во многихъ ли частныхъ хозяйствахъ у насъ введено плодоперемѣнное хозяйство? А, гдѣ оно введено, много ли оно доставляетъ выгодъ? Было время, при началѣ моего хозяйничанія, что и я мечталъ о плодоперемѣнномъ хозяйствѣ, даже вводилъ его, но вскорѣ убѣдился, что оно еще намъ не по плечу. Дайте намъ время—пусть потребленіе мяса и разныхъ молочныхъ произведеній усилится, и мы непремѣнно умножимъ свои скотоводства (безъ чего плодоперемѣнное хозяйство не возможно); пусть вольнонаемная работа войдетъ въ общій обычай, и мы по необходимости заведемъ усовершенствованныя орудія и всякія машины; тогда, но только тогда, наступитъ время плодоперемѣнныхъ хозяйствъ. Теперь крестьяне на сходкѣ рѣшаютъ такой-то лугъ поднять, а такое-то поле запустить; тамъ, въ полѣ, гдѣ мало воды, вырыть общими силами, или на общія деньги прудъ, въ иномъ мѣстѣ осушить болото и для того съ тягла вырыть по стольку сажень канавъ, и проч.; со временемъ, по востребованію обстоятельствъ, въ слѣдъ за частными хозяйствами, и на мірскихъ поляхъ явится плодоперемѣнное хозяйство.— А дренажъ? А орошеніе полей и луговъ и проч.? *Довлѣетъ дневи злоба его*—не торопитесь, не отчаявайтесь, всѣ улучшенія могутъ быть и будутъ введены въ мірскія хозяйства, какъ скоро эти улучшенія будутъ необходимы. Конечно, частныя хозяйства подадутъ въ этомъ дѣлѣ примѣръ, но

въ этомъ и состоитъ главнѣйшее ихъ назначеніе. Можно навѣрное сказать, что наши мірскія поля скорѣе примутъ плодоперемѣнную систему, чѣмъ мелкія личныя владѣнія во Франціи. А это почему? Потому, что общинное владѣніе представляетъ готовое основаніе для всякихъ предпріятій сообща, тогда какъ при личномъ дробномъ владѣніи во Франціи всякое соединеніе до крайности затруднено отсутствіемъ связи между дачниками.

Что же касается до производства опытовъ, то оно весьма возможно при общинномъ владѣніи землею, лишь была бы на то охота, денежныя средства и нѣкоторая степень просвѣщенія; всѣ эти три условія встрѣчаются рѣже у мѣлкихъ владѣльцевъ, чѣмъ у большихъ и средственныхъ; но мірское владѣніе землею въ этомъ столько же виновато, сколько и дробная личная собственность. Впрочемъ не разъ Общества Сельскаго Хозяйства и Комитеты Выставокъ имѣли случай разсматривать разныя машины и орудія, сдѣланныя разными крестьянами, слѣдовательно общинниками. Мнѣ самому приходилось видѣть разныя крестьянскія изобрѣтенія и въ томъ числѣ ручную жатвенную машину, изобрѣтенную однимъ крестьяниномъ; правда, это послѣднее орудіе оказалось мало облегчающимъ и ускоряющимъ работу жнеца—но дѣло не въ результатѣ, а въ стремленіи. Пропашникъ одного Тульскаго крестьянина считается у свеклосахарныхъ заводчиковъ отмѣнно удобнымъ орудіемъ, и входитъ въ общее употребленіе. Даже опыты разныхъ посѣвовъ и удобреній производятся крестьянами; правда, они не печатаютъ объ нихъ; но за то наши кабинетные агрономы печатаютъ объ опытахъ, которыхъ на дѣлѣ они не производятъ. Изъ всего вышеизложеннаго, кажется, очевидно, что общинное владѣніе землею не представляетъ никакихъ непреоборимыхъ препятствій къ введенію полезныхъ улучшеній по сельскому хозяйству, и къ производству опытовъ, имѣющихъ цѣлію усовершенствованіе онаго.

Обвиняютъ еще общинное владѣніе, будто оно умаляетъ производительность земли, во 1-хъ лишая возможности вводить въ хозяйство нужныя улучшенія, а во 2-хъ ограничивая хозяйства малыми размѣрами, при чемъ не льзя съ выгодою обработывать землю. Первое обвиненіе, будто земля, находящаяся въ мірскомъ владѣніи, менѣе производительна, чѣмъ земля личнаго владѣнія, нами уже разсмотрѣно и, кажется, опровергнуто; а второе относится столько же къ личному дробному владѣнію, сколько и къ мірскому; считаемъ однако

необходимымъ здѣсь разсмотрѣть его. Конечно, самыя благопріятныя условія для воздѣлыванія земли представляются хозяйствами среднихъ размѣровъ. Это наблюденіе вѣрно, какъ у насъ, такъ и за границею. Л. Лавернъ говоритъ, что въ Англіи большія владѣнія вовсе не отличаются воздѣлкою, и что дачи средней и малой величины въ этомъ отношеніи ушли много впередъ; во Франціи также онъ отдаетъ преимущество въ обработкѣ средственнымъ владѣніямъ. У насъ, хотя имѣній хорошо устроенныхъ въ хозяйственномъ отношеніи вообще очень мало, однако сказанное замѣчаніе сохраняетъ свою силу. Слишкомъ малыя хозяйства какъ при личномъ, такъ и при мірскомъ владѣніи, представляютъ менѣе удобствъ для введенія разныхъ выгодныхъ производствъ, но въ этомъ отношеніи мірскія владѣнія имѣютъ еще нѣкоторыя преимущества: ибо первыя при раздѣлахъ между наслѣдниками по ровну, доходятъ до дробности чрезвычайной; недѣлимость же владѣній вообще имѣетъ свои великія неудобства, о которыхъ не мѣсто здѣсь говорить. Мірскія земли подвержены, конечно, передѣламъ; но онѣ могутъ быть удержаны, по приговору сходки или по обычаю, при извѣстной величинѣ; что нѣкоторыми общинами и теперь уже принято за правило (¹) Слѣдовательно мірскія земли могутъ не доходить до излишней дробности. Наши крестьянскіе участки, состоящіе въ среднихъ губерніяхъ большею частію изъ 8 десятинъ на тягло пахатной, луговой, выгонной и усадебной земли, представляютъ норму довольно удовлетворительную: крестьянское семейство можетъ пропитаться и покрыть необходимыя нужды отъ произведеній земли; участокъ можетъ быть обработанъ лошадьми и даетъ возможность содержать достаточное количество скота (²). Я

---

(1) Въ нѣкоторыхъ общинахъ количество тяголъ, слѣдовательно земленыхъ участковъ, остается всегда одно и тоже, а затяглые люди идутъ отъ семействъ на заработки. Скажу это яснѣе: въ иномъ домѣ могло бы быть три тягла, но, за недостаткомъ земленыхъ участковъ, сходка оставляетъ у него два тягла, а лишній человѣкъ идетъ на сторону добывать деньги.

(2) Много говорятъ о мелкихъ полоскахъ при мірскомъ владѣніи, но развѣ онѣ истекаютъ изъ самаго этого способа землевладѣнія? Развѣ нѣтъ мірскихъ полей безъ слишкомъ дробныхъ участковъ? Я знаю многія общины, гдѣ двухдесятинный надѣлъ крестьянина по каждому полю выдается ему въ четырехъ мѣстахъ, слѣдовательно полудесятинными полосами. Такой участокъ удобенъ для пахаты и посѣва, для жатвы и косьбы, и крестьяне не тратятъ излишняго времени на переходы съ одного мѣста работы на другое. Бѣда та, что у насъ любятъ приписывать самому началу то, что существуетъ тамъ и сямъ лишь по необходимости временной или

думаю, что такія хозяйства не менѣе производительны, чѣмъ хозяйства даже среднихъ размѣровъ. Если въ послѣднихъ болѣе матеріальныхъ средствъ, то въ первыхъ личный трудъ и личное усердіе хозяина должны принести много пользы. Во время страды крестьяне у себя работаютъ одинъ за двоихъ, даже ночью они возятъ хлѣбъ и косятъ овесъ; имъ въ это время и праздники ни по чёмъ; слѣдовательно въ самое нужное и дорогое время они удвоиваютъ свою дѣятельность, что не можетъ быть ни при какомъ, даже вольнонаемномъ большомъ или среднемъ, хозяйствѣ. Въ этомъ, вѣроятно, согласится съ нами г. Вернадскій, такъ сильно возстававшій противъ общиннаго труда (котораго вообще мы и не отстаиваемъ) и восхвалявшій, вполнѣ справедливо, личную дѣятельность. Есть еще въ этомъ дѣлѣ другія обстоятельства весьма важныя: при всякомъ большомъ и среднемъ хозяйствѣ затрачивается много капиталовъ и сверхъ того необходимо пропадаетъ довольно времени и разныхъ мелкихъ доходовъ, которые при личномъ хозяйствѣ обыкновенно сберегаются. Такимъ образомъ зимою, весною во время распутицы, осенью въ дурную погоду рабочіе при всякомъ, даже наемномъ, хозяйствѣ мало производятъ, а часто и ничего не дѣлаютъ; дома же у себя крестьяне никогда безъ дѣла не бываютъ: въ свободный часъ они то орудія или сбрую исправляютъ, то городьбу или дворъ чинятъ, то на продажу что̀ готовятъ, однимъ словомъ всякая минута, не занятая сельскими работами, употребляется въ пользу.—Скотина и птица, которыя водятся у крестьянъ, имѣющихъ свой домъ и дворъ, приносятъ доходъ тѣмъ болѣе значительный, что это разведеніе не сопряжено почти ни съ какими расходами. Жеребенокъ, теленокъ, ягнята и проч. выростаютъ и доставляютъ деньги, что̀ при бездомности крестьянъ было бы не возможно и пропадало бы даромъ. Отъ личнаго своего хозяйства крестьянинъ часто урывается на день-на два, и смотришь, онъ заработалъ полтинникъ или рубль серебромъ, иногда и болѣе. А извозы, доставляющіе много денегъ поселянамъ, возможны и

мѣстной. Пока унавоживаніе не вошло въ обычай, передѣлъ ежегодный считался удобнымъ; гдѣ почва очень не ровна, тамъ мелкія полосы и теперь почти необходимы. Жаль, что гг. политико-экономы и агрономы не вникли въ одно: наши общины руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ и обычаяхъ не общими, часто несправедливыми и неудобными правилами, а живымъ пониманіемъ дѣла, временными и мѣстными обстоятельствами, и желаніемъ при соблюденіи общихъ выгодъ, оказать каждому возможную справедливость.—

дешевы у насъ лишь потому, что они производятся большею частію крестьянами только между дѣлъ. Къ тому же крестьяне употреблютъ очень мало денегъ на обзаведеніе и ремонтъ всѣхъ вещей, которыя производятся и исправляются ими лично въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Сверхъ того многія вещи, нужныя для домашней жизни крестьянина, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для земледѣлія. А потому, если принять въ соображеніе расходы и доходы большихъ и среднихъ господскихъ экономій и малыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, то у насъ въ Россіи, особенно теперь и еще долго, барышъ останется на сторонѣ послѣднихъ. Экономіи, устроенныя съ большою затратою денегъ, могутъ еще подъ Петербургомъ и въ другихъ, весьма немногихъ мѣстностяхъ доставлять барышъ; во всѣхъ же прочихъ онѣ рѣшительно приносятъ скорѣе убытокъ, чѣмъ барышъ. Думаю, что опытные хозяева подтвердятъ сіе мое мнѣніе. Я счелъ бы долгомъ представить по этому предмету нѣкоторыя цыфры, но само обвиненіе высказано безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ, а какъ я вообще не охотникъ до цыфръ не вполнѣ точныхъ, съ каковыми въ настоящемъ случаѣ пришлось бы имѣть дѣло, то весьма охотно воздерживаюсь даже отъ приблизительныхъ разсчетовъ.—Еще одно слово объ этомъ возраженіи: съ чего взялось оно, т. е. какое его происхожденіе? Конечно не Русское, а очевидно Французское или Нѣмецкое. Тамъ личное дробное владѣніе породило и порождаетъ великія и для всѣхъ очевидныя неудобства: не куда скотъ выгнать (а держать его на стойлѣ, какъ требуютъ нѣкоторые агрономы, во многихъ мѣстностяхъ, и харчисто, и вездѣ требуетъ излишняго ухода); надобно поселянамъ жить уединенно на своемъ участкѣ, что вредно въ умственномъ и общественномъ отношеніи; не у многихъ владѣльцевъ есть водопой, лугъ и проч.; между отдѣльными личными владѣльцами нужно огромное количество канавъ и изгородокъ; а важнѣе всего то, что не возможно обработывать поля лошадьми и держать оныхъ при безпрестанно и все болѣе и болѣе дробящихся участкахъ личнаго владѣнія. Всѣхъ этихъ, почти ничѣмъ неустранимыхъ неудобствъ, при мірскомъ поземельномъ владѣніи, нѣтъ, а есть лишь такія, которыя легко отвращаются, и которыя поражаютъ не полевыхъ, а кабинетныхъ хозяевъ; а это почему? Единственно потому, что, начитавшись прекрасныхъ иностранныхъ агрономическихъ книгъ, но, къ несчастью, не переваривши принятой пищи, сіи послѣдніе повторяютъ чужія мнѣнія, ничего не испытавши у себя дома. Многіе изъ нашихъ

настоящихъ хозяевъ осуждали тотъ или другой обычай и распорядокъ мірскаго владѣнія, и предлагали разныя улучшенія и измѣненія, по востребованію мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ; но, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ опытный полеводъ не возставалъ противъ самаго способа этого пользованія или владѣнія землею. Да это и не возможно: легко блуждать и представлять небылицу въ лицахъ при теоретическихъ или фантастическихъ соображеніяхъ, но дѣло, производство и знаніе его на мѣстѣ отрезвляютъ всякаго и не позволяютъ видѣть бѣду, гдѣ ея нѣтъ, и желать того, что противно всему быту нашего народа. Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что возраженіе противъ общиннаго владѣнія землею, основанное на меньшей производительности онаго, совершенно несправедливо въ отношеніи къ Россіи.

Третье и послѣднее возраженіе: общественное владѣніе приковываетъ людей къ мѣсту жительства и препятствуетъ имъ обращаться на заработки туда, гдѣ бы они могли выручить болѣе денегъ. И это обвиненіе носитъ на себѣ клеймо не Русскаго завода! Одни одобряютъ, другіе осуждаютъ, но всѣ признаютъ расположеніе нашего народа къ кочевой особаго рода жизни, обнаруживающейся тѣмъ, что толпы рабочихъ устремляются на Сѣверъ, Югъ и Востокъ для заработокъ въ столицахъ, въ портахъ, въ степяхъ и проч. Какъ же при этомъ обвинять мірское владѣніе въ томъ, что оно приковываетъ крестьянъ къ землѣ? Очень просто: Лавернъ, Гаспарень и другіе агрономы обвиняютъ мелкое (личное) владѣніе во Франціи въ томъ, что оно приковываетъ поселянъ къ ихъ землѣ, притупляетъ ихъ способности и заставляетъ ихъ жить на своемъ клочкѣ земли даже и тогда, когда они не получаютъ отъ него достаточнаго пропитанія. Что естественнѣе для нашихъ жрецовъ Западной науки, какъ перевести Французскія наблюденія и заключенія на Русскій языкъ. Личное владѣніе удерживаетъ (и это вполнѣ справедливо) Французовъ на своемъ участкѣ и не позволяетъ имъ добывать деньги на сторонѣ; у насъ явленіе совершенно противное: люди идутъ на заработки за тысячу и болѣе верстъ, и дома остаются только необходимо нужные рабочіе и бабы. Это ни почемъ нашимъ ученымъ, и мірское дробное владѣніе подвергается тому же обвиненію, которому подлежитъ личное мелкое владѣніе. Да развѣ не видѣли мы въ обвинительномъ актѣ, нами перепечатанномъ, что все, сказанное на Западѣ противъ комунистовъ и соціалистовъ, обращено противъ общиннаго владѣнія землею, хотя не только оно не согласно съ ихъ системами, но совершенно и во всемъ имъ про-

тивоположно. Слова схожи, такъ и дѣла нѣтъ надобности различать. Нѣтъ, господа; прежде чѣмъ толковать о чемъ нибудь Русскомъ, надобно изучить это Русское. Наше общинное владѣніе землею *привязываетъ*, а *не приковываетъ* людей къ своей родинѣ; это не слова, а неопровержимые факты: нашъ поселянинъ охотно остается на родинѣ, пока это возможно и выгодно; но нужно ему ѣхать въ извозъ или идти на заработки, и онъ отправляется туда не изъ подъ-палки, а по собственному желанію и усмотрѣнію. Правда, онъ охотно возвращается домой, но тутъ нѣтъ, кажется, убытка въ политико-экономическомъ смыслѣ; между тѣмъ какъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніи тутъ выгода огромная; но объ этомъ мы будемъ еще говорить послѣ. Слѣдовательно и это возраженіе, при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи, разлетается въ прахъ.

Мы, кажется, окончили свой отрицательный трудъ, т. е. опроверженіе обвиненій, направленныхъ противъ общиннаго владѣнія землею. Эта задача была конечно не тяжела; но думаемъ, что не умолчали съ намѣреніемъ ни объ одномъ, хотя по видимому, дѣльномъ возраженіи. Очень будемъ благодарны всякому, кто укажетъ намъ на стороны вопроса, нами не замѣченныя. Такой отзывъ не будетъ оставленъ нами безъ отвѣта. Теперь слѣдуетъ намъ сказать, хоть вкратцѣ, почему мы такъ ревностно стоимъ за сохраненіе мірскаго владѣнія землею.

Во первыхъ, потому, что этотъ способъ владѣнія у насъ существуетъ. Конечно не все существующее хорошо (Боже насъ упаси отъ подобной слѣпоты!), но и не все существующее дурно. Существующее должно быть удержано, пока неудобства онаго не сознаны ясно и положительно. Мірское владѣніе землею не уличено во вредномъ дѣйствіи ни на Россію вообще, ни на земледѣльческое сословіе въ особенности; слѣдовательно оно должно быть сохранено. Сверхъ того народъ любитъ этотъ способъ владѣнія; на немъ основано то начало, которымъ проникнута вся жизнь Русская; нравы, обычаи, даже привычки нашихъ поселянъ спаяны съ этимъ учрежденіемъ. Такъ изъ чего же намъ уничтожать его? Въ угодность наукѣ (1)?

---

(1) Еще разъ считаемъ нужнымъ оговориться: мы, разумѣется, вовсе не противъ науки, которая изучаетъ всѣ представляющіяся ей явленія, и которая самостоятельно, но крайне оглядливо, смотритъ на предметы и судитъ объ нихъ. Здѣсь дѣло идетъ о такой *наукѣ*, которая тщеславится своею непогрѣшимостью, говоритъ о своихъ аксіомахъ, будто всегда, вездѣ и для

Нѣтъ! Настоящая наука не требуетъ и не можетъ требовать подобныхъ жертвъ: она по преимуществу соблюдательна, ей дорого то, что есть, она тщательно изучаетъ все туземное, проникается его духомъ, осуждаетъ съ сокрушеніемъ, и уничтожаетъ лишь по необходимости.— Наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, еще не произнесла своего рѣшительнаго приговора на счетъ общинной поземельной собственности въ Россіи. Она признала фактъ и теперь приступила къ изученію этого учрежденія, предоставляя своимъ дѣятелямъ разсмотрѣть различныя явленія его въ отношеніи какъ къ государству и обществу, такъ и къ частнымъ личностямъ. — Такъ чего же ради поднимать топоръ на многовѣковое дерево мірскаго поземельнаго владѣнія? Такъ—потому, и только потому, что его нѣтъ на Западѣ. Но развѣ мы должны повторить жизнь Запада? Развѣ у каждаго изъ его народовъ не было и нѣтъ своихъ особенностей? Почему же мы должны начать съ уничтоженія той нашей особенности, къ которой лежитъ такъ крѣпко душа всякаго Русскаго, и которая по сознанію, правда, немногихъ, но по внутреннему чувству многихъ, должна оставаться во главѣ зданія нашего общественнаго и частнаго хозяйства? На всѣ эти вопросы одинъ отвѣтъ: Delenda est Carthago. Гакстгаузенъ заставилъ признать статистическій фактъ существованія общины въ Россіи; будемъ надѣяться, что какой нибудь другой Нѣмецъ, или Англичанинъ, или Французъ насъ посѣтитъ и наконецъ убѣдитъ нашихъ экономовъ въ удобствахъ и необходимости мірскаго землевладѣнія для Россіи; а до того о людяхъ, требующихъ отмѣны общиннаго владѣнія землею, скажемъ съ сокрушеннымъ сердцемъ: *не вѣдятъ бо что творятъ.*

Во вторыхъ, мы настаиваемъ на удержаніи мірскаго землевладѣнія потому, что почти все, что мы видимъ, слышимъ и знаемъ въ нашихъ селахъ, основано на этомъ началѣ, и что, съ отмѣною онаго,

---

всѣхъ обязательныхъ, и считаетъ время, пространство и личность человѣка обстоятельствами безразличными, не заслуживающими никакого уваженія. Но гдѣ же такая *наука*? спросятъ, быть можетъ, нѣкоторые, не тщательно слѣдящіе за нашей литературою. Конечно въ Европѣ такой науки почти нѣтъ, но къ сожалѣнію у насъ она теперь господствуетъ, и многіе журналы суть усердные ея распространители. Замѣчательные образчики оной легко найти между прочимъ и въ «Экономическомъ Указателѣ»: но должно признаться, что перепечатанный нами обвинительный актъ противъ общиннаго владѣнія землею, можетъ быть признанъ, какъ читатель имѣлъ возможность лично убѣдиться, однимъ изъ образцовыхъ произведеній въ этомъ родѣ.

потребовалось бы пересоздать чуть-чуть не всю Россію. Наши деревни выстроены такъ, а не иначе потому, что крестьяне владѣютъ землею сообща; при введеніи личной поземельной собственности, вмѣсто нынѣ существующаго порядка, слѣдуетъ всѣмъ поселянамъ выйти на свои участки или оставаться въ большомъ отдаленіи отъ оныхъ. Въ первомъ случаѣ представляются слѣдующія неудобства: весьма многіе участки будутъ безъ воды, безъ луговъ и проч., а въ послѣднемъ предположеніи иные крестьяне будутъ имѣть близкіе, а другіе крайне отдаленные участки.—Полеводство наше должно быть измѣнено сейчасъ, ибо паръ на маломъ участкѣ не удобенъ; а возможно ли у насъ теперь введеніе плодоперемѣнной системы?—А съ скотоводствомъ что намъ дѣлать? По отмѣнѣ пара, необходимо держать весь скотъ круглый годъ на дворѣ, а откуда взять кормъ? Завести травосѣяніе? Но всѣ ли наши земли теперь къ тому способны? Указаны ли нашею наукою сельскаго хозяйства травы, пригодныя для каждой мѣстности?—Теперь сосѣдъ помогаетъ сосѣду въ обмолоткѣ овина, въ подачѣ сноповъ на одонье и проч; тогда всякій долженъ управляться одинъ, какъ сможетъ, или нанимать работника себѣ на помощь. Теперь у крестьянина нѣтъ пилы, бурова, другаго торпища и многаго тому подобнаго, и онъ беретъ все нужное на время у сосѣда; тогда, при нашихъ пространствахъ и непогодахъ, всякій запасайся самъ всѣмъ необходимымъ. — Вотъ главнѣйшія матеріальныя неудобства отмѣны общиннаго владѣнія, а сколько другихъ, не столь осязательныхъ, но не менѣе существенныхъ! Теперь одинъ староста, двое-трое правосудовъ, безъ труда и харчей, судятъ и рядятъ цѣлую деревню; тогда надобно будетъ устроить иначе весь порядокъ суда и управленія. Теперь крестьяне по вечерамъ зимою и лѣтомъ сходятся покалякать, пѣсни попѣть, въ хороводы поиграть и проч.; тогда вся общежительная часть ихъ быта должна быть совершенно измѣнена. Теперь крестьяне другъ друга знаютъ, ибо и рано и поздно они бываютъ вмѣстѣ; тогда каждый поселянинъ будетъ на своемъ участкѣ, и ихъ короткое знакомство между собою должно прекратиться. Теперь связи родства особенно сильны отъ сожитія крестьянъ въ одной деревнѣ; тогда и онѣ значительно ослабнутъ отъ рѣдкихъ свиданій. Теперь не льзя не пособить иному неимущему — вѣдь онъ односельянинъ, всегда на глазахъ; тогда крестьяне непремѣнно станутъ чуждаться другъ друга.—Если наши поселяне удивляютъ насъ часто своими мѣткими отвѣтами, мудрыми изреченіями,

многозначительными поговорками и пр., то конечно главною тому причиною воспитаніе, получаемое ими чрезъ общинный бытъ. Чѣмъ же мы это замѣнимъ? Учрежденіемъ школъ? Но и онѣ гораздо удобнѣе въ селахъ, чѣмъ при разбросанности усадьбъ (1). Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе вдумываешься въ обстоятельства, сопряженныя съ отмѣною общиннаго владѣнія землею, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ совершенной невозможности такого преобразованія и сильнѣе привязываешься къ нынѣ существующему въ семъ отношеніи порядку вещей.

Въ третьихъ, мы желаемъ сохраненія общиннаго владѣнія землею потому, что оно обѣщаетъ твердое и правильное устройство земледѣльческаго сословія въ Россіи. Если это состояніе важно вездѣ, то въ особенности оно важно въ государствѣ, которое признается всѣми по преимуществу земледѣльческимъ. Безъ владѣнія землею могутъ ли быть поселяне прочно и разумно устроены? Крестьянинъ безъ земли, что рыба безъ воды. Мы видимъ, что въ разныхъ странахъ Европы, и особенно въ Англіи, это сословіе вполнѣ убито, будучи лишено участія въ поземельной собственности. Тамъ земледѣльцевъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ: есть землевладѣльцы, фермеры и рабочіе; но эти послѣдніе не имѣютъ никакой осѣдлости, приписаны къ мѣстечкамъ и городамъ, и становятся земледѣльцами случайно, только по найму. Во всѣхъ Западныхъ государствахъ число поселянъ постоянно убываетъ, но въ Англіи уменьшеніе ихъ разительно. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ было тамъ до шести милліоновъ; нынѣ жъ, не смотря на общее приращеніе народонаселенія, число ихъ немногимъ чѣмъ превосходитъ четыре милліона. Радостное ли это явленіе? Одни говорятъ: да; другіе—нѣтъ. Мы не беремъ на себя рѣшить этотъ вопросъ безусловно (это по силамъ лишь *наукѣ* г. Вернадскаго, которая не позволяетъ и сомнѣвается въ благодѣтельности этого явленія); но мы думаемъ, что Россія должна стараться,— прочно и самостоятельно устроить у себя земледѣльческое сословіе; ей, конечно, не слѣдуетъ (да этого она никогда и не дѣлала) запирать изъ него исходъ по желанію и склонностямъ каждаго человѣка, но и не слѣдуетъ людей изъ этого состоянія толкать въ

(1) Въ одномъ изъ моихъ имѣній, церковь стоитъ въ верстѣ слишкомъ отъ села, и въ двухъ верстахъ отъ принадлежащей къ ней деревни; школа же устроена на церковной усадьбѣ. Мальчики часто зимою не могутъ ходить въ школу отъ холодовъ или мятелей.

затылокъ. Земледѣліе не такое ремесло, за которое люди берутся, отъ котораго отстаютъ и къ которому легко возвращаются: земледѣліе есть работа самая трудная, крайне непріятная и притомъ по вознагражденію самая недостаточная. Земледѣлецъ трудится на дождѣ и въ грязи, по холоду и на жару. Если онъ работаетъ по найму, то онъ постоянно смотритъ, какъ бы перейти къ другимъ менѣе тяжкимъ занятіямъ; а кто разъ отсталъ отъ земледѣлія, то уже рѣдко вновь обращается къ нему; одно участіе во владѣніи привязываетъ поселянъ къ землѣ и даетъ имъ силы переносить труды, неурожаи и другія невзгоды, неразлучныя съ хлѣбопашествомъ. Если желательно имѣть прочно устроенное сословіе земледѣльцевъ, то соблюденіе этого условія есть необходимость. Германія, приступившая позднѣе прочихъ западныхъ странъ къ устройству крестьянства, глубоко проникнута этою мыслью, и теперь оканчиваетъ въ этомъ смыслѣ свое преобразованіе. У насъ уже введено обычаемъ то положеніе, къ которому теперь стремятся многія государства въ Европѣ. Неужель такъ, безъ оглядки, рѣшимся превратить нашихъ поселянъ въ батраки и поденщики? Не думаю, чтобы такое преобразованіе было выгодно даже для нынѣшнихъ преимущественныхъ землевладѣльцевъ, но оно неминуемо должно оказаться гибельнымъ для крестьянства и вреднымъ для всего государства. Поселяне составляютъ у насъ сильнѣйшее сословіе не только по числу, но и по неиспорченнымъ могущественнымъ, нравственнымъ и физическимъ, силамъ. Въ другихъ земляхъ крестьяне составляютъ четверть, треть, двѣ пятыхъ народонаселенія, у насъ слишкомъ двѣ трети всѣхъ жителей суть земледѣльцы; неудобомыслима мѣра, въ силу коей это огромное большинство превратилось бы въ кочующій, бездомный, безземельный людъ. Насчетъ превосходства этого сословія въ нравственномъ отношеніи, мнѣнія еще могутъ быть различны; но не льзя, кажется, не признать самостоятельности крестьянства, его могущества и стойкости. И это сословіе, главную основу нашего массивнаго величія, хотятъ лишить земли и предать батрачеству! Нѣтъ! это сущая невозможность: скорѣе вода пойдетъ противъ своего обычнаго теченія, чѣмъ Русскій поселянинъ можетъ быть оторванъ отъ земли, упитанной его потомъ. Одно средство навсегда его успокоить, привязать его къ общему порядку и къ земледѣлію, есть — предоставить ему участіе въ поземельной собственности. И у насъ это будетъ не нововведеніемъ, а только законнымъ освященіемъ того, что существуетъ

издавна. Но во Франціи великія неудобства происходятъ отъ крестьянскаго поземельнаго владѣнія; какъ намъ ихъ избѣжать? Мірское владѣніе землею спасаетъ насъ отъ всѣхъ бѣдствій того землевладѣнія, которое оказывается столь неудобнымъ во Франціи. Мы уже выше доказали, что весьма удобно предупредить излишнюю дробность участковъ, что мірское владѣніе землею вовсе не противно улучшеніямъ и нововведеніямъ, что излишней прикрѣпленности крестьянъ къ землѣ у насъ нѣтъ и проч. Сверхъ того великую выгоду представляетъ мірское владѣніе въ томъ, что оно устраняетъ на долгое время, быть можетъ навсегда, возможность пролетаріата, этой великой язвы Европейскихъ государствъ (1). Мы не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ; ибо полезное дѣйствіе мірскаго владѣнія въ этомъ отношеніи, кажется, не оспоривается даже его хулителями, хотя, правда, они намекаютъ на то, что при этомъ способѣ владѣнія, почти всѣ общинники, чуть-чуть не пролетаріи. Послѣ всего нами сказаннаго, считаемъ излишнимъ останавливаться на этомъ намекѣ, и для полнаго опроверженія его подождемъ, чтобъ обвиненіе было высказано яснѣе и положительнѣе.

Въ четвертыхъ, мы защищаемъ мірское владѣніе землею еще потому, что оно преимущественно содѣйствуетъ къ устойчивости нашего государства. Конечно, крѣпость нашей державы составляетъ не то или иное сословіе, но совокупность оныхъ—весь народъ; не льзя однако не признаться, что въ эту сокровищницу крестьянство влагаетъ лепту великую. Мы разумѣемъ здѣсь не то только, что они высылаютъ всего болѣе воиновъ, платятъ всего болѣе податей, исправляютъ всего болѣе повинностей и проч., но въ особенности то, что они суть представители по преимуществу нашей народности. Всѣ сословія болѣе или менѣе увлекались иноземными мыслями, правами и обычаями; крестьянство менѣе прочихъ поддалось чуждому вліянію и сохранило для насъ тѣ начала Русской жизни, которыя теперь мы изучаемъ, которыми стараемся проникнуться, къ которымъ прибѣгаемъ при всякой общей бѣдѣ, и которыя одни обѣщаютъ на-

---

(1) Правда, г. Вернадскій говоритъ, что пролетаріевъ нѣтъ и въ Англіи въ земледѣльческомъ сословіи; удивительно ли это, когда тамъ нѣтъ и самаго земледѣльческаго сословія? Всѣ земли принадлежатъ частнымъ лицамъ; кому охота держать нищихъ въ своихъ дачахъ? за то они сосредоточиваются въ мѣстечкахъ и городахъ., и тамъ милліоны фунтовъ стерлинговъ тратятся на ихъ содержаніе.

шей странѣ могущество и спокойствіе. Знаю, что иные называютъ это *китайствомъ*, *стаціонарностью* и проч.; признаться мы не за такъ называемый *прогрессъ во что бы то ни стало;* иное стремленіе впередъ даже хуже стоянія на мѣстѣ — иное движеніе впередъ ведетъ не къ цѣли, а отъ цѣли. Конечно, ни въ личномъ, ни въ общественномъ, ни въ государственномъ отношеніи мы не за неподвижность, но ея собственно и нѣтъ въ Русскомъ умѣ. Если она будто является нашимъ взорамъ, то это только потому, что наши глаза, физическіе и умственные, привыкли къ инородной образованности и быту, и что крестьянство предпочло на время остановиться, чѣмъ блуждать по несвойственнымъ (ему и всѣмъ намъ) путямъ. Въ отношеніи къ сельскому хозяйству — той части человѣческой дѣятельности, которая особенно склонна къ застою, мы не нашли этого недостатка въ Русскомъ человѣкѣ, что, кажется, если не доказали, то по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько указали мы на предыдущихъ страницахъ. Думаемъ, что въ различныхъ статьяхъ нашего изданія за предыдущій и нынѣшній годы, безпристрастный читатель уже нашелъ много доказательствъ тому, что Русскій народъ и въ прочихъ отношеніяхъ за успѣхъ разумный. Если это такъ, то не общинному ли быту, а слѣдовательно не мірскому ли владѣнію землею въ особенности, которое составляетъ преимущественную основу крестьянской жизни, обязаны мы устойчивостью нашей страны? Чѣмъ былъ бы нашъ поселянинъ, чѣмъ были бы мы всѣ, если бъ, продолжая блуждать по огромнымъ нашимъ пространствамъ, нынѣ тутъ, завтра тамъ онъ нанимался въ рабочіе, или, лишенный всякой собственности, былъ въ полномъ распоряженіи своихъ хозяевъ? Къ счастью, чего положительно не установилъ законъ, то сдѣлалъ обычай, утвержденіе котораго должно быть искреннимъ и сильнѣйшимъ желаніемъ всякаго Русскаго.

Вотъ главнѣйшія причины, побуждающія насъ стоять всѣми силами за сохраненіе мірскаго владѣнія землею; но сколько другихъ второстепенныхъ, но еще весьма значительныхъ доводовъ имѣемъ мы въ пользу нашего мнѣнія. Этотъ способъ владѣнія связываетъ членовъ общины, какъ между собою, такъ и всѣхъ въ одну нераздѣлимую единицу. Развѣ это не важно? Или въ этомъ заключается какое нибудь неудобство, опасность? Мы съ своей стороны видимъ въ этомъ лишь выгоду для государства и для народа. Когда намъ докажутъ, что цѣль всякаго общества есть разъединеніе, и что въ немъ

одномъ заключается его спасеніе, тогда, а не прежде, отступимъ мы отъ своего мнѣнія. Мірское владѣніе землею, доставляя прочную основу для единичнаго дѣйствія общины, тѣмъ самымъ доставляетъ правительству возможность возлагать отвѣтственность въ уплатѣ податей, въ поставкѣ рекрутовъ и въ другихъ дѣлахъ на цѣлую общину, что гораздо удобнѣе для правительства и для частныхъ лицъ, чѣмъ первому, имѣть дѣло съ отдѣльными людьми и чѣмъ послѣднимъ каждому въ особенности вѣдаться съ казною. Этотъ способъ владѣнія также дѣлаетъ возможнымъ нравственный надзоръ поселянъ другъ за другомъ; сверхъ того онъ основываетъ на разумныхъ, справедливыхъ и цѣли-соотвѣтственныхъ началахъ благотворительность. Впрочемъ, уже сказаннаго нами, кажется, достаточно для убѣжденія всякаго безпристрастнаго читателя въ необходимости и удобствахъ удержанія существующаго у насъ общиннаго владѣнія землею; но мы предоставляемъ себѣ въ послѣдствіи еще не разъ поговорить о семъ кровномъ для насъ дѣлѣ и развить въ большей подробности всѣ благодѣтельныя его дѣйствія у насъ въ Россіи.

—

Слѣдовало бы отдѣльно поговорить о статьѣ г. Струкова: *Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства*, ибо въ этомъ сочиненіи есть дѣльныя мысли и вѣрныя частныя наблюденія; но мы боимся увлечься за границы журнальной статьи. Видно, что авторъ знаетъ бытъ крестьянъ не изъ книгъ и разсказовъ, и что сельское хозяйство извѣстно ему изъ нагляднаго съ нимъ знакомства. Къ сожалѣнію, чтеніе иностранныхъ сельскихъ и государственныхъ экономистовъ породило въ немъ нѣкоторыя предубѣжденія, которыя не позволяютъ ему смотрѣть безпристрастно на нашъ сельско-хозяйственный бытъ и заставляютъ его видѣть въ общинномъ поземельномъ владѣніи главный камень преткновенія для всякихъ улучшеній по полеводству. Излишнимъ было бы перебирать возраженія г. Струкова противъ этого способа землевладѣнія потому, что въ сущности они содержатъ то же, что мы уже опровергли выше; нѣкоторыя же его особенныя мнѣнія по хозяйству и по крестьянскому житью-бытью, какъ не прямо относящіяся къ предмету, нами разсматриваемому, стоятъ отдѣльнаго разбора; но оцѣнка ихъ, здѣсь въ концѣ статьи, уже и безъ того длинной, была бы не совсѣмъ умѣстна; а потому мы спѣшимъ перейти къ статьямъ «Современника», которыя имѣютъ для насъ особенную важность.

Честь и слава сему журналу за возбужденіе вполнѣ современнаго и крайне важнаго спора объ общинномъ пользованіи или владѣніи землею (1)! Этимъ онъ оказалъ услугу нашей словесности и нашей наукѣ; правда, вопросъ сей поднятъ собственно не имъ, но спасибо ему за то, что онъ заставилъ противниковъ Русскаго общиннаго начала высказать свое мнѣніе нѣсколько связно и положительно. Отъ души благодаря «Современникъ» за этотъ его подвигъ, мы признаемъ однако долгомъ оттѣнить наши убѣжденія по сему предмету отъ нѣкоторыхъ мнѣній, имъ по оному же высказанныхъ. Хотя мимоходомъ, мы не можемъ однако не изъявить сожалѣнія, что онъ не довольно проникнутъ мыслью о необходимости защищать правое дѣло правыми же путями. Если бъ онъ былъ убѣжденъ въ этомъ надлежащимъ образомъ, то конечно, многое, сказанное имъ собственно (какъ онъ говоритъ) для «Экономическаго Указателя», было бы имъ опущено, и онъ не позволилъ бы себѣ нѣкоторыхъ нелитературныхъ выходокъ. «Современникъ», кажется, хлопоталъ болѣе о томъ, чтобъ выказаться правымъ, чѣмъ о правотѣ самаго дѣла, и въ заботахъ о себѣ и противникѣ своемъ, онъ часто забывалъ о важности защищаемаго имъ предмета. Послѣдняя статья, подписанная г. Чернышевскимъ, къ сожалѣнію, такова, что г. Вернадскій почти не можетъ ему отвѣчать — слѣдовательно «Современникъ», пріобрѣтшій права на общую признательность возбужденіемъ спора объ общинной поземельной собственности, чуть-чуть не лишился оныхъ вполнѣ допущеніемъ софистической діалектики, неприличныхъ обращеній къ лицу оппонента и вообще употребленіемъ способовъ, отвергаемыхъ благонамѣренною критикою. Сверхъ того онъ затемнилъ дѣло, сославшись на историческіе факты болѣе чѣмъ сомнительные, провозгласивъ аксіомы далеко небезусловно вѣрныя, и перенеся споръ на почву той *общечеловѣческой науки*, на основаніи которой трудно защищать всякое живое, туземное учрежденіе. — Но поспѣшимъ къ дѣлу.

---

(1) Правда, «Экономическій Указатель» — противнаго мнѣнія: онъ не считаетъ этотъ споръ «ни современнымъ, ни столь важнымъ, сколько онъ можетъ казаться тревожному воображенію дилеттантовъ въ наукѣ, для которыхъ ново то, чего они не знали.» Что подумать о такомъ отзывѣ? Привычка ли всегда смотрѣть изъ окна или собственно мнимая *наука*, для которой не ново даже и то, чего она не знаетъ, виною этого притупленія зрѣнія и слуха для дѣлъ домашнихъ?

«Современникъ» (№ 5 стр. 134) выставилъ шесть положеній, которыми и вызванъ былъ нами разобранный отвѣтъ «Экономическаго Указателя». Защищая съ «Современникомъ» одно и тоже мнѣніе, т. е. необходимость сохраненія общиннаго владѣнія землею въ Россіи, мы, къ великому нашему прискорбію, не можемъ вполнѣ согласиться ни съ однимъ изъ его положеній. Объяснимся обстоятельнѣе.

Положеніе 1-е. «Принципъ общиннаго пользованія землею самъ по себѣ не можетъ быть признанъ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.»

Принципъ общиннаго пользованія землею *самъ по себѣ* не можетъ по нашему мнѣнію, быть признанъ ни несовмѣстнымъ, ни совмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ въ собственномъ смыслѣ общины, мірское владѣніе не возможно или сопряжено съ такими неудобствами, что не льзя признать его совмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства. Если бъ дѣйствительно гдѣ-либо существовала община по очерку г. Вернадскаго, или если бъ кому-нибудь пришла мысль такую общину устроить, то тамъ, конечно, принципъ общиннаго пользованія землею оказался бы вполнѣ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства. Но тамъ, гдѣ община испоконъ вѣка существуетъ, гдѣ она не введена въ силу закона, а установлена обычаемъ, и сама сдѣлалась кореннымъ, самосущимъ, всепроникающимъ обычаемъ, тамъ, какъ мы выше показали, общинное владѣніе землею вовсе не препятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Слѣдовательно это начало, постановленное вообще въ безусловной формѣ, ложно; и противники могутъ побѣдоносно его опровергнуть; но примѣненное къ одной какой-либо странѣ, оно вѣрно или не вѣрно, глядя по тому, о какомъ обществѣ идетъ дѣло. Такъ, отвергая тезисъ «Современника» въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выставленъ, мы вполнѣ съ нимъ соглашаемся, на сколько онъ относится къ Россіи.

Положеніе 2-е. «Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства, желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества».

Положеніе 3-е. «Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.»

Положеніе 4-е. «Даже и въ предшествующее время, когда, при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія, дѣйствія закона безграничной конкурренціи не были бы еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.»

Эти три тезиса такъ не ясны и странны, что мы постигли ихъ смыслъ только по прочтеніи слѣдующихъ двухъ статей «Современника.» Теперь мы видимъ, что наши понятія объ общинѣ весьма различны отъ мнѣній «Современника» по сему предмету. Предоставляя г. Вернадскому слѣдить за своимъ противникомъ по Франціи и Англіи, мы скажемъ только, что ассоціацію Французскую мы считаемъ существенно различною отъ нашей общины и даже отъ нашей артели, и вотъ въ чемъ мы находимъ эту разницу. Западные народы, образованные подъ дѣйствіемъ начала личной собственности, могутъ соединяться для общаго труда или иной общей цѣли, но только по договору, коего всѣ пункты ими свободно устанавливаются и опредѣлительно означаются, и только въ мѣрѣ, необходимо нужной для достиженія цѣли ассоціаціи. Наша община соединена закономъ необходимости: такой-то родился въ извѣстномъ селѣ и тѣмъ самымъ онъ уже членъ сельской общины. Конечно, въ эту общину люди входятъ и изъ нея выходятъ по своей волѣ, но характеръ общины не измѣняется. Наши артели удержали за собою эту особенность: двадцать, тридцать человѣкъ приходятъ въ Петербургъ или иное мѣсто— они не условливаются обстоятельно съ старыми артельщиками въ статьяхъ общаго договора, но пристаютъ просто къ артели, принимаютъ ея обычай и становятся полными, какъ бы старыми членами. Отъ чего это? Отъ того, что всѣ люди воспитаны общиннымъ началомъ у себя дома. Западные люди соединяются на столько, на сколько это необходимо; Русскіе родятся общинниками, и они необщинники только въ мѣрѣ, необходимой для сохраненія своей личности и своего семейнаго быта. Слѣдовательно для первыхъ общинное начало есть исключеніе, къ которому они по необходимости прибѣгаютъ; для послѣднихъ же оно есть правило, отъ котораго они только по необходимости отступаютъ. Тамъ ассоціація есть произведеніе искусственное, ограниченное по времени и по особенному своему назначенію; здѣсь община есть нѣчто живое, есть явленіе постоянное, есть средство къ достиженію всякихъ человѣческихъ

цѣлей. Думаемъ, что начало ассоціаціи на Западѣ будетъ все болѣе усиливаться и распространяться, но не смѣемъ предаваться надеждѣ, чтобъ общинное начало могло быть возставлено тамъ, гдѣ его уже нѣтъ, и гдѣ личная собственность овладѣла всею или почти всею землею. Для этого потребовался бы такой переворотъ, такое потрясеніе, какого свѣтъ еще никогда не видывалъ, и о которомъ даже гадательно трудно говорить. — «Современникъ» наведенъ, кажется, на любовь къ Русской общинѣ его подобострастнымъ расположеніемъ къ Западнымъ ассоціаціямъ: онъ прельстился томошнимъ соединеніемъ людей для общаго труда; онъ съ восторгомъ взвидѣлъ подобное явленіе на своей родинѣ; но ему хочется образовать нашу мужицкую общину, дать ей положительные законы, исправить ея недостатки и указать, къ чему она должна стремиться. Онъ очень заботливо оправдываетъ прорухи нашей общины, но гладя ее по головкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохраняетъ въ отношеніи къ ней свое достоинство цивилизованнаго Европейца. Такъ, онъ проситъ не ставить ей въ вину ежегодные раздѣлы земли, увѣряя, что отъ нихъ она готова отказаться, и предлагая безусловно ихъ воспретить. Даже въ послѣднемъ (шестомъ) своемъ тезисѣ онъ придумалъ для нея новое усовершенствованіе, которое и желаетъ ей навязать, хотя бы и безъ ея согласія. Мы, напротивъ того, смотримъ на нашу общину совершенно иначе: сознавая весьма многія ея несовершенства, мы убѣждены, что ихъ исправить, безъ ущерба единства и самостоятельности, можетъ она одна. Совѣты «Современника» и другихъ людей умныхъ и просвѣщенныхъ она готова выслушать съ благодушіемъ и признательностью, но принять или отвергнуть ихъ должно быть ея дѣломъ. Да и она сама вовсе не такъ не подвижна и враждебна къ нужнымъ улучшеніямъ, какъ думаютъ нѣкоторые даже ея друзья: передѣлы пахатной земли вывелись у насъ въ большей части губерній, не столько вслѣдствіе внѣшняго какого-либо распоряженія, сколько по собственному усмотрѣнію общинъ. Въ благодатныхъ странахъ восточной и южной полосы Европейской Россіи, они еще въ обычаѣ; тамъ они не только не неудобны, но даже весьма справедливы и полезны: тамъ земли не требуютъ еще удобренія, и сверхъ того онѣ весьма не равнокачественны, слѣдовательно, если кому достается худой жеребій въ нынѣшнемъ году, то онъ можетъ оправиться, получа вскорѣ иной лучшій участокъ земли. Что же касается до луговъ, то почти вездѣ они передѣляются ежегодно, ибо необходимость

ихъ улучшенія еще у насъ такъ мало сознана, что весьма немногіе личные собственники къ тому приступили. Тоже должно сказать и объ умаленіи участковъ или объ удержаніи ихъ при одномъ и томъ же числѣ. Община въ этомъ дѣлѣ лучшій судья. Если земли еще пространны, то она прибавляетъ число дробей; въ противномъ случаѣ она предоставляетъ излишнимъ людямъ на сторонѣ добывать себѣ деньги. Опредѣлить закономъ *minimum* надѣла есть вещь невозможная: въ иномъ мѣстѣ и десятина въ полѣ есть участокъ хорошій, а въ другомъ и полторы и даже двѣ десятины не достаточны для прокормленія крестьянскаго семейства. — Въ сихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ необходимо предоставить общинѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію, и это тѣмъ удобнѣе, что она въ этомъ поступаетъ мудрѣе мудрецовъ. Для примѣра разскажу быль. Признавая ежегодные передѣлы неудобными тамъ, гдѣ земли требуютъ удобренія, мудрецы предлагали назначить положительные сроки—десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ. Общины, во всѣхъ случаяхъ, когда онѣ были предоставлены сами себѣ, рѣшали это дѣло совершенно иначе: онѣ дѣлили земли *на многія лѣта*. Этимъ онѣ достигли того, что крестьяне продолжаютъ удобривать свою землю до минуты передѣла, тогда какъ всякіе опредѣлительные сроки, при своемъ истеченіи, превратились бы въ кратковременные, почти ежегодные передѣлы, при которыхъ всякое унавоживаніе не возможно. Но въ вознагражденіе людей, только что удобрившихъ свои нивы, общины установили обычаемъ, при передѣлахъ, оставлять за прежними хозяевами тѣ участки, съ которыхъ они еще не сняли, по удобреніи, двухъ хлѣбовъ. Вотъ какъ мудро дѣйствуетъ наша община! А потому слѣдуетъ намъ съ крайнею осторожностью вмѣшиваться въ ея распорядки.

Положеніе 5-е. «Потому и въ настоящее время благо государства, тождественное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землею.»

Положеніе 6-е. «Всѣ возраженія противу общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ, отъ общины, прежняго обработывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходятъ къ другому члену общины.»

Въ отношеніи къ 5-му положенію мы должны сослаться на сказанное

нами по поводу перваго тезиса «Современника,» а въ отношеніи къ 6-му и послѣднему его положенію мы уже объяснились, расматривая его 2, 3 и 4 тезисы. Добавить къ этому остается намъ только нѣсколько словъ.

Г. Чернышевскій защищаетъ мірское пользованіе или владѣніе землею—въ этомъ мы съ нимъ вполнѣ согласны, но г. Чернышевскій смотритъ на нынѣшнюю нашу общину какъ на ступень къ другой, гдѣ явится общинный трудъ со всѣми принадлежностями; туда за г. Чернышевскимъ мы слѣдовать не расположены. Онъ обвиняетъ насъ въ фантастическихъ увлеченіяхъ (1); а это что такое? Нѣтъ! останемся лучше на почвѣ дѣйствительности, посвятимъ свои умственныя силы настоящему времени и не будемъ теряться въ догадкахъ и предположеніяхъ. Конечно, общинный трудъ бываетъ и теперь, а въ

---

(1) Забавна боязнь г. Чернышевскаго попасть въ Славянофилы: онъ безпрестанно оговаривается, что вовсе не одобряетъ *тѣхъ промаховъ*, *тѣхъ теоретическихъ заблужденій*, *тѣхъ фантастическихъ увлеченій*, *тѣхъ странныхъ особенностей*, которыя такъ справедливо (по его словамъ) становятся Славянофиламъ въ вину. Онъ увѣряетъ, что видитъ и сознаетъ ихъ вполнѣ и что осуждаетъ ихъ не менѣе, чѣмъ кто либо.—Мы не считаемъ себя принадлежащими къ какой либо особенной партіи, и не думаемъ обозначать свой образъ мнѣній словомъ: *Славянофильство*; но будучи издателемъ журнала, называемаго (конечно не нами) Славянофильскимъ, мы не можемъ не принять на свой счетъ этихъ упрековъ, дѣлаемыхъ не однимъ г. Чернышевскимъ; а потому обращаемся какъ къ нему, такъ и ко всѣмъ нашимъ порицателямъ съ покорнѣйшею прозьбою составить хоть перечневый списокъ главнымъ промахамъ, заблужденіямъ, увлеченіемъ и особенностямъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, виновны такъ называемые Славянофилы. Смѣемъ думать, что хотя бы онъ содержалъ еще болѣе пунктовъ, чѣмъ громоносная Филиппика г. Вернадскаго противъ общиннаго поземельнаго владѣнія, однако простое изложеніе и сопоставленіе различныхъ намъ дѣлаемыхъ упрековъ, уже болѣе чѣмъ на половину убѣлитъ насъ въ глазахъ самихъ нашихъ противниковъ. Остальныя за тѣмъ обвиненія, послѣ нѣсколькихъ объясненій, получатъ нѣкоторую опредѣлительность и могутъ быть предметомъ пренія, которое, думаю, будетъ не безъ пользы для самой науки. Ожидаемъ отъ любви къ истинѣ и безпристрастію, о которой «Современникъ» и прочіе журналы такъ много говорятъ, что они или уважутъ нашу прозьбу, или воздержатся на будущее время отъ упрековъ вполнѣ не опредѣлительныхъ и выражаемыхъ въ такихъ общихъ словахъ, что нѣтъ возможности не только на нихъ отвѣчать, но даже ихъ понимать. Спѣшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить г. Чернышевскаго на счетъ его опасенія попасть въ число единомышленниковъ «Бесѣды»: онъ можетъ съ нами согласиться еще въ весьма многомъ, а между его и нашимъ образомъ мыслей останется, не смотря на то, разстояніе вполнѣ достаточное для охраненія его достоинства *цивилизованнаго* Европейца.

послѣдствіи вѣроятно онъ и усилится, но не будемъ навязывать общинѣ своихъ частныхъ мыслей и тѣмъ давать нашимъ противникамъ новыя оружія для нападокъ на правое дѣло. Доводы г. Вернадскаго и всѣхъ противниковъ общины очень слабы, и ихъ опровергать, кажется, не трудно, но если мы будемъ предлагать свои способы для вознагражденія, свои правила для общиннаго управленія и проч., то мы будемъ себѣ только затруднять защиту и дѣлу не помогать, а вредить. Желаемъ, чтобы «Современникъ» принялъ наши замѣчанія благодушно, и изученіемъ общины на дѣлѣ, дошелъ до сознанія истиннаго ея духа, стройности ея дѣйствій и достаточности способовъ къ собственному и постепенному ея развитію. Прибавимъ: эта послѣдняя часть задачи, думаемъ, будетъ не такъ трудна, какъ первая: онъ полюбилъ Русскую общину—это главное; если съ этимъ чувствомъ онъ приступитъ къ ея узнанію, то, конечно, она не скроетъ отъ него своихъ дѣйствій, которыя остаются въ видѣ какихъ-то непостижимыхъ тайнъ лишь для людей предубѣжденныхъ, а потому и лишенныхъ способности видѣть своими глазами и слышать своими ушами.

А. Кошелевъ.

Октябрь 1857.

